

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

Общая редакция Д. Рязанова и И. Степанова

КАРЛ МАРКС

КАПИТАЛ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Том второй

КНИГА ВТОРАЯ

ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА

Издание, подготовленное Ф. ЭНГЕЛЬСОМ

Перевод под редакцией В. БАЗАРОВА и И. СТЕПАНОВА,
пересмотренный И. СТЕПАНОВЫМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Гиз. № 3848.

Главлит. № 5572. Москва.

Напеч. 20.000 экз.

„Мосполиграф“. 1-я Образцовая типография, Пятницкая, 71.

СОДЕРЖАНИЕ.

Содержание	III
Предисловие	VII

Книга вторая.

Процесс обращения капитала.

Отдел первый.

Метаморфозы капитала и их кругооборот.

Глава первая. Кругооборот денежного капитала	1
I. Первая стадия: $D—T$	2
II. Вторая стадия: функция производительного капитала	10
III. Третья стадия: $T—D'$	14
IV. Кругооборот в целом.	25
Глава вторая. Кругооборот производительного капитала	36
I. Простое воспроизводство.	38
II. Накопление и воспроизводство в расширенном масштабе	51
III. Накопление денег	56
IV. Резервный фонд	58
Глава третья. Кругооборот товарного капитала.	60
Глава четвертая. Три фигуры процесса кругооборота.	73
Натуральное, денежное и кредитное хозяйство.	89
Покрытие спроса и предложения	90
Глава пятая. Время обращения.	94
Глава шестая. Издержки обращения	102
I. Чистые издержки обращения.	102
1) Время купли и продажи	102
2) Ведение книг	106
3) Деньги	108
II. Издержки хранения	109
1) Образование запаса вообще	110
2) Собственно товарный запас	116
III. Издержки транспорта.	121

Отдел второй.

Оборот капитала.

	<i>Стр.</i>
Глава седьмая. Время и число оборотов	125
Глава восьмая. Основной капитал и оборотный капитал	128
I. Различия формы	128
II. Составные части, возмещение, ремонт, накопление основного капитала	141
Глава девятая. Общий оборот авансированного капитала. Циклы оборотов	155
Глава десятая. Теории основного и оборотного капитала. Физиократы и А. Смит	161
Глава одиннадцатая. Теории основного и оборотного капитала. Рикардо	187
Глава двенадцатая. Рабочий период	200
Глава тринадцатая. Время производства	211
Глава четырнадцатая. Время обращения	221
Глава пятнадцатая. Влияние времени оборота на величину авансируемого капитала	229
I. Рабочий период равен периоду обращения	238
II. Рабочий период больше периода обращения	242
III. Рабочий период меньше периода обращения	247
IV. Результаты	251
V. Влияние изменения цен	257
Глава шестнадцатая. Оборот переменного капитала	265
I. Годовая норма прибавочной стоимости	265
II. Оборот индивидуального переменного капитала	280
III. Оборот переменного капитала с общественной точки зрения	285
Глава семнадцатая. Обращение прибавочной стоимости	291
I. Простое воспроизводство	297
II. Накопление и расширенное воспроизводство	317

Отдел третий.

Воспроизводство и обращение всего общественного капитала.

Глава восемнадцатая. Введение	324
I. Предмет исследования	324
II. Роль денежного капитала	327
Глава девятнадцатая. Прежние представления о предмете	332
I. Физиократы	332
II. А. Смит	336
1) Общие положения Смита	336
2) Разложение меновой стоимости у Смита на $v + m$	344
3) Постоянная часть капитала	347
4) Капитал и доход у А. Смита	352
5) Резюме	359
III. Позднейшие экономисты	364

	Стр.
Глава двадцатая. Простое воспроизводство	366
I. Постановка вопроса	366
II. Два подразделения общественного производства	369
III. Обмен между двумя подразделениями: I ($v + m$) на II с	372
IV. Обмен в пределах подразделения II. Необходимые средства существования и средства роскоши	377
V. Денежное обращение как посредствующее звено обменов	386
VI. Постоянный капитал подразделения I	397
VII. Переменный капитал и прибавочная стоимость в обоих подразделениях	400
VIII. Постоянный капитал в обоих подразделениях	404
IX. Регрессивный взгляд на А. Смита, Шторха и Рамсея	409
X. Капитал и доход: переменный капитал и заработная плата	413
XI. Возмещение основного капитала	425
1) Возмещение в денежной форме убыли стоимости от снашивания	428
2) Возмещение основного капитала in natura	433
3) Результаты	442
XII. Воспроизводство денежного материала	445
XIII. Теория воспроизводства Детью де-Траси	456
Глава двадцать первая. Накопление и расширенное воспроизводство	465
I. Накопление в подразделении I	468
1) Образование сокровища	468
2) Дополнительный постоянный капитал	472
3) Дополнительный переменный капитал	477
II. Накопление в подразделении II	478
III. Схематическое изображение накопления	482
1) Первый пример	486
2) Второй пример	490
3) Возмещение II с при накоплении	496
IV. Дополнительные замечания	498

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Подготовить к печати вторую книгу „Капитала“ и при том так, чтобы она представляла, с одной стороны, связанное и по возможности законченное произведение, а с другой стороны, произведение исключительно автора, а не издателя,—это было не легкой работой. Многочисленность подвергавшихся переработке рукописей, носящих в большинстве случаев характер набросков, затруднила задачу. Вполне подготовлена для печати была, самое большее, одна единственная рукопись (IV), поскольку она могла пойти; но и здесь бóльшая часть устарела вследствие переработок позднейшего времени. Главная масса материала была в большинстве случаев обработана по существу, но изложение не отделано стилистически; материал изложен таким языком, каким Маркс обыкновенно составлял свои выписки: небрежный стиль, фамильярные, часто грубо-юмористические выражения и обороты, английские и французские технические названия, часто целые фразы и даже страницы по-английски; это — запись мыслей в той форме, в какой они в том или ином случае развивались в голове автора. Наряду с отдельными, обстоятельно изложенными частями другие, не менее важные, только намечены; фактический материал для иллюстраций собран, но едва сгруппирован, не говоря уже об обработке; в конце главы, под давлением стремления перейти к следующей, часто стоит лишь несколько отрывочных фраз, намечающих развитие мысли, оставленное здесь незаконченным; наконец, известный почерк, разобрать который иной раз не мог сам автор.

Я ограничился по возможности буквальным воспроизведением рукописей, изменяя в стиле лишь то, что изменил бы сам Маркс, и вставляя лишь кое-какие пояснительные предложения и переходы там, где это было абсолютно необходимо и где кроме того смысл не вызывал никаких сомнений. Положения, значение которых допускало хотя бы только самое отдаленное сомнение, я предпочитал печатать дословно. Сделанные мной переработки и вставки не составляют в общем и десяти печатных страниц, притом все они лишь формального свойства.

VIII

Простое перечисление оставленного Марксом рукописного материала для II книги показывает, с какой несравненной добросовестностью, с какой строгой самокритикой он старался разработать до полного совершенства свои великие экономические открытия, прежде чем опубликовать их; эта самокритика лишь редко оставляла ему возможность приспособлять изложение по содержанию и по форме к его кругозору, постоянно расширявшемуся вследствие нового изучения. Этот материал состоит из следующего.

Прежде всего имеется рукопись „Zur Kritik der Politischen Oekonomie“, в 23 тетрадах, составляющих 1472 страницы в четвертую долю листа, написанных с августа 1861 г. по июнь 1863 г. Она представляет продолжение первой тетради под таким же названием, появившейся в печати в Берлине в 1859 г. На страницах 1—220 (тетради I—V), а затем опять на страницах 1159—1472 (тетради XIX—XXIII) она трактует темы, исследованные в I книге „Капитала“, начиная с превращения денег в капитал и до конца; рукопись представляет первую из имеющихся редакций этой книги. На страницах 973—1158 (тетради XVI—XVIII) трактуется о капитале и прибыли, о норме прибыли, о торговом капитале и денежном капитале, следовательно, о таких темах, которые впоследствии были развиты в рукописи, отнесенной к III книге. Напротив, темы, вошедшие во II книгу, а также очень многие темы, позже нашедшие рассмотрение в III книге, еще не получили здесь особой разработки. Они затрогиваются между прочим именно в отделе, составляющем главную часть рукописи: страницы 220—972 (тетради VI—XV), „Теории прибавочной стоимости“. Этот отдел содержит подробную критическую историю центрального пункта политической экономии, теории прибавочной стоимости, и кроме того в форме полемики с предшественниками излагает большую часть тех пунктов, которые исследованы впоследствии особо и в логической связи в рукописи, относящейся к книге II и III. Я оставляю за собой опубликование критической части этой рукописи в виде IV книги „Капитала“, при чем из нее будет устранены многочисленные места, исчерпанные в книге II и III. Как ни драгоценна эта рукопись, однако пришлось мало воспользоваться ею для настоящего издания II книги.

Следующей по времени рукописью является рукопись книги III. Она написана, по крайней мере в большей своей части, в 1864 и 1865 годах. Лишь после того, как она в существенном была готова, Маркс приступил к обработке книги I напечатанного в 1867 году первого тома. Эту рукопись III книги я теперь обрабатываю для печати.

Из периода, следовавшего за появлением книги I, имеется для II тома собрание четырех рукописей in-folio, перенумерованных самим

Марксом с I по IV. Из них рукопись I (150 страниц), относящаяся, как можно предполагать, к 1865 или 1867 г., представляет первую самостоятельную, но более или менее отрывочную обработку II книги в ее настоящем построении. Из этой рукописи также ничем не пришлось воспользоваться. Рукопись III отчасти состоит из собрания цитат и ссылок на записные тетради Маркса,—все это относится по большей части к первому отделу II книги,—отчасти она представляет обработку отдельных пунктов, именно критику положений А. Смита об основном и оборотном капитале и об источнике прибыли; далее изложение отношения нормы прибавочной стоимости к норме прибыли, относящееся к III книге. Ссылки дали мало нового, позднейшие редакции сделали излишним пользование ими как для II, так и для

книги; следовательно, их в большинстве случаев также пришлось отложить в сторону.—Рукопись IV представляет вполне приготовленную к печати обработку первого отдела и первой главы второго отдела книги II, и там, где это требовалось, она была использована. Хотя оказалось, что она написана ранее, чем рукопись II, однако вследствие того, что она более закончена по форме, ею с успехом можно было воспользоваться для соответствующей части книги; оказалось достаточным сделать несколько добавлений из рукописи II.—Эта последняя рукопись представляет единственную до некоторой степени законченную обработку книги II; она помечена 1870 г. В заметках для окончательной редакции, о которых сейчас будет упомянуто, прямо сказано: «В основу должна быть положена вторая переработка».

После 1870 г. снова наступила пауза, обусловленная главным образом болезненным состоянием автора. По обыкновению, Маркс заполнял это время изучением. Агрономия, американские и в особенности русские земельные отношения, денежный рынок и банки, наконец, естественные науки: геология и физиология, а в особенности самостоятельные математические работы составляют содержание многочисленных записных тетрадей Маркса, относящихся к этому времени. В начале 1877 г. он почувствовал себя настолько оправившимся, что снова мог приступить к своей настоящей работе. Концом марта 1877 г. помечены ссылки и заметки из вышеупомянутых четырех рукописей, послужившие основой для той новой переработки II книги, начало которой находится в рукописи V (56 страниц in-folio). Она заключает первые четыре главы и еще мало обработана; существенные пункты трактуются в примечаниях под текстом; материал скорее собран, чем просеян, но эта рукопись—последнее полное изложение этой важнейшей части первого отдела.—Первую попытку сделать из нее рукопись, готовую к печати, представляет рукопись VI (относится ко времени после октября 1877 г. и до июля 1878 г.); в ней только 17 страниц,

в четвертую долю листа, содержащих большую часть первой главы; вторую — и последнюю — попытку представляет рукопись VII, составляющая только 7 страниц in-folio и помеченная „2 июля 1878 г.“.

В это время для Маркса, повидимому, стало ясно, что, если в состоянии его здоровья не произойдет полного переворота, ему никогда не удастся окончить обработку II и III книги до такой степени, чтобы она удовлетворяла его самого. Действительно, рукописи V—VIII слишком часто носят следы напряженной борьбы с угнетающей болезненностью. Труднейшая часть первого отдела была заново переработана в рукописи V; остальная часть первого и весь второй отдел (за исключением главы семнадцатой) не представляли сколько-нибудь значительных теоретических затруднений; напротив, третий отдел, воспроизводство и обращение общественного капитала, как ему казалось, настоятельно требовал переработки. Именно, в рукописи II воспроизводство трактовалось сначала безотносительно к обслуживающему его денежному обращению, а затем еще раз в связи с денежным обращением. Это следовало устранить, и вообще весь отдел переработать таким образом, чтобы он соответствовал расширившемуся кругозору автора. Так возникла рукопись VIII, тетрадь всего в 70 страниц in-quarto; но сколько сумел Маркс вместить в эти страницы, показывает сравнение с отделом III в печатном виде, по исключении из него мест, взятых из рукописи II.

И эта рукопись содержит только предварительное обсуждение предмета, при чем прежде всего имелось в виду установить и развить приобретенные новые по сравнению с рукописью II точки зрения, между тем как пункты, о которых нельзя было сказать ничего нового, были оставлены в стороне. Значительная часть главы XVII второго отдела, которая и вообще до некоторой степени относится к третьему отделу, была снова подвергнута переработке и расширена. Нередко прерывается логическая последовательность, в изложении местами пробы, оно, в особенности в конце, совершенно отрывочно. Но то, что хотел сказать Маркс, так или иначе сказано здесь.

Таков материал для II книги, из которого я, как сказал Маркс своей дочери Элеоноре незадолго перед своей смертью, должен был „что-нибудь сделать“. Я принял это поручение в самом узком его значении; где только было возможно, я ограничил свою работу простым выбором между различными редакциями; при том так, что в основу клал последнюю из имеющихся редакций, сличая ее с более ранними. Действительные затруднения, т.-е. не только технические, представляли при этом лишь первый и третий отделы, но зато это были не малые затруднения. Я старался их разрешать исключительно в духе автора.

Цитаты в тексте я в большинстве случаев переводил там, где они приводятся в подтверждение фактов, или там, где оригинал доступен всякому желающему основательно разобраться в деле, напр., при цитировании А. Смита. Это было невозможно только в главе X, потому что здесь прямо критикуется английский текст.—При цитатах из I тома ссылки сделаны на страницы второго издания его, последнего появившегося еще при жизни Маркса. (В этом русском переводе заменены ссылками на главы и параграфы последнего немецкого издания, перевод которого дан в этом издании).

Кроме первой обработки в рукописи: „Zur Kritik“, упомянутых частей рукописи III и нескольких кратких заметок, занесенных кое-где в записные тетради, для III книги имеются только: упомянутая рукопись in-folio 1864—65 гг., разработанная почти с такою же полнотой, как II рукопись II книги, и, наконец, тетрадь 1875 г.: отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли, изложенное математически (в уравнениях). Подготовка этой книги к печати быстро подвигается вперед. Насколько я могу судить до сих пор, она представит главным образом только технические затруднения.—конечно, за исключением некоторых очень важных отделов.

Здесь уместно опровергнуть обвинение против Маркса, распространенное сначала исподтишка и лишь отдельными личностями, а теперь, после его смерти, провозглашенное в качестве бесспорного факта немецкими катедер- и государственными социалистами и их приверженцами: обвинение, будто бы Маркс совершил плагиат у Родбертуса. В другом месте ¹⁾ я уже высказал самое необходимое по этому поводу, но только здесь я могу привести решительные доказательства.

Насколько я знаю, это обвинение впервые встречается в „Emanzipationskampf des vierten Standes“ Р. Мейера, стр. 43: „Из этих опубликованных работ“ (относящихся к последней половине тридцатых годов работ Родбертуса) „Маркс, как это можно показать, почерпнул большую часть своей критики“. До представления дальнейших доказательств я, конечно, мог предполагать, что вся „доказательность“ этого утверждения сводится к тому, что Родбертус уверил в этом г. Мейера. В 1879 г. выступает на сцену сам Родбертус и в связи с своей работой: „Zur Erkenntniss unsrer staatswirthschaftlichen Zustände“ (1842 г.), пишет И. Целлеру следующее („Zeitschrift für die

¹⁾ В предисловии к «Das Elend der Philosophie. Antwort auf Proudhon's Philosophie des Elends, von Karl Marx. Deutsch von E. Bernstein und K. Kautsky. Stuttgart 1885». (К. Маркс, „Нищета философии“).

Gesammte Staatswissenschaft“, Тюбинген, 1879 г., стр. 219): „Вы увидите, что это“ (развитые здесь мысли) „уже очень недурно использовано... Марксом, который на меня, конечно, не делает ссылок“. Вслед за ним это не обинуясь повторяет и его посмертный издатель, Th. Kozak („Das Kapital von Rodbertus“. Berlin 1884. Einleitung стр. XV). — Наконец, в изданных в 1881 г. Р. Мейером „Briefe und socialpolitischen Aufsätze von Dr. Rodbertus-Jagetzow“ Родбертус прямо говорит: „Ныне я вижу, как меня обворовали Шеффле и Маркс, при чем они не называют меня“ (Brief № 60, стр. 134). А в другом месте притязание Родбертуса принимает более определенный вид: „Откуда происходит прибавочная стоимость капитала, это я показал в моем 3 „Социальном письме“ по существу совершенно так же, как Маркс, только короче и яснее“ (Brief № 48, стр. 111).

Обо всех этих обвинениях в плагиате Маркс никогда ничего не знал. В его экземплярах „Emanzipationskampf“ была разрезана только часть, касающаяся Интернационала, остальную часть книги разрезал уже я сам после его смерти. Тюбингенской „Zeitschrift“ он никогда не видал. „Briefe etc.“ к Р. Мейеру тоже остались для него неизвестными, и мое внимание на место, касающееся „ограбления“, только в 1884 г. любезно обратил сам господин Dr. Мейер. Напротив, письмо № 48 Маркс знал; г. Мейер был так любезен, что подарил оригинал младшей дочери Маркса. Маркс, до слуха которого, конечно, дошел таинственный шопот о тайных источниках его критики, которых следует искать у Родбертуса, показывал мне это письмо, при чем заметил, что в нем он имеет, наконец, аутентичное свидетельство о том, на что собственно претендует сам Родбертус; если он не утверждает ничего более, то для него, Маркса, это совсем хорошо; если же Родбертус считает свое собственное изложение более кратким и ясным, то он может оставить его при этом удовольствии. Он действительно полагал, что этим письмом Родбертуса все дело исчерпано.

Это можно было думать тем более, что, как я положительно знаю, вся литературная деятельность Робертуса оставалась неизвестной Марксу до 1859 года, когда его собственная критика политической экономии была готова не только в основных чертах, но и в важнейших подробностях. Свои экономические занятия он начал в 1843 г. в Париже изучением великих англичан и французов; из немцев он знал только Рау и Листа, и этого ему было довольно. Ни Маркс, ни я ничего не знали о существовании Родбертуса, пока в 1848 г. нам не пришлось критиковать в „Neue Rheinische Zeitung“ его речи как берлинского депутата и его действия как министра. Мы были так несведущи, что запрашивали рейнских депутатов, кто же такой этот Родбертус, вдруг

сдлавшийся министром. Но и они ничего не могли сообщить нам об экономических работах Родбертуса. Напротив, Маркс и без помощи Родбертуса уже тогда очень хорошо знал не только откуда, но и как „происходит прибавочная стоимость капиталиста“, что доказывают „Misère de la Philosophie“ (Нищета философии“) 1847 г. и лекции о наемном труде и капитале, прочитанные в 1847 г. в Брюсселе и напечатанные в 1849 г. в „Neue Rheinische Zeitung“, №№ 264—69. Только около 1859 г. Маркс узнал от Лассаля, что существует между прочим экономист Родбертус, и затем нашел его „Третье социальное письмо“ в Британском музее.

Таковы фактические обстоятельства. Как же обстоит дело с тем содержанием, которое Маркс будто бы „украл“ у Родбертуса? „Откуда происходит прибавочная стоимость капиталиста,—говорит Родбертус,—это я показал в моем 3-м социальном письме совершенно так же, как Маркс, только короче и яснее“. Вот где, следовательно, центральный пункт: теория прибавочной стоимости; и, действительно, нельзя указать, что другое из Маркса мог бы Родбертус как-никак рекламировать в качестве своей собственности. Следовательно, Родбертус объявляет себя здесь действительным автором теории прибавочной стоимости, которую Маркс у него похитил.

Что же говорит нам 3-е социальное письмо о возникновении прибавочной стоимости? Оно просто говорит, что „рента“, под которой автор понимает земельную ренту и прибыль, образуется не от „накидки стоимости“ к стоимости товара, „но вследствие того вычета стоимости, который претерпевает заработная плата, другими словами, вследствие того, что заработная плата составляет только часть стоимости продукта“, а при достаточной производительности труда „нет необходимости в том, чтобы она равнялась естественной меновой стоимости ее продукта для того, чтобы от нее оставалась еще доля для возмещения капитала (!) и для ренты“. При чем нам не сообщается, что такое эта „естественная меновая стоимость“ продукта, при которой ничего не остается для „возмещения капитала“, следовательно, для возмещения сырого материала и снашивания орудий.

По счастью, на нашу долю выпало констатировать, какое впечатление произвело на Маркса это положившее начало новой эпохе открытие Родбертуса. В рукописи „Zur Kritik“ etc., тетрадь X, стр. 445 и сл., мы находим: „Отступление. Господин Родбертус. Новая теория земельной ренты“. Третье социальное письмо рассматривается здесь только с этой точки зрения. С теорией прибавочной стоимости Родбертуса вообще покончено ироническим замечанием: „Господин Родбертус сначала исследует положение вещей в стране, где владение землей и капиталом не отделено одно от другого, и приходит затем к

важному результату, что рента (под которой он понимает всю прибавочную стоимость) просто равна неоплаченному труду или количеству продуктов, в котором этот труд выражается“.

Капиталистическое человечество производило прибавочную стоимость уже в продолжение нескольких столетий и мало-по-малу пришло к тому, что стало размышлять о ее возникновении. Первое понимание ее было пониманием, вытекавшим из непосредственной купеческой практики: прибавочная стоимость образуется от надбавки к стоимости продукта. Этот взгляд преобладал у меркантилистов, но уже Джеймс Стюарт увидел, что при этом то, что выигрывает один, необходимо должен терять другой. Несмотря на то, такой взгляд держался еще долгое время, особенно среди социалистов; но из классической науки он был вытеснен А. Смитом.

В „Богатстве народов“, кн. I, гл. VI, у него говорится: „Как только в руках отдельных лиц накопился капитал (stock), некоторые из них естественно употребят его таким образом, что посадят за работу прилежных людей и доставят им сырые материалы и средства существования, чтобы получить прибыль посредством продажи продуктов их труда или того, что прибавлено их трудом к стоимости этих сырых материалов.. Стоимость, которую рабочие прибавляют к сырым материалам, распадается при этом на две части, одна из которых окупает их заработную плату, а другая составляет прибыль предпринимателя на всю сумму, авансированную им на сырые материалы и заработную плату“. И несколько далее: „Как только вся земля в известной стране станет частной собственностью, землевладельцы, как и другие люди, обнаруживают склонность жать, где не сеяли, и требуют земельной ренты даже за естественные произведения земли.. Рабочий.. должен уступить землевладельцу некоторую долю того, что он собрал или произвел своим трудом. Эта доля, или, что то же самое, цена этой доли составляет земельную ренту.“

Маркс замечает по поводу этого места в вышеупомянутой рукописи „Zur Kritik“ etc., стр. 253: „Итак, прибавочную стоимость, или прибавочный труд, — излишек исполненного и овеществленного в товаре труда над оплаченным трудом, следовательно, над трудом, получившим свой эквивалент в заработной плате,—А. Смит понимает, как всеобщую категорию, при чем собственно прибыль и земельная рента составляют только ее ответвления“.

Далее А. Смит говорит, кн. I, гл. VIII: „Как только земля стала частной собственностью, землевладелец требует доли почти всех продуктов, которые рабочий может произвести или собрать на ней. Его земельная рента составляет первый вычет из продукта труда,

приложенного к земле. Но земледелец редко имеет средства содержать себя до сбора жатвы. Его содержание обыкновенно авансируется ему из капитала (stok) предпринимателя, арендатора, который не имел бы никакого интереса давать ему занятие, если бы тот не делился с ним продуктом своего труда или не возмещал бы ему его капитала вместе с прибылью. Эта прибыль составляет второй вычет из продукта труда, приложенного к земле. Продукт почти всякого труда подлежит этому вычету для прибыли. Во всех отраслях промышленности большая часть рабочих нуждается в предпринимателе, который до окончания труда авансировал бы им сырой материал и заработную плату и содержание. Этот предприниматель разделяет с ними продукт их труда или ту стоимость, которую они прибавляют к переработанным сырым материалам, и эта доля составляет его прибыль“.

Маркс делает к этому следующее замечание (рукопись, стр. 256): „Итак, А. Смит прямо определяет здесь земельную ренту и прибыль на капитал как простые вычеты из продуктов рабочего, или из стоимости его продукта, равной труду, присоединенному им к сырому материалу. Но этот вычет, как показал ранее сам А. Смит, может состоять только из части труда, присоединенной рабочим к материалу сверх того количества труда, которое оплачивает только его заработную плату или только доставляет эквивалент его заработной платы, — следовательно, из прибавочного труда, из неоплаченной части его труда“.

„Откуда происходит прибавочная стоимость капиталиста“ и, кроме того, землевладельца, это знал, следовательно, еще А. Смит. Маркс прямо признает это уже в 1861 г., тогда как это, повидимому, совершенно забыли Родбертус и толпа его почитателей, растущих как грибы под теплым летним дождем государственного социализма.

„Однако же, — продолжает Маркс, — прибавочную стоимость как таковую Смит не отделял как особую категорию от особенных форм, которые она принимает в прибыли и земельной ренте. Отсюда у него, как еще более у Рикардо, много ошибок и недостатков в исследовании“. — Это замечание буквально относится к Родбертусу. Его „рента“ есть просто сумма земельной ренты и прибыли; о земельной ренте он составил для себя совершенно ложную теорию; прибыль он принимает без всякого пересмотра так, как нашел у своих предшественников. — Напротив, прибавочная стоимость Маркса есть всеобщая форма той суммы стоимости, которую присваивают без всякого эквивалента собственники средств производства и которая по совершенно особым законам, впервые открытым Марксом, распадается на особые превращенные формы прибыли и земельной ренты. Эти

законы будут изложены в книге III, где впервые будет показано, какой ряд промежуточных звеньев требуется для того, чтобы от общего понимания прибавочной стоимости дойти до понимания ее превращения в прибыль и земельную ренту, следовательно, до понимания законов распределения прибавочной стоимости внутри класса капиталистов.

Рикардо идет уже значительно далее А. Смита. Он основывает свое понимание прибавочной стоимости на той новой теории стоимости, которая в зародыше имеется уже у А. Смита, но почти всегда забывается им, когда дело идет об ее применении, и которая сделалась исходным пунктом всей последующей экономической науки. Из того, что товарная стоимость товара определяется количеством реализованного в товарах труда, он выводит распределение между рабочими и капиталистами того количества стоимости, которое присоединено трудом к сырому материалу, ее распадение на заработную плату и прибыль (т.-е. в данном случае прибавочную стоимость). Он показывает, что стоимость товаров остается той же самой, как бы ни изменялось отношение между этими двумя частями,—закон, для которого он допускает лишь единичные исключения. Он даже выясняет некоторые важные законы, касающиеся взаимного отношения между заработной платой и прибавочной стоимостью (взятой в форме прибыли), хотя и в слишком общем понимании (Маркс, „Капитал“, I, гл. XV, А), и показывает, что земельная рента есть избыток сверх прибыли, отпадающий при определенных условиях.—Ни в одном из этих пунктов Родбертус не пошел дальше Рикардо. Внутренние противоречия теории Рикардо, на которых погибла его школа, остались или совершенно неизвестными Родбертусу, или привели его только к утопическим требованиям („Zur Erkenntniss“ etc., S. 130) вместо экономических решений.

Учению Рикардо о стоимости и прибавочной стоимости не пришлось ждать „Zur Erkenntniss“ Родбертуса для того, чтобы найти социалистическое использование. На стр. 609 первого тома „Капитала“ (2-е нем. изд.) приведена цитата: „The possessors of surplus produce or capital“ из одного сочинения: *The Source and Remedy of the National Difficulties. A Letter to Lord John Russell. London 1821.* Это сочинение, на значение которого должно было бы обратить внимание уже одно выражение: *surplus produce or capital*, представляет памфлет в 40 страниц, извлеченный Марксом из забвения; в нем говорится:

„Сколько бы ни годобало капиталисту“ [с точки зрения капиталиста], „он всегда может присваивать только прибавочный труд (*surplus labour*) рабочего, потому что рабочий должен существовать“ (р. 23). Но как живет рабочий и поэтому как велик может быть

прибавочный труд, присваиваемый капиталистом, это очень относительно. „Если стоимость капитала уменьшается не в таком отношении, в каком возрастает его масса, то капиталист будет выжимать из рабочего продукт каждого рабочего часа сверх того минимума, которым рабочий может существовать... капиталист может в конце концов сказать рабочему: ты не должен есть хлеба, потому что можно жить свеклой и картофелем; и мы уже дошли до этого“ (стр. 24). „Если рабочего можно довести до такого состояния, что он будет питаться картофелем вместо хлеба, то неоспоримо верно, что при этом из его труда можно выколотить больше; т.-е. если при питании хлебом он вынужден для содержания себя и своей семьи удерживать у себя труд понедельника и вторника, то при питании картофелем он будет получать для себя только половину понедельника; а другая половина понедельника и весь вторник освободятся или в пользу государства или для капиталистов“ (стр. 26). „Неоспоримо (it is admitted), что уплачиваемые капиталистам интересы, в форме ренты ли, процента или предпринимательской прибыли, уплачиваются из труда других“ (стр. 23). Итак, здесь перед нами целиком „рента“ Родбертуса, только вместо „рента“ сказано „интересы“.

Маркс делает к этому следующее замечание (рукопись „Zur Kritik“, стр. 852): „Этот едва известный памфлет, — появившийся в то время, когда начал привлекать к себе внимание „невероятный штопальщик“ Мак-Куллох, — представляет значительный шаг вперед по сравнению с Рикардо. Прибавочную стоимость или „прибыль“, как называет ее Рикардо (часто также — прибавочный продукт, *surplus produce*), или *interest*, как называет ее автор памфлета, последний прямо определяет как *surplus labour*, прибавочный труд, труд, исполняемый рабочим даром, исполняемый сверх того количества труда, которым возмещается стоимость его рабочей силы, т.-е. производится эквивалент его заработной платы. Как важно было свести стоимость к труду, совершенно так же важно было прибавочную стоимость (*surplus value*), которая представлена в прибавочном продукте (*surplus produce*), свести к прибавочному труду (*surplus labour*). В сущности это было сказано уже А. Смитом и составляет главный момент в том, что дал Рикардо. Но у них это нигде не высказано в абсолютной форме и не установлено твердо“. Затем далее, на стр. 859 рукописи, говорится: „Впрочем, автор остается в плену тех экономических категорий, которые он нашел у своих предшественников. Как у Рикардо смешение прибавочной стоимости и прибыли приводит к неприятным противоречиям, совершенно то же произошло и с ним вследствие того, что прибавочную стоимость он

назвал интересом капитала. Впрочем, он стоит выше Рикардо в том отношении, что он первый сводит всякую прибавочную стоимость к прибавочному труду и хотя называет прибавочную стоимость интересом капитала, однако вместе с тем подчеркивает, что под *interest of capital* он понимает всеобщую форму прибавочного труда в отличие от его особенных форм, ренты, денежного процента и предпринимательской прибыли. Но название одной из этих особенных форм, *interest*, он все же принимает как название общей формы. А этого достаточно, чтобы снова запутаться в экономической тарабарщине“ („*slang*“ — стоит в рукописи).

Этот последний пункт как по мерке приходится нашему Родбертусу. И он остается в плену тех экономических категорий, которые он нашел у своих предшественников. И он окрестил прибавочную стоимость именем одной из ее превращенных подчиненных форм: ренты, которую он к тому же сделал совершенно неопределенной. Результатом этих двух промахов было то, что он снова впадает в экономическую тарабарщину, не прокладывает путем критики дороги дальше Рикардо и вместо того поддается искушению сделать свою недоделанную теорию, еще не освободившуюся от скорлупы, основой утопии, с которой, как всегда, он пришел слишком поздно. Pamфлет, появившийся в 1821 г., уже вполне антиципировал „ренту“ Родбертуса, относящуюся к 1842 году.

Наш памфлет — только крайний аванпост обширной литературы, которая в двадцатых годах повернула теорию стоимости и прибавочной стоимости Рикардо в интересах пролетариата против капиталистического производства, побивала буржуазию ее собственным оружием. Весь овенковский коммунизм, поскольку он вступает в экономическую полемику, опирается на Рикардо. Но наряду с ним был еще целый ряд писателей, из которых Маркс уже в 1847 году в полемике против Прудона („*Misère de la Philosophie*“, стр. 49) приводит лишь некоторых: Эдмонда, Томпсона, Годскина etc., etc., „и еще четыре страницы *et cetera*“. Из этого огромного количества сочинений я беру наудачу только одно: „*An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth, most conducive to Human, Happiness, by William Thompson; a new edition. London 1850*“. Это сочинение, написанное в 1822 г., впервые появилось в 1827 г. Богатство, присваиваемое непроизводительными классами, тоже везде характеризуется в нем как вычет из продукта рабочего, и при том в довольно сильных выражениях. „Постоянное стремление того, что мы называем обществом, состояло в том, чтобы при помощи обмана или убеждения, страха или принуждения заставить производительного работника исполнять труд за возможно меньшую долю продукта его собственного труда“ (стр. 28).

„Почему же рабочий не должен получать абсолютно весь продукт своего труда?“ (стр. 32). „Это вознаграждение, которое капиталисты вынуждают у производительного рабочего под именем земельной ренты или прибыли, требуется за пользование землей или другими предметами... Так как все физические материалы, на которых или посредством которых неимущий производительный рабочий, не обладающий ничем, кроме своей способности производить, только и может проявлять эту свою производительную способность,—так как эти материалы находятся в обладании других лиц, интересы которых противоположны интересам рабочего и согласие которых является предпосылкой его деятельности, — то не зависит ли и не должно ли зависеть от милости этих капиталистов, какую долю плодов его собственного труда они пожелают дать ему в вознаграждение за этот труд? (стр. 125)... по отношению к величине удержанного продукта, называется ли это налогами, прибылью или кражей... эти вычеты“ (стр. 126) и т. д.

Признаюсь, я написал эти строки не без некоторого стыда. Я еще могу допустить, что антикапиталистическая английская литература двадцатых и тридцатых годов совершенно неизвестна в Германии, хотя Маркс еще в „*Misère de la Philosophie*“ прямо указывал на нее, а кое-что из нее—памфлет 1821 г., *Ravenstone, Hodgskin* и проч.—неоднократно цитировал в первом томе „Капитала“. Но то обстоятельство, что не только литератор *vulgaris*, „действительно ничему не учившийся“ и в отчаянии цепляющийся за полы сюртука Родбертуса, но и профессор при месте и почестях, „кичливый своей ученостью“, до такой степени забыл свою классическую политическую экономию, что серьезно упрекает Маркса в краже у Родбертуса таких вещей, которые можно найти уже у А. Смита и Рикардо,—это доказывает, как низко пала в настоящее время официальная политическая экономия.

Но в таком случае что же нового сказал Маркс о прибавочной стоимости? Как это случилось, что теория прибавочной стоимости Маркса произвела такое впечатление, как удар грома из ясного неба, и это во всех цивилизованных странах, тогда как теории всех его социалистических предшественников, в том числе и Родбертуса, не оказали никакого действия?

История химии может пояснить нам это примером.

Как известно, ещё в конце XVIII века господствовала флогистическая теория, согласно которой сущность всякого горения состояла в том, что от горящего тела отделялось другое, гипотетическое тело, абсолютный горючий материал, обозначавшийся названием флогистона. Эта теория была достаточна для объяснения большей части известных

тогда химических явлений, хотя в некоторых случаях она объясняла их не без натяжки. Но вот в 1774 году Пристлей открыл род воздуха, „который он нашел настолько чистым или настолько свободным от флогистона, что сравнительно с ним обыкновенный воздух представлялся уже испорченным“. Он назвал его: дефлогистированный воздух. Вскоре затем такой же род воздуха открыл Шеле в Швеции и доказал его присутствие в атмосфере. Он нашел также, что он исчезает, если в нем или в обыкновенном воздухе сжигать какое-нибудь тело, и назвал его поэтому огненным воздухом (Feuerluft). „Из этих данных он вывел такое заключение, что соединение, образующееся при сочетании флогистона с одной из составных частей воздуха“ (следовательно, при горении), „есть не что иное, как огонь или теплота, которая улетучивается через стекло“ ²⁾.

Пристлей, как и Шеле, открыли кислород, но они не знали, что оказалось у них в руках. Они „оставались в плену“ флогистических „категорий, которые они нашли у своих предшественников“. Элемент, которому суждено было ниспровергнуть все флогистические воззрения и революционизировать химию, пропал в их руках совершенно бесплодно. Но Пристлей немедленно сообщил о своем открытии в Париж Лавуазье, а Лавуазье, руководясь этим новым фактом, пересмотрел всю флогистическую химию и впервые открыл, что новый вид воздуха был новым химическим элементом, что при горении не выделяется из горящего тела таинственный флогистон, а этот новый элемент соединяется с телом, и таким образом он впервые поставил на ноги всю химию, которая в своей флогистической форме стояла на голове. И если даже он не открыл кислорода одновременно с другими и независимо от них, как он утверждал впоследствии, то все же собственно открыл кислород он, а не те двое, которые только описали его, даже не догадываясь о том, что именно они описывали.

В теории прибавочной стоимости Маркс является тем же по отношению к своим предшественникам, чем Лавуазье по отношению к Пристлею и Шеле. Существование той части стоимости продукта, которую мы называем теперь прибавочной стоимостью, было установлено задолго до Маркса; точно так же с большей или меньшей ясностью было высказано, из чего она состоит, именно: из продукта того труда, за который присвоивший его не заплатил никакого эквивалента. Но дальше этого не шли. Одни—классические буржуазные экономисты—самое большее исследовали количественное отношение, в котором продукт труда распределяется между рабочим и владельцем

²⁾ Roscoe-Schorlemmer, «Ausführliches Lehrbuch der Chemie. Braunschweig 1877». I, p. 13, 18.

средств производства. Другие — социалисты — находили это распределение несправедливым и выискивали утопические средства для устранения несправедливости. И те и другие оставались в плену экономических категорий, найденных ими у своих предшественников.

Но вот выступил Маркс. И притом в прямом противоречии со всеми своими предшественниками. Там, где они видели решение, он видел только проблему. Он видел, что здесь был перед ним не дефлогистированный воздух и не огневой воздух, а кислород, что здесь дело шло не о простом констатировании экономического факта, не о противоречии этого факта с вечной справедливостью и истинной моралью, но о таком факте, которому суждено было произвести переворот во всей экономии и который давал ключ к пониманию всего капиталистического производства, — тому, кто сумел бы им воспользоваться. Руководствуясь этим фактом, он исследовал все найденные им категории, как Лавуазье, руководясь кислородом, исследовал прежние категории флогистической химии. Для того, чтобы знать, что такое прибавочная стоимость, он должен был знать, что такое стоимость. Прежде всего необходимо было подвергнуть критике самую теорию стоимости Рикардо. Итак, Маркс исследовал труд со стороны его свойства создавать стоимость и в первый раз установил, какой труд, почему и как образует стоимость, установил, что вообще стоимость есть не что иное, как кристаллизованный труд этого рода, — пункт, которого до конца дней не понимал Родбертус. Маркс исследовал затем отношение товара и денег и показал, как и почему — в силу присущего ему свойства стоимости — товар и товарный обмен должны порождать противоположность товара и денег. Его основанная на этом теория денег есть первая исчерпывающая теория их, получившая теперь всеобщее молчаливое признание. Он исследовал превращение денег в капитал и доказал, что оно основывается на купле и продаже рабочей силы. Поставив на место труда рабочую силу, свойство создавать стоимость, он разом разрешил одно из затруднений, о которые разбилась школа Рикардо: невозможность согласовать взаимный обмен капитала и труда с Рикардовским законом определения стоимости трудом. Установив разделение капитала на постоянный и переменный, он первый достиг того, что до деталей изобразил действительный ход процесса образования прибавочной стоимости и таким образом объяснил его, чего не сделал ни один из его предшественников; следовательно, он установил различие в самом капитале, различие, с которым решительно не в состоянии были справиться ни Родбертус, ни буржуазные экономисты, но которое дает ключ для решения самых запутанных экономических проблем, убедительнейшим доказательством чего здесь опять служит книга II — и еще более

книга III, как это окажется впоследствии. Далее, он исследовал самое прибавочную стоимость, вскрыл обе ее формы: абсолютную и относительную и прибавочную стоимость, и показал, какую различную, но в обоих случаях решающую роль играла она в историческом развитии капиталистического производства. Основываясь на теории прибавочной стоимости, он развил первую рациональную теорию заработной платы, какую мы только имеем, и впервые дал основные черты истории капиталистического накопления и изложение его исторических тенденций.

А Родбертус? Прочитав все это, он, как всякий тендециозный экономист, нашел здесь „нападение на общество“, нашел, что он уже сам сказал много короче и яснее, откуда происходит прибавочная стоимость, и, наконец, нашел, что, хотя все это справедливо для „современной формы капитала“, т.-е. для того капитала, как он существует в истории, но не для „понятия капитал“, т.-е. не для утопического представления о капитале господина Родбертуса. Совершенно так же, как старик Пристлей, который до конца дней своих клялся флогистоном и не хотел и слышать о кислороде. Только Пристлей действительно первый описал кислород, тогда как Родбертус в своей прибавочной стоимости или, лучше сказать, в своей „ренте“ только вновь открыл общее место, а Маркс, в противоположность поведению Лавуазье, был выше того, чтобы утверждать, что он первый открыл факт существования прибавочной стоимости.

Все прочее, сделанное Родбертусом в политической экономии, стоит на таком же уровне. Его переработка теории прибавочной стоимости в утопию уже была непреднамеренно подвергнута Марксом критике в „*Misère de la Philosophie*“; все, что можно было еще сказать об этом, сказано мной в предисловии к немецкому переводу этой работы. Его объяснение торговых кризисов недостаточным потреблением рабочего класса имеется уже у Сисмонди в *Nouveaux Principes de l'Économie Politique*, liv. IV, ch. IV³⁾. Только Сисмонди при этом постоянно имел в виду мировой рынок, между тем как горизонт Родбертуса не простирается дальше прусской границы. Его умозрительные рассуждения о том, происходит ли заработная плата из капитала или же из дохода, схоластичны и окончательно устранены третьим отделом этой второй книги „Капитала“. Его теория ренты осталась его исключительным достоянием и может безмятежно почивать, пока не появится в печати

³⁾ „Итак, вследствие концентрации имуществ в руках небольшого числа собственников внутренний рынок постоянно все более сокращается, и промышленность постоянно все более вынуждается искать себе сбыта на иностранных рынках,—или ее ожидают величайшие потрясения“ (именно кризис 1817 г., который описывается сейчас же вслед за этим). *Nouv. Princ.*, éd. 1819, I, p. 336.

рукопись Маркса, содержащая ее критику *). Наконец его проекты освобождения старо-прусского землевладения от ига капитала опять-таки совершенно утопичны; именно, они обходят единственный практический вопрос, о котором здесь идет дело, вопрос о том, каким образом старо-прусский юнкер, получая, скажем, 20.000 марок годового дохода и проживая, скажем, 30.000 марок, может все-таки не делать никаких долгов?

Школа Рикардо около 1830 г. потерпела крушение на прибавочной стоимости. То, чего она не могла разрешить, оставалось тем более неразрешимым для ее преемницы, вульгарной экономии. Два пункта, о которые она разбилась, следующие:

Во-первых. Труд есть мера стоимости. Но живой труд при обмене на капитал имеет меньшую стоимость, чем овеществленный труд, на который он обменивается. Зарботная плата, стоимость определенного количества живого труда, всегда меньше, чем стоимость продукта, который произведен этим самым количеством живого труда или в котором этот труд выражается. В таком понимании вопрос, действительно, неразрешим. Марксом он правильно поставлен и тем самым на него дан ответ. Труд не имеет стоимости. Как деятельность, создающая стоимость, он так же не может иметь особой стоимости, как тяжесть не может иметь особого веса, теплота—особой температуры, электричество—особой силы тока. Покупается и продается как товар не труд, а рабочая сила. Как только она становится товаром, ее стоимость измеряется трудом, воплощенным в ней, как в общественном продукте; эта стоимость равна труду, общественно необходимому для ее производства и воспроизводства. Следовательно, купля и продажа рабочей силы на основе такой ее стоимости отнюдь не противоречит экономическому закону стоимости.

Во-вторых. По закону стоимости Рикардо два капитала, применяющие одинаковое количество одинаково оплачиваемого живого труда, предполагая все прочие условия равными, производят в течение времени одинаковой продолжительности продукты равной стоимости, а также прибавочную стоимость или прибыль равных размеров. Если же они применяют неодинаковые количества живого труда, то они не могут произвести прибавочную стоимость или, как говорят, рикардианцы, прибыль равных размеров. Но в действительности наблюдается противоположное этому. Фактически равные капиталы в равное время производят в среднем равную прибыль независимо от того, много или мало

*) (Теперь появилась в издании под редакцией К. Каутского: К. Магх, «Theorien über den Mehrwert. Zweiter Band. Erster Theil. Stuttgart» 1915. „Теории прибавочной стоимости“ в этом издании появятся как IV том «Капитала».

живого труда они применяют. Следовательно, тут явное противоречие закону стоимости, которое заметил еще Рикардо и разрешить которое была тоже неспособна его школа. Родбертус также не мог не заметить этого противоречия; но, вместо того, чтобы разрешить его, он сделал его одним из исходных пунктов своей утопии („Zur Erkenntniss“, S. 131). Это противоречие Маркс разрешил уже в рукописи „Zur Kritik“; по плану „Капитала“ решение будет дано в книге III. До ее опубликования пройдут еще месяцы. Следовательно, для экономистов, желающих открыть в Родбертусе тайный источник и несравненного предшественника Маркса, здесь представляется случай показать, что в состоянии дать экономия Родбертуса. Если они покажут, каким образом может и должна образоваться одинаковая равная норма прибыли не только без нарушения закона стоимости, но, напротив, на его основе, тогда мы будем разговаривать с ними дальше. Однако не соблаговолит ли они поторопиться. Блестящие исследования этой книги II и совершенно новые результаты их в почти незатронутых до сих пор областях представляют только вводные положения к содержанию книги III, в которой изложены заключительные выводы из того изображения, какое нашел у Маркса процесс общественного воспроизводства на капиталистической основе. Когда появится эта книга III, меньше будут говорить о каком-то экономисте Родбертусе.

Вторая и третья книги „Капитала“, как нередко говорил мне Маркс, должны быть посвящены его жене.

Лондон, в день рождения Маркса, 5 мая 1885 года.

Фридрих Энгельс.

Предлагаемое второе издание в главном представляет дословную перепечатку первого. Исправлены опечатки, устранены некоторые стилистические погрешности, выброшено несколько коротких абзацев содержащих только повторения.

Третья книга, которая представила совершенно неожиданные затруднения, теперь также почти готова в рукописи. Если я останусь здоров, ее печатание может начаться еще этой осенью.

Лондон, 15 июля 1893 г.

Ф. Энгельс.

Для удобства обзора следует краткая сводка мест, взятых из отдельных рукописей II—VII.

Отдел первый.

С. 1 из рукоп. II.—С. 2—12 рукоп. VII.—С. 12—16 рукоп. VI.—С. 16—90 рукоп. V.—С. 90—94 заметка, найденная среди выписок из книг. — С. 94 до конца отдела рукоп. IV; однако вставлено: с. 102—103 место из рукоп. VIII; с. 107 и 113 примечания из рукоп. II.

Отдел второй.

Начало, с. 125—135, представляет конец рукоп. IV.—Отсюда до конца отдела с. 323 все из рукоп. II.

Отдел третий.

Гл. 18: (с. 324—332) из рукоп. II.

Гл. 19: I и II (с. 333—364) из рукоп. VIII.—III (с. 364—366) из рукоп. II.

Гл. 20: I (с. 366—369) из рукоп. II, только заключительный абзац из рукоп. VIII.

II (с. 369—372) в существенном из рукоп. II.

III, IV, V (с. 372—397) из рукоп. VIII.

VI, VII, VIII, IX (с. 397—413) из рукоп. II.

X, XI, XII (с. 413—456) из рукоп. VIII.

XIII (с. 456—464) из рукоп. II.

Гл. 21: (с. 465—499) вся из рукоп. VIII.

КНИГА ВТОРАЯ

ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА

Отдел первый.

Метаморфозы капитала и их кругооборот.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Кругооборот денежного капитала.

Капитал в своем кругообороте ¹⁾ проходит три стадии, которые, как изложено в первом томе, образуют следующий ряд:

Первая стадия: Капиталист появляется на товарном рынке и рынке труда как покупатель; его деньги превращаются в товар, или проделывают акт обращения $D—T$.

Вторая стадия: Производительное потребление купленных товаров капиталистом. Он действует как капиталистический товаропроизводитель; его капитал проделывает процесс производства. Результатом является товар большей стоимости, чем стоимость элементов его производства.

Третья стадия: Капиталист возвращается на рынок как продавец; его товар превращается в деньги, или проделывает акт обращения $T—D$.

Следовательно, формула для кругооборота денежного капитала такова: $D—T...P...T'—D'$, где точки показывают, что процесс обращения прерван, а T' , равно как и D' , означают T и D , увеличенные прибавочной стоимостью.

В первом томе первая и третья стадии исследовались лишь в той мере, насколько это необходимо для понимания второй стадии—процесса производства капитала. Поэтому там остались вне сферы внимания те различные формы, в которые на различных своих стадиях облачается капитал, и которые он то принимает, то сбрасывает при повторении кругооборота. Теперь они составляют ближайший предмет исследования.

¹⁾ Из рукописи II.

Чтобы понять эти формы в их чистом виде, необходимо прежде всего абстрагироваться от всех моментов, которые не имеют ничего общего с изменением и образованием формы как таковыми. Поэтому здесь предполагается не только то, что товары продаются по их стоимостям, но и то, что это совершается при остающихся неизменными обстоятельствах. Следовательно, оставляются в стороне те изменения стоимости, которые могли произойти в течение процесса кругооборота.

I. Первая стадия. Д—Т²⁾.

Д—Т представляет превращение известной суммы денег в известную сумму товаров: для покупателя превращение его денег в товар, для продавцов—превращение их товаров в деньги. Этот общий акт товарного обращения превращается в функционально определенный отдел в самостоятельном кругообороте индивидуального капитала не вследствие его формы, а вследствие его материального содержания, вследствие особого способа потребления тех товаров, которые перемещаются своим местом с деньгами. Это, с одной стороны, средства производства, с другой стороны—рабочая сила: вещественные и личные факторы товарного производства, особенности которых, конечно, должны соответствовать тому, какой сорт предметов предполагается произвести. Если мы назовем рабочую силу Р, средства производства Сп то покупаемая капиталистам сумма товаров $T = P + Sp$, или, короче, $T < \overset{P}{C_n}$. Следовательно, рассматриваемый со стороны своего содержания, акт Д—Т представляет $D - T < \overset{P}{C_n}$, т.-е. Д—Т распадается на Д—Р и Д—Сп; денежная сумма Д разделяется на две части, из которых одна покупает рабочую силу, а другая—средства производства. Эти два ряда покупок относятся к совершенно различным рынкам: один—к собственно товарному рынку, другой—к рынку труда.

Но кроме этого качественного расщепления той суммы товаров, в которую превращается Д, акт $D - T < \overset{P}{C_n}$ представляет и чрезвычайно характерное количественное отношение.

Мы знаем, что стоимость, а в соответственных случаях цена рабочей силы, владельцу последней, продающему ее как товар, уплачивается в форме заработной платы, т.-е. как цена известной суммы труда, заключающей в себе и прибавочный труд; таким образом, если, напр., дневная стоимость рабочей силы = 3 маркам, продукту пятичасового труда, то в контракте между покупателем и продавцом эта сумма фигурирует как цена или плата, скажем, за десятичасовой труд. Если подобный контракт заключен, напр., с 50 рабочими, то

²⁾ Отсюда рукопись VII, начатая 2 июля 1878 года.

они должны доставить покупателю в течение одного дня в общем 500 часов труда, из которых половина, 250 рабочих часов = 25 десятичасовым рабочим дням, составляет просто прибавочный труд. Количество, равно как и размеры тех средств производства, которые необходимо купить, должны быть достаточны для приложения этой массы труда.

Следовательно, $D - T < \frac{P}{C_p}$ выражает не только качественное отношение, не только то, что определенная сумма денег, напр., 422 £ (фунта стерлингов), претворяется в соответствующие друг другу средства производства и рабочую силу: оно выражает и количественное отношение между частью денег, затраченной на рабочую силу P , и частью, затраченной на средства производства C_p , — отношение, определяемое прежде всего суммой излишнего, прибавочного труда, которое будет затрачено определенным числом рабочих.

Следовательно, если, напр., в какой-либо прядильне заработная плата 50 рабочих составляет 50 £ в неделю, то на средства производства должно быть затрачено 372 £ при том предположении, что это — стоимость средств производства, превращаемых в пряжу недельным трудом в 3.000 часов, из которых 1.500 часов — прибавочный труд.

Здесь совершенно безразлично, до какой степени в различных отраслях промышленности для применения дополнительного труда требуется дополнительная затрата стоимости в форме средств производства. Здесь важно только одно: затрачиваемая на средства производства часть денег — купленные в акте $D - C_p$ средства производства — во всяком случае должны быть достаточны, с самого начала учтаны, доставлены в соответствующей пропорции. Иначе говоря, количество средств производства должно быть достаточно для того, чтобы поглотить все количество труда, которым они превратятся в продукт. Если бы в наличности не было достаточных средств производства, то излишний труд, который получает в свое распоряжение покупатель, не нашел бы себе приложения; его право распоряжения этим трудом не привело бы ни к чему. Если бы в наличности было более средств производства, чем имеющегося в распоряжении труда, то они остались бы ненасыщенными трудом, не превратились бы в продукт.

Когда акт $D - T < \frac{P}{C_p}$ совершился, покупатель располагает не просто средствами производства и рабочей силой, необходимыми для производства известного полезного предмета: он располагает большей работой рабочей силы, или большим количеством труда, чем необходимо для возмещения стоимости рабочей силы, и в то же время располагает средствами производства, требующимися для реализации или овеществления этой суммы труда: следовательно, он располагает факторами производства предметов большей стоимости чем стоимость

элементов их производства, или располагает факторами производства такого количества товаров, в котором будет заключаться и прибавочная стоимость. Следовательно, стоимость, авансированная им в денежной форме, находится теперь в такой натуральной форме, в которой она может реализоваться как стоимость, порождающая прибавочную стоимость (в форме товаров). Другими словами: она находится в состоянии или в форме производительного капитала, который имеет свойство функционировать, как созидающий стоимость и прибавочную стоимость. Капитал в этой форме обозначим через Π .

Но стоимость $\Pi = \text{стоимости } P + Sp, = D$, превращенному в $P + Sp$. D есть та же самая капитальная стоимость, как и Π , только форма ее существования другая; именно, это—капитальная стоимость в денежном состоянии, или денежной форме: это—денежный капитал.

Поэтому $D - T < \overset{P}{Sp}$, или, если взять этот акт в его общей форме, $D - T$, представляющий сумму всех актов купли товаров, являясь актом товарного обращения вообще, в то же время, как стадия в процессе самостоятельного кругооборота капитала, становится превращением капитальной стоимости из ее денежной формы в ее производительную форму, или, короче, превращением денежного капитала в производительный капитал. Следовательно, в той схеме кругооборота, которая рассматривается здесь в первую очередь, деньги являются первым носителем капитальной стоимости, а потому денежный капитал является той формой, в которой авансируется капитал.

Как денежный капитал, он находится в состоянии, в котором он может исполнять функции денег, напр., в данном случае функции всеобщего покупательного средства и всеобщего платежного средства (последнее постольку, поскольку рабочая сила, хотя она и покупается раньше, но оплачивается лишь после того, как она функционировала; поскольку на рынке не имеется готовых средств производства и приходится заказывать их, в акте $D - Sp$ деньги тоже действуют как платежное средство). Это свойство вытекает не из того, что денежный капитал есть капитал, а из того, что он—деньги.

С другой стороны, капитальная стоимость в денежном состоянии может исполнять лишь функции денег и никаких иных. Что делает их функциями капитала, так это их определенная роль в движении капитала, а потому и связь стадии, в которой они выступают, с другими стадиями его кругооборота. Напр., в случае, который прежде всего занимает нас, деньги превращаются в товары, сочетание которых составляет натуральную форму производительного капитала, а потому в скрытом состоянии, в возможности, уже заключает в себе результат капиталистического процесса производства.

Часть денег, исполняющая в $D—T < \overset{P}{\text{сн}}$, функцию денежного капитала, совершив это обращение, переходит к исполнению такой функции, в которой исчезает ее характер капитала и остается ее характер денег. Обращение денежного капитала D распадается на $D—Cп$ и $D—P$, куплю средств производства и куплю рабочей силы. Рассмотрим последний акт сам по себе. $D—P$, с точки зрения капиталиста, есть купля рабочей силы; с точки зрения рабочего, владельца рабочей силы, это есть продажа рабочей силы,—продажа труда, можем мы сказать здесь, ибо уже предположено, что формой платы труда является заработная плата. То, что для покупателя представляет $D—T$ ($=D—P$), здесь, как и при всякой купле, для продавца (рабочего) является в виде $P—D$ ($=T—D$), в виде продажи рабочей силы. Это—первая стадия обращения, или первый метаморфоз товара (книга I, гл. III, 2а); это, с точки зрения продавца труда,—превращение его товара в денежную форму. Полученные таким образом деньги рабочий постепенно расходует на известную сумму товаров, которые удовлетворяют его потребности, на предметы потребления. Следовательно, обращение его товара как целое представляется в виде $P—D—T$, т. е., во-первых, $P—D$ ($=T—D$) и, во-вторых, $D—T$; следовательно, в виде общей формы простого товарного обращения $T—D—T$, где деньги фигурируют как простое средство обращения, играющее мимолетную роль, как простой посредник в обмене товара на товар.

$D—P$ является характерным моментом превращения денежного капитала в производительный капитал, потому что это—существенное условие для превращения стоимости, авансированной в денежной форме в действительный капитал, в стоимость, которая производит прибавочную стоимость. $D—Cп$ необходимо лишь затем, чтобы реализовать то количество труда, которое куплено в акте $D—P$. С этой точки зрения $D—P$ описано в книге I, отдел II, „Превращение денег в капитал“. Здесь же необходимо посмотреть на дело с другой точки зрения,—именно, по отношению специально к денежному капиталу, как форме существования капитала.

Акт $D—P$ вообще признается характерным для капиталистического способа производства. Но отнюдь не по той указанной выше причине, что купля рабочей силы есть такой договор купли, в котором предположено доставление большего количества труда, чем необходимо для возмещения цены рабочей силы, заработной платы, в котором, следовательно, обусловлено доставление прибавочного труда, основного условия для капитализации авансированной стоимости, или, что то же, для производства прибавочной стоимости. Нет, он признается характерным скорее вследствие своей формы: потому, что труд покупается на деньги,

в форме заработной платы, а это считается признаком денежного хозяйства.

В свою очередь, характерным считается здесь не иррациональность формы,—напротив, иррациональности не замечают. Иррациональность заключается в том, что сам труд, как элемент, образующий стоимость, не может иметь стоимости, а потому и определенное количество труда не может иметь никакой стоимости, которая выражалась бы в его цене, в его эквивалентности с определенным количеством денег. Но мы знаем, что заработная плата есть просто замаскированная форма, форма, в которой, напр., однодневная цена рабочей силы представляется ценою труда, приведенного в течение дня этой рабочей силой в текущее состояние, и что таким образом стоимость, произведенная этой рабочей силой в течение, напр., 6 часов труда, становится выражением стоимости ее двенадцатичасового функционирования, или двенадцатичасового труда.

Д—Р считается характерной чертой, признаком так называемого денежного хозяйства, потому что труд является здесь товаром его владельца, а потому деньги являются покупателем; следовательно, Д—Р считается характерной чертой вследствие денежного характера этого отношения (т.-е. купли и продажи человеческой деятельности.) Но деньги уже очень рано выступили в качестве покупателя так называемых услуг,—и несмотря на то ни Д не превращалось в денежный капитал, ни общий характер хозяйства не претерпевал переворота.

Для денег совершенно безразлично, в какой сорт товаров они превращаются. Это—всеобщая эквивалентная форма всех товаров, которые уже своими ценами показывают, что они идеально представляют определенную сумму денег, ожидают своего превращения в деньги и, только переменявшись своим местом с деньгами, получают форму, из которой они могут быть превращены в потребительные стоимости для своих владельцев. Раз на рынке существует рабочая сила как товар своего владельца, при чем продажа этого товара совершается в форме платы за труд, в виде заработной платы, то купля и продажа ее не представляет ничего особо замечательного по сравнению с куплей и продажей всякого другого товара. Характерное заключается не в том, что товар рабочая сила может быть куплен, а в том, что рабочая сила является товаром.

Посредством $D - T < \overset{P}{C_n}$, посредством превращения денежного капитала в производительный капитал, капиталист достигает соединения вещественных и личных факторов производства, поскольку эти факторы состоят из товаров. Если деньги впервые превращаются в производительный капитал или впервые функционируют как денежный капитал для их владельца, то он, прежде чем покупать рабочую силу,

должен сначала купить средства производства, здания для труда, машины и т. д.: прежде чем рабочая сила перейдет в его распоряжение, у него уже должны иметься в наличности средства производства, к которым можно применить ее как рабочую силу

Так обстоит дело с точки зрения капиталиста.

С точки зрения рабочего: производительное проявление его рабочей силы возможно лишь с того момента, когда она вследствие ее продажи приводится к соединению с средствами производства. Следовательно, до продажи она существует обособленной от средств производства, от вещественных условий ее проявления. В этом состоянии отделения она не может быть прямо применена ни к производству потребительных стоимостей для ее владельца, ни к производству товаров, продажой которых он мог бы существовать. Но как только вследствие ее продажи она приводится в связь с средствами производства, она точно так же становится составной частью капитала, принадлежащего ее покупателю, как и средства производства.

Поэтому, хотя в акте Д—Р собственник денег и собственник рабочей силы относятся друг к другу лишь как покупатель и продавец, противостоят друг другу как владелец денег и товаровладелец, следовательно, в этом смысле находятся в простом денежном отношении друг к другу,—тем не менее покупатель с самого начала выступает и как владелец средств производства, которые образуют вещественные условия производительной затраты рабочей силы владельцем последней. Другими словами, эти средства производства противостоят владельцу рабочей силы как чужая собственность. С другой стороны, продавец труда противостоит покупателю как чужая рабочая сила, которая должна перейти в его распоряжение, должна быть включена в его капитал, чтобы он действительно мог функционировать как производительный капитал. Следовательно, в тот момент, когда капиталист и наемный рабочий противостоят друг другу в акте Д—Р (Р—Д с точки зрения рабочего), классовое отношение между капиталистом и наемным рабочим уже имеется в наличности, уже дано. Рассматриваемый акт представляет куплю и продажу, денежное отношение, но такую куплю и продажу, где покупателем предполагается капиталист, а продавцом—наемный рабочий; следовательно, данное отношение вытекает из того, что условия для реализации рабочей силы—средства существования и средства производства—отделены как чужая собственность от владельца рабочей силы.

Здесь нас не интересует, как возникает это отделение. Оно существует, раз совершается Д—Р. Что интересует нас здесь, так это следующее: если Д—Р является функцией денежного капитала, или если деньги здесь—форма существования капитала, то отнюдь не потому,

что деньги выступают здесь в качестве платежного средства за человеческую деятельность, за ее полезный эффект, за услугу; следовательно, отнюдь не вследствие функции денег как платежного средства. Деньги могут быть израсходованы в такой форме лишь потому, что рабочая сила находится в состоянии отделения от средств производства (включая сюда и средства существования, как средства производства самой рабочей силы); потому, что это отделение может быть прекращено лишь таким способом, что рабочая сила продается собственнику средств производства, и, следовательно, покупателю принадлежит и функционирование рабочей силы, границы которого отнюдь не совпадают с границами количества труда, необходимого для воспроизводства ее цены. Капиталистическое отношение проявляется в процессе производства лишь потому, что оно уже существует само по себе в акте обращения, в различии тех основных экономических условий, при которых противостоят друг другу продавец и покупатель, в их классовом отношении. Не из природы денег вытекает это отношение; напротив лишь существование этого отношения превращает простую функцию денег в функцию капитала.

В понимании денежного капитала (а только с ним мы пока и имеем дело в пределах той определенной функции, в которой он выступает здесь перед нами) обыкновенно встречаются или переплетаются два заблуждения. Во-первых, функции, которые исполняет капитальная стоимость в качестве денежного капитала, и которые она может исполнять именно потому, что она находится в денежной форме, ошибочно выводятся из ее характера как капитала, между тем как они вытекают лишь из денежного состояния капитальной стоимости, из ее существования в форме денег. И, во-вторых, наоборот: то специфическое содержание функции денег, которое превращает эту функцию в функцию капитала, выводится из природы денег (потому деньги смешиваются с капиталом), между тем как функция денежного капитала предполагает общественные условия, которые делают возможным акт $D-R$, и которые вовсе не предполагаются простым товарным и соответствующим денежным обращением.

Купля и продажа рабов по своей форме представляет тоже куплю и продажу товаров. Но без существования рабства деньги не могут совершать этой функции. Существует рабство, и деньги могут быть затрачены на закупку рабов. Напротив, если в руках покупателя есть деньги, этого недостаточно для того чтобы сделать рабство возможным.

Если продажа собственной рабочей силы (в форме продажи собственного труда, или в форме заработной платы) представляет не изолированное явление, а предпосылку товарного производства, накла-

дывающую свою печать на все общество, следовательно, если денежный капитал совершает рассматриваемую здесь функцию $D - T < \frac{P}{C_n}$ в общественном масштабе, то это предполагает исторические процессы, которыми разлагалось первоначальное соединение средств производства с рабочей силой: процессы, в результате которых масса народа, рабочие, как неимущие, противостоят неработающим, как имущим, как собственникам средств производства. Имело ли соединение перед своим разложением такую форму, что сам рабочий при надлежал в качестве средства производства к числу других средств производства, или же он был их собственником, — это дела не изменяет.

Итак, сущность дела, лежащая в основе акта $D - T < \frac{P}{C_n}$, есть распределение; не распределение в обычном смысле распределения средств потребления, а распределение элементов самого производства, при чем вещественные элементы концентрируются на одной стороне, рабочая же сила, изолированная от них, — на другой.

Следовательно, чтобы акт $D - P$ мог сделаться всеобщим общественным актом, средства производства, вещественная часть производительного капитала, уже должны противостоять рабочему как таковые как капитал.

Выше мы видели, что капиталистическое производство, раз появившись, в своем развитии не только воспроизводит это отделение, но и расширяет его в постоянно растущих размерах, пока оно не сделается универсально господствующим общественным состоянием. Но в деле есть и еще одна сторона. Чтобы капитал мог образоваться и подчинить себе производство, предпосылкой для этого является известная степень в развитии торговли, а потому и в развитии товарного обращения и, следовательно, товарного производства: предметы не могут вступить в обращение как товары, если они производятся не для продажи, следовательно, не как товары. Но лишь на основе капиталистического производства товарное производство становится нормальным, господствующим типом производства.

Русские землевладельцы, которые вследствие так называемого освобождения крестьян ведут теперь свое сельское хозяйство наемными рабочими вместо крепостных подневольных работников, жалуются на две вещи: во-первых, на недостаток денежного капитала. Так, напр., они говорят: прежде чем продать урожай, приходится производить платежи наемным рабочим в сравнительно крупных размерах, и здесь-то сказывается недостаток в первом условии, в наличных. Чтобы вести производство капиталистически, требуется постоянная наличность капитала в форме денег, именно для выдачи заработной платы. Однако землевладельцы могут утешиться. Время учит, и промышленный ка-

питалист уже располагает не только своими соевственными деньгами, но и l'argent des autres.

Однако характернее вторая жалоба, именно: хотя бы и имелись деньги, все же нет достаточного количества рабочих сил, которые можно было бы купить во всякое время: вследствие общинной собственности деревенской общины на землю, русский сельский рабочий еще не вполне отделен от своих средств производства, поэтому он еще далеко не представляет „свободного наемного рабочего“ в полном значении этого слова. Но существование такового в широком, общественном масштабе является необходимым условием для того, чтобы Д—Т, превращение денег в товар, могло представлять превращение денежного капитала в производительный капитал.

Поэтому само собою понятно, что формула для кругооборота денежного капитала: Д—Т... П... Т'—Д', является постоянной формой кругооборота капитала лишь на основе уже развитого капиталистического производства, так как она предполагает существование класса наемных рабочих в общественном масштабе. Капиталистическое производство, как мы видели, производит не только товар и прибавочную стоимость: оно воспроизводит, притом в постоянно расширяющемся размере, класс наемных рабочих и превращает в наемных рабочих подавляющее большинство непосредственных производителей. Поэтому акты Д—Т... П... Т'—Д', так как первой предпосылкой их течения является постоянное существование класса наемных рабочих, уже предполагают капитал в форме производительного капитала, а потому предполагают и форму кругооборота производительного капитала.

II. Вторая стадия. Функция производительного капитала.

Рассматриваемый здесь кругооборот капитала начинается актом обращения Д—Т, превращением денег в товар, куплей. Следовательно, обращение должно быть дополнено противоположным метаморфозом Т—Д, превращением товара в деньги, продажей. Но непосредственным результатом акта $Д—Т < \frac{P}{C_{ст}}$ является перерыв обращения капитальной стоимости, авансированной в денежной форме. Благодаря превращению денежного капитала в производительный капитал капитальная стоимость приобрела такую натуральную форму, в которой она не может продолжать обращение и должна войти в сферу потребления, именно производительного потребления. Потребление рабочей силы, труд, может быть реализовано лишь в процессе труда. Капиталист не может продать рабочего как товар, потому что

это—не его раб, и потому что он купил лишь использование его рабочей силы в течение определенного времени. С другой стороны, он может использовать рабочую силу, лишь заставив ее использовать средства производства в качестве товарообразователей. Следовательно, результат первой стадии—вступление во вторую, в производительную стадию капитала.

Движение представляется в виде $D—T < \frac{P}{C_{\text{н}}} \dots II$, где точки означают, что обращение капитала прервано, но процесс его кругооборота продолжается, так как из сферы товарного обращения он вступает в сферу производства. Следовательно, первая стадия, превращение денежного капитала в производительный капитал, является лишь предшественницей и вводной фазой ко второй стадии, к функционированию производительного капитала.

$D—T < \frac{P}{C_{\text{н}}}$ предполагает, что индивидуум, совершающий этот акт, не только располагает вообще стоимостями в той или иной потребительной форме, но что он владеет этими стоимостями в денежной форме, что он—владелец денег. А так как акт заключается именно в отдаче денег, то индивидуум может остаться владельцем денег лишь постольку, поскольку деньги *implicite* возвращаются к нему благодаря самому акту выдачи. Между тем деньги могут притти к нему обратно лишь посредством продажи товаров. Следовательно, акт с самого начала предполагает, что данный индивидуум—товаро-производитель.

$D—P$. Наемный рабочий существует только продажей рабочей силы. Ее сохранение—его самосохранение—требует ежедневного потребления. Следовательно, платежи ему должны постоянно повторяться через короткие сроки, чтобы он мог повторять необходимые для его самосохранения закупки—акт $P—D—T$ или $T—D—T$. Поэтому капиталист постоянно должен противостоять ему как денежный капиталист, а его капитал—как денежный капитал. Но, с другой стороны, чтобы масса непосредственных производителей, наемных рабочих, могла совершать акт $P—D—T$, необходимые средства существования постоянно должны противостоять им в такой форме, что они могут быть куплены, т.-е. в товарной форме. Таким образом это положение требует уже высокого развития обращения продуктов как товаров, а потому и высокого уровня в развитии товарного производства. Когда производство посредством наемного труда приобретает всеобщий характер, товарное производство должно сделаться всеобщей формой производства. При предположении всеобщего характера товарного производства, постоянно возрастающее разделение общественного труда, т.-е. растущее обособление продукта, производимого как товар одним определенным капиталистом, в свою очередь ведет к тому, что

производственные процессы, которые взаимно дополняют друг друга, все более расщепляются в самостоятельные процессы. Поэтому в той самой степени, как развивается Д—Р, развивается и Д—Сп, т.-е. в той же мере производство средств производства отделяется от производства товара, по отношению к которому они являются средствами производства, и последние становятся для всякого товаропроизводителя товарами, ко торых он не производит, но которые он покупает для своего определенного производственного процесса. Они выходят из отраслей производства, которые совершенно отделены от его собственной, которые ведутся самостоятельно,—они входят в его отрасль производства как товары; поэтому их приходится покупать. Вещественные условия товарного производства все в большей мере противостоят товаропроизводителю как продукты других товаропроизводителей, как товары. И в той же мере капиталист должен выступать как денежный капиталист, или, другими словами, должен расширять тот масштаб, в котором его капитал функционирует как денежный капитал.

С другой стороны, те самые обстоятельства, которые создают основное условие капиталистического производства — существование класса наемных рабочих, — содействуют переходу всего товарного производства в капиталистическое товарное производство. В той мере, как последнее развивается, оно действует разрушающим и разлагающим способом на всякую более старую форму производства, которая, рассчитанная преимущественно на непосредственное собственное потребление, превращает в товар только избыток продукта. Продажу продукта оно делает преобладающим, главным интересом, при чем сначала оно как будто не затрагивает самого способа производства, — таково было, напр., первое действие капиталистической мировой торговли на такие народы, как китайцы, индийцы, арабы и т. д. Но потом, пустив корни, оно разрушает все формы товарного производства, основой которых служил или собственный труд производителя, или же просто продажа в виде товара только излишков продукта. Сначала оно придает товарному производству характер всеобщности и потом постепенно превращает все товарное производство в капиталистическое производство ⁴⁾

Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения одни от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того, чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи

⁴⁾ До сих пор рукопись VII. Отсюда рукопись VI.

социальной структуры. В исследуемом случае отделение свободного рабочего от его средств производства есть наперед данный исходный пункт, и мы уже видели, как и при каких условиях рабочий и средства производства соединяются в руках капиталиста, — именно, соединяются как производительная форма бытия его капитала. Поэтому тот реальный процесс, в который вступают сближенные таким способом личные и вещественные товарообразователи, самый процесс производства, становится функцией капитала, — капиталистическим производственным процессом, природа которого подробно описана в первой книге этого сочинения. Занятие вообще товарным производством превращается в занятие эксплуатацией рабочей силы; но лишь капиталистическое товарное производство становится таким способом эксплуатации, который, организуя процесс труда и мощно развивая технику, открывает новую эпоху истории и в своем дальнейшем движении совершает переворот во всей экономической структуре общества и оставляет далеко позади все предшествовавшие эпохи

Вследствие различия роли, какую средства производства и рабочая сила играют в производственном процессе при образовании стоимости, а следовательно, и в создании прибавочной стоимости, они различаются как постоянный и переменный капитал, поскольку они являются формами существования авансированной капитальной стоимости. Как различные составные части производительного капитала, они отличаются, далее, тем, что первые, раз ими владеет капиталист, остаются его капиталом и вне производственного процесса, между тем как рабочая сила лишь в нем становится формой существования индивидуального капитала. Если рабочая сила есть товар только в руках ее продавца, наемного рабочего, то, напротив, капиталом она становится только в руках ее покупателя, капиталиста, которому достается ее временное потребление. Сами средства производства становятся вещественной формой производительного капитала, или производительным капиталом, только с того момента, когда рабочая сила, как личная форма бытия того же капитала, получает возможность внедряться в них. Как человеческая рабочая сила, так и средства производства не являются капиталом от природы. Они приобретают этот специфический общественный характер лишь при определенных, исторически развившихся условиях, подобно тому как лишь при таких же условиях благородные металлы получают характер денег или деньги — характер денежного капитала.

Функционируя, производительный капитал потребляет свои собственные составные части, чтобы превратить их в массу продуктов, имеющую более высокую стоимость. Так как рабочая сила действует лишь в качестве одного из его органов, то и созданный ее приба-

вочным трудом излишек стоимости продукта над стоимостью образующих его элементов становится плодом капитала. Прибавочный труд рабочей силы есть даровой труд для капитала и потому образует для капиталиста прибавочную стоимость, которая ничего не стоит ему. Поэтому продукт есть не просто товар, но товар, оплодотворенный прибавочной стоимостью. Его стоимость $= П + М$, равна стоимости потребленного на его изготовление производительного капитала $П$ плюс произведенная им прибавочная стоимость $М$. Предположим, что этот товар состоит из 10.000 ш (фунтов) пряжи, на изготовление которой потреблены средства производства стоимостью в 372 £ и рабочая сила стоимостью в 50 £ . В процессе прядения прядильщики перенесли на пряжу стоимость средств производства, потребленных их трудом, в количестве 372 £ и в то же время, соответственно затрате их труда, доставили новую стоимость, скажем в 128 £ . Поэтому 10.000 ш пряжи являются носителем стоимости в 500 £ .

III. Третья стадия. Т — Д.

Товар становится товарным капиталом как вышедшая непосредственно из самого производственного процесса функциональная форма бытия капитальной стоимости, уже принесшей прибавочную стоимость. Если бы товарное производство во всем его общественном размере велось капиталистически, то всякий товар с самого начала был бы элементом товарного капитала, состоит ли этот товар из чугуна или брюссельских кружев, серной кислоты или сигар. Проблема, какие именно виды товара predetermined своим свойством к возведению в ранг капитала и какие другие — к рядовой товарной службе, является одним из тех невинных затруднений, которые создавала для себя сама схоластическая экономия.

Капитал, находясь в товарной форме, должен исполнять функцию товара. Предметы, из которых он состоит, произведенные именно для рынка, должны быть проданы, превращены в деньги, следовательно, должны совершить движение Т—Д.

Положим, что товар капиталиста состоит из 10.000 ш хлопчатобумажной пряжи. Если в процессе прядения потреблено средств производства стоимостью на 372 £ , и создана новая стоимость в 128 £ то стоимость пряжи равна 500 £ , что и выражается в ее цене такого же наименования. Эта цена реализуется посредством продажи Т—Д. Что превращает этот простой акт всякого товарного обращения в функцию капитала? Отнюдь не какое бы то ни было изменение, совершающееся во время этого акта: не изменение потребительного харак-

тера товара, — потому что именно как предмет потребления товар и переходит к покупателю; и не изменение его стоимости, — потому что последняя не претерпевает никаких изменений величины, в акте товарного обращения изменяется только форма стоимости. Сначала стоимость существовала в пряже, теперь она существует в деньгах. В этом выступает существенное различие между первой стадией Д—Т и последней стадией Т—Д. Там авансированные деньги функционируют как денежный капитал, потому что при посредстве обращения они превращаются в товары специфической потребительной стоимости. Здесь, в последней стадии Т—Д, товар может функционировать как капитал лишь постольку, поскольку уже из производственного процесса, прежде чем начать обращение, он получил характер капитала. Во время процесса прядения прядильщики создают стоимость пряжи в 128 £. Из них, скажем, 50 £ составляют просто эквивалент для капиталиста за его затрату на рабочую силу, а 78 £ — при степени эксплуатации рабочей силы в 156% — образуют прибавочную стоимость. Следовательно, стоимость 10.000 £ пряжи включает в себе, во-первых, стоимость потребленного производительного капитала Р, при чем постоянная часть = 372 £, переменная = 50 £, их сумма = 422 £ = = 8.440 £ пряжи. Стоимость же производительного капитала П = Т, стоимости образующих его элементов, которые на стадии Д—Т прогностически капиталисту как товары в руках продавцов их. Далее, стоимость пряжи включает в себе и прибавочную стоимость в 78 £ = = 1.560 £ пряжи. Следовательно, Т, как выражение стоимости 10.000 £ пряжи, равно $T + \Delta T$, Т плюс приращение Т (= 78 £); этот результат мы обозначим посредством т, потому что в данное время он существует в той же товарной форме, как и первоначальная стоимость Т. Стоимость 10.000 £ пряжи = 500 £, следовательно, = $T + t = T'$; Т, как выражение стоимости 10.000 £ пряжи, превращает в Т' не абсолютная величина его стоимости (500 £): подобно всяким другим Т, поскольку они являются выражением стоимости известной суммы каких-либо других товаров, она и для Т' определяется величиною овеществленного в нем труда. Т превращается в Т' вследствие относительной величины его стоимости — благодаря величине его стоимости по сравнению с стоимостью капитала П, потребленного при его производстве. В Т' заключается эта стоимость плюс доставленная производительным капиталом прибавочная стоимость. Его стоимость больше, превышает эту капитальную стоимость на эту прибавочную стоимость. 10.000 £ пряжи, это — носитель возросшей, обогащенной прибавочной стоимостью капитальной стоимости, и они играют роль такого носителя, как продукт капиталистического производственного процесса. Т' выражает отношение стоимостей, — отно-

шение стоимости товарного продукта к стоимости капитала, затраченного на его производство; следовательно, T' выражает, что его стоимость составлена из капитальной стоимости и прибавочной стоимости. 10.000 £ пряжи суть товарный капитал, T' , только в качестве превращенной формы производительного капитала Π , следовательно, лишь в связи, которая существует только в кругообороте этого индивидуального капитала, или существует только для того капиталиста, который своим капиталом произвел пряжу. Только, так сказать, внутреннее, но отнюдь не какое-либо внешнее отношение делает эти 10.000 £ пряжи, как носителя стоимости, товарным капиталом; капиталистическое родимое пятно этих 10.000 £ заключается не в абсолютной величине их стоимости, а в относительной величине, в величине их стоимости по сравнению с той, которую обладал содержащийся в них производительный капитал, прежде чем он превратился в товар. Поэтому, если 10.000 £ пряжи будут проданы по их стоимости, за 500 £ , то этот акт обращения, рассматриваемый сам по себе, $=T-D$, представляет простое превращение стоимости, остающейся неизменною, из товарной формы в денежную форму. Но, как особая стадия в кругообороте определенного индивидуального капитала, тот же самый акт представляет реализацию капитальной стоимости в 422 £ , заключающейся в товаре + прибавочная стоимость в 78 £ , заключающаяся в том же товаре, — следовательно, представляет $T'-D'$, превращение товарного капитала из его товарной формы в денежную форму ¹⁾

Функция T' теперь такая же, как и всякого товарного продукта: претерпеть превращение в деньги, быть проданным, проделать фазу обращения $T-D$. Пока возросший в стоимости капитал остается в форме товарного капитала, неподвижно лежит на рынке, производственный процесс останавливается. Капитал не действует ни как образователь продукта, ни как образователь стоимости. В зависимости от различной степени скорости, с какою капитал сбрасывает с себя товарную форму и принимает денежную форму, или в зависимости от быстроты продажи, одна и та же капитальная стоимость будет в очень неравной степени служить в качестве образователя продукта и стоимости, и масштаб воспроизводства будет расширяться или сокращаться. В первой книге было показано, что степень действия данного капитала обуславливается свойствами производственного процесса, в известной мере независимыми от величины стоимости капитала. Теперь оказывается, что процесс обращения капитала вызывает новые силы, обуславливающие степень его действия, его расширения и сокращения и тоже независимые от величины его стоимости.

¹⁾ До сих пор рукопись VI. Отсюда рукопись V.

Далее, вся масса товаров T' , как носитель увеличенного прибавочной стоимостью капитала, должна проделать метаморфоз $T'—D'$. Количество проданного становится здесь существенным обстоятельством. Отдельный товар фигурирует только как интегральная часть всей массы. 500 £ стоимости существуют в 10.000 ш пряжи. Если капиталисту удастся продать только 7.440 ш по их стоимости в 372 £, то он возместит таким образом лишь стоимость своего постоянного капитала, стоимость затраченных средств производства; если 8.440 ш ,— то лишь величину стоимости всего авансированного капитала. Чтобы реализовать прибавочную стоимость, он должен продать больше, а чтобы реализовать всю прибавочную стоимость в 70 £ (=1.560 ш пряжи), он должен продать все 10.000 ш пряжи. Следовательно, в 500 £ денег он получает лишь равноценность за проданный товар; его сделка в пределах обращения есть простое $T—D$. Если бы он выдал своим рабочим 64 £ вместо платы в 50 £, то его прибавочная стоимость была бы лишь 64 £ вместо 78 £, и степень эксплуатации только 100% вместо 156%. Но стоимость его пряжи осталась бы такой же, как была раньше; изменилось бы только соотношение ее различных частей; акт обращения $T—D$ теперь, как и раньше, был бы продажей 10.000 ш пряжи за 500 £, по их стоимости.

$T' = T + t$ (= 422 £ + 78 £). — T равно стоимости Π , или стоимости производительного капитала, а последняя равна стоимости D , которое авансировано в акте $D—T$, в купле элементов производства; в нашем примере = 422 £. Если данная масса товара продается по ее стоимости, то $T = 422$ £ и $t = 78$ £, стоимости прибавочного продукта в 1.560 ш пряжи. Если t , выраженное в деньгах, мы обозначим посредством d , то $T'—D' = (T + t) — (D + d)$, а кругооборот $D—T... \Pi... T'—D'$ в его распространенной форме будет, следовательно, обозначаться через $D—T < \overset{P}{\text{сп}}... \Pi... (T + t) — (D + d)$.

В первой стадии капиталист извлекает предметы погребения с рынка собственно товаров и рынка труда; в третьей стадии он бросает товары обратно, но только на один рынок, на рынок собственно товаров. Но если потом посредством своего товара он извлекает с рынка более стоимости, чем бросил на него первоначально, то лишь потому, что бросил на него большую товарную стоимость, чем первоначально извлек. Он бросил на рынок стоимость D и извлек равностоимость T ; он бросает на рынок $T + t$ и извлекает равностоимость $D + d$.—В нашем примере D было равно стоимости 8.440 ш пряжи; но он бросает на рынок 10.000 ш , следовательно, дает ему большую стоимость, чем сам взял с рынка. С другой стороны, он бросил на рынок эту возросшую стоимость только потому, что посредством эксплуатации рабочей силы в производственном процессе произвел приба-

вочную стоимость (выражаемую, как составная часть продукта, в прибавочном продукте). Только в качестве продукта производственного процесса эта масса товара есть товарный капитал, носитель возросшей капитальной стоимости. Посредством акта $T'-D'$ реализуется как авансированная капитальная стоимость, так и прибавочная стоимость. Реализация той и другой совершается одновременно в ряде продаж или даже в одновременной продаже разом всей массы товара, что и выражает $T'-D'$. Но, оставаясь одним и тем же как акт обращения, $T'-D'$ различен для капитальной стоимости и прибавочной стоимости в том смысле, что для каждой из них он выражает различную стадию их обращения, неодинаковый отдел того ряда метаморфоз, который они проходят в сфере обращения. Прибавочная стоимость t только в производственном процессе и появилась на свет. Следовательно, она впервые выступает на товарный рынок и выступает притом в товарной форме; это—первая форма ее обращения, а потому акт $t-d$ — первый акт ее обращения, или ее первый метаморфоз; следовательно, его еще остается восполнить посредством противоположного акта обращения, или посредством обратного метаморфоза $d-t$ ⁵⁾.

Иначе обстоит дело с обращением, которое совершает капитальная стоимость в том же самом акте обращения $T'-D'$; он является для нее актом обращения $T-D$, где $T=II$, равно первоначально авансированному D . Капитальная стоимость открыла первый акт своего обращения как D , как денежный капитал, и посредством акта $T-D$ возвращается к той же самой форме; следовательно, она прошла обе противоположные фазы обращения: 1) $D-T$ и 2) $T-D$, и тогда опять оказалась в такой форме, в которой она снова может начать тот же процесс кругооборота. То, что для прибавочной стоимости является первым превращением товарной формы в денежную форму, для капитальной стоимости является возвратом, или обратным превращением в ее первоначальную денежную форму.

Посредством $D-T < \overset{P}{C_n}$ денежный капитал был превращен в сумму товаров P и C_n , имеющую такую же стоимость. Эти товары не функционируют более как товары, как предметы продажи. Их стоимость существует отныне в руках покупателя их, капиталиста, как стоимость его производительного капитала II . В функции II , в производительном потреблении, они превращаются в новый сорт товара, материально отличный от средств производства, в пряжу, в которой их стоимость

⁵⁾ Это остается неизменным, каким бы способом ни отделяли мы капитальную стоимость и прибавочную стоимость. В 10.000 ш пряжи заключается 1.560 ш = 78 £ прибавочной стоимости, но в 1 ш пряжи = 1 шиллингу, в свою очередь заключается 2.496 унций = 1.728 пенни прибавочной стоимости.

не только сохраняется, но и увеличивается с 422 £ до 500 £. Благодаря этому реальному метаморфозу товары, извлеченные с рынка в первой стадии Д—Т, заменяются отличным как материально, так и по стоимости товаром, который должен теперь функционировать как товар, должен быть превращен в деньги и продан. Поэтому производственный процесс представляется просто перерывом в процессе обращения капитальной стоимости, в котором до сих пор была пройдена только первая фаза Д—Т. Капитальная стоимость проходит вторую и заключительную фазу Т—Д после того, как Т материально и по стоимости претерпит изменение. Но если мы посмотрим на собственно капитальную стоимость, взятую обособленно, то окажется, что в производственном процессе она претерпела изменение лишь своей потребительной формы. Она существовала как 422 £ стоимости в Р и Сп, теперь она существует как 422 £ стоимости в 8.440 g пряжи. Следовательно, если мы посмотрим лишь на обе фазы процесса обращения, который проходит капитальная стоимость, взятая обособленно от ее прибавочной стоимости, то окажется, что она проходит 1) Д—Т и 2) Т—Д, причем второе Т есть изменившаяся потребительная форма, но имеет ту же стоимость, как первое Т; таким образом капитальная стоимость проходит Д—Т—Д: форма обращения, которая двоекратным перемещением товара в противоположном направлении, превращением из денег в товар, превращением из товара в деньги, необходимо обуславливает возвращение стоимости, авансированной в форме денег, к ее денежной форме: обуславливает ее обратное превращение в деньги.

Тот самый акт обращения Т'—Д', который для капитальной стоимости, авансированной в деньгах, является вторым, заключительным метаморфозом, возвращением к денежной форме, для прибавочной стоимости, заключающейся в том же товарном капитале и реализуемой посредством его превращения в денежную форму, служит первым метаморфозом, превращением из товарной формы в денежную форму, Т—Д, первой фазой обращения.

Итак, здесь необходимо отметить обстоятельства двоякого рода. Во-первых: заключительное обратное превращение капитальной стоимости в ее первоначальную денежную форму есть функция товарного капитала. Во-вторых: эта функция включает в себе первое превращение прибавочной стоимости из ее первоначальной товарной формы в денежную форму. Таким образом денежная форма играет здесь двоякую роль: с одной стороны, она представляет ту форму, в которую возвращается стоимость, первоначально авансированная в деньгах,—следовательно, перед нами возврат к той форме стоимости, которую открылся процесс; с другой стороны, она—первая превращенная форма стоимости, первоначально вступающей в обращение в товарной форме.

Если товары, из которых состоит товарный капитал, продаются по их стоимости, как предлагается здесь, то $T + t$ превращается в равное по стоимости $D + d$; в этой форме $D + d$ ($422 \text{ £} + 78 \text{ £} = 500 \text{ £}$) реализованный товарный капитал находится теперь в руках капиталиста. Капитальная стоимость и прибавочная стоимость существуют теперь как деньги, следовательно, во всеобщей эквивалентной форме.

Итак, в конце процесса капитальная стоимость находится опять в той же форме, в которой она вступила в него, и, следовательно, снова как денежный капитал может открыть и совершить этот процесс. Именно потому, что начальная и заключительная форма процесса—денежный капитал (D), процесс кругооборота в этой форме назван у нас кругооборотом денежного капитала. В конце концов оказывается изменившейся не форма, а только величина авансированной стоимости.

$D + d$ суть не что иное, как денежная сумма определенной величины, в нашем случае 500 £ . Но, как результат кругооборота капитала, как реализованный товарный капитал, эта сумма денег содержит капитальную стоимость и прибавочную стоимость, и притом они уже не срослись вместе, как в пряжке,—теперь они лежат друг возле друга. Их реализация дала каждой из них самостоятельную денежную форму. $^{211}_{/250}$ этой суммы суть капитальная стоимость, 422 £ , и $^{39}_{/250}$ — прибавочная стоимость в 78 £ . Это произведенное реализацией товарного капитала разделение является не только формальным по своему содержанию,—об этой стороне мы сейчас поговорим; оно приобретает важность по отношению к процессу воспроизводства капитала, смотря по тому, присоединяется ли d к D целиком, частично или совсем не присоединяется, следовательно, продолжает ли оно функционировать как составная часть авансированной капитальной стоимости или нет. Обращение d и D может быть совершенно различным.

В D' капитал снова возвратился к своей первоначальной форме D , к своей денежной форме; но возвратился в такой форме, что это возвращение есть реализация его, как капитала.

Здесь имеется, во-первых, количественное различие. Было D , 422 £ ; теперь имеется D' , 500 £ , и это различие выражено в $D...D'$, количественно различных крайних членах кругооборота, самый ход которого обозначен лишь..., точками. $D' > D$, $D' - D = M$, прибавочной стоимости. Но, как результат этого кругооборота $D...D'$, в настоящее время существует только D' ; это — результат, в котором угас процесс его образования. D' существует теперь самостоятельно само по себе, независимо от движения, которое принесло его. Движение миновало, на его месте стоит D' .

Но D' , как $D+d$, как 500 £, как 422 £ авансированного капитала плюс его приращение в 78 £, представляет в то же время качественное отношение, хотя само это качественное отношение существует лишь как отношение частей одной и той же суммы, следовательно, как количественное отношение. D , авансированный капитал, который теперь снова находится в своей первоначальной форме (422 £), существует в настоящее время, как реализованный капитал. Он не только сохранился, — он и реализовался как капитал, потому что он, именно как капитал, отличается от d (78 £), к которому он стоит в таком отношении, как к своему приращению, к своему плоду, к порожденному им самим приросту. Он реализовался как капитал, потому что реализовался как стоимость, породившая стоимость. D' существует как капиталистическое отношение; D является уже не просто деньгами, — оно прямо выступает как денежный капитал, получает выражение как самовозросшая стоимость, следовательно, как стоимость, которая обладает свойством увеличиваться, порождать более стоимости, чем в ней самой. D стало капиталом, вследствие своего отношения к другой части D' (т.-е. к d), как определяемой через D , созданной из него как причины, — вследствие своего отношения к этой части как следствию, причиной которого служит D . Таким образом D' является суммой стоимости, дифференцированной в самой себе, заключающей функционально (в понятии) отличные части, является суммой стоимости, выражающей капиталистическое отношение.

Но это отношение выражено только как результат, без посредства того процесса, который принес этот результат.

Части стоимости как таковые качественно не отличаются одна от другой, если только они не выступают как стоимости различных предметов, конкретных вещей, следовательно, в различных потребительных формах, а потому как стоимости различных товарных тел: различие, которое вытекает не из них самих, как простых частей стоимости. В деньгах угасает всякое различие товаров, потому что они суть именно общая всем товарам, эквивалентная форма. Денежная сумма 500 £ состоит из совершенно однородных элементов по 1 £. Так как в простом бытии этой суммы делег изглажено посредствующее звено ее происхождения, и исчез всякий след специфического различия, которое характеризует различные составные части капитала в производственном процессе, то различие существует лишь между понятием главной суммы (по-английски principal) = авансированному капиталу в 422 £, и понятием излишней суммы стоимости = 78 £. Пусть, напр., $D' = 110$ £, из которых $100 = D$, главной сумме, и $10 = M$, прибавочной стоимости. Обе составные части суммы 110 £ в абсолютно однородны, следовательно, неразличимы в понятии. Какие

угодно 10 £ всегда составляют $\frac{1}{11}$ общей суммы в 110 £, являются ли они $\frac{1}{10}$ авансированной главной суммы в 100 £ или излишком в 10 £ над нею. Поэтому главная сумма и прирост суммы, капитал и прибавочная сумма, могут быть выражены как дроби всей суммы; в нашем примере $\frac{10}{11}$ составляют главную сумму, или капитал, $\frac{1}{11}$ — прибавочную сумму. Таким образом то денежное выражение, которое реализованный капитал получает в конце своего процесса, есть неуловимое в понятии, так сказать, иррациональное выражение капиталистического отношения.

Это, конечно, справедливо и по отношению к T' ($= T + t$). Но с той разницей, что T' , в котором T и t представляют тоже лишь пропорциональные части стоимости одной и той же однородной товарной массы, содержит указание на свое происхождение из Π , непосредственным продуктом которого является T' , между тем как в D' , форме, вышедшей непосредственно из обращения, исчезло прямое отношение к Π .

Вышеуказанное иррациональное различие между главной и выросшей суммой, заключающееся в D' , поскольку оно выражает результат движения $D \dots D'$, тотчас же исчезает, если D' опять начинает активно функционировать в качестве денежного капитала, следовательно, если оно не фиксируется как денежное выражение промышленного капитала, возросшего в своей стоимости. Кругооборот денежного капитала может начаться лишь с D (хотя в качестве D теперь функционирует D'), но отнюдь не с D' ; т.-е. он может начаться лишь формой, выражающей авансирование капитальной стоимости, но отнюдь не выражением капиталистического отношения. Когда 500 £ авансируются как капитал для нового самовозрастания, они являются начальным пунктом, между тем как раньше были конечным пунктом. Вместо капитала в 422 £ теперь авансирован капитал в 500 £, — более денег, чем раньше, более капитальной стоимости, — но отношение между двумя составными частями отпало: совершенно так же и первоначально могла бы функционировать в качестве капитала сумма в 500 £ вместо 422 £.

Представлять капитал в виде D' не есть активная функция денежного капитала: его собственное появление в форме D' является напротив, функцией T' . Уже при простом товарном обращении: 1) $T_1 - D$; 2) $D - T_2$, D активно функционирует лишь во втором акте $D - T_2$; появление его в виде D является лишь результатом первого акта, благодаря которому, оно выступает как превращенная форма T_1 . Капиталистическое отношение, заключающееся в D' , отношение одной части последнего, как капитальной стоимости, к другой его части, как приращению этой стоимости, приобретает, правда, и

функциональное значение, если, при постоянном повторении кругооборота $D... D'$, D' разделяется между двоякого рода обращением: обращением капитала и обращением прибавочной стоимости, и, следовательно, если обе части исполняют не только количественно, но и качественно различные функции, — D иные, чем d . Но, рассматриваемая сама по себе, форма $D... D'$ не заключает в себе потребления капиталиста, а прямо содержит только самовозрастание и накопление, поскольку последнее выражается прежде всего в периодическом увеличении снова и снова авансируемого денежного капитала.

$D' = D + d$, хотя и является иррациональной формой капитала, в то же время представляет денежный капитал лишь в его реализованной форме, в виде денег, которые произвели деньги. В этом следует видеть отличие от функции денежного капитала в первой стадии $D - T < \overset{P}{\text{сп}}$. В этой первой стадии D обращается как деньги. D функционирует как денежный капитал лишь потому, что только в денежном состоянии может исполнить функцию денег, превратиться в элементы Π , в P и Сп , противостоящие ему как товары. В этом акте обращения D функционирует только как деньги; но так как этот акт — первая стадия в движении капитальной стоимости, то он, в силу специфической потребительной формы покупаемых здесь товаров P и Сп является одновременно и функцией денежного капитала. Напротив, D' , составленное из D , капитальной стоимости, и d , произведенной ею прибавочной стоимости, выражает возросшую капитальную стоимость, — цель и результат, функцию всего процесса кругооборота капитала. Если оно выражает этот результат в денежной форме, как реализованный денежный капитал, это вытекает не из того, что оно есть денежная форма капитала, денежный капитал, но, наоборот, из того, что оно есть денежный капитал, капитал в денежной форме, из того, что капитал в этой форме открыл процесс, был авансирован в денежной форме. Как мы видели, обратное превращение в денежную форму есть функция товарного капитала T' , не денежного капитала. Что же касается разности между D' и D , то она (d) представляет лишь денежную форму t , приращения T ; D' только потому $= D + d$, что T' было $= T + t$. Следовательно, эта разность и отношение капитальной стоимости к порожденной ею прибавочной стоимости заключаются и получили себе выражение в T' , прежде чем та и другая стоимость превратились в D' , в единую денежную сумму, в которой обе части стоимости самостоятельно противостоят одна другой и потому могут быть употреблены на самостоятельные функции, различные одна от другой.

D' есть лишь результат реализации T' . И то и другое— T' , как и D' —суть лишь различные формы, товарная форма и денежная форма возросшей капитальной стоимости, у них обоих то общее, что они—возросшая капитальная стоимость. Оба суть осуществленный капитал, потому что здесь капитальная стоимость как таковая существует совместно с прибавочной стоимостью, как отличным от первой, полученным благодаря ей плодом, хотя это отношение и выражается лишь в такой иррациональной форме, как отношение двух частей одной и той же денежной суммы или одной и той же товарной стоимости. Но как выражение капитала в его отношении к прибавочной стоимости и в его отличии от прибавочной стоимости, произведенной им, следовательно, как выражение возросшей стоимости, D' и T' суть одно и то же и выражают они одно и то же, только в различной форме; они отличаются друг от друга не как денежный капитал и товарный капитал, а как деньги и товар. Поскольку они представляют возросшую стоимость, капитал, проявившийся как капитал, они выражают лишь результат функционирования производительного капитала, единственного функционирования, благодаря которому капитальная стоимость приносит стоимость. Обще им то, что они оба, денежный капитал и товарный капитал, суть способы существования капитала. Один—капитал в денежной форме, другой—в товарной форме. Разделяющие их различия специфических функций не могут быть поэтому чем-либо иным, кроме различий между функцией денег и функцией товара. Товарный капитал, как непосредственный продукт капиталистического процесса производства, хранит воспоминание о своем происхождении из производственного процесса и потому по своей форме более рационален, не столь недостижим для понятия, как денежный капитал, в котором изглажен всякий след производственного процесса, как и вообще в деньгах угасает всякая особенность потребительной формы товара. Поэтому такое своеобразие денежной формы капитала исчезает только там, где само D' функционирует как товарный капитал, где оно является непосредственным продуктом производственного процесса, а не превращенною формою этого продукта, — следовательно, в производстве самого денежного материала. Для производства золота, напр., формула была бы такова: $D-T < \frac{P}{C_{п}} \dots \Pi \dots D'$ ($D+d$), где D' фигурирует как товарный продукт, потому что Π доставляет золота больше, чем было авансировано в первом D , денежном капитале, на элементы производства золота. Следовательно, здесь исчезает иррациональность выражения $D \dots D(D+d)$, где одна часть денежной суммы является матерью другой части той же самой денежной суммы.

IV. Кругооборот в целом

Мы видели, что процесс обращения по истечении его первой фазы $D - T < \overset{P}{C_n}$ прерывается посредством Π , в котором товары P и C_n , купленные на рынке, потребляются как материальные и представляющие стоимость составные части производительного капитала; продукт этого потребления—новый товар, T' , претерпевший изменение материально и по стоимости. Прерванный процесс обращения, $D - T$, теперь должен быть дополнен посредством $T - D$. Но в качестве носителя этой второй и заключительной фазы обращения является T' , товар материально и по стоимости отличный от первого T . Следовательно, ряд обращения представляется в виде: 1) $D - T_1$; 2) $T'_2 - D'$, где во второй фазе первого товара T_1 , во время перерыва, вызванного посредством Π , во время производства T' из элементов T_1 , из форм существования производительного капитала Π , выступает другой товар, более высокой стоимости и иной потребительной формы, T'_2 . Напротив, та первая форма проявления, в которой капитал выступил перед нами (книга I, гл. IV, 1), форма $D - T - D'$ (разлагается на: 1) $D - T_1$; 2) $T_1 - D'$) дважды показывает один и тот же товар. Там перед нами оба раза один и тот же товар,—товар, в который превращаются деньги в первой фазе и который во второй фазе превращается в большее количество денег. Несмотря на это существенное различие, оба обращения имеют то общее, что в их первой фазе деньги превращаются в товар, а во второй фазе—товар в деньги, следовательно, деньги, затраченные в первой фазе, возвращаются во второй фазе. Им обще, с одной стороны, возвращение денег к их исходному пункту, а с другой стороны—то, что денег возвращается больше, чем было авансировано. В этом смысле $D - T \dots T' - D'$ содержится уже во всеобщей формуле $D - T - D'$.

Далее, в обоих метаморфозах, $D - T$ и $T' - D'$, относящихся к обращению, всякий раз противостоят друг другу и заменяют друг друга равновеликие, одновременно существующие стоимости. Изменение величины стоимости принадлежит исключительно метаморфозу Π , производственному процессу, который таким образом является реальным метаморфозом капитала, в противоположность простому метаморфозу формы, совершающемуся в сфере обращения.

Рассмотрим теперь как целое движение $D - T \dots \Pi \dots T - D'$, или его распространенную форму $D - T < \overset{P}{C_n} \dots \Pi \dots T' (T + t) - D' (D + d)$. Капитал является здесь стоимостью, которая проходит последовательный ряд взаимно связанных, обусловливаемых друг другом превращений, ряд метаморфоз, которые составляют такое же количество фаз

или стадий процесса, взятого как целое. Две из этих фаз относятся к сфере обращения, одна — к сфере производства. В каждой из этих фаз капитальная стоимость находится в особой форме, которой соответствует особая, специальная функция. В этом движении авансированная стоимость не только сохраняется, но и возрастает, увеличивает свою величину. Наконец, в заключительной стадии она возвращается к форме, в которой она явилась при начале процесса, как целого. Таким образом этот процесс, как целое, есть процесс кругооборота.

Те две формы, которые капитальная стоимость принимает на своих стадиях, относящихся к сфере обращения, суть формы денежного капитала и товарного капитала; ее форма, относящаяся к стадии производства, есть форма производительного капитала. Капитал, который в течение всего кругооборота принимает и потом сбрасывает эти формы и в каждой из них совершает соответствующую ей функцию, есть промышленный капитал; слово промышленный употребляется здесь в значении, в котором оно охватывает всякую отрасль производства, которая ведется капиталистически.

Следовательно, денежный капитал, товарный капитал, производительный капитал обозначают здесь отнюдь не самостоятельные сорта капитала, функции которых составляют содержание тоже самостоятельных и отделенных друг от друга отраслей предприятий. Они обозначают здесь лишь особые функциональные формы промышленного капитала, который последовательно принимает их все три одну за другой.

Кругооборот капитала совершается нормально лишь при том условии, если его различные фазы без задержек переходят одна в другую. Если капитал задерживается на первой фазе $D—T$, то денежный капитал затвердевает в сокровище; если на производственной фазе — то на одной стороне лежат средства производства, не функционируя, между тем как на другой — рабочая сила остается незанятой; если капитал встречает задержку на последней фазе $T'—D'$, то нераспроданные товары, накопляясь, законопачивают ход обращения.

С другой стороны, по самой природе дела, сам кругооборот обуславливает фиксацию капитала на определенное время в отдельных фазах кругооборота. В каждой из своих фаз промышленный капитал связан с какой-либо одной определенной формой, — как денежный капитал, производительный капитал, товарный капитал. Лишь совершив функцию, соответствующую той форме, в которой он находится в данное время, он приобретает форму, в которой может вступить в новую фазу превращения. Чтобы сделать это наглядным, мы предположили в нашем примере, что капитальная стоимость товарной массы, созданной на производственной стадии, равна всей сумме стоимости,

первоначально авансированной в виде денег; другими словами, что вся капитальная стоимость, авансированная как деньги, разом вступает из одной стадии в другую, следующую. Но мы видели (книга I, гл. IV), что часть постоянного капитала, орудия труда в собственном смысле (напр., машины), служат снова и снова, в большем или меньшем количестве повторных процессов производства, а потому лишь по частям передают свою стоимость продукту. Позже мы увидим, в какой мере это обстоятельство модифицирует процесс кругооборота капитала. Здесь ограничимся следующим: в нашем примере стоимость производительного капитала = 422 £, содержит только среднюю величину снашивания фабричных зданий, машин и т. д., следовательно, только ту часть стоимости, которую при превращении 10.600 ш хлопка в 10.000 ш пряжи здания, машины и т. д. переносят на последнюю, на продукт недельного прядильного процесса в 60 часов. Следовательно, в средствах производства, в которые превращается авансированный постоянный капитал в 372 £, орудия труда, здания, машины и т. д. фигурируют таким образом, как если бы их брали на рынке на прокат, оплачивая еженедельными взносами. Однако это абсолютно ничего не изменяет в положении дела. Стоит лишь нам количество пряжи в 10.000 ш , произведенное в течение недели, помножить на число недель, составляющее известный ряд лет, — и вся стоимость купленных и потребленных за это время орудий труда будет перенесена на пряжу. Отсюда ясно, что авансированный денежный капитал сначала должен быть превращен в эти орудия, следовательно, должен оставить первую стадию $D—T$, и только после того он будет в состоянии функционировать как производительный капитал P . Точно так же в нашем примере ясно, что сумма капитальной стоимости в 422 £, присоединенная во время производственного процесса, не может вступить в фазу обращения $T'—D'$ как составная часть стоимости 10.000 ш пряжи, пока последняя не будет готова. Нельзя продать пряжу, пока последняя не выпрядена.

В общей формуле продукт производительного капитала, продукт P , рассматривается как материальная вещь, отличная от элементов производительного капитала, как предмет, который обладает обособленным от производственного процесса существованием, отличной от элементов производства потребительной формой. Во всех случаях, где результат производственного процесса выступает как вещь, он рассматривается таким образом, — даже там, где часть продукта входит как элемент в продолжающееся производство. Так, зерно служит как семя для производства зерна, но продукт состоит только из зерна, следовательно, имеет форму, отличную от других элементов, также нашедших применение, — рабочей силы, инструментов, удобрения. Но

существуют самостоятельные отрасли промышленности, где продукт производственного процесса не является новым вещественным продуктом, товаром. Из этих отраслей важна в экономическом отношении только промышленность сношений, будет ли то промышленность собственно транспорта товаров и людей или передачи только сообщений, писем, телеграмм и т. д.

А. Чупров ¹⁾ говорит об этом так: „Фабрикант может сначала произвести предметы и потом искать для них потребителей“ [его продукт, выброшенный готовым из производственного процесса, переходит как отделенный от него товар в сферу обращения]. „Таким образом производство и потребление являются двумя актами, разделенными в пространстве и времени. В транспортной промышленности, которая не создает новых продуктов, но передвигает людей и вещи, эти два акта совпадают; услуги [перемещение] должны быть потреблены в тот самый момент, когда они производятся. Поэтому район, в котором железные дороги могут искать погребителей, простирается самое большее на 50 верст (53 километра) в обе стороны“.

Результатом перевозки—транспортируются ли люди или товары—является перемена места нахождения, напр., пряжа находится теперь в Индии, а не в Англии, где она была произведена.

Но перевозочная промышленность продает самое перемещение. Доставляемый ею полезный эффект нераздельно связан с процессом транспорта, т.-е. с производственным процессом перевозочной промышленности. Люди и товары едут вместе с средствами транспорта, и их езда, их перемещение и есть производственный процесс, создаваемый средствами транспорта. Полезный эффект можно потреблять лишь во время производственного процесса; этот эффект не существует как отличная от этого процесса потребительная вещь, которая лишь после того, как она произведена, функционирует в виде предмета торговли, в виде товара. Но меновая стоимость этого полезного эффекта, как и всякого другого товара, определяется стоимостью затраченных на него элементов производства (рабочей силы и средств производства) плюс прибавочная стоимость, созданная прибавочным трудом рабочих, занятых в транспортной промышленности. Что касается потребления полезного эффекта перевозочной промышленности, он и в этом отношении не отличается от других товаров. Если он служит личному потреблению, то с потреблением исчезает его стоимость; если он потребляется производительно, так что сам является стадией производства товаров, подлежащих транспорту, то его стоимость переносится как дополнительная стоимость на самый товар. Следовательно, формула

¹⁾ А Чупров. Железнодорожное хозяйство. Москва 1875, стр. 75, 76.

для перевозочной промышленности такова: $D - T < \overset{P}{C_{\text{н}}} \dots P - D'$, так как здесь оплачивается и потребляется самый процесс производства, а не продукт, который может быть отделен от него. Следовательно, перед нами почти точно такая же форма, как для производства благородных металлов, с той только разницей, что D' является здесь превращенной формой полезного эффекта, созданного во время производственного процесса, а не натуральной формой золота или серебра, добытых во время этого процесса и вытолкнутых из него.

Промышленный капитал есть единственный вид существования капитала, при котором функцией капитала является не только присвоение прибавочной стоимости или прибавочного продукта, но и их создание. Поэтому именно промышленным капиталом обуславливается капиталический характер производства; существование именно промышленного капитала предполагает классовое противоречие капиталистов и наемных рабочих. В той мере, как он овладевает общественным производством, совершается переворот в технике и общественной организации процесса труда, а вместе с тем и в экономико-историческом типе общества. Другие виды капитала, которые существовали до него среди отшедших или отходящих в прошлое порядков общественного производства, не только занимают подчиненное по отношению к нему положение и претерпевают соответствующие ему изменения в механизме своих функций, но и движутся вперед уже лишь на основе промышленного капитала, следовательно, живут и умирают, стоят и падают вместе с этой основой. Денежный капитал и товарный капитал, поскольку они со своими функциями выступают наряду с промышленным капиталом, как носители особых отраслей предприятий, суть лишь достижения самостоятельности вследствие общественного разделения труда и односторонне развитые виды существования различных функциональных форм, которые промышленный капитал то принимает, то сбрасывает в сфере обращения.

Кругооборот $D \dots D'$ в свою очередь переплетается с товарным обращением вообще, выходит из него, входит в него, составляет его часть. С другой стороны, для индивидуального капиталиста он образует особое самостоятельное движение капитальной стоимости, движение, которое совершается частью внутри товарного обращения вообще, частью вне его, но которое всегда сохраняет свой самостоятельный характер. Во-первых, потому, что обе фазы движения, которые проходятся в сфере обращения, $D - T$ и $T' - D'$, имеют функционально определенный характер, как фазы движения капитала; в $D - T$ последнее, T , материально определено как рабочая сила и средства производства; в $T' - D'$ реализуется капитальная стоимость + прибавочная стоимость. Во-вторых, P , процесс производства, охватывает производительное

потребление. В-третьих, возвращение денег к их исходному пункту делает движение $D...D'$ кругооборотом, завершенным в себе самом.

Следовательно, всякий индивидуальный капитал в своих обеих половинах обращения, $D—T$ и $T'—D'$, представляется, с одной стороны, агентом общего товарного обращения, в котором он функционирует или вплетен то как деньги, то как товар; таким образом сам индивидуальный капитал является членом в ряду метаморфоз товарного мира вообще. С другой стороны, внутри обращения вообще он описывает свой собственный самостоятельный круг, в котором сфера производства составляет переходную стадию и в котором он возвращается к своему исходному пункту в той самой форме, в которой оставил его. В пределах своего собственного кругооборота, который включает и его реальный метаморфоз в производственном процессе, капитал изменяет и величину своей стоимости. Он возвращается не просто как денежная стоимость, а как увеличенная, возросшая денежная стоимость.

Наконец, если мы посмотрим на $D—T...П...T'—D'$ как на особую форму процесса кругооборота капитала на ряду с другими формами, которые будут исследованы впоследствии, то она характеризуется следующим:

1) Она является кругооборотом денежного капитала, потому что начальный и возвратный пункт всего процесса составляет промышленный капитал в его денежной форме, в виде денежного капитала. Следовательно, самая формула выражает, что деньги не расходуются здесь как деньги, но лишь авансируются, а потому представляют лишь денежную форму капитала, денежный капитал. Она, далее, выражает, что меновая стоимость, а не потребительная стоимость есть самоцель, определяющая движение. Именно потому, что денежная форма стоимости есть самостоятельная, осязательная форма проявления стоимости, именно поэтому форма обращения $D...D'$, исходный и заключительный пункты которой суть действительные деньги, с наибольшей наглядностью выражает побудительный мотив капиталистического производства, делание денег. Производственный процесс является лишь необходимым злом, неминувшим средством для делания денег. [Поэтому все нации с капиталистическим способом производства периодически переживают манию мошенничеств, при помощи которых они рассчитывают совершать делание денег без посредства производственного процесса.]

2) Стадия производства, функция П, образует в этом кругообороте перерыв между двумя фазами обращения $D—T...T'—D'$, который в свою очередь играет лишь посредствующую роль в простом обращении $D—T—D'$. Производственный процесс в самой этой форме

процесса кругооборота формально и определенно представлен тем чем он и является при капиталистическом способе производства: простым средством для увеличения авансированной стоимости; следовательно, обогащение как таковое является здесь самоцелью производства.

3) Так как последовательные фазы открываются фазой $D - T$, то второй член обращения — $T' - D'$; следовательно, начальный пункт — D , денежный капитал, ожидающий увеличения стоимости; заключительный пункт — D' , возросший по стоимости денежный капитал $D + d$, где D фигурирует как реализованный капитал со своим потомком d . Это отличает кругооборот D от двух других кругооборотов, P и T' , и отличает в двойном отношении. С одной стороны, отличие состоит в денежной форме обоих крайних членов; а деньги суть самостоятельная осязательная форма существования стоимости, стоимость продукта в ее самостоятельной форме, в которой изглажен всякий след потребительной стоимости товаров. С другой стороны, форма $P \dots P$ не необходимо превращается в $P \dots P'$ ($P + p$), а в форме $T' \dots T'$ вообще не видно никакой разницы в стоимости двух крайних членов. — Следовательно, для формулы $D \dots D'$ характерно, с одной стороны, то обстоятельство, что капитальная стоимость составляет исходный пункт, а возросшая капитальная стоимость — возвратный пункт, так что авансирование капитальной стоимости является средством, возросшая капитальная стоимость — целью всей операции; характерно, с другой стороны, то обстоятельство, что это отношение выражено в денежной форме, самостоятельной форме стоимости, а потому денежный капитал получает выражение как деньги, рождающие деньги. Создание прибавочной стоимости стоимостью выражено не только как альфа и омега процесса, но выражено прямо в блестящей денежной форме.

4) Так как D' , реализованный денежный капитал, являющийся результатом $T' - D'$, дополнительной и заключительной фазы $D - T$, находится абсолютно в той же форме, в которой он начал свой первый кругооборот, то, выйдя из него, он может снова начать такой же кругооборот, как увеличенный (накопленный) денежный капитал: $D' = D + d$; по крайней мере форма $D \dots D'$ не выражает, что при повторении кругооборота обращение d отделяется от обращения D . Рассматриваемый в своем однократном повторении, рассматриваемый формально, кругооборот денежного капитала выражает, следовательно, только процесс увеличения стоимости и процесс накопления. Потребление, выражаемое посредством $D - T < \frac{P}{C_n}$, есть лишь производительное потребление, только такое потребление и заключается в этом кругообороте индивидуального капитала. $D - P$ является $P - D$ или $T - D$ с точки зрения рабочего; следовательно, является первой фазой

обращения, которое служит посредствующим звеном к его личному потреблению: $P - D - T$ (средства существования). Вторая фаза, $D - T$, уже не входит в кругооборот индивидуального капитала; но этот кругооборот приводит к ней, предполагает ее, потому что рабочий, раз он всегда должен находиться на рынке как материал для эксплуатации капиталиста, прежде всего должен существовать, следовательно, должен поддерживать себя личным потреблением. Однако самое это потребление предполагается здесь лишь как условие производительного потребления рабочей силы капиталом, следовательно, лишь в той мере, поскольку рабочий своим личным потреблением поддерживает и воспроизводит себя как рабочую силу. Что касается Sp , собственно товаров, которые входят в кругооборот, то они составляют лишь пищу для производительного потребления. Акт $P - D$ служит посредствующим звеном для личного потребления рабочего, для превращения средств существования в его плоть и кровь. Конечно, для того, чтобы капиталист играл роль капиталиста, он также должен иметься в наличности, следовательно, также должен существовать и потреблять. Но для этого ему по существу необходимо лишь такое потребление, как рабочему, — большего не предполагает эта форма процесса обращения. И даже это формально не выражено здесь, потому что формула заканчивается D' , следовательно, результатом, который немедленно может снова функционировать как увеличенный денежный капитал.

В $T' - D'$ прямо содержится продажа T' ; но $T' - D'$, продажа для одной стороны, есть $D - T$, купля для другой; окончательно товар покупается лишь ради его потребительной стоимости, лишь затем, чтобы (оставляя посредническую куплю) войти в процесс потребления, будет ли то личное или производительное потребление, в зависимости от природы покупаемого предмета. Но это потребление не входит в кругооборот того индивидуального капитала, продуктом которого является T' ; этот продукт, именно потому, что он — подлежащий продаже товар, выталкивается из кругооборота. T' прямо предназначено для чужого потребления. Поэтому у истолкователей меркантильной системы (в основе которой лежит формула $D - T \dots P \dots T' - D'$) мы находим пространные проповеди на ту тему, что отдельный капиталист должен потреблять лишь столько же, как и рабочий, и что нация капиталистов должна предоставить потребление своих товаров и вообще процесс потребления другим, более глупым нациям, сама же должна сделать своей жизненной задачей производительное потребление. Эти проповеди по своей форме и содержанию часто напоминают аналогичные аскетические увещания отцов церкви.

Итак, процесс кругооборота капитала представляет единство обращения и производства, включает в себе то и другое. Поскольку две фазы: $D—T$, $T'—D'$, являются актами обращения, постольку обращение капитала составляет часть товарного обращения вообще. Но поскольку они представляют функционально определенные отделы, стадии в кругообороте капитала,—кругообороте, относящемся не только к сфере обращения, но и к сфере производства,—постольку капитал внутри общего товарного обращения совершает свой собственный кругооборот. На первой стадии общее товарное обращение служит ему для того, чтобы принять форму, в которой он может играть роль производительного капитала; на второй стадии—для того, чтобы отрешиться от функции товара, в которой он не мог бы возобновить свой кругооборот; и в то же время для того, чтобы перед ним открылась возможность отделить свой собственный кругооборот как капитала от обращения приросшей к нему прибавочной стоимости.

Поэтому кругооборот денежного капитала есть самая односторонняя, а потому и наиболее ярко выраженная и характерная из форм, в которых проявляется кругооборот промышленного капитала; цель и движущий мотив последнего: увеличение стоимости, делание денег и накопление, представлены здесь так (покупать, чтобы продать дороже), что они прямо бросаются в глаза. Благодаря тому, что первой фазой в этой форме является $D—T$, здесь ясно выступает происхождение составных частей производительного капитала с товарного рынка, равно как и вообще обусловленность капиталистического процесса производства обращением, торговлей. Кругооборот денежного капитала, это—не только товарное производство; он осуществляется лишь благодаря обращению, предполагает последнее. Это ясно уже из того, что форма D , принадлежащая обращению, является первой и чистой формой авансированной капитальной стоимости, чего нет в двух других формах кругооборота.

Кругооборот денежного капитала лишь постольку всегда остается общим выражением промышленного капитала, поскольку он всегда включает в себе увеличение авансированной стоимости. В кругообороте $П...П$ денежное выражение капитала выступает лишь как цена элементов производства, следовательно, лишь как стоимость, выраженная в счетных деньгах, и в этой именно форме она удерживается в бухгалтерии.

$D...D'$ становится особой формой кругооборота промышленного капитала постольку, поскольку вновь выступающий капитал авансируется сначала в виде денег и потом в той же форме извлекается обратно,—совершается ли это при переходе из одной отрасли предприятий в другую или же при выходе промышленного капитала из

предприятия. Эта форма включает в себя и функционирование в качестве капитала той прибавочной стоимости, которая авансируется сначала в денежной форме; с наибольшей ясностью видно это в том случае, когда прибавочная стоимость начинает функционировать в другом предприятии, чем то, из которого она получена. $D...D'$ может быть первым кругооборотом известного капитала; оно может быть последним кругооборотом; оно может считаться формой всего общественного капитала; это—форма капитала, который вкладывается впервые, представляет ли он вновь накопленный в денежной форме капитал или же старый капитал, целиком превращенный в деньги с той целью, чтобы перенести его из одной отрасли производства в другую.

Постоянной, всем кругооборотам свойственной формой обращения денежного капитала является этот кругооборот ($D—D'$) по отношению к той части капитала, которая производит прибавочную стоимость, т.-е. по отношению к переменному капиталу. Нормальная форма авансирования заработной платы есть уплата деньгами; этот процесс должен постоянно возобновляться через короткие сроки, потому что рабочий перебивается только от платежа к платежу. Поэтому капиталист постоянно должен противостоять рабочему, как денежный капиталист, а его капитал,—как денежный капитал. Здесь, в противоположность купле средств производства и продаже произведенных товаров, не может найти места прямое или косвенное покрытие платежей (так что большая часть денежного капитала фактически фигурирует лишь в форме товаров, деньги лишь в форме счетных единиц, а наличные в конце концов только для уравнивания балансов). С другой стороны, часть той прибавочной стоимости, которую приносит переменный капитал, капиталист затрачивает на свое личное потребление, которое относится к сфере розничной торговли; он расходует эту часть в конечном счете наличными, в денежной форме прибавочной стоимости. Велика или мала эта часть прибавочной стоимости—дела несколько не изменяет. Переменный капитал периодически снова и снова появляется как денежный капитал, затрачиваемый на заработную плату ($D—P$), а d —как прибавочная стоимость, расходуемая на покрытие личных потребностей капиталиста. Следовательно, D , стоимость авансированного переменного капитала, и d , ее прирост, необходимо удерживаются в денежной форме, в которой они подлежат расходованию.

Формула $D—T... P... T'—D'$ в связи с своим результатом $D' = D + d$ обманчива по своей внешности, носит иллюзорный характер, вытекающий из того, что авансированная и возросшая стоимости существуют здесь в своей эквивалентной форме, в деньгах. Эта формула ставит ударение не на увеличение стоимости, а на денеж-

ную форму этого процесса, на то обстоятельство, что из обращения в конце концов извлечено более стоимости в денежной форме, чем было первоначально авансировано,—следовательно, на увеличение массы золота и серебра, принадлежащего капиталисту. Так называемая монетарная система есть просто выражение иррациональной формы $D—T—D'$, движения, протекающего исключительно в сфере обращения; поэтому оба акта: 1) $D—T$, 2) $T—D'$, могут найти в этой системе лишь то объяснение, что T во втором акте продается дороже своей стоимости и, следовательно, извлекает из обращения более денег, чем было брошено в обращение при его купле. Напротив, $D—T...П...T'—D'$, будучи фиксировано в качестве исключительной формы, лежит в основе развитой меркантильной системы, необходимым элементом которой является не только товарное обращение, но и товарное производство.

Иллюзорный характер формулы $D—T...П...T'—D'$ и соответствующее ей иллюзорное истолкование сохраняются до тех пор, пока эта форма фиксируется как однократная, а не как текучая, постоянно возобновляющаяся; следовательно, пока она считается не одной из форм кругооборота, а единственной, исключительной его формой. Но она уже сама по себе указывает на другие формы.

Во-первых, весь этот кругооборот предполагает капиталистический характер самого производственного процесса и в качестве базиса предполагает, следовательно, этот процесс производства вместе с обусловленным им специфическим состоянием общества. $D—T=D—T < \frac{P}{C_{in}}$; но $D—P$ предполагает существование наемного рабочего, а потому предполагает, что средства производства составляют часть производительного капитала, что, следовательно, процесс труда и процесс увеличения стоимости, производственный процесс является функцией капитала.

Во-вторых, если акт $D...D'$ повторяется, то возврат к денежной форме оказывается столь же мимолетным, как денежная форма на первой стадии. $D—T$ исчезает, чтобы дать место для $П$. Постоянно повторяющееся авансирование денег, равно как и постоянное возвращение авансированной суммы в виде денег, в свою очередь представляются тогда лишь моментами, исчезающими в кругообороте.

В-третьих,

$$\underbrace{D—T...П...T'—D'. D—T...П...T'—D' . D—T...П...и т. д.}$$

Уже при вторичном повторении кругооборота перед нами, прежде чем закончится второй кругооборот D , выступает кругооборот $П...T'—D'. D—T...П$; таким образом все дальнейшие кругообороты D можно рассматривать под углом зрения формы $П...T'—D—T...П$; тогда $D—T$, как первая фаза первого кругооборота, представляется лишь

мимолетной подготовкой к постоянно повторяющемуся кругообороту производительного капитала, чем она и является в действительности, когда дело идет о промышленном капитале, который впервые вкладывается в форме денежного капитала.

С другой стороны, прежде чем закончится второй кругооборот П, успевает завершиться первый кругооборот $T'—D'—T... П—T'$ (короче $T'—T$), кругооборот товарного капитала. Таким образом уже первая форма содержит в себе обе остальные, и, следовательно, денежная форма исчезает, поскольку она является не просто выражением стоимости, а выражением ее в эквивалентной форме, в деньгах.

Наконец, если мы возьмем вновь выступающий индивидуальный капитал, который впервые описывает кругооборот $D—T... П... T'—D'$, то $D—T$ является подготовительной фазой, предшественницей первого производственного процесса, прodelываемого этим индивидуальным капиталом. Следовательно, эта фаза $D—T$ не предполагается с самого начала, а скорее выдвигается или обуславливается производственным процессом. Но это справедливо лишь по отношению к индивидуальному капиталу. Поскольку предполагается капиталистический способ производства, следовательно, при состоянии общества, определяемом капиталистическим производством, всеобщей формой кругооборота промышленного капитала является кругооборот денежного капитала. Поэтому капиталистический процесс производства предполагается как *rigius*,—если не при первом кругообороте денежного капитала, в какой форме первоначально вкладывается промышленный капитал, то за пределами этого кругооборота. Постоянное существование капиталистического процесса производства предполагает постоянное возобновление кругооборота П...П. На первой стадии $D—T < \frac{P}{C_{\text{н}}}$ уже прямо выступает эта предпосылка, так как этот акт, с одной стороны, предполагает существование класса наемных рабочих, и так как, с другой стороны, то, что для покупателя средств производства является первой стадией $D—T$, для их продавца представляет $T'—D'$; следовательно, T' предполагает товарный капитал, а потому предполагает, что самый товар есть результат капиталистического производства,—предполагает таким образом функционирование производительного капитала.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Кругооборот производительного капитала.

Общая формула кругооборота производительного капитала такова: $П... T'—D'—T... П$. Этот кругооборот означает периодическое возобновление функционирования производительного капитала, следовательно,

воспроизводство, или процесс воспроизводства капитала как процесс воспроизводства в связи с возрастанием стоимости; не просто производство, но периодическое воспроизводство прибавочной стоимости; функционирование промышленного капитала, находящегося в своей производительной форме, не как однократное, а как периодически повторяющееся функционирование, так что возобновление определяется уже исходным пунктом. Часть T' (в известных случаях, в известных областях приложения промышленного капитала) может в виде средств производства снова непосредственно войти в тот самый процесс труда, из которого она вышла как товар; благодаря этому устраняется лишь превращение ее стоимости в действительные деньги или в денежные знаки, или же она получает самостоятельное выражение только в виде счетных денег. Эта часть стоимости не входит в обращение. Таким образом в процесс производства входят стоимости, которые не входят в процесс обращения. То же самое относится и к той части T' , которую капиталист потребляет *in natura*, как часть прибавочного продукта. Однако эта часть не имеет значения для капиталистического производства, самое большее, если ее приходится принимать во внимание в земледелии.

В этой форме сразу бросаются в глаза обстоятельства двоякого рода.

Во-первых. В первой форме, $D...D'$, обращение денежного капитала прерывается функцией Π , производственным процессом, который является лишь посредствующим звеном между обеими фазами обращения, $D—T$ и $T'—D'$. Напротив, здесь весь процесс обращения промышленного капитала, все его движение в пределах фазы обращения составляет лишь перерыв и, следовательно, лишь посредствующее звено между производительным капиталом, который, как первый крайний член, открывает кругооборот и, как последний крайний член, заключает его в той же самой форме, следовательно; в форме своего возобновления. Собственно обращение представляется лишь посредствующим звеном между повторениями периодически возобновляемого и непрерывного благодаря возобновлению воспроизводства.

Во-вторых. Все обращение представляется здесь в форме, прямо противоположной по сравнению с той, которой оно обладает в кругообороте денежного капитала. Там форма, если оставить в стороне величину стоимости, была такова: $D—T—D$ ($D—T. T—D$); здесь, если опять-таки оставить в стороне величину стоимости, она такова: $T—D—T$ ($T—D. D—T$),—т.е. форма простого товарного обращения.

I. Простое воспроизводство.

Рассмотрим прежде всего процесс $T' - D' - T$, протекающий в сфере обращения между двумя крайними членами $\Pi \dots \Pi$

Исходным пунктом этого обращения служит товарный капитал: $T' = T + t = \Pi + t$. Функция товарного капитала $T' - D'$ (реализация содержащейся в нем капитальной стоимости $= \Pi$, существующей теперь как составная часть товара T , а также реализация содержащейся в нем прибавочной стоимости, которая существует теперь как составная часть той же товарной массы, обладающая стоимостью t) была рассмотрена в первой форме кругооборота. Но там она составляла вторую фазу прерванного обращения и заключительную фазу всего кругооборота. Здесь она составляет вторую фазу кругооборота, но первую фазу обращения. Первый кругооборот оканчивается D' , и так как D' , подобно первоначальному D , может снова начать в качестве денежного капитала второй кругооборот, то сначала не было необходимости рассматривать, пойдут ли D и d (прибавочная стоимость), содержащиеся в D' , совместным путем и дальше, или же они отыщут различные пути. Там было бы необходимо рассмотреть это лишь в том случае, если бы мы проследили первый кругооборот дальше, в его возобновлении. Но здесь, где дело идет о кругообороте производительного капитала, этот вопрос должен получить решение, так как ответом определяется уже его первый кругооборот, и так как $T' - D'$ является в нем первой фазой обращения, которая должна быть восполнена посредством $D - T$. От этого решения зависит, представляет ли формула простое воспроизводство или же воспроизводство в расширенном масштабе. Таким образом характер кругооборота изменяется, сообразно с решением.

Итак, обратимся прежде всего к простому воспроизводству производительного капитала, при чем, как и в первой главе, предположим, что обстоятельства остаются неизменными, и купля и продажа товаров совершаются по их стоимости. При таком предположении вся прибавочная стоимость переходит в сферу личного потребления капиталиста. После того как произошло превращение товарного капитала T' в деньги, часть денежной суммы, представляющая капитальную стоимость, продолжает циркулировать в кругообороте промышленного капитала; другая часть, превращенная в золото прибавочная стоимость, переходит в сферу товарного обращения вообще, представляет исходящее от капиталиста денежное обращение, которое однако, совершается уже вне сферы обращения его индивидуального капитала.

В нашем примере у нас был товарный капитал T в 10.000 £ пряжи стоимостью в 500 £ ; из них 422 £ суть стоимость производительного капитала; как денежная форма 8.440 £ пряжи они продолжают обращение капитала, начатое T , между тем как прибавочная стоимость в 78 £ , денежная форма 1.560 £ пряжи, добавочная часть товарного продукта, выходит из обращения этого капитала и описывает отдельный путь в сфере товарного обращения вообще.

$$T \begin{pmatrix} T \\ + \\ T \end{pmatrix} - D' \begin{pmatrix} D \\ + \\ d \end{pmatrix} - T < \frac{P}{C_n}$$

$d - t$ представляет ряд покупок на деньги, которые капиталист расходует то ли на собственно товары, то ли на услуги для своей драгоценной персоны или для своей семьи. Эти покупки раздроблены, совершаются в различные сроки. Следовательно, деньги находятся временно в форме денежного запаса, предназначенного на текущее потребление, в форме сокровища,—потому что деньги, обращение которых прервано, существуют именно в форме сокровища. Их функционирование как средства обращения—а таковым они остаются и в своей преходящей форме сокровища—не входит в обращение капитала в его денежной форме D . Деньги в данном случае не авансируются, а расходуются.

Мы предполагали, что весь авансированный капитал всегда целиком переходит из одной фазы в другую; так и здесь мы предполагаем, что товарный продукт процесса Π несет в себе всю стоимость производительного капитала $\Pi = 422 \text{ £}$ плюс прибавочная стоимость $= 78 \text{ £}$, созданная во время производственного процесса. В нашем примере, где мы имеем дело с делимым товарным продуктом, прибавочная стоимость существует в форме 1.560 £ пряжи,—совершенно так же, как при расчете на 1 £ пряжи она существует в форме 2.496 унций пряжи. Если бы, напротив, товарный продукт был, напр., машиной в 500 £ и того же состава по стоимости, то, хотя бы одна часть стоимости этой машины и была $= 78 \text{ £}$ прибавочной стоимости, но эти 78 £ существовали бы только в машине как целом; не разбивая машины на куски, не уничтожая таким образом вместе с ее потребительной стоимостью и ее стоимости, ее нельзя разделить на капитальную стоимость и прибавочную стоимость. Следовательно, обе составные части стоимости могут быть представлены в составных частях товарного тела лишь идеально, но не могут быть представлены в виде самостоятельных элементов товара T , подобно тому как всякий фунт пряжи представляет отдельный самостоятельный элемент 10.000 £ товара. В первом случае,

прежде чем д начнет свое особое обращение, должен быть продан целиком весь товар, товарный капитал, машина. Напротив, если капиталист продает 8.440 £ , продажа дальнейших 1.560 £ представит совершенно обособленное обращение прибавочной стоимости в форме т (1.560 £ пряжи)—д (78 £)—т (предметы потребления). Но элементы стоимости каждой отдельной доли 10.000 £ продукта-пряжи могут быть точно так же представлены частями продукта, как элементы стоимости всего продукта. Последний, 10.000 £ пряжи, можно разделить на стоимость постоянного капитала (с), 7.440 £ пряжи стоимостью в 372 £ ; стоимость переменного капитала (v) 1.000 £ пряжи в 50 £ , и прибавочную стоимость (m), 1.560 £ пряжи в 78 £ . Точно так же и всякий фунт пряжи можно разделить на $s = 11.904$ унции стоимостью в 8.928 пенсов, $v = 1.60$ унций пряжи стоимостью в 1.200 пенсов, $m = 2.496$ унций пряжи стоимостью в 1.872 пенса. Капиталист мог бы также, продавая 10.000 £ постепенно, последовательными частями, постепенно потреблять содержащиеся в этих частях элементы прибавочной стоимости, при чем он с такой же постепенностью реализовал бы сумму $s + v$. Но в конце концов и эта операция предполагает, что проданы все 10.000 £ , и что, следовательно, продажей 8.440 £ возмещена стоимость с и v. (Книга I, глава VII, 2)

Как бы то ни было, благодаря акту $T' - D'$ капитальная стоимость и прибавочная стоимость, заключающиеся в T' , приобретают отделимое друг от друга существование, существование различных денежных сумм; в обоих случаях как D, так и d есть действительно превращенная форма той стоимости, которая первоначально, в T' , имела исключительно идеальное выражение, только как цена товара-

т—д—т представляет простое товарное обращение; первая его фаза т—д совершается вместе с обращением товарного капитала $T' - D'$, следовательно, с кругооборотом капитала; напротив, его дополнительная фаза т—д лежит вне этого кругооборота, совершается как обособленный акт общего товарного обращения. После превращения T' в D' обращение T и t, капитальной стоимости и прибавочной стоимости, распадается. Отсюда вытекает следующее:

Во-первых. После того как посредством акта $T' - D' = T' - (D + d)$ товарный капитал реализован, является возможность разделить движение капитальной стоимости и прибавочной стоимости, которое в $T' - D'$ оставалось общим и опиралось на одну и ту же товарную массу; теперь и та и другая стоимость приобретают самостоятельность в форме отдельных денежных сумм.

Во-вторых. Если это разделение совершается, при чем д расходуется в качестве дохода капиталиста, а D, как функциональная форма

капитальной стоимости, продолжает свой путь, определяемый кругооборотом, то первый акт $T'-D'$ в связи с последующими актами $D-T$ и $d-t$ может быть представлен в виде двух различных обращений: $T-D-T$ и $t-d-t$, в виде двух рядов, относящихся по своей общей форме к обычному товарному обращению.

Впрочем, когда дело идет о целостных, неделимых товарных телах, на практике составные части стоимости обособляются идеально. Напр., в лондонских строительных предприятиях, которые по большей части ведутся в кредит, строительный предприниматель получает ссуды по мере того, как постройка дома подвигается от стадии к стадии. Ни одна из этих стадий не есть дом, а лишь реально существующая составная часть будущего дома, находящегося в процессе постройки; следовательно, несмотря на свою реальность, это — лишь идеальная дробь целого дома, и все же достаточно реальная для того, чтобы служить гарантией для дополнительной ссуды. (См. относительно этого ниже, глава XII.)

В-третьих. Если движение капитальной стоимости и прибавочной стоимости, оставшееся общим в T и D , разделяется лишь отчасти (так что часть прибавочной стоимости не расходуется в качестве дохода) или совсем не разделяется, то это значит, что с самою капитальной стоимостью совершается изменение еще во время ее кругооборота, перед его завершением. В нашем примере стоимость производительного капитала была равна 422 £. Если он продолжит движение $D-T$ уже в виде, напр., 480 £ или 500 £, то это значит, что последние стадии кругооборота он совершает как стоимость на 58 £ или на 78 £ большая, чем была начальная стоимость. В то же время это может быть связано с изменением состава капитала по стоимости.

$T'-D'$, вторая стадия обращения и заключительная стадия кругооборота I ($D...D'$), является в нашем кругообороте его второй стадией и первой стадией товарного обращения. Следовательно, поскольку дело касается обращения, $T'-D'$ должно быть дополнено посредством $D'-T'$. Но $T'-D'$ имеет позади себя не только процесс увеличения стоимости (т.-е. функцию II. первую стадию), но уже реализован и его результат, товарный продукт T' . Следовательно, $T'-D'$ заканчивает процесс увеличения стоимости капитала, равно как и реализацию того товарного продукта, в котором выступает увеличенная капитальная стоимость.

Итак, мы предположили простое воспроизводство, т.-е. предположили, что $d-t$ совершенно отделяется от $D-T$. Оба обращения, как $t-d-t$, так и $T-D-T$, по своей общей форме относятся к товарному обращению (и потому не обнаруживают никакой разности стоимости между двумя крайними членами); поэтому легко прийти к

тому, чтобы, как это делает вульгарная экономия, видеть в капиталистическом процессе производства просто производство товаров, потребительных стоимостей, предназначенных для потребления того или иного рода и производимых капиталистом исключительно с той целью, чтобы заменить их товарами иной потребительной стоимости или, как ложно утверждает вульгарная экономия, обменять на эти товары

T' выступает с самого начала как товарный капитал, и цель всего процесса, обогащение (увеличение стоимости), не только не исключает личного потребления капиталиста, которое возрастает с величиной прибавочной стоимости (а следовательно, и капитала), но и прямо предполагает его

При обращении дохода капиталиста произведенный товар t (или соответствующая ему идеальная доля товарного продукта T') по существу служит лишь тому, чтобы превратить этот доход сначала в деньги, а потом из денег в ряд других товаров, служащих личному потреблению. Но при этом не следует упускать из виду одно маленькое обстоятельство: t — есть товарная стоимость, ничего не стоившая для капиталиста, воплощение прибавочного труда, а потому оно выступает на сцену первоначально как составная часть товарного капитала T' . Следовательно, уже самым своим существованием это t привязано к кругообороту совершающей свой процесс капитальной стоимости; если движение последней остановится, или вообще произойдет какое-либо нарушение, то сокращается или даже совсем прекращается не только потребление t , но и сбыт ряда товаров, составляющих возмещение t . То же и в случае, когда акт $T' — D'$ не удастся, или если удастся продать лишь некоторую часть T' .

Мы видели, что $t — d — t$, представляя обращение дохода капиталиста, входит в обращение капитала лишь до тех пор, пока t является частью стоимости T' , капитала в его функциональной форме товарного капитала; но, сделавшись самостоятельным в $d — t$, обращение дохода в его полной форме $t — d — t$ не входит в движение капитала, авансированного капиталистом, хотя и исходит из него. Обращение дохода связано с обращением авансированного капитала постольку, поскольку существование капитала предполагает существование капиталиста, а последнее обуславливается потреблением прибавочной стоимости.

T' , напр., пряжа, в общем обращении функционирует лишь как товар; но, представляя момент в обращении капитала, тоже функционирует как товарный капитал, как одна из форм, которые попеременно принимает и сбрасывает капитальная стоимость. После продажи пряжи купцу она выходит из процесса кругооборота того капитала, продукт которого представляет, но тем не менее все еще

остается как товар в сфере общего обращения. Обращение этой же самой товарной массы все еще продолжается, хотя оно перестает составлять момент в самостоятельном кругообороте капитала прядильщика. Таким образом действительно заключительный метаморфоз товарной массы, брошенной капиталистом в обращение, акт $T-D$, окончательный выход ее в сферу потребления, может быть совершенно отделен в пространстве и времени от того метаморфоза, в котором эта товарная масса функционирует как товарный капитал данного капиталиста. Тот самый метаморфоз, который уже совершился в области обращения данного капитала, остается еще совершить в сфере общего обращения.

Дело несколько не изменяется от того, если пряжа в свою очередь входит в кругооборот другого промышленного капитала. Общее обращение охватывает как взаимно-переплетающиеся кругообороты различных самостоятельных частей общественного капитала, т.-е. как совокупность отдельных капиталов, так и обращение стоимостей, выброшенных на рынок не в качестве капитала, т.-е. стоимостей, входящих в сферу личного потребления.

Отношение между кругооборотом капитала, поскольку он является частью общего обращения, и кругооборотом, поскольку он составляет звенья самостоятельного кругооборота, в свою очередь выступает перед нами, если мы рассмотрим обращение $D' = D + d$. D , как денежный капитал, продолжает кругооборот капитала; d , как расходование дохода ($d - t$), входит в общее обращение, но выпадает из кругооборота капитала. В последний кругооборот войдет только та часть d , которая будет функционировать как дополнительный денежный капитал. В $t - d - t$ деньги функционируют лишь как монета; цель этого обращения—личное потребление капиталиста. Типично для кретинизма вульгарной экономии, что это обращение, не входящее в кругооборот капитала,—обращение той части вновь произведенной стоимости, которая потребляется как доход,—она выдает за кругооборот, характерный для капитала

Во второй фазе, $D - T$, перед нами опять оказывается капитальная стоимость $D = \Pi$ (стоимости производительного капитала, которым здесь открывается кругооборот промышленного капитала), освобожденная от прибавочной стоимости, следовательно, с тою же величиной стоимости, как на первой стадии кругооборота денежного капитала $D - T$. Несмотря на различие места, функция того денежного капитала, в который теперь превратился товарный капитал, та же самая: его превращение в Sp и P , в средства производства и рабочую силу.

Итак, в функции товарного капитала $T' - D'$ капитальная стоимость одновременно с $t - d$ прошла фазу $T - D$ и вслед за тем всту-

пает в дополнительную фазу $D - T < \overset{P}{C_{\text{н}}}$; следовательно, ее обращение в целом есть $T - D - T < \overset{P}{C_{\text{н}}}$.

Во-первых. Денежный капитал D вступил в форму I (кругооборот $D \dots D'$), как ту первоначальную форму, в которой авансируется капитальная стоимость; здесь он выступает с самого начала как часть той денежной суммы, в которую превратился товарный капитал в первой фазе обращения $T' - D'$, следовательно, выступает как метаморфоз II , производительного капитала в денежную форму, при чем этот метаморфоз обусловлен продажей товарного продукта. Денежный капитал существует здесь не как первоначальная и не как заключительная форма капитальной стоимости: фаза $D - T$, завершающая фазу $T - D$, может быть пройдена лишь благодаря вторичному сбрасыванию денежной формы. Поэтому та часть $D - T$, которая представляет в то же время $D - P$, является уже не просто авансированием денег, выражающимся в купле рабочей силы, но таким авансированием, при котором рабочей силе авансируются в денежной форме те самые 1.000 ш пряжи стоимостью в 50 ф , которые составляют часть товарной стоимости, созданной рабочей силой. Деньги, авансируемые здесь рабочему, суть лишь превращенная эквивалентная форма некоторой части стоимости товара, произведенного самим рабочим. И уже по одной этой причине акт $D - T$, поскольку он является актом $D - P$, отнюдь не представляет простого возмещения товара в денежной форме товаром в потребительной форме, но включает в себе и другие элементы, независимые от общего товарного обращения как такового.

D' есть прекращенная форма T' , которое в свою очередь является продуктом прошлого функционирования II , прошлого производственного процесса; поэтому вся денежная сумма D' есть денежное выражение прошлого труда. В нашем примере 10.000 ш пряжи = 500 ф , продукту процесса прядения; из них 7.440 ш пряжи = авансированному постоянному капиталу $c = 372 \text{ ф}$; 1.000 ш пряжи = авансированному переменному капиталу $v = 50 \text{ ф}$, и 1.560 ш пряжи = прибавочной стоимости $m = 78 \text{ ф}$. Если из D' вновь авансируется, при прочих равных условиях, только первоначальный капитал = 422 ф , то в ближайшую неделю рабочему будет авансирована в акте $D - P$ только часть 10.000 ш пряжи (именно денежная стоимость 1.000 ш пряжи), произведенных за эту неделю. Как результат акта $T - D$, деньги всегда представляют выражение прошлого труда. Если тотчас же на товарном рынке совершается дополнительный акт $D - T$, следовательно, если D отдается за наличные, находящиеся на рынке товары, то опять-таки совершается превращение прошлого труда из одной формы (денег) в другую форму (в товар). Но по времени $D - T$ отличен от $T - D$. В исключительных случаях они могут быть одновременными,

если, напр., капиталист, который совершает $D—T$, и капиталист, для которого этот акт является актом $T—D$, одновременно передают друг другу свои товары, и D потом покрывает только разницу. Разница во времени между выполнением $T—D$ и $D—T$ может быть более или менее значительной. Хотя D , как результат акта $T—D$, представляет прошлый труд, тем не менее D для акта $D—T$ может представлять превращенную форму товаров, которых еще нет на рынке и которые появятся на нем только в будущем; акт $D—T$ обыкновенно совершается лишь после того, как вновь произведено T . Точно так же D может представлять товары, которые в это время производятся в виде того самого T , денежным выражением которого служит оно. Напр., в обмене $D—T$ (покупка средств производства) уголь может быть куплен раньше, чем его подняли из шахты. Если d фигурирует как накопленные деньги, а не расходуется как доход, оно может представлять хлопок, который будет произведен лишь в следующем году. То же самое при расходовании дохода капиталиста, при $d—t$. Точно так же заработная плата $P=50$ £; эти деньги суть не только денежная форма прошлого труда рабочего, но в то же время и ассигновка на одновременный или будущий труд, который только что реализуется или должен реализоваться в будущем. Рабочий может купить на них сюртук, который будет сделан лишь на следующей неделе. Так именно обстоит дело с очень большим числом необходимых средств существования, которые, чтобы не подвергнуться порче, должны быть потреблены почти непосредственно в момент их производства. Таким образом в деньгах, которыми рабочему выдается его заработная плата, он получает превращенную форму будущего труда своего собственного или других рабочих. Давая ему часть его прошлого труда, капиталист дает ему ассигновку на получение его же собственного будущего труда. Его собственный одновременный или будущий труд образует тот еще не имеющийся в наличности запас, из которого уплачивается ему за его прошлый труд. Здесь совершенно исчезает представление об образовании запаса.

Во-вторых. В обращении $T—D—T < \frac{P}{C_n}$ одни и те же деньги перемещаются дважды: капиталист получает их как продавец и передает дальше как покупатель; превращение товара в денежную форму служит лишь для того, чтобы из денежной формы опять превратить его в товарную форму; поэтому денежная форма капитала, его существование в виде денежного капитала, является в этом движении лишь мимолетным моментом; иначе говоря, пока продолжается движение, денежный капитал, если он служит покупательным средством, является лишь средством обращения; собственно платежным средством он является в том случае, если капиталисты взаимно покупают друг у друга, и потом приходится свести только баланс платежей.

В-третьих. Функционирование денежного капитала, служит ли он простым средством обращения или же платежным средством, является лишь посредствующим звеном в замещении T элементами P и Sp , т.-е. в замещении пряжи, товарного продукта,—который представляет результат (за вычетом прибавочной стоимости, используемой в качестве дохода) производительного капитала,—элементами производства этого продукта; следовательно, является посредствующим звеном в обратном превращении капитальной стоимости из ее товарной формы в элементы образования этого товара; значит, в конце концов,—посредствующим звеном в обратном превращении товарного капитала в производительный капитал.

Чтобы кругооборот совершался нормально, T' должно быть продано по своей стоимости и продано без остатка. Далее, $T—D—T'$ включает в себе не только замещение одного товара другим, но замещение при одних и тех же отношениях стоимости. Мы предположили, что именно так и совершается замещение. Но в действительности стоимость средств производства изменяется; капиталистическому производству как раз свойственно непрерывное изменение отношений стоимости вследствие постоянных изменений в производительности труда, характеризующих капиталистическое производство. Здесь мы просто уломинаем об этом изменении в стоимости факторов производства: исследовано оно будет позже. Превращение элементов производства в товарный продукт, II в T' , совершается в сфере производства; обратное превращение T' в II —в сфере обращения. Посредствующим звеном для него служит простой товарный метаморфоз. Но по своему содержанию это обратное превращение составляет момент в процессе воспроизводства, рассматриваемом как целое. $T—D—T'$ как форма обращения капитала включает в себе функционально определенную смену вещества. Далее, превращением $T—D—T'$ обуславливается, что T равно элементам производства такого количества товаров, которое равно T' , и что взаимное отношение стоимостей этих элементов остается первоначальное. Следовательно, здесь не только предполагается, что товары продаются по их стоимости, но предполагается также, что они во время кругооборота не претерпевают никакого изменения стоимости; в противном случае процесс не может протекать нормально.

D в $D...D'$ есть первоначальная форма капитальной стоимости; последняя сбрасывает эту форму лишь затем, чтобы снова усвоить ее. D в $II...T'—D—T...II$ есть форма, которая принимается только в процессе и потом в его же пределах снова сбрасывается. Денежная форма является здесь лишь мимолетной самостоятельной формой стоимости капитала. Капитал, находясь в форме T' , так же тревожно хочет принять денежную форму, как, находясь в форме D' , превратившись

в нее словно в куколку, стремится соросить ее, чтобы снова превратиться в форму производительного капитала. Пока этот капитал остается в денежной форме, он не функционирует как капитал и потому не увеличивается в стоимости; капитал лежит праздно. Д действует здесь как средство обращения, но как средство обращения капитала. Кажущаяся самостоятельность, которою обладает денежная форма капитальной стоимости в первой форме ее кругооборота (в форме денежного капитала), исчезает в этой второй форме, которая таким образом является критикой формы I и сводит ее на положение всего лишь особенной формы. Если второй метаморфоз Д—Т натолкнется на препятствия (если, напр., на рынке нет средств производства), то кругооборот, течение процесса воспроизводства, прерывается точно так же, как и в том случае, когда капитал залеживается в форме товарного капитала. Но есть и различие: капитал в денежной форме может ждать дольше, чем в переходящей товарной форме. Не функционируя в качестве денежного капитала, он однако не перестает быть деньгами; но если он слишком долго задерживается в своей функции товарного капитала, он перестает быть товаром и вообще потребительною стоимостью. Кроме того, находясь в денежной форме, он способен принять форму какого-либо другого производительного капитала вместо первоначальной, между тем как в форме Т' он вообще не в состоянии сдвинуться.

Т' — Д' — Т по своей форме заключает в себе только акты обращения Т', составляющие моменты его воспроизводства; но для осуществления Т' — Д' — Т необходимо действительное воспроизводство того Т, в которое превращается Т'; это же воспроизводство в свою очередь обуславливается процессом воспроизводства, внешним по отношению к процессу воспроизводства индивидуального капитала, представленного в Т'.

В форме I акт Д — Т \leq $\frac{P}{C_n}$ подготавливает только первое превращение денежного капитала в производительный капитал; в форме II этот акт подготавливает обратное превращение из товарного капитала в производительный капитал; следовательно, поскольку способ вложения промышленного капитала остается прежний, подготавливает обратное превращение товарного капитала в те самые элементы производства, из которых он произошел. Поэтому здесь, как в форме I, этот акт представляется подготовительной фазой производственного процесса, но уже в качестве возвращения к нему, его возобновления, следовательно, предшественником процесса воспроизводства, а потому предшественником повторения и процесса увеличения стоимости.

Необходимо также еще раз отметить, что акт Д — Р есть не простой товарообмен, а купля товара Р, который должен служить про-

издолству прибавочной стоимости, подобно тому как и $D - Sp$ является лишь процедурой, материально неизбежной для достижения той же цели.

D после совершения $D - T < \frac{P}{c_n}$ превращается в производительный капитал, в Π , и снова начинает кругооборот.

Следовательно, форма $\Pi...T' - D' - T...Pi$ в ее распространенном виде такова:

$$\Pi...T \begin{pmatrix} T \\ + \\ t \end{pmatrix} - \begin{pmatrix} D \\ + \\ d \end{pmatrix} - T < \frac{P}{c_n}...Pi.$$

Превращение денежного капитала в производительный капитал есть купля товаров с целью производства товаров. Лишь поскольку потребление представляет производительное потребление, оно относится к кругообороту самого капитала; условие этого потребления заключается в том, что посредством товаров, потребляемых производительно, создается прибавочная стоимость. А это есть нечто весьма отличное от того производства и даже того товарного производства, цель которого — существование производителя; замещение товара товаром, обусловливаемое производством прибавочной стоимости, есть нечто совершенно иное, чем обмен продуктов сам по себе, с деньгами лишь в качестве посредствующего звена. Но так представляют дело экономисты, доказывая, что невозможно какое бы то ни было пере-производство.

Кроме производительного потребления D , превратившегося в P и Sp , в кругообороте заключается первый член $D - P$, который для рабочего представляет $P - D = T - D$. Из того обращения $P - D - T$, которое исходит от рабочего и включает в себе его потребление, в кругооборот капитала входит только первый член, как результат $D - P$. Второй акт, именно $D - T$, не входит в обращение индивидуального капитала, хотя и исходит из него. Но для класса капиталистов необходимо постоянное существование рабочего класса, а потому необходимо и потребление рабочих, обслуживаемое посредством $D - T$.

По отношению к продолжению кругооборота капитальной стоимости, а также к потреблению прибавочной стоимости капиталистом акт $T' - D'$ показывает только одно: что T' превращено в деньги, продано. Его покупают, конечно, лишь потому, что предмет представляет потребительную стоимость и, следовательно, пригоден для потребления того или иного вида, производительного или личного. Но если T' продолжает обращение, напр., в руках купца, купившего пряжу, то это не имеет никакого отношения к продолжению кругооборота того индивидуального капитала, который произвел пряжу и продал ее купцу. Весь процесс продолжается, а вместе с тем продолжается и

обусловленное им личное потребление капиталиста и рабочего. Обстоятельство, важное при изучении кризисов.

Именно, когда T' продано, превращено в деньги, оно может совершить обратное превращение в реальные факторы процесса труда, а следовательно, и процесса воспроизводства. Куплено ли T' окончательным потребителем или купцом, который в свою очередь хочет продать его, непосредственно ничего не изменяет в деле. Количество товарных масс, создаваемых капиталистическим производством, определяется масштабом этого производства и потребностью в постоянном его расширении, но отнюдь не predetermined размерами спроса и предложения, не размерами потребностей, подлежащих удовлетворению. Непосредственным покупателем по отношению к массовому производству может быть, кроме других промышленных капиталистов, только оптовый купец. Процесс воспроизводства до известной границы может совершаться в прежнем или даже расширенном масштабе, хотя выброшенные из него товары в действительности не перешли в сферу личного или производительного потребления. Потребление товаров не входит в кругооборот капитала, из которого они произошли. Напр., раз пряжа продана, кругооборот капитальной стоимости, представленной в пряже, может начаться снова, независимо от того, что сделано с проданной пряжей. Раз удается продавать продукт, все идет нормально с точки зрения капиталистического производителя. Кругооборот капитальной стоимости, представленной продуктом, не нарушается. А если этот процесс расширяется,—что предполагает расширение производительного потребления средств производства,—то такое воспроизводство капитала может сопровождаться расширенным личным потреблением (и, следовательно, спросом) на стороне рабочих, потому что подготовкой и посредствующим звеном к этому процессу служит производительное потребление. Так может возрастать производство прибавочной стоимости, а вместе с ним и личное потребление капиталиста, весь процесс воспроизводства может находиться в самом цветущем положении,—и, однако, большая часть товаров может переходить в сферу потребления лишь по видимости, в действительности же она остается нераспроданной в руках перекупщиков, следовательно, фактически все еще пребывает на рынке. Но поток товаров следует за потоком, и наконец, обнаруживается, что прежний поток лишь по видимости поглощен потреблением. Товарные капиталы взаимно оспаривают друг у друга место на рынке. Явившиеся позже продают по пониженной цене, только бы продать. Прежние потоки еще не сбыты, как уже наступают сроки уплаты за них. Владельцы их должны объявить себе несостоятельными или же, чтобы произвести платеж, продавать по какой угодно цене. Такая продажа не имеет никакого отношения

к действительному состоянию спроса. Она определяется лишь спросом на платежи, абсолютной необходимостью превратить товар в деньги. Потом разражается кризис. Он проявляется не в непосредственном уменьшении потребительского спроса, спроса со стороны личного потребления, а в сокращении обмена капитала на капитал, в сужении процесса воспроизводства капитала.

В известных случаях товары S и P , в которые превращается D для того, чтобы исполнить свою функцию в качестве денежного капитала, в качестве капитальной стоимости, предназначенной к обратному превращению в производительный капитал,—эти товары покупаются и оплачиваются в различные сроки, и, следовательно, $D—T$ представляет ряд покупок и платежей, совершающихся один после другого; в таких случаях часть D совершает акт $D—T$, между тем как другая часть все еще остается в денежном состоянии, чтобы потом, в момент, определяемый условиями самого процесса, послужить для ряда одновременных или последовательных актов $D—T$. Эта часть лишь временно отвлечена от обращения, чтобы в известный момент вступить в действие, приступить к исполнению своей функции. Но самое сохранение этой части в запасе представляет в свою очередь функцию, определяемую ее обращением и предназначенную для обращения. В таком случае ее существование в качестве покупательного и платежного фонда, приостановка ее движения, состояние перерыва в ее обращении тоже является состоянием, в котором деньги исполняют одну из своих функций в качестве денежного капитала. В качестве денежного капитала, потому что в этом случае временно пребывающие в покое деньги суть часть денежного капитала D ($= D' - d$), той части стоимости товарного капитала, которая $= C$, равна стоимости производительного капитала, являющегося исходным пунктом кругооборота. С другой стороны, все деньги, отвлеченные от обращения, находятся в форме сокровища. Следовательно, форма сокровища денег становится здесь функцией денежного капитала, подобно тому как в $D—T$ функция денег, являющихся покупательным или платежным средством, становится функцией денежного капитала. Причина заключается в том, что капитальная стоимость существует здесь в денежной форме, денежная форма является здесь состоянием промышленного капитала, определяемым общей связью его кругооборота на одной из стадий последнего. Здесь снова оказывается правильным, что денежный капитал в кругообороте промышленного капитала не совершает никаких иных функций, кроме функций денег, и что эти функции денег лишь благодаря своей связи с другими стадиями этого кругооборота приобретают значение функций капитала.

Представление D' как отношения d к D , как капиталистического отношения, является непосредственно функцией не денежного капи-

чала, а товарного капитала T' , который в свою очередь выражает в виде отношения t и T лишь результат производственного процесса, лишь результат совершившегося в последнем самовозрастания капитальной стоимости.

Если продолжение процесса обращения наталкивается на препятствие, так что D вынуждается внешними обстоятельствами, положением рынка и т. д., приостановить свои функции $D—T$ и, следовательно, более или менее продолжительное время оставаться в своей денежной форме, то перед нами — опять-таки деньги в виде сокровища. Это случается и при простом товарном обращении, когда переход от $T—D$ к $D—T$ прерывается внешними обстоятельствами. Здесь — вынужденное образование сокровища. Таким образом в нашем случае деньги имеют форму лежащего праздно, скрытого денежного капитала. Однако, пока что, мы не будем дольше останавливаться на этом.

Но в обоих случаях задержка денежного капитала в его денежном состоянии является результатом перерыва движения, будет ли последний целесообразен или нецелесообразен, добровольен или недобровольен, вытекает ли из функций капитала или противоречит им.

II. Накопление и воспроизводство в расширенном масштабе.

Так как пропорции, в которых расширение производственного процесса возможно, определяются не по произволу, а предписываются техникой, то реализованная прибавочная стоимость, хотя бы она и предназначалась для капитализации, нередко лишь посредством повторения нескольких кругооборотов достигает такого размера (следовательно, должна быть накоплена до такого размера), при котором она действительно может функционировать как дополнительный капитал или войти в кругооборот совершающей свой процесс капитальной стоимости. Следовательно, прибавочная стоимость затвердевает в сокровище и составляет в этой форме скрытый денежный капитал. Скрытый — потому что она не может действовать как капитал, пока остается в денежной форме ⁶⁾. Следовательно, образование сокровища является здесь моментом, входящим в процесс капиталистического накопления, сопровождающим его, но в то же время и существенно отличным от него. Отличным — потому что образование денежного капи-

⁶⁾ Выражение „latent“, „скрытый“, заимствовано из представления физики о скрытой теплоте, почти устаревшего теперь теорией превращения энергии. Поэтому в третьем разделе (последней редакции) Маркс замещает его выражением, заимствованным из представления о потенциальной энергии: „потенциальный“, или, по аналогии с виртуальными скоростями Даламбера, „виртуальный капитал“. — Ф. Э.

тала в скрытой форме не расширяет самого процесса воспроизводства. Наоборот, скрытый денежный капитал образуется здесь потому, что капиталистический производитель не в состоянии непосредственно расширить размеры своего производства. Если он продает свой прибавочный продукт производителю золота или серебра, который выбрасывает в обращение новое золото или серебро, или — что сводится к тому же — купцу, который в обмен за известную часть национального прибавочного продукта ввозит из-за границы дополнительное золото или серебро, то его скрытый денежный капитал будет представлять прирост национального сокровища, находящегося в виде золота или серебра. Во всех других случаях, напр., те 78 £, которые в руках покупателя были средством обращения, в руках капиталиста просто лишь превращаются в форму сокровища; следовательно, происходит лишь новое распределение национального сокровища в виде золота или серебра.

Если в сделках нашего капиталиста деньги функционируют в качестве платежного средства (таким образом, что покупатель уплачивает за товары лишь через более или менее продолжительный срок), то прибавочный продукт, предназначенный для капитализации, превращается не в деньги, а в долговые требования, в титул собственности на эквивалент, который, быть может, уже имеется у покупателя или же, быть может, только предвидится. Этот эквивалент не входит в процесс воспроизводства, относящийся к данному кругообороту, — как в него не входят и деньги, вложенные в процентные бумаги и т. д., — хотя он может входить в кругооборот другого индивидуального промышленного капитала.

Весь характер капиталистического производства определяется возрастанием авансированной капитальной стоимости, следовательно, в первую очередь производством возможно большей прибавочной стоимости; а во-вторых (см. книга I, гл. XXII), — производством капитала, следовательно, превращением прибавочной стоимости в капитал. Накопление, или производство в увеличенных размерах, являясь средством к постоянному расширению производства прибавочной стоимости, а потому к обогащению капиталиста, являясь личной целью последнего, составляя одну из общих тенденций капиталистического производства, как показано в первой книге, благодаря своему развитию превращается в необходимость для каждого отдельного капиталиста. Постоянное увеличение капитала становится условием его сохранения. Однако мы не будем возвращаться к тому, о чем говорилось раньше.

Сначала мы рассмотрели простое воспроизводство, при чем предполагалось, что вся прибавочная стоимость расходуется как доход. При нормальных условиях одна часть прибавочной стоимости в действительности всегда должна расходоваться как доход, а другая под-

вергаться капитализации, при чем совершенно безразлично, что прибавочная стоимость, произведенная в тот или иной определенный период, то целиком потребляется, то целиком капитализируется. В общем выводе,—а общая формула может дать лишь среднее движение—каждый раз совершается и то и другое. Однако, чтобы не усложнять формулы, будет лучше предположить, что накапливается вся прибавочная стоимость. Формула $\Pi \dots T' - D' - T' < P_{\text{сн}} \dots P'$ выражает производительный капитал, который воспроизводится в увеличенном размере, как капитал большей стоимости, и потом начинает свой второй кругоборот или, что то же, возобновляет первый кругоборот уже как возросший производительный капитал. Когда начинается этот второй кругоборот, мы в качестве исходного пункта имеем перед собою опять Π ; но только это Π представляет производительный капитал больших размеров, чем было первое Π . Точно так же, когда в формуле $D \dots D'$ второй кругоборот начинается с D' , то это D' функционирует как D , как авансированный денежный капитал определенной величины; это—денежный капитал больших размеров, чем тот, которым открылся первый кругоборот; но как только он начинает исполнять функцию авансированного денежного капитала, так уже исчезает всякое напоминание о том, что он возрос благодаря капитализации прибавочной стоимости. В форме денежного капитала, в которой он начинает кругоборот, изглаживаются следы такого происхождения. То же самое происходит и с P' , когда оно служит исходным пунктом нового кругоборота.

Если мы сравним $\Pi \dots P'$ с $D \dots D'$, или с первым кругоборотом, то увидим, что они имеют далеко не одинаковое значение. $D \dots D'$, взятое само по себе, как обособленный кругоборот, выражает только одно: что D , денежный капитал (или промышленный капитал, совершающий свой кругоборот как денежный капитал), есть деньги, порождающие деньги, стоимость, порождающая стоимость, что он производит прибавочную стоимость. Напротив, в кругобороте Π , с завершением первой стадии производственного процесса, процесс увеличения стоимости уже совершился, а по истечении $T' - D'$, второй стадии (первой стадии обращения), капитальная стоимость + прибавочная стоимость существуют уже как реализованный денежный капитал, как D' , которое представляло последний крайний член в первом кругобороте. Что прибавочная стоимость произведена, это в раньше рассмотренной форме $\Pi \dots \Pi$ (см. распространенную формулу на стр. 47) представлено посредством $t - d - t$, которое своей второй стадией выходит из сферы обращения капитала и представляет обращение прибавочной стоимости как дохода. Следовательно, в этой форме, которая изображает все движение в виде $\Pi \dots \Pi$ и в которой между обоими конечными пунктами не про-

исходит никакого изменения стоимости, увеличение авансированной стоимости, производство прибавочной стоимости представлено так же, как в $D...D'$; только акт $T' - D'$, являющийся последнею стадией в $D...D'$ и второй стадией кругооборота, служит первой стадией обращения в $P...P$.

P' в $P...P'$ выражает не то, что произведена прибавочная стоимость, а то, что произведенная прибавочная стоимость капитализована, следовательно, произошло накопление капитала, а потому P' , в противоположность P , состоит из первоначальной капитальной стоимости плюс стоимость капитала, накопленная благодаря движению капитальной стоимости.

И D' , как простое заключение $D...D'$, и T' , каким оно является во всех этих кругооборотах, взятые сами по себе, выражают не движение, а его результат: прирост капитальной стоимости, реализованный в товарной форме или в денежной форме, а потому выражают капитальную стоимость как $D + d$ или как $T + t$, т.-е. в виде отношения капитальной стоимости к прибавочной стоимости, как своему потомку. Они выражают этот результат в виде различных форм обращения возросшей капитальной стоимости. Но ни в форме T' , ни в форме D' совершившееся увеличение стоимости не является ни функцией денежного, ни функцией товарного капитала. Денежный капитал и товарный капитал, как особые, отличные формы, как способы существования капитала, соответствующие особым функциям промышленного капитала, могут исполнять только функции денег (денежный капитал) или функции товара (товарный капитал); различие между ними, это—лишь различие денег и товара. Точно так же промышленный капитал в своей форме производительного капитала может состоять лишь из тех элементов, которые вообще входят во всякий процесс труда, создающий продукты: с одной стороны, из вещественных условий труда (средств производства), с другой стороны—из производительно (целесообразно) функционирующей рабочей силы. Промышленный капитал может существовать в сфере производства лишь в таком составе, который соответствует производственному процессу вообще, а следовательно, и некапиталистическому производственному процессу; точно так же в сфере обращения он может существовать лишь в одной из двух форм, соответствующих этой сфере: в формах товара и денег. Но сумма элементов производства с самого начала проявляет себя как производительный капитал, потому что рабочая сила является чужой рабочей силой, и капиталист покупает ее у ее владельца совершенно так же, как он покупает для себя средства производства у владельцев других товаров; поэтому и самый производственный про-

цесс выступает, как производительная функция промышленного капитала, а деньги и товар являются формами обращения того же самого промышленного капитала, и, следовательно, функции денег и товара— функциями обращения этого капитала, при чем они или служат подготовкой к функциям производительного капитала, или вытекают из них. Функция денег и функция товара являются здесь в то же время функцией денежного капитала и товарного капитала лишь вследствие своей связи с теми функциями, которые должен исполнять промышленный капитал на различных стадиях процесса своего кругооборота. Следовательно, было бы превратно специфические свойства и функции, характеризующие деньги как деньги и товар как товар, выводить из их свойств как капитала,—и точно так же превратно, наоборот, выводить свойства производительного капитала из способа его существования в средствах производства.

Когда D' или T' фиксируется в виде $D + d$, $T + t$, т.-е. в виде отношения капитальной стоимости к прибавочной стоимости, как потому первой, то это отношение находит себе выражение один раз в денежной форме, другой раз—в товарной форме, что дела нисколько не изменяет. Следовательно, это отношение вытекает не из свойств и функций, присущих деньгам как таковым или товару как таковому. В обоих случаях перед нами в виде результата выражено свойство, характеризующее капитал: то свойство, что он есть стоимость, порождающая стоимость. T' всегда представляет продукт функционирования Π , а D' лишь форму T' , претерпевшую превращение в кругообороте промышленного капитала. Поэтому, когда реализованный денежный капитал снова начинает функционировать в качестве денежного капитала, он перестает служить выражением того капиталистического отношения, которое содержится в $D' = D + d$. Когда $D \dots D'$ пройдено, и D' снова начинает кругооборот, D' фигурирует уже не как D' , а как D , хотя бы вся прибавочная стоимость, заключающаяся в D' , подверглась капитализации. В нашем примере второй кругооборот открывается денежным капиталом в 500 £, между тем как первый начинался 422 £. Денежный капитал, открывающий кругооборот, на 78 £ больше, чем был прежде; это различие существует при сравнении одного кругооборота с другим; но для этого сравнения нет места в рамках каждого отдельного кругооборота. Авансированные в качестве денежного капитала 500, из которых 78 £ существовали раньше как прибавочная стоимость, играют совершенно такую же роль, как 500 £, которыми другой капиталист открывает свой первый кругооборот. То же и в кругообороте производительного капитала. Возросшее Π' при возобновлении выступает просто как Π , подобно Π в простом воспроизводстве $\Pi \dots \Pi$.

На стадии $D' - T' < \frac{P}{C_n}$ возрастание величины отмечено лишь посредством T' , но не посредством P' или C_n' . Так как T' есть сумма P' и C_n' , то уже T' показывает, что сумма заключающихся в нем P' и C_n' больше, чем было в первоначальном T . Но, кроме того, обозначение P' и C_n' было бы и ошибочно, потому что, как мы знаем, с возрастанием капитала связано изменение его состава по стоимости, — именно, последний развивается таким образом, что стоимость C_n' возрастает, стоимость же P' всегда уменьшается относительно, а часто и абсолютно.

III. Накопление денег.

Может ли d , прибавочная стоимость, превратившаяся в золото, немедленно присоединиться к совершающей движение капитальной стоимости и, составив вместе с капиталом D величину D' , войти в процессе кругооборота, — это определяется обстоятельствами, независимыми от простой наличности d . Если d должно послужить в качестве денежного капитала в новом, самостоятельном предприятии, которое пред полагается основать около первого, то ясно, что d может быть употреблено на это лишь тогда, когда оно обладает минимальной величиной, необходимой для такого предприятия. Если d должен быть употреблено на расширение первоначального предприятия, то опять-таки отношение материальных факторов Π и отношения их стоимости требуют определенной минимальной величины d . Между всеми средствами производства, действующими в этом предприятии, существует не только известное качественное, но и определенное количественное соотношение, известная пропорциональность размеров. Эти материальные отношения и связанные с ними отношения стоимости факторов, входящих в производительный капитал, определяют тот минимальный размер, которого должно достигнуть d для того, чтобы его можно было превратить, как прирост производительного капитала, в дополнительные средства производства и дополнительную рабочую силу или только в первые. Так, прядильщик не может увеличить числа своих веретен, если одновременно не приобретет соответствующего числа чесальных и трепальных станков, не говоря уже об увеличенных затратах на хлопок и заработную плату, обусловливаемых таким расширением предприятия. Следовательно, для того, чтобы осуществить последнее, прибавочная стоимость должна уже составлять порядочную сумму (обыкновенно новые затраты определяются в 1 £ на веретено). Пока d не достигнет этих минимальных размеров, капитал должен несколько раз повторить кругооборот, прежде чем сумма последовательно произведенных им d получит возможность функционировать вместе с D , следовательно, в D' —

$T < \tau_{сп}$. Даже простые изменения деталей, напр., в прядильных машинах, поскольку эти изменения ведут к повышению производительности, требуют увеличения расходования прядильного материала, усиления машин, на которых обрабатывается хлопок перед прядением, и т. д. Следовательно, в промежуточный период d накапливается, и его накопление является не его собственной функцией, а результатом повторений $II...II$. Его собственной функцией является пребывание в денежном состоянии до тех пор, пока оно благодаря повторным кругооборотам, связанным с возрастанием стоимости,—следовательно, извне,—не получит достаточного приращения, при котором оно достигает минимальной величины, необходимой для его активного функционирования: величины, при которой оно только и может принять участие в функционировании денежного капитала D ,—принять участие как денежный капитал, в данном случае как накопленная часть функционирующего денежного капитала D . В промежуточный период d накапливается и существует лишь в форме сокровища, находящегося в процессе образования, роста. Следовательно, накопление денег, образование сокровища является здесь процессом, который временно сопровождает действительное накопление, расширение того масштаба, в котором действует промышленный капитал. Сопровождает временно, преходяще, потому что, пока сокровище остается в состоянии сокровища, оно не функционирует как капитал, не принимает участия в процессе увеличения стоимости, остается денежной суммой, которая возрастает лишь потому, что получаемые без ее содействия деньги кладутся в тот же сундук.

Форма сокровища есть просто форма денег, не находящихся в обращении, денег, обращение которых прервано, и которые поэтому сохраняются в своей денежной форме. Что касается самого процесса образования сокровища, то он свойствен товарному производству вообще, в качестве же самоцели играет роль только в неразвитых, предкапиталистических формах этого производства. Но в нашем случае сокровище является формой денежного капитала, образование же сокровища—процессом, который временно сопровождает накопление капитала, потому что—и поскольку—деньги фигурируют здесь в качестве скрытого денежного капитала: образование сокровища,—сохранение в состоянии сокровища той прибавочной стоимости, которая находится в денежной форме,—является здесь совершающейся вне кругооборота капитала, функционально определенной подготовительной стадией к превращению прибавочной стоимости в действительно функционирующий капитал. Следовательно, благодаря своему предназначению, это—скрытый денежный капитал; поэтому и размеры, которых должно достигнуть сокровище, прежде чем оно вступит в процесс

каждый раз определяются составом стоимости производительного капитала. Но пока деньги остаются в положении сокровища, они еще не функционируют как денежный капитал, представляют праздно лежащий денежный капитал; не потому, что, как раньше, их функция прервана, а потому, что они еще неспособны к своей функции.

Мы взяли здесь накопление денег в его первоначальной реальной форме, в форме накопления действительного денежного сокровища. Но оно может совершаться и в форме простых долговых документов, долговых притязаний капиталиста, продавшего T' . Что касается других форм, когда скрытый денежный капитал и в промежуточный период существует в виде денег, рождающих деньги, напр., в виде вкладов в какой-либо банк, приносящих проценты, в векселях или ценных бумагах какого бы то ни было рода, то эти формы сюда не относятся. Прибавочная стоимость, реализованная в деньгах, совершает в таком случае функции особого капитала вне кругооборота того промышленного капитала, из которого она произошла: функции, которые, во-первых, не имеют ничего общего с кругооборотом этого капитала как таковым и, во-вторых, представляют функции капитала, отличные от функций промышленного капитала и здесь еще не исследованные.

IV. Резервный фонд.

Сокровище в только что рассмотренной форме, являющейся формой существования прибавочной стоимости, представляет денежный фонд накопления, ту денежную форму, которую временно усваивает накопление капитала и которая в этом смысле служит условием последнего. Но этот фонд накопления может оказывать и особые побочные услуги, т.-е. входить в процесс кругооборота капитала, не принимая формы $П...П'$ и, следовательно, не увеличивая размеров капиталистического воспроизводства.

Если процесс $T' - D'$ затягивается свыше его нормальной продолжительности и, следовательно, превращение товарного капитала в денежную форму ненормально задерживается; или если, после того как это превращение совершилось, цена, напр., средств производства, в которые должен превратиться денежный капитал, поднимается выше того уровня, который существовал при начале кругооборота, то сокровище, функционирующее как фонд накопления, может быть употреблено на то, чтобы занять место денежного капитала или его части. Следовательно, денежный фонд накопления служит в качестве резервного фонда для того чтобы устранять нарушения кругооборота.

Как такой резервный фонд, он отличается от фонда покупательных и платежных средств, рассмотренного в кругообороте II...II. Эти средства представляют часть функционирующего денежного капитала (следовательно, это — формы существования некоторой части капиталной стоимости, вообще занятой в процессе), части которого начинают функционировать лишь одна за другой, в различные моменты. В непрерывном ходе производственного процесса постоянно образуется резервный денежный капитал, так как сегодня, напр., поступили платежи, а производить платежи придется лишь в позднейшее время, сегодня проданы большие массы товара, а покупать большие массы товара придется лишь в позднейшие дни; следовательно, в эти промежутки та или иная часть оборотного капитала постоянно находится в денежной форме. Напротив, резервный фонд представляет составную часть не уже функционирующего капитала, — точнее, денежного капитала, — а капитала, находящегося еще на подготовительной стадии своего накопления, на стадии прибавочной стоимости, еще не превратившейся в активный капитал. Впрочем, как само собою понятно, в затруднительных обстоятельствах капиталист вовсе не спрашивает, какие определенные функции играют находящиеся в его руках деньги, а просто употребляет то, что у него есть, — только бы поддержать течение процесса кругооборота своего капитала. Напр., в нашем примере $D = 422 \text{ £}$, $D' = 500 \text{ £}$. Если часть капитала в 422 £ существует в качестве фонда платежных и покупательных средств, в качестве денежного запаса, то при этом предполагается, что, с одной стороны, при остающихся неизменными обстоятельствах она целиком вступит в кругооборот, а с другой, — что она достаточна для этой цели. Но резервный фонд есть часть 78 £ прибавочной стоимости; она может вступить в процесс кругооборота капитала стоимостью в 422 £ лишь в том случае, если этот кругооборот совершается при обстоятельствах, не оставшихся неизменными: она представляет часть фонда накопления и фигурирует в данном случае без всякого расширения размеров воспроизводства.

Денежный фонд накопления представляет уже существование денежного капитала в скрытом виде; следовательно, представляет превращение денег в денежный капитал.

Всеобщая формула кругооборота производительного капитала, охватывающая простое воспроизводство и воспроизводство в увеличенных размерах, такова:

$$\text{II} \dots \overset{1}{T} \text{ — } \overset{2}{D'} \cdot \overset{2}{D} \text{ — } \overset{1}{T} < \overset{P}{C_n} \dots \text{II} (\text{II}')$$

Если $\text{II} = \text{II}$, то D в 2) = $D' - d$; если $\text{II} = \text{II}'$, то D в 2) больше, чем $D' - d$; т.-е. d целиком или частично превратилось в денежный капитал.

Кругооборот производительного капитала есть та форма, в которой классическая экономия рассматривает процесс кругооборота промышленного капитала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Кругооборот товарного капитала.

Общая формула для кругооборота товарного капитала такова:

$$T' - D' - T \dots P \dots T'.$$

T' является не только продуктом, но и предпосылкой двух раньше рассмотренных кругооборотов, так как то, что для одного капитала есть $D - T$, уже предполагает $T' - D'$ для другого, — по крайней мере постольку, поскольку часть средств производства сама является товарным продуктом других индивидуальных капиталов, совершающих свой кругооборот. В нашем случае, например, уголь, машины и т. д. представляют товарный капитал угледопромышленника, капиталистического машиностроителя и т. д. Далее, в главе 1, 4, указано, что уже при первом повторении $D \dots D'$, прежде чем закончится этот второй кругооборот денежного капитала, заранее предполагается не только кругооборот $P \dots P$, но и кругооборот $T' \dots T'$.

Если воспроизводство совершается в расширенном масштабе, то заключительное T' больше начального T' , и потому его следует обозначать посредством T'' .

Отличие третьей формы от первых двух сказывается, во-первых, том, что здесь кругооборот открывается обращением как целым с обеими его противоположными фазами, между тем как в форме I обращение прерывается процессом производства, а в форме II все обращение с его двумя взаимно восполняющими фазами является только посредствующим звеном для процесса воспроизводства и потому служит посредствующим движением между $P \dots P$. При $D \dots D'$ форма обращения есть $D - T \dots T' - D' = D - T - D$. При $P \dots P$ форма обращения обратная: $T' - D' . D - T = T - D - T$. В $T' \dots T'$ форма обращения такова же, как последняя.

Во-вторых. При повторении кругооборотов I и II, даже если заключительные пункты D' и P' служат начальными пунктами для возобновившегося кругооборота, все же исчезает та форма, в которой были произведены эти D' и P' . $D' = D + d$, $P' = P + p$ начинают новый процесс опять как D и P . В третьей же форме исходный пункт T' должен обозначаться как T'' , если даже кругооборот возобновляется в прежних размерах. Причина тому следующая. В форме I, лишь

только D как таковое открывает новый кругооборот, оно функционирует как денежный капитал D , как авансированная в денежной форме капитальная стоимость, долженствующая увеличиться в своей стоимости. Величина авансированного денежного капитала, возросшая благодаря накоплению, совершившемуся во время первого кругооборота, увеличилась. Но равняется ли величина авансированного капитала 422 £ или 500 £, — это ничего не изменяет в том обстоятельстве, что он является простой капитальной стоимостью. D' существует уже не как возросший в своей стоимости или увеличенный прибавочной стоимостью капитал, не как капиталистическое отношение. Оно (D') еще должно увеличить свою стоимость в процессе. То же самое относится и к $П...П'$; $П'$ должно и впредь неизменно функционировать и возобновлять кругооборот как $П$, как капитальная стоимость, которая должна произвести прибавочную стоимость. — Напротив, кругооборот товарного капитала открывается не просто капитальной стоимостью, а капитальной стоимостью, уже возросшей в товарной форме, и потому с самого начала заключает в себе кругооборот не только капитальной стоимости, находящейся в товарной форме, но и прибавочной стоимости. Если в этой форме происходит простое воспроизводство, то в конечном пункте выступает T' такой же величины, как в начальном пункте. Если в кругооборот капитала вступает часть прибавочной стоимости, то, хотя в конце и появляется T'' вместо T' , появляется T' большей величины, однако следующий кругооборот все же опять начинается с T' , которое представляет собою лишь большее T' , чем было в предыдущем кругообороте, и начинает свой новый кругооборот с большей накопленной капитальной стоимостью, а потому и с относительно большей вновь произведенной прибавочной стоимостью. Во всех случаях T' всегда открывает кругооборот как товарный капитал, который = капитальной стоимости + прибавочная стоимость.

T' является как T в кругообороте индивидуального промышленного капитала не в качестве формы этого капитала, а в качестве формы другого промышленного капитала, поскольку средства производства представляют из себя продукт этого последнего. Акт $D - T$ (т.-е. $D - Sp$) первого капитала является для этого второго капитала $T - D'$.

P и Sp в акте обращения $D - T < P$ играют тождественную роль постольку, поскольку они суть товары в руках их продавцов, в одном случае рабочих, продающих свою рабочую силу, в другом случае — собственников средств производства, продающих эти последние. Для покупателя, деньги которого функционируют здесь в качестве денежного капитала, они функционируют только как товары до тех пор, пока он их еще не купил, пока, следовательно, они, как принадлежа-

щие другим товары, противостоят его капиталу, существующему в денежной форме; Sp и P различаются здесь лишь постольку, поскольку Sp в руках продавца может представлять T' и, следовательно, может быть капиталом, т.-е. поскольку Sp представляет товарную форму капитала продавца; между тем как для рабочего P всегда является только товаром и становится капиталом лишь в руках покупателя, как составная часть Π .

Поэтому T' никогда не может начинать кругооборота как простое T , как просто товарная форма капитальной стоимости. Как товарный капитал, оно всегда имеет двойное значение. С точки зрения потребительной стоимости, оно есть продукт функционирования Π —в нашем случае такой продукт есть пряжа, элементы которой P и Sp , явившиеся как товары из сферы обращения, функционировали как продуктообразователи этого продукта. Во-вторых, с точки зрения стоимости, оно есть продукт капитальной стоимости Π плюс прибавочная стоимость m , произведенная функционированием Π .

Только в кругообороте самого T' часть его $T = \Pi =$ капитальной стоимости может и должна отделяться от той части T' , в которой воплощается прибавочная стоимость, от прибавочного продукта, в котором заключается прибавочная стоимость,—может отделяться, независимо от того, делимы ли они фактически, как пряжа, или же нет, как машина. Во-всяком случае эти стоимости становятся разделимыми, как только T' превращается в D' .

Если весь товарный продукт можно разделить на самостоятельные однородные частичные продукты, как, напр., наши 10.000 ш пряжи, и если поэтому акт $T' - D'$ можно представить в виде суммы совершенных друг за другом продаж, то капитальная стоимость может функционировать в товарной форме, как T , может отделяться от T' , прежде чем реализована прибавочная стоимость, следовательно, прежде чем реализовано целиком T' .

В 10.000 ш пряжи в 500 £ стоимость 8.440 $\text{ш} = 422 \text{ £} =$ капитальной стоимости, отделенной от прибавочной стоимости. Если капиталист продаст только 8.440 ш пряжи за 422 £ , то эти 8.440 ш пряжи выражают T , капитальную стоимость в товарной форме; содержащийся в том же T' прибавочный продукт в 1.560 ш пряжи = прибавочной стоимости в 78 £ вступит в обращение позже; капиталист мог бы выполнить $T - D - T < \overset{P}{Sp}$ до того времени, как совершится обращение прибавочного продукта $t - d - t$.

Или, если бы он продал сначала 7.440 ш пряжи стоимостью в 372 £ , а затем 1.000 ш пряжи стоимостью в 50 £ , то первой частью T могли бы быть возмещены средства производства (постоянная часть капитала c), а второй частью T переменная часть капитала v , рабочая сила,—а затем все так же, как раньше.

Но если происходят такие последовательные продажи, и если условия кругооборота это допускают, то капиталист вместо того, чтобы разделить все T' на $c + v + m$, может выполнять это разделение и на любой части T' .

Например, 7.440 ш пряжи = 372 £ , которые, будучи частями T (10.000 ш пряжи = 500 £), представляют собою постоянную часть капитала, в свою очередь могут быть разложены на 5.535.360 ш пряжи стоимостью в 276.768 £ , которые возмещают только постоянную часть капитала, стоимость средств производства, потребленных в производстве 7.440 ш пряжи; на 744 ш пряжи стоимостью в 37.200 £ , возмещающие только переменный капитал; на 1.160.640 ш пряжи стоимостью в 58.032 £ , являющейся в качестве прибавочного продукта носителем прибавочной стоимости. Следовательно, продав 7.440 ш , капиталист может возместить содержащуюся в них капитальную стоимость путем продажи 6.279.360 ш пряжи ценой в 313.968 £ , а стоимость прибавочного продукта в 1.160.640 ш = 58.032 £ израсходовать как доход.

Точно также может он разложить соответствующим образом и продать 1.000 ш пряжи = 50 £ = стоимости переменного капитала: 744 ш пряжи стоимостью в 37.200 £ , это будет стоимость постоянного капитала, заключающаяся в 1.000 ш пряжи; 100 ш пряжи стоимостью в 5.000 £ , — переменная часть капитала в тех же 1.000 ш , следовательно, 844 ш пряжи стоимостью в 42.200 £ служат возмещением капитальной стоимости, содержащейся в 1.000 ш пряжи; наконец, 156 ш пряжи стоимостью в 7.800 £ представляют содержащийся в ней прибавочный продукт, и капиталист может потребить их как таковой.

Наконец, он может остальные 1.560 ш пряжи стоимостью в 78 £ разложить, если только удастся продажа, таким образом, чтобы продажа 1.160.640 ш пряжи стоимостью в 58.032 £ возместила стоимость содержащихся в 1.560 ш пряжи средств производства, а 156 ш пряжи стоимостью в 7.800 £ — стоимость переменного капитала; 1.316.040 ш пряжи = 65.832 £ представляют в совокупности возмещение всей капитальной стоимости; наконец, остается прибавочный продукт 243.360 ш = 12.168 £ , которые можно расходовать как доход.

Подобно тому как всякий заключающийся в пряже элемент c , v , m можно в свою очередь разложить на такие же составные части, — точно также можно разложить и каждый отдельный фунт пряжи стоимостью в 1 шиллинг = 12 пенсов.

$$c = 0,744 \text{ ш пряжи} = 8,928 \text{ пенс.}$$

$$v = 0,100 \text{ „ „} = 1,200 \text{ „}$$

$$m = 0,156 \text{ „ „} = 1,872 \text{ „}$$

$$c + v + m = 1 \text{ ш пряжи} = 12 \text{ пенс.}$$

Если мы сложим результаты трех вышеуказанных частичных продаж, то получится тот же результат, как и при одновременной продаже 10.000 £ пряжи

Постоянного капитала мы имеем:

при 1-й продаже:	5.535.360 £ пряжи	=	276.768 £
" 2-й "	744.000 " "	=	37.200 "
" 3-й "	1.160.640 " "	=	58.032 "
<hr/>			
Итого	7.440 £ пряжи	=	372 £

Переменного капитала:

при 1-й продаже:	744.000 £ пряжи	=	37.200 £
" 2-й "	100.000 " "	=	5.000 "
" 3-й "	156.000 " "	=	7.800 "
<hr/>			
Итого	1.000 £ пряжи	=	50 £

Прибавочной стоимости:

при 1-й продаже:	1.160.640 £ пряжи	=	58.032 £
" 2-й "	156.000 " "	=	7.800 "
" 3-й "	243.360 " "	=	12.168 "
<hr/>			
Итого	1.560 £ пряжи	=	78 £

Общий итог:

Постоянный капитал:	7.440 £ пряжи	=	372 £
Переменный "	1.000 " "	=	50 "
Прибавочн. стоимость:	1.560 " "	=	78 "
<hr/>			
Итого	10.000 £ пряжи	=	500 £

T — D' есть само по себе не что иное, как продажа 10.000 £ пряжи. 10.000 £ пряжи суть товар, как и всякая другая пряжа. Покупателю важна цена в 1 шил. за фунт, или в 500 £ за 10.000 £ . Если во время сделки он и обращает внимание на состав стоимости, то лишь под влиянием коварного намерения доказать, что 1 £ можно было бы продать дешевле 1 шил., и что даже в таком случае продавец сделает хорошее дело. Но количество товара, которое он покупает, зависит от его потребностей; так, напр., если он собственник ткацкого заведения, то оно зависит от состава его собственного капитала, функционирующего в ткацком заведении, а не от состава капитала то о прядильщика, у которого он покупает. Пропорция, в которой T' должно, с одной стороны, возместить потребленный в процессе производства капитал (т.-е. различные его составные части), а с дру-

гой стороны, должно служить прибавочным продуктом, предназначенным либо на расходование прибавочной стоимости, либо на накопление капитала,—эта пропорция существует лишь в процессе кругооборота того капитала, товарной формой которого являются 10.000 ₹ пряжи. С продажей как таковой они не имеют ничего общего. Здесь кроме того, предполагается, что T' продается по своей стоимости, и что, следовательно, дело сводится лишь к превращению его из товарной формы в денежную форму. Для T' , как для функциональной формы в кругообороте этого индивидуального капитала, формы, из которой должен быть возмещен производительный капитал, имеет, конечно, решающее значение то обстоятельство, отклоняются ли и до какой степени отклоняются друг от друга стоимость и цена при продаже, но здесь, при рассмотрении одних только различий форм нам нечего останавливаться на этом вопросе.

В форме I , $D—D'$, процесс производства протекает посредине между двумя друг друга восполняющими и друг другу противоположными фазами обращения капитала; он закончен, прежде чем наступает заключительная фаза $T'—D'$. Деньги авансируются как капитал сначала на элементы производства, из них превращаются в товарный продукт а этот товарный продукт опять превращается в деньги. Это — вполне законченный цикл деловых отношений, результатом которого являются на все и для всякого пригодные деньги. Возобновление процесса дано таким образом лишь в возможности. $D... P... D'$ может быть одинаково как последним кругооборотом, который заканчивает функционирование индивидуального капитала, выходящего из предприятия, так и первым кругооборотом капитала, впервые приступающего к отправлению своей функции. Общее движение здесь $D... D'$ от денег к большей сумме денег.

В форме II , т. е. в форме $P... T'—D'—T... P$ (II'), весь процесс обращения следует за первым II и предшествует второму; но он протекает в порядке, противоположном форме I . Первое II есть производительный капитал, и функция его есть процесс производства, являющийся предварительным условием следующего за ним процесса обращения. Напротив, заключительное II не есть процесс производства; оно представляет собою лишь вторичное бытие промышленного капитала в форме производительного капитала. И притом это является результатом превращения, совершившегося в последней фазе обращения,—превращения капитальной стоимости в $P + Sp$, в субъективные и объективные факторы, соединение которых дает форму бытия производительного капитала. Капитал, будь он II или II' , в конце опять имеется налицо в такой форме, в которой он должен снова функционировать как производительный капитал, выполнять процесс про-

изводства. Общая форма движения, $П...П$, есть форма производства и не указывает, в противоположность $Д...Д'$, на увеличение стоимости, как на цель процесса. Тем более облегчает она классической экономии возможность игнорировать определенную капиталистическую форму процесса производства и представлять производство как таковое целью процесса, заключающейся будто бы в том, чтобы возможно больше и возможно дешевле производить и обменивать продукт на возможно более разнородные другие продукты, служащие отчасти для возобновления производства ($Д—Т$), отчасти для потребления ($д—т$). При этом, так как $Д$ и $д$ являются здесь лишь переходным средством обращения, то особенности денег и денежного капитала могут легко остаться незамеченными, и весь процесс оказывается простым и естественным, т.-е. обладает естественностью плоского рационализма. Точно так же при рассмотрении товарного капитала при случае забывается прибыль, и когда речь идет о кругообороте производства в целом, то капитал фигурирует просто как товар; когда же речь идет о составных частях стоимости, то он фигурирует как товарный капитал. Конечно, накопление изображается таким же образом, как производство.

В форме $Ш, Т' — Д' — Т...П...Т'$, открывают кругооборот две фазы процесса обращения, протекающие в том же порядке, как в форме $П$, т.-е. в форме $П...П$; затем следует $П$, при том, как и в форме I , с своей функцией, с процессом производства; результатом этого последнего, $Т'$, кругооборот заканчивается. Подобно тому как в форме $П$ он заканчивается $П$, просто повторным существованием, возрождением производительного капитала, так здесь он заканчивается $Т'$, повторным существованием товарного капитала; подобно тому как в форме $П$ капитал в своей заключительной форме $П$ снова должен начать процесс, являющийся процессом производства,—так точно и здесь после вторичного появления промышленного капитала в форме товарного капитала кругооборот должен снова начаться фазой обращения $Т'—Д'$. Обе формы кругооборота остаются незавершенными, потому что их еще не завершило $Д'$, превращенная в деньги возросшая капитальная стоимость. Следовательно, обе они должны быть продолжены, а потому заключают в себе воспроизводство. Весь кругооборот в форме $Ш$ есть $Т'...Т'$.

Третью форму отличает от двух первых то обстоятельство, что только в этом кругообороте исходным пунктом процесса увеличения стоимости является увеличенная капитальная стоимость, а не первоначальная капитальная стоимость, лишь подлежащая увеличению. Исходным пунктом служит здесь $Т'$, являющееся капиталистическим отношением. и как таковое оно оказывает определяющее влияние на

весь кругооборот: кругооборот уже на первой своей фазе заключает в себе кругооборот капитальной стоимости и кругооборот прибавочной стоимости; при этом прибавочная стоимость, если и не в каждом кругообороте в отдельности, то в среднем кругообороте должна отчасти расходоваться как доход, проходить обращение $t - d - t$, отчасти функционировать как элемент накопления капитала.

В форме $T' \dots T'$ потребление всего товарного продукта предполагается как необходимое условие нормального года кругооборота самого капитала. Индивидуальное потребление рабочего и индивидуальное потребление той части прибавочной стоимости, которая не подлежит накоплению, охватывает все индивидуальное потребление. Поэтому потребление, взятое в целом — и как индивидуальное и как производительное потребление, — входит в кругооборот T' в качестве его условия. Производительное потребление (куда по существу дела относится и индивидуальное потребление рабочего, так как рабочая сила в известных границах является постоянным продуктом индивидуального потребления рабочего) совершается непосредственно каждым индивидуальным капиталом. Индивидуальное потребление — поскольку оно не служит только для поддержания существования индивидуального капиталиста — рассматривается исключительно как общественный акт, но отнюдь не как акт индивидуального капиталиста.

В формах I и II все движение изображается как движение авансированной капитальной стоимости. В форме III возросший в своей стоимости капитал, выступающий в форме всего товарного продукта, является исходным пунктом и имеет форму движущегося капитала, товарного капитала. Лишь после его превращения в деньги это движение разветвляется на два: на движение капитала и на движение дохода. В этой форме в кругооборот капитала включается как распределение всего общественного продукта, так и особое распределение продукта всякого индивидуального товарного капитала, — распределение, с одной стороны, на фонд индивидуального потребления, с другой — на фонд воспроизводства.

В $D \dots D'$ дана возможность большего или меньшего расширения кругооборота в зависимости от величины той части d , которая войдет в возобновленный кругооборот

II в $II \dots II$ может начать новый кругооборот с той же самой стоимости, быть может, даже с меньшей, — и все-таки оно может представлять воспроизводство в расширенных размерах; так, напр., в том случае, если элементы товара удешевятся вследствие повышения производительности труда. Наоборот, в противоположном случае даже возросший в своей стоимости производительный капитал может представлять воспроизводство в материально суженных размерах, — если, напр.,

элементы производства вздоржают. То же самое и относительно $T' \dots T'$.

В $T' \dots T'$ наличие капитала в товарной форме является предпосылкой производства; и опять-таки в качестве предпосылки он возвращается в том же кругообороте во втором T . Если это T еще не произведено или не воспроизведено, кругооборот затрудняется; это T должно быть воспроизведено по большей части как T' какого-либо другого промышленного капитала. В этом кругообороте T' существует в виде исходного пункта, переходного пункта и заключительного пункта движения,—оно поэтому всегда имеется налицо. Оно—постоянное условие процесса воспроизводства.

$T' \dots T'$ отличается от форм I и II еще одним моментом. Все три кругооборота имеют то общее, что капитал заканчивает процесс своего кругооборота в той же форме, в какой он открывает его и, благодаря этому, опять принимает начальную форму, в которой он снова открывает тот же самый кругооборот. Начальная форма D, II, T' есть всегда та форма, в которой авансируется капитальная стоимость (в III форме с присоединенной к ней прибавочной стоимостью),—следовательно, по отношению к кругообороту первоначальная форма стоимости; заключительная же форма D', II, T' есть всегда превращенная форма какой-либо предшествующей функциональной формы кругооборота, которая не является первоначальной формой.

Таким образом D' в I есть превращенная форма T' , заключительное II во II—превращенная форма D (и в I и во II это превращение достигается простым актом товарного обращения, благодаря формальному перемещению товара и денег); в III T' есть превращенная форма II, производительного капитала. Но здесь, в III, превращение касается, во-первых, не только функциональной формы капитала, но и величины его стоимости; а во-вторых, превращение является результатом не просто формального перемещения, свойственного процессу обращения, но и результатом действительного превращения, которому подверглись в процессе производства потребительная форма и стоимость товарных составных частей производительного капитала.

Крайняя начальная форма D, II, T' наперед дана для всякого кругооборота—I, II и III; форма, снова повторяющаяся в конечном члене, вызвана, а следовательно, и обусловлена рядом метаморфоз того кругооборота. T' , как конечный пункт кругооборота индивидуального промышленного капитала, предполагает лишь неотносящуюся к обращению форму II того же промышленного капитала, продуктом которого является T' ; D' , как конечный пункт в I, как превращенная форма T' ($T' - D'$), предполагает, что D находится в руках покупателя, существует вне кругооборота $D \dots D'$ и лишь благодаря продаже T'

вовлекается в этот кругооборот, становится его собственной конечной формой. Таким образом во II конечное II предполагает P и Sp (T), как существующие во вне и включаемые в его кругооборот как его конечная форма благодаря D—T. Но если оставить в стороне последний крайний пункт, то ни кругооборот индивидуального денежного капитала не предполагает существования денежного капитала вообще, ни кругооборот индивидуального производительного капитала не предполагает существования кругооборотов производительного капитала. В I D может быть первым денежным капиталом, во II П—первым производительным капиталом, выступающим на арене истории, но T в III

$$T' \left\{ \begin{array}{l} T - \\ -D' \\ T - \end{array} \right\} \left\{ \begin{array}{l} D - T < \frac{P}{Sp} \dots П \dots T' \\ d - - \end{array} \right.$$

дважды предполагается существующим вне кругооборота. В первый раз в кругообороте $T' - D' - T < \frac{P}{Sp}$. Это T', поскольку оно состоит из Sp, есть товар для продавца; оно есть само товарный капитал, поскольку оно является продуктом капиталистического производственного процесса; а если даже и нет, то оно оказывается товарным капиталом в руках купца. Во второй раз в $t - d - t$ во втором t, которое, чтобы его можно было купить, точно так же должно иметься в наличности как товар. Во всяком случае P и Sp, являются ли они товарным капиталом или нет, суть такие же товары, как T', и относятся друг к другу как товары. Точно так же обстоит дело со вторым t в $t - d - t$. Итак, поскольку $T' = T (P + Sp)$, постольку товары являются элементами образования самого T' и постольку оно должно возмещаться в обращении такими же товарами; подобно этому и в $t - d - t$ второе t тоже должно возмещаться в обращении другими такими же товарами.

Далее, на основе капиталистического, как господствующего, способа производства всякий товар необходимо становится товарным капиталом в руках продавца. Он продолжает быть таковым в руках купца или делается таковым, если не был раньше. Или же — как, напр., предметы ввоза — он должен быть таким товаром, который возмещает первоначальный товарный капитал и придает таким образом этому последнему лишь другую форму бытия.

Товарные элементы P и Sp, из которых состоит производительный капитал II, превращаясь в формы бытия II, получают иной вид, чем имели на тех различных товарных рынках, где они приобретены. Они теперь соединены и в своем соединении могут функционировать как производительный капитал.

То обстоятельство, что в этой форме III, внутри самого кругооборота, T оказывается предпосылкой T', объясняется тем, что исходным пунктом кругооборота служит капитал в товарной форме. Кругооборот открывается превращением T' (поскольку оно функционирует как капитальная стоимость,—безразлично, увеличенная ли добыванием прибавочной стоимости или нет) в товары, представляющие элементы его производства. Но это превращение охватывает весь процесс обращения $T - D - T (= P + Sp)$ и является результатом последнего. Итак, здесь T стоит на обоих крайних пунктах, но второй крайний пункт, получающий свою форму T благодаря акту $D - T$ извне, из сферы товарного рынка, не есть последний пункт кругооборота, а лишь последний пункт его двух первых стадий, охватывающих процесс обращения. Его результат есть II, функция которого, процесс производства, начинается вслед за этим. Лишь как результат этого последнего процесса, а не как результат процесса обращения, T' является завершением кругооборота и принимает ту самую форму, как начальный пункт T'. Напротив, в $D \dots D'$, $II \dots II$ заключительные крайние пункты D' и II суть непосредственные результаты процесса обращения. Следовательно, здесь лишь в конце кругооборота предполагается, что в посторонних руках находится D' — в первом случае и II — во втором. Поскольку кругооборот протекает между крайними пунктами, постольку ни D в одном случае, ни II в другом, — т. е. ни существование D как чужих денег, ни существование II как чуждого производственного процесса, — не являются предпосылкой этих кругооборотов. Напротив, T'... T' предполагает, что $T (= P + Sp)$ представляет чужие товары и находится в чужих руках, что эти товары вовлекаются в кругооборот благодаря вводу процессу обращения и превращаются в производительный капитал, а в результате функционирования этого последнего T' опять становится заключительной формой кругооборота.

Но именно потому, что кругооборот T'... T' предполагает в своей сфере наличность другого промышленного капитала в форме $T (= P + Sp)$ (а Sp охватывает различные другие капиталы, напр., в данном случае машины, уголь, масло и т. д.), — то уже по этой причине его приходится рассматривать не только как общую форму кругооборота, — т. е. не только как такую общественную форму, под которую можно подвести всякий индивидуальный промышленный капитал (кроме тех случаев, когда капитал вкладывается впервые), следовательно, не только как форму движения, общую всем единичным промышленным капиталам, — но в то же время и как форму движения совокупности индивидуальных капиталов, т. е. всего капитала класса капиталистов: как такое движение, по отношению к которому движение каждого индивидуального промышленного капитала является лишь

частичным движением, переплетающимся с движениями других капиталов и обусловленным ими. Если, напр., мы рассматриваем весь годичный товарный продукт какой-либо страны и анализируем движение, при посредстве которого одна часть этого продукта возмещает производительный капитал во всех индивидуальных предприятиях, а другая часть входит в сферу индивидуального потребления различных классов, то мы рассматриваем $T' \dots T'$ как форму движения, свойственную как общественному капиталу в целом, так и произведенной им прибавочной стоимости или прибавочному продукту. То обстоятельство, что общественный капитал = сумме индивидуальных капиталов (включая сюда акционерные капиталы и государственный капитал, поскольку правительства применяют производительный наемный труд в рудниках, на железных дорогах и, следовательно, выполняют функции промышленных капиталистов), и что общее движение общественного капитала = алгебраической сумме движений индивидуальных капиталов, нисколько не исключает того, что это движение, рассматриваемое как движение обособленного индивидуального капитала, обнаруживает иные явления, чем то же самое движение, рассматриваемое как часть общего движения общественного капитала, — т.-е. в его связи с движениями других частей этого последнего, — и что оно в то же время разрешает такие проблемы, которые необходимо предполагать уже разрешенными перед рассмотрением кругооборота единичного промышленного капитала, а не выводить из него.

$T' \dots T'$ есть единственный кругооборот, где первоначально авансированная капитальная стоимость образует лишь часть крайнего члена, с которого начинается движение, и где таким образом движение с самого начала заявляет о себе, как о совокупном движении промышленного капитала: как о движении не только той части продукта, которая возмещает производительный капитал, но и той его части, которая образует прибавочный продукт и обычно, с одной стороны, тратится как доход, а с другой, — предназначается служить элементом накопления. Поскольку расходование прибавочной стоимости как дохода включается в этот кругооборот, постольку в него включается и индивидуальное потребление. Но это последнее включается еще и потому, что исходный пункт T' , товар, существует в виде какого бы то ни было предмета потребления; всякий же капиталистически произведенный предмет есть товарный капитал, все равно, предназначается ли он своей потребительной формой для производительного потребления, или для индивидуального потребления, или для того и другого. $D' \dots D'$ указывает лишь на одну сторону: на стоимость, на увеличение авансированной капитальной стоимости, как на цель всего процесса; $P' \dots P'(P')$ указывает на процесс производства капитала, как на процесс

воспроизводства, при чем величина производительного капитала остается прежняя или возрастает (накопление); $T'...T'$, характеризуясь уже в своем начальном пункте как форма капиталистического товарного производства, с самого начала охватывает и производительное и индивидуальное потребление; производительное потребление вместе с содержащимся в нем возрастанием стоимости оказывается лишь частью движения в этой форме. Наконец, так как T' может существовать в такой потребительной форме, которая не может вступить ни в какой новый процесс производства, то это уже заранее показывает, что различные выраженные в долях продукта составные части стоимости T' должны занимать неодинаковое положение, смотря по тому, берется ли $T'...T'$ как форма движения всего общественного капитала или как самостоятельное движение индивидуального промышленного капитала. Все эти особенности этого кругооборота выводят мысль за пределы его как обособленного кругооборота просто индивидуального капитала.

В фигуре $T'...T'$ движение товарного капитала, т.-е. всего капиталистически произведенного продукта, не только является предпосылкой самостоятельного кругооборота индивидуального капитала, но и в свою очередь обуславливается им. Поэтому, если понятно своеобразие этой фигуры, то уже недостаточно ограничиться указанием, что метаморфозы $T'—D'$ и $D—T'$ являются, с одной стороны, функционально определенными этапами в метаморфозе капитала, а с другой стороны,—членами общего товарного обращения. Становится необходимым ясно изобразить сплетения метаморфоз одного индивидуального капитала с сетью метаморфоз других индивидуальных капиталов и с той частью всего продукта, которая предназначена для индивидуального потребления. Поэтому при анализе кругооборота индивидуального промышленного капитала мы кладем в основу преимущественно две первые формы.

Кругооборот $T'...T'$ является формой единичного индивидуального капитала, напр. в земледелии, где расчет ведется от жатвы до жатвы. В фигуре II исходным пунктом служит посев, а в фигуре III—жатва, или, как говорят физиократы, в первой—*avances*, во второй—*reprises*. Движение капитальной стоимости в III фигуре с самого начала [оказывается частью движения общей массы продуктов, между тем как в I и II движение T' образует лишь момент в движении обособленного капитала.

В фигуре III наличность товаров на рынке является постоянной предпосылкой процесса производства и воспроизводства. Поэтому, если сосредоточить внимание только на этой фигуре, то окажется, что все элементы производственного процесса появляются из сферы товарного

обращения и состоят только из товаров. Это одностороннее понимание упускает из виду такие элементы производства, которые не зависят от товарных элементов.

Так как в $T'...T'$ исходный пункт есть весь продукт (вся стоимость), то здесь оказывается, что (если оставить в стороне иностранную торговлю) воспроизводство в расширенных размерах, раз производительность вообще не изменилась, может состояться лишь в том случае, если в части прибавочного продукта, подлежащей капитализации, уже содержатся материальные элементы добавочного производительного капитала; что, следовательно, поскольку производство одного года служит предпосылкой производства следующего года, или поскольку это производство может происходить в течение одного года, одновременно с простым процессом воспроизводства, постольку прибавочный продукт непосредственно производится в такой форме, которая позволяет ему функционировать в качестве добавочного капитала. Увеличенная производительность может увеличить только материю капитала, не повышая его стоимости; но этим она образует добавочный материал для возрастания стоимости.

$T'...T'$ лежит в основе Tableau économique Кенэ, и то обстоятельство, что он избрал в противоположность форме $D...D'$ (форме, которой исключительно придерживалась меркантильная система) именно эту форму, а не $П...П$, свидетельствует о его большом и верном такте.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Три фигуры процесса кругооборота.

Если $Ск$ обозначает весь процесс обращения, то три фигуры могут быть изображены так:

- I. $D — T...П...T' — D'$
- II. $П...Ск...П$
- III. $Ск...П(T)$

Если мы все три формы соединим вместе, то все предпосылки процесса оказываются его результатом, предпосылкой, произведенной им самим. Каждый момент является исходным пунктом, переходным пунктом и пунктом возвращения. Процесс, взятый в целом, изображается как единство процесса производства и процесса обращения; процесс производства становится посредствующим звеном в процессе обращения и наоборот.

У всех трех кругооборотов есть одна общая черта: увеличение стоимости, как цель, определяющая процесс, как движущий мотив. В I это выражено уже самой формой. Форма II начинается с $П$, с самого

процесса увеличения стоимости. В III кругооборот начинается с возросшей стоимости и заканчивается вновь возросшей стоимостью, даже если движение повторяется в прежнем масштабе.

Поскольку $T-D$ является для покупателя в виде $D-T$, а $D-T$ для продавца в виде $T-D$, поскольку обращение капитала представляет лишь обычный метаморфоз товара, и развитые относительно него законы (книга I, глава III, 2), определяющие количество обращающихся денег, сохраняют здесь свое значение. Но если не останавливаться на этой формальной стороне дела, а рассмотреть реальную связь между метаморфозами различных индивидуальных капиталов, следовательно, действительно связь кругооборотов индивидуальных капиталов, понимаемых как частичные движения в процессе воспроизводства всего общественного капитала, то эту связь нельзя объяснить простым чередованием форм денег и товара.

В постоянно вращающемся кругу каждый пункт есть одновременно и исходный пункт и пункт возвращения. Если вращение прервано, то не каждый исходный пункт есть пункт возвращения. Так, мы видели, что не только каждый отдельный кругооборот *implicite* является предпосылкой другого, но что и повторение кругооборота в одной форме предполагает кругооборот в других формах. Таким образом все различие оказывается чисто формальным или даже чисто субъективным различием, существующим лишь для наблюдателя.

Поскольку каждый из этих кругооборотов рассматривается как особая форма движения, усваиваемая различными индивидуальными промышленными капиталами, постольку и это различие всегда носит лишь индивидуальный характер. В действительности же каждый индивидуальный промышленный капитал во всякий момент находится во всех трех кругооборотах. Три кругооборота, формы воспроизводства трех видов капитала, постоянно протекают параллельно друг другу. Так, напр., одна часть капитальной стоимости, функционирующая теперь в качестве товарного капитала, превращается в денежный капитал, а другая часть в то же время выходит из процесса производства и вступает в обращение как новый товарный капитал. Таким образом постоянно описывается круговая форма $T'...T'$; то же следует сказать и о двух других формах. Воспроизводство капитала в каждой из его форм и в каждой из его стадий совершается столь же непрерывно, как и метаморфоз этих форм и последовательное прохождение через три стадии. Следовательно, здесь весь кругооборот представляет действительное единство трех его форм.

В нашем исследовании подразумевалось, что вся капитальная стоимость в полном своем размере выступает целиком то как денежный капитал, то как производительный капитал, то как товарный капитал

Так, напр., 422 £ сперва имелись у нас целиком в виде денежного капитала, потом, опять-таки в полном своем размере, превратились в производительный капитал и, наконец, стали товарным капиталом: пряжей стоимостью в 500 £ (в том числе 78 £ прибавочной стоимости). Различные стадии в то же время являются здесь и перерывами. Например, пока 422 £ продолжают пребывать в денежной форме, г.-е. пока не совершены акты купли $D-T$ ($P + Sp$), до тех пор весь капитал существует и функционирует только как денежный капитал. Лишь только он превращается в производительный капитал, он уже не функционирует ни как денежный капитал, ни как товарный капитал. Весь процесс его обращения прерывается, подобно тому как, с другой стороны, прерывается весь процесс его производства, когда он — в виде D или в виде T' — начинает функционировать в одной из двух стадий обращения. Следовательно, в этом случае кругооборот $II...II$ представлял бы не только периодическое возобновление производительного капитала, но и перерыв его функции — процесса производства, — продолжающийся до тех пор, пока не будет пройден процесс обращения; вместо того чтобы совершаться непрерывно, производство шло бы таким образом скачками и возобновлялось бы лишь через неопределенно продолжительные промежутки времени, смотря по тому, насколько быстро или медленно протекают две стадии процесса обращения. Так обстоит дело, напр., у китайского ремесленника, работающего только на заказчиков и прерывающего процесс производства, пока не получится новых заказов.

Так оно и обстоит в действительности с каждой отдельной частью капитала, находящейся в движении, и все части капитала последовательно прodelьшают движение. Напр., 10.000 £ пряжи суть недельный продукт прядильщика. Эти 10.000 £ пряжи целиком выходят из сферы производства и вступают в сферу обращения; содержащаяся в них капитальная стоимость вся должна превратиться в денежный капитал, и, пока она пребывает в форме денежного капитала, она не может снова войти в процесс производства; предварительно она должна вступить в обращение и снова превратиться в элементы производительного капитала $P + Sp$. Процесс кругооборота капитала есть постоянный перерыв, оставление одной стадии, вступление в следующую; сбрасывание одной формы, бытие в другой форме; каждая из этих стадий не только обуславливает другую, но в то же время и исключает ее.

Но непрерывность есть характерный признак капиталистического производства; она обусловлена технической основой этого последнего, хотя не всегда безусловно достижима. Посмотрим, как происходит дело на практике. Напр., в то время как 10.000 £ пряжи в качестве товарного капитала выступают на рынок и выполняют свое превра-

щение в деньги (будут ли эти деньги платежным средством, покупательным средством или даже просто расчетными деньгами), их место в процессе производства занимает новый хлопок, уголь и т. д.; следовательно, здесь уже совершилось обратное превращение из денежной и товарной формы в форму производительного капитала, который как таковой начинает свою функцию; в то самое время, как первые 10.000 £ пряжи превращаются в деньги, ранее произведенные 10.000 £ пряжи проходят уже вторую стадию своего обращения и снова превращаются из денег в элементы производительного капитала. Все части капитала поочередно проделывают процессы кругооборота, находятся одновременно на различных стадиях этого последнего. Таким образом промышленный капитал, непрерывно совершая свой кругооборот, находится одновременно на всех стадиях последнего и в соответствующих им различных функциональных формах. Для той части, которая впервые превращается из товарного капитала в деньги, открывается кругооборот $T' \dots T'$, между тем как для промышленного капитала, как для находящегося в движении целого, кругооборот $T' \dots T'$ уже пройден. Одной рукой деньги авансируются, другой — получаются; начало кругооборота $D \dots D'$ в одном пункте есть в то же время возвращение денег в другом пункте. Так же обстоит дело и с производительным капиталом.

Действительный кругооборот промышленного капитала в своей непрерывности является поэтому не только единством процесса обращения и процесса производства, но и единством всех его трех кругооборотов. Но такое единство может осуществляться лишь постольку, поскольку каждая из различных частей капитала может поочередно проделывать последовательные фазы кругооборота и переходить из одной фазы, из одной функциональной формы в другую; поскольку, следовательно, промышленный капитал, как совокупность этих частей, находится одновременно в различных фазах и функциях и таким образом одновременно описывает все три кругооборота. Последовательность каждой части во времени обуславливается здесь их последовательностью в пространстве, т. е. делением капитала. Так, напр., в организованной фабричной системе продукт постоянно находится на различных ступенях процесса своего образования и постоянно переходит из одной фазы производства в другую. Так как индивидуальный промышленный капитал представляет определенную величину, зависящую от средств капиталиста и определяемую известным минимумом для каждой отрасли промышленности, то при делении его должны соблюдаться определенные числовые пропорции. Величина наличного капитала обуславливает размеры производственного процесса, его размеры определяют размер товарного и денежного капиталов, поскольку

они функционируют на-ряду с процессом производства. Последовательность в пространстве, обуславливающая непрерывность производства, существует однако только благодаря движению частей капитала, во время которого они одна за другой описывают различные стадии. Сама последовательность в пространстве есть лишь результат последовательности во времени. Так, напр., если товар нельзя продать, и движение $T' - D'$ останавливается для одной части, то кругооборот этой части прерывается, и она не возмещается средствами ее производства; функциональное изменение следующих частей, выходящих в качестве T' из процесса производства, задерживается их предшественниками. Если такое положение продолжается некоторое время, то производство ограничивается, и весь процесс останавливается. Всякая остановка последовательного движения частей приводит в беспорядок их последовательность в пространстве, всякая остановка на одной стадии влечет за собой остановку во всем кругообороте не только той части капитала, движение которой остановилось но и в кругообороте всего индивидуального капитала.

Следующая форма, которую принимает процесс, есть последовательность фаз: переход капитала в новую фазу обуславливается тем, что капитал оставляет другую фазу. Поэтому каждый особый кругооборот имеет исходным пунктом и пунктом возвращения одну из функциональных форм капитала. С другой стороны, процесс как целое представляет единство трех кругооборотов, являющихся различными формами, в которых непрерывность процесса находит себе выражение. Кругооборот в целом по отношению к каждой функциональной форме капитала представляется ее специфическим кругооборотом, и притом каждый из этих кругооборотов обуславливает непрерывность всего процесса; круговое движение одной функциональной формы обуславливает круговое движение других. Для всего процесса производства, в особенности для процесса производства общественного капитала, является необходимым условием, чтобы процесс производства был в то же время процессом воспроизводства, а следовательно, и процессом кругооборота каждого из его моментов. Различные части капитала последовательно пробегают различные стадии и функциональные формы. Благодаря этому каждая функциональная форма, хотя в ней находят свое выражение все новые и новые части капитала, совершает одновременно с другими свой собственный кругооборот. Одна доля капитала — постоянно сменяющаяся — постоянно воспроизводится, существует в виде товарного капитала, превращающегося в деньги; другая доля существует в виде денежного капитала, превращающегося в производительный капитал; третья — в виде производительного капитала, превращающегося в товарный капитал. Постоянная наличность всех трех форм достигается

посредством кругооборота всего капитала, проходящего как раз через эти три фазы.

Следовательно, капитал как целое одновременно находится в своих различных фазах, расположенных последовательно в пространстве. Но каждая часть постоянно переходит по очереди из одной фазы, из одной функциональной формы в другую и, следовательно, поочередно функционирует во всех формах. Таким образом формы суть текучие формы, одновременность которых достигается их последовательностью. Каждая форма следует за другой и предшествует ей, так что возвращение одной части капитала к одной форме обусловлено возвращением другой части к другой форме. Каждая часть непрестанно совершает свой собственный оборот, но в этой форме всегда находится не та часть капитала, которая была в ней перед тем, и эти особые обороты образуют лишь одновременные и последовательные моменты общего хода.

Только в единстве трех кругооборотов осуществляется непрерывность всего процесса и сменяет изображенную выше прерывистость. Весь общественный капитал, взятый как целое, всегда отличается этой непрерывностью, и его процесс всегда представляет единство трех кругооборотов.

Для индивидуального капитала непрерывность воспроизводства иногда более или менее нарушается. Во-первых, нередко в различные времена массы стоимости бывают распределены по различным стадиям и функциональным формам неравными частями. Во-вторых, эти части, в зависимости от характера производимого товара, следовательно, в зависимости от особенной сферы производства, в которую вложен капитал, могут распределяться различно. В-третьих, непрерывность может в большей или меньшей степени нарушаться в таких отраслях производства, которые зависят от времени года,—вследствие ли естественных условий (земледелие, ловля сельдей и т. д.) или вследствие условных обстоятельств, как, напр., при так называемых сезонных работах. Всего регулярнее и однообразнее протекает процесс на фабрике и в горном деле. Но это различие отраслей производства не влечет за собой никакого различия в общих формах процесса кругооборота.

Представление о капитале как самовозрастающей стоимости охватывает не только представление о классовых отношениях, об определенном характере общества, вытекающем из того, что труд существует как наемный труд. Капитал есть, кроме того, движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии и сам в свою очередь заключающий в себе три различные формы процесса кругооборота. Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не

как вещь, пребывающую в покое. Те, кто полагает, будто стоимость приобретает самостоятельное существование лишь в абстракции, забывают, что движение промышленного капитала есть эта абстракция *in actu*. Стоимость проходит тут через различные формы, совершает различные движения, в которых она сохраняется и в то же время возрастает, увеличивается. Так как мы имеем здесь дело прежде всего просто с формой движения, то мы не принимаем во внимание те революции, которые капитальная стоимость может претерпевать в процессе своего кругооборота; однако ясно, что, несмотря на все революции в стоимости, капиталистическое производство существует и поддерживает существование лишь до тех пор, пока капитальная стоимость подвергается увеличению, т. - е. пока она, как достигшая самостоятельного существования стоимость, совершает процесс своего кругооборота; следовательно, до тех пор, пока революции, которым подвергается стоимость, тем или иным способом преодолеваются и нейтрализуются. Движения капитала представляются действиями отдельного промышленного капиталиста в том смысле, что он действует как покупатель товаров и труда, продавец товаров, производительный капиталист и, следовательно, своей деятельностью обслуживает кругооборот. Если совершается революция в стоимости общественного капитала, то может случиться, что индивидуальный капитал данного капиталиста не справится с переворотом и погибнет, так как он не в состоянии сообразоваться с условиями этого изменения стоимости. Чем резче и чаще становятся революции в стоимости, чем больше автоматическое, действующее с силой стихийного процесса природы, движение капитальной стоимости, достигшей самостоятельного существования, торжествует над предусмотрительностью и расчетами единичного капиталиста, тем более течение нормального производства подчиняется ненормальной спекуляции, тем большей опасности подвергается существование единичных капиталов. Таким образом эти периодические революции в стоимости подтверждают то, что они, казалось бы, должны опровергнуть: именно, что стоимость как капитал приобретает самостоятельное существование, которое она сохраняет и упрочивает посредством своего движения.

Это чередование метаморфоз капитала, находящегося в движении, приводит к тому, что изменение в величине стоимости капитала, совершившееся в кругообороте, постоянно сравнивается с первоначальной стоимостью. Эмансипация стоимости от силы, образующей стоимость, приобретение стоимостью существования, самостоятельного по отношению к рабочей силе, начинается в акте $D - P$ (купля рабочей силы) и осуществляется в процессе производства как эксплуатация рабочей силы; а потому эта эмансипация стоимости не проявляется снова в том кругообороте, в котором деньги, товар, элементы

производства суть лишь чередующиеся формы капитальной стоимости, продельвающей свое движение, и в котором прежняя величина стоимости сравнивается с теперешней измененной величиной стоимости капитала.

«Стоимость,— говорит Bailey в опровержение того, что стоимость приобретает самостоятельное существование, характерное для капиталистического способа производства, но в его глазах представляющее лишь иллюзию некоторых экономистов,— стоимость есть соотношение между одновременно существующими товарами, так как только такие товары можно обменивать друг на друга». Он высказывает это как довод против сравнения товарных стоимостей в различные эпохи, сравнения, которое—раз денежная стоимость для каждой эпохи точно установлена—равносильно лишь сопоставлению затраты труда, требующейся в различные эпохи для производства товаров одного и того же сорта. Это мнение вытекает из его общего ошибочного представления, согласно которому меновая стоимость равна стоимости, и форма стоимости есть сама стоимость; следовательно, товарные стоимости не могут сравниваться, если они активно не функционируют как меновые стоимости, т.-е. если их невозможно действительно обменять друг на друга. Таким образом он вовсе не подозревает, что стоимость функционирует как капитальная стоимость или как капитал лишь в той мере, поскольку она в различных фазах своего кругооборота,—которые вовсе не совпадают во времени, а следуют одна за другою,—остается тождественной сама с собой и сама с собой сравнивается.

Чтобы изучить формулу кругооборота в чистом виде, следует исходить не только из того предположения, что товары продаются по их стоимости, но и из того, что это происходит при прочих равных условиях. Возьмем, напр., форму $P \dots P$ независимо от всяких революций в технике производственного процесса, которые могут обесценить производительный капитал определенного капиталиста; независимо и от всякого обратного воздействия, которое может оказать изменение элементов стоимости производительного капитала на стоимость наличного товарного капитала, повысить или понизить ее, если имеется запас такого капитала. Пусть T , 10.000 £ пряжи, будут проданы по их стоимости за 500 £ ; 8.440 £ = 422 £ возмещают содержащуюся в T капитальную стоимость. Но если стоимость хлопка, угля и т. д. возросла (мы здесь не принимаем в расчет простых колебаний цен), то, быть может, эти 422 £ окажутся недостаточными для того, чтобы полностью возместить элементы производительного капитала; необходим добавочный денежный капитал—денежный капитал закрепляется в производстве. Наоборот, падают цены—денежный капитал освобождается. Процесс протекает вполне нормально лишь в том случае, если

отношения стоимости остаются постоянными; фактически он совершается нормально до тех пор, пока помехи повторению кругооборота устраняются; чем больше возрастают нарушения, тем большим денежным капиталом должен обладать промышленный капиталист, чтобы иметь возможность выждать их устранения; и так как по мере развития капиталистического производства расширяются размеры каждого индивидуального процесса производства, а вместе с тем возрастает и минимальная величина авансируемого капитала, то это обстоятельство присоединяется к ряду других, в силу которых функция промышленного капиталиста все более становится монополией крупных денежных капиталистов, отдельных или ассоциированных

Кстати, отметим, что если происходит изменение стоимости элементов производства, то обнаруживается разница между формой $D \dots D'$, с одной стороны, и формой $\Pi \dots \Pi$ и $T' \dots T'$, с другой стороны.

В $D \dots D'$, как в формуле вновь вкладываемого капитала, который сначала выступает как денежный капитал, благодаря падению стоимости средств производства, как, напр., сырых материалов, вспомогательных материалов и т. д., для начатия дела в известных размерах потребуется меньшая затрата денежного капитала, чем та, которая была необходима до падения, так как размеры производственного процесса (при неизменяющемся уровне развития производительных сил) зависят от массы и размера средств производства, с которыми может справиться данное количество рабочей силы; но эти размеры не зависят ни от стоимости средств производства, ни от стоимости рабочей силы (последняя оказывает влияние лишь на величину возрастания стоимости). Наоборот, если стоимость тех элементов производства товаров, которые являются элементами производительного капитала повышается, то для основания предприятия данных размеров потребуется больше денежного капитала. В обоих случаях оказывается влияние только на величину того денежного капитала, который приходится вложить вновь; в первом случае денежный капитал оказывается в избытке, во втором связывается новый денежный капитал, если в данной отрасли производства обычным порядком происходит прирост новых индивидуальных промышленных капиталов.

Кругообороты $\Pi \dots \Pi$ и $T' \dots T'$ представляются в виде $D \dots D'$ лишь постольку, поскольку движение Π и T' является в то же время накоплением, значит, поскольку добавочное d , деньги, превращается в денежный капитал. Но если оставить это в стороне, то изменение стоимости элементов производительного капитала отражается на них иначе, чем на $D \dots D'$; мы здесь опять-таки не имеем в виду обратного воздействия, оказываемого таким изменением стоимости на составные части капитала, находящиеся в процессе производства. Непосредственному воз-

действию подвергается в интересующем нас случае не первоначальная затрата, а промышленный капитал, находящийся в процессе своего воспроизводства, а не в своем первом кругообороте; влияние оказывается, следовательно, на $T' \dots T' <_{\text{Сп}}^P$, на обратное превращение товарного капитала в элементы его производства, поскольку эти последние состоят из товаров. При падении стоимости (соответственно при падении цен) возможны три случая: процесс воспроизводства продолжается в тех же самых размерах; в таком случае освобождается часть имевшегося до сих пор денежного капитала, и происходит накопление денежного капитала, хотя нет ни действительного накопления (производства в расширенных размерах), ни подготовительного по отношению к нему и сопровождающего его превращения д (прибавочной стоимости) в фонд накопления; или, если это допускают технические соотношения, масштаб процесса воспроизводства расширяется таким же способом как это и вообще происходит; или же усиливается образование запаса сырых материалов и т. д.

При повышении стоимости элементов, возмещающих товарный капитал, происходит обратное. Воспроизводство совершается тогда уже не в его нормальном размере (напр., работают меньшее время); или, чтобы продолжать его в старом масштабе, должен появиться добавочный денежный капитал (денежный капитал связывается); или денежный фонд накопления, если таковой имеется в наличности, служит вполне или отчасти не расширению процесса воспроизводства, а ведению его в прежнем масштабе. Здесь денежный капитал тоже связывается, с той только разницей, что в данном случае добавочный денежный капитал берется не извне, не с денежного рынка, а из средств самого промышленного капиталиста.

Но при П...П, $T' \dots T'$ могут встретиться обстоятельства, вносящие то или иное изменение. Так, напр., если наш бумагопрядильщик имеет большой запас хлопка (т.-е. значительная часть его производительного капитала находится в форме запаса хлопка), то часть его производительного капитала обесценивается вследствие падения цен хлопка; напротив, если цены повысились, то повышается стоимость этой части его производительного капитала. С другой стороны, если он большие массы стоимостей закрепил в форме товарного капитала, напр., в хлопчатобумажной пряже, то при падении цены хлопка обесценивается часть его товарного капитала, следовательно, вообще часть его капитала, находящегося в кругообороте; при повышении цен хлопка происходит обратное. Наконец, в процессе $T' - Д - T' <_{\text{Сп}}^P$ происходит следующее: если акт $T' - Д$, реализация товарного капитала, состоялся до изменения стоимости элементов T , то на капитал оказывается влияние только так, как указано в первом случае, а

именно, во втором акте обращения $D - T < C_n$; если же это происходит до завершения процесса $T' - D$, то при прочих равных условиях падение цены хлопка вызывает соответствующее падение цены пряжи, и, наоборот, повышение цены хлопка вызывает повышение цены пряжи. Результаты такого воздействия для различных единичных капиталов, вложенных в одну и ту же отрасль производства, могут быть весьма различны, смотря по различию обстоятельств, в которых они находятся.— Освобождение и закрепление денежного капитала могут точно так же возникать благодаря различиям в продолжительности процесса обращения, следовательно, благодаря различиям в быстроте обращения. Однако это относится уже к изучению оборота. Здесь нас интересует лишь действительное различие между $D...D'$ и обеими другими формами процесса кругооборота, сказывающееся в них при изменении стоимости элементов производительного капитала.

В эпоху уже развитого капиталистического способа производства, который становится, следовательно, господствующим, большая часть товаров, из которых в отделе обращения $D - T < C_n^p$ состоит C_n , средства производства, в свою очередь будет чужим товарным капиталом, выполняющим свою функцию. С точки зрения продавца здесь происходит, следовательно, $T' - D'$, превращение товарного капитала в денежный капитал. Но это не имеет абсолютного значения. Наоборот. В процессе своего обращения, при чем промышленный капитал функционирует или как деньги, или как товар, кругооборот промышленного капитала—выступает ли он как денежный капитал или как товарный капитал—перекрещивается с обращением товаров, произведенных разнообразнейшими способами общественного производства, поскольку они представляют товарное производство. Являются ли товары продуктом производства, основанного на рабстве, или продуктом производства крестьян (китайцы, индийские райоты), общинного производства (голландская Ост-Индия), государственного производства (как основанное на крепостной зависимости производство, встречавшееся в ранние эпохи русской истории), или производства полудиких охотничьих народов и т. д.,— все равно: деньгам и товарам, в виде которых проявляется промышленный капитал, они противостоят как товары и деньги и входят в кругооборот этого последнего и в кругооборот заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости, поскольку она тратится в качестве дохода,— следовательно, входят в обе ветви обращения товарного капитала. Характер производственного процесса, результатом которого они являются, не имеет значения; в качестве товаров они функционируют на рынке и в качестве же товаров вступают в кругооборот промышленного капитала, равно как и в обращение заключающейся в нем прибавочной стоимости. Поэтому всесторонний характер их происхожде-

ния, существование рынка как мирового рынка,— вот что служит отличительной чертой процесса обращения промышленного капитала. Что сказано о чужих товарах, в такой же мере относится и к чужим деньгам: подобно тому как товарный капитал противостоит деньгам только как товар, так и эти деньги по отношению к нему выполняют функции только денег; деньги функционируют здесь как мировые деньги.

Но здесь необходимо отметить обстоятельства двойного рода.

Во - первых. Товары (Sp), лишь только выполнен акт Д— Sp, перестают быть товарами и становятся одним из способов бытия промышленного капитала в его функциональной форме II, в форме производительного капитала. Но благодаря этому следы их собственного происхождения уничтожаются; товары продолжают существовать далее только как формы существования промышленного капитала, они включены в состав промышленного капитала. Однако для возмещения их остается необходимым воспроизводство; в этом смысле капиталистический способ производства обусловлен способами производства, находящимися на иной, чем он, стадии развития. Но его тенденция заключается в том, что он, по возможности, всякое производство превращает в товарное производство; главным средством для этого служит вовлечение этих способов производства в процесс его обращения; а развитое товарное производство само уже является капиталистическим товарным производством. Проникновение промышленного капитала повсюду ускоряет это превращение, а вместе с ним и превращение всех непосредственных производителей в наемных рабочих.

Во - вторых. Товары, входящие в процесс обращения промышленного капитала (сюда относятся и необходимые средства существования, в которые превращается для воспроизводства рабочей силы переменный капитал, после того как он выплачен рабочим), каково бы ни было их происхождение, какова бы ни была общественная форма создавшего их производственного процесса, противостоят уже самому промышленному капиталу в форме товарного капитала, в форме товарно-торгового, или купеческого, капитала; этот же последний по самой своей природе охватывает товары, произведенные при всяких способах производства.

Подобно тому как капиталистический способ производства предполагает крупные размеры производства, точно так же он необходимо предполагает и крупные размеры сбыта, следовательно, предполагает продажу товаров купцу, а не единичному потребителю. Поскольку сам этот потребитель является производительным потребителем, т. - е. промышленным капиталистом, поскольку, следовательно, промышленный капитал одной отрасли производства доставляет средства производства

для другой отрасли производства, постольку же (в форме заказа и т. д.) происходит непосредственная продажа товаров одного капиталиста многим другим. Каждый промышленный капиталист является в этом смысле непосредственным продавцом, сам выполняет функции купца, каковым, впрочем, он является и при продаже товара купцу.

Товарная торговля, как функция купеческого капитала, предполагается при капиталистическом производстве и все более развивается по мере развития последнего. Следовательно, мы, иллюстрируя отдельные стороны капиталистического процесса обращения, можем предполагать, что она существует; при общем же его анализе мы предполагаем непосредственную продажу без посредничества купца, потому что это последнее затушевывает различные моменты движения.

Обратимся к Сисмонди, который представляет дело несколько наивно:

„Торговля употребляет значительный капитал, который с первого взгляда, повидимому, не участвует в процессе, движение которого мы рассмотрели в подробностях. Стоимость сукна, сосредоточенного в магазинах торговца сукнами, как кажется сначала, не имеет никакого отношения к той части годового производства, которую богатый в виде заработной платы отдает бедняку, чтобы заставить его работать. Однако этот капитал лишь замещает тот, о котором мы говорили. Чтобы ясно представить себе движение богатства, мы взяли его в момент его производства и следовали за ним до момента его потребления. Вследствие этого капитал, вложенный, напр., в суконную мануфактуру, казался нам все время одним и тем же; будучи обменян на доход потребителя, он разделился лишь на две части: одна, в виде продукта, послужила доходом фабриканту, другая, в виде заработной платы, послужила доходом рабочим на то время, пока они будут выделывать новое сукно.

„Но вскоре нашли, что в целях общей выгоды было бы лучше, чтобы различные части этого капитала возмещали одна другую, и что если сто тысяч экю достаточно для всего обращения между фабрикантом и потребителем, то чтобы эти сто тысяч экю равномерно были распределены между фабрикантом, оптовым торговцем и розничным торговцем. Первый, располагая только третью этой суммы, выработывал столько же, сколько он выработывал тогда, когда владел всею суммой, потому что в момент окончания производства он находил торговца, покупавшего выработанное значительно раньше, чем он находил покупателей. В свою очередь капитал оптового торговца еще гораздо раньше возмещался капиталом розничного торговца... Разница между суммами авансированной заработной платы и покупной ценой последнего потребителя должна составлять прибыль на капиталы. Она распре-

делилась между фабрикантом, оптовым торговцем и розничным торговцем после того, как они разделили друг с другом свои функции; выполненная же работа осталась такой же, хотя были заняты делом три лица и три капитала вместо одного" (*Nouveaux Principes*, I, p. 159, 160). — „Все (торговцы) косвенно содействовали производству, потому что оно, имея целью потребление, может считаться выполненным только тогда, когда оно предоставило произведенную вещь в распоряжение потребителя“ (Там же, стр. 157).

При рассмотрении общих форм кругооборота и вообще во всей этой второй книге мы подразумеваем под деньгами металлические деньги и оставляем в стороне как символические деньги, простые знаки стоимости, являющиеся лишь специальной принадлежностью известных государств, так и кредитные деньги, которые еще не развились. Этот ход исследования, во-первых, соответствует исторической последовательности: кредитные деньги не играют никакой роли или играют лишь незначительную роль в первоначальную эпоху капиталистического производства. Во-вторых, необходимость такого приема исследования теоретически обосновывается тем, что все критические исследования относительно обращения кредитных денег, какие предпринимались до сих пор Туком и другими, заставляли их снова и снова возвращаться к рассмотрению того, как представлялось бы дело на основе исключительно металлического обращения. Не следует, однако, забывать, что металлические деньги могут функционировать и как покупательные средства и как платежные средства. Для упрощения мы вообще в этой II книге берем их только в первой функциональной форме.

Процесс обращения промышленного капитала, составляющий лишь часть процесса его индивидуального кругооборота, определяется ранее развитыми (книга I, глава III) общими законами, поскольку он представляет лишь ряд актов общего товарного обращения. Одно и то же количество денег, напр. 500 £, вовлекает поочередно в обращение тем больше промышленных капиталов (или—что то же—индивидуальных капиталов, находящихся в форме товарных капиталов), чем быстрее оборачиваются деньги; чем быстрее, следовательно, каждый единичный капитал пробегает ряд своих товарных или денежных метаморфоз. Благодаря этому одно и то же количество капитальной стоимости требует для своего обращения тем меньше денег, чем больше деньги функционируют в качестве платежного средства, — следовательно, чем в большей степени при возмещении, напр., товарного капитала средствами его производства приходится оплачивать лишь разницу и чем короче сроки платежа при выдаче, напр., заработной платы. С другой стороны, если быстрота обращения и все другие обстоятельства пред-

полагаются неизменяющимися, то количество денег, которое должно обращаться в виде денежного капитала, определяется суммой товарных цен (цена, умноженная на количество товаров), или, если даны количество и стоимости товаров, то стоимостью самих денег.

Но законы общего товарного обращения остаются в силе лишь постольку, поскольку процесс обращения капитала образует ряд актов простого обращения, и лишаются силы, поскольку эти акты являются функционально определенными этапами в кругообороте индивидуальных промышленных капиталов.

Чтобы уяснить это, будет лучше всего, если мы рассмотрим процесс обращения в его непрерывной связи, каким он является в двух формах:

$$\text{II) } П \dots Т \left\{ \begin{array}{l} Т - \left\{ \begin{array}{l} Д - Т < \frac{P}{C_{\text{н}}} \dots П (П') \\ - Д' \\ Т - \left(\begin{array}{l} д - т \end{array} \right) \end{array} \right. \\ - Д' \\ т - \left(\begin{array}{l} д - т \end{array} \right) \end{array} \right.$$

$$\text{III) } Т \left\{ \begin{array}{l} Т - \left\{ \begin{array}{l} Д - Т < \frac{P}{C_{\text{н}}} \dots П \dots Т \\ - Д' \\ т - \left(\begin{array}{l} д - т \end{array} \right) \end{array} \right. \\ - Д' \\ т - \left(\begin{array}{l} д - т \end{array} \right) \end{array} \right.$$

Процесс обращения (является ли он в виде $Т-Д-Т$ или в виде $Д-Т-Д$), будучи вообще рядом актов обращения, представляет лишь два противоположные ряда превращений товара, из которых каждое отдельное превращение подразумевает противоположный метаморфоз чужого товара или чужих денег, противостоящих данному товару.

То, что для товаровладельца представляет акт $Т-Д$, для покупателя есть акт $Д-Т$; первый метаморфоз товара, в $Т-Д$ есть второй метаморфоз товара, выступающего в виде $Д$; обратное происходит в формуле $Д-Т$. Следовательно, все указания, сделанные относительно того, как метаморфоз товара, находящегося на одной стадии, переплетается с метаморфозом товара, находящегося на другой стадии, распространяются и на обращение капитала, поскольку капиталист выполняет функции покупателя и продавца товаров и поскольку в силу этого его капитал функционирует в качестве денег по отношению к чужому товару или в качестве товара, по отношению к чужим деньгам. Но это переплетение метаморфоз не является выражением переплетения метаморфоз капиталов.

Во-первых, как мы видели, $Д-Т (C_{\text{н}})$ может представлять переплетение метаморфоз различных индивидуальных капиталов. Напр., пряжа, товарный капитал бумагопрядильщика, отчасти возмещается углем. Часть его капитала находится в денежной форме, и из нее превращается в товарную форму, в то время как капитал капиталистического углепромышленника находится в товарной форме и пре-

вращается из нее в денежную форму: в одном и том же акте обращения здесь представлены противоположные метаморфозы двух (принадлежащих к различным отраслям производства) промышленных капиталов, следовательно, представлено переплетение ряда метаморфоз этих капиталов. Однако, как мы видели, $Сп$, в которое превращается $Д$, не должно непременно быть товарным капиталом в категорическом смысле этого слова, т.-е. функциональной формой промышленного капитала, товарным капиталом, который произведен капиталистом. Здесь всегда имеется для одной стороны $Д—Т$, для другой $Т—Д$, но не всегда имеется переплетение метаморфоз капиталов. Далее, $Д—Р$, купля рабочей силы, никогда не является переплетением метаморфоз капиталов, так как хотя рабочая сила и есть товар рабочего, но она становится капиталом лишь после продажи ее капиталисту. С другой стороны, $Д'$ в процессе $Т'—Д'$ не должно быть непременно превращенной формой товарного капитала; оно может выражать превращенный в деньги товар рабочую силу (заработная плата) или превращенный в деньги продукт, произведенный самостоятельным рабочим, работником, крепостным, общиной.

Но, во-вторых, для выполнения функционально определенной роли, которую играет каждый метаморфоз, совершающийся в процессе обращения индивидуального капитала, вовсе не требуется, чтобы этот метаморфоз представлял соответствующий противоположный метаморфоз в кругообороте другого капитала, — конечно, при том предположении, что все производство мирового рынка ведется капиталистически. Например, $Д'$ в кругообороте $П...П$, превращающее $Т'$ в деньги, может являться для покупателя лишь его прибавочной стоимостью, превращенной в деньги (в том случае, если товар — предмет потребления); или в $Д'—Т' < \frac{P}{Cп}$ (куда капитал, следовательно, входит уже накопленный) $Д'$ для продавца $Сп$ может вступить в обращение его капитала лишь в качестве возмещения авансированного им капитала или даже и совсем не вступить в обращение его капитала, — если $Д'$ отвечает от последнего как расходование дохода.

Следовательно, вопрос о том, каким образом различные составные части всего общественного капитала, — по отношению к которому единичные капиталы являются лишь самостоятельно функционирующими частями, — каким образом они взаимно замещаются в процессе обращения, этот вопрос по отношению как к капиталу, так и к прибавочной стоимости не разрешается исследованием простых сцеплений метаморфоз, составляющих товарное обращение: обнаруживающиеся при этих сцеплениях явления обращения капитала ничем не стлчаются от явлений всякого другого товарного обращения; этот вопрос требует иного способа исследования. До сих пор при этом довольствовались фразами, которые, если их ближе анализировать, не содержат ничего.

кроме неопределенных представлений, заимствованных из исследования таких сцеплений метаморфоз, которые свойственны всякому товарному обращению.

Одной из наиболее заметных особенностей процесса кругооборота промышленного капитала, а следовательно, и капиталистического производства, является то обстоятельство, что, с одной стороны, элементы образования производительного капитала должны браться с товарного рынка и постоянно возобновляться при помощи товарного рынка, постоянно покупаться как товары; а с другой стороны, продукт процесса труда выходит из этого процесса как товар и каждый раз должен снова продаваться как товар. Сравним, напр., современного фермера Нижней Шотландии с континентальным мелким крестьянином старого стиля. Первый продает весь свой продукт и должен поэтому возместить на рынке все его элементы, даже семена; второй непосредственно потребляет наибольшую часть своего продукта, возможно меньше покупает и продает и, поскольку возможно, самолично изготавливает орудия, одежду и т. д.

На этом основании натуральное хозяйство, денежное хозяйство и кредитное хозяйство противопоставляли друг другу, как три характерные экономические формы движения общественного производства.

Во-первых: эти три формы вовсе не представляют равноценных фаз развития. Так называемое кредитное хозяйство само есть лишь форма денежного хозяйства, поскольку оба обозначения выражают функции обмена или способы обмена между самими производителями. В развитом капиталистическом производстве денежное хозяйство является лишь основой кредитного хозяйства. Таким образом денежное хозяйство и кредитное хозяйство соответствуют лишь различным ступеням развития капиталистического производства, но вовсе не являются различными самостоятельными формами обмена в противоположность натуральному хозяйству. С таким же точно правом можно было бы этим двум формам противопоставить, как равноценные, различные формы натурального хозяйства.

Во-вторых: так как в категориях: денежное хозяйство, кредитное хозяйство, подчеркивается и берется в качестве отличительного признака не хозяйство, т.-е. не самый производственный процесс, а соответствующий хозяйству способ сношений, обмена между различными агентами производства, или производителями, то то же самое следовало бы сделать и при рассмотрении первой категории. Следовательно, вместо натурального хозяйства получилось бы меновое хозяйство. Вполне замкнутое натуральное хозяйство, напр. перуанское государство инков, не подошло бы ни под одну из этих категорий.

В-третьих: денежное хозяйство обще всякому товарному производству, и продукт является в виде товара в самых различных общественных производственных организациях. Следовательно, отличительной чертой капиталистического производства являлись бы в этом случае лишь размеры, в которых совершается производство продукта как предмета торговли, как товара, следовательно, размеры, в которых элементы его собственного образования должны тоже как предметы торговли, как товары войти в то хозяйство, из которого исходит продукт.

В действительности капиталистическое производство, как общая форма производства, есть товарное производство; но оно является таковым и по мере своего развития становится все более таковым лишь потому, что здесь сам труд оказывается товаром, потому что рабочий продает труд, т.-е. функцию своей рабочей силы, и притом, как мы принимаем, продает по ее стоимости, определяемой издержками ее воспроизводства. Производитель становится промышленным капиталистом в той мере, как труд становится наемным трудом; поэтому капиталистическое производство (следовательно, и товарное производство) проявляется во всем своем объеме лишь тогда, когда и непосредственный сельский производитель есть наемный рабочий. В отношении между капиталистом и наемным рабочим денежное отношение, отношение покупателя и продавца, становится отношением, имманентно присущим самому производству. Но это отношение в основе своей зиждется на общественном характере производства, а не способа обмена; последний, напротив, вытекает из первого. Впрочем, уости буржуазного кругозора, где все внимание поглощается практическими операциями, как раз соответствует воззрение, что не характер способа производства служит основой соответствующего ему способа обмена, а наоборот ⁷⁾.

Капиталист бросает в обращение меньше стоимостей в денежной форме, чем он из него извлекает, потому что он бросает в него стоимостей в товарной форме больше, чем сколько извлек их оттуда в товарной форме. Поскольку он является простым олицетворением капитала, т.-е. поскольку выполняет функции промышленного капиталиста, постольку его предложение товарных стоимостей всегда больше, чем его спрос на товарные стоимости. В этом смысле, если бы его предложение и спрос взаимно покрывались, это означало бы, что его капитал не возрастает в своей стоимости: капитал не функционировал бы как производительный капитал; производительный капитал пре-

⁷⁾ До сих пор рукопись V; следующее место до конца главы является заметкой, находящейся в тетради 1877 или 1878 гг. среди выписок из книг.

вращался бы в товарный капитал, не увеличенный прибавочной стоимостью; во время производственного процесса он не извлекал бы из рабочей силы прибавочной стоимости в товарной форме, следовательно, вообще не функционировал бы как капитал. Капиталист, действительно, должен „продавать дороже, чем купил“, но это удается ему только потому, что он посредством капиталистического производственного процесса превращает купленный им более дешевый товар,— так как он содержит в себе меньше стоимости,— в товар, содержащий большее количество стоимости, следовательно, в более дорогой товар. Он продает дороже не потому, что он продал свой товар выше его стоимости, а потому, что это—товар такой стоимости, которая выше суммы стоимостей элементов производства.

Норма, по которой капиталист увеличивает стоимость своего капитала, тем больше, чем больше разница между его предложением и его спросом, т.е. чем больше избыток той товарной стоимости, которую он предлагает, над той товарной стоимостью, на которую он предъявляет спрос. Его целью является не то, чтобы спрос и предложение взаимно покрывались, а то, чтобы они не покрывались, чтобы его спрос более, чем покрывался его предложением.

То, что имеет силу по отношению к единичному капиталисту, сохраняет свою силу и по отношению к классу капиталистов.

Поскольку капиталист просто лишь олицетворяет промышленный капитал, постольку предъявляемый им спрос состоит только в спросе на средства производства и рабочую силу. Его спрос на Sp , рассматриваемое со стороны заключающейся в нем стоимости, меньше, чем авансированный им капитал; он покупает средства производства за меньшую стоимость, чем стоимость его капитала, а потому за еще меньшую стоимость, чем стоимость того товарного капитала, который он доставляет на рынок.

Что касается его спроса на рабочую силу, то размеры этого спроса, со стороны стоимости, определяются отношением переменного капитала ко всему капиталу, следовательно $= v: C$, и потому в капиталистическом производстве возрастает относительно медленнее, чем его спрос на средства производства. Капиталист во все возрастающей степени становится более покупателем Sp , чем покупателем P .

Так как рабочий превращает свою заработную плату преимущественно в средства существования и притом главным образом в необходимые средства существования, то спрос капиталиста на рабочую силу косвенно является в то же время спросом на средства потребления, входящие в потребление рабочего класса. Но этот спрос равен v , ни одним атомом не больше v (если рабочий делает сбережения из своей заработной платы,— отношения кредита мы по не-

обходимости оставляем здесь в стороне,— то это значит, что он часть своей заработной платы превращает в сокровище и постольку уже не выступает как лицо, предъявляющее спрос, как покупатель). Максимальный предел спроса капиталиста $= C = c + v$, предложение же его $= c + v + m$, следовательно, если строение его товарного капитала есть $80c + 20v + 20m$, то спрос его $= 80c + 20v$, то-есть, по величине выражающейся в нем стоимости, спрос на $\frac{1}{5}$ меньше, чем его предложение. Чем больше процентное отношение произведенной им массы m (чем выше норма прибыли), тем меньше становится его спрос по сравнению с его предложением. Хотя спрос капиталиста на рабочую силу, а косвенно, следовательно, и на необходимые средства существования, с прогрессом производства прогрессивно уменьшается по сравнению с его спросом на средства производства, тем не менее не следует забывать, что, с другой стороны, его спрос на Sp в общем выводе всегда меньше, чем его капитал. Таким образом спрос его на средства производства неизбежно всегда меньше по стоимости, чем товарный продукт капиталиста, доставляющего ему эти средства производства и работающего с равным капиталом и при прочих равных условиях. То обстоятельство, что в действительности имеется налицо не один капиталист, а много капиталистов, дела несколько не изменяет. Положим, его капитал $= 1.000 \text{ £}$, постоянная часть капитала $= 800 \text{ £}$; в таком случае спрос его, предъявляемый ко всем капиталистам, $= 800 \text{ £}$; они же все вместе на свою 1.000 £ (сколько бы из этой суммы ни приходилось на каждого из них в отдельности и какую бы часть всего его капитала ни составляла сумма, приходящаяся на долю каждого) доставляют, при равной норме прибыли, средств производства стоимостью на 1.200 £ ; следовательно, его спрос покрывает лишь $\frac{2}{3}$ их предложения, а весь его собственный спрос, по величине его стоимости, равняется лишь $\frac{4}{5}$ его собственного предложения.

Теперь мы еще должны, забегая вперед, вкратце рассмотреть оборот капитала. Положим, весь капитал данного капиталиста $= 5.000 \text{ £}$, из которых 4.000 £ составляют основной капитал и 1.000 £ —оборотный; эта 1.000 , согласно прежнему предположению, $= 800c + 200v$. Чтобы весь его капитал обернулся один раз в год, его оборотный капитал должен обернуться пять раз в год; в таком случае его товарный продукт $= 6.000 \text{ £}$, следовательно, на 1.000 £ больше, чем авансированный им капитал. Из этого опять получается то же отношение прибавочной стоимости, как и раньше: $5.000C : 1.000m = 100(c + v) : 20m$. Таким образом этот оборот ничего не изменяет в отношении всего спроса капиталиста ко всему его предложению: первый остается на $\frac{1}{5}$ меньше, чем последнее.

Пусть основной капитал необходимо возобновлять каждые 10 лет. Следовательно, ежегодно капиталист амортизует $\frac{1}{10} = 400$ £. Благодаря этому он имеет теперь стоимость только на 3.600 £ в основном капитале + 400 £ в деньгах. Если является необходимость в ремонте, и этот ремонт не превышает средних размеров, то издержки на него есть не что иное, как вложение капитала, с той только разницей, что капиталист совершает его лишь впоследствии. Мы можем рассматривать дело таким образом, как если бы капиталист, определяя стоимость вкладываемого им капитала, поскольку она входит в годовой товарный продукт, с самого начала включил в нее издержки на ремонт, так что в амортизации, равной $\frac{1}{10}$ капитальной стоимости, содержится и они. (Если в действительности потребность в ремонте у него ниже средней, то это для него выгода, а если выше, то убыток. Но для всего класса капиталистов, занятых в одной и той же отрасли промышленности, такие выгоды и убытки уравниваются.) Во всяком случае, хотя при одном обороте в год всего его капитала его годичный спрос остается равным 5.000 £, т.е. равняется его первоначально авансированной капитальной стоимости, тем не менее этот спрос по отношению к оборотной части капитала увеличивается, а по отношению к основной части капитала постоянно уменьшается.

Перейдем теперь к воспроизводству. Положим, капиталист лично потребляет всю прибавочную стоимость и превращает в производительный капитал только такую величину, как первоначальный капитал С. В таком случае спрос капиталиста по стоимости равен его предложению. Но положение изменяется, если мы посмотрим на движение его капитала; как капиталист, он предъявляет спрос только на $\frac{4}{5}$ своего предложения (по величине стоимости); $\frac{1}{5}$ он потребляет не как капиталист, не в силу своих функций капиталиста, а на свои личные потребности или удовольствия.

Счет его в процентных числах таков:

$$\begin{array}{r}
 \text{Спрос его, как капиталиста} = 100, \text{ предложение} = 120 \\
 \text{„ „ „ жуира} = 20, \text{ „ „} = \text{—} \\
 \hline
 \text{Сумма спроса} = 120, \text{ предложения} = 120
 \end{array}$$

Это предположение разнозначает с предположением, что капиталистического производства не существует, а потому не существует и самого промышленного капитала: предположение, что движущим мотивом служит личное потребление, а не самое обогащение, устраняет самую основу капитализма.

Но оно, кроме того, и технически невозможно. Капиталист не только должен образовать запасной капитал, чтобы обезопасить себя

от колебаний цен и иметь возможность выжидать наиболее благоприятных конъюнктур для купли и продажи; он должен накапливать капитал, чтобы таким образом расширять производство и вводить в свой производительный организм технические улучшения.

Чтобы накапливать капитал, он должен прежде всего извлекать из обращения некоторую часть прибавочной стоимости, в денежной форме притекающей к нему из обращения, и увеличивать ее как сокровище до тех пор, пока она не примет размеры, необходимые для того, чтобы расширить старое предприятие или открыть новое предприятие на-ряду со старым. Пока продолжается образование сокровища, до тех пор оно не увеличивает спроса капиталиста; деньги иммобилизованы; они не извлекают с товарного рынка никакого товарного эквивалента в обмен на тот денежный эквивалент, который извлечен с рынка за внесенный на рынок товар.

Кредит здесь оставляется в стороне, а к кредитным отношениям принадлежит, напр., случай, когда капиталист по мере накопления денег кладет их в банк на текущий счет за проценты.

Глава пятая.

Время обращения⁸⁾.

Движение капитала через сферу производства и две фазы сферы обращения совершается, как мы видели, последовательно во времени. Продолжительность его пребывания в сфере производства образует время его производства, продолжительность пребывания в сфере обращения — время его обращения. Все время, в течение которого капитал описывает свой кругооборот, равняется поэтому сумме времени производства и времени обращения.

Время производства, естественно, обнимает период процесса труда, но этот последний не охватывает всего времени производства. Напомним прежде всего, что часть постоянного капитала существует в виде средств труда, как, напр., машины, постройки и т. д., которые до самого конца своего существования служат в одних и тех же снова и снова повторяющихся процессах труда. Периодический перерыв процесса труда, напр., ночью, хотя и прерывает функционирование этих средств труда, но не прерывает их пребывания в месте производства. Они продолжают оставаться там не только тогда, когда они функционируют, но и когда они не функционируют. С другой стороны, у капиталиста должен иметься наготове

⁸⁾ Отсюда рукопись IV.

известный запас сырого материала и вспомогательных материалов, чтобы процесс производства в течение более или менее продолжительного времени совершался в заранее определенном масштабе, вне зависимости от случайностей ежедневного предложения товаров со стороны рынка. Этот запас сырых материалов и т. д. производителью потребляется лишь постепенно, мало-помалу. Отсюда вытекает для этого запаса различие между временем производства⁹⁾ и временем функционирования. Следовательно, время производства средств производства охватывает вообще 1) время, в течение которого они функционируют как средства производства, т. е. служат в процессе производства; 2) перерывы, в течение которых производственный процесс, а следовательно, и функционирование включенных в него средств производства, прерывается; 3) время, в течение которого они, хотя и имеются наготове в качестве условий процесса, следовательно, уже представляют производительный капитал, однако еще не вошли в процесс производства.

Рассмотренное до сих пор различие есть различие между временем пребывания производительного капитала в сфере производства и временем его пребывания в процессе производства. Но сам процесс производства может обуславливать перерывы процесса труда, а потому и времени труда, обуславливать интервалы, когда предмет труда представляется воздействию физических процессов без дальнейшего приложения человеческого труда. Процесс производства, а потому и функционирование средств производства, в данном случае продолжается, хотя процесс труда, а следовательно, и функционирование средств производства как средств труда прерваны. Мы видим это на примере зерна, которое посеяно, вина, которое бродит в погребе, материала труда во многих мануфактурах, как, напр., на кожевенных заводах, которые подвергают этот материал химическим процессам. Время производства здесь больше, чем время труда. Разница между обоими заключается в избытке времени производства над временем труда. Этот излишек всегда обуславливается или тем, что производительный капитал в известное время находится в сфере производства в скрытом состоянии, не функционируя в самом процессе производства, или тем, что он в известное время функционирует в процессе производства, но не находится в процессе труда.

Та часть скрытого производительного капитала, которая припасена лишь в качестве условия для производительного процесса, как, напр.,

⁹⁾ Время производства взято здесь в активном смысле: время производства для средств производства есть здесь не то время, в течение которого они производятся, а то, в течение которого они участвуют в процессе производства товарного продукта. Ф. Э.

хлопок, уголь и т. д. в прядильном заведении, не действует ни как образователь продукта, ни как образователь стоимости. Она является капиталом, лежащим праздно, хотя такая бездеятельность служит необходимым условием для непрерывного течения производственного процесса. Постройки, аппараты и т. д., необходимые в качестве хранилищ производительного запаса (скрытого капитала), суть условия производственного процесса и потому представляют составные части авансированного производительного капитала. Они выполняют свою функцию хранителей составных частей производительного капитала на предварительной стадии последнего. Поскольку на этой стадии необходимы процессы труда, постольку эти процессы удорожают сырой материал и т. д., но они представляют производительный труд и создают прибавочную стоимость, потому что часть этого труда, как и всякого другого наемного труда, не оплачивается. Нормальные перерывы всего производственного процесса, следовательно, промежутки, во время которых производительный капитал не функционирует, не производят ни стоимости, ни прибавочной стоимости. Отсюда и вытекает стремление заставить работать и ночью (книга I, глава VIII, 4). Такие промежутки во времени труда, которые предмету труда приходится испытывать во время самого производственного процесса, не создают ни стоимости, ни прибавочной стоимости; но они развивают продукт, составляют часть его жизни, являются процессом, через который он должен пройти. Стоимость аппаратов и т. д. переносится на продукт соответственно всему тому времени, в течение которого они функционируют; продукт переведен в эту стадию производства самим трудом, и пользование этими аппаратами является столь же необходимым условием производства, как распыление части хлопка, которая не входит в продукт, но тем не менее переносит на него свою стоимость. Другая часть скрытого капитала, как, напр., постройки, машины, и т. д., т-е. средства труда, функционирование которых прерывается лишь нормальными паузами производственного процесса, — ненормальные перерывы вследствие сокращения производства, кризисов и т. д. представляют чистые убытки, — эта часть скрытого капитала присоединяет к продукту свою стоимость, хотя материально и не входит в продукт; общая стоимость, которую эта часть прибавляет к продукту, определяется средней продолжительностью ее существования; она утрачивает свою стоимость вместе с потребительной стоимостью, утрачивает как в то время, когда она функционирует, так и в то, когда она не функционирует.

Наконец, стоимость постоянной части капитала, которая продолжает находиться в производственном процессе, несмотря на перерыв процесса труда, снова появляется в результате производственного

процесса. Средства производства поставлены здесь самим трудом в такие условия, благодаря которым они сами собой проходят через ряд известных естественных процессов, в результате которых получается определенный полезный эффект, или изменение формы их потребительной стоимости. Труд всегда переносит стоимость средств производства на продукт, поскольку он потребляет их действительно целесообразно, как средства производства. Дело несколько не изменится от того, должен ли труд для достижения этого эффекта непрерывно воздействовать на предмет труда при помощи средств труда, или он должен только дать толчок, поставив средства производства в такие условия, благодаря которым они подвергаются желаемому видоизменению без дальнейшего содействия труда, исключительно вследствие процессов природы.

На чем бы ни основывался излишек времени производства над временем труда,—на том ли, что средства производства образуют лишь скрытый производительный капитал, следовательно, находятся еще на пороге к действительному процессу производства, или на том, что во время процесса производства их собственное функционирование прерывается остановками этого процесса, или, наконец, на том, что сам процесс производства обуславливает перерывы процесса труда,—ни в одном из этих случаев средства производства не функционируют таким образом, чтобы они всасывали труд. Если они не всасывают труда, то не всасывают и прибавочного труда. Поэтому не происходит возрастания стоимости производительного капитала, пока он находится в том отделе времени своего производства, который составляет излишек над временем труда, как бы неотделимо ни было выполнение процесса возрастания стоимости от этих его остановок. Ясно, // что чем более совпадают друг с другом время производства и время труда, тем больше производительность и увеличение стоимости данного производительного капитала в данный промежуток времени. Отсюда вытекает тенденция капиталистического производства по возможности укоротить излишек времени производства над временем труда. Но хотя время производства капитала и может уклониться от времени труда, тем не менее оно всегда заключает в себе это последнее, и даже излишек первого над вторым является условием производственного процесса. Следовательно, время производства всегда представляет собою то время, в течение которого капитал производит потребительные стоимости и увеличивается в своей стоимости, т. е. функционирует как производительный капитал, хотя время производства заключает в себе и то время, когда капитал либо находится в скрытом состоянии, либо производит продукты, не возрастая в своей стоимости.

В сфере обращения капитал находится в виде товарного капитала и денежного капитала. Два процесса его обращения состоят в том, что он превращается из товарной формы в денежную форму и из денежной формы в товарную форму. То обстоятельство, что превращение товара в деньги является здесь в то же время реализацией заключающейся в товаре прибавочной стоимости, и что превращение денег в товар есть в то же время превращение или обратное превращение капитальной стоимости в форму элементов ее производства, ничего не изменяет в том, что эти процессы, как процессы обращения, являются процессами простого метаморфоза товаров.

Время обращения и время производства взаимно исключают друг друга. В течение времени своего обращения капитал не функционирует как производительный капитал и потому не производит ни товара, ни прибавочной стоимости. Если мы рассматриваем кругооборот в самой простой форме, когда вся капитальная стоимость в каждом случае разом переходит из одной фазы в другую, то очевидно, что процесс производства, а следовательно, и самовозрастание стоимости капитала прерывается до тех пор, пока продолжается время его обращения, и что в зависимости от продолжительности последнего процесс производства будет возобновляться быстрее или медленнее. Напротив, если различные части капитала проделывают кругооборот одна за другой, так что кругооборот всей капитальной стоимости осуществляется в последовательном кругообороте ее различных долей, то ясно, что чем длиннее тот промежуток времени, в течение которого составные части капитальной стоимости задерживаются в сфере обращения, тем меньше будет та ее часть, которая постоянно функционирует в сфере производства. Расширение и сокращение времени обращения играет поэтому роль отрицательного предела для сокращения или расширения времени производства или той степени, в которой капитал данной величины функционирует как производительный капитал. Чем в большей степени метаморфозы обращения капитала являются собственно лишь идеальными, т.-е. чем решительнее время обращения приравнивается нулю или приближается к нулю, тем больше функционирует капитал, тем выше становится его производительность и самовозрастание его стоимости. Если, напр., капиталист работает на заказ, получает плату при доставке продукта, а уплата производится средствами его собственного производства, то время обращения приближается к нулю.

Итак, время обращения капитала вообще ограничивает время его производства, а потому и процесс увеличения его стоимости. И притом оно ограничивает этот последний пропорционально продолжительности времени обращения. Продолжительность же эта может увели-

чиваться или уменьшаться в весьма различной степени, а потому в весьма различной степени может ограничивать время производства капитала. Но политическая экономия видит лишь внешность, именно, только влияние времени обращения на процесс возрастания капитальной стоимости вообще. Это отрицательное влияние она принимает за положительное, потому что его следствия положительны. Она тем более цепляется за эту видимость, что эта последняя как будто доставляет доказательство того, что капитал обладает мистическим источником самовозрастания стоимости, независимым от процесса его производства, а потому и от эксплуатации труда, и что это самовозрастание стоимости дается ему из сферы обращения. Позже мы увидим, как даже научная экономия позволяет обмануть себя этой видимостью. Эта видимость, как тоже будет показано, находит себе подкрепление в различных явлениях: 1) В капиталистическом способе исчисления прибыли, при котором отрицательная причина фигурирует в качестве положительной, так как для капиталов, находящихся в различных сферах положения, где различно только время обращения, более продолжительное время обращения действует в качестве основания для повышения цен, — словом, как одно из оснований для уравнивания прибыли. 2) Время обращения образует лишь момент во времени оборота; последнее же заключает в себе время производства или время воспроизводства. То, что на самом деле обязано своим существованием последнему, кажется обязанным времени обращения. 3) Превращение товаров в переменный капитал (заработную плату) обусловлено предварительным превращением их в деньги. Следовательно, при накоплении капитала превращение в добавочный переменный капитал совершается в сфере обращения, или происходит во время обращения. Поэтому кажется, что именно этому последнему обязано своим происхождением совершившееся накопление

В сфере обращения капитал, в той или иной последовательности, проходит две противоположные фазы Т—Д и Д—Т. Время его обращения распадается таким образом тоже на две части: на время, которое ему требуется, чтобы превратиться из товара в деньги, и на время, которое ему требуется, чтобы превратиться из денег в товар. Уже из анализа простого товарного обращения (книга I, глава III) известно, что Т—Д, продажа, является самой трудной частью его метаморфоза и потому, при обычных условиях, заполняют большую часть времени обращения. Стоимость, воплощенная в деньгах, находится в такой своей форме, которую всегда возможно превратить в другую. Когда же она воплощена в товаре, то она лишь при помощи превращения в деньги может приобрести эту форму, способную к непосредственному обмену и потому во всякое время готовую к

деятельности. Между тем при процессе обращения капитала на его стадии $D—T$ дело идет о превращении его в товары, образующие определенные элементы производительного капитала в данном предприятии. Может случиться, что средств производства нет на рынке, и что их еще необходимо произвести или доставить с отдаленных рынков, или что в их обычном предложении произошли нарушения, изменение цен и т. д.,—словом, может встретиться масса обстоятельств, о которых ничего не дает знать простое изменение формы $D—T$, но которые и для совершения этой фазы обращения требуют то большей, то меньшей затраты времени. Как $T—D$ и $D—T$ разделены во времени, так они могут разделяться и в пространстве, рынок покупок и рынок продаж могут быть пространственно различными рынками. Напр., на фабриках закупщик и продавец часто являются двумя особыми лицами. При товарном производстве обращение столь же необходимо, как и само производство, следовательно, и агенты обращения столь же необходимы, как агенты производства. Процесс воспроизводства включает в себя обе функции капитала, а следовательно, вызывает необходимость представительства этих функций самим ли капиталистом, наемным ли рабочим, агентом капиталиста. Однако это вовсе не основание для того, чтобы смешивать агентов обращения с агентами производства, а равно для того, чтобы смешивать функции товарного и денежного капитала с функциями производительного капитала. Агенты обращения должны быть оплачены агентами производства. Если же капиталисты, покупающие и продающие друг у друга, не создают этим актом ни продуктов, ни стоимости, то это нисколько не изменяется от того, что размеры их дела дают им возможность или принуждают их переносить на других функции купли-продажи. Во многих предприятиях закупщики и продавцы оплачиваются тантьемами, долями в прибыли. Фраза, будто они оплачиваются потребителями, ничего не объясняет. Потребители могут оплачивать лишь постольку, поскольку они сами, как агенты производства, производят эквивалент в товарной форме или присваивают его себе от агентов производства на основании того или иного юридического титула (как члены промышленного товарищества и т. д.) или же на основании личных услуг.

Между $T—D$ и $D—T$ существует различие, которое не имеет ничего общего с различием формы товара и денег, а вытекает из капиталистического характера производства. Сами по себе как $T—D$, так и $D—T$ суть простые превращения данной стоимости из одной формы в другую. Но $T—D$ есть в то же время реализация содержащейся в T прибавочной стоимости. Не так обстоит дело с $D—T$. Поэтому продажа важнее, купли. $D—T$ при нормальных условиях

является актом, необходимым для увеличения выраженной в Д стоимости, но не является реализацией прибавочной стоимости; это — введение к ее производству, а не заключительный по отношению к нему акт.

Определенные границы для обращения товарного капитала T' — D' ставятся самою формой существования товаров, их бытием в качестве потребительных стоимостей. Последние преходящи по самой своей природе. Поэтому, если в течение известного времени они не вступят в сферу производительного или индивидуального потребления, смотря по тому, каково их назначение; если, другими словами, они не будут проданы в течение определенного времени, то они портятся и вместе со своей потребительной стоимостью утрачивают свойство быть носителями меновой стоимости. Заключаящаяся в них капитальная стоимость вместе с приросшей к ней прибавочной стоимостью утрачивается. Потребительные стоимости остаются носителями сохраняющейся годами и самовозрастающей капитальной стоимости лишь постольку, поскольку они беспрерывно возобновляются и воспроизводятся, возмещаясь новыми потребительными стоимостями того же или иного рода. Но продажа их в форме готовых товаров, следовательно, вступление их при посредстве продажи в сферу производительного или индивидуального потребления, является постоянно возобновляющимся условием их воспроизводства. Они должны в пределах определенного времени переменить свою старую потребительную форму, чтобы продолжать существование в новой. Меновая стоимость сохраняется лишь посредством этого постоянного обновления ее вещества. Потребительные стоимости различных товаров портятся быстрее или медленнее; поэтому между их производством и потреблением может пройти больший или меньший промежуток времени. Следовательно, они могут, не подвергаясь опасности уничтожения, более или менее долго оставаться в фазе обращения T—D в виде товарного капитала, могут выдержать в виде товаров более или менее продолжительное время обращения. Предел времени обращения товарного капитала, обуславливаемый порчей самого вещества товара, является абсолютным пределом этой части времени обращения или того времени обращения, в течение которого товарный капитал может существовать как таковой. Чем неустойчивее товар, чем скорее должен он быть потреблен, а следовательно, и продан после его производства, тем на меньшее расстояние от места своего производства может он быть удален, тем, следовательно, пространственно уже сфера его обращения, тем более местный характер носит рынок его сбыта. Поэтому, чем быстрее портится товар, чем ограниченнее абсолютный предел его обращения как товара, обуславливаемый его физическими свойствами, тем менее пригоден он служить предметом капиталистического производства. Такой товар может

быть захвачен капиталистическим производством только в плотно населенных местностях или в той мере, как с развитием средств транспорта уничтожаются расстояния. Концентрация же производства какого-нибудь товара в немногих руках в местностях с густым населением может создать относительно большой рынок и для таких товаров, каковы, например, крупные пивоваренные заводы, молочные фермы и т. д.

Г л а в а ш е с т а я .

И з д е р ж к и о б р а щ е н и я

I. Чистые издержки обращения

1) Время купли и продажи.

Превращение формы капитала из товара в деньги и из денег в товар являются в то же время операциями капиталиста: актами купли и продажи. Время, в течение которого совершаются эти превращения формы капитала, субъективно, с точки зрения капиталиста, является временем продажи и купли, временем, когда капиталист функционирует на рынке как продавец и покупатель. Время обращения капитала составляет необходимую часть времени его воспроизводства; точно так же время, в течение которого капиталист покупает и продает, когда он рыщет на рынке, составляет необходимую часть того времени, когда он функционирует как капиталист, т.-е. как персонифицированный капитал. Оно составляет часть его делового времени.

[Так как мы приняли, что товары покупаются и продаются по их стоимостям, то здесь речь идет лишь о таких актах, как превращение одной и той же стоимости из одной формы в другую, из товарной формы в денежную форму и из денежной формы в товарную форму,— речь идет лишь о перемене состояния. Если товары продаются по их стоимостям, то величина стоимости остается неизменною в руках как покупателя, так и продавца; изменяется только форма ее бытия. Если же товары продаются не по их стоимостям, то неизменной остается сумма претерпевших превращение стоимостей: то, что является плюсом для одной стороны, будет минусом для другой.

Но метаморфозы Т—Д и Д—Т являются операциями, которые совершаются между покупателем и продавцом. Им требуется время, чтобы договориться, тем более, что здесь происходит борьба, в которой каждая сторона стремится нанести ущерб другой; друг против друга стоят дельцы, а „when greek meets greek then comes the tug of war“. Перемена состояния стоит времени и рабочей силы, но не для того,

чтобы создать стоимость, а для того, чтобы совершить превращение стоимости из одной формы в другую. Дело нисколько не изменяется от взаимных стараний присвоить себе при этом случае излишнее количество стоимости. Труд этот, злонамеренно преувеличиваемый обеими сторонами, точно так же не создает стоимости, как труд, затраченный на ведение судебного процесса, не увеличивает стоимости объекта тяжбы. Роль этого труда, являющегося необходимым моментом капиталистического производственного процесса в его целом, при чем последний заключает в себе и обращение или заключается в нем, — роль этого труда такая же, как, напр., роль работы, совершающейся при горении какого-нибудь вещества, которое употребляется, чтобы произвести теплоту. Эта работа горения не производит теплоты, хотя она является необходимым моментом процесса горения. Чтоб употребить, напр., уголь как топливо, я должен соединить его с кислородом и для этого перевести его из твердого состояния в газообразное (так как в угольной кислоте, результате горения, уголь находится в виде газа), следовательно, я должен произвести изменение физической формы бытия, или состояния. Новому соединению должно предшествовать отделение молекул углерода, соединенных в одно твердое тело, и распадение самых молекул углерода на их отдельные атомы. Все это стоит известной затраты энергии, которая таким образом не превращается в теплоту, а отнимается от нее. Поэтому, если товаровладельцы — не капиталисты, а самостоятельные непосредственные производители, то время, употребляемое ими на куплю и продажу, представляет вычет из них рабочего времени. Вот почему они всегда старались (как в древности, так и в средние века) приурочивать такого рода операции к праздничным дням.

Размеры, которых превращение товаров достигает в руках капиталистов, конечно, не могут превратить этого труда, не создающего стоимостей, обслуживающего лишь перемену форм стоимости, в труд, производящий стоимости. Чудо такого пресуществления труда столь же мало может совершиться и от перенесения, т.-е. от того, что промышленные капиталисты вместо того, чтобы самим совершать эту „работу горения“, превращают ее в исключительное занятие оплачиваемых ими третьих лиц. Конечно, эти третьи лица не предоставят в их распоряжение своей рабочей силы ради их прекрасных глаз. Во всяком случае для сборщика арендной платы, служащего у какого-нибудь землевладельца, или для служителя банка безразлично, что их труд ни на грош не увеличивает величины стоимости ни арендной платы, ни слитков золота, мешками переносимых в другой банк] ¹⁰⁾.

¹⁰⁾ Находящееся в скобках взято из примечания в конце рукописи VIII.

Купля и продажа становится главной функцией капиталиста, заменяющего других работать на себя. Так как он присваивает продукт многих, присваивает его в расширенном общественном масштабе, то в таком же масштабе должен он продавать этот продукт, а потом снова превращать из денег в элементы производства. Но, как и раньше, время купли и продажи не создает стоимости. Иллюзию вносит сюда функционирование торгового капитала. Но, пока не входя в ближайшее рассмотрение этого, само собою ясно, что, если какая-нибудь функция, сама по себе не производительная, но являющаяся необходимым моментом воспроизводства, вследствие разделения труда превращается из побочной функции многих в исключительную функцию немногих, в их особое занятие, от этого самый характер функции не изменится. Возможно, что купец (взятый здесь просто как агент превращения формы товаров, только как покупатель и продавец) своими операциями сокращает для многих производителей то время, которое они затрачивали на куплю и продажу. В таком случае его можно рассматривать как машину, уменьшающую бесполезную затрату силы или помогающую освободить время для производства ¹¹⁾.

Чтобы упростить вопрос (так как мы лишь позже рассмотрим купца как капиталиста и торговый капитал), мы примем, что агент для купли и продажи является человеком, продающим свой труд. Он расходует свою рабочую силу и свое рабочее время на эти операции Г—Д и Д—Т. Следовательно, он существует этим так же, как другой существует, напр., прядением или приготовлением пилуль. Он исполняет необходимую функцию, потому что самый процесс воспроизводства заключает в себе и непроизводительные функции. Он работает так же, как всякий другой, но содержание его работы не создает ни стоимости, ни продукта. Он сам относится к *faux frais* производства. Он приносит пользу не тем, что превращает непроизводительную функ-

¹¹⁾ «Торговые издержки, хотя и необходимые, следует рассматривать как убыточную трату» (Quesnay, *Analyse du Tableau Economique*. у Daire, *Physiocrates*, 1-e partie, Paris 1846, стр. 71). По Кенэ, «прибыль», которую приносит конкуренция между торговцами благодаря тому, что вынуждает их «сделать уступку из своего вознаграждения, или из своего барыша, собственно говоря, есть не что иное, как устранение потери для продавца из первых рук и для покупателя-потребителя. А устранение потери, которую можно понести в виде издержек торговли, не является реальным продуктом, возрастанием богатства вследствие торговли, рассматриваемой как таковая, независимо от издержек транспорта или вместе с этими издержками» (стр. 145—146). «Издержки торговли всегда оплачиваются за счет продавца продуктов, который получал бы всю цену, даваемую за них покупателями, если бы не было промежуточных расходов» (163). Собственники и производители являются, «*salariants*» — оплачивающие; купцы — «*salariés*», оплачиваемые, состоящие в найме (стр. 164), Quesnay, *Problèmes économiques*, у Daire, *Physiocrates*, I partie Paris 1846).

цию в производительную или непроизводительный труд в производительный. Было бы чудом, если бы подобное превращение совершилось вследствие перенесения функций от одного лица к другому. Напротив, он приносит пользу тем, что благодаря его деятельности менее значительная часть рабочей силы и рабочего времени общества связана этой непроизводительной функцией. Более того. Предположим, что он просто наемный рабочий, хотя пусть это будет лучше оплачиваемый рабочий. Как бы ни оплачивался его труд, часть своего времени он как наемный рабочий работает даром. Может быть, он получает ежедневно стоимость, создаваемую в восемь рабочих часов, а работает в продолжение десяти. Два часа выполняемого им прибавочного труда так же не производят стоимости, как и его 8 часов необходимого труда, хотя вследствие этого необходимого труда к нему переходит часть общественного продукта. Во-первых, с общественной точки зрения в продолжение всех десяти часов рабочая сила расходуется только на эту функцию обращения, как употреблялась и раньше. Она употреблялась не на что-либо иное, не на производительный труд. Но, во-вторых, общество не оплачивает этих двух часов прибавочного труда, хотя они и были затрачены лицом, работавшим в продолжение этого времени. Обществу это не дает никакого дополнительного продукта или дополнительной стоимости. Но издержки обращения, которые это лицо представляет, уменьшаются на одну пятую, с десяти часов до восьми. Общество не уплачивает никакого эквивалента за пятую часть того действительного времени обращения, агентом которого является данное лицо. Но если этих агентов применяет капиталист, то неоплаченные 2 часа уменьшают издержки обращения его капитала, составляющие вычет из его дохода. Для него это — положительный выигрыш, так как отрицательные границы увеличения стоимости его капитала суживаются. Пока мелкие самостоятельные товаропроизводители тратят часть своего собственного времени на куплю и продажу, оно представляет или время, затрачиваемое лишь в промежутки их производительной деятельности, или время, отнимаемое от их времени производства.

При всех обстоятельствах время, употребляемое на это, представляет издержки обращения, ничего не прибавляющие к совершающим свое превращение стоимостям. Это — издержки, необходимые для того, чтобы превратить стоимости из товарной формы в денежную форму. Поскольку капиталистический товаропроизводитель является агентом обращения, он отличается от непосредственного товаропроизводителя лишь тем, что продает и покупает в более крупных размерах, а потому в более крупном масштабе функционирует как агент обращения. Но если размер предприятия принуждает его или позволяет ему по-

купать (нанимать) особых агентов обращения как наемных рабочих, то сущность дела от этого не меняется. Рабочая сила и рабочее время должны быть до известной степени затрачены на процесс обращения (поскольку он является простой переменной формы). Но теперь эта затрата представляется дополнительной затратой капитала; часть переменного капитала приходится затрачивать на покупку этих рабочих сил, функционирующих лишь в сфере обращения. Такое авансирование капитала не создает ни продукта, ни стоимости. Оно уменьшает *pro tanto* размеры, в которых авансированный капитал функционирует как производительный капитал. Это равносильно тому, как если бы часть продукта была превращена в машину, которая покупала бы и продавала бы остальную часть продукта. Эта машина представляет вычет из продукта. Она не содействует процессу производства, хотя может уменьшить рабочую силу, расходуемую на обращение. Она представляет просто часть издержек обращения.

2) Ведение книг

Помимо действительных покупок и продаж, рабочее время расходуется на ведение книг, на которое кроме того идет и овеществленный труд: перья, чернила, бумага, конторка, издержки на контору. Следовательно, на эту функцию расходуется, с одной стороны, рабочая сила, с другой,—средства труда. Здесь дело обстоит совершенно так же, как с временем, употребляемым на куплю и продажу.

Капитал, как единство, сохраняющееся в своих кругооборотах, как находящаяся в движении стоимость, пребывает ли она в сфере производства или в двух фазах сферы обращения,—капитал, как такое единство, существует только идеально, в виде счетных денег прежде всего в голове товаропроизводителя или капиталистического товаропроизводителя. Ведением счетных книг, куда относится и определение цен или исчисление товарных цен (калькуляция), движение это фиксируется и контролируется. Таким способом движение производства и в особенности увеличение стоимости—при чем товары фигурируют лишь как носители стоимости, как названия вещей, идеальное бытие которых как стоимостей фиксируется в счетных деньгах,—получает символическое изображение в представлении. Пока отдельный товаропроизводитель ведет свою счетную книгу только у себя в голове (как, напр., крестьянин; только капиталистическое земледелие производит фермера, который ведет счетную книгу) или же ведет книгу своих расходов и доходов, сроков платежей и т. д. лишь между прочим, в свободное от производства время, до тех пор ясно, что эта функция и потребляемые на нее средства труда, как, напр., бумага и т. п. являются дополнительной затратой рабочего времени и средств

труда, правда, необходимых, но представляющих вычет как из времени, которое он мог бы употребить производительно, так и из средств труда, функционирующих в действительном процессе производства, принимающих участие в образовании продукта и стоимости ¹²⁾. Природа самой функции не изменяется ни вследствие того размера, который она приобретает потому, что концентрируется в руках капиталистического товаропроизводителя и из функции многих мелких товаропроизводителей становится функцией одного капиталиста, функцией в процессе производства крупных размеров; не изменяется она ни вследствие отделения ее от производительных функций, причадей к которым она была, ни вследствие ее выделения в самостоятельную функцию особых агентов, которым она исключительно поручается.

Разделение труда, выделение какой-либо функции в самостоятельную еще не делает из нее функции, производящей продукт и стоимость, если она не была таковой сама по себе, следовательно, до того времени, когда она достигла самостоятельности. Капиталист, вновь вкладывающий свой капитал, должен употребить часть капитала на наем бухгалтера и т. д. и на покупку средств для ведения книг. Если капитал его уже функционирует, находится в постоянном процессе своего воспроизводства, то капиталист, превращая часть товарного продукта в деньги, должен постоянно обратно превращать эту часть товарного продукта в бухгалтера, конторщиков и т. под. Эта часть капитала отвлекается от процесса производства и принадлежит к издержкам обращения, к вычетам из общей выручки. (То же следует сказать о самой рабочей силе, которая применяется исключительно для этой функции).

Все же есть некоторая разница между издержками по ведению книг, т.-е. непроизводительной затратой на это рабочего времени, с одной стороны, и издержками времени просто на куплю и продажу— с другой стороны. Последние вытекают лишь из определенной общественной формы производственного процесса, из того, что это— процесс производства товара. Ведение книг как средство контроля и идеального объединения всего процесса становится тем необходимее, чем

¹²⁾ В средние века мы находим ведение книг относительно земледелия только в монастырях. Однако мы видели (книга I), что уже в древне-индийских общинах фигурирует бухгалтер для земледелия. Ведение книг выделено в исключительную функцию общинного чиновника. Таким разделением труда сберегаются время, труд и издержки, но производство и ведение книг относительно производства остаются такими же различными вещами, как нагрузка кораблей и составление квитанции на груз. В лице бухгалтера часть рабочей силы общины отвлечена от производства и издержки по его деятельности возмещаются не его собственным трудом, а вычетом из общинного продукта. С бухгалтером капиталиста дело обстоит, *mutatis mutandis*, как с бухгалтером индийской общины (Из рукописи II.)

более процесс расширяется до общественных размеров и чем более он утрачивает чисто индивидуальный характер. Таким образом ведение книг более необходимо при капиталистическом производстве, чем при раздробленном ремесленном и крестьянском производстве, оно более необходимо при коллективном производстве, чем при капиталистическом. Но издержки по ведению книг сокращаются с концентрацией производства и сокращаются тем больше, чем больше оно превращается в общественное счетоводство.

Дело идет здесь лишь об общем характере издержек обращения, протекающих только из формального метаморфоза. Здесь излишне входить во все детальные формы этих издержек. Формы издержек обращения, относящиеся к простому превращению формы стоимости, следовательно, вытекающие из определенной общественной формы производственного процесса, у индивидуального товаропроизводителя являются лишь мимолетным, едва заметным моментом, протекающим рядом с его производительными функциями или переплетающимися с ними. Но эти же формы издержек поражают своими размерами, когда они становятся издержками массового обращения; в этом можно убедиться, взглянув на простой прием и выдачу денег, достигшие самостоятельности и сосредоточенные в широком масштабе как исключительная функция банков и т. д. или как исключительная функция кассиров в индивидуальных предприятиях. Но следует твердо запомнить, что эти издержки обращения, изменяя свой вид, не изменяют своего характера.

3) Д е н ь г и.

Производится ли какой-либо продукт как товар или не как товар, он всегда является материальной формой богатства, потребительной стоимостью, предназначенной для личного или производительного потребления. Его стоимость как товара идеально существует в цене, которая ничего не изменяет в его действительной потребительной форме. То обстоятельство, что определенные товары, как золото и серебро, функционируют в качестве денег и как таковые пребывают исключительно в процессе обращения (даже в виде сокровища, резерва и т. д. они остаются, хотя и в скрытом виде, в сфере обращения), является всецело продуктом определенной общественной формы производственного процесса, процесса производства товаров. Так как на основе капиталистического производства товар становится всеобщей формой продукта; так как подавляющая масса продукта производится как товар и потому должна принимать форму денег; так как, следовательно, масса товаров, т.-е. та часть общественного богатства, которая функционирует как товар, непрерывно растет,—то здесь увеличивается и количество золота и серебра, функционирующих в качестве

средств обращения, платежных средств, резерва и т. д. Товары эти, функционирующие как деньги, не входят ни в индивидуальное, ни в производительное потребление. Это — общественный труд, фиксированный в такой форме, в которой он служит только как машина для обращения. Кроме того, что часть общественного богатства удерживается в этой непроизводительной форме, снашивание денег требует постоянного возмещения их или превращения все большего количества общественного труда, овеществленного в продукте, в большее количества золота и серебра. Эти издержки возмещения достигают значительных размеров у капиталистически развитых наций, так как часть богатства, закрепленная в форме денег, вообще обширна. Золото и серебро как денежные товары представляют для общества издержки обращения, вытекающие лишь из общественной формы производства. Это — *faux frais* товарного производства вообще, возрастающие с развитием товарного производства и, в особенности, капиталистического производства. Это — часть общественного богатства, которую приходится приносить в жертву процессу обращения ¹³⁾.

II. Издержки хранения.

Издержки обращения, вытекающие из простого изменения формы стоимости, из обращения, рассматриваемого в идее, не входят в стоимость товаров. Затрачиваемая таким образом часть капитала является, поскольку мы имеем в виду капиталиста, вычетом из капитала, затрачиваемого производительно. Другими свойствами обладают те издержки обращения, которые мы сейчас рассмотрим. Они могут обуславливаться процессами производства, которые только продолжаются в обращении и производительный характер которых, следовательно, лишь затушевывается формой обращения. С другой стороны, с общественной точки зрения, они могут быть просто издержками, непроизводительным расходом живого или овеществленного труда, но именно как раз благодаря этому могут действовать таким образом, что создают стоимость для отдельных капиталистов, образуют накидку к продажной цене их товара. Это следует уже из того, что такие издержки различны в различных отраслях производства, а иногда различны и для различных индивидуальных капиталов в пределах одной и той же отрасли производства. Образую накидку к цене товара, они распре-

¹³⁾ «Обращающиеся в стране деньги представляют известную часть капитала страны, абсолютно изъятую из производства для того, чтобы облегчить или увеличить производительность остальной части; следовательно, известная сумма богатства так же необходима для того, чтобы золото могло играть роль средства обращения, как она необходима для того, чтобы сделать машину с целью облегчения какого-либо другого производства» (Economist, vol. V, стр. 519).

деляются сообразно с тем, в каком размере падают на индивидуальных капиталистов. Но всякий труд, присоединяющий стоимость, может прибавлять и прибавочную стоимость и на основе капиталистического производства всегда будет присоединять прибавочную стоимость, потому что создаваемая им стоимость зависит от его собственной величины, а создаваемая им прибавочная стоимость — от степени, в которой капиталист оплачивает его. Таким образом издержки, которые удорожают товар, ничего не прибавляя к его потребительной стоимости, и принадлежат, с точки зрения общества, к *faux frais* производства, могут составлять источник обогащения для индивидуальных капиталистов. С другой стороны, эти издержки обращения не утрачивают характера непроизводительных издержек от того, что прибавок, который они присоединяют к цене товаров, лишь равномерно распределяет эти издержки. Так, например, страховые общества распределяют потери индивидуальных капиталистов между всем классом капиталистов. Однако это не препятствует потерям, уравниваемым таким способом, попрежнему оставаться потерями по отношению ко всему общественному капиталу.

1) Образование запаса вообще.

В то время как продукт находится в виде товарного капитала или пребывает на рынке, т.-е. все промежуточное время между процессом производства, из которого он выходит, и процессом потребления, в который он входит, он образует товарный запас. Как товар на рынке, а следовательно, в форме запаса, товарный капитал дважды появляется в каждом кругообороте: один раз как товарный продукт того самого находящегося в движении капитала, кругооборот которого рассматривается; другой раз, напротив, как товарный продукт другого капитала, как продукт, который должен находиться на рынке, чтобы его можно было купить и превратить в производительный капитал. Возможно, конечно, что этот последний товарный капитал производится только по заказу. Тогда наступает перерыв на все то время, пока он производится. Но ход процесса производства и воспроизводства требует, чтобы известная масса товаров (средств производства) постоянно находилась на рынке и, следовательно, составляла запас. Так же точно производительный капитал включает и закупку рабочей силы, и денежная форма является здесь лишь формой стоимости средств существования, большую часть которых рабочему придется находить на рынке. В этом параграфе мы более подробно остановимся на этом вопросе. Но здесь уже ясно следующее. Если исходить из точки зрения находящейся в движении капитальной стоимости, которая превратилась в товарный продукт и теперь должна быть продана,

т.-е. обратно превращена в деньги, которая, следовательно, функционирует теперь на рынке в форме товарного капитала, то такое состояние ее, при котором она образует запас, представляет нецелесообразное недобровольное пребывание на рынке. Чем быстрее совершается продажа, тем быстрее протекает процесс воспроизводства. Задержка в превращении формы $T' - D'$ препятствует действительному обмену веществ, который должен совершиться в кругообороте капитала, и дальнейшему функционированию последнего в качестве производительного капитала. С другой стороны, постоянное присутствие товара на рынке; товарный запас, является по отношению к $D - T$ условием, без которого не может протекать ни процесс воспроизводства, ни применение нового или дополнительного капитала.

Для того, чтобы товарный запас мог оставаться на рынке как товарный запас, требуются различные постройки, магазины, хранилища товаров, товарные склады, требуется, следовательно, затрата постоянного капитала, а также оплата рабочей силы, необходимой для того, чтобы складывать товары в хранилища. Кроме того, товары портятся и подвергаются вредным стихийным влияниям. Чтобы предохранить их от этого, приходится затрачивать добавочный капитал частью на средства труда, частью на рабочую силу¹⁴⁾.

Итак, пребывание капитала в его форме товарного капитала, а следовательно, в виде товарного запаса, вызывает издержки, которые не принадлежат к области производства и потому считаются издержками обращения. Эти издержки обращения отличаются от приведенных под I тем, что они в известной степени входят в стоимость товаров и, следовательно, удорожают товары. Во всяком случае капитал и рабочая сила, служащие для содержания и хранения товарного запаса, отнимаются у непосредственного процесса производства. С другой стороны, капиталы, вложенные сюда, включая и рабочую силу как составную часть капитала, должны быть возмещены из общественного продукта. Затрата их действует поэтому таким образом, что уменьшает производительную силу труда, так что для получения определенного полезного эффекта требуется большее количество капитала и труда. Это — дополнительные издержки.

¹⁴⁾ Corbet в 1841 году высчитывал издержки по сохранению пшеницы в продолжение сезона в 9 месяцев; она утрачивает $\frac{1}{2}\%$ своего количества, 3% на проценты под цену пшеницы, 2% за наем складов, 1% ссылка и провозная плата, $\frac{1}{2}\%$ на труд по выгрузке, итого 7% , или, при цене пшеницы в 50 шиллингов, 3 шилл. 6 пенсов на квартал (Th. Corbet, An inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals etc. London 1841). По показаниям ливерпульских купцов, данным перед железнодорожной комиссией, совершенно непроизводительные издержки по хранению хлеба составляли в 1865 г. 2 пенса за квартал, или 9 — 10 пенсов за тонну в месяц (Royal Commission on Railways. 1867. Evidence, стр. 19, № 331).

Поскольку издержки обращения, обусловленные образованием товарного запаса, вытекают лишь из продолжительности периода, в течение которого уже существующие стоимости превращаются из товарной формы в денежную форму, следовательно, поскольку издержки обращения вытекают из определенной общественной формы производственного процесса (только из того, что продукт производится как товар и потому должен проделать превращение в деньги), постольку они по своему характеру совпадают с издержками обращения, перечисленными под I. С другой стороны, стоимость товаров при этом сохраняется или увеличивается только потому, что потребительная стоимость, самый продукт, ставится в определенные вещественные условия, которые вызывают затрату капитала, и подвергается операциям, посредством которых на потребительные стоимости действует добавочный труд. Напротив, исчисление товарных стоимостей, ведение книг, регистрирующих этот процесс, операции по купле и продаже не действуют на потребительную стоимость, в которой существует товарная стоимость. Эти издержки имеют отношение лишь к ее форме. В предположенном случае эти дополнительные издержки по образованию запаса (которое в данном случае является вынужденным) вытекают только из задержки в превращении формы и из необходимости этого последнего; несмотря на то, они все же отличаются от дополнительных издержек, рассмотренных под I, потому что целью их является не превращение формы стоимости, а сохранение стоимости, которая существует в товаре как в продукте, как в потребительной стоимости, и которая поэтому может быть сохранена только посредством сохранения продукта, сохранения самой потребительной стоимости. Потребительная стоимость здесь не повышается и не увеличивается. Напротив, она уменьшается. Но уменьшение ее ставится в известные пределы, она сохраняется. Существующая в товаре авансированная, стоимость тоже не повышается, но к ней присоединяется новый труд как овеществленный, так и живой.

Далее, необходимо рассмотреть, насколько эти дополнительные издержки обязаны своим происхождением отличительным свойствам товарного производства вообще и товарного производства в его всеобщей абсолютной форме, т.-е. капиталистического товарного производства; насколько, с другой стороны, они присущи всякому общественному производству, а здесь, при капиталистическом производстве, лишь принимают особый вид, особую форму проявления.

А. Смит стоял на той неосновательной точке зрения, будто образование запаса представляет явление, характерное для капиталистического производства ¹⁵⁾. Более новые экономисты, как, напр., Лалор,

¹⁵⁾ Book II, Introduction.

наоборот, утверждают, что с развитием капиталистического производства образование запаса уменьшается. Сисмонди видит даже в этом теньевую сторону последнего.

В действительности запас существует в трех формах: в форме производительного капитала, в форме фонда индивидуального потребления и в форме товарного запаса, или товарного капитала. Когда увеличивается запас в одной форме, то запас в другой форме относительно уменьшается, хотя по своей абсолютной величине он может одновременно возрастать во всех трех формах.

Само собою ясно, что там, где производство непосредственно направлено на удовлетворение собственной потребности, где лишь в незначительной степени продукт производится для обмена, или продажи, где, следовательно, общественный продукт совсем не принимает формы товара или принимает ее лишь в небольшой своей части, там запас в форме товара, или товарный запас, образует лишь незначительную и незаметную часть богатства. Что касается фонда потребления, то он здесь относительно велик, особенно фонд собственно средств существования. Достаточно напомнить только старинное крестьянское хозяйство. Преобладающая часть продукта превращается здесь непосредственно, не образуя товарного запаса — именно потому, что она остается в руках своего владельца, — в запасные средства производства или запасные средства существования. Она не принимает формы товарного запаса, и как раз поэтому в обществах, основанных в таком способе производства, согласно А. Смиту, не существует никакого запаса. А. Смит смешивает форму запаса с самим запасом и думает, что общество до сих пор жило изо дня в день, отдаваясь случайностям завтрашнего дня¹⁶⁾. Это — наивное недоразумение.

Запас в форме производительного капитала существует в форме средств производства, находящихся уже в процессе производства или

¹⁶⁾ А. Смит воображает, что образование запаса вытекает лишь из превращения продукта в товар и потребительного запаса в товарный запас. В действительности же эта перемена формы вызывает сильнейшие кризисы в хозяйстве производителей во время перехода от производства для собственного потребления к товарному производству. В Индии сохранился, например, до последнего времени «обычай складывать в амбары большие количества хлеба, за который в годы изобильного урожая немного можно было бы выручить» (Return. Bengal and Orissa Famine. H. of C. 1867 I, стр. 230, № 74). Внезапно усилившийся вследствие американской гражданской войны спрос на хлопок, джут и т. д. вызвал во многих частях Индии сильное сокращение возделывания риса, повышение цен на рис и продажу старых запасов риса производителями. К этому в 1864—66 гг. присоединился беспрецедентный вывоз риса в Австралию, Мадагаскар и т. д. Отсюда острый характер голода 1866 г., который лишь в округе Орисса унес 1 миллион человек (1. с. 174, 175, 213, 214 и III: Papers relating to the Famine in Behar, стр. 32, 33, где в числе причин голода отмечается «истощение старых запасов»). (Из рук. II.)

по меньшей мере в руках производителя, т.-е. в скрытом виде уже в производственном процессе. Мы видели раньше, что с развитием производительности труда, а следовательно, и с развитием капиталистического способа производства, развивающего производительную силу общественного труда более, чем все прежние способы производства, постоянно возрастает масса средств производства, раз навсегда входящих в форме средств труда в процесс производства и постоянно снова и снова функционирующих в нем в течение более или менее продолжительного периода времени (постройки, машины и т. д.); мы видели также, что рост этих средств производства является как предпосылкой, так и следствием развития общественной производительной силы труда. Не только абсолютный, но и относительный рост богатства в этой форме (ср. книга I, глава XXIII, 2) более всего характерен для капиталистического способа производства. Материальные формы существования постоянного капитала, средства производства, состоят не только из такого рода средств труда, но также из материала труда на разнообразнейших ступенях его обработки и из вспомогательных материалов. Вместе с масштабом производства и с повышением производительной силы труда посредством кооперации, разделения труда, применения машин и т. д. увеличивается и масса сырого материала, вспомогательных материалов и т. д., входящих в ежедневный процесс воспроизводства. Эти элементы должны быть налицо в месте производства. Таким образом размеры этого запаса, существующего в форме производительного капитала, абсолютно возрастают. Чтобы процесс производства протекал непрерывно,—совершенно независимо от того, возобновляется ли этот запас ежедневно или в определенные сроки,—необходимо, чтобы в месте производства постоянно имелся в наличности больший запас сырого материала и т. д., чем его потребляется, напр., ежедневно или еженедельно. Непрерывность процесса требует, чтобы наличность необходимых для него условий не зависела ни от перерывов при ежедневных закупках, ни от того, что товарный продукт продается ежедневно или еженедельно и вследствие этого только нерегулярно может превращаться обратно в элементы его производства. Между тем очевидно, что производительный капитал в весьма различных размерах может быть в скрытом состоянии, или составлять запас. Например, большая разница, должен ли прядильщик заготовить запас хлопка или угля на три или на один месяц. Таким образом возможно, что этот запас относительно уменьшается хотя абсолютно он увеличивается.

Это зависит от различных условий, но в главном все они сводятся к той быстроте, регулярности и надежности, с которыми может быть доставлена масса сырого материала, необходимая для того, чтобы ни-

когда не произошло перерыва в производственном процессе. Чем менее соблюдены эти условия, чем, следовательно, менее правильно, верно и скоро совершается доставка, тем значительнее должна быть у производителя скрытая часть производительного капитала, т.-е. еще ожидающий своей обработки запас сырых материалов и т. д. Эти условия, а следовательно, и размеры самого запаса в этой форме стоят в обратном отношении к уровню развития капиталистического производства, а потому и производительной силы общественного труда.

Между тем то, что здесь представляется уменьшением запаса (напр. для Лалора), отчасти является лишь уменьшением запаса в форме товарного капитала, или собственного товарного запаса. Это, следовательно, лишь изменение формы того же запаса. Если, напр., количество угля, ежедневно производимого в данной стране, велико, если, следовательно, размеры и энергия угольного производства велики, то прядильщику не требуется больших складов угля, чтобы обеспечить непрерывность своего производства. Подвоз угля, который постоянно и правильно возобновляется, делает это излишним. Во-вторых, быстрота, с которой продукт одного процесса может перейти в качестве средств производства в другой, зависит от развития средств транспорта и сношений. Дешевизна транспорта играет при этом большую роль. Постоянно возобновляемый транспорт, напр., угля из копей к прядильне обошелся бы дороже, чем снабжение более значительным количеством угля на более долгий промежуток времени при относительно дешевом транспорте. Оба эти обстоятельства, рассмотренные до сих пор, обуславливаются самым процессом производства. В-третьих, влияние оказывает развитие кредитной системы. Чем в меньшей зависимости находится прядильщик при возобновлении своих запасов хлопка, угля и т. д. от непосредственной продажи своей пряжи,—а чем развитее система кредита, тем меньше эта непосредственная зависимость,—тем меньшей может быть относительная величина этих запасов, чтобы обеспечить безостановочное производство пряжи в данном масштабе, чтобы сделать его независимым от случайностей продажи пряжи. Но, в-четвертых, многие сырые материалы, полуфабрикаты и т. д. требуют для своего производства более продолжительных периодов времени. Это в особенности относится ко всем сырым материалам, которые доставляет земледелие. Следовательно, чтобы не произошло перерыва в производственном процессе, должен существовать определенный запас таких материалов на весь период времени, в который новый продукт не может заместить старого. Если этот запас уменьшается в руках промышленного капиталиста, то это только означает, что он увеличивается в форме товарного запаса в руках купца. Развитие средств транспорта позволяет, напр., быстро перевозить из Ливерпуля в Манчестер хлопок,

лежащий в гавани, в которую он ввозится. Таким образом фабрикант может, смотря по потребности, возобновлять небольшими частями свой запас хлопка. Но зато тем бóльшая масса этого самого хлопка будет находиться в виде товарного запаса в руках ливерпульских торговцев. Следовательно, здесь происходит только изменение формы запаса, что упускают из виду Лалор и др. А если взять общественный капитал, то в обоих случаях одно и то же количество продукта существует в форме запаса. С развитием средств транспорта для отдельной страны уменьшаются размеры той необходимой массы, которая должна быть заготовлена, напр., на год. Если между Америкой и Англией совершают свои рейсы многочисленные пароходы и парусные суда, то в Англии можно будет чаще возобновлять запас хлопка, и таким образом уменьшается среднее количество того запаса хлопка, который должен лежать в Англии. Так же точно влияет развитие мирового рынка и связанное с ним увеличение количества источников получения одного и того же продукта. Продукт ввозится по частям из различных стран и в различные сроки.

2) Собственно товарный запас.

Мы уже видели, что на основе капиталистического производства товар становится всеобщей формой продукта и становится ею тем больше, чем больше это производство развивается по размерам и в глубину. Следовательно, даже при неизменившемся размере производства часть продукта, существующая как товар, становится значительно больше, чем была при прежних способах производства или при капиталистическом способе производства на сравнительно низкой ступени развития. Но всякий товар, следовательно, и всякий товарный капитал, который тоже представляет только товар, с той только разницей, что является формой существования капитальной стоимости,—всякий товар, если он непосредственно не переходит из сферы всего производства в сферу производительного или индивидуального потребления, т. е. всякий товар, пока он находится на рынке, образует элемент товарного запаса. Поэтому с развитием капиталистического производства, хотя бы размеры производства оставались прежние, возрастает и товарный запас сам по себе (т. е. продукт, достигший самостоятельного существования и фиксированный в товарной форме). Мы уже видели, что это—лишь изменение формы запаса: на одной стороне увеличивается запас в товарной форме только потому, что на другой стороне, в форме прямого запаса для производства или потребления, он уменьшается. Это—лишь измененная общественная форма запаса. Если вместе с тем возрастает не только относительная величина товарного

запаса по сравнению со всем общественным продуктом, а также и его абсолютная величина, то это происходит потому, что с развитием капиталистического производства возрастает и масса всего продукта.

С развитием капиталистического производства масштаб производства все в меньшей степени определяется непосредственным спросом на продукт и все в большей степени определяется размерами капитала, которым располагает индивидуальный капиталист, стремлением его капитала увеличивать свою стоимость и необходимостью в том, чтобы его производительный процесс шел непрерывно и расширялся. Вместе с тем в каждой отдельной отрасли производства необходимо возрастает масса продукта, которая находится на рынке в виде товара или ищет сбыта. Растет масса капитала, фиксированная на более или менее продолжительное время в форме товарного капитала. Поэтому возрастает товарный запас.

Наконец, большая часть общества превращается в наемных рабочих, в людей, которые живут изо дня в день, получают свою заработную плату еженедельно и ежедневно расходуют ее, которые, следовательно, должны находить средства своего существования в виде запаса. Как бы ни сменялись отдельные элементы этого запаса, во всякое время часть их должна оставаться без движения, чтобы весь запас мог всегда оставаться в движении.

Все эти моменты вытекают из формы производства и предполагаемого ею превращения формы, которое продукт должен проделать в процессе обращения.

Какова бы ни была общественная форма запаса продуктов, его сохранение требует издержек: построек, вместилищ и т. д., являющихся хранилищами продукта; требует также, смотря по природе продукта, больших или меньших труда и средств производства, которые приходится затрачивать для предотвращения вредных влияний. Чем выше общественная концентрация запасов, тем относительно меньше становятся эти расходы. Эти затраты всегда составляют часть общественного труда в овеществленной или живой форме—в капиталистической форме они представляют затраты капитала, — которые не принимают участия в образовании продукта и потому являются вычетом из продукта. Они необходимы, эти дополнительные издержки общественного богатства. Это — издержки по сбережению общественного продукта, вытекает ли существование последнего в виде элемента товарного запаса лишь из общественной формы производства, следовательно, из товарной формы продукта с ее необходимым превращением, или же мы увидим в товарном запасе лишь специальную форму запаса продуктов, присущего всем обществам, хотя бы такой запас не имел формы товарного запаса, этой формы запаса продуктов, относящейся к процессу обращения.

Теперь спрашивается, в какой мере эти издержки входят в стоимость товаров.

Когда капиталист свой капитал, авансированный на средства производства и рабочую силу, превратит в продукт, в предназначенную к продаже массу готовых товаров, и она остается на складах непроданной, то на соответствующее время не только останавливается процесс увеличения стоимости его капитала. Расходы по хранению этого запаса в строениях, а также расходы на добавочный труд и т. д. представляют положительную потерю. Покупатель, который явился бы, наконец, осмелел бы его, если бы капиталист сказал: мой товар не был куплен в продолжение шести месяцев, и сохранение его в продолжение этих шести месяцев не только заставило лежать праздно такое-то количество моего капитала, но, кроме того, причинило х дополнительных издержек. *Tant pis pour vous*, скажет покупатель. Рядом с вами есть другой продавец, товар которого изготовлен лишь третьего дня. Ваш товар — залежь и, вероятно, более или менее попорчен временем. Поэтому вы должны продавать дешевле, чем ваш соперник. — Условия существования товара ничуть не изменяются от того, является ли товаропроизводитель действительным производителем своего товара или капиталистическим производителем, т.-е. по существу лишь представителем действительных производителей. Он должен превратить свою вещь в деньги. Дополнительные издержки, причиненные ему фиксированием ее в товарной форме, относятся к области его личных дел, до которых его покупателю нет никакого дела. Последний не оплачивает ему времени обращения его товара. Даже в тех случаях, когда капиталист преднамеренно задерживает свой товар вне рынка, во время действительной или ожидаемой революции в стоимости, — и в таких случаях лишь от действительного наступления этой революции, от правильности или неправильности его спекуляции зависит, реализует ли он свои дополнительные издержки. Но революция в стоимости не является следствием его добавочных издержек. Итак, поскольку образование запаса представляет приостановку обращения, вызванные этим дополнительные издержки не прибавляют к товару никакой стоимости. С другой стороны, никакой запас не может существовать без пребывания в сфере обращения, без более или менее продолжительного пребывания капитала в его товарной форме; следовательно, невозможен запас без задержки обращения, — совершенно так же, как невозможно обращение денег без образования денежного резерва. Таким образом без товарного запаса невозможно товарное обращение. Если необходимость образования запаса не является для капиталиста в $T'-D'$, то она является в $D-T$; если не по отношению к его товарному капиталу, то по отношению к товарному капиталу:

других капиталистов, которые производят средства производства для него и средства существования для его рабочих.

Казалось бы, сущность дела не может измениться от того, происходит ли образование запаса добровольно или недобровольно, т.-е. намеренно ли товаропроизводитель держит запас, или же его товары образуют запас вследствие того сопротивления, которое условия самого процесса обращения оказывают продаже товара. Все же для разрешения этого вопроса полезно знать, чем отличается добровольное образование запаса от недобровольного. Недобровольное образование запаса вытекает из заминки в обращении или тождественно с заминкой обращения, независимой от предвидения капиталиста и противоречащей его воле. Что характеризует добровольное образование запаса? В обоих случаях продавец старается возможно скорее сбыть свой товар. Он постоянно предлагает продукт как товар. Если он воздержится от продажи, то продукт образует лишь возможный (*δυνατός*), а не действительный (*ἐνεργητικός*) элемент товарного запаса. И в том и в другом случае товар как таковой является для него лишь носителем меновой стоимости; а как меновая стоимость он может действовать лишь посредством и после вовлечения в себя товарной формы, после того как он примет денежную форму.

Товарный запас должен достигать известных размеров, чтобы в течение данного периода удовлетворять размерам спроса. При этом приходится рассчитывать и на постоянное расширение круга покупателей. Например, чтобы быть достаточной на день, часть находящихся на рынке товаров должна постоянно задерживаться в товарной форме, в то время как другая течет, превращается в деньги. Притом та часть, которая застаивается, — в то время как другая течет, — постоянно уменьшается, как уменьшаются размеры самого запаса, пока он весь не будет распродан. Таким образом застой товара здесь принят в расчет, как необходимое условие продажи товара. Далее, размеры его должны быть больше, чем средние размеры продажи или средние размеры спроса. Иначе излишек над средним размером спроса не мог бы найти удовлетворения. С другой стороны, запас должен постоянно обновляться, так как он постоянно расходуется. Это возобновление в последнем счете осуществляется лишь посредством производства, предложения товара. Получается ли этот последний из-за границы или нет, это несколько не меняет дела. Возобновление зависит от продолжительности времени, требующегося на воспроизводство товаров. Товарного запаса должно хватить на все это время. То обстоятельство, что он не остается в руках первоначальных производителей, а проходит через различные хранилища, начиная с оптового торговца и до розничного торговца, не меняет сущности дела, а лишь его внеш-

ность. С точки зрения общества, в обоих случаях часть капитала остается в форме товарного запаса до тех пор, пока товар не вступит в сферу производительного или индивидуального потребления. Сам производитель старается иметь на складе товарный запас в количестве, соответствующем его среднему спросу, чтобы устранить непосредственную зависимость от производства и обеспечить себе постоянный круг покупателей. Соответственно периодам производства устанавливаются сроки покупок; в продолжение большего или меньшего времени товары образуют запас, пока их не заменят новые экземпляры того же рода. Только посредством такого образования запаса обеспечивается постоянство и непрерывность процесса обращения, а потому и процесса воспроизводства, включающего в себя и процесс обращения.

Необходимо напомнить, что $T' - D'$ может уже совершиться для производителей T , хотя T все еще находится на рынке. Если бы сам производитель захотел держать собственный товар у себя в складах до того времени, пока он не будет продан окончательному потребителю, то ему пришлось бы привести в движение двойной капитал: один как производителю товара, другой как торговцу. Для самого товара — рассматривать ли его как отдельный товар или как составную часть общественного капитала — дело совершенно не изменяется от того, падают ли издержки по образованию запаса на производителя товара или на ряд торговцев, начиная с A и кончая Z .

Поскольку товарный запас есть не что иное, как лишь товарная форма запаса, который при данном масштабе общественного производства, не существуя в форме запаса товарного, все равно существовал бы или как производительный запас (скрытый фонд производства) или как потребительный фонд (запас средств потребления), постольку и издержки, вызываемые сохранением запаса, следовательно, издержки по образованию запаса, — т.-е. употребляемый с этой целью овеществленный или живой труд, — являются просто известной формой издержек по сохранению общественного производительного фонда или общественного фонда потребления. Повышение стоимости товара, вызываемое ими, только распределяет эти издержки *pro rata* между различными товарами, так как они различны для различных сортов товара. Во всяком случае издержки по образованию запаса остаются вычетами из общественного богатства, хотя они и являются условием его существования.

Товарный запас — явление нормальное лишь постольку, поскольку он является условием обращения товаров и даже необходимо возникает в товарном обращении, следовательно, поскольку кажущийся застой является формой самого движения: совершенно так же, как образование денежного резерва является условием денежного обраще-

ния. Напротив, поскольку товары, замешкавшиеся в резервуарах обращения, не освобождают места для следующей волны производства, и таким образом резервуары переполняются, постольку товарный запас увеличивается исключительно вследствие заминки обращения: совершенно так же, как растут размеры сокровища, когда происходит заминка в обращении денег. При этом безразлично, происходит ли эта заминка в амбарах промышленных капиталистов, или в складах торговца. В таком случае товарный запас является уже не условием непрерывной продажи, а следствием того обстоятельства, что товары не удается продать. Издержки остаются те же, но так как теперь они вытекают исключительно из формы, именно, из необходимости превратить товары в деньги, и из затруднительности этого метаморфоза, то они не входят в стоимость товара, а представляют вычет, потерю стоимости на реализации стоимости. Так как нормальная и аномальная формы запаса по виду не отличаются одна от другой, и обе представляют приостановку обращения, то эти явления могут быть приняты одно за другое. Самих агентов производства они могут ввести в заблуждение тем легче, что для производителя процесс обращения его капитала может протекать прежним порядком, хотя процесс обращения его товаров, перешедших в руки торговцев, остановился. Если увеличиваются размеры производства и потребления, то, при прочих равных условиях, увеличивается и товарный запас. Он обновляется и поглощается с прежней скоростью, но его размеры становятся больше. Таким образом объем товарного запаса, непомерно вздутый вследствие остановки обращения, может быть ошибочно принят за симптом расширения процесса воспроизводства; эта ошибка становится в особенности возможной, когда с развитием системы кредита действительное движение может мистифицироваться.

Издержки по образованию запаса сводятся к 1) количественному уменьшению массы продукта (как, напр., при запасе муки); 2) порче качества; 3) овеществленному или живому труду, которого требует сбережение запаса.

III. Издержки транспорта.

Здесь нет необходимости входить во все детали издержек обращения, каковы, напр., упаковка, сортировка и т. д. Общий закон заключается в том, что все издержки обращения, вытекающие лишь из превращения формы товара, не прибавляют к нему никакой стоимости. Это — просто издержки по реализации стоимости, или издержки, необходимые для того, чтобы перевести ее из одной формы в другую. Израсходованный на это капитал (включая и находящийся под управлением последнего труд) принадлежит к

faux frais капиталистического производства. Возмещение этих издержек должно воспоследовать из прибавочного продукта и представляет, с точки зрения всего класса капиталистов, вычет из прибавочной стоимости или прибавочного продукта: совершенно так же, как то время, которое требуется рабочему для закупки средств существования, является для него потерянным временем. Но издержки транспорта играют слишком важную роль, и потому здесь необходимо несколько остановиться на них.

Во время кругооборота капитала и метаморфоза товаров, представляющего отдел этого кругооборота, происходит обмен веществ, продуктов общественного труда. Этот обмен веществ может обуславливать перемещение продуктов, их действительное передвижение от одного места к другому. Но обращение товаров может происходить и без их физического передвижения, транспорт продуктов — без товарного обращения и даже без непосредственного обмена продуктов. Дом, который А продает В, обращается как товар, но он стоит смирно на месте. Подвижные товарные стоимости, как, напр., хлопок или чугун, остаются попрежнему в товарном складе в то самое время, как они продельвают дюжины раз различные процессы обращения, покупаются спекулянтами и опять продаются ¹⁷⁾. В действительности здесь перемещается только титул собственности на вещь, а не самая вещь. С другой стороны, например, в царстве инков транспортная промышленность играла большую роль, хотя общественный продукт не обращался как товар, не распределялся посредством меновой торговли.

Поэтому, хотя транспортная промышленность на основе капиталистического производства представляется причиной издержек обращения, однако эта особенная форма их проявления несколько не изменяет дела.

Количество продукта не увеличивается вследствие его перевозки. Все перемены, произведенные перевозкой в естественных свойствах продуктов, за некоторыми исключениями, не являются преднамеренным полезным эффектом, а неизбежным злом. Но потребительная стоимость предметов реализуется лишь посредством потребления, а это последнее может сделать необходимым их перемещение, следовательно, дополнительный производственный процесс транспортной промышленности. Вложенный в последнюю производительный капитал присоединяет таким образом стоимость к транспортируемому продукту, частью вследствие перенесения стоимости средств транспорта, частью вследствие того, что стоимость присоединяется трудом транспорта. Эта последняя прибавка стоимости распадается, как вообще при капиталистическом

¹⁷⁾ Шторх называет такое обращение „*factice*“.

производстве, на возмещение заработной платы и на прибавочную стоимость.

Во всяком производственном процессе большую роль играет перемещение предмета труда и необходимые для того средства труда и рабочие силы,—хлопок, напр., передвигается из кардировочной мастерской в прядильню, уголь подымается из шахты на поверхность. То же явление, но в большем масштабе, повторяется при переходе готового продукта как готового товара из одного места самостоятельного места производства в другое, пространственно отдаленное от него. За транспортировкой продуктов из одного места производства в другое следует транспортировка готовых продуктов из сферы производства в сферу потребления. Продукт только тогда готов к потреблению, когда он закончит это передвижение.

Как было показано раньше, общий закон товарного производства таков: производительность труда стоит в обратном отношении к создаваемой им стоимости. Это справедливо по отношению к транспортной промышленности, как и ко всякой другой. Чем меньшее количество мертвого и живого труда требуется для перевозки товара на данное расстояние, тем выше производительная сила труда, и обратно ¹⁸⁾.

Абсолютная величина стоимости, прибавляемая к товарам транспортом, при прочих равных условиях обратно пропорциональна производительности транспортной промышленности и прямо пропорциональна расстояниям, на которые товары передвигаются.

Относительная часть стоимости, которую издержки транспорта при прочих равных условиях присоединяют к цене товара, прямо пропорциональна протяжению и весу товара. Но существуют многочисленные модифицирующие обстоятельства. Перевозка требует, напр., более или менее серьезных мер предосторожности, а потому вызывает большую или меньшую затрату труда и средств труда, смотря по относительной

¹⁸⁾ Рикардо цитирует Сэя, который видит благословение торговли в том, что она удорожает продукты, или повышает их стоимость издержками транспорта. «Торговля,—говорит Сэй,—позволяет нам получать товар в месте его происхождения и перевозить его в другое место потребления; она таким образом позволяет нам увеличивать стоимость товара на всю разницу между его ценой в первом и во втором месте». Рикардо замечает по этому поводу: «Правильно; но каким образом присоединяется к ней дополнительная стоимость? Посредством присоединения к издержкам производства, во-первых, расходов по провозу, во-вторых, прибыли на капитал, авансированный торговцем. Товар стал более ценным лишь по той причине, по которой может сделаться большей стоимостью всякого другого товара, если на его производство и на его провоз, прежде чем он будет куплен потребителем, будет потрачено больше труда. Это не приходится считать одним из преимуществ торговли» (Ricardo, Principles of Pol. Econ., 3rd. ed. London 1821, p. 309, 310).

ломкости, подверженности порче, взрывчатости продукта. В этой области железнодорожные магнаты развивают еще бóльшую гениальность в изобретении фантастических видов, чем ботаники или зоологи. Напр., классификация товаров, принятая английскими железными дорогами, наполняет томы и по своему общему принципу основана на тенденции превратить всю разнообразную пестроту естественных свойств в столь же многочисленные пороки с точки зрения транспорта и в поводы для неотвратимого вымогательства. „Стекло, стоившее 11 £ за crate (упаковочный ящик определенной емкости), вследствие успехов промышленности и отмены налога на стекло, стоит теперь всего 2 £, но расходы по транспорту так же высоки, как прежде, и стали еще выше при перевозке по каналам. Раньше отправка стекла и стеклянных товаров, употребляемых для глазирования, за 50 миль от Бирмингама стоила 10 шил. с тонны. Теперь цена транспорта увеличена втрое под предлогом риска вследствие хрупкости товара. Но железнодорожное управление как раз не оплачивает того, что действительно ломает“¹⁹⁾. Далее, то обстоятельство, что та относительная часть стоимости, которую прибавляют к товару издержки по перевозке, обратно пропорциональна его стоимости, дает для железнодорожных магнатов особое основание для того, чтобы назначать тариф на товары, прямо пропорциональный их стоимости. Жалобы промышленников и торговцев по поводу этого обстоятельства повторяются на каждой странице свидетельских показаний отмеченного доклада.

Капиталистический способ производства уменьшает издержки транспорта для отдельных товаров как посредством развития средств транспорта и сношений, так и посредством концентрации, увеличения масштаба транспорта. Он увеличивает ту часть общественного труда, как живого, так и овеществленного, которая расходуется на транспортирование товаров,—увеличивает потому, что, во-первых, превращает огромное большинство всех продуктов в товары и, во-вторых, заменяет местные рынки отдаленными рынками.

Действительное передвижение, т.-е. фактическое обращение товаров в пространстве, сводится к транспорту товаров. С одной стороны, транспортная промышленность представляет самостоятельную отрасль производства, а потому и особую сферу приложения производительного капитала. Но, с другой стороны, она отличается тем, что представляется продолжением производственного процесса в процессе обращения и для процесса обращения

¹⁹⁾ Royal Commission on Railways, стр. 31, № 630.

Отдел второй.

Оборот капитала.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Время и число оборотов.

Как мы видели, все время обращения данного капитала равно сумме времени его обращения и времени его производства. Это—промежуток времени от момента авансирования капитальной стоимости в определенной форме до момента возвращения движущейся капитальной стоимости в той же самой форме.

Целью, определяющей капиталистическое производство, всегда является увеличение авансированной стоимости, авансирована ли она в своей самостоятельной форме, т.-е. в денежной форме, или же авансирована в виде товара, так что форма стоимости приобретает лишь идеальную самостоятельность в цене авансированных товаров. В обоих случаях эта капитальная стоимость проходит в своем кругообороте различные формы существования. Ея тождество с нею самой констатируется в книгах капиталиста или в форме счетных денег.

Возьмем ли мы форму $D...D'$ или форму $P...P$, обе формы выражают, 1) что авансированная стоимость функционировала как капитальная стоимость и самовозросла; 2) что по окончании процесса она возвратилась к той форме, в которой начала его. Увеличение авансированной стоимости D и в то же время возвращение капитала к этой форме (к денежной форме) ясно выступает в $D...D'$. Но то же самое совершается и во второй форме. В самом деле, ее исходный пункт есть P , наличность элементов производства, товаров данной стоимости; форма содержит увеличение этой стоимости (T' и D') и возвращение к первоначальной форме, так как во втором P авансированная стоимость опять приобретает ту самую форму элементов производства, в которой она была первоначально авансирована.

Раньше мы видели: „Если форма производства капиталистическая, то такова же и форма воспроизводства. Как в капиталистическом способе

производства процесс труда представляется лишь средством для процесса увеличения стоимости, так и воспроизводство является лишь средством для того, чтобы воспроизвести авансированную стоимость как капитал, т.-е. как самовозрастающую стоимость“ (Книга I, гл. XXI).

Три формы: I) $D...D'$; II) $II...II$ и III) $T'...T'$, отличаются друг от друга следующим: в форме II ($II...II$) возобновление процесса, процесс воспроизводства, выражено как действительное, в форме же I лишь как возможное. Но обе эти формы отличаются от формы III тем, что авансированная капитальная стоимость—авансирована ли она в виде денег или в виде материальных элементов производства—служит исходным пунктом, а потому и пунктом возвращения. В $D...D'$ возвращение выражается в $D' = D + d$. Если процесс возобновляется опять в прежних размерах, то D опять служит исходным пунктом, d не доходит до этого пункта и лишь показывает нам, что D самовозросло как капитал и потому породило прибавочную стоимость d , но оттолкнуло ее от себя. В форме $II...II$ исходный пункт составляет опять-таки капитальная стоимость, авансированная в форме II, элементов производства. В этой форме заключается и увеличение авансированной стоимости. Если совершается простое воспроизводство, то та же самая капитальная стоимость, в той же самой форме II снова начинает свое движение. Если же совершается накопление, то процесс открывает II' (по величине стоимости $= D' = T'$) как увеличенная капитальная стоимость. Но процесс начинается снова авансированной капитальной стоимостью в первоначальной форме, хотя капитальной стоимостью большей величины, чем в прошлый раз. Напротив, в форме III капитальная стоимость начинает процесс не как авансированная, но как уже увеличенная, как все богатство, которое находится в форме товаров, и которого только известная часть составляет авансированной капитальной стоимостью. Последняя форма важна для третьего отдела, в котором движение индивидуальных капиталов берется в связи с движением всего общественного капитала. Но ею не приходится пользоваться, когда исследуется оборот капитала, всегда начинающийся авансированием капитальной стоимости в форме денег ли, товара ли и всегда обуславливающий возвращение циркулирующей капитальной стоимости в той форме, в которой она была авансирована. Из кругооборотов I и II необходимо пользоваться первым, если внимание обращено преимущественно на то влияние, которое оборот оказывает на образование прибавочной стоимости; вторым,—когда дело идет о влиянии оборота на образование продукта.

Экономисты, не проводя разграничения между различными формами кругооборотов, не рассматривали их обособленно в их отношении к обороту капитала. Обыкновенно берется форма $D...D'$, потому что она господствует над отдельным капиталистом и служит ему при его

расчетах, хотя бы деньги служили исходным пунктом только в виде счетных денег. Другие исходят из затраты в форме элементов производства и рассматривают движение до момента, когда последует возвращение, при чем нет и речи о том, совершается ли оно в товаре или деньгах. Напр.: „Экономический цикл, т.-е. весь ход производства, от времени, когда делаются затраты, до момента, когда совершится возвращение. В земледелии время посева есть начало экономического цикла, а жатва — окончание“ (Economic Cycle... the whole course of production, from the time that outlays are made till returns are received. In agriculture seedtime is its commencement, and harvesting its ending. — S. P. Newman. Elements of Pol. Econ. Andover and New-York, p. 81). Другие начинают с T' (III формы): „Можно считать, что мир производственного обмена движется по кругу, который мы назовем экономическим циклом и в котором каждый оборот завершается, как только предприятие, совершив последовательный ряд своих операций, снова приходит к тому пункту, с которого начался оборот. Началом можно считать тот пункт, когда к капиталисту поступают получения, посредством которых к нему возвращается его капитал; от этого пункта он снова переходит к тому, чтобы завербовать себе рабочих и распределить между ними в виде заработной платы средства их существования, или, вернее, силу, необходимую для приобретения этих средств; получить от них изготовленные предметы, которые он производит; доставить эти предметы на рынок и там довести до завершения кругооборот этого ряда движений, продавая эти предметы и получая в выручке за товары возмещение всех своих капитальных затрат“ (Th. Chalmers, On Pol. Econ., 2 ed., London 1832, p. 84 seq.).

После того как вся капитальная стоимость, вложенная отдельным капиталистом в какую бы то ни было отрасль производства, опишет своим движением кругооборот, она оказывается снова в своей первоначальной форме и может снова повторить тот же самый процесс. Чтобы стоимость увековечилась и продолжала увеличение как капитальная стоимость, она должна повторить этот кругооборот. В жизни капитала единичный кругооборот составляет лишь один постоянно повторяющийся отдел, следовательно, составляет период. В конце периода Д... Д' капитал опять находится в форме денежного капитала, который снова пройдет ряд превращений формы, в том числе и процесс воспроизводства или процесс увеличения стоимости. При завершении периода П... П капитал опять находится в форме элементов производства, являющихся предпосылкой для возобновления его кругооборота. Кругооборот капитала, определяемый не как отдельный акт, а как периодический процесс, называется оборотом капитала. Продолжительность этого оборота определяется суммой времени его про-

изводства и времени его обращения. Эта сумма времени составляет время оборота капитала. Следовательно, она охватывает промежуток времени от одного периода кругооборота всей капитальной стоимости до следующего; она отсчитывает периодичность в процессе жизни капитала, или, если угодно, время возобновления, повторения процесса увеличения стоимости, или процесса производства одной и той же капитальной стоимости.

Оставляя в стороне индивидуальные приключения, которые могут для отдельного капитала удлинить или сократить время оборота, последнее вообще различно в зависимости от различий отдельных сфер приложения капитала.

Подобно тому как для функции рабочей силы естественной единицей измерения служит рабочий день, так год представляет естественную единицу измерения для оборотов функционирующего капитала. Естественным базисом такой единицы измерения является то обстоятельство, что в умеренном поясе, родине капиталистического производства, важнейшие земные плоды суть годовые продукты.

Если год, как единицу измерения времени оборота, мы обозначим посредством O , время оборота определенного капитала — o , число его оборотов — n , то $n = \frac{O}{o}$. Следовательно, если, напр., время оборота o составляет 3 месяца, то $n = \frac{12}{3} = 4$; капитал совершает 4 оборота в год, или оборачивается четыре раза. Если $o = 18$ месяцам, то $n = \frac{12}{18} = \frac{2}{3}$, или капитал в год проделывает только $\frac{2}{3}$ времени своего оборота. Если время его оборота составляет несколько лет, то оно исчисляется, следовательно, одним годом, взятым несколько раз.

Для капиталиста время оборота его капитала представляет время, на которое ему приходится авансировать свой капитал с той целью, чтобы он возрос в своей стоимости и возвратился в своей первоначальной форме.

Прежде чем перейти к ближайшему исследованию того влияния, которое оборот оказывает на процесс производства и процесс увеличения стоимости, необходимо рассмотреть две новых формы, которые подступают к капиталу из процесса обращения и воздействуют на форму его оборота.

Глава восьмая.

Основной капитал и оборотный капитал.

I. Различия формы.

В книге I, гл. VI, мы видели, что часть постоянного капитала сохраняет ту определенную потребительную форму, в которой она входит в процесс производства, и удерживает ее против тех продуктов,

созданию которых она содействует. В продолжение более или менее длинных периодов, в постоянно повторяемых процессах труда, она постоянно совершает одни и те же функции. Таковы, напр., мастерские, машины и т. д., короче, все, что мы объединяем под названием средств труда (орудий труда). Эта часть постоянного капитала передает свою стоимость продукту в той мере, как она вместе с своей потребительной стоимостью утрачивает свою меновую стоимость. Эта передача стоимости, или переход стоимости таких средств производства в продукт, в образовании которого они принимают участие, определяется по среднему подсчету; она измеряется по средней продолжительности функционирования средств производства, охватывающей время от момента, когда они входят в процесс производства, и до момента, когда они будут совершенно изношены, станут непригодными, когда они должны быть заменены новыми экземплярами того же рода, должны быть воспроизведены.

Таким образом своеобразность этой части постоянного капитала — собственно средств труда — заключается в следующем:

Часть капитала авансируется в форме постоянного капитала, т. е. средств производства, которые функционируют как факторы процесса труда, пока они сохраняют ту самостоятельную потребительную форму, в которой они вступают в процесс труда. Готовый продукт, а следовательно, и образователи продукта, поскольку они превращены в продукт, выбрасываются из производственного процесса, чтобы из сферы производства перейти в сферу обращения в качестве товара. Напротив, средства труда, раз вступив в сферу производства, уже никогда не покидают ее. Их прочно привязывает к ней их функция. Часть авансированной капитальной стоимости фиксируется в этой форме, определяемой функцией средств труда в производственном процессе. С функционированием и вытекающим из него снашиванием средств труда часть их стоимости переходит на продукт, другая же остается фиксированной в средствах труда, и следовательно, остается в процессе производства. Фиксированная таким образом стоимость постоянно уменьшается, пока средства труда не отслужат своей службы; поэтому стоимость их в течение более или менее продолжительного периода распределяется на массу продуктов, которые выходят из ряда постоянно повторяющихся процессов труда. Но пока средства труда все еще действуют в качестве средств труда, следовательно, пока их еще не приходится заменять новым экземпляром того же самого вида, стоимость постоянного капитала все время остается фиксированной в них, между тем как другая часть первоначально фиксированной в них стоимости переходит на продукт и потому совершает обращение как со-

ставная часть запаса товаров. Чем долговечнее средства труда, чем медленнее изнашиваются они, тем дольше стоимость постоянного капитала остается фиксированной в этой потребительной форме. Но какова бы ни была степень прочности средств труда, та степень, в которой они передают свою стоимость, всегда обратно пропорциональна общей продолжительности функционирования средств труда. Если из двух машин одинаковой стоимости одна изнашивается в пять лет, а другая в десять, то на протяжении равного времени первая отдает вдвое больше стоимости, чем вторая.

Эта часть капитальной стоимости, фиксированная в средствах труда, совершает обращение как и всякая другая часть. Мы вообще видели, что вся капитальная стоимость находится в постоянном обращении, и весь капитал является в этом смысле оборотным капиталом. Но обращение рассматриваемой здесь части капитала своеобразное. Во-первых, она не обращается в своей потребительной форме,—в обращение поступает только ее стоимость, и притом входит в обращение лишь постепенно, частями, в той мере, как она переходит в продукт, который обращается как товар. Во все время функционирования этой части некоторая доля ее стоимости остается фиксированной в ней, сохраняет свою самостоятельность по отношению к товарам, производству которых она содействует. Благодаря такой особенности эта часть постоянного капитала приобретает форму основного капитала. В противоположность ему все другие материальные составные части капитала, азансированного на производственный процесс, образуют оборотный или текучий капитал.

Часть средств производства—именно, такие вспомогательные материалы, которые потребляются самими средствами труда во время их функционирования, как каменный уголь потребляется паровой машиной, или которые лишь содействуют процессу, напр., светильный газ и т. д.—эта часть средств производства материально не входит в продукт. Только ее стоимость составляет часть стоимости продукта. В своем собственном обращении продукт несет в обращение и стоимость таких средств производства. Эта особенность обща им с основным капиталом. Но во всяком процессе труда, в который они входят, они потребляются целиком, и потому для каждого нового процесса труда их приходится целиком заменять новыми экземплярами того же рода. Во время своего функционирования они не сохраняют своей самостоятельной потребительной формы. Следовательно, во время их функционирования ни одна часть капитальной стоимости не остается фиксированной в своем прежнем потребительном виде, в натуральной форме таких средств производства. То обстоятельство, что эта часть вспомогательных материалов материально не входит в продукт, но входит в стоимость продукта лишь

по своей стоимости, как часть стоимости продукта, и что в связи с этим функционирование таких материалов прикреплено к сфере производства,—это привело некоторых экономистов, как, напр., Рамсея, к тому, что они (смешивая в то же время основной и постоянный капитал) отнесли их к категории основного капитала.

Часть средств производства, которая материально входит в продукт, следовательно, сырой материал и т. д., приобретает благодаря этому такие формы, в которых она позже может войти в индивидуальное потребление в качестве средств потребления. Собственно средства труда, материальные носители основного капитала, потребляются лишь производительно и не могут войти в сферу индивидуального потребления, потому что они не входят в продукт или в ту потребительную стоимость, образованию которой они содействуют, а напротив, сохраняют по отношению к ней свою самостоятельную форму все время, пока они окончательно не изнаются. Исключение представляют средства транспорта. Полезный эффект, который они доставляют во время своего производительного функционирования, следовательно, во время пребывания в сфере производства,— в то же самое время входит и в сферу индивидуального потребления, напр., пассажира. В этом случае он тоже оплачивает потребление, как оплачивает пользование другими средствами потребления. Мы видели, что сырой материал и вспомогательные вещества иногда сливаются друг с другом, как, напр., в химической фабрикации. То же самое бывает с средствами труда и вспомогательными веществами и сырым материалом. Так, напр., в земледелии вещества, вложенные для улучшения почвы, отчасти входят в продукт как продуктообразователи. С другой стороны, их действие распределяется на продолжительный период, напр. 4—5 лет. Поэтому часть их материально входит в продукт и тем самым переносит свою стоимость на продукт, между тем как другая часть, оставаясь в старой потребительной форме, в ней фиксирует и свою стоимость. Она попрежнему продолжает существовать в качестве средств производства и потому по своей форме является основным капиталом. В качестве рабочего скота бык представляет основной капитал. Но если его съедают, он функционирует уже не как средства труда и, следовательно, не как основной капитал.

Причина, которая части капитальной стоимости, затраченной на средства производства, придает характер основного капитала, лежит исключительно в своеобразном способе обращения этой части. Особый способ обращения вытекает из того особого способа, каким средства труда передают свою стоимость продукту, или из той роли, которую они играют как образователи стоимости во время производственного

процесса. Последняя же в свою очередь вытекает из особенностей функционирования различных средств труда в процессе труда.

Известно, что одна и та же потребительная стоимость, выйдя как продукт из одного процесса труда, входит в другой как средство производства. Только функционирование продукта в производственном процессе в качестве средства труда превращает его в основной капитал. Напротив, когда он еще только выходит из процесса, он еще отнюдь не является основным капиталом. Напр., машина как продукт или товар фабриканта-машиностроителя принадлежит к его товарному капиталу. Основным капиталом она становится лишь в руках покупателя, капиталиста, который дает ей производительное применение.

При прочих равных условиях степень закреплённости основного капитала возрастает с долговечностью средств труда. Именно от этой долговечности зависит величина разности между капитальной стоимостью, закреплённой в средствах труда, и той частью этой стоимости, которая в повторных процессах труда передается продукту. Чем медленнее совершается это перенесение стоимости,—а стоимость передается от средств труда при всяком повторении одного и того же процесса труда,— тем больше закреплённый капитал, тем больше разность между вложенным в производственный процесс капиталом и той его частью, которая потребляется при каждом повторении процесса. Когда эта разность исчезает, это значит, что средства труда отжили свое время и вместе с своей потребительной стоимостью утратили свою стоимость. Они перестали быть носителем стоимости. Так как средства труда, подобно всякому другому материальному носителю постоянного капитала, передают свою стоимость продукту в той мере, как они вместе с своей потребительной стоимостью утрачивают и стоимость, то ясно, что чем медленнее утрачивается их потребительная стоимость, чем дольше удерживаются они в производственном процессе, тем длиннее оказывается период, в течение которого стоимость постоянного капитала остается фиксированной в них.

Если средства производства, не представляющие средств труда в собственном значении слова, напр., вспомогательные вещества, сырой материал, полуфабрикат и т. д.,— если эти средства производства по отношению к перенесению стоимости, а потому и к способу обращения своей стоимости занимают такое же положение, как средства труда, то они также являются материальным носителем, формой существования основного капитала. Так, в случае с уже упомянутыми земельными улучшениями, вносящими в почву химические составные части, действие которых простирается на многие периоды производства или на многие годы. Здесь часть стоимости продолжает свое существование независимо от продукта в своей самостоятельной форме,

или в форме основного капитала, между тем как другая часть стоимости переносится на продукт и потому вместе с ним совершает обращение. В этом случае в продукт входит не только часть стоимости основного капитала, но и та потребительная стоимость, то вещество, в котором существует эта часть стоимости.

Оставляя в стороне основное заблуждение — смешение категорий основной и оборотный капитал с категориями постоянный и переменный капитал — путаница в прежнем определении понятий у экономистов основывается прежде всего на следующем:

Определенные свойства, принадлежащие материальной форме средств труда, они превращают в свойства непосредственно основного капитала, — такова хотя бы физическая неподвижность, напр., дома. Но ведь было бы очень легко показать, что другие средства труда, которые как таковые тоже являются основным капиталом, обладают противоположными свойствами, напр., физической подвижностью хотя бы корабля.

Или экономическую определенность формы, обуславливаемую обращением стоимости, они смешивают с вещественным свойством: как будто вещи, которые сами по себе вообще не являются капиталом, а становятся таковым лишь в определенных общественных отношениях, могли бы быть уже сами по себе, по своей природе, капиталом в той или иной определенной форме, основным или оборотным. В книге I, глава V, мы видели, что средства производства во всяком процессе труда, при каких бы общественных условиях он ни совершался, всегда разделяются на средства труда и предмет труда. Но лишь при капиталистическом способе производства и средства труда и предмет труда становятся капиталом, притом „производительным капиталом“ в том смысле, как установлено в предыдущем отделе. Вместе с тем различие средств труда и предмета труда, вытекающее из природы процесса труда, отражается в новой форме, — в форме различия основного капитала и оборотного капитала. Лишь с этого времени вещь, которая функционирует как средство труда, становится основным капиталом. Если она по своим материальным свойствам способна служить и в других функциях, кроме функций средства труда, то она является основным капиталом или нет, в зависимости от различий своего функционирования. Скот в роли рабочего скота есть основной капитал; откармливаемый на убой скот представляет сырой материал, который в конце концов как продукт вступает в обращение, — следовательно, это не основной, а оборотный капитал.

Простое состояние продолжительной закреплённости какого-либо средства производства в повторных процессах труда, которые взаимно связаны между собою и составляют непрерывный ряд, период произ-

водства, охватывающий все время производства, необходимое для того, чтобы изготовить продукт,— это состояние, подобно основному капиталу, требует от капиталиста авансирования на более или менее продолжительный срок, но еще не делает соответствующей части капитала основным капиталом. Семена, напр., отнюдь не основной капитал, а лишь сырой материал, который почти на целый год фиксируется в процессе производства. В процессе производства вообще фиксируется всякий капитал, пока он функционирует как производительный капитал, фиксируются, следовательно, и все элементы производительного капитала, какова бы ни была их материальная форма, их функции и способ обращения их стоимости. Продолжается ли это закрепление более или менее значительное время в зависимости от рода производственного процесса или желательного полезного эффекта,— не это создает различие между основным и оборотным капиталом ²⁰⁾.

Часть средств труда — куда относятся и общие условия труда — или прикрепляется к определенному месту, когда она как средство труда вступает в производственный процесс или когда готовится к производительной функции, как, напр., машины. Или же часть средств труда с самого начала производится в такой неподвижной, связанной с местом форме, как, напр., земельные улучшения, фабричные здания, доменные печи, каналы, железные дороги и т. д. Постоянная прикрепленность средств труда к производственному процессу, в котором они должны функционировать, обуславливается здесь уже материальным способом их существования. С другой стороны, средства труда могут физически постоянно перемещаться, передвигаться и, несмотря на то, постоянно находиться в производственном процессе, как, напр., локомотив, судно, рабочий скот и т. д. Ни неподвижность не придает им, в первом случае, характера основного капитала, ни подвижность не отнимает у них, во втором случае, этого характера. Однако то обстоятельство, что средства труда локально прикреплены, пустили свои корни в землю, отводит этой части основного капитала особую роль в экономии наций. Их нельзя отправить за границу, они не могут обращаться на мировом рынке как товары. Титулы собственности на этот основной капитал могут меняться, их можно покупать и продавать, и постольку они могут идеально вступать в обращение. Эти титулы собственности могут обращаться даже на иностранных рынках, напр., в форме акций. Но от смены лиц, которые являются собственниками этого рода основного капитала, не изменяется отно-

²⁰⁾ Вследствие затруднения, представляемого определением основного и оборотного капитала, господин Лоренц Штейн заявляет, что это различие существует лишь для популярного изложения.

шение неподвижной, материально фиксированной части богатства известной страны к подвижной части того же богатства ²¹⁾).

Из своеобразного обращения основного капитала вытекает своеобразность оборота. Та часть стоимости, которую вследствие снашивания утрачивает его натуральная форма, обращается как часть стоимости продукта. Посредством обращения продукт из товара превращается в деньги; превращается, следовательно, в деньги и та часть стоимости средств труда, которую продукт несет в обращение, и притом эта часть стоимости каплями в виде денег падает из процесса обращения в той мере, в какой данное средство труда перестает быть носителем стоимости в производственном процессе. Следовательно, существование стоимости этого средства труда теперь раздвоится. Часть ее остается связанной с потребительной или натуральной формой средств труда, принадлежащей производственному процессу, другая же часть отделяется от нее в виде денег. В ходе своего функционирования та часть стоимости средств труда, которая существует в их натуральной форме, постоянно уменьшается, между тем как превратившаяся в денежную форму часть стоимости постоянно увеличивается, пока, наконец, средства труда не отживут свой век, и вся их стоимость, отделившись от тупа средств труда, не превратится в деньги. Здесь проявляется своеобразность в обороте этого элемента производительного капитала. Превращение его стоимости в деньги идет равным шагом с превращением в деньги того товара, который является носителем этой стоимости. Но его обратное превращение из денежной формы в потребительную форму отделяется от обратного превращения товара в прочие элементы производства последнего и определяется уже периодом воспроизводства самих средств труда, т. е. временем, в течение которого средства труда отживают свой век, так что их приходится заменить другим экземпляром того же рода. Если продолжительность функционирования какой-либо машины стоимостью, положим, в 10.000 £ составляет, напр., 10 лет, то время оборота стоимости, первоначально авансированной на эту машину, составит 10 лет. До истечения этого времени ее не приходится возобновлять, она продолжает действовать в своей натуральной форме. Между тем ее стоимость частями поступает в обращение как часть стоимости товаров, непрерывному производству которых служит машина, и таким образом постепенно превращается в деньги, пока наконец, на исходе 10 лет она целиком не превратится в деньги, а из денег не превратится обратно в машину и, следовательно, не завершит своего оборота. До наступления этого момента воспроизводства стоимость машины постепенно накапливается в форме резервного денежного фонда.

²¹⁾ До сих пор рукопись IV.— Отсюда рукопись II.

Остальные элементы производительного капитала—это отчасти элементы постоянного капитала, заключающиеся в сырых материалах и вспомогательных материалах, отчасти переменный капитал, затраченный на рабочую силу.

Анализ процесса труда и процесса увеличения стоимости (книга I, глава V) показал, что эти различные составные части производительного капитала играют совершенно различную роль в образовании продукта и образовании стоимости. Стоимость той части постоянного капитала, которая состоит из вспомогательных материалов и сырых материалов, — подобно стоимости той его части, которая состоит из средств труда, — снова появляется в стоимости продукта, как просто перенесенная стоимость, между тем как рабочая сила посредством процесса труда присоединяет к продукту эквивалент своей стоимости, или действительно воспроизводит свою стоимость. Далее, одна часть вспомогательных материалов — уголь для отопления, светильный газ и т. д.—потребляется в процессе труда, материально не входя в продукт, между тем как другая часть их телесно входит в продукт и образует материал его вещества. Но все эти различия не имеют значения для обращения, а потому и для способов оборота. Если вспомогательные и сырые материалы целиком потребляются при образовании известного продукта, то они целиком переносят на продукт всю свою стоимость. Поэтому последняя целиком вносится продуктом в обращение, превращается в деньги, а из денег обратно в элементы производства товара. Ее оборот не прерывается, как оборот основного капитала, но последовательно, без перерывов проходит весь кругооборот превращений, так что эти элементы производительного капитала постоянно возобновляются *in natura*.

Что касается переменной составной части производительного капитала, затрачиваемой на рабочую силу, то рабочая сила покупается на определенный срок. Когда капиталист купит ее и введет в производственный процесс, она образует составную часть его капитала, именно — переменную составную часть капитала. Ежедневно она действует на протяжении известного промежутка времени, в течение которого она присоединяет к продукту не только всю свою стоимость за день, но также и известную избыточную, прибавочную стоимость, которую здесь мы пока оставим в стороне. После того как рабочая сила куплена и действовала, напр., в течение недели, купля ее должна постоянно возобновляться через определенные сроки. Тот эквивалент ее стоимости, который рабочая сила постоянно присоединяет к продукту во время своего функционирования и который вследствие обращения продукта превращается в деньги, должен постоянно совершать обратное превращение из денег в рабочую силу, или постоянно должен

описывать полный кругооборот своих форм, т.-е. постоянно должен возвращаться, чтобы не прервался кругооборот непрерывного производства.

Следовательно, часть стоимости производительного капитала, авансированная на рабочую силу, целиком переходит на продукт (прибавочную стоимость мы все время оставляем здесь в стороне), описывает вместе с ним оба метаморфоза, относящиеся к сфере обращения, и благодаря такому постоянному возобновлению постоянно остается связанной с производственным процессом. Поэтому, как бы рабочая сила ни отличалась в остальном, по отношению к образованию стоимости, от тех составных частей постоянного капитала, которые не являются основным капиталом, способ оборота стоимости оказывается у рабочей силы общим с этими составными частями и противоположным основному капиталу. Вследствие такой общности в характере своего оборота эти составные части производительного капитала — именно, те части его стоимости, которые затрачиваются на рабочую силу и на средства производства, не составляющие основного капитала, — противостоят основному капиталу как оборотный или текущий капитал.

Как мы видели раньше, деньги, уплачиваемые капиталистом рабочему за употребление рабочей силы, в действительности представляют лишь всеобщую эквивалентную форму необходимых средств существования рабочего. Постояльцу и переменный капитал материально заключается в средствах существования. Но здесь, при рассмотрении оборота, речь идет о форме. Капиталист покупает не средства существования рабочего, а самое рабочую силу. Переменную часть его капитала образуют не средства существования рабочего, а функционирующая рабочая сила последнего. В процессе труда капиталист производитительно потребляет самое рабочую силу, а не средства существования рабочего. Рабочий сам те деньги, которые он получил за свою рабочую силу, превращает в средства существования, чтобы потом превратить их обратно в рабочую силу, чтобы поддержать свое существование: совершенно так же, как, напр., капиталист превращает в средства своего собственного существования некоторую часть прибавочной стоимости, заключающейся в товаре, который он продает за деньги, — и, несмотря на то, никак нельзя сказать, будто покупатель его товара уплачивает ему средствами существования. И даже в том случае, когда часть заработной платы выдается рабочему средствами существования, *in natura*, это в настоящее время будет вторая сделка. Он продает свою рабочую силу за определенную цену, и при этом стороны договариваются, что часть цены он получит средствами существования. Этим изменяется лишь форма уплаты, но не изменяется тот факт, что он в действительности продает свою рабочую силу. Это — вторая сделка, совершаемая уже не между рабочим и капиталистом, а между

рабочим, как покупателем товара, и капиталистом, как продавцом товара; напротив, в первой сделке рабочий — продавец товара (своей рабочей силы), а капиталист — покупатель. Совершенно так же, как если бы капиталист, продавая свой товар, напр., машину на железодельательный завод, захотел получить за нее товар, железо. Следовательно, не средства существования рабочего и не его рабочая сила определяются как оборотный капитал в противоположность основному капиталу, а часть стоимости производительного капитала, затраченная на рабочую силу, благодаря форме своего оборота приобретает характер оборотного капитала, общий для нее еще с некоторыми составными частями постоянного капитала и противоположный некоторым другим составным частям того же капитала.

Стоимость оборотного капитала — в рабочей силе и средствах производства — авансируется лишь на время, в течение которого изготавливается продукт, при чем ее размеры зависят от размеров производства, определяемых размером основного капитала. Эта стоимость целиком входит в продукт, а потому после продажи продукта целиком возвращается из обращения и может быть авансирована снова. Рабочая сила и средства производства, в виде которых существует оборотная составная часть капитала, извлекаются из обращения в той мере, как это необходимо для производства и для продажи готового продукта, но они должны постоянно заменяться и возобновляться посредством обратной купли, посредством обратного превращения из денежной формы в элементы производства. За каждый отдельный прием они извлекаются с рынка меньшими массами, чем элементы основного капитала, но тем чаще их приходится извлекать снова и снова, а потому авансирование затраченного на них капитала возобновляется через сравнительно короткие промежутки времени. Посредствующим звеном для этого постоянного возобновления служит постоянный сбыт продукта, в котором обращается вся их стоимость. Наконец, они непрерывно описывают весь кругооборот метаморфоз не только своей стоимостью, но и в своей материальной форме; из товара они постоянно превращаются обратно в элементы производства этого товара.

Вместе со своей собственной стоимостью рабочая сила постоянно присоединяет к продукту прибавочную стоимость, воплощение неоплаченного труда. Следовательно, готовый продукт и ее постоянно несет в обращение, и она вместе с ним превращается в деньги, подобно остальным элементам стоимости продукта. Однако мы оставляем это пока в стороне, потому что теперь у нас идет речь прежде всего об обороте капитальной стоимости, а не прибавочной стоимости, совершающей свой оборот одновременно с первой.

Из предыдущего вытекает следующее:

1) Различие формы основного и оборотного капитала определяется лишь различиями оборота капитальной стоимости, функционирующей в производственном процессе, или производительного капитала. Это различие оборота в свою очередь вытекает из различий того способа, каким различные составные части производительного капитала переносят свою стоимость на продукт, а не из различий их участия в производстве стоимости продукта или не из особенностей их роли в процессе увеличения стоимости. Наконец, различия в передаче стоимости продукта,—а потому и различие способов, какими эта стоимость вводится продуктом в обращение и вследствие метаморфоз продукта возобновляется в своей первоначальной натуральной форме,—эти различия вытекают из различий тех материальных форм, в которых существует производительный капитал, и из которых одна часть при образовании отдельного продукта потребляется целиком, другая же используется лишь постепенно. Следовательно, лишь производительный капитал может разделяться на основной и оборотный. Этой противоположности не существует, напротив, для двух других способов существования промышленного капитала, следовательно, ни для товарного капитала, ни для денежного капитала; ее не существует и как противоположности этих двух форм по отношению к производительному капиталу. Она существует лишь для производительного капитала и в пределах последнего. Пусть денежный капитал и товарный капитал функционируют в качестве капитала,—как бы быстро ни обращались они, оборотным капиталом, в противоположность основному, они сделаются лишь при том условии, если они превратятся в оборотные составные части производительного капитала. Но так как эти две формы капитала существуют в сфере обращения, то, как мы увидим, экономия со времен А. Смита не удержалась от искушения смешать их в одну кучу с текущей частью производительного капитала, соединить их в категорию оборотный капитал. В действительности, денежный капитал и товарный капитал представляют капитал обращения в противоположность производительному капиталу, а не оборотный капитал в его противоположности по отношению к основному.

2) Оборот основной составной части капитала, а следовательно, и необходимое для того время оборота охватывает по своей продолжительности несколько оборотов текущей, оборотной составной части капитала. В течение того времени, когда основной капитал сделает лишь один оборот, текущий капитал успевает сделать несколько оборотов. Одна из составных частей стоимости производительного капитала приобретает определенность формы как основной капитал лишь при том условии, если средства производства, в которых она заключается, не потребляются целиком за тот промежуток времени, когда

продукт будет изготовлен и выброшен как товар из производственного процесса. Соответствующая часть стоимости должна остаться попрежнему связанной с сохранившейся старой потребительной формой, между тем как другую часть уносит в обращение готовый продукт, который, обращаясь, заставляет в то же время обращаться и всю стоимость текучих составных частей капитала.

3) Затрачиваемая на основной капитал часть стоимости производительного капитала авансируется полностью, разом, на весь срок функционирования той части средств производства, которая представляет основной капитал. Следовательно, капиталист одним разом бросает эту стоимость в обращение; но она извлекается из обращения назад лишь постепенно, долями, посредством реализаций тех долей стоимости, которые основной капитал частями присоединяет к товарам. С другой стороны, самые средства производства, в которых фиксируется одна из составных частей производительного капитала, извлекаются из обращения разом и на весь срок своего функционирования связываются с производственным процессом, но они в течение этого срока не требуют замены новыми экземплярами того же рода, не требуют воспроизводства. В течение более или менее продолжительного времени они продолжают принимать участие в образовании товаров, выбрасываемых в обращение, не извлекая однако из обращения элементов своего собственного возобновления. Следовательно, в течение этого времени они в свою очередь не требуют повторных авансирований со стороны капиталиста. Наконец, капитальная стоимость, затраченная на основной капитал, за все время функционирования тех средств производства, в которых она существует, проходит кругооборот своих форм не материально, а лишь своей стоимостью, да и стоимость-то проходит их лишь по частям и постепенно. Т.-е. часть стоимости основного капитала непрерывно обращается как часть стоимости товара и превращается в деньги, но из денег не превращается обратно в свою первоначальную натуральную форму. Это обратное превращение денег в средства производства, в натуральную форму средств производства, совершается лишь в конце периода их функционирования, когда средства производства оказываются использованными до последней возможности.

4) Чтобы процесс производства шел непрерывно, элементы оборотного капитала должны быть так же постоянно закреплены в этом процессе, как элементы основного капитала. Но закрепленные таким образом элементы первого постоянно возобновляются *in natura* (средства производства заменяются посредством новых экземпляров того же рода, рабочая сила — посредством постоянно возобновляемой купли); напротив, что касается элементов основного капитала, за все время

своего существования они не возобновляются и не приходится возобновлять акта их купли. В производственном процессе всегда имеются сырые и вспомогательные материалы, но, по мере того как старые целиком потребляются на образование готового продукта, они всегда заменяются новыми экземплярами того же рода. Точно также в процессе производства всегда находится и рабочая сила, — но также лишь вследствие постоянного возобновления акта ее купли, что часто сопровождается и сменой лиц. Напротив, во все время повторяющихся оборотов текучего капитала, в повторяющихся процессах производства продолжают функционировать одни и те же постройки, машины и т. д.

II. Составные части, возмещение, ремонт, накопление основного капитала.

В капитале, вложенном в одно и то же дело, долговечность отдельных элементов основного капитала различна, а потому различно и время их оборота. На железной дороге напр., продолжительность функционирования, а потому и время воспроизводства рельсов, шпал, земляных работ, станционных зданий, мостов, туннелей, локомотивов и вагонов различны, а следовательно, различно и время оборота частей капитала, авансированного на них. В течение длинного ряда годов постройки, платформы, водохранилища, путепроводы, туннели, земляные выемки и насыпи, — короче, все то, что в английском железнодорожном хозяйстве называется *works of art*, не требует возобновления. Предметы, которые больше всего подвергаются снашиванию, это — рельсовый путь и подвижной состав (*rolling stock*).

Первоначально, при постройке современных железных дорог господствовало убеждение, разделявшееся выдающимися инженерами-практиками, будто по своей прочности железная дорога вечна, и снашивание рельсов до такой степени ничтожно, что, когда дело идет о финансовой и практической стороне дела, его можно игнорировать; продолжительность существования хороших рельсов определялась в 100—150 лет. Но вскоре обнаружилось, что продолжительность жизни рельса, — которая, разумеется, зависит от быстроты локомотивов, веса и числа поездов, толщины самых рельсов и массы других побочных обстоятельств, — в среднем не превышает 20 лет. Около отдельных станций, крупных центров сношений, рельсы снашиваются даже ежегодно. К 1867 году начали вводить стальные рельсы, которые стоят почти вдвое дороже железных, но зато и долговечнее больше, чем вдвое. Продолжительность существования деревянных шпал составляет 12—15 лет. Что касается подвижного состава, то пассажирские вагоны изнашиваются значительно медленнее, чем товар-

ные. Продолжительность существования локомотивов в 1867 году исчислялась в 10 — 12 лет.

Снашивание вызывается, во-первых, самым пользованием. В общем, рельсы изнашиваются с быстротой, пропорциональной числу поездов (R. C., № 17655)²²⁾. При увеличенной скорости снашивание возрастало в большей пропорции, чем квадрат скорости, т.-е. при удвоенной скорости поездов снашивание возрастало более, чем в четыре раза (R. C., № 17046).

Далее, причиной снашивания является влияние сил природы. Так, шпалы страдают не только от собственно снашивания, но и от гниения. „Издержки по содержанию дороги определяются не столько снашиванием, которое влечет за собою движение, сколько качеством дерева, железа и строительного материала, подверженных действию атмосферы. Один суровый зимний месяц причинит дороге больше вреда, чем целый год движения“ (R. P. Williams, On the Maintenance of Permanent Way. Доклад в Institute of Civil Engineers, осенью 1867 г.).

Наконец, здесь, как и повсюду в крупной промышленности, моральное снашивание тоже играет свою роль: по истечении 10 лет обыкновенно можно купить за 30.000 £ такое количество вагонов и локомотивов, которое раньше стоило 40.000 £. Таким образом на этот материал приходится класть до 25% понижения рыночной цены, хотя бы не совершилось никакого понижения потребительной стоимости (Lardner, Railway Economy).

„Трубчатые мосты в их теперешней форме не возобновляются“ (потому что в настоящее время имеются лучшие формы таких мостов). „Обычный ремонт их, удаление и замена отдельных частей нецелесообразны“ (W. P. Adams, Roads and Rails. London 1862). Благодаря прогрессу промышленности, в средствах труда обыкновенно совершаются постоянные перевороты. Поэтому они возмещаются не в своей первоначальной форме, а в форме, претерпевшей переворот. С одной стороны, то обстоятельство, что масса основного капитала вкладывается в дело в определенной натуральной форме и должна просуществовать в ней известный средний срок жизни, служит причиной того, что новые машины и т. д. вводятся лишь постепенно, а потому является помехой быстрому и повсеместному введению усовершенствованных средств труда. Но, с другой стороны, конкурентная борьба, в особенности сопровождающаяся решительными переворотами, заста-

²²⁾ Цитаты, помеченные R. C., взяты из Royal Commission on Railways, Minutes of Evidence taken before the Commissioners, Presented to both Houses of Parliament. London 1867. — Вопросы и ответы перенумерованы и номера помечены здесь.

влет заменить старые средства труда еще до их естественной смерти новыми средствами труда. Катастрофы, кризисы — вот что главным образом принуждает к такому преждевременному возобновлению производственных принадлежностей в широком общественном масштабе.

Снашивание (оставляя в стороне моральное) есть та часть стоимости, которую основной капитал благодаря своему использованию постепенно передает продукту, — передает в той средней мере, как он утрачивает свою потребительную стоимость.

Это использование носит отчасти такой характер, что основной капитал обладает известной средней продолжительностью жизни; он целиком авансируется на этот срок; по истечении его он целиком же подлежит возмещению. Для живых средств труда, напр., лошадей, время воспроизводства предписывается самой природой. Средняя продолжительность их жизни, как средств труда, определяется законами природы. Как только истекает срок, использованные до конца экземпляры приходится заменять новыми. Лошадь не может возмещаться частично, но лишь новой лошадью.

Другие элементы основного капитала допускают непериодическое, или частичное, возобновление. Здесь следует провести разграничение между частичным, или периодическим, возмещением и постепенным расширением дела.

Основной капитал заключается отчасти в однородных составных элементах, продолжительность существования которых неодинакова и которые возобновляются частично, через различные промежутки времени. Так, рельсы около станций приходится возобновлять чаще, чем на остальном протяжении линии. То же самое со шпалами, которые на бельгийских железных дорогах в 50 годах, согласно Ларднеру, приходилось возобновлять ежегодно в размере 8⁰/₁₀, и которые, следовательно, целиком возобновлялись на протяжении 12 лет. Таким образом положение здесь таково: известная сумма авансируется на определенный род основного капитала, напр., на 10 лет. Этот расход делается разом. Но определенная часть этого основного капитала, стоимость которой вошла в стоимость продукта и вместе с ним превратилась в деньги, каждый год возмещается *in natura*, между тем как другая часть продолжает существовать в своей первоначальной натуральной форме. Вот эта-то затрата разом и лишь частичное воспроизводство в натуральной форме и отличает этот капитал как основной от текучего капитала.

Другие элементы основного капитала состоят из неоднородных частей, которые изнашиваются в неравные сроки и потому должны возмещаться не в одно и то же время. Именно так обстоит дело с машинами. Что мы сказали сейчас относительно различной продолжи-

тельности жизни различных составных частей основного капитала, в равной мере относится и к продолжительности существования различных составных частей одной и той же машины, фигурирующей в качестве элемента этого основного капитала.

Что касается случая, когда в ходе частичных возобновлений производство постепенно расширяется, то мы отметим следующее. Хотя мы видели, что основной капитал продолжает *in natura* действовать в производственном процессе, однако мы знаем, что часть его стоимости, определяемая средней величиной снашивания, обращается вместе с продуктом, превращается в деньги, составляет элемент запасного денежного фонда, который служит для возмещения капитала, когда наступает срок его воспроизводства *in natura*. Эта часть стоимости основного капитала, превращенная таким образом в деньги, может послужить для того, чтобы расширить дело или произвести в машинах усовершенствования, которые усилят их деятельность. Таким образом через известные промежутки времени совершается воспроизводство и притом, если рассматривать его с общественной точки зрения, воспроизводство в расширенном масштабе: расширенном экстенсивно, если расширяется поле производства; расширенном интенсивно, если применяются более действительные средства производства. Такое воспроизводство в расширенном масштабе вытекает не из накопления—превращения прибавочной стоимости в капитал,—а из обратного превращения стоимости, которая, ответвившись, отделившись в денежной форме от тела основного капитала, превратилась в новый—дополнительный или действующий с большей энергией—основной капитал того же рода. Разумеется, отчасти от особой природы данного предприятия зависит, способно ли оно и в какой мере способно к такому постепенному увеличению; следовательно, ею же определяется, в каких размерах должен быть собран резервный фонд, чтобы его можно было таким образом вложить в то же дело, и в какие сроки может совершаться это вложение. С другой стороны, что касается возможности детальных усовершенствований в существующих машинах, то она, конечно, определяется характером усовершенствований и конструкцией самой машины. Но до какой степени, напр., в железнодорожных сооружениях приходится с самого начала иметь в виду этот пункт, показывает Адамс: «Вся конструкция должна сообразоваться с принципом, который господствует в пчелином улье: способностью к неограниченному расширению. Все слишком солидные и в особенности симметрические сооружения оказываются злом, если их приходится сносить в случае расширения» (р. 123).

По большей части это зависит от места, имеющегося в распоряжении. При некоторых постройках возможна надстройка этажей

кверху, при других необходимо расширение в стороны, следовательно, требуется больше земли. При капиталистическом производстве, с одной стороны, много средств расточается, а с другой стороны, при постепенном расширении дела наблюдается много случаев такого рода нецелесообразного расширения в стороны (отчасти во вред рабочей силе); причина заключается в том, что здесь ничто не совершается по общественному плану, но все находится в зависимости от бесконечно различных обстоятельств, средств и т. д., с которыми считается отдельный капиталист. Из этого вытекает огромное расточение производительных сил.

Такое вложение денежного резервного фонда (т.-е. части основного капитала, совершившей обратное превращение в деньги) по частям легче всего осуществляется в земледелии. Пространственно отграниченное поле производства способно здесь к величайшему постепенному поглощению капитала. То же и в тех случаях, когда совершается естественное воспроизводство, - как, напр., при скотоводстве.

Основной капитал вызывает особые издержки на сохранение. Сохранение осуществляется отчасти самым процессом труда; основной капитал подвергается порче, если он не функционирует в процессе труда (см. книга I, глава VI и глава XIII: снашивание машин, вытекающее из неупотребления). Поэтому английский закон считает прямо причинением вреда (waste, истощения) тот случай, когда арендованные участки земли не возделываются обычном в стране способом (W. A. Holdsworth, Barrister at Law, «The Law of Landlord and Tenant». London 1857, p. 96). Это сохранение, вытекающее из употребления в процессе труда, представляет безвозмездный дар, который приносит природа живого труда. Такая сохраняющая сила труда имеет двоякий характер. С одной стороны, труд сохраняет стоимость материалов труда, перенося ее на продукт; с другой стороны, поскольку он не переносит на продукт стоимости средств труда, он тем не менее сохраняет и их стоимость, сохраняя их потребительную стоимость, заставляя их функционировать в производственном процесс.

Однако основной капитал для поддержания в исправности требует и прямых затрат труда. Машины необходимо время от времени чистить. Здесь дело сводится к дополнительному труду, без которого они сделаются непригодными к употреблению; к простому предотвращению вредных стихийных влияний, которые неотделимы от производственного процесса, следовательно, к сохранению машин в состоянии работоспособности в буквальном значении этих слов. Как само собою разумеется, нормальная продолжительность существования основного капитала определяется в расчете на то, что найдут себе осуществление те условия, при которых он может нормально функционировать на

протяжении этого времени: совершенно так же, как, принимая, что человек живет в среднем 30 лет, предполагают, что он и растет. Следовательно, дело идет здесь не о том, чтобы возместить труд, заключающийся в машине, — дело заключается в постоянном добавочном труде, который становится необходимым вследствие ее употребления. Речь идет здесь не о том труде, который совершает машина, но о том труде, который прилагается к машине, по отношению к которому она не агент производства, а сырой материал. Капитал, затрачиваемый на этот труд, — хотя этот капитал не входит в тот процесс труда, которому собственно обязан продукт своим происхождением, — относится к оборотному капиталу. В производстве приходится постоянно затрачивать такой труд, а потому и его стоимость должна постоянно возмещаться стоимостью продукта. Затрачиваемый на этот труд капитал относится к той части оборотного капитала, которая должна покрыть общие дополнительные издержки и подлежит распределению на вновь произведенную стоимость в соответствии с годовым средним расчетом. Мы видели, что в собственно промышленности этот труд чистки выполняется рабочими бесплатно, в перерывы, но именно по этой причине очень часто и во время самого производственного процесса, в чем лежит источник большинства несчастных случаев. Этот труд не оплачивается в цене продукта. В этом смысле потребитель получает его бесплатно. С другой стороны, капиталист сберегает таким образом издержки по сохранению своей машины. Рабочий уплачивает собственнично, и в этом заключается одна из тех тайн самосохранения капитала, которые в сущности обосновывают юридическое притязание рабочего на машину и превращают его в совладельца машины даже с точки зрения буржуазного права. Однако в различных отраслях производства, где машины приходится для чистки удалять из производственного процесса, и потому чистка не может совершаться между прочим, — так обстоит дело, напр., с локомотивами, — этот труд сохранения относится к текущим издержкам, т.-е. составляет элемент оборотного капитала. После, самое большее, трехдневной работы локомотив необходимо отправить в депо и подвергнуть там чистке; чтобы не попортить котел при промывке, его необходимо предварительно охладить (R. C., № 17823).

Собственно ремонт или починочные работы требуют затраты таких капитала и труда, которые не содержатся в первоначально авансированном капитале и, следовательно, не могут быть — во всяком случае не всегда могут быть — возмещены и покрыты из такого источника, как постепенное возмещение стоимости основного капитала. Если, напр., стоимость основного капитала = 10.000 £, а общая продолжи-

тельность его существования = 10 годам, то эти 10.000 £, целиком превратившись по истечении 10 лет в деньги, возмещают лишь стоимость первоначально вложенного капитала, но не возмещают капитала или труда, вновь добавленного за это время в ремонтных работах. Это — дополнительная составная часть стоимости, она авансируется не разом, а в зависимости от потребностей, и наступление различных моментов ее авансирования случайно по самой природе дела. Всякий основной капитал требует подобных позднейших, частичных, добавочных затрат капитала на средства труда и рабочую силу.

Повреждения, которым подвержены отдельные части машин и т. д., по природе дела случайны, а потому так же случайны и вызываемые ими починки. Однако из их числа выделяются два сорта ремонтных работ, которые имеют более или менее постоянный характер и приходятся на различные периоды жизни основного капитала: болезни детства и несравненно более многочисленные болезни возраста, вышедшего за пределы средней продолжительности жизни. Какой бы совершенной конструкции машина, напр., ни вступила в процесс производства, при ее употреблении на практике обнаруживаются недостатки, которые приходится исправлять дополнительным трудом. С другой стороны, чем более выходит она за пределы средней продолжительности жизни, следовательно, чем более возрастает сумма нормального снашивания, и чем больше используется и старчески слабеет материал, из которого она сделана, тем многочисленнее и значительнее становятся починочные работы, необходимые для того, чтобы поддержать существование машины до истечения средней продолжительности жизни: совершенно так же, как старому человеку, чтобы не умереть преждевременно, приходится больше расходовать на медицинскую помощь, чем человеку, полному юношеских сил. Следовательно, несмотря на случайный характер починочных работ, они распределяются неравномерно между различными периодами существования основного капитала.

Как из этого, так равно и вообще из случайного характера починочных работ, требуемых машиной, вытекает следующее:

С одной стороны, действительный расход на рабочую силу и средства труда для ремонтных работ случаен, как случайны и самые обстоятельства, которые вызывают необходимость в этих починках; количество необходимых починок неравномерно распределяется между различными периодами жизни основного капитала. С другой стороны, при определении средней продолжительности жизни основного капитала предполагается, что он постоянно поддерживается в активном состоянии, — отчасти посредством чистки (сюда относится и поддержание чистоты в помещениях), отчасти посредством починок, выполняе-

мых каждый раз, когда это потребуется. Перенесение стоимости, связанное со снашиванием основного капитала, рассчитывается по средней продолжительности его существования, но этот средний период в свою очередь рассчитан на то, что все время будет авансироваться дополнительный капитал, необходимый на его поддержание.

С другой стороны, не менее ясно, что эта стоимость, присоединяемая благодаря дополнительной затрате капитала и труда, не может входить в цену товаров одновременно с тем, как производится эта затрата. Если у прядильщика, напр., на этой неделе сломалось колесо или порвался ремень, он не может за текущую неделю продавать свою пряжу дороже, чем продавал на прошлой неделе. Общие издержки прядения нисколько не изменились вследствие этого несчастия на отдельной фабрике. Здесь, как и вообще при определении стоимости, решает средняя величина. Опыт указывает среднее количество таких несчастных случаев и средний размер работ по содержанию и починке, необходимых в течение среднего периода существования основного капитала, вложенного в определенную отрасль предприятий. Этот средний расход распределяется на средний период существования и соответствующими частями присоединяется к цене продукта, следовательно, возмещается посредством продажи последнего.

Дополнительный капитал, который возмещается таким образом, относится к оборотному капиталу, хотя соответствующие затраты имеют нерегулярный характер. Так как в высшей степени важно немедленно исправлять всякое повреждение машин, то при каждой сравнительно крупной фабрике наряду с собственно фабричными рабочими существует особый персонал инженеров, столяров, механиков, слесарей и т. д. Их заработная плата составляет часть переменного капитала, и стоимость их труда распределяется на продукт. С другой стороны, необходимые расходы на средства производства определяются по среднему расчету и в соответствии с ним все время входят в продукт как часть стоимости последнего, хотя фактически они авансируются в нерегулярные сроки, а потому в нерегулярные сроки входят в продукт, каковым здесь является основной капитал. Этот капитал, затрачиваемый на собственно починки, в некоторых отношениях составляет капитал особого рода: его нельзя отнести ни к оборотному, ни к основному капиталу, но все же можно более причислить к первому, так как он принадлежит к категории текущих затрат.

Способ ведения книг, конечно, ничего не изменяет в действительном соотношении вещей, относительно которых ведутся эти книги. Но важно отметить, что во многих отраслях предприятий издержкам

починки и действительному снашиванию капитала обыкновенно ведется общий подсчет следующим способом. Пусть авансированный капитал — 10.000 £, продолжительность его существования — 15 лет; ежегодное снашивание при этом условии — $666\frac{2}{3}$ £. Но вместо этого снашивание рассчитывают всего на 10 лет, т. е. к цене производимых товаров ежегодно надбавляют на снашивание основного капитала 1.000 £ вместо $666\frac{2}{3}$ £, т. е. на починочные работы и т. д. создается резерв в размере $333\frac{1}{3}$ £ (числа 10 и 15 взяты лишь для примера). Следовательно, такая сумма расходуется в среднем на ремонт, чтобы основной капитал просуществовал 15 лет. Такой способ подсчета, разумеется, не препятствует тому, что основной капитал и затрачиваемый на починки дополнительный капитал составляют различные категории. На основе такого-то рода подсчетов принимается, напр., что минимальная надбавка к издержкам, предназначаемая на сохранение и возмещение паровозов, составляет 15% в год, следовательно, время воспроизводства = $6\frac{2}{3}$ лет. В 60-х годах правление английской Peninsular and Oriental Co исчисляло ежегодные расходы на этот предмет в 16%, что соответствует времени воспроизводства в $6\frac{1}{3}$ лет. На железных дорогах средняя продолжительность жизни локомотива 10 лет, но, принимая в расчет починки, снашивание определяется в $12\frac{1}{2}$ %, что сводит продолжительность существования к 8 годам. Для пассажирских и товарных вагонов снашивание определяется в 9%, следовательно, продолжительность жизни определяется в $11\frac{1}{9}$ лет.

Законодательство, касающееся контрактов о найме домов и других объектов, которые представляются для их собственников основным капиталом и сдаются ими как таковой, везде признает различие между нормальным снашиванием, которое обуславливается временем, естественными влияниями и, наконец, нормальным использованием, и между случайными починками, которые время от времени требуются на протяжении нормальной продолжительности существования дома и нормального пользования им. Как общее правило, ремонт первого рода ложится на собственника, второго рода — на нанимателя. Ремонтные работы разделяются, далее, на обычные и коренные. Последние представляют частичное возобновление основного капитала в его натуральной форме и тоже падают на собственника, если только контракт прямо не требует противоположного. Так, напр., согласно английскому праву:

„Наниматель обязан лишь содержать постройки из году в году в состоянии непроницаемости для ветра и дождя, поскольку это возможно без коренного ремонта; и вообще он обязан озаботиться лишь о таких починках, которые можно назвать обычными. Но даже и в этой области приходится принимать во внимание степень новизны

и общее состояние соответствующих частей здания в тот момент, когда напиматель принял их: он не обязан ни заменять старый и сношенный материал новым, ни возмещать неизбежное обесценение, возникающее как результат времени и регулярного использования“ (Holdsworth, Law of Landlord and Tenant, p. 90, 91).

Как от возмещения снашивания, так и от работ по сохранению и ремонту совершенно отлично страхование, которое распространяется на разрушения, производимые чрезвычайными явлениями природы, пожаром, наводнениями и т. д. Оно должно покрываться из прибавочной стоимости и представляет вычет из нее. Или, рассматривая дело с точки зрения всего общества: необходимо, чтобы всегда имело место добавочное производство, т.-е. производство в более широких размерах, чем требуется для простого возмещения и воспроизводства существующего богатства: оно, совершенно оставляя в стороне увеличение населения, необходимо для того, чтобы располагать средствами производства на покрытие того экстраординарного разрушения, которое вызывается случайностями и силами природы.

На практике лишь ничтожная часть капитала, необходимого для возмещения, заключается в денежном запасном фонде. Важнейшую часть представляет расширение размеров самого производства, расширение, которое отчасти является действительным расширением, отчасти же—в отраслях производства, в которых производится основной капитал,—необходимым условием нормальной величины производства. Так, напр., машиностроительная фабрика строится в расчете на то, что, с одной стороны, фабрики ее покупателей ежегодно расширяются, и что, с другой стороны, часть ее постоянно будет требовать полного или частичного воспроизводства.

При определении общественной средней как для снашивания, так и для издержек по ремонту неизбежно оказываются большие различия даже для равновеликих капиталов, вложенных, вообще говоря, при одних и тех же условиях в одну и ту же отрасль производства. На практике у одного капиталиста машина и т. д. существует доле среднего периода, у другого—не так долго. Издержки ремонта у одного выше средней величины, у другого ниже и т. д. Но надбавка к цене товаров, определяемая снашиванием и издержками ремонта, одна и та же: она определяется по средней величине. Таким образом благодаря этой надбавке к цене один получает больше, чем он в действительности дополнительно затратил, другой—меньше. Это, как и все другие обстоятельства,—которые, несмотря на одинаковую эксплуатацию рабочей силы, делают различной прибыль различных капиталистов в одной и той же отрасли производства,—способствуют тому, чтобы затруднить понимание истинной природы прибавочной стоимости.

Граница между собственно ремонтом и возмещением, между издержками сохранения и издержками возобновления более или менее неустойчивая. Отсюда вечный спор, напр., в области железнодорожного дела, представляют ли известные затраты ремонт или возмещение, следует ли покрыть их из текущих расходов или из основного капитала. Отнесенные расходы ремонта на счет капитала вместо счета дохода является известным средством, при помощи которого железнодорожные управления искусственно взвнчивают свои дивиденды. Однако и в этой области опыт уже дал существеннейшие опорные пункты. Так, дополнительные работы в первый период жизни железной дороги представляют „отнюдь не ремонт; в них следует видеть существенный элемент сооружения дороги, следовательно, они должны ложиться на счет капитала, так как они вытекают не из снашивания и не из нормального действия движения, но обязаны своим возникновением первоначальному неизбежному несовершенству сооружения“ (Lardner, I. c., p. 40). „Напротив, единственно правильный метод заключается в том, чтобы относить на счет дохода каждого года обеспечение, которое было необходимо связано с тем, чтобы заслужить этот доход,—безразлично, израсходована ли в действительности соответствующая сумма или нет“ (Captain Fitzmaurice, Committee of Inquiry on Caledonian Railway, перепечатано в Money Market Review, 1867).

Разграничение возмещения и поддержания основного капитала практически невозможно и беспцельно в земледелии, по крайней мере, поскольку оно еще не применяет силы пара. „При полном, однако не чрезмерно большом комплекте инвентаря (всевозможных земледельческих и прочих орудий труда и хозяйственных принадлежностей) ежегодные снашивание и издержки по поддержанию инвентаря обыкновенно определяются средним числом в 15—25%, в зависимости от различия в сложившихся обстоятельствах“ (Kirchhof, Handbuch der landwirtschaftlichen Betriebslehre, Berlin 1862, p. 137).

Когда дело идет о подвижном составе железной дороги, совершенно невозможно разграничить ремонт и возмещение. „Мы поддерживаем подвижной состав в том количестве, какое имеем. Какое число локомотивов имеется у нас, это число мы и поддерживаем. Если с течением времени локомотив сделается негодным, так что выгоднее построить новый, то мы и строим таковой за счет дохода, при чем мы, конечно, вписываем в доход стоимость материалов, оставшихся от старой машины... Остается довольно много... Колеса, оси, котел и т. д., словом остается добрая часть старого локомотива“ (T. Goosch, Chairman of Great Western Railway Co, R. C., № 17327—29).—„Ремонтировать значит возобновлять; для меня не существует слова „возмещение“...; раз железно-

дорожное общество купило вагон или локомотив, то оно должно так отремонтировать их, чтобы они могли служить вечно“ (17784). „Издержки на локомотивы мы определяем в $8\frac{1}{2}$ пенсов на английскую милю пробега. На эти $8\frac{1}{2}$ пенсов мы должны всегда поддерживать локомотивы. Мы возобновляем свои машины. Если вы захотите купить машину заново, вы затратите больше денег, чем это необходимо... В старой машине всегда найдется пара колес, ось или другая пригодная часть, и это дает возможность дешевле построить машину, такую же хорошую, как совершенно новая“ (17790). „Теперь я каждую неделю произвожу новый локомотив, т.-е. такой же хороший, как новый, потому что в нем котел, цилиндр и рама новые“ (17823. Archibald Sturrock, Locomotive Superintendent of Great Northern Railway, в R. C., 1867).

То же самое с вагонами: „С течением времени запас локомотивов и вагонов постоянно возобновляется: то надеваются новые колеса, то делается новая рама. Так постоянно возобновляются части, на которых основывается движение и которые больше всего подвержены снашиванию; таким образом машины и вагоны могут подвергнуться такому количеству ремонтов, что во многих из них от старого материала не останется и следа... Даже если они сделаются совсем непригодными для ремонта, из старых вагонов или локомотивов выбираются отдельные части и таким образом никогда не погибают совершенно для дороги. Поэтому подвижной капитал находится в состоянии постоянного воспроизводства: то, что для железнодорожного полотна приходится в определенное время производить разом,—именно, когда вся линия перекалывается заново—это самое в подвижном составе производится постепенно, из года в год. Его существование вечно, он подвергается постоянному омолаживанию“ (Lardner, p. 116).

Этот процесс, как он представлен здесь Ларднером по отношению к железной дороге, не наблюдается на отдельной фабрике, но он дает нам картину постоянного, частичного, переплетающегося с ремонтом воспроизводства основного капитала в пределах какой-либо отрасли промышленности, рассматриваемой как целое, или вообще в рамках производства, рассматриваемого как целое, как общественное производство.

Здесь еще один факт, показывающий, в каких широких границах ловкие управления могут хозяйничать с понятиями ремонт и возмещение, чтобы получать дивиденды. Согласно цитированному выше докладу Р. Б. Уильямса, различные английские железнодорожные общества в среднем выводе за ряд лет списывали со счета дохода следующие суммы на ремонт и издержки сохранения железнодорожного полотна и построек (на английскую милю длины линии в год):

London and North Western	370	£
Midland	225	"
London and South Western	257	"
Great Northern	360	"
Lancashire and Yorkshire	377	"
South Eastern	263	,
Brighton	266	,
Manchester and Sheffield	200	,

Эти различия лишь в самой ничтожной мере вытекают из различия действительно произведенных затрат: они ведут свое происхождение почти исключительно из различий способа исчисления, из того, относятся ли статьи расходов на счет капитала или на счет дохода. Уильямс прямо говорит: „Меньшая цифра затрат принимается потому, что это необходимо для хорошего дивиденда, а большая цифра выводится потому, что имеется более высокий доход, который может выдержать это“.

В известных случаях снашивание, а потому и его возмещение становится величиной, практически приближающейся к нулю, так что в расчет принимаются лишь одни издержки ремонта. То, что Ларднер говорит дальше относительно works of art на железных дорогах, относится, в общем, и ко всем таким прочным сооружениям, как каналы, доки, железные и каменные мосты и т. д. „Снашивание, которое вследствие длительного действия времени сказывается и на более солидных сооружениях, за сравнительно короткие промежутки времени действуют почти незаметно; однако по истечении значительного времени, напр., столетий, оно делает необходимым возобновление, полное или частичное, даже самых солидных сооружений. Это незаметное снашивание, в противоположность более ощутительному снашиванию других частей дороги, можно сравнить с вековыми уклонениями в противоположность периодическим неправильностям в движении мировых тел. Действие времени на массивные сооружения дороги—мосты, туннели, путепроводы и т. д.—дает пример того, что можно назвать вековым снашиванием. Более быстрое и заметное обесценение, исправляемое в более короткие промежутки времени посредством ремонта и возмещения, аналогично периодическим неправильностям. В издержки ежегодного ремонта входит и возмещение того случайного вреда, который время от времени причиняется наружной стороне даже сравнительно прочных сооружений; но и независимо от такого ремонта время не проходит для них бесследно, и в конце концов должен наступить момент, как бы отдален он ни был, когда состояние этих сооружений потребует постройки заново. Во

всяком случае, что касается финансовой и экономической стороны дела, время это может быть слишком отдаленным для того, чтобы принимать его во внимание в практических расчетах" (Lardner, l. c. p. 38, 39).

Это относится ко всем таким сооружениям всековой прочности, в которых, следовательно, не приходится постепенно, по мере их снашивания, возмещать авансированный на них капитал, а приходится переносить на цену продукта лишь ежегодные средние издержки по поддержанию в исправности и ремонту.

Как мы видели, большая часть денег, ежегодно или даже чаще возвращающихся на возмещение снашивания основного капитала, снова совершает обратное превращение в натуральную форму этого капитала; тем не менее каждому отдельному капиталисту необходим фонд амортизации для той части основного капитала, для которой лишь по истечении годов разом наступает срок воспроизводства и которую тогда приходится возмещать целиком. Значительная составная часть основного капитала уже по самому своему свойству исключает возможность частичного воспроизводства. Кроме того, когда частичное воспроизводство происходит таким способом, что через короткие промежутки к обесценившемуся составу приспособляется новый, то, чтобы сделать возможным это возмещение, необходимо предварительное накопление денег в большем или меньшем количестве, — смотря по специфическому характеру данной отрасли производства. Для этого достаточна не всякая произвольная сумма денег, — для этого требуется денежная сумма определенных размеров.

Если мы рассмотрим это в предположении простого денежного обращения, совершенно оставляя в стороне систему кредита, о которой речь позже, то механизм движения таков: в первой книге (глава III, За) было показано, что, если одна часть денег, имеющих в обществе, всегда лежит в бездейтельном состоянии, в форме сокровища, а другая функционирует как средство обращения или как непосредственный запасной фонд по отношению к уже обращающимся деньгам, то пропорция, в которой вся масса денег распадается на сокровище и на средства обращения, подвержена постоянным изменениям. Деньги, которые в нашем примере довольно крупный капиталист должен накопить в виде сокровища сравнительно крупных размеров, при покупке основного капитала разом выбрасываются в обращение. Потом они снова сами собою распадутся в обществе на средства обращения и сокровище. Благодаря амортизационному фонду, в который, как в свой исходный пункт, возвращается стоимость основного капитала, соответствующая его снашиванию, часть обращающихся денег на более или менее продолжительное время опять образует сокровище в руках того

самого капиталиста, сокровище которого при покупке основного капитала ушло от него, превратившись в средство обращения. Перед нами—постоянно изменяющееся распределение существующего в обществе сокровища, которое попеременно функционирует как средство обращения, а потом в качестве сокровища опять отделяется от массы обращающихся денег. С развитием системы кредита, которое необходимо идет параллельно развитию крупной промышленности и капиталистического производства, деньги функционируют уже не как сокровище, а как капитал, однако в руках не их собственника, а другого капиталиста, которому они передаются в распоряжение.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Общий оборот авансированного капитала. Циклы оборотов.

Мы видели, что основные и текущие (оборотные) составные части производительного капитала различным способом и в периоды неодинаковой продолжительности совершают свои обороты, и что различные составные части основного капитала в одном и том же предприятии имеют различные периоды оборота в зависимости от различной продолжительности их жизни, а следовательно, и воспроизводства. (О действительных или кажущихся различиях в обороте различных составных частей текущего капитала в одном и том же предприятии см. под цифрой 6 в конце этой главы.)

1) Общий оборот авансированного капитала есть среднее, выведенное из оборотов различных его составных частей; способ исчисления—ниже. Насколько дело идет лишь о различных периодах времени, нет ничего легче, как вывести из них среднее; но

2) здесь находят себе место не только количественные, но и качественные различия.

Текущий, оборотный капитал, входящий в процесс производства, переносит на продукт всю свою стоимость, и потому, чтобы производственный процесс шел без перерывов, он должен постоянно возмещаться *in natura*, средством для чего служит продажа продукта. Основной капитал, вошедший в процесс производства, переносит на продукт лишь часть своей стоимости (снашивание) и, несмотря на снашивание, продолжает функционировать в производственном процессе; поэтому он лишь через более или менее продолжительные промежутки времени, во всяком случае не так часто, как текущий капитал, нуждается в возобновлении *in natura*. Эта необходимость возмещения, срок воспроизводства, не только количественно различна для различных составных частей основного капитала: как вы видели, более прочный, мно-

голетний основной капитал может возобновляться и присоединяться *in natura* к старому основному капиталу частично, каждый год или даже через более короткие промежутки времени; что касается основного капитала других свойств, его возмещение, напротив, может найти место лишь разом, по истечении срока его жизни.

В виду этого необходимо свести особые обороты различных частей основного капитала к однородной форме оборота, так, чтобы они отличались друг от друга лишь количественно, по продолжительности оборота.

Этой качественной тождественности, однородности нет места, если мы примем за исходный пункт $\Pi \dots \Pi$,—форму непрерывного производственного процесса: известные элементы Π должны постоянно возмещаться *in natura*, другие нет. Но форма $D \dots D'$, несомненно, дает такую тождественность оборота. Возьмем, напр., машинную стоимостью 10.000 £, продолжительность ее существования—10 лет, следовательно, ежегодно совершает обратное превращение в деньги $\frac{1}{10} = 1.000$ £. Эти 1.000 £ в течение одного года превратились из денежного капитала в производительный капитал, потом в товарный капитал, а из последнего опять в денежный капитал. Они возвратились к своей первоначальной денежной форме, как оборотный капитал,—если мы будем рассматривать последний в этой форме,—и теперь совершенно безразлично, превратится ли в конце года денежный капитал в 1.000 £ опять в натуральную форму какой-либо машины или же нет. Вычисляя общий оборот авансированного производительного капитала, мы поэтому фиксируем все его элементы в денежной форме, так что возврат к денежной форме является завершением оборота. Мы исходим из предположения, что стоимость всегда авансируется в деньгах, хотя бы дело шло о непрерывном производственном процессе, когда эта денежная форма стоимости не идет дальше просто счетных денег. Таким-то способом мы можем вывести среднюю величину.

3) Из этого следует, что, хотя бы подавляющая часть авансированного производительного капитала состояла из основного капитала, время воспроизводства, а, следовательно, и время оборота которого охватывает цикл многих годов, тем не менее оборачивающаяся в течение года капитальная стоимость может быть больше, чем общая стоимость авансированного капитала; это—следствие того, что текущий капитал делает за год несколько оборотов.

Пусть основной капитал=80.000 £, время его воспроизводства=10 лет; так что 8.000 £ ежегодно возвращаются к своей денежной форме, или основной капитал совершает в год $\frac{1}{10}$ своего оборота. Пусть оборотный капитал=20.000 £ и совершает в год пять оборотов. Следовательно, весь капитал=100.000 £. Обернувшийся основной капи-

тал=8.000 £; обернувшийся текучий капитал=20.000×3=100.000 £. Следовательно, обернувшийся в течение года капитал=108.000 £,—на 8.000 £ больше, чем авансированный капитал. Обернулось $1+\frac{2}{25}$ капитала.

4) Следовательно, оборот стоимости авансированного капитала отделяется во времени от его действительного воспроизводства, или от реального оборота его основных частей. Напр., пусть капитал в 4.000 £ оборачивается пять раз в год. В таком случае обернувшийся капитал=4.000×5=20.000 £. В конце каждого оборота возвращается, чтобы снова быть авансированным, не что иное, как первоначально авансированный капитал в 4.000 £. Его величина не изменяется от числа тех периодов оборота, в которых он снова и снова функционирует как капитал (прибавочная стоимость оставляется в стороне).

Итак, в примере под цифрою 3), согласно предположению, в конце года в руки капиталиста возвратилось: а) сумма стоимости в 20.000 £, которую он снова затрачивает на текущие элементы капитала, и в) сумма в 8.000 £, которая вследствие снашивания отделилась от стоимости авансированного основного капитала; кроме того, в производственном процессе попрежнему остается все тот же основной капитал, но стоимость его уменьшилась с 80.000 £ до 72.000 £. Следовательно, требуется продолжение производственного процесса в течение еще девяти лет,—и лишь тогда авансированный основной капитал отживет свое время, перестанет функционировать в качестве создателя продукта и стоимости, потребует возмещения. Таким образом авансированной капитальной стоимости предстоит писать известный цикл оборотов, напр., в данном случае цикл из десяти годовых оборотов,—и цикл этот определяется продолжительностью существования, следовательно, временем воспроизводства или временем оборота применяемого основного капитала.

Итак, в той самой мере, как с развитием капиталистического способа производства растет размер стоимости и продолжительность существования применяемого основного капитала, в этой же мере жизнь промышленности и промышленного капитала в каждой особой отрасли вложения развивается в многолетнюю жизнь,—скажем, средним счетом в десятилетнюю жизнь. Но если, с одной стороны, развитие основного капитала удлиняет эту жизнь, то, с другой стороны, она сокращается постоянными переворотами в средствах производства, переворотами, значительность которых с развитием капиталистического способа производства тоже все возрастает. Отсюда вытекает и смена средств производства и необходимость постоянного их возмещения, потому что они подвергаются моральному снашиванию задолго до того,

как физически отживут свое время. Можно думать, что в решающих отраслях крупной промышленности этот цикл жизни составляет теперь средним счетом десять лет. Однако дело здесь не в определенном числе. Ясно по меньшей мере следующее: в этом охватывающем целый ряд лет цикле взаимно связанных между собою оборотов, к которым капитал прикреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, при чем предприятие последовательно переживает периоды ослабления, средней деятельности, стремительного размаха, кризиса. Хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда является исходным пунктом для крупных новых вложений капитала; следовательно, рассматривая дело с точки зрения всего общества, он в большей или меньшей степени дает новую материальную основу для следующего цикла оборотов ²²⁾).

5) Что касается способа исчисления оборота, обратимся к одному американскому экономисту:

„В некоторых отраслях предприятия весь авансированный капитал успевает возвратиться, или обернуться, несколько раз в течение года; в некоторых других одна часть оборачивается более одного раза в год, а другая не так быстро. Капиталисту приходится исчислять свою прибыль в соответствии с тем средним периодом, который требуется для всего его капитала, чтобы пройти через его руки, или обернуться один раз. Предположим, что некто вложил в определенном предприятии половину своего капитала в постройки и машины, которые возобновляются один раз в десять лет; четверть в орудия и т. д., которые возобновляются в два года, и что последняя четверть, затраченная на заработную плату и сырые материалы, оборачивается два раза в год. Пусть весь его капитал 50.000 долларов. Тогда его годовая затрата составит:

$$\begin{array}{l} 50.000 : 2 = 25.000 \text{ долл. в } 10 \text{ лет} = 2.500 \text{ долл. в } 1 \text{ год.} \\ 50.000 : 4 = 12.500 \text{ " " } 2 \text{ " } = 6.250 \text{ " " } 1 \text{ " } \\ 50.000 : 4 = 12.500 \text{ " " } 1/2 \text{ " } = 25.000 \text{ " " } 1 \text{ " } \end{array}$$

$$\text{В } 1 \text{ год} = 33.750 \text{ долл.}$$

Следовательно, среднее время, в течение которого весь капитал оборачивается один раз, составляет 16 месяцев... Возьмем другой случай: пусть четверть всего капитала в 50.000 долларов оборачивается

²²⁾ «Городское производство связано с оборотом, охватывающим несколько дней; сельское, напротив, с оборотом, охватывающим годы» (Adam G. Müller, Die Elemente der Staatskunst. Berlin 1809, II, стр. 178). Таково наивное представление романтики о промышленности и земледелии.

в 10 лет; другая четверть в 1 год; остальная половина дважды в год. Тогда годовая затрата будет:

$$12.500 : 10 = 1.250 \text{ долл.}$$

$$12.500 = 12.500 \text{ „}$$

$$25.000 \times 2 = 50.000 \text{ „}$$

В 1 год обернулось 63.750 долл.

(Scrope. Pol. Econ., edit. Alonzo Potter. New - York 1841, p. 141, 142.).

6) Действительные и кажущиеся различия в обороте различных частей капитала. — Тот же Скроп говорит там же: „Капитал, который фабрикант, сельский хозяин или торговец затрачивает на выдачу заработной платы, обращается всего быстрее, так как он, если выдача производится еженедельно, обернется, быть может, раз в неделю вследствие поступления за проданные товары или за оплаченные счета. Вложенный в сырые материалы или запасы готовых товаров обращается с меньшей быстротой; он может совершить два или четыре оборота в год, смотря по тому, сколько времени проходит между покупкой материалов и продажей товаров,—мы предполагаем, что кредит по покупкам и продажам дается на одинаковый срок. Капитал, заключающийся в орудиях и машинах, обращается еще медленнее, потому что он, быть может, сделает в пять или десять лет только один оборот, т.-е. будет потреблен и возобновлен; и это несмотря на то, что некоторые орудия будут до конца использованы уже после короткого ряда операций. Капитал, затраченный на сооружения, напр., на фабрики, магазины, склады, амбары, мостовые, оросительные сооружения и т. д., повидимому вообще не обращается. Но в действительности и эти сооружения, играя свою роль в производстве, изнашиваются подобно ранее упомянутым; поэтому они требуют воспроизводства, чтобы производитель мог продолжать свои операции. Различие заключается лишь в том, что они потребляются и воспроизводятся медленнее, чем остальные... Вложенный в них капитал совершает оборот, быть может, лишь в 20 или в 50 лет“.

Скроп смешивает здесь то различие в движении определенных частей оборотного капитала, которое обуславливается для отдельного капиталиста сроками платежа и отношениями кредита, с тем различием оборотов, которое вытекает из природы капитала. Он говорит, что заработная плата должна еженедельно окупаться еженедельными поступлениями от оплачиваемых продаж или счетов. Во-первых, здесь следует заметить, что даже по отношению к заработной плате существуют различия в зависимости от длины срока платежей, т.-е. от продолжительности того времени, на которое рабочий вынужден кре-

дитовать капиталиста; следовательно, в зависимости от того, каков срок выдачи заработной платы: еженедельный, ежемесячный, трехмесячный, полугодовой и т. д. Здесь находит себе применение раньше развитый закон: „Необходимое количество платежных средств (т.-е. того денежного капитала, который приходится авансировать разом) обратно пропорционально продолжительности периодов платежей“ (книга I, глава III, 3в).

Во-вторых: в продукт недели входит не только вся новая стоимость, присоединенная при его производстве трудом этой недели, но также и стоимость сырых и вспомогательных материалов, потребленных за это время на продукт. Вместе с продуктом обращается и эта заключающаяся в нем стоимость. Вследствие продажи этого продукта она приобретает денежную форму и теперь снова должна быть превращена в те же самые элементы производства. Это одинаково относится как к рабочей силе, так и к сырым и вспомогательным материалам. Но мы уже видели (глава VI, 2, А), что непрерывность производства требует запаса средств производства,—запаса, различного для различных отраслей Предприятий, а в одной и той же отрасли предприятий опять — таки различного для различных составных частей этого элемента текучего капитала, напр., для угля и хлопка. Поэтому, хотя эти материалы постоянно приходится возмещать *in natura*, нет необходимости постоянно вновь покупать их. Насколько часто возобновляется купля, зависит от величины заготовленного запаса, от того, на какое время хватит его, пока он не будет исчерпан. Что касается рабочей силы, здесь такого образования запаса не происходит. Обратное превращение в деньги для той части капитала, которая затрачена на труд, идет рука об руку с обратным превращением той части, которая затрачена на вспомогательный и сырой материал. Но обратное превращение денег, с одной стороны, в рабочую силу, а с другой стороны, в сырые материалы совершается раздельно, потому что сроки купли и платежа для этих двух остальных частей различные: одна из них, как производственный запас, покупается через сравнительно продолжительные сроки, другая же, рабочая сила, через сравнительно краткие, напр., еженедельно. С другой стороны, кроме производственного запаса, у капиталиста должен быть запас готовых товаров. Оставляя в стороне затруднения с продажей и т. д., необходимо, напр., произвести известное количество на заказ. В то время, как производится его последняя часть, уже готовая остается на складах до того времени, пока не будет выполнен весь заказ. Новые различия в обороте текучего капитала возникают в том случае, если одним элементам его приходится дольше оставаться на подготовительной стадии производственного процесса (сушка дерева и т. д.), чем другим.

Система кредита, на которую ссылается здесь Скроп, равно как и торговый капитал модифицируют оборот для индивидуального капиталиста. В общественном же масштабе они модифицируют его лишь настолько, насколько ускоряют не только производство, но и потребление.

Г л а в а д е с я т я .

Теории основного и оборотного капитала. Физиократы и Адам Смит.

Кенэ различает основной капитал от оборотного как „авансы“ первоначальные и „авансы“ ежегодные (*avances primitives* и *avances annuelles*). Он правильно устанавливает это различие, как существующее лишь в пределах производительного капитала, т.-е. капитала, непосредственно посвященного процессу производства. А так как для него единственным действительно производительным капиталом является капитал, применяемый в земледелии, т.-е. капитал арендатора, то и различия эти намечаются им только для капитала фермера. Этим же объясняется, почему он для одной части капитала берет годовой период оборота, для другой—более продолжительный (десятилетний). По мере дальнейшего развития их учения физиократы стали при случае переносить эти различия и на другие виды капитала, на промышленный капитал вообще. Для общества различие между капиталом, авансируемым ежегодно и на много лет, настолько существенно, что многие экономисты даже после Адама Смита возвращались к этому определению.

Разница между обоими видами авансов возникает лишь тогда, когда авансированные деньги превращены в элементы производительного капитала. Различие это существует исключительно в рамках производительного капитала. Поэтому Кенэ не приходит в голову причислять деньги как таковые к первоначальным или к ежегодным авансам. И та и другая категории последних, как авансы для производства, — т.-е. как производительный капитал—противополагаются и деньгам и находящимся на рынке товарам. Далее, у Кенэ разница между этими двумя элементами производительного капитала правильно сводится к различию способов, какими эти элементы входят в стоимость готового продукта, следовательно, к различию способов обращения их стоимости вместе с стоимостью продукта, а потому и к различию способов их возмещения или их воспроизводства, при чем стоимость одного эле-

мента ежегодно возмещается целиком, стоимость другого—по частям, в течение более продолжительных периодов ²³⁾).

Единственный прогресс, достигнутый в этом вопросе Адамом Смитом, заключается в обобщении указанных категорий. У него они применяются уже не только к специальной форме капитала, к капиталу фермера, но ко всякой вообще форме производительного капитала. Отсюда уже само собою следует, что на место различия между однолетним и многолетним оборотом, характерного для земледелия, выступает вообще различие разновременных оборотов, при чем оборот основного капитала всегда охватывает более, чем один оборот капитала оборотного, все равно, продолжается ли этот последний один год, менее года или более года. Таким образом у Смита ежегодные авансы превращаются в оборотный, первоначальные авансы — в основной капитал. Но этим обобщением категорий и ограничивается сделанный им шаг вперед. В деле выполнения он далеко уступает Кенэ.

Уже тот грубо эмпирический прием, при помощи которого он приступает к своему исследованию, порождает неясность: „Существует два способа,—пишет он,—употребить капитал так, чтобы он принес своему владельцу доход или прибыль“ (*Wealth of Nations. Book II, chap. I, p. 189. Edit. Aberdeen, 1848*).

Способы помещать стоимость так, чтобы она функционировала как капитал, приносила своему владельцу прибавочную стоимость, столь же различны, столь же многообразны, как и сферы помещения капитала. Это — вопрос о различии отраслей производства, в которые может быть вложен капитал. Но вопрос, формулированный таким образом, идет еще дальше. Он включает в себя вопрос о том, каким образом стоимость, если она даже не вложена как производительный капитал, может для своего владельца выполнять функцию капитала, напр., в качестве капитала, приносящего проценты, торгового капитала и т. п. Здесь мы таким образом бесконечно далеко ушли от действительного

²³⁾ Ср. Quesnay, *Analyse du Tableau Economique* (Physiocrates, éd. Daire, 1^{re} Partie, Paris 1846). Мы читаем там, напр.: „Ежегодные авансы состоят из издержек, затрачиваемых каждый год на труд обработки; эти авансы следует отличать от первоначальных авансов, которые образуют фонд организации земледельческого хозяйства“ (p. 59). У позднейших физиократов „авансы“ нередко прямо называются капиталом: „Capital ou avances“, Dupont de Nemours, *Origine et Progrès d'une science nouvelle*. 1767 (Daire I, p. 291); далее Le Trosne пишет: „В произведениях труда, существующих более или менее продолжительное время, нация обладает значительным, фондом богатств, независимым от его ежегодного воспроизводства; этот фонд составляет капитал, накопленный за долгое время и первоначально оплачиваемый промышленностью, капитал, непрерывно возобновляющийся и возрастающий“ (Daire, II, p. 928).—Тюрго уже систематически употребляет слово капитал вместо „авансы“ и еще полнее отождествляет авансы мануфактуристов с авансами арендаторов (*Turgot, Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses, 1766*).

предмета анализа, от вопроса: каким образом разделение производительного капитала на его различные элементы влияет на его оборот, независимо от различия сфер его приложения.

Адам Смит непосредственно вслед затем продолжает: „Прежде всего он может быть употреблен на возделывание земли, выработку или покупку благ и продажу их затем с прибылью“. А. Смит утверждает здесь только, что капитал может быть вообще употреблен в земледелии, мануфактуре и торговле. Он говорит, следовательно, лишь о различных сферах помещения капитала и, между прочим, о таких, где, как в торговле, капитал не входит в непосредственный процесс производства, следовательно, не функционирует как производительный капитал. Вместе с тем он покидает то основание, на которое опирались физиократы, устанавливая различие отдельных частей производительного капитала и его влияние на характер оборота. Мало того, он тотчас же приводит в качестве примера торговый капитал, хотя в данном случае речь идет исключительно о различиях частей производительного капитала в процессе созидания продукта и стоимости,— различиях, которые в свою очередь порождают различия в обороте и воспроизводстве капитала.

Он продолжает: „Капитал, употребляемый таким образом, не приносит дохода или прибыли своему владельцу, пока он остается в его владении или сохраняет ту же самую форму“. „Капитал, употребляемый таким образом!“ Но ведь А. Смит говорит о капитале, вложенном в сельское хозяйство или промышленность, и в дальнейшем утверждает, что помещенный таким образом капитал распадается на основной и оборотный! Следовательно, употребление капитала указанным способом не может само по себе сделать его ни основным ни оборотным.

Но, быть может, он хочет сказать, что капитал, употребляемый для того, чтобы производить товары и продавать эти товары с прибылью, должен, превратившись в товары, быть продан и при помощи продажи, во-первых, перейти из собственности продавца в собственность покупателя, во-вторых, переменить свою натуральную форму товара на денежную форму, и что капитал бесполезен для своего владельца, пока он остается в его владении или сохраняет—с точки зрения владельца—ту же самую форму? Однако тогда все дело сводится к следующему: та же самая капитальная стоимость, которая раньше функционировала в форме производительного капитала, в форме, принадлежащей производственному процессу, функционирует теперь как товарный капитал или денежный капитал,— в формах, присущих процессу обращения,— и потому не является уже ни основным ни оборотным капиталом. И это в одинаковой мере справедливо как для

тех элементов стоимости, которые присоединяются сырыми и вспомогательными материалами, следовательно, оборотным капиталом, так и для тех, которые присоединяются вследствие снашивания средств труда, следовательно, присоединяются основным капиталом. Таким образом мы и здесь ни на шаг не приблизились к уяснению различия между основным и оборотным капиталом.

Далее: „Товары торговца не доставляют ему дохода или прибыли, пока он не продаст их за деньги, но и деньги принесут ему столь же мало, пока он не обменяет их снова на товары. Его капитал постоянно уходит от него в одной форме и возвращается к нему в другой и только при помощи такого обращения, или ряда последовательных обменов, капитал может принести ему известную прибыль. Поэтому к таким капиталам как нельзя лучше подходит название оборотных капиталов“.

А. Смит называет здесь оборотным капиталом то, что я предлагаю назвать капиталом обращения. Это капитал в форме, присущей процессу обращения, — капитал, меняющий форму при помощи обмена (смены вещества и смены владельца), следовательно, товарный и денежный капитал в противоположность производительному капиталу, той форме капитала, которая присуща процессу производства. Это не два различных вида, на которые делит свой капитал промышленный капиталист, а различные формы, которые одна и та же авансированная капитальная стоимость последовательно принимает и сбрасывает, совершая свое *cirriculum vitae*. А. Смит смешивает это, — делая крупный шаг назад по сравнению с физиократами, — с теми различиями формы, которые возникают в сфере обращения капитальной стоимости, проходящей последовательные стадии своего кругооборота, при чем капитальная стоимость находится в форме производительного капитала, — и возникают благодаря тому, что различные элементы производительного капитала различным способом участвуют в процессе образования стоимости, различным способом переносят свою стоимость на продукт. Ниже мы рассмотрим последствия, к которым приводит это основное смешение категорий производительного капитала и капитала, находящегося в сфере обращения (товарного и денежного капитала), с одной стороны, и категорий основного и оборотного капитала, — с другой. Капитальная стоимость, авансированная на основной капитал, точно так же обращается вместе с продуктом, как и стоимость, авансированная на оборотный капитал, и при помощи обращения товарного капитала первая точно так же превращается в денежный капитал, как и вторая. Разница обуславливается лишь тем, что стоимость основного капитала обращается по частям и, следовательно, по частям же, в течение более или менее продолжительных периодов, должна возмещаться, воспроизводиться в своей натуральной форме.

Что А. Смит понимает под оборотным капиталом не что иное, как капитал обращения, т.-е. капитальную стоимость в ее формах, принадлежащих процессу обращения (товарный капитал и денежный капитал), доказывает пример, избранный им особенно неудачно. Он берет в виде примера разновидность капитала, которая вовсе не принадлежит производственному процессу, но существует исключительно в сфере обращения, состоит только из капитала обращения: он берет торговый капитал.

Насколько нелепо начинать примером, в котором капитал вообще фигурирует не как производительный капитал, он следом за этим говорит сам: „Капитал торговца,— говорит он,—состоит целиком из оборотного капитала“. Но разница между оборотным и основным капиталом сама вытекает, как мы узнаем впоследствии, из существенных различий, имеющих место в пределах самого производительного капитала. С одной стороны, А. Смит имеет в виду установленное физиократами различие, с другой стороны, различие тех форм, которые принимает капитальная стоимость в процессе ее кругооборота. И то и другое сваливается у него в одну пеструю кучу.

Но каким образом прибыль может возникнуть вследствие смены формы денег и товара, вследствие простого превращения стоимости из одной из этих форм в другую, остается абсолютно непонятным. И объяснение здесь совершенно невозможно, так как он начинает с торгового капитала, который функционирует лишь в сфере обращения. Мы еще возвратимся к этому, а пока послушаем, что говорит А. Смит об основном капитале:

„Во-вторых, он (капитал) может быть употреблен на улучшение почвы, на покупку полезных машин и орудий труда и тому подобные вещи, которые приносят доход или прибыль, не меняя хозяина, не вступая в дальнейшее обращение. Поэтому для таких капиталов наиболее подходящее название — основные капиталы (буквально „неподвижные“ — „fixed“). Различные занятия требуют разделения вложенных в них капиталов на основной и оборотный в чрезвычайно различных пропорциях... Известная часть капитала каждого ремесленного мастера или мануфактуриста должна быть фиксирована в виде орудий труда. Эта часть однако очень мала в одних случаях, очень велика в других... Гораздо более значительная часть капитала всех такого рода мастеров (портных, сапожников, ткачей) находится в обращении, в виде ли заработной платы их работников, в виде ли цены их материалов, и должна быть оплачена с прибылью в цене произведений“.

Не говоря уже о детски-наивном определении источника прибыли, слабость и запутанность видна уже из следующего: для фабриканта-

машиностроителя машина есть продукт, который обращается как товарный капитал, следовательно, говоря словами А. Смита, „отделяется меняет хозяина, обращается дальше“ В этом случае машина оказалась бы согласно его собственному определению не постоянным, а оборотным капиталом. Путаница происходит опять-таки благодаря тому, что Смит смешивает различие между основным и оборотным капиталом, возникающее из неодинаковых способов обращения различных элементов производительного капитала, с различиями форм, усваиваемых одним и тем же капиталом, поскольку он в пределах производственного процесса функционирует как производительный капитал, в сфере же обращения—как капитал обращения, т.-е. как товарный капитал или денежный капитал. Таким образом одни и те же вещи, смотря по тому месту, которое они занимают в жизненном процессе капитала, могут по А. Смигу функционировать и как основной капитал (как средства труда, элементы производительного капитала) и как „оборотный“ капитал, товарный капитал (как продукт, вытолкнутый из сферы производства в сферу обращения).

Но А. Смит смешивает вместе с тем самые основания различия и вступает в противоречие с тем, с чего он несколькими строками раньше начал все исследование. Мы имеем в виду фразу: „Существует два различных способа употребить капитал так, чтобы он приносил доход или прибыль своему владельцу“, т.-е. можно употребить его или как оборотный, или как основной капитал. Здесь разумеются, очевидно, различные способы применения различных и независимых друг от друга капиталов, каковы, напр., капиталы, которые могут быть вложены или в промышленность, или в земледелие.— Но дальше мы читаем: „Различные занятия требует разделения вложенных в них капиталов на основной и оборотной в чрезвычайно различных пропорциях“. Теперь основной и оборотный капитал являются уже не различными самостоятельными применениями капитала, а различными порциями одного и того же производительного капитала, которые в различных сферах приложения капитала образуют различные части его совокупной стоимости. Следовательно, это — различия, которые возникают из разделения самого производительного капитала соответственно обстоятельствам и потому имеют место по отношению только к этому последнему. Но этому снова противоречит то обстоятельство, что торговый капитал, как исключительно оборотный, противопоставляется основному,— припомним слова Смита: „капитал торговца есть целиком оборотный капитал“ В действительности это—капитал, функционирующий только в пределах сферы обращения, и как таковой он вообще противостоит производительному капиталу, внедренному в процесс производства, но именно потому он не может противопоста-

вляться как текучая (оборотная) составная часть производительного капитала неподвижной (основной) части производительного капитала

В примерах, приводимых Смитом, он определяет как основной капитал орудия труда, как оборотный капитал — ту часть капитала, которая вложена в заработную плату и сырые материалы, включая сюда и вспомогательные материалы („оплачиваемые с прибылью ценою произведений“).

Итак, прежде всего исходным пунктом являются здесь различные элементы процесса труда: рабочая сила (труд) и сырые материалы, с одной стороны, орудия труда — с другой стороны. Но все это в то же время суть составные части капитала, так как в них вложена сумма стоимости, которая должна функционировать как капитал. Постольку это вещественные элементы, способы существования производительного, т.-е. функционирующего в производственном процессе капитала. Почему же одна часть называется „неподвижной“ (основной)? Потому что „некоторые части капитала должны быть фиксированы в орудиях труда“. Но ведь другая его часть также „фиксирована“ в заработной плате и сырых материалах. Далее, машины, „орудия труда... и тому подобные вещи... приносят доход или прибыль, не переменяя хозяина, не обращаясь дальше. Наиболее подходящим названием для таких капиталов являются поэтому капиталы основные“.

Возьмем для примера горное дело. Сырого материала здесь вовсе не применяется, так как предмет труда, напр., медь, есть продукт природы, который еще должен быть присвоен, добыт при помощи труда. Медь, еще только подлежащая добыванию, — продукт процесса, после которого она будет обращаться как товар, или товарный капитал, пока не образует элемента производительного капитала. Никакая часть капитальной стоимости не вложена в нее. С другой стороны, другие элементы производственного процесса, рабочая сила и вспомогательные материалы, как уголь, вода и т. п., вещественно все не входят в продукт. Уголь потребляется целиком, и только стоимость его входит в продукт, совершенно так же, как в продукт входит часть стоимости машины и т. п. Наконец, рабочий сохраняет такую же самостоятельность по отношению к продукту, меди, как и машина. Только стоимость, произведенная его трудом, есть теперь составная часть стоимости меди. Таким образом в этом примере ни одна из составных частей производительного капитала не „меняет хозяина“ и не „обращается дальше“, так как ни одна вещественно не входит в продукт. Где же тут место оборотному капиталу? Строго следуя собственному определению А. Смита, пришлось бы признать, что весь капитал, употребляемый на разработку медных рудников состоит исключительно из основного капитала.

Возьмем, с другой стороны, промышленность, применяющую сырые материалы, которые образуют самое вещество продукта, и вспомогательные материалы, которые входят в продукт вещественно, а не только по стоимости, в противоположность, напр., каменному углю, служащему для отопления. Вместе с продуктом, напр., пряжей, сырой материал, из которого продукт состоит, напр., хлопок, меняет владельца и переходит из процесса производства в процесс потребления. Но пока хлопок функционирует как элемент производительного капитала, владелец не продает его, а обрабатывает, заставляет делать из него пряжу. Владелец не выпускает хлопок из рук. Или, употребляя тривиальное, грубо-неверное выражение А. Смита, собственник не получает прибыли, отделяя от себя продукт, заставляя его менять хозяина, или вступать в обращение. Он так же мало пускает в обращение свои материалы, как и машины. Они фиксированы в производственном процессе подобно прядильным машинам и фабричным зданиям. Часть производительного капитала должна быть постоянно фиксирована в форме угля, хлопка и т. п. точно так же как в форме средств труда. Разница заключается лишь в том, что количества хлопка, угля и т. п., необходимые, напр., для еженедельного производства пряжи, целиком потребляются на производство еженедельного продукта и, следовательно, должны постоянно возмещаться новыми экземплярами хлопка, угля и т. п.; таким образом эти элементы производительного капитала, хотя они остаются тождественными по своему роду, непрерывно составляются из новых экземпляров того же самого рода, между тем как одна и та же прядильная машина, одно и то же фабричное здание принимают участие в целом ряде повторных недельных процессов производства, не замещаясь новыми экземплярами своего рода. Как элементы производительного капитала, все его составные части постоянно фиксированы в процессе производства, потому что без них последний вообще не может совершаться. И все элементы производительного капитала, основные и оборотные, составляя производительный капитал, одинаково противостоят капиталу обращения, т. е. товарному капиталу и денежному капиталу.

То же самое относится и к рабочей силе. Часть производительного капитала постоянно должна быть фиксирована в ней, при чем один и тот же капиталист в течение более или менее продолжительного времени употребляет одни и те же, тождественные между собой рабочие силы, подобно тому как он употребляет одни и те же машины. Разница между рабочей силой и машиной состоит не в том, что машина покупается раз навсегда (это не имеет места, напр., тогда, когда уплата за машину производится в рассрочку), а рабочий нет, а в том, что труд, затрачиваемый рабочим, целиком входит в стоимость

продукта, в то время как стоимость машины переходит на продукт лишь по частям.

Смит смешивает различные определения, характеризуя в следующих словах оборотный капитал в противоположность основному: „Капитал, употребляемый таким образом, не приносит выгоды или дохода своему владельцу, пока он остается в его владении или сохраняет ту же самую форму“. Он ставит на одну доску тот чисто формальный метаморфоз товара, который продукт, товарный капитал, прodelывает в сфере обращения, обслуживая перемещение товаров, и тот вещественный метаморфоз, который совершают различные элементы производительного капитала в течение процесса производства. Превращение товара в деньги и денег в товар, куплю и продажу, он без дальнейших рассуждений смешивает с превращением элементов производства в продукт. Приведенный им пример оборотного капитала есть торговый капитал, превращающийся из товара в деньги, из денег в товар, это — смена формы, присущая товарному обращению: Т—Д—Т. Но такая смена формы в процессе обращения имеет для функционирующего промышленного капитала то значение, что товары, в которые обратно превращаются деньги, суть элементы производства (средства труда и рабочая сила); следовательно, при посредстве указанной смены формы осуществляется непрерывность функционирования промышленного капитала, процесс производства, как непрерывный, или как процесс воспроизводства. Вся эта перемена форм совершается в сфере обращения; именно благодаря ей становится возможным действительный переход товаров из одних рук в другие. Напротив, метаморфозы, совершаемые производительным капиталом в пределах его производственного процесса, являются метаморфозами, присущими процессу труда, необходимыми для того, чтобы превратить элементы производства в продукт, который задумано произвести. А. Смит останавливается на том, что часть средств производства (средства труда в собственном смысле) служит процессу труда (что он неправильно выражает словами: „приносит прибыль своему хозяину“), не меняя своей натуральной формы, снашиваясь лишь постепенно; между тем другая часть, материалы, изменяется и именно благодаря изменению выполняет свое назначение в качестве средств производства. Однако это различное отношение элементов производительного капитала к процессу труда образует лишь исходный пункт различия между основным и оборотным капиталом, а не само это различие, как ясно уже из того, что оно в одинаковой мере существует для всех способов производства, капиталистических и некапиталистических. Но этому различному вещественному отношению соответствуют определенные способы перехода стоимости на продукт, а последним соответ-

ствуют опять-таки различные способы возмещения стоимости посредством продажи продукта; и только эти последние составляют искомое нами различие. Капитал является таким образом основным не потому, что он фиксирован в средствах труда, а потому, что часть его стоимости, вложенной в средства труда, остается фиксированной в них, в то время как другая часть обращается, войдя в состав стоимости продукта.

„Если он (капитал) употребляется для того, чтобы добыть в будущем прибыль, он должен добыть эту прибыль, или оставаясь у владельца, или уходя от него. В первом случае это основной, во втором — оборотный капитал“ (р. 189.)

Здесь прежде всего бросается в глаза грубо эмпирическое представление о прибыли, отражающее ходячие взгляды среднего капиталиста и стоящее в полном противоречии с более высокой, эзотерической точкой зрения А. Смита. В цене продукта возмещается как цена материалов, так и цена рабочей силы, но в то же время и та часть стоимости орудий труда, которая переходит на продукт вследствие снашивания орудий труда. Из этого возмещения ни в каком случае еще не образуется прибыли. В зависимости от того, возмещается ли при продаже продукта авансированная для его производства стоимость целиком или частями, разом или постепенно, изменяется только способ и время возмещения; но в обоих случаях оно остается возмещением уже затраченной стоимости и отнюдь не превращается в созидание прибавочной стоимости. В основе лежит здесь обычное представление, что прибавочная стоимость, — раз она реализуется только при помощи продажи продукта, при помощи его обращения, — и возникнуть может только из продажи, из обращения. В действительности различные будто бы способы возникновения прибыли являются в данном случае лишь неправильным выражением того факта, что различные элементы производительного капитала играют различную роль, в качестве производительных элементов неодинаково функционируют в процессе труда. И в конце концов различия эти выводятся не из процесса труда или процесса увеличения стоимости, не из функции самого производительного капитала, но оказываются имеющими лишь субъективное значение для индивидуального капиталиста, которому одна часть капитала представляется полезной в одном, другая — в другом отношении.

Напротив, Кенэ выводит эти различия из самого процесса воспроизводства и его внутренней необходимой закономерности. Для того, чтобы процесс этот мог совершаться непрерывно, стоимость произведенного за год продукта должна возмещать стоимость ежегодных авансов, в то время как стоимость основного капитала должна возмещаться

частями, так что только в течение ряда лет, напр., десятилетия, она возмещается и, следовательно, воспроизводится целиком (замещается новым экземпляром того же самого вида). А. Смит делает таким образом большой шаг назад по сравнению с Кенэ.

Следовательно, для определения основного капитала у А. Смита остается только одно: это — средства труда, которые в противоположность продуктам, созиданию которых они служат, не изменяют своей формы в процессе производства и служат производству до тех пор, пока не придут в негодность. При этом забывается, что все элементы производительного капитала в своей натуральной форме (как средства труда, сырые материалы и рабочая сила) неизменно противостоят продукту и продукту, обращающемуся в качестве товара. При этом разница между частью, состоящею из материалов и рабочей силы, и частью, состоящею из средств труда, заключается лишь в том, что рабочая сила постоянно покупается заново (а не на все время своего существования, как закупаются средства труда), и что в процессе труда функционируют не одни и те же неизменные, а постоянно меняющиеся экземпляры материалов того же вида. Вместе с тем легко создается иллюзия, будто стоимость основного капитала не входит в обращение, хотя А. Смит указал раньше, что снашившиеся основного капитала составляет часть цены продуктов.

Противопоставляя оборотный капитал основному, А. Смит не уясняет, что эта противоположность существует лишь постольку, поскольку оборотный капитал представляет ту составную часть производительного капитала, которая должна быть целиком возмещена из стоимости продукта, должна, следовательно, целиком участвовать в его метаморфозах, в то время как по отношению к основному капиталу этого нет. Вместо этого А. Смит смешивает оборотный капитал с теми формами, которые принимает капитал, переходя из сферы производства в сферу обращения, выступая как товарный капитал и денежный капитал. Но обе эти формы, товарный капитал и денежный капитал, являются в равной степени носителями стоимости как оборотной, так и основной части производительного капитала. Обе они представляют капитал обращения в противоположность производительному капиталу, а не оборотный (текущий) капитал в противоположность основному.

Наконец, совершенно неверное представление, — будто основной капитал образует прибыль, оставаясь в процессе производства, а оборотный, покидая процесс производства и циркулируя в сфере обращения, — приводит еще к следующему результату. Та одинаковая форма, которую в обороте принимают переменный капитал и текущая часть постоянного капитала, скрывает их существенно различие в процессе увеличения стоимости и созидания прибавочной стоимости, и

таким образом вся тайна капиталистического производства еще более затемняется. Общее обозначение „оборотный капитал“ уничтожает это существенное различие. Позднейшие экономисты пошли в этом отношении еще дальше, устанавливая противоположность не между постоянным и переменным, а между основным и оборотным капиталом, как существенную и единственно подлежащую разграничению.

Обозначив основной и оборотный капитал как два различных способа помещения капитала, из которых каждый сам по себе приносит прибыль, А. Смит говорит: „Никакой основной капитал не может приносить доход иначе, как при помощи оборотного капитала. Самые полезные машины и орудия труда не произведут ничего без оборотного капитала, который доставляет материалы, обрабатываемые ими, и дает содержание рабочим, употребляющим их“ (р. 188).

Здесь выясняется, что означают прежние выражения: „доставляет прибыль“, „дает доход“ и т. п.; именно, это означает, что обе части капитала являются соиздателями продукта.

Теперь А. Смит приводит следующий пример: „Та часть капитала фермера, которая вложена арендатором в сельскохозяйственные орудия, есть основной, та, которая вложена в заработную плату и содержание работающих слуг, есть оборотный капитал“. (Здесь разница между основным и оборотным капиталом правильно сводится исключительно к различному обращению, к различному обороту различных составных частей производительного капитала.) „Фермер получает прибыль от первого, удерживая его в своем владении, от второго, расставаясь с ним. Цена, или стоимость, рабочего скота есть основной капитал“ (здесь опять-таки правильно то, что в основу различия кладется стоимость, а не вещественные признаки) „точно так же, как и стоимость хозяйственных орудий; содержание его (рабочего скота) есть оборотный капитал точно так же, как и содержание работающих слуг. Фермер получает прибыль, удерживая в своем владении рабочий скот и расставаясь с продуктами, служащими рабочему скоту средствами существования“. (Фермер удерживает корм скота, не продает его. Он потребляет его именно как корм скота, потребляя самый скот как орудие труда. Разница состоит лишь в следующем: корм, идущий на содержание скота, потребляется целиком и должен постоянно возмещаться непосредственно из продукта земледелия или при помощи продажи последнего; между тем как самый скот замещается лишь по мере того, как отдельные экземпляры его становятся неработоспособными.) „И цена и содержание скота, купленного не для работы, а для выкормки, являются оборотным капиталом. Фермер получает прибыль, расставаясь с ними“. (Всякий товаропроизводитель, а следовательно, и капиталистический производитель, продает свой продукт,

результат своего производственного процесса, но вследствие этого продукт еще не становится ни основной, ни оборотной частью его производительного капитала. Продукт принимает теперь ту форму, в которой он выталкивается из процесса производства и должен функционировать как товарный капитал. Откармливаемый скот функционирует в процессе производства в качестве сырого материала, а не в качестве орудия труда, как рабочий скот. Он входит поэтому вещественно в продукт, и вся его стоимость целиком переносится на последний, как и стоимость вспомогательных материалов [корма]. Именно поэтому он и является текучей частью производительного капитала, а вовсе не потому, что проданный продукт — откормленный скот — имеет ту же самую натуральную форму, как сырой материал, т.-е. еще неоткормленный скот. Последнее — совершенно случайное обстоятельство. В то же время А. Смит мог бы увидеть из этого примера, что не вещественные признаки элемента производства, а лишь его функция в производственном процессе дает основание характеризовать заключенную в нем стоимость как основную или текучую.) „Вся стоимость семян есть также основной капитал. Хотя семена постоянно переходят из земли в закрома и обратно, но они никогда не меняют хозяина и потому не обращаются в собственном смысле этого слова. Фермер получает прибыль не при помощи их продажи, а благодаря их количественному возрастанию“.

Здесь с особенной яркостью обнаруживается вся несостоятельность установленного Смитом различия. По его теории семена были бы основным капиталом, если не происходит „смены хозяина“, т.-е. если семена непосредственно возмещаются из годового продукта, прямо берутся от него. Но они, напротив, оказались бы оборотным капиталом, если продается весь продукт, и часть стоимости последнего употребляется на покупку семян у другого хозяина. В' одном случае „смена хозяина“ имеет место, в другом нет. Смит здесь опять смешивает текучий капитал и товарный капитал. Продукт есть вещественный носитель товарного капитала. Но, конечно, этим носителем является лишь та часть его, которая действительно вступает в обращение, которая не вступает опять непосредственно в тот самый процесс производства, из которого она вышла в качестве продукта.

Отделяется ли непосредственно в виде семян часть от продукта, или продается весь продукт и часть его стоимости превращается в семена, купленные со стороны, в обоих случаях имеет место лишь возмещение стоимости, и путем этого возмещения не создается никакой прибыли. В одном случае семена вместе с остальной частью продукта вступают как товар в обращение, в другом случае они фигурируют лишь в бухгалтерии, как составная часть стоимости аванси-

рованного капитала. Но в обоих случаях они остаются текучей составной частью производительного капитала. Они потребляются целиком при изготовлении продукта и целиком должны быть возмещены из него, чтобы стало возможным воспроизводство.

„Сырые и вспомогательные материалы утрачивают ту самостоятельную форму, в которой они вступают в процесс труда в качестве потребительных стоимостей. Иначе обстоит дело с средствами труда в собственном смысле слова. Инструмент, машина, фабричное здание, мастерские и т. п. участвуют в процессе труда лишь до тех пор, пока они сохраняют свою первоначальную форму, пока они могут завтра вступить в процесс труда в том же самом виде, какой они имели вчера. И как в течение своей жизни, т.-е. в течение процесса труда, они сохраняют свою самостоятельную форму по отношению к продукту, так и после смерти. Трупы машин, мастерских, фабричных зданий продолжают существовать самостоятельно, отдельно от продуктов, изготовлению которых они способствовали“ („Капитал, книга I, глава VI).

Эти различные способы применения средств производства для образования продукта, при чем в одном случае средства производства сохраняют свою самостоятельную форму по отношению к продукту, в другом видоизменяют или совершенно утрачивают ее, это различие, присущее процессу труда как таковому, хотя бы он имел в виду исключительно удовлетворение собственных потребностей, напр., патриархальной семьи, без всякого обмена, без товарного производства, А. Смит представляет в ложном свете, так как он, во-первых, привносит совершенно неотносящуюся сюда категорию прибыли, которую одни средства производства доставляют своему владельцу, сохраняя свою форму, другие— утрачивая ее; так как он, во-вторых, изменения части элементов производства в процессе труда смешивает с той переменной формы, которая присуща обмену продуктов, обращению товаров (купле и продаже), и которая включает в себя в то же время переход собственности на обращающиеся товары.

Оборот предполагает воспроизводство, совершающееся при посредстве обращения, следовательно, при посредстве продажи продукта, при посредстве его превращения в деньги и обратного превращения из денег в элементы его производства. Но поскольку капиталистическому предпринимателю часть его собственного продукта непосредственно служит снова средством производства, производитель как бы продает продукт самому себе, и именно в таком виде фигурирует эта операция в его бухгалтерии. Следовательно, эта часть воспроизводства осуществляется не при посредстве обращения, а непосредственно. Но та часть продукта, которая таким образом снова служит средством про-

изводства, возмещает оборотный капитал, а не основной, поскольку 1) стоимость соответствующей части капитала целиком входит в продукт и 2) поскольку она *in natura* должна быть целиком возмещена новым экземпляром из нового продукта.

А. Смит говорит нам, из чего состоит оборотный и основной капитал. Он перечисляет те предметы, те вещественные элементы, которые образуют основной капитал, и те, которые образуют оборотный капитал, как будто такое предназначение присуще предметам вещественно, от природы, как будто эти категории вытекают не из определенных функций этих предметов в капиталистическом процессе производства. И, однако, в той же самой главе (Book II, chap. I) он замечает, что, хотя известный предмет, напр., жилой дом, предназначенный для непосредственного потребления, „может приносить доход своему владельцу и, следовательно, служить ему, функционируя как капитал, однако он не может приносить доход обществу и служить ему в качестве капитала; таким образом он ничуть не увеличивает дохода всего общества“ (стр. 186). Здесь А. Смит вполне ясно высказывает мысль, что свойство быть капиталом принадлежит вещам не как таковым, но является функцией, которую они, в зависимости от обстоятельств, то выполняют, то не выполняют. Но что справедливо относительно капитала вообще, справедливо и относительно его подразделений.

Одни и те же вещи образуют составную часть оборотного или основного капитала, в зависимости от того, какую функцию выполняют они в процессе труда. Так, напр., скот, в качестве рабочего скота (средство труда), является вещественной формой существования основного капитала; напротив, в качестве скота, откармливаемого на убой (сырой материал), он—составная часть оборотного капитала арендатора. С другой стороны, одна и та же вещь может то функционировать как составная часть производительного капитала, то относиться к фонду непосредственного потребления. Например, дом, функционируя как место труда, есть основная часть производительного капитала; функционируя как жилое помещение владельца, вовсе не имеет формы капитала. Одни и те же средства труда могут во многих случаях функционировать то как средства производства, то как средства потребления.

Такова одна из ошибок, вытекающих из точки зрения Смита, при которой свойства основного и оборотного капитала рассматриваются как свойства, принадлежащие вещам. Уже анализ процесса труда („Капитал“, книга I, глава V) показывает, как меняются определения—средства труда, материал труда, продукт—в зависимости от различных ролей, которые одна и та же вещь играет в этом процессе. Но опре-

деления основной и не-основной капитал основываются в свою очередь на тех определенных ролях, которые эти элементы играют в процессе труда, а следовательно, и в процессе образования стоимости.

Кроме того, при перечислении вещей, из которых состоит основной и оборотный капитал, совершенно ясно обнаруживается, что А. Смит смешивает различие между основными и текучими составными частями капитала, имеющее место и смысл только в применении к производительному капиталу (капиталу в его производительной форме), и различие между производительным капиталом и формами, принадлежащими капиталу в процессе его обращения, каковыми являются товарный капитал и денежный капитал. Он говорит в том же самом месте (pp. 187, 188): „оборотный капитал состоит... из запасов, материалов и готовых изделий всякого рода, находящихся в руках лиц, торгующих ими, и из денег, необходимых для их обращения и распределения, и т. д.“ — В действительности, если мы присмотримся ближе, мы увидим, что здесь, в противоположность только что сказанному, оборотный капитал опять отождествляется с денежным капиталом и товарным капиталом, т.-е. с двумя формами капитала, которые вовсе не принадлежат процессу производства, которые образуют не оборотный (текущий) капитал в противоположность основному, а капитал обращения в противоположность производительному капиталу. Только на-ряду с этими формами капитала фигурируют затем составные части производительного капитала, авансированные на материалы (сырые материалы или полуфабрикаты) и действительно введенные в процесс производства. А. Смит говорит:

„...Третья и последняя из трех частей, на которые естественно распадается весь капитал общества, есть оборотный капитал, характеризующийся тем, что он приносит доход только при обращении и перемене хозяина. Он составлен как бы из четырех частей: во-первых, из денег...“ (Но деньги никогда не являются формой производительного, функционирующего в производственном процессе капитала. Они всегда представляют лишь одну из форм, которые капитал принимает в процессе своего обращения); „во-вторых, из запаса, который находится во владении мясника, скотопромышленника, фермера... и от продажи которого они ожидают получить прибыль...“ — И „в-третьих, из материалов, или совершенно сырых, или более или менее обработанных, из одежды, мебели, построек, которые еще не закончены, но остаются в руках овцеводов, мануфактуристов, молочных торговцев, суконщиков, торговцев строевых лесов, плотников и столяров, каменщиков и т. д.“ — И, наконец, „в-четвертых, из произведений, которые вполне закончены, но находятся еще в руках торговца или мануфактуриста“.

Пункты 2 и 4 не заключают в себе ничего, кроме продуктов,

которые как таковые вытолкнуты из процесса производства и должны быть проданы; одним словом, это — продукты, функционирующие только как товары, следовательно, в соответственных случаях как товарный капитал, а потому обладающие такой формой и занимающие такое место в процессе, что они не образуют элемента производительного капитала, каково бы ни было их конечное назначение, т.-е. входят ли они в конце концов по своей цели (потребительной стоимости) в сферу индивидуального или производительного потребления. В пункте 2 эти продукты суть средства питания, в пункте 4—все другие готовые продукты, которые, следовательно, опять-таки состоят из готовых средств труда или готовых средств потребления (иных, чем содержащиеся в пункте 2 средства питания).

Если А. Смит говорит при этом о торговце, это обнаруживает всю путаницу его понятий. Раз производитель продал торговцу свой продукт, последний уже вообще не образует какой бы то ни было формы его капитала. С точки зрения общества это, правда, все еще товарный капитал, хотя он уже находится в иных руках, чем руки его производителя; но именно потому, что это капитал товарный, он не может быть ни основным, ни оборотным капиталом.

Во всяком производстве, не имеющем целью непосредственное собственное потребление производителя, продукт должен обращаться как товар, должен быть продан не для того, чтобы получить таким образом прибыль, а для того, чтобы производитель мог вообще существовать. При капиталистическом производстве к этому присоединяется еще то обстоятельство, что при продаже товара реализуется и заключающаяся в нем прибавочная стоимость. Продукт в виде товара выходит из процесса производства и потому не есть уже ни основной, ни оборотный элемент этого последнего.

Впрочем, А. Смит опровергает здесь самого себя. Все готовые продукты, какова бы ни была их вещественная форма или их потребительная стоимость, их полезный эффект, представляют товарный капитал, т.-е. капитал в форме, относящейся к процессу обращения. Как находящиеся в этой форме, они вовсе не являются составными частями производительного капитала владельца; это, конечно, отнюдь не мешает тому, что, будучи проданы, они становятся в руках покупателя составными частями производительного капитала, все равно—оборотного или основного. Здесь обнаруживается таким образом, что те самые вещи, которые в известное время выступали на рынке как товарный капитал в противоположность производительному капиталу, позднее, когда они извлечены с рынка, могут функционировать или не функционировать в качестве основной или оборотной части производительного капитала.

Продукт бумагопрядильщика — пряжа — есть товарная форма его капитала, есть товарный капитал для него. Пряжа не может снова функционировать как составная часть его производительного капитала ни в роли материала труда, ни в роли средств труда. Но в руках ткача, который купил ее, она внедряется в его производительный капитал, как одна из оборотных составных частей последнего. Для прядильщика пряжа есть носитель стоимости части его капитала, как основного, так и оборотного (прибавочную стоимость мы оставляем в стороне). Равным образом машина, как продукт фабриканта машин, есть для последнего товарная форма его капитала, товарный капитал для него; и поскольку она сохраняет эту форму, она не есть ни оборотный, ни основной капитал. Проданная одному из фабрикантов, применяющих ее в своем производстве, она становится основной частью производительного капитала. Даже в том случае, если продукт имеет такую потребительную форму, что отчасти может в качестве средства производства снова войти в тот самый процесс, из которого он только что вышел, как, напр., уголь в производстве угля, — даже здесь как раз та часть продукта-угля, которая предназначена для продажи, не является ни оборотным, ни основным, а товарным капиталом.

С другой стороны, продукт может иметь такую потребительную форму, которая делает его совершенно непригодным для того, чтобы составить какой-либо элемент производительного капитала, ни в качестве материала труда, ни в качестве средств труда. Таковы, напр., некоторые средства существования. Тем не менее для своих производителей они все-таки — товарный капитал, носитель стоимости как основного, так и оборотного капитала, — первого или второго, смотря по тому, целиком или частями должен быть возмещен примененный для их производства капитал, целиком или частями переносит последний свою стоимость на продукт.

У Смита в пункте 3 фигурирует сырой материал (сырой материал, полуфабрикат, вспомогательный материал), с одной стороны, не как составная часть, уже вошедшая в производительный капитал, а по существу лишь как особый сорт потребительных стоимостей, из которых вообще состоит общественный продукт, как особый сорт товаров на-ряду с перечисленными в пунктах 2 и 4 другими вещественными элементами общественного продукта, средствами существования и т. п. С другой стороны, эти же сырые материалы приводятся как вошедшие в производительный капитал и, следовательно, как элементы последнего, находящиеся в руках производителя. Путаница обнаруживается в том, что частью они рассматриваются как функционирующие в руках производителя („в руках скотопромышленников, мануфактуристов“ и т. д.), частью же как перешедшие в руки торговцев („мелочных

торговцев, торговцев сукном, строевым лесом" и т. д.), для которых они являются только товарным капиталом, а не составными частями производительного капитала.

На деле А. Смит в этом перечислении элементов оборотного капитала совершенно забывает о различии между основным и оборотным капиталом, применимом только по отношению к производительному капиталу. Напротив, товарный капитал и денежный капитал, т.-е. обе принадлежащие процессу обращения формы капитала, он противопоставляет производительному капиталу, но и то несознательно.

Характерно, наконец, что А. Смит, перечисляя составные части оборотного капитала, забывает о рабочей силе. И это имеет двоякую причину.

Мы только что видели, что, если оставить в стороне денежный капитал, оборотный капитал оказывается лишь другим названием товарного капитала. Но поскольку рабочая сила обращается на рынке, она не есть капитал, не есть какая бы то ни было форма товарного капитала. Она вообще не капитал; рабочий не капиталист, хотя он и выносит на рынок товар, а именно свою собственную шкуру. Лишь после того, как рабочая сила уже продана и введена в производственный процесс, — следовательно, лишь после того, как она перестала обращаться в качестве товара, — она становится составной частью производительного капитала, а именно переменным капиталом, так как она источник прибавочной стоимости, — текущей составной частью производительного капитала с точки зрения оборота затраченной на нее капитальной стоимости. Так как Смит смешивает здесь текущий капитал с товарным капиталом, он не в состоянии подвести рабочую силу под свою рубрику оборотного капитала. Поэтому переменный капитал выступает у него в форме тех товаров, которые рабочий покупает на свою заработную плату, в форме средств существования. В этой форме капитальная стоимость, затраченная на заработную плату, принадлежит, по Смиту, к оборотному капиталу. Но то, что вводится в производственный процесс, есть рабочая сила, есть сам рабочий, а не средства к жизни, которыми рабочий, поддерживает свое существование. Впрочем, мы уже видели (книга I, гл. XXI), что с общественной точки зрения воспроизводство самого рабочего посредством его индивидуального потребления тоже относится к процессу воспроизводства общественного капитала. Но этого нельзя сказать об отдельном, замкнутом в себе самом производственном процессе, который мы исследуем здесь. „Acquired and useful abilities“ (р. 187, „Приобретенные и полезные способности“), которые Смит приводит под рубрикой основного капитала, в действительности образуют составные части текущего капитала, поскольку это „abilities“ наемного рабочего и поскольку рабочий продает свой труд вместе с своими abilities.

Крупная ошибка Смита заключается в том, что он все общественное богатство разделяет на: 1) фонд непосредственного потребления, 2) основной капитал, 3) оборотный капитал. Согласно вышесказанному, все богатство следовало бы разделить на: 1) фонд потребления, который вовсе не составляет доли функционирующего общественного капитала, хотя отдельные части его всегда могли бы функционировать как капитал, и 2) капитал. Одна часть богатства функционирует таким образом как капитал, другая часть—как не капитал, или как фонд потребления. Следовательно, для всякого капитала здесь обнаруживается неустраняемая необходимость быть или основным или оборотным: подобно тому как для всякого млекопитающего безусловно необходимо быть или самцом, или самкой. Мы, однако, видели, что противоположность между основным и оборотным капиталом применима лишь к элементам производительного капитала, что, следовательно, на-ряду с ними существует еще очень значительная масса капитала—товарный капитал и денежный капитал,—находящаяся в такой форме, в которой она не может быть ни основным, ни оборотным капиталом.

Так как за исключением той части продуктов, которая непосредственно, без продажи или купли, снова употребляется отдельными капиталистическими производителями в качестве средств производства, вся масса продуктов общественного производства (на капиталистической основе) обращается на рынке в качестве товарного капитала, то очевидно, что из товарного капитала должны быть извлечены как основные и оборотные элементы производительного капитала, так и все элементы потребительного фонда. Фактически это означает, что средства производства и потребления на основе капиталистического производства выступают сначала как товарный капитал, хотя бы они имели своим назначением служить в дальнейшем в качестве средств потребления или производства; равным образом даже рабочая сила находится на рынке в виде товара, хотя и не в виде товарного капитала.

Отсюда следующее новое смешение понятий у А. Смита. Он говорит:

„Из этих четырех частей“ („обращающегося капитала, т.-е. капитала в его относящихся к процессу обращения формах товарного капитала и денежного капитала: две части, которые превращаются в четыре, потому что Смит различает составные части товарного капитала опять-таки на основании вещественных признаков), — „из этих четырех частей три: запасы, материалы и готовые изделия, ежегодно или в иные более или менее короткие периоды извлекаются из него и помещаются или в основной капитал, или в фонд, предназначенный

для непосредственного потребления. Всякий основной капитал первоначально произошел из оборотного и требует непрерывной поддержки со стороны этого последнего. Все полезные машины и орудия труда первоначально произошли из оборотного капитала, доставившего материалы, из которых они сделаны, и содержание рабочим, которые их сделали. Они требуют также, чтобы капитал указанного вида поддерживал их в постоянной исправности“ (р. 188).

За исключением части продукта, которую производители непосредственно употребляют опять в качестве средств производства, для капиталистического производства имеет силу следующее общее положение: все продукты поступают на рынок как товары и с точки зрения капиталиста обращаются там как товарная форма его капитала, как товарный капитал, независимо от того, должны ли и могут ли эти продукты по своей натуральной форме, по своей потребительной стоимости, функционировать как элементы производительного капитала (производственного процесса), т.-е. как средства производства и, следовательно, как основные или оборотные элементы производительного капитала; или же они могут служить только как средства индивидуального непроизводительного потребления. Все продукты как товары выбрасываются на рынок; поэтому все средства производства и потребления, все элементы производительного и индивидуального потребления должны быть снова извлечены с рынка посредством купли. Этот truизм, конечно, справедлив. Следовательно, это одинаково применимо как к основным, так и к текучим элементам производительного капитала, к средствам труда и материалам труда во всех их формах. (При этом не следует забывать, что существуют элементы производительного капитала, которые даны самой природой, следовательно, не являются продуктами). Машина покупается на рынке точно так же, как и хлопок. Но отсюда отнюдь не следует, что всякий основной капитал первоначально возникает из оборотного,—это следует только из Смитовского смешения капитала обращения с оборотным, или текучим, т.-е. не основным капиталом. И к тому же Смит сам опровергает себя. Машины как товар образуют, по его же собственным словам, часть указанного в пункте 4 оборотного капитала. Их происхождение из оборотного капитала означает таким образом лишь то, что они функционировали как товарный капитал, прежде чем стали функционировать как машины, но что вещественно они происходят из самих себя; равным образом хлопок как текучий элемент капитала прядильщика происходит из хлопка, обращающегося на рынке. Но если Смит в дальнейшем изложении выводит основной капитал из оборотного на том основании, что для машиностроения необходимы труд и сырые материалы, то, во-первых, для этого необходимы также средства труда,

т.-е. основной капитал, и, во-вторых, чтобы изготовить сырые материалы, тоже необходим основной капитал, машины и т. д., так как производительный капитал всегда включает в себе средства труда, но не всегда материал труда. Сам Смит говорит тотчас же вслед за этим: „Земли, рудники и рыбные ловли требуют и основного и оборотного капитала, чтобы разрабатывать их“ (следовательно, он соглашается, что не только текущий, но и основной капитал необходим для производства сырых материалов); „и“ (тут новое заблуждение). „их продукт возмещает с прибылью не только эти капиталы, но и все другие, имеющиеся в обществе“ (р. 188). Это совершенно неверно. Их продукт доставляет сырой материал, вспомогательные материалы и т. д. для всех остальных отраслей производства. Но их стоимость не возмещает стоимости всех других общественных капиталов; она возмещает лишь свою собственную капитальную стоимость (+прибавочная стоимость). Здесь у А. Смита снова сказывается влияние физиократов.

С общественной точки зрения справедливо, что часть товарного капитала, состоящая из продуктов, которые могут служить лишь средствами труда, действительно раньше или позже будет функционировать в качестве средств труда,—если только она не произведена вообще без всякой пользы, не остается непроданной; другими словами, на основе капиталистического производства такого рода продукты, перестав быть товарами, действительно становятся согласно своему назначению элементами основной части общественного производительного капитала.

Здесь перед нами различие, вытекающее из натуральной формы продукта.

Так, напр., прядильная машина имеет потребительную стоимость только в том случае, если она применяется для прядения, применяется как элемент производства, следовательно, с капиталистической точки зрения, функционирует как основная часть производительного капитала. Но прядильная машина подвижна. Она может быть вывезена из страны, в которой произведена, и продана в чужой стране в обмен, прямо или косвенно, на сырые материалы и т. п. или на шампанское. В стране, где она была произведена, она в таком случае функционирует только как товарный капитал, но отнюдь не функционирует — даже после продажи — как основной капитал.

Напротив, продукты, которые локализируются, срастаясь с почвой, и потому могут быть использованы только на месте, напр., фабричные здания, железные дороги, мосты, туннели, доки и т. п., мелиорации и т. д.,—все такие продукты не могут быть вывезены вещественно, так, как они существуют. Они неподвижны. Они или вовсе не находят

себе применения, или, раз они проданы, должны функционировать в качестве основного капитала в той стране, где произведены. Для капиталистического производителя, который ради спекуляции, с целью продажи, строит фабрики или улучшает почву, эти вещи имеют форму его товарного капитала, следовательно, по А. Смиту, форму оборотного капитала. Но, рассматриваемые с точки зрения всего общества, эти вещи, чтобы не остаться бесполезными, должны в конце концов функционировать в собственной стране как основной капитал, должны функционировать в процессе производства, фиксированном в месте их нахождения. Отсюда отнюдь не следует, что неподвижные вещи как таковые уже сами по себе представляют основной капитал; они, как, напр., жилые дома, могут принадлежать к фонду потребления и таким образом вообще не входить в состав общественного капитала, составляя однако элемент общественного богатства, по отношению к которому капитал представляет только часть. Производитель этих вещей, употребляя выражение Смита, получает прибыль при помощи их продажи. Итак, оборотный капитал! Человек, пользующийся ими, их окончательный покупатель, может использовать их, только применив их в процессе производства. Итак, основной капитал!

Титул собственности, напр., на железную дорогу может ежедневно переходить из рук в руки, и владельцы ее путем продажи этого титула могут получать прибыль даже за границей, — так что титул собственности на железную дорогу в противоположность самой железной дороге может быть экспортирован. Тем не менее сами эти вещи должны в той стране, где они локализованы, или лежать втуне, или функционировать в качестве основной части производительного капитала. Равным образом фабрикант А может получить прибыль путем продажи своей фабрики фабриканту В, что однако не мешает фабрике и теперь, как раньше, функционировать в качестве основного капитала.

Таким образом фиксированные в данном месте, неотделимые от почвы средства труда неизбежно должны функционировать как основной капитал в самой стране, хотя бы для своего производителя они функционировали как товарный капитал, не составляли элементов его основного капитала (последний состоит для него из средств труда, в которых он нуждается для постройки зданий, железных дорог и т. п.). Но отсюда ни в каком случае не следует обратного вывода, будто основной капитал неизбежно должен состоять из неподвижных вещей. Корабль или локомотив действуют только в движении; и все же они функционируют — не для своего производителя, а для потребителя — как основной капитал. С другой стороны, текучими составными частями производительного капитала являются вещи, которые самым несомненным образом фиксированы в производственном процессе, совершают в

нем весь круг своей жизни и, раз вступив в него, уже никогда его не покидают, — напр., уголь, потребляемый машиной в процессе производства, газ, служащий для освещения фабричного здания, и т. п. Они текучи не потому, что они вещественно покидают процесс производства вместе с продуктом и обращаются как товар, а потому, что их стоимость целиком входит в стоимость товара, изготовлению которого они содействуют, и, следовательно, целиком должна быть возмещена путем продажи товара.

В только что цитированном месте из А. Смита приходится отметить еще следующую фазу: „Оборотный капитал, доставляющий... содержание рабочих, которые делают их“ (машины и т. д.).

У физиократов часть капитала, авансированная в виде заработной платы, правильно фигурирует под именем ежегодных авансов в противоположность первоначальным авансам. С другой стороны, у них в качестве составной части производительного капитала, применяемого фермером, указывается не сама рабочая сила, а средства существования, выдаваемые сельскохозяйственным рабочим („содержание рабочих“, как выражается Смит). Это находится в тесной связи с их специфической доктриной. А именно, у них часть стоимости, присоединяемая трудом к продукту (совершенно так же, как и та часть стоимости, которую присоединяют к продукту сырые материалы, орудия труда и др. вещественные составные части постоянного капитала), принимается равной стоимости тех средств существования, которые уплачены рабочим и которые они должны потребить для поддержания своего функционирования в качестве рабочей силы. Открыть разницу между постоянным и переменным капиталом, — в этом физиократам мешает сама их доктрина. Если прибавочную стоимость производит Труд (сверх воспроизводства своей собственной цены), то он производит ее в промышленности точно так же, как и в земледелии. Но так как согласно системе физиократов труд производит ее только в одной отрасли производства, в земледелии, то она возникает не из труда, а из особой деятельности (из содействия) природы в этой отрасли. И только поэтому для них земледелие является производительным трудом в противоположность всем другим видам труда.

А. Смит определяет средства существования рабочих, как оборотный капитал в противоположность основному,

1) так как он оборотный капитал в его противопоставлении основному смешивает с формами капитала, относящимися к сфере обращения, с капиталом обращения: смешение, которое без критики унаследовали от него позднейшие экономисты. Поэтому он смешивает товарный капитал с текучею составною частью производительного капитала; и само собой понятно, что там, где общественный продукт принимает

форму товара, средства существования рабочих, как и нерабочих, материалы, как и самые средства труда, могут быть получены только из товарного капитала.

2) Но и представление физиократов проскальзывают у Смита, хотя они противоречат эзотерической — действительно научной — части его собственного построения.

Авансированный капитал вообще превращается в производительный капитал, т. е. принимает форму элементов производства, в свою очередь являющихся продуктом прежнего труда (сюда относится и рабочая сила). Только в этой форме может он функционировать в процессе производства. И если на место самой рабочей силы, в которую превращена переменная часть капитала, подставить средства существования рабочего, то очевидно, что эти средства существования, как таковые, играют ту же самую роль в процессе образования стоимости, как и другие элементы производительного капитала, как сырые материалы, средства существования рабочего скота и т. п. На этом основании Смит в цитированном выше месте и рассматривает их, следуя примеру физиократов, под общим углом зрения. Средства существования сами по себе не могут увеличить свою стоимость или присоединить к ней прибавочную стоимость. Их стоимость, как и стоимость других элементов производительного капитала, может лишь снова проявиться в стоимости продукта. Средства существования не могут присоединить к продукту больше стоимости, чем та, которой они обладают сами. От основного капитала, состоящего из средств труда, они, подобно сырому материалу, полуфабрикатам и т. п., отличаются лишь тем, что они (по крайней мере с точки зрения капиталиста, который их оплачивает) совершенно уничтожаются в продукте, в созидании которого они участвуют, что, следовательно, стоимость их должна быть возмещена целиком, тогда как по отношению к основному капиталу это совершается лишь постепенно, по частям. Следовательно, часть производительного капитала, авансированная на рабочую силу (или средства существования рабочего), лишь вещественно, а не по своей роли в процессе труда и увеличения стоимости отличается от других вещественных элементов производительного капитала. Она отличается лишь постольку, поскольку, попадая в категорию оборотного капитала вместе с одной частью объективных образований продукта („материалов“, употребляя общее обозначение Смита), отличается от другой части объективных образований продукта, которая относится к категории основного капитала

То обстоятельство, что часть капитала, вложенная в заработную плату, вместе с частью вещественных образований продукта, каковы сырые материалы и т. п., относится к текучей части производитель-

ного капитала, обладает свойством текучести, в противоположность основной части производительного капитала, — это обстоятельство не имеет абсолютно никакого отношения к той роли, которую в процессе увеличения стоимости играет переменный капитал в противоположность постоянному. Здесь дело идет лишь о том, каким образом эта часть авансированной капитальной стоимости должна быть возмещена, возобновлена, т.-е. воспроизведена из стоимости продукта при посредстве обращения. Повторные акты купли рабочей силы относятся к процессу обращения. Но только в процессе производства стоимость, затраченная на рабочую силу, из определенной, постоянной величины превращается (не для рабочего, а для капиталиста) в переменную, — и, следовательно, вообще только благодаря этому авансированная стоимость превращается в капитальную стоимость, в капитал, в самовозрастающую стоимость. Но вследствие того, что Смит определяет как текучую составную часть производительного капитала не ту стоимость, которая затрачена на рабочую силу, а ту стоимость, которая затрачена на средства существования рабочего, становится невозможным понимание разницы между переменным и постоянным капиталом, а следовательно и понимание процесса капиталистического производства вообще. Определение этой части капитала как капитала переменного в противоположность постоянному капиталу, затраченному на вещественные образатели продукта, совершенно погребено здесь определением, гласящим, что по своей роли в обороте часть капитала, затраченная на рабочую силу, принадлежит к текучей части производительного капитала. Это погребение вопроса становится тем более основательным, что в качестве элемента производительного капитала вместо рабочей силы приводятся средства существования рабочего. Суть дела не изменяется от того, авансируется ли стоимость рабочей силы в виде денег или прямо в виде средств существования. Хотя, конечно, этот последний случай на основе капиталистического производства может представлять лишь исключение ²⁴⁾.

Благодаря тому, что определение оборотного капитала было таким образом закреплено А. Смитом в качестве решающего для капитальной стоимости, вложенной в рабочую силу (определение физиократов без предпосылки физиократов), Смит счастливо привел своих последователей к полнейшей невозможности познать как капитал переменный ту часть капитала, которая затрачена на рабочую силу. Более глубокие

²⁴⁾ Насколько сам А. Смит закрывает себе путь к правильному пониманию роли рабочей силы в процессе увеличения стоимости, доказывает следующая фраза, в которой труд рабочих совершенно в духе физиократов приравнивается к работе скота: «Не только его (фермера) работающие слуги, но и его рабочий скот суть производительные работники» (Book II, chap. V, p. 243).

и правильные мысли, рассеянные самим А. Смитом в других местах, не удержались; победа осталась именно за этой ошибкой. Мало того, позднейшие писатели пошли еще дальше; для них решающее определение той части капитала, которая затрачена на рабочую силу, не только в том, что она является оборотным капиталом в противоположность основному,—они основную характеристику оборотного капитала сводят к тому, что он затрачивается на средства существования рабочих. Отсюда неизбежно вытекает учение о рабочем фонде, состоящем из необходимых средств существования, как о величине постоянной, которая, с одной стороны, физически ограничивает долю рабочих в общественном продукте, а с другой стороны, во всем своем объеме должна быть затрачена на покупку рабочей силы.

Г л а в а о д и н н а д ц а т а я .

Теории основного и оборотного капитала. Рикардо.

Рикардо приводит разницу между основным и оборотным капиталом только для того, чтобы уяснить исключение из правила стоимости, а именно такие случаи, когда норма заработной платы влияет на цены. Об этом мы будем говорить только в III томе.

Однако основная неясность уже с самого начала обнаруживается в следующем сопоставлении. „Эта разница в степени долговечности основного капитала, и эта изменчивость отношений, в которых два вида капитала могут быть комбинированы“²⁵⁾.

Если мы спросим, каковы же эти два вида капитала, то оказывается следующее: „Равным образом, различно могут быть комбинированы отношения между капиталом, предназначенным для содержания труда, и капиталом, вложенным в орудия, машины и постройки“²⁶⁾. Следовательно, основной капитал=средствам труда, и оборотный капитал=капиталу, вложенному в труд. Капитал, предназначенный для того, чтобы „содержать труд“, уже это—плоское выражение, заимствованное у А. Смита. Оборотный капитал смешивается здесь, с одной стороны, с переменным капиталом, т.-е. с частью производительного капитала, вложенной в труд. Но, с другой стороны, так как противопоставление почерпнуто не из процесса возрастания стоимости (по-

²⁵⁾ „This difference in the degree of durability of fixed capital, and this variety in the proportions in which the two sorts of capital may be combined“.— Principles, p. 25.

²⁶⁾ „The proportions, too, in which the capital that is to support labour, and the capital that is invested in tools, machinery and buildings, may be variously combined“.— I. c.

стоянный и переменный капитал), а из процесса обращения (старая Смитовская путаница), то в результате получаются определения, ложные вдвойне.

Во-первых. Различие в степени долговечности основного капитала и различие в составе капитала, составляющегося из постоянной и переменной части, признаются здесь равнозначными. Но последнее различие определяет различие в производстве прибавочной стоимости; напротив, первое, поскольку дело идет о процессе возрастания стоимости, касается лишь тех способов, при помощи которых данная стоимость средств производства переносится на продукт; поскольку же имеется в виду процесс обращения, оно относится лишь к периоду возобновления затраченного капитала, или—с другой точки зрения—к периоду, на который авансирован капитал. Если мы, вместо того, чтобы вскрыть внутреннее движение в капиталистическом процессе производства, будем рассматривать лишь сложившиеся явления, то эти различия, действительно, совпадут. При распределении общественной прибавочной стоимости между капиталами, вложенными в различные отрасли производства, оказывают свое влияние и различия в периодах, на которые авансирован капитал (напр., различная продолжительность существования основного капитала), и различия в органическом составе капитала (следовательно, и различие в обращении постоянного и переменного капитала). И то и другое влияние одинаково приводят к уравниванию общей нормы прибыли и к превращению стоимостей в цены производства.

Во-вторых. С точки зрения процесса обращения на одной стороне находятся средства труда: основной капитал, на другой стороне—материал труда и заработная плата: текущий капитал. Напротив, с точки зрения процесса труда и увеличения стоимости на одной стороне стоят: средства производства (средства труда и материал труда), т.-е. постоянный капитал; на другой стороне—рабочая сила, т.-е. переменный капитал. Для органического состава капитала („Капитал“, книга I, гл. XXIII, 2) совершенно безразлично, состоит ли данное количество стоимости постоянного капитала из значительной массы средств труда и небольшой материала труда, или, напротив, из значительного количества материала труда и небольшого средств труда: органический состав капитала всецело определяется отношением между капиталом, вложенным в средства производства, и капиталом, затраченным на рабочую силу. Напротив: с точки зрения процесса обращения, с точки зрения различия между основным и оборотным капиталом, совершенно безразлично, в каком отношении данная стоимость оборотного капитала распадается на материал труда и заработную плату. С одной точки зрения материал труда попадает в одну категорию с средствами труда,

противополагаясь капитальной стоимости, вложенной в рабочую силу. С другой точки зрения часть капитала, затраченная на рабочую силу, вместе с частью капитала, затраченной на материал труда, соединяется в одну рубрику и противопоставляется части капитала, вложенной в средства труда.

Поэтому у Рикардо часть капитальной стоимости, затраченная на материал труда (сырые и вспомогательные материалы), не появляется ни на той, ни на другой стороне. Она исчезает совершенно. Она не подходит к категории основного капитала, так как она по способу своего обращения вполне совпадает с частью капитала, затраченной на рабочую силу. С другой стороны, она не может быть подведена под категорию оборотного капитала, так как вместе с этим устранилась бы возможность считать равнозначащими противопоставление „основной и оборотный капитал“ и противопоставление „постоянный и переменный капитал“, — между тем Рикардо молчаливо воспринимает проскальзывающее у А. Смита отождествление этих двух противопоставлений. Рикардо обладает слишком сильным логическим инстинктом, чтобы не почувствовать этого, и потому-то упомянутая часть капитала вовсе исчезает у него.

Здесь следует отметить, что, как выражается политическая экономия, капиталист „авансирует“ капитал, вложенный в заработную плату, в различные сроки, смотря по тому, уплачивается ли она еженедельно, ежемесячно, в три месяца раз и т. п. В действительности дело происходит как раз обратно. Рабочий авансирует капиталисту свою работу на неделю, на месяц, на три месяца, смотря по тому, еженедельно, ежемесячно или каждые три месяца уплачивается заработная плата. Если бы капиталист покупал рабочую силу вместо того, чтобы оплачивать ее после ее потребления; если бы он платил рабочему заработную плату за день, неделю, месяц или три месяца вперед, то могла бы идти речь об авансировании на эти периоды времени. Но так как он платит после того, как труд уже продолжался дни, недели, месяцы, вместо того, чтобы купить и оплатить труд на период времени, в течение которого он должен продолжаться, то в целом мы имеем перед собою капиталистическое *qui pro quo*: аванс, выданный рабочим капиталисту в виде труда, превращается в аванс, выдаваемый капиталистом рабочему в виде денег. Дело несколько не изменяется от того, что капиталист получает назад из сферы обращения, или реализует самый продукт или его стоимость (вместе с заключенной в нем прибавочной стоимостью) только по прошествии более или менее длинного периода, в зависимости от различной продолжительности времени, необходимого для изготовления продукта, а также от различной продолжительности времени его обращения. Для продавца

во всяком случае совершенно безразлично, что именно намерен предпринять с его товаром покупатель. Капиталисту машина не обходится дешевле от того, что он должен сразу авансировать всю ее стоимость, между тем как к нему эта стоимость притекает обратно из процесса обращения лишь постепенно и по частям; равным образом он не платит дороже за хлопок вследствие того, что его стоимость входит целиком в стоимость изготовленного из него продукта и, следовательно, целиком и сразу возмещается при продаже продукта.

Возвратимся к Рикардо.

1) Характерная особенность переменного капитала состоит в том, что здесь определенная данная (и как таковая постоянная) часть капитала, данная сумма стоимости (предполагается, что она равна стоимости рабочей силы, хотя в данном случае безразлично, равна ли заработная плата стоимости рабочей силы, больше или меньше ее) обменивается на силу, самовозрастающую в стоимости, создающую стоимость,— на рабочую силу, которая не только воспроизводит выплаченную капиталистом стоимость, но производит в то же время прибавочную стоимость, т.-е. стоимость, не существовавшую ранее, не оплаченную каким бы то ни было эквивалентом. Это характерное свойство части капитала, вложенной в заработную плату, свойство, отличающее ее как переменный капитал *toto coelo* от капитала постоянного, исчезает, раз часть капитала, затраченная на заработную плату, рассматривается исключительно с точки зрения процесса обращения и представляется таким образом оборотным капиталом в противоположность основному капиталу, вложенному в средства труда. Это вытекает уже из того, что тогда под одной и той же рубрикой— под рубрикой оборотного капитала— часть капитала, затраченная на рабочую силу, соединяется с частью постоянного капитала, вложенной в материал труда, и противопоставляется другой части постоянного капитала, вложенной в средства труда. Прибавочная стоимость, т.-е. как раз то обстоятельство, которое превращает вложенную сумму стоимости в капитал, остается при этом совершенно вне рассмотрения. Вне рассмотрения оказывается и тот факт, что часть стоимости, которую присоединяет к продукту вложенный в заработную плату капитал, произведена вновь (следовательно, действительно воспроизведена), между тем как часть стоимости, которую присоединяет к продукту сырой материал, не произведена вновь, не воспроизведена действительно, а лишь сохранена в стоимости продукта, консервирована, и потому лишь выступает снова, как составная часть стоимости продукта. Различие, как оно представляется нам теперь с точки зрения противоположности между текущим и основным капиталом, состоит лишь в следующем: стоимость средств труда, примененных для производства

товара, лишь по частям входит в стоимость товара и потому по частям же возмещается при продаже товара, а, следовательно, и вообще может возмещаться лишь по частям и постепенно. С другой стороны, стоимость рабочей силы и предметов труда (сырых материалов и т. п.), примененных для производства товара, целиком переходит в товар и потому целиком возмещается при его продаже. В этом смысле по отношению к процессу обращения одна часть капитала представляется основным, другая — текучим, или оборотным капиталом. В обоих случаях дело идет о перенесении данной авансированной стоимости на продукт и о возмещении ее посредством продажи продукта. Разница сводится здесь только к тому, что в одних случаях это перенесение стоимости, а, следовательно, и возмещение стоимости совершается по частям и постепенно, в других случаях — сразу. Вместе с тем затушевывается кардинальное различие между переменным и постоянным капиталом, следовательно, вне поля зрения остается вся тайна образования прибавочной стоимости и вся тайна капиталистического производства, т. е. условия, превращающие в капитал известные стоимости и вещи, в которых эти стоимости воплощаются. Все составные части капитала различаются тут только по способу своего обращения (а обращение товара имеет дело, конечно, лишь с уже данными, наличными стоимостями); но особый способ обращения, характеризующий капитал, вложенный в заработную плату, свойствен и той части капитала, которая затрачена на сырые материалы, полуфабрикаты, вспомогательные материалы, в противоположность части капитала, вложенной в средства труда.

Отсюда понятно, почему буржуазная политическая экономия инстинктивно удерживала Смитовское смешение категорий „постоянного и переменного капитала“ с категориями „основного и оборотного капитала“ и без всякой критики в течение целого столетия передавала эту путаницу из поколения в поколение. Для нее вложенная в заработную плату часть капитала совершенно уже не отличается от части капитала, затраченной на сырой материал, и отличается лишь формально — лишь тем, обращается ли она по частям или целиком вместе с продуктом — от постоянного капитала. Таким образом одним ударом разрушаются основания, необходимые для того, чтобы понять действительное движение капиталистического производства, а следовательно, и капиталистической эксплуатации. Дело сводится таким образом лишь к возобновлению авансированных стоимостей.

Эта некритически заимствованная у А. Смита путаница мешает Рикардо последовательно развить свою теорию в большей степени, чем не только позднейшим апологетами, целям которых путаница понятий скорее содействует, но и чем самому А. Смигу, так как Рикардо,

следуя по существу эзотерическому учению А. Смита против экзотерического А. Смита, в противоположность последнему создал более последовательное и решительное учение о стоимости и прибавочной стоимости.

У физиократов нет и следа этой путаницы. Разница между *avances annuelles* и *avances primitives* относится лишь к различным периодам воспроизводства различных составных частей капитала, и притом специально земледельческого капитала; их взгляды на производство прибавочной стоимости составляют независимую от этого различия часть их теории, и притом часть, которую они выставляют, как самую основу теории. Образование прибавочной стоимости объясняется здесь не из капитала как такового, а приписывается определенной производственной сфере капитала, земледелию.

2) Самое существенное для определения переменного капитала— а следовательно, и для превращения любой суммы стоимости в капитал—состоит в том, что капиталист обменивает определенную, данную (и в этом смысле постоянную) величину стоимости на силу, творящую стоимость; определенное количество стоимости обменивается на производство стоимости, на процесс ее самовозрастания. Платит ли капиталист рабочему деньгами или средствами существования, от этого сущность основного определения несколько не изменяется. Меняется лишь способ существования авансированной капиталистом стоимости, принимающей в одном случае форму денег, на которые рабочий покупает на рынке средства своего существования, в другом случае форму средств существования, которые рабочий потребляет непосредственно. В действительности развитое капиталистическое производство предполагает, что рабочий оплачивается деньгами, так как оно вообще предполагает процесс производства, обслуживаемый процессом обращения, т.-е. предполагает денежное хозяйство. Но создание прибавочной стоимости—и, следовательно, капитализация авансированной суммы стоимости—не вытекает ни из денежной, ни из натуральной формы заработной платы, или капитала, затраченного на покупку рабочей силы. Оно вытекает из обмена стоимости на силу, создающую стоимость, из превращения постоянной величины в переменную.

Большая или меньшая закреплённость средств труда зависит от степени их долговечности, т.-е. от физических свойств. В зависимости от степени долговечности они при прочих равных условиях снашиваются скорее или медленнее, следовательно, функционируют в качестве основного капитала более длинное или более короткое время. Но они функционируют в качестве основного капитала отнюдь не вследствие одного этого физического свойства долговечности. Сырые материалы на металлических фабриках столь же долговечны, как и

машины, при помощи которых они обрабатываются, и долговечнее многих составных частей этих машин: кожи, дерева и т. п. Тем не менее металл, служащий в качестве сырого материала, образует часть оборотного капитала, а находящееся в деле средство труда, сделанное, быть может, из того же самого металла, есть часть основного капитала. Таким образом дело здесь не в физической природе вещества; не вследствие меньшей или большей прочности один и тот же металл один раз помещается под рубрикой основного, другой раз под рубрикой оборотного капитала. Эта разница вытекает из той роли, которую он играет в процессе производства в одном случае как предмет труда, в другом—как средство труда.

Функция средства труда в процессе производства требует, вообще говоря, чтобы это средство в течение более или менее продолжительного периода снова и снова применялось в повторных процессах труда. Уже его функцией предписывается таким образом большая или меньшая долговечность его материала. Но не долговечность материала, из которого оно изготовлено, делает его как таковое основным капиталом. То же самое вещество в качестве сырого материала есть оборотный капитал, и у экономистов, которые смешивают разницу между товарным капиталом и производительным капиталом и разницу между оборотным капиталом и основным капиталом, то же самое вещество, та же самая машина как продукт является оборотным капиталом, как средство труда—основным капиталом.

Но хотя основным капиталом средство труда становится не вследствие прочности вещества, из которого оно сделано, тем не менее его роль как средства труда требует, чтобы оно состояло из сравнительно прочного материала. Следовательно, долговечность его вещества есть предпосылка его функционирования как средства труда, а вместе с тем материальная основа того способа обращения, который делает его основным капиталом. При прочих равных условиях большая или меньшая неразрушаемость его материала накладывает на него в большей степени печать неподвижности (*Fixität*) и, следовательно, находится в существенной связи с его качеством как основного (*fixes*—„неподвижного“) капитала.

Если же часть капитала, затраченная на рабочую силу, рассматривается исключительно с точки зрения оборотного капитала и, следовательно, противопоставляется основному капиталу; если поэтому различия между постоянным и переменным капиталом смешиваются с различиями между основным и оборотным капиталом, то совершенно естественно, с одной стороны, вещественную реальность средства труда выставить основанием, определяющим его характер как основного капитала, и, с другой стороны, напротив, из вещественной

реальности капитала, затраченного на рабочую силу, вывести его характер как оборотного капитала и затем снова определить оборотный капитал при помощи вещественной реальности переменного капитала.

Действительным материалом капитала, затраченного на заработную плату, является сам труд: функционирующая, творящая стоимость рабочая сила, живой труд, который капиталист обменял на мертвый овеществленный труд и ввел в свой капитал, благодаря чему находящаяся в его руках стоимость превращается в стоимость самовозрастающую. Но эту способность к самовозрастанию капиталист не продает. Она всегда является лишь составной частью его производительного капитала, подобно его средствам труда, но отнюдь не составной частью его товарного капитала, каковой являются, напр., готовые продукты, которые он продает. В процессе производства, как составная часть производительного капитала, средства труда не противостоят рабочей силе как основной капитал, а материал труда и вспомогательные вещества не совпадают с ней в качестве оборотного капитала; тому и другому рабочая сила противостоит как личный фактор вещественному фактору,—это с точки зрения процесса труда. То и другое противостоит рабочей силе как постоянный капитал переменному капиталу,—это с точки зрения процесса возрастания стоимости. Или, раз дело идет о вещественных различиях, поскольку они влияют на процесс обращения, вопрос представляется в следующем виде: из природы стоимости, которая есть не что иное, как овеществленный труд, и из природы функционирующей рабочей силы, которая есть не что иное, как овеществляющийся труд, следует, что рабочая сила в течение периода ее функционирования непрерывно создает стоимость и прибавочную стоимость,—при чем то, что с ее точки зрения представляется движением, созданием стоимости, с точки зрения ее продукта в покоящейся форме есть уже созданная стоимость. Если рабочая сила уже проявила себя, капитал не состоит более из рабочей силы, с одной стороны, средств производства,—с другой. Капитальная стоимость, которая была затрачена на рабочую силу, есть теперь стоимость, которая (+ прибавочная стоимость) присоединена к продукту. Чтобы возобновить процесс, необходимо продать продукт и на вырученные деньги все снова и снова покупать рабочую силу и вводить ее в производительный капитал. Это придает части капитала, затраченной на рабочую силу, а также частям его, затраченным на материал труда и т. п., характер оборотного капитала в противоположность тому капиталу, который остается фиксированным в средствах труда.

Если, с другой стороны, вторичное определение оборотного капитала, общее ему с частью постоянного капитала (сырыми и вспомога-

тельными материалами), превратить в существенную характеристику части капитала, затраченной на рабочую силу, — а именно, если исходить из того, что стоимость, затраченная на нее, переносится целиком на продукт, в производстве которого эта рабочая сила потребляется, а не постепенно и частями, как у основного капитала, что стоимость эта, следовательно, должна быть целиком возмещена при продаже продукта, — то при этом и часть капитала, затраченная на заработную плату, вещественно должна состоять не из функционирующей рабочей силы, а из вещественных элементов, которые рабочий покупает на свою плату, т. е. из части общественного товарного капитала, входящей в потребление рабочего, — из средств существования. Основной капитал состоит при таком взгляде на дело из средств труда, разрушающихся сравнительно медленно и потому не подлежащих частому возобновлению, капитал же, затраченный на рабочую силу, — из средств существования, требующих более быстрого возмещения.

Однако границы более быстрой и более медленной разрушаемости стираются.

„Пища и одежда, которые потребляет рабочий, здания, в которых он работает, орудия, которые способствуют его работе, все эти вещи преходящи по своей природе. Но существует громадная разница во времени, в течение которого сохраняются эти различные капиталы: паровая машина сохраняется дольше, чем корабль, корабль дольше, чем одежда рабочего, одежда рабочего дольше, чем пища, которую он потребляет“²⁷⁾.

Рикардо забывает при этом дом, в котором живет рабочий, его мебель, орудия его потребления, как ножи, вилки, посуду и т. п., которые все в смысле долговечности имеют тот же самый характер, как и средства труда. Те же самые вещи, те же самые классы вещей выступают в одном случае как средства потребления, в другом случае — как средства труда.

Разница, по словам Рикардо, состоит в следующем: „Смотря по тому, разрушается ли капитал быстро и требует частого воспроизводства, или же он потребляется медленно, он классифицируется как оборотный или как основной капитал“²⁸⁾.

²⁷⁾ «The food and clothing consumed by the labourer, the buildings in which he works, the implements with his labour is assisted, are all of a perishable nature. There is, however, a vast difference in the time for which these different capitals will endure: a steam-engine will last longer than a ship, a ship than the clothing of the labourer, and the clothing of the labourer longer than the food which he consumes», Ricardo, etc., p. 27.

²⁸⁾ «According as capital is rapidly perishable and requires to be frequently reproduced, or is of slow consumption, it is classed under the heads of circulating, or fixed capital».

К этому он делает примечание: «Разделение несущественное, в котором к тому же нет возможности точно провести разграничительную линию»²⁹⁾.

Таким образом, мы благополучно пришли опять к физиократам, у которых разница между *avances annuelles* и *avances primitives* была разницей в продолжительности потребления, а следовательно, и в периоде воспроизводства примененного к делу капитала. Но только то что у них выражает собою важный для общественного производства феномен и в *Tableau économique* приводится в связь с процессом обращения, здесь является лишь субъективным и, по словам самого Рикардо, излишним различием.

Раз часть капитала, затраченная на труд, отличается от части капитала, затраченной на средства труда, только периодом своего воспроизводства, следовательно, продолжительностью своего обращения раз одна часть составляется из средств существования совершенно так же, как другая из средств труда, так что последние отличаются от первых лишь более медленной разрушаемостью, при чем и первые конечно, в свою очередь обладают различными степенями долговечности, — раз это так, то *differentia specifica* между капиталом, затраченным на рабочую силу, и капиталом, затраченным на средства производства, естественно, совершенно стираются.

Это противоречит Рикардовской теории стоимости точно так же, как и его теории прибыли, которая фактически есть теория прибавочной стоимости. Он рассматривает различие между основным и оборотным капиталом вообще лишь постольку, поскольку различные пропорции обоих подразделений капитала при одинаковой величине всего капитала влияют в различных отраслях предприятий на закон стоимости, а именно, он рассматривает, как отражается вследствие этих обстоятельств повышение или понижение заработной платы на цене продукта. Но даже в ограниченных рамках этого исследования он вследствие смещения основного и оборотного капитала с постоянным и переменным делает величайшие ошибки и в действительности исходит в своем исследовании из совершенно ложного основания. А именно, 1) поскольку часть капитальной стоимости, затраченная на рабочую силу, подводится под рубрику оборотного капитала, неправильно устанавливаются определения самого оборотного капитала и в особенности те признаки, которые подводят часть капитала, затраченную на труд, под эту рубрику; 2) происходит смещение того определения, согласно которому часть капитала затраченная на труд, есть пере-

²⁹⁾ «A division not essential, and in which the line of demarcation cannot be accurately drawn».

менный капитал, и того, согласно которому она есть оборотный капитал в противоположность основному.

Уже с самого начала очевидно, что определение капитала, затраченного на рабочую силу, как оборотного или текущего, есть вторичное определение, в котором погашаются *differentia specifica* производственного процесса: с одной стороны, при таком определении капиталы, затраченный на труд и затраченный на сырые материалы и т. п., принимаются за равнозначные; рубрика, отождествляющая часть постоянного капитала с переменным, совершенно игнорирует *differentia specifica* переменного капитала в противоположность постоянному. С другой стороны, части капитала, затраченная на труд и затраченная на средства труда, хотя и противопоставляются друг другу, но отнюдь не в том смысле, что они совершенно различным способом входят в производство стоимости, а лишь в том смысле, что обе они переносят на продукт свою данную стоимость. но только в различные периоды времени.

Во всех этих случаях дело идет лишь о том, как данная стоимость, вложенная в процесс производства товара,—будет ли это заработная плата, цена сырых материалов или цена средств труда,—как она переносится на продукт, следовательно, каким образом она обращается при помощи продукта и посредством продажи продукта возвращается к своему исходному пункту, или возмещается. Единственная разница заключается здесь в этом „как“, в особом способе перенесения, а следовательно, и обращения этой стоимости.

Заранее определенная контрактом цена рабочей силы может уплачиваться и деньгами и средствами существования,—в том и другом случае характер ее остается неизменным, в том и другом случае она есть данная, заранее определенная цена. Между тем при уплате заработной платы деньгами с первого же взгляда ясно, что деньги сами по себе не входят в процесс производства подобно средствам производства, у которых не только стоимость, но и самое вещество вступает в производственный процесс. Если же средства существования, которые покупает рабочий на свою заработную плату, непосредственно подводятся под одну рубрику с сырыми материалами и т. п. как вещественная форма оборотного капитала, и противопоставляются средствам труда, дело получает иной вид. Если стоимость вещей второй категории, т.-е. средств производства, переносится в процессе труда на продукт, то стоимость вещей первой категории, т.-е. средств существования, снова проявляется в рабочей силе, которая их потребила, и путем функционирования этой последней опять-таки переносится на продукт. В обоих случаях дело одинаково идет о простом повторном появлении в продукте стоимостей, которые были авансированы во

время производства. (Физиократы принимали это в серьез и поэтому отрицали за промышленным трудом способность производить прибавочную стоимость). Так, напр., Вэйлэнд пишет в цитированном уже месте: „Безразлично, в какой именно форме появляется снова капитал... различные виды пищи, одежды и жилища, необходимые для существования и благоденствия людей, также изменяются. Они потребляются с течением времени, и стоимость их появляется снова“ и т. д. (Elements of Polit. Econ., p. 31, 32). Капитальные стоимости, авансированные для производства в форме средств производства и средств существования, одинаково вновь появляются в стоимости продукта. Таким путем счастливо достигается превращение капиталистического процесса производства в совершеннейшую мистерию, и происхождение прибавочной стоимости, заключающейся в продукте, оказывается совершенно вне поля зрения.

Далее, здесь довершается присущий буржуазной политической экономии фетишизм, который общественный, экономический характер, накладываемый на вещи общественным процессом производства, превращает в естественный, из самой природы вещей вытекающий характер. Так, напр., „средства труда суть основной капитал“ есть схоластическое определение, ведущее к противоречиям и путанице. При изучении процесса труда („Капитал“, книга I, глава V) мы показали, что выступают ли вещественные элементы определенного процесса труда как средства труда, как материал труда или как продукт, это зависит исключительно от той роли, которую они играют в каждом данном случае, зависит от их функции. Равным образом средства труда только в том случае являются основным капиталом, если процесс производства есть вообще капиталистический производственный процесс и, следовательно, средства производства—вообще капитал, если они обладают экономическим общественным характером капитала; и, с другой стороны, они являются основным капиталом лишь в том случае, если они известным определенным образом переносят свою стоимость на продукт. Если этого нет, они остаются средствами труда, не будучи основным капиталом. Точно так же вспомогательные материалы, напр., удобрение, если они передают свою стоимость тем же самым способом, как большая часть средств труда, становятся основным капиталом, хотя они и не являются средствами труда. Здесь дело идет не об определении, под которое могут быть подведены вещи. Дело идет об определенных функциях, которые должны получить выражение в определенных категориях.

Раз средства существования как таковым при всяких обстоятельствах приписывается свойство быть капиталом, затраченным на заработную плату, то это свойство „поддерживать труд“, to support labour

Рикардо, р. 25), превращается в характер, присущий этому „оборотному“ капиталу. Следовательно, выходит, что средства существования, если бы они не были „капиталом“, не могли бы поддерживать рабочей силы; между тем в действительности как раз их принадлежность к капиталу дает им свойство поддерживать капитал при помощи чужого труда.

Если средства существования как таковые суть оборотный капитал— после того как последний превратился в заработную плату,—то отсюда следует, далее, что величина заработной платы зависит от отношения между числом рабочих и данной массой оборотного капитала,—излюбленное положение экономистов; между тем на самом деле масса средств существования, которую рабочий берет с рынка, и масса средств существования, которой располагает капиталист для собственного потребления, зависит от отношения между прибавочной стоимостью и ценой труда.

Рикардо, как и Бартон ³⁰⁾, смешивает везде отношения между переменным капиталом и постоянным и отношение между оборотным и основным капиталом. Мы увидим впоследствии, на какой ложный путь сбивается благодаря этому его исследование о норме прибыли.

Далее, Рикардо отождествляет разницу между основным и оборотным капиталом и те различия, которые образуются в процессе оборота под влиянием совершенно иных причин. Он пишет: „Необходимо заметить также, что оборотный капитал может обращаться или обратно притекать к своему владельцу в очень различные периоды времени. Пшеница, купленная фермером для посева, есть основной капитал сравнительно с пшеницей, купленной пекарем для превращения ее в хлеб. Один оставляет пшеницу в земле и может получить ее обратно лишь через год, другой может отдать ее смолоть в муку и продать в качестве хлеба своим покупателям, так что в течение одной недели капитал его освобождается, и та же самая или какая-нибудь иная операция с ним может быть начата снова ³¹⁾).

Здесь характерно, во-первых, то, что пшеница, хотя она в качестве семян является не средством существования, а сырым материа-

³⁰⁾ Observations on the Circumstances which influence the Condition of the Labouring Classes of Society. London 1817. (Соответствующее место цитировано в книге I, глава XXIII, 3).

³¹⁾ „It is also to be observed that the circulating capital may circulate, or be returned to its employer, in very unequal times. The wheat bought by a farmer to sow is comparatively a fixed capital to the wheat purchased by a baker to make into loaves. The one leaves it in the ground, and can obtain no return for a year; the other can get it ground into flour, sell it as bread to his customers, and have his capital free, to renew the same, or commence any other employment in a week“ (p. 26, 27).

лом, относится к оборотному капиталу, так как сама по себе она есть пищевой продукт, и, во-вторых, то, что она относится к основному капиталу, раз ее возвращение растягивается на целый год. Но не более медленное или более быстрое возвращение делает данное средство производства основным капиталом, а определенный способ перенесения его стоимости на продукт

Путаница понятий, ведущая свое происхождение от А. Смита, приводит таким образом к следующим результатам:

1) Различие между основным и оборотным капиталом смешивается с различием между производительным капиталом и товарным капиталом. Так, напр., одна и та же машина есть оборотный капитал, если она в качестве товара находится на рынке, и основной капитал, если она введена в процесс производства. При этом остается совершенно непонятным, почему определенный вид капитала должен считаться в большей степени оборотным или в большей степени основным, чем всякий другой вид капитала.

2) Всякий оборотный капитал отождествляется с капиталом, который затрачен или должен быть затрачен на заработную плату. См., например, Дж. Ст. Милля и др.

3) Различие между переменным и постоянным капиталом, которое уже Бартон, Рикардо и др. смешивают с различием между оборотным и основным капиталом, сводится в конце концов совершенно к этому последнему. См., напр., Рамсэя, у которого все средства производства, сырые материалы и т. д., точно так же как и средства труда, являются основным капиталом, и только капитал, затраченный на заработную плату, относится к категории оборотного. Но так как сведение совершается именно в этой форме, действительное различие между постоянным и переменным капиталом остается непонятным.

4) У новейших английских, в особенности шотландских, экономистов, которые рассматривают все с невыразимо ограниченной точки зрения банкирского приказчика, у Маклеода, Паттерсона и др., различие между основным и оборотным капиталом превращается в различие между *money at call* и *money not at call* (денежные вклады получаемые обратно без предварительного уведомления—и выдаваемые лишь после предварительного извещения).

Г л а в а д в е н а д ц а т а я .

Рабочий период.

Возьмем две отрасли предприятий, в которых установлен рабочий день одинаковой продолжительности, напр., десятичасовой процесс

труда; пусть это будет бумагопрядильное дело и фабрикация паровозов. В одной отрасли ежедневно, еженедельно доставляется определенное количество готового продукта, хлопчатобумажной пряжи; в другой отрасли процесс труда должен повторяться, быть может, в течение целых трех месяцев, чтобы создать один готовый продукт, один локомотив. В одном случае продукт делим по своей природе, и одна и та же работа ежедневно и еженедельно возобновляется снова. В другом случае процесс труда непрерывен, охватывает более или менее значительное число ежедневных процессов труда, которые своим соединением, непрерывностью своих операций доставляют готовый продукт лишь по прошествии более или менее продолжительного периода. Хотя ежедневная продолжительность процесса труда здесь одна и та же, тем не менее весьма существенное различие наблюдается в продолжительности производственного акта, т.-е. в продолжительности повторных процессов труда, которые необходимы для того, чтобы создать готовый продукт, отправить его в качестве товара на рынок и, следовательно, превратить из производительного капитала в товарный капитал. Таким образом различие между основным и оборотным капиталом не имеет к этому никакого касательства. Указанное различие сохранилось бы и в том случае, если бы в обеих отраслях предприятий основной и оборотный капитал применялся в совершенно одинаковых пропорциях.

Эти различия в продолжительности производственного акта наблюдаются не только между различными сферами производства, но и в пределах одной и той же производственной сферы, в зависимости от размеров подлежащего изготовлению продукта. Обычный жилой дом может быть выстроен в более короткое время, чем более обширная фабрика, и требует поэтому меньшего числа непрерывных процессов труда. Если постройка локомотива отнимает три месяца, то постройка броненосца требует одного или нескольких лет. Производство хлеба берет времени почти целый год, производство рогатого скота несколько лет, лесоразведение охватывает период от 12 до 100 лет; грунтовая дорога может быть построена в несколько месяцев, постройка железной дороги требует многих лет; обыкновенный ковер изготавливается в неделю, гобеленовый — целые годы и т. д. Различия в продолжительности производственного акта варьируют таким образом до бесконечности.

Различие в продолжительности производственных актов, очевидно, должно при равной величине вложенных в дело капиталов вызвать различие в скорости оборота капитала, т.-е. различие в периодах, на которые авансируется данный капитал. Пусть машинная бумагопрядильня и паровозостроительная фабрика применяют равные по вели-

чине капиталы, распределение капитала на постоянную и переменную, а также на основную и оборотную составные части в обоих случаях пусть будет одинаково; пусть, наконец, рабочий день одинаково продолжителен и в одинаковой пропорции разделяется на необходимый и прибавочный труд. Далее, чтобы устранить обстоятельства, вытекающие из процесса обращения и к данному вопросу не относящиеся, допустим, что пряжа и локомотивы фабрикуются по заказу и оплачиваются немедленно по доставлении готового продукта. В конце недели, сдав готовую пряжу, фабрикант-прядильщик (мы оставляем здесь прибавочную стоимость в стороне) получает назад вложенный в дело оборотный капитал и вместе с тем сношенную часть основного капитала, вошедшую в стоимость пряжи. Следовательно, он может с тем же самым капиталом снова начать тот же самый кругооборот. Он завершил свой оборот. Напротив, фабрикант паровозов должен в течение трех месяцев еженедельно вкладывать новый капитал в заработную плату и сырой материал, и только по прошествии трех месяцев после сдачи паровоза оборотный капитал, постепенно затрачивавшийся в течение этого периода на один и тот же производственный акт, на изготовление одного и того же товара, опять принимает форму, в которой он может начать новый кругооборот; равным образом, снашивание машин в течение этих трех месяцев возмещается только теперь. Один затрачивает свой капитал на неделю, затрата другого равна еженедельной затрате, помноженной на 12. Предполагая все остальные условия равными, один должен иметь в своем распоряжении в двенадцать раз больший оборотный капитал, чем другой.

То обстоятельство, что еженедельно авансируемые капиталы равны, не имеет здесь никакого значения. Какова бы ни была величина авансированного капитала, в одном случае он авансируется на неделю, в другом случае на 12 недель, и только по прошествии этих сроков с ним можно оперировать снова, повторяя ту же самую операцию или начиная какую-либо иную.

Разница в быстроте оборота, или в сроке, на который приходится авансировать различные капиталы и до истечения которого та же самая капитальная стоимость не может служить новому процессу труда или новому процессу созидания стоимости, возникает следующим образом:

Допустим, что постройка паровоза или какой-либо иной машины стоит 100 рабочих дней. По отношению к рабочим, занятым как в прядении, так и в машиностроении, эти 100 рабочих дней образуют прерывную величину, составляющуюся, согласно предположению, из 100 следующих друг за другом отдельных десятичасовых процессов труда. Но по отношению к продукту — машине — 100 рабочих дней

образуют непрерывную величину, так сказать, один рабочий день в 100 рабочих часов, один сплошной акт производства. Такой рабочий день, образованный из ряда последовательных более или менее многочисленных и связанных между собою рабочих дней, я называю рабочим периодом. Говоря о рабочем дне, мы разумеем длину рабочего времени, в течение которого рабочий должен ежедневно затрачивать свою рабочую силу, в течение которого он должен ежедневно работать. Если же мы говорим, напротив, о рабочем периоде, то мы имеем в виду определенное число связанных между собою рабочих дней, необходимых в определенной отрасли производства для получения вполне готового продукта. Продукт каждого рабочего дня есть здесь лишь частичный продукт; он должен изо дня в день созидаться дальше, пока, наконец, к концу более или менее продолжительного периода рабочего времени не получит своей готовой формы, не станет готовой потребительной стоимостью.

Перерывы, нарушения общественного производственного процесса, вследствие, напр., кризисов, оказывают поэтому совершенно различное влияние на те продукты труда, которые по своей природе делимы, и на те, которые требуют для своего производства более или менее длинного, связанного периода труда. За сегодняшним производством определенного количества пряжи, угля и т. п. следует завтра прекращение нового производства пряжи, угля и т. п. Иначе обстоит дело с кораблями, постройками, железными дорогами и т. п. Здесь не только прерывается работа, но прерывается и связанный акт производства. Если постройка не подвигается дальше, то средства производства и труд, уже поглощенные ею, затрачены даром. Если даже она и будет потом возобновлена, в промежуточный период неизбежно произойдут некоторые повреждения.

В продолжение всего рабочего периода слоями накапливается та часть стоимости, которую основной капитал ежедневно отдает продукту до его полной зрелости. И здесь в то же время обнаруживается практическая важность различия между основным и оборотным капиталом. Основной капитал на более или менее продолжительное время авансируется в процесс производства, его не приходится возобновлять ранее, чем по истечении этого, быть-может, многолетнего периода. Переносит ли паровая машина свою стоимость ежедневно по частям на пряжу, продукт прерывного процесса труда, или же она в течение трех месяцев отдает ее локомотиву, продукту непрерывного производственного акта, — это обстоятельство несколько не отражается на затрате капитала, необходимого для покупки паровой машины. В одном случае ее стоимость притекает назад маленькими дозами, напр., еженедельно, в другом более крупными частями, напр., через каждые три

месяца. Но в обоих случаях возобновление паровой машины имеет место всего один раз, скажем, в 20 лет. Раз каждый отдельный период, в течение которого стоимость паровой машины при помощи продажи продукта частями притекает обратно, короче, чем период ее собственного существования, машина продолжает функционировать в процессе производства в продолжение целого ряда рабочих периодов.

Иначе обстоит дело с оборотными составными частями авансированного капитала. Рабочая сила, закупленная на эту неделю, затрачена в течение этой недели и овегествилась в продукте. Она должна быть оплачена в конце этой недели. И такая затрата капитала на рабочую силу еженедельно повторяется в течение трех месяцев, так что затрата этой части капитала в данную неделю не избавляет капиталиста от необходимости в следующую неделю снова закупать труд. На оплату рабочей силы еженедельно должны затрачиваться новые добавочные порции капитала, и если оставить в стороне в е отношении кредита, капиталист должен, очевидно, иметь возможность владеть заработной платой за три месяца, хотя фактически ему и приходится уплачивать ее лишь еженедельными порциями. То же самое относится и к другой части оборотного капитала, к сырым и вспомогательным материалам. Один слой труда за другим накладывается на продукт. Не только стоимость израсходованной рабочей силы, но и прибавочная стоимость непрерывно переносится на продукт в течение процесса труда, но на продукт еще не готовый, еще не принявший формы готового товара и, следовательно, не способный к обращению. Все это справедливо и по отношению к капитальной стоимости, переносимой на продукт по частям с сырых и вспомогательных материалов.

В зависимости от большей или меньшей продолжительности рабочего периода, определяемой специфическими свойствами изготавливаемого продукта или той полезной целью, которая преследуется при этом, необходимы постоянные добавочные затраты оборотного капитала (заработной платы, сырых и вспомогательных материалов), при чем ни одна часть их не находится в форме, способной к обращению, и следовательно, не может служить возобновлению одной и той же операции; напротив, каждая часть последовательно закрепляется в сфере производства как составная часть образующегося продукта, связывается в форме производительного капитала. Но время полного оборота равно сумме времени производства и времени обращения капитала. Таким образом, удлинение времени производства в такой же мере уменьшает быстроту оборота капитала, как и удлинение времени обращения. Но в данном случае необходимо обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых: более продолжительное пребывание в сфере производства. Так, напр., капитал, авансированный в первую неделю на труд, сырые материалы и т. д., точно так же, как и доли стоимости основного капитала, перенесенные на продукт, в течение всего трехмесячного периода остаются связанными в сфере производства и, как введенные в продукт, только еще образующийся, еще не готовый, не могут вступить в процесс обращения в качестве товара.

Во-вторых: так как рабочий период, требуемый для совершения производственного акта, продолжается три месяца и в действительности представляет лишь один связный процесс труда, то каждую неделю новые дозы оборотного капитала должны присоединяться к предыдущим. Таким образом масса авансированных один за другим добавочных капиталов с удлинением рабочего периода возрастает.

Мы предположили, что капиталы, вложенные в бумагопрядение и машиностроение, равны по величине, что капиталы эти в одинаковой пропорции распадаются на постоянный и переменный капитал, а также на основной и оборотный, что рабочие дни имеют одинаковую продолжительность, — одним словом, что одинаковы все условия, за исключением продолжительности рабочего периода. В течение первой недели затраты в обоих случаях равновелики, но продукт прядильщика может быть продан, на вырученные деньги могут быть снова закуплены сырые материалы и рабочая сила, одним словом, производство может вестись дальше в том же самом масштабе. Напротив, фабрикант машин только по прошествии трех месяцев, когда его продукт уже вполне готов, может превратить в деньги оборотный капитал, затраченный в первую неделю, и начать с ним новые операции. Итак, во-первых, разница касается обратного притока одного и того же количества затраченного капитала. Во-вторых, в течение трех месяцев в бумагопрядении и машиностроении применены к делу равновеликие производительные капиталы, но величина затрат капитала совершенно различная для прядильщика и машиностроителя, так как в одном случае капитал быстро возобновляется и, следовательно, может снова повторить ту же самую операцию; в другом случае он возобновляется сравнительно лишь медленно и, следовательно, до момента его возобновления новые количества капитала должны постоянно присоединяться к старым. Таким образом различны периоды, в течение которых возобновляются определенные порции капитала, или различны периоды, на которые капитал авансируется; различны, с другой стороны, и массы капитала (хотя ежедневно и еженедельно применяются одинаковые капиталы), которые должны быть авансированы в зависимости от длины рабочего процесса. Обстоятельство это должно быть отмечено потому, что в некоторых случаях, как, напр., в случаях, которые мы рассмо-

трим в следующей главе, длина периодов, на которые авансируется капитал, может возрастать, не вызывая пропорционального возрастания авансируемого капитала. Итак, здесь капитал должен авансироваться на более продолжительное время, и более значительные количества капитала связываются в форме производительного капитала.

При недостаточном развитии капиталистического производства предприятия, требующие длинного рабочего периода и, следовательно, крупных затрат капитала на продолжительное время, — особенно если они осуществимы только в крупном масштабе, — ведутся иногда вовсе не капиталистически, а на общественный или государственный счет, как, напр., проведение дорог, каналов и т. п. (в старые времена рабочая сила обеспечивалась в таких случаях принудительным трудом). Или же такие продукты, изготовление которых требует сравнительно продолжительного рабочего периода, лишь в ничтожной своей части фабрикуются на счет самих капиталистов. Так, напр., при постройке дома то частное лицо, для которого предназначается дом, дает время от времени авансы строителю-предпринимателю. Оно оплачивает таким образом дом по частям, по мере того как подвигается вперед процесс производства. Напротив, в эпоху развитого капитализма, когда, с одной стороны, значительные массы капитала сосредоточиваются в руках отдельных лиц, а с другой стороны, наряду с отдельными капиталистами появляется капиталист ассоциированный (акционерное общество), и к тому же развивается кредитное дело, капиталистический строительный предприниматель лишь в виде исключения возводит постройки для отдельных частных лиц по заказу. Его предприятием является постройка для рынка целого ряда домов, целых городских кварталов, подобно тому как предприятие отдельных капиталистов состоит в постройке железных дорог по подряду.

Какой переворот вызвало капиталистическое производство в лондонском домостроении, мы узнаем из показаний одного предпринимателя перед комиссией о банках 1857 года. По его словам, в то время, когда он еще был молод, дома строились обыкновенно по заказу, при чем издержки выплачивались предпринимателю постепенно, по мере того как заканчивались отдельные стадии постройки. Ради спекуляции строилось лишь очень мало; предприниматели пускались на это главным образом лишь для того, чтобы доставлять регулярное занятие своим рабочим и таким образом не давать им разбредаться. За последние сорок лет все это изменилось. На заказ работают очень мало. Тот, кто нуждается в новом доме, должен выбрать себе один из тех, которые выстроены с спекулятивными целями или еще находятся в постройке. Предприниматель работает теперь уже не на заказчиков, а на рынок. Подобно всякому другому промышленнику,

у него должны быть на рынке готовые товары. Прежде предприниматель строил одновременно каких-нибудь три-четыре дома на продажу, теперь он должен купить (т.-е., употребляя континентальный способ выражения, арендовать обыкновенно на 99 лет) значительный участок земли и возвести на нем 100 или 200 домов, пускаясь таким образом в предприятие, превосходящее в двадцать-пятьдесят раз размеры его состояния. Средства добываются под закладные, при чем деньги поступают в распоряжение предпринимателя в той мере, в какой подвигается вперед постройка отдельных домов. Если наступает кризис, который задерживает уплату авансов, то обыкновенно рушится все предприятие; в лучшем случае дома остаются недостроенными до более благоприятного времени, в худшем они продаются с молотка за половинную цену. Без спекулятивных построек, и притом в крупном масштабе, не может обойтись теперь ни один предприниматель. Прибыль от самих построек в высшей степени ничтожна; главная выгода состоит в повышении земельной ренты, в искусном выборе и использовании застраиваемой площади. Путем такой спекуляции, предвосхищающей спрос на дома, выстроена вся Бельгравия и Тибурния, а также многие тысячи вилл в окрестностях Лондона. (Сокращенное изложение из Report from the Select Committee on Bank Acts. Part I, 1857. Evidence, вопросы 5413 — 18, 5535—36.)

Выполнение работ, требующих очень продолжительного рабочего периода и широкой постановки дела, целиком попадает в руки капиталистической промышленности лишь тогда, когда концентрация капитала уже очень значительна и когда, с другой стороны, развитие кредитной системы дает капиталисту удобный выход, открывает возможность авансировать чужой капитал вместо своего собственного, а следовательно, и рисковать чужим капиталом. Но, само собою разумеется, на быстроту оборота и на время оборота капитала не оказывает никакого влияния то обстоятельство, что в одних случаях капитал принадлежит, в других не принадлежит тому, кто авансирует его на производство.

Условия, увеличивающие продукт каждого отдельного рабочего дня, каковы кооперация, разделение труда, применение машин, в то же время сокращают рабочий период при связанных между собою актах производства. Так, машины сокращают период постройки домов, мостов и т. п.; жатвенные машины, молотилки и т. п. сокращают рабочий период, необходимый для того, чтобы превратить созревшее зерно в готовый товар. Усовершенствованное судостроение, увеличивая скорость судов, сокращает период оборота капитала, затраченного на судоходство. Но эти улучшения, сокращая рабочий период, а вместе с тем и время, на которое должен быть авансирован оборотный капи-

тал, связываются обыкновенно с увеличенной затратой основного капитала. С другой стороны, в некоторых отраслях рабочий период может быть сокращен посредством простого расширения кооперации; постройка железной дороги, напр., сокращается, если поставлены на ноги крупные армии рабочих, которые принимаются за дело сразу во многих пунктах. Время оборота сокращается здесь благодаря возрастанию авансированного капитала. Больше средств производства и больше рабочей силы должно объединиться под командой капиталиста.

Итак, сокращение рабочего периода связано по большей части с увеличением капитала, авансируемого на более короткий срок, так что по мере сокращения срока, на который капитал авансируется, возрастает масса авансируемого капитала. В виду этого необходимо напомнить, что независимо от того, какова вообще масса общественного капитала, наибольшую важность приобретает здесь вопрос, в какой степени раздроблены или сосредоточены в руках отдельных капиталистов средства производства и средства существования или распоряжение ими, — следовательно, каких размеров уже достигла концентрация капитала. Поскольку кредит способствует концентрации капитала в одних руках, ускоряет и повышает ее, постольку он способствует сокращению рабочего периода, а следовательно, и времени оборота.

В отраслях производства, где рабочий период, будет ли он непрерывным или прерывным, предписывается определенными естественными условиями, неосуществимо сокращение его при помощи вышеуказанных средств. „Выражение: более быстрый оборот, не может быть применено к сбору зерна, так как здесь возможен лишь один оборот в год. Что касается скотоводства, то мы хотели бы знать, как возможно ускорить оборот двух или трехлетних овец и четырех или пятилетних быков?“ (W. Walter Good: Political, Agricultural, and Commercial Fallacies. London 1866, p. 325).

Необходимость иметь как можно скорее свободные деньги (напр., для каких-либо постоянных платежей, каковы налоги, земельная рента и т. п.) приводит к разрешению этого вопроса таким образом, что скот, напр., в великому ущербу для земледелия продается и убивается раньше, чем он достиг экономически нормального возраста; это приводит в конце концов и к возрастанию цен на мясо. „Люди, которые раньше занимались главным образом откармливанием скота и пользовались летом пастбищами Midland counties, а зимой — стойлами восточных графств... благодаря колебаниям и падению цен на хлеб опустились до такой степени, что теперь они рады, если им удастся извлечь выгоду из высоких цен на масло и сыр; первое они еженедельно выносят на рынок, чтобы покрыть текущие расходы; под сыр они

берут авансы у скупщика, который забирает продукт, как только он становится способным к перевозке, и, конечно, назначает свои собственные цены. Поэтому и вследствие того, что сельское хозяйство управляется законами политической экономии, телята, которые прежде из округов, ведущих молочное хозяйство, отправлялись на юг для откармливания, теперь убиваются массами, часто в возрасте 8—9 дней, на бойнях Бирмингама, Манчестера, Ливерпуля и других соседних больших городов. Если бы не был обложен налогом солод, то не только фермеры получили бы больше прибыли и таким образом могли бы удерживать у себя молодой скот, пока он не станет старше и тяжелее, но и люди, не имеющие коров, могли бы употреблять вместо молока солод для выкармливания телят, и теперешний ужасающий недостаток в молодом скоте был бы в значительной степени устранен. Теперь же, когда этим мелким хозяйчикам рекомендуют выкармливать телят, они отвечают: „Мы очень хорошо знаем, что выкармливание молоком окупилось бы, но, во-первых, мы для этого должны были бы затратить наличные деньги, которых у нас нет, и, во-вторых, нам пришлось бы долго ждать, пока мы снова выручим эти деньги, тогда как при молочном хозяйстве мы получаем их немедленно“ (ibid., 12, 13).

Если удлинение оборота имеет такие последствия даже для более мелких английских фермеров, то легко представить себе, какие опустошения оно должно вызвать среди мелких крестьян континента.

В соответствии с продолжительностью рабочего периода, а следовательно, и периода времени, необходимого для изготовления пригодного к обращению товара, часть стоимости, переносимая слоями с основного капитала на продукт, накапливается, и обратный приток этой части стоимости замедляется. Но это замедление не вызывает новой затраты основного капитала. Машина продолжает действовать в производственном процессе независимо от того, медленнее или быстрее притекает назад в денежной форме стоимость сношенной ее части. Иначе обстоит дело с оборотным капиталом. Не только вложенный капитал должен быть связан более продолжительное время соответственно удлинению рабочего периода, но должны также постоянно авансироваться новые капиталы на заработную плату, сырье и вспомогательные материалы. Таким образом замедленный обратный приток оказывает в этих двух случаях различное влияние. Будет ли обратный приток более медленным или более быстрым, основной капитал продолжает действовать. Напротив, оборотный капитал при замедленном обратном притоке не может функционировать, раз он закреплен

в форме непроданного или неготового, еще непригодного к продаже продукта и раз нет налицо добавочного капитала, чтобы восстановить его *in natura*.—»В то время как крестьянин испытывает голодовку, скот его процветает. Были дожди, и подножный корм вырос богатый. Индийский крестьянин умрет с голоду рядом со своим жирным быком. Требования суеверия суровы по отношению к отдельному индивидууму, но они направлены к поддержанию общества в целом; сохранение рабочего скота обеспечивает правильный ход земледелия, а вместе с тем источники будущих средств существования и будущего богатства. В Индии легче заместить человека, нежели быка,—это, быть может, звучит жестоко и печально, но это так“ (*Return, East-India, Madras and Orissa Famine. № 4, p. 4.*). Сравните с этим следующее изречение Манара-Дарма-Сестры: „Жертва жизнью без воздаяния с целью сохранить жизнь жреца или коровы... может обеспечить блаженство этих низкорожденных родов“ (гл. X, стр. 862).

Нет, конечно, никакой возможности доставить на рынок пятилетнее животное раньше, чем ему исполнится пять лет. Но в известных пределах возможно, изменяя способы ухода за животными, подготовить их в более короткий срок к их назначению. Это и было достигнуто Бэкуэллем. Прежде английские овцы, как и французские еще в 1855 г., не были готовы для убоя ранее четвертого или пятого года жизни. По системе Бэкуэлля, овца может быть откормлена в продолжение одного года и во всяком случае до истечения двух лет вырастает совершенно. Путем старательного отбора Бэкуэллер, фермер из Дишлей-Грэнджа, довел костный скелет овец до минимума, необходимого для их существования. Овцы его получили название ньюлейстерских. „Овцевод может теперь доставить для рынка трех овец в то самое время, в которое раньше он доставлял одну, при чем эти три овцы будут иметь более широкие, более круглые, более развитые мясные части. Почти весь их вес составляет чистое мясо“ (*Lavergne, The Rural Economy of England etc. 1855, p. 22*)

Методы, сокращающие рабочий период, в различных отраслях производства применимы в очень различных степенях и отнюдь неспособны уравнивать разницу в продолжительности различных рабочих периодов. Так, напр., в нашем примере применение новых рабочих машин может абсолютно сократить рабочий период, необходимый для изготовления одного локомотива. Но если в то же время усовершенствованный процесс прядения еще быстрее увеличивает количество ежедневно и еженедельно доставляемого готового продукта, то относительно, по сравнению с прядением, длина рабочего периода в машиностроении увеличится.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Время производства.

Рабочее время есть всегда время производства, т.-е. время, в течение которого капитал связан в производстве. Напротив, не всякое время, в течение которого капитал находится в процессе производства, является уже в силу этого рабочим периодом.

Здесь дело идет не о перерывах в процессе труда, обусловленных естественными границами самой рабочей силы, хотя мы и видели, каким важным мотивом к неестественному удлинению процесса труда и введению непрерывной дневной и ночной работы является уже один тот факт, что основной капитал—фабричные здания, машины и т. п.—остается без употребления во время перерывов в процессе труда. Здесь дело идет о перерыве, независимом от длины процесса труда, обусловленном самою природою продукта и способом его изготовления, о перерыве, в течение которого предмет труда подвергается более или менее продолжительным естественным процессам, должен проделать физические, химические, физиологические изменения, между тем как на это время процесс труда совершенно или отчасти приостанавливается.

Так, молодое вино должно некоторое время подвергаться брожению и затем снова стоять в течение известного периода, чтобы достигнуть определенной степени совершенства. Во многих отраслях промышленности продукт должен подвергаться сушке, как, напр., в горшечном деле, или известным влияниям, изменяющим его химически, как, напр., в белильных. Озимая пшеница требует целых 9 месяцев для созревания. В лесоводстве по окончании посева и необходимых для него подготовительных работ семена требуют, быть-может, целого столетия для того, чтобы превратиться в готовый продукт; в течение всего этого периода они нуждаются лишь в сравнительно незначительном воздействии труда.

Во всех этих случаях в течение большей части времени производства добавочный труд требуется лишь изредка. Описанные в предшествующей главе условия, при которых к капиталу, уже закрепленному в процессе производства, должен присоединяться новый дополнительный капитал и труд, осуществляются здесь лишь с более или менее продолжительными перерывами.

Таким образом, во всех этих случаях время производства авансированного капитала состоит из двух периодов: первый период, в котором капитал находится в процессе труда; второй период, в котором форма существования капитала—форма еще неготового продукта,—предо-

ставляемая воздействию естественных процессов, не находится в процессе труда. Дело нисколько не изменяется от того, что оба эти периода могут частично перекрещиваться, вклиниваться один в другой. Рабочий период и период производства здесь не совпадают. Период производства длиннее, чем рабочий период. Но только по окончании периода производства продукт готов, созрел и, следовательно, может быть превращен из формы производительного капитала в форму товарного капитала. Вместе с удлинением той части времени производства, которая не совпадает с рабочим временем, удлиняется и период оборота капитала. Поскольку время производства, избыточное по сравнению с рабочим временем, не определено раз навсегда данными законами природы, как при созревании хлеба, вырастании дуба и т. п., период оборота может более или менее сокращаться посредством искусственного сокращения времени производства. К этому приводит, напр., введение химического беления вместо беления на лугу, введение более действительных сушильных аппаратов в процессах высушивания. В дубильном деле, где при старых методах проникновение дубильной кислоты в кожи требовало 6—18 месяцев, с применением воздушного насоса операция эта сократилась до $1\frac{1}{2}$ —2 месяцев (I. G. Courcelle-Seneuil. *Traité théorique et pratique des Entreprises industrielles etc.* Paris, 1857. 2 éd.). Наиболее выдающийся пример искусственного сокращения того времени производства, которое заполнено исключительно естественными процессами, дает история железодельного производства—в особенности превращение чугуна в сталь—за последние 100 лет, начиная с открытого в 1780 году пудлингования и кончая бессемеровским процессом и другими введенными с того времени новейшими методами. Время производства сократилось колоссально, но в той же самой степени увеличились и затраты основного капитала.

Своеобразный пример отклонения времени производства от рабочего времени представляет американская фабрикация сапожных колодок. Здесь значительное число добавочных издержек обуславливается тем, что дерево должно сохнуть в течение периода до 18 месяцев, чтобы готовая колодка впоследствии не покорибилась и не изменила своей формы. За это время дерево не подвергается никакому иному процессу труда. Период оборота вложенного в дело капитала определяется таким образом не только тем временем, которое необходимо для самой фабрикации колодок, но и тем временем, в продолжение которого капитал должен праздно лежать в высыхающем дереве. Дерево уже 18 месяцев находится в процессе производства, пока, наконец, оно не получит возможности вступить в процесс труда в собственном смысле этого слова. Этот пример показывает в то же время, насколько различны могут быть периоды оборота различных частей всего обо-

ротного капитала в зависимости от обстоятельств, которые имеют место не в сфере обращения, а в производственном процессе.

В особенности отчетливо разница между временем производства и рабочим временем выступает в сельском хозяйстве. В нашем умеренном климате земля дает урожай один раз в год. Сокращение или удлинение периода производства (в среднем девятимесячного для озимого посева) зависит в свою очередь от смены благоприятных и неблагоприятных годов, и потому не может быть точно учтено и контролировано заранее, как в промышленности в собственном смысле слова. Только побочные продукты, как молоко, сыр и т. п., постоянно могут быть произведены и проданы в сравнительно короткие периоды. Между тем рабочее время представляется здесь в следующем виде: „В различных местностях Германии, в зависимости от меняющихся климатических и других оказывающих свое действие условий, число рабочих дней для трех главных периодов труда в среднем может быть принято следующее: для весеннего периода, с половины марта или начала апреля до половины мая, 50—60 рабочих дней; для летнего периода, с начала июня до конца августа, 65—80; для осеннего периода, с начала сентября до конца октября или середины или конца ноября, 55—75 рабочих дней. На зиму падают лишь такие работы, которые можно выполнять в это время, как вывоз удобрений, возка дров, строительных материалов и т. п.“ (F. Kirchhof. Handbuch der landwirtschaftlichen Betriebslehre. Dresden 1852, S. 160).

Поэтому, чем неблагоприятнее климат, тем короче рабочий период в сельском хозяйстве, тем короче, следовательно, и то время, когда вкладывается капитал и труд. Напр., Россия. Там в некоторых северных областях полевые работы возможны только в течение 130—150 дней в году. Понятно, какой потерей было бы для России, если бы 50—65-миллионное население ее европейской части оставалось без занятия в течение шести или восьми зимних месяцев, когда должны прекращаться всякие полевые работы. Не считая 200.000 крестьян, работающих на 10.500 фабриках, в деревнях России повсюду развилась своя домашняя промышленность. Существуют деревни, где все крестьяне из поколения в поколение являются ткачами, кожевниками, сапожниками, слесарями, ножевщиками и т. п.; в особенности это наблюдается в губерниях Московской, Владимирской, Калужской, Костромской и Петербургской. Кстати сказать, эта домашняя промышленность все более и более вынуждается служить капиталистическому производству: ткачам, напр., основа и уток доставляются торговцами или непосредственно, или при посредстве особых факторов (сокращено по Reports by H. M. Secretaries of Embassy and Legation, on the Manufactures, Commerce etc. № 8, 1865, p. 86, 87). Отсюда видно, что расхождение

периода производства и рабочего периода, при чем последний образует только часть первого, является естественной основой для объединения земледелия с подсобными сельскими промыслами и что, с другой стороны, эти последние дают точку опоры капиталистам, которые сначала протискиваются сюда в качестве торговцев. Параллельно тому, как впоследствии капиталистическое производство отделяет мануфактуру от земледелия, сельский рабочий становится все в большую зависимость от своего случайного до того времени подсобного занятия, и его положение вследствие этого ухудшается. Для капитала, как мы увидим впоследствии, все различия в обороте уравниваются. Для рабочего—нет.

В большинстве отраслей промышленности в собственном смысле этого последнего слова, как в горном деле, транспорте и т. п., производство идет равномерно, из года в год затрачивается равное рабочее время и, оставляя в стороне колебания цен, нарушения в ходе предприятия и т. п. ненормальные перерывы, затраты на капитал, входящий в повседневный процесс обращения, также распределяются во времени равномерно. Равным образом, при прочих равных условиях рынка, обратный приток оборотного капитала или его возобновление в течение года происходит через равномерные промежутки времени. Напротив, в тех отраслях, где рабочее время составляет лишь часть времени производства, в различные периоды года оборотный капитал затрачивается с величайшей неравномерностью, между тем как обратный приток его совершается лишь разом, в момент, определяемый естественными условиями. Таким образом здесь, при одинаковом масштабе предприятия, т.-е. при одинаковой величине авансированного оборотного капитала, этот последний должен авансироваться в более крупных массах и на более продолжительное время, чем в предприятиях с непрерывными рабочими периодами. Продолжительность жизни основного капитала здесь также более разнится с временем, в течение которого он действительно функционирует производительно. Само собой разумеется, что раз имеется разница между рабочим временем и временем производства, то и время употребления вложенного в дело основного капитала постоянно прерывается на более или менее продолжительные периоды,—напр., в земледелии так обстоит дело по отношению к рабочему скоту, орудиям труда и машинам. Поскольку этот основной капитал состоит из рабочего скота, он непрерывно требует одинаковых или почти одинаковых затрат корма и т. п. и в то время, когда скот работает, и в то время, когда он не работает. Что касается мертвых средств труда, то и здесь неупотребление сопровождается некоторым обесценением. Итак, вообще говоря, продукт удорожается, раз передача стоимости на продукт исчисляется не только на то время,

когда основной капитал функционирует, но и на время, в течение которого он теряет стоимость. В этих отраслях производства периодическая бездеятельность основного капитала, сопряжена ли она с гекущими издержками или нет, является таким же условием его нормального применения, как, напр., потеря известного количества хлопка при прядении; равным образом в каждом процессе труда, совершающемся при нормальных технических условиях, затраты рабочей силы, непроизводительные, но неизбежные, совершенно так же идут в счет, как и производительные. Всякое усовершенствование, которое уменьшает непроизводительную затрату средств труда, сырых материалов и рабочей силы, в то же время уменьшает и стоимость продукта.

В сельском хозяйстве соединяются вместе и сравнительно продолжительный рабочий период и крупная разница между рабочим временем и временем производства. Годгскин справедливо замечает по этому поводу: „Разница в времени“ [он, впрочем, не различает здесь рабочего времени от времени производства], „которое необходимо для того, чтобы изготовить продукты сельского хозяйства, и тем временем, которое требуется в других отраслях труда, есть главная причина величайшей зависимости сельских хозяев. Они не могут доставить свои говары на рынок раньше, чем через один год. В течение всего этого периода времени они должны кредитоваться у сапожника, портного, кузнеца, колесника и различных других производителей, в продуктах которых они нуждаются и продукты которых могут быть изготовлены в немного дней или недель. Вследствие этого естественного обстоятельства и вследствие более быстрого увеличения богатства в других отраслях труда, земельные собственники, монополизировавшие землю всего государства, несмотря на то, что, кроме этой монополии, они овладели также и законодательством, все же не в состоянии спасти себя, своих слуг и фермеров от участи быть самыми зависимыми людьми в стране“ (Thomas Hodgskin, *Popular Political Economy*. London 1827, p. 147, примечание).

Все методы, при помощи которых в земледелии, с одной стороны, затраты на заработную плату и средства труда распределяются равномернее в течение года, с другой стороны, сокращается время оборота, как, напр., при культуре разнородных продуктов, делающих возможными разновременные жатвы в течение одного и того же года, — все эти методы требуют увеличения авансированного в производстве оборотного капитала, затрачиваемого на заработную плату, удобрение, семена и т. д. Так происходит при переходе от трехпольного хозяйства с паром к плодопеременному без пара. Так происходит во Фландрии при *cultures dérobées*. „В *cultures dérobées* применяют корнеплоды; одно и то же поле сначала приносит хлеб, лен, рапс для удовлетво-

рения потребностей человека, а после жатвы оно засеивается корнеплодами, предназначенными для прокормления скота. Эта система, при которой рогатый скот все время может оставаться в стойле, дает значительное накопление удобрения и становится таким образом средоточием плодопеременного хозяйства. В песчаных местностях более одной трети обработанной поверхности находится под *cultures dérobées*; результат получается как раз такой, как если бы размеры обработанной площади увеличились на одну треть". На ряду с корнеплодами культивируется клевер и другие кормовые травы. „Земледелие, доведенное до такой интенсивности, при которой оно переходит в огородную культуру, требует, само собой разумеется, сравнительно значительного основного капитала. В Англии основной капитал определяется в 250 франков на гектар. Во Фландрии наши крестьяне нашли бы, по всей вероятности, слишком низким капитал в 500 фр. на гектар“ (*Essais sur l'Economie Rurale de la Belgique par Emile de Laveleye. Paris 1863, p. 59, 60, 63*).

Возьмем, наконец, лесоводство.— „Производство дерева существенно отличается от большинства остальных производств тем, что в этом случае сила природы действует самостоятельно, и при естественном обновлении не требуется приложение сил человека или капитала. Впрочем, даже и там, где леса разводятся искусственно, применение силы человека и капитала по сравнению с действием сил природы лишь незначительно. Кроме того, лес может хорошо расти на таких почвах и местах, где хлеб не произрастает или производство его не окупается. Но лесоразведение требует в то же время при правильном ведении хозяйства более обширной площади, чем хлебная культура так как на маленьких парцеллах нельзя разделить лес на правильные участки, почти не удается извлекать побочных доходов, труднее лесохранение и т. д. Однако процесс производства связан с такими длинными сроками, что он выходит за пределы планов частного хозяйства, в отдельных случаях даже за пределы человеческой жизни. Капитал, затраченный на приобретение земли“ [при общинном производстве этот капитал отпадает, и вопрос идет лишь о том, сколько земли может община отнять для лесоразведения от пашни и пастбища], „приносит заметные плоды лишь по истечении долгого времени и оборачивается лишь отчасти, полный же оборот при некоторых сортах деревьев требует до 150 лет. Кроме того, правильное постоянное лесное хозяйство требует, чтобы непрерывно имелся запас живого дерева, превосходящий в 10—14 раз ежегодное пользование. Поэтому тот, кто не имеет других доходов и обладает только значительными площадями леса, не в состоянии вести правильное лесное хозяйство“ (*Kirchhof, p. 58*).

Длинное время производства (включающее в себя лишь в незначительной части рабочее время) и связанная с ним продолжительность периода оборота делает лесоразведение невыгодным для частных, а следовательно, для капиталистических предприятий, — ведь, капиталистические производства по существу своему являются частными производствами, хотя бы на место отдельного капиталиста и выступал капиталист ассоциированный. Развитие культуры и вообще промышленности настолько энергично проявило себя уничтожением лесов, что по сравнению с этим все, что было сделано им для поддержания и насаждения леса, представляет совершенно незаметную величину.

Особенно замечательно в приведенной выше цитате из Кирхгофа следующее место: „кроме того, правильное лесное хозяйство требует, чтобы постоянно имелся запас леса на корню, превосходящий в 10—14 раз ежегодное пользование“. Это значит, что один оборот приходится на 10—14 и более лет.

То же самое и в скотоводстве. Часть стада (запас скота) остается в производственном процессе, в то время как другая часть его ежегодно продается в качестве продукта. Только одна часть капитала оборачивается здесь ежегодно, совершенно так же, как это имеет место по отношению к основному капиталу, машинам, рабочему скоту и т. п. Хотя этот капитал есть капитал, закрепленный в процессе производства на продолжительное время и потому замедляющий оборот всего капитала, тем не менее он не является основным капиталом в категорическом смысле.

То, что называется здесь запасом — определенное количество живого дерева или скота, — в условном смысле находится в процессе производства (находится одновременно в форме средств труда и материала труда); сообразно естественным условиям его воспроизводства при правильном хозяйстве значительная часть его должна находиться в этой форме, форме запаса

Аналогичное влияние на оборот оказывает другой вид запасов, который составляет лишь потенциальный производительный капитал, но вследствие требований самой природы хозяйства должен накапливаться более или менее значительными массами и, следовательно, должен авансироваться для производства на более или менее продолжительное время, хотя он лишь мало-по-малу вступает в активный процесс производства. Сюда относятся, напр., удобрение, пока оно еще не вывезено на поле, также зерно, сено и т. д. и другие запасы средств существования, которые входят в производство скота. „Значительная часть капитала производства заключается в хозяйственных запасах. Эти последние могут, однако, в большей или меньшей степени утратить свою стоимость, раз предохранительные меры, необходимые для

их сохранения, не соблюдаются с надлежащею тщательностью; благодаря недостатку надзора часть запасов продукта, возможно, будет даже совершенно потеряна для хозяйства. Поэтому здесь требуется особенно старательный надзор за амбарами, сараями, житницами и погребями, равным образом следует тщательно запирать помещения, где хранятся запасы, держать их в то же время в чистоте, проветривать и т. д.; хлеб и другие сохраняемые в амбарах плоды надо время от времени надлежащим образом пересыпать, картофель, свекловицу защищать как от холода, так от воды и огня“ (Kirchhof, p. 292).

„При расчете потребностей собственного хозяйства, особенно же того, что требуется на содержание скота, при чем распределение совершается в зависимости от урожая и цели, необходимо иметь в виду не только покрытие данной потребности, но также следует стремиться к тому, чтобы остался известный запас на случай каких-либо непредвиденных обстоятельств. И если при этом оказывается, что потребность не может быть совершенно покрыта произведениями собственного хозяйства, то надо прежде всего подумать, нельзя ли покрыть недостаток другими продуктами (суррогатами) или, по крайней мере, приобрести эти последние возможно дешевле. Если, например, обнаружится недостаток в сене, то его можно заменить кореньями с прибавкой соломы. Вообще здесь необходимо постоянно считаться с назначением и рыночной ценой различных продуктов и сообразно этому решать вопрос о потреблении; если, например, дорог овес, в то время как цены на горох и рожь сравнительно низки, то можно с выгодой заменить в корме для лошадей часть овса горохом или рожью и оставшийся вследствие этого овес продать“ (ibidem, p. 300).

Выше, при рассмотрении образования запасов, было уже упомянуто, что необходимо определенное, большее или меньшее количество потенциального производительного капитала, т.-е. определенное количество предназначенных для производства средств производства, которые должны в большей или меньшей массе находиться в запасе и лишь мало-по-малу входить в процесс производства. При этом уже указывалось, что в данном предприятии или в капиталистическом производстве определенных размеров величина этого производственного запаса зависит от большей или меньшей трудности его возобновления, сравнительной близости рынков приобретения, развития средств транспорта и сношений и т. д. Все эти обстоятельства определяют минимум капитала, который должен иметься в наличности в форме производственного запаса, а следовательно, определяет также продолжительность времени, на которое должны авансироваться капиталы, и размеры массы капитала, авансируемого за один раз. Эти размеры, влияющие таким образом и на оборот, обуславливаются большей или

меньшей продолжительностью того времени, в течение которого оборотный капитал закреплен в форме производственного запаса, в форме лишь потенциально-производительного капитала. С другой стороны, поскольку эта остановка зависит от большей или меньшей возможности быстрого возмещения, от условий рынка и т. п., она сама обуславливается временем обращения, обстоятельствами, относящимися к сфере обращения. „Далее, все такие предметы инвентаря или принадлежности, как ручные инструменты, решета, корзины, веревки, колесная мазь, гвозди и т. д., на случай необходимости возмещения должны иметься в запасе тем большим, чем труднее рассчитывать на возможность быстро достать их по близости. Наконец, ежегодно в течение зимы весь инвентарь должен быть тщательно осмотрен, при чем следует немедленно озаботиться, чтобы были сделаны все необходимые добавления и поправки. Насколько значительны должны быть, вообще говоря, запасы для нужд инвентаря, это зависит главным образом от местных условий. Там, где нет по близости ремесленников и лавок, надо держать более крупные запасы, чем там, где лавки и мастера имеются на месте или по близости. Но если при прочих равных условиях необходимые запасы сразу закупаются в сравнительно значительном количестве, то обыкновенно достигается такая выгода, как удешевление, особенно если для этого выбирается благоприятный момент; правда, при этом сразу извлекается из оборотного капитала производства значительная сумма, без которой не всегда легко может обойтись хозяйство“ (Kirchhof, p. 301).

Разница между временем производства и рабочим временем может, как мы видим, возникнуть в очень различных случаях. Оборотный капитал может находиться в периоде производства, прежде чем он вступит в процесс труда в собственном смысле слова (фабрикация колодок); или он находится в периоде производства после того, как он уже прошел через рабочий процесс в собственном смысле слова (вино, посев); или время производства местами прерывается рабочим временем (земледелие, лесоводство); большая часть способного к обращению продукта остается в активном производственном процессе, в то время как несравненно меньшая часть его вступает в ежегодное обращение (лесоводство и скотоводство); более или менее продолжителен срок, на который должен быть затрачен оборотный капитал в форме потенциального производительного капитала, и на который, следовательно, большая или меньшая масса капитала должна быть затрачена сразу,—это обуславливается отчасти характером самого производственного процесса (земледелие), отчасти же зависит от близости рынков и т. д.—одним словом, от обстоятельств, относящихся к сфере обращения.

Впоследствии (книга III) мы увидим, к каким нелепым теориям пришли Мак-Куллох, Джеймс Милль и др. вследствие попытки отождествить время производства, отклоняющееся от рабочего времени, с этим последним,—попытка, которая в свою очередь вытекает из неправильного применения теории стоимости.

Цикл оборота, рассмотренный нами раньше, дан продолжительностью времени, на которое авансируется вложенный в процесс производства основной капитал. Так как время это охватывает более или менее значительное число лет, то в него включается также ряд годовых или повторяющихся в течение каждого года оборотов основного капитала.

В земледелии такой цикл оборота определяется системой полеводства. „Продолжительность срока аренды во всяком случае не должна быть короче времени оборота, соответствующего практикуемой системе полеводства,—следовательно, при трехпольном хозяйстве мы всегда имеем здесь дело с числами 3, 6, 9. Если принята трехпольная система с паром, каждое поле в течение шести лет обрабатывается четыре раза, при чем в годы обработки оно засеивается озимым или яровым и, если позволяют или требуют свойства почвы, последовательно пшеницей и рожью, ячменем и овсом. Каждый вид хлебов дает на одной и той же почве большие или меньшие урожаи, чем другие виды, каждый имеет иную стоимость и продается по иной цене. Поэтому, если доход с поля иной в каждый данный год обработки, то и за первую половину всего оборота (за первые три года) он будет не тот, что за вторую половину. Даже средний доход за первую и вторую половину времени оборота не будет одинаков, так как плодородие зависит не только от качества почвы, но и от погоды; равным образом цены определяются самыми разнообразными условиями. Если же теперь мы вычислим доход поля, приняв во внимание среднее плодородие и средние цены за весь шестилетний период оборота, то мы получим общую цифру ежегодного дохода как для первого, так и для второго периода оборота. Этого однако не будет, если мы вычислим выручку только за половину времени оборота, т. е. только за три года, так как тогда общие цифры дохода не будут равны. Отсюда вытекает, что при трехпольном хозяйстве продолжительность срока аренды должна быть определена по меньшей мере в шесть лет. Но гораздо желательнее и для фермера и для землевладельца, чтобы срок аренды составлял многократный срок аренды [sic!] и таким образом при трехпольи вместо шести определялся в 12, 18 и более лет, при семипольи—вместо 7 в 14, 28 лет“ (Kirchhof, p. 117, 118)

(В рукописи здесь стоит: „Английское плодопеременное хозяйство. Здесь сделать примечание“).

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Время обращения.

Все до сих пор рассмотренные нами обстоятельства, приводящие к различию периодов оборота различных капиталов, вложенных в различные отрасли предприятий, а также к различию времени, на которое должен быть авансирован капитал, возникают в самом процессе производства как различие основного и оборотного капитала, различие рабочих периодов и т. д. Однако время оборота капитала равно сумме времени его производства и времени его обращения. Поэтому само собой понятно, что различная продолжительность времени обращения делает различным время оборота, а, следовательно, и продолжительность периода оборота. Это становится ясным до очевидности, если сравнить две различные затраты капитала, при чем различно только время обращения, а все прочие условия, модифицирующие оборот, одинаковы; или если взять определенный капитал определенного состава из основного и оборотного капитала, при определенном рабочем периоде и т. д., и гипотетически изменять только время его обращения.

Один отдел времени обращения—относительно самый важный—состоит из времени продажи, из того периода времени, когда капитал находится в состоянии товарного капитала. Соответственно относительной продолжительности этого срока удлиняется или сокращается время обращения, а потому и период оборота вообще. Вследствие издержек на сохранение и т. д. может также потребоваться дополнительная затрата капитала. Само собой ясно, что время, необходимое для продажи готовых товаров, может быть очень различно для отдельных капиталистов в одной и той же отрасли предприятий. Следовательно, различно не только для капиталов, вложенных в различные отрасли производства, но и для различных самостоятельных капиталов, которые в действительности представляют только обособившиеся части всего капитала, вложенного в одну и ту же производственную сферу. При прочих равных условиях период продажи для одного и того же индивидуального капитала будет изменяться соответственно общим колебаниям в отношениях рынка или колебаниям этих отношений для отдельной отрасли предприятий. На этом мы не будем теперь останавливаться. Мы лишь констатируем простой факт: все обстоятельства, которые вообще вызывают различие в периодах оборота капиталов, вложенных в различные отрасли предприятий, имеют своим следствием, если эти обстоятельства действуют индивидуально (если, напр., один капиталист имеет возможность продавать быстрее, чем его конкурент; если один более чем другой применяет методы, сокращающие рабочий

период и т. д.), различие в обороте различных индивидуальных капиталов, находящихся в одной и той же отрасли предприятий.

Одной из причин, постоянно вызывающих разницу во времени продажи, а потому и во времени оборота вообще, является отдаленность того рынка, где товар продается, от места его окончательного изготовления. В продолжение всего времени своего путешествия до рынка капитал остается связанным в состоянии товарного капитала; если товар производится по заказу, то до момента сдачи; если не по заказу, то ко времени путешествия до рынка присоединяется еще то время, в течение которого товар находится на рынке, выжидая продажи. Улучшение средств сношений и транспорта абсолютно сокращает период странствования товаров, но не уничтожает вытекающего из этого странствования относительного различия во времени обращения различных товарных капиталов или даже различных долей одного и того же товарного капитала, странствующих на различные рынки. Например, усовершенствованные парусные и паровые суда, сокращающие путь, сокращают его как до близлежащих, так и до отдаленных гаваней. Относительная разница остается, хотя часто она уменьшается. Но вследствие развития средств транспорта и сношений относительные различия могут изменяться таким способом, который не соответствует географическим расстояниям. Например, железная дорога, ведущая от места производства к главному внутреннему центру населения, может сделать географически близкий внутренний пункт, к которому нет железной дороги, абсолютно или относительно более отдаленным, чем находящийся на географически более значительном расстоянии; точно так же и по той же причине может изменяться даже относительное расстояние мест производства от более крупных рынков сбыта, чем и объясняется то падение старых и возникновение новых центров производства, которым сопровождается изменение в средствах транспорта и сношений. (К этому еще присоединяется относительно большая дешевизна транспорта на далекие расстояния по сравнению с короткими.) Одновременно с развитием средств транспорта не только возрастает скорость передвижения, и вследствие этого пространственное отдаление сокращается во времени. Развивается не только масса средств сношений, так что, напр., одновременно много судов уходит в одну и ту же гавань, несколько поездов одновременно совершают движение между двумя пунктами по различным железным дорогам, но, напр., товарные суда в различные последовательные дни недели отправляются из Ливерпуля в Нью-Йорк, или товарные поезда в различные часы суток идут из Манчестера в Лондон. Хотя вследствие этого последнего обстоятельства при данной провозоспособности средств сообщения абсолютная быстрота—следовательно, и соответствующая

часть времени обращения—остается без перемены, но последовательные количества товаров могут отправляться через более короткие следующие один за другим промежутки времени и таким образом последовательно поступать на рынок, не накапливаясь в виде потенциального товарного капитала, выжидающего отправки большими массами. И обратное возвращение распределяется поэтому на более короткие последовательные периоды времени, так что постоянно одна часть превращается в денежный капитал, тогда как другая обращается в виде товарного капитала. Благодаря такому распределению обратного притока на несколько последовательных периодов сокращается все время обращения, а потому сокращается и оборот. Интенсивность функционирования средств транспорта, напр., число поездов железной дороги, увеличивается прежде всего по мере того, как место производства производит все больше, вырастает в более крупный центр производства, и увеличивается она в направлении к уже существующим рынкам сбыта, следовательно, в направлении к крупным центрам производства и населения, к вывозным портам и т. д. Но, с другой стороны, эта особенная легкость сообщений и ускоренный благодаря ей оборот капитала (поскольку он обуславливается временем обращения) вызывает ускоренную концентрацию, с одной стороны, центров производства, а с другой,—рынков для сбыта. С ускоренной таким образом концентрацией массы людей и капиталов в определенных пунктах прогрессирует концентрация этих масс капиталов в немногих руках. Вместе с тем происходит передвижение и перемещение мест производства и рынков вследствие изменений их относительного положения,—результата перемен в средствах сношений. Какое-нибудь место производства, обладавшее особыми преимуществами благодаря своему положению на большой дороге или на канале, оказывается теперь вблизи единственной железнодорожной ветки, которая действует лишь с сравнительно большими паузами, тогда как другое место, лежавшее совершенно в стороне от главных путей сообщения, теперь оказалось в узловом пункте нескольких дорог. Вторая местность развивается, первая приходит в упадок. Таким образом изменение в средствах транспорта приводит к местным различиям во времени обращения товаров, в условиях купли и продажи и т. д., или иначе распределяет уже существующие местные различия. Важность этого обстоятельства для оборота капитала обнаруживается в пререканиях представителей торговцев и промышленников различных местностей с управлениями железных дорог. (Смотри, напр., выше цитированную синюю книгу Railway Committee.)

Все отрасли производства, по свойству своих продуктов рассчитанные главным образом на местный сбыт, как, напр., пивоварни, разви-

ваются поэтому до исполинских размеров в главных центрах населения. Более быстрый оборот капитала отчасти уравнивает здесь большую дороговизну некоторых условий производства, места постройки и пр.

Если, с одной стороны, с прогрессом капиталистического производства развитие средств транспорта и сношений сокращает время обращения для данного количества товаров, то, обратно, тот же самый прогресс и складывающиеся благодаря развитию средств транспорта и сношений условия приводят к необходимости работать на все более отдаленные рынки,—словом, на мировой рынок. Масса находящихся в пути товаров, отправленных в отдаленные пункты, необычайно возрастает, поэтому абсолютно и относительно возрастает и та часть общественного капитала, которая постоянно на более или менее продолжительные сроки остается в стадии товарного капитала, переживает время обращения. В то же время возрастает и та часть общественного богатства, которая вместо того, чтобы непосредственно служить средством производства, затрачивается на средства транспорта и сношений и на основной и оборотный капитал, требующийся для их деятельности.

Относительная продолжительность путешествия товара от места производства до места сбыта вызывает различие не только в первой части времени обращения, во времени продажи, но и второй части, в обратном превращении денег в элементы производительного капитала, во времени купли. Напр., товар отправляется в Индию. Это продолжается, напр., четыре месяца. Предположим, что время продажи=0, т.-е. товар посылается по заказу, и деньги уплачиваются при доставке агенту производителя. Пересылка денег в обратном направлении (здесь безразлично, в какой форме они посылаются) продолжается опять-таки четыре месяца. Таким образом в общем проходит восемь месяцев, прежде чем тот же самый капитал снова получает возможность функционировать как производительный капитал и, следовательно, прежде чем может возобновиться та же самая операция. Вызываемые таким образом различия в обороте составляют одно из материальных оснований для различных сроков кредита, подобно тому как морская торговля, напр., в Венеции и Генуе вообще представляет один из источников самой системы кредита. „Кризис 1847 г. дал банкам и торговым фирмам того времени возможность сократить индийские и китайские сроки уплаты по векселям (время, необходимое для обмена векселей между этими странами и Европой) с 10 месяцев по написании до 6 месяцев по предъявлении; теперь, по прошествии 20 лет, с ускорением сообщений и устройством телеграфа стало необходимо дальнейшее сокращение с 6 месяцев по предъявлении до 4 месяцев по написании, представляющее первый шаг к 4 месяцам по предъявлении Плавание парусного судна

от Калькуты до Лондона вокруг Мыса Доброй Надежды продолжается в среднем менее 90 дней. Срок в четыре месяца по предъявлении был бы равнозначен, примерно, 150 дням плавания. Существующий срок в 6 месяцев по предъявлении равняется, примерно, 210 дням пути“ (London Economist, 16 июня 1866 г.).—Напротив, „бразильский срок уплаты все еще определяется в два и три месяца по предъявлении, векселя из Антверпена (на Лондон) выдаются на 3 месяца по написании, и даже Манчестер и Бредфорт выдают векселя на Лондон на 3 месяца и на более продолжительные сроки. По молчаливому соглашению торговцу предоставляется достаточная возможность реализовать свой товар если и не раньше, то все же около того времени, как истекает срок выданных на него векселей. Поэтому срок индийских векселей не чрезмерен. Индийские продукты, продающиеся в Лондоне по большей части сроком на три месяца, не могут быть реализованы, если прибавить некоторое время для продажи, в более короткий срок, чем пять месяцев; и еще пять месяцев в среднем проходит между покупкой их в Индии и сдачей в английские склады. Здесь мы имеем период в десять месяцев, тогда как срок выданных за товар векселей не превышает семи месяцев“ (ibid., 30 июня 1866 г.). „2 июля 1866 г. пять крупных лондонских банков, ведущих сношения главным образом с Индией и Китаем, а также парижская Comptoir d'Escompte заявили, что с 1 января 1867 г. их филиальные отделения и агентства на Востоке будут покупать и продавать лишь такие векселя, которые выдаются не более, как на четыре месяца по предъявлении“ (ibidem, 7 июля 1866 г.). Это понижение, однако, не удалось, и его пришлось отменить. (С тех пор Суэцкий канал революционизировал все это.)

Разумеется, при более продолжительном времени обращения товаров увеличивается риск изменения цен на рынке продажи, так как удлиняется период, в течение которого может произойти изменение цен.

Разница во времени обращения,—отчасти индивидуальная разница между различными единичными капиталами одной и той же отрасли предприятий, отчасти разница между различными отраслями предприятий в зависимости от различных сроков платежа в тех случаях, когда не происходит немедленная уплата наличными,—эта разница вытекает из различных сроков платежа при купле и продаже. Мы не будем здесь подробнее останавливаться на этом пункте, важном для кредитного дела.

Различия во времени оборота зависят также и от величины сделок по поставкам, возрастающей параллельно размерам и масштабу капиталистического производства. Договор о поставке, как сделка между продавцом и покупателем, представляет операцию, относящуюся к

рынку, к сфере обращения. Вытекающие отсюда различия во времени оборота вытекают, следовательно, из сферы обращения, но они непосредственно отражаются на сфере производства, и при том вне всякой зависимости от сроков платежей и отношений кредита, следовательно, и при уплате наличными. Напр., уголь, хлопок, пряжа и т. д. суть продукты делимые. Каждый день доставляет определенное количество готового продукта. Но если прядильщик или владелец копей берет на себя поставку такой массы продуктов, которая требует, скажем, четырехнедельного или шестинедельного периода следующих друг за другом рабочих дней, то по отношению к продолжительности того времени, на которое приходится авансировать капитал, это совершенно то же самое, как если бы в этом процессе труда был введен непрерывной рабочий период в четыре или шесть недель. Здесь, конечно, предполагается, что вся заказанная масса продукта должна быть доставлена разом или же что она будет оплачена лишь после того, как вся будет доставлена. Таким образом каждый день, взятый отдельно, доставил свое определенное количество готового продукта. Но эта готовая масса в каждый момент составляет только часть той массы, которую по контракту необходимо доставить. В этом случае, если изготовленная часть заказанного товара уже не находится в процессе производства, то она во всяком случае лежит на складе только как потенциальный капитал.

Перейдем теперь ко второму отделу времени обращения: ко времени купли или к отделу, в течение которого капитал из денежной формы снова превращается в элементы производительного капитала. В течение этого отдела он должен более или менее продолжительное время оставаться в своем состоянии денежного капитала, следовательно, некоторая часть всего авансированного капитала должна непрерывно находиться в состоянии денежного капитала, хотя эта часть состоит из постоянно сменяющихся элементов. В каком-либо определенном предприятии из всего авансированного капитала должны находиться в форме денежного капитала, напр., $100 \text{ £} \times n$, и в то время как все составные части этих $100 \text{ £} \times n$ непрерывно превращаются в производительный капитал, эта сумма все же постоянно снова восполняется притоком из обращения, из реализованного товарного капитала. Таким образом определенная часть стоимости авансированного капитала все время находится в состоянии денежного капитала, следовательно, в форме, относящейся не к сфере его производства, а к сфере его обращения.

Мы уже видели, что происходящее вследствие отдаленности рынка удлинение времени, в течение которого капитал остается связанным в форме товарного капитала, оказывает прямое влияние на замедление

обратного притока денег, следовательно, задерживает превращение капитала из денежного капитала в производительный капитал.

Далее, что касается закупки товаров, мы видели (гл. VI), как время, необходимое для купли, бóльшая или меньшая отдаленность от главных мест приобретения сырого материала заставляет покупать сырой материал на сравнительно продолжительные периоды и сохранять его годным к употреблению в виде производительного запаса, в виде скрытого или потенциального производительного капитала; таким образом эти обстоятельства, при одном и том же масштабе производства, увеличивают массу капитала, который разом приходится авансировать на производство, и время, на которое его приходится авансировать.

Подобным же образом влияют в различных отраслях предприятий периоды — более или менее продолжительные, — когда на рынок выбрасываются сравнительно значительные массы сырого материала. Таким образом, напр., в Лондоне через каждые три месяца происходят крупные аукционы шерсти, оказывающие влияние на весь шерстяной рынок; напротив, хлопковый рынок возобновляется в общем безостановочно, хотя и не всегда равномерно, от одного урожая до другого. Такие периоды определяют главные сроки закупок этих сырых материалов и в особенности влияют на спекулятивные покупки, обуславливающие более или менее продолжительные затраты на эти элементы производства, — влияют совершенно так же, как природа произведенных товаров воздействует на спекулятивное, умшленное, более или менее продолжительное задерживание продукта в форме потенциального товарного капитала. „Итак, сельский хозяин тоже должен быть до известной степени спекулянтом и воздерживаться от продажи своих продуктов, сообразуясь с обстоятельствами времени“... Следуют некоторые общие правила... „Между тем при сбыте продуктов самое главное все-таки зависит от лица, от самого продукта и от местности. Когда человек, кроме сметливости и счастья (!), наделен достаточным оборотным капиталом, его не приходится порицать, если он при необычайно низких ценах даст полежать собранному им хлебу хотя бы целый год; напротив, кому недостает оборотного капитала или вообще (!) духа спекуляции, тот будет стремиться получить заурядную среднюю цену и, следовательно, должен будет продавать, как только представится случай. Если шерсть сохранять более года, то это почти всегда приносит только вред; тогда как зерновые хлеба и масляничные семена могут быть сохраняемы в течение нескольких лет без ущерба для их свойств и добротности. Такие продукты, которые обыкновенно подвергаются сильным колебаниям в цене за короткий промежуток времени, как, напр., масляничное семя, хмель, ворсильные

шишки и т. под., с полным правом оставляют лежать в те годы, когда цены на них стоят ниже цен их производства. Менее всего можно медлить с продажей таких продуктов, которые вызывают ежедневный расход на их содержание, как откормленный скот, или которые подвержены порче, как фрукты, картофель и т. д. В некоторых местностях продукт в известное время года продается в среднем по наивысшей цене, в другое время, напротив, по самой низшей. Так, например, средняя цена зерна около Мартынова дня в некоторых местах ниже, чем между Рождеством и Пасхой. Далее, в иных местностях некоторые продукты можно хорошо продать только в известное время, как, напр., шерсть на шерстяных ярмарках в таких местах, где помимо ярмарок торговля шерстью обыкновенно ничтожна, и т. д. (Kirchhof, стр. 302).

При рассмотрении второй половины времени обращения, в течение которой деньги снова превращаются в элементы производительного капитала, следует принять во внимание не только это превращение, взятое само по себе; не только время, в продолжение которого деньги успевают возвратиться обратно в зависимости от отдаленности того рынка, где продается продукт: следует принять во внимание и размеры той части авансированного капитала, которая постоянно должна находиться в денежной форме, в состоянии денежного капитала.

Оставляя в стороне всякую спекуляцию, размер закупок тех товаров, которые постоянно должны иметься налицо в качестве производственного запаса, зависит от сроков возобновления этого запаса, следовательно, от обстоятельств, в свою очередь зависящих от условий рынка и потому различных для различных сырых материалов и т. д.; таким образом здесь приходится время от времени авансировать деньги разом в сравнительно больших количествах. Но быстро или медленно, соответственно обороту капитала, они по частям постоянно притекают обратно. Часть их с точно таким же постоянством снова расходуется через короткие промежутки времени,—именно та часть, которая опять превращается в заработную плату. Но другая часть, подлежащая обратному превращению в сырой материал и проч., должна в течение сравнительно продолжительного времени накапливаться в качестве резервного фонда, служащего для покупок или для платежей. Следовательно, эта часть существует в форме денежного капитала, хотя размер, в котором она существует как таковая, постоянно меняется.

В следующей главе мы увидим, как другие обстоятельства — вытекают ли они из процесса производства или из процесса обращения — делают необходимым пребывание определенной доли авансированного капитала в денежной форме. Вообще же следует заметить, что экономисты очень склонны забывать, что всякая часть необходимого в пред-

приятии капитала не только последовательно принимает три формы: денежного капитала, производительного капитала и товарного капитала, но что различные доли его постоянно существуют одна возле другой в этих трех формах, хотя относительная величина этих долей постоянно меняется. Экономисты забывают именно ту часть, которая постоянно существует в виде денежного капитала, хотя как раз это обстоятельство очень важно для понимания буржуазного хозяйства, а потому дает знать о себе и на практике.

Г л а в а п я т н а д ц а т а я .

Влияние времени оборота на величину авансируемого капитала.

В этой и в следующей, шестнадцатой, главе мы исследуем влияние времени оборота на самовозрастание стоимости капитала.

Возьмем товарный капитал, представляющий продукт рабочего периода, напр., в девять недель. Пока мы оставим в стороне как ту часть стоимости продукта, которая присоединена к нему вследствие среднего снашивания основного капитала, так и прибавочную стоимость, присоединенную к нему во время производственного процесса, так что стоимость этого продукта будет равна стоимости авансированного на его производство оборотного капитала, т.-е. заработной платы и потребленных на его производство сырых и вспомогательных материалов. Положим, что эта стоимость равна 900 £, так что еженедельная затрата достигает 100 £. Следовательно, период производства, который совпадает здесь с рабочим периодом, составляет 9 недель. При этом безразлично, предположим ли мы, что дело идет здесь о рабочем периоде для неделимого продукта или же о непрерывном рабочем периоде для продукта делимого; это становится безразличным, если на рынок доставляется разом такое количество делимого продукта, которое стоит 9 недель труда. Время обращения продолжается три недели. Следовательно, весь период оборота длится 12 недель. По истечении 9 недель авансированный производительный капитал превращается в товарный капитал, но затем он еще три недели находится в периоде обращения. Следовательно, новый период производства может начаться снова только в начале 13-й недели, и производство должно было бы приостановиться на три недели, или на четвертую часть всего периода оборота. Здесь опять безразлично, предполагаем ли мы, что это вытекает из средней продолжительности того времени, которое вообще проходит до продажи товара, обуславливается ли это время отдаленностью рынка или сроками платежей за проданный товар. Если

через каждые три месяца производство приостанавливается на три недели, то в течение года на $3 \times 4 = 12$ недель $= 3$ месяца $= \frac{1}{4}$ годового периода оборота. Поэтому вести производство непрерывно из недели в неделю в неизменном масштабе возможно только двумя способами.

Или масштаб производства должен быть сокращен так, чтобы 900 £ хватало на то, чтобы поддерживать работу в полном ходу как во время рабочего периода, так и в течение времени обращения первого оборота. Тогда с началом 10-й недели открывается второй рабочий период, следовательно, и второй период оборота, — открывается раньше, чем закончится первый период оборота, потому что период оборота двенадцатинедельный, а рабочий период девятинедельный. 900 £, распределенные на 12 недель, дают 75 £ на неделю. Прежде всего ясно, что такой сокращенный масштаб предприятия предполагает изменение размеров основного капитала, следовательно, он вообще предполагает сокращение размеров предприятия. Затем остается под вопросом, может ли вообще произойти такое сокращение, так как сообразно развитию производства в различных предприятиях существует известный нормальный минимум затраты капитала, и если затрата ниже этого минимума, то отдельное предприятие неспособно выдержать конкуренцию. Этот нормальный минимум с развитием капиталистического производства в свою очередь постоянно возрастает и, следовательно, не является постоянным. Но между данным всякий раз нормальным минимумом и постоянно расширяющимся нормальным максимумом существует множество промежуточных степеней, — середина, допускающая очень различные степени затрат капитала. В пределах этой середины возможно поэтому сокращение, границей которого служит всякий раз определенный нормальный минимум. — При заминке в производстве, при переполнении рынков, вздорожании сырого материала и проч. сокращение нормального расходования оборотного капитала, раз величина основного капитала дана, совершается посредством ограничения рабочего времени, так что работа производится, напр., только полдня; точно так же во времена процветания при данной величине основного капитала чрезмерное расширение оборотного капитала происходит отчасти путем удлинения рабочего времени, отчасти путем его интенсификации. В предприятиях, наперед рассчитанных на такие колебания, стараются помочь делу отчасти вышеупомянутыми средствами, отчасти одновременным увеличением числа рабочих, что связано с применением запасного основного капитала, напр., запасных локомотивов на железных дорогах и пр. Но здесь, предполагая нормальные отношения, мы не будем принимать во внимание такие ненормальные колебания.

Итак, здесь, чтобы сделать производство непрерывным, затраты того же самого оборотного капитала приходится распределить на более продолжительное время, на 12 недель вместо 9. Следовательно, в каждый данный промежуток времени функционирует уменьшенный производительный капитал; текучая часть производительного капитала уменьшена с 100 до 75, или на одну четверть. Вся сумма, на которую сокращается производительный капитал, функционирующий в продолжение девятинедельного рабочего периода, составляет $25 \times 9 = 225$ £, или четвертую часть 900 £. Но отношение времени обращения к периоду оборота попрежнему составляет $\frac{3}{12} = \frac{1}{4}$. Из этого следует: чтобы производство не прерывалось в течение времени обращения производительного капитала, превращенного в товарный капитал, чтобы оно непрерывно продолжалось из недели в неделю, если нет особого оборотного капитала на этот предмет, для этого необходимо сократить производство, уменьшить текучую составную часть функционирующего производительного капитала. Текучая часть капитала, освобожденная таким образом для продолжения производства в то время, как другая часть совершает обращение, относится ко всему авансированному текучему капиталу, как время обращения относится к периоду оборота. Как мы уже заметили, это относится только к таким отраслям производства, в которых процесс труда совершается в одинаковом масштабе из недели в неделю, где, следовательно, не приходится, как в земледелии, в различные рабочие периоды затрачивать различные количества капитала.

Напротив, если мы предположим, что по свойству предприятия исключена возможность сокращать масштаб производства, а потому и размеры еженедельно авансируемого текучего капитала, то непрерывность производства может быть достигнута только посредством добавочного текучего капитала, в выше приведенном случае посредством добавочных 300 £. В течение двенадцатинедельного периода оборота будет последовательно авансировано 1.200 £, из них 300 составит четвертую часть, как 3 недели по отношению к 12. По истечении 9-недельного рабочего периода капитальная стоимость в 900 £ превращается из формы производительного капитала в форму товарного капитала. Ее рабочий период закончен и не может возобновиться с тем же самым капиталом. В течение трех недель, пока последний пребывает в сфере обращения, функционируя как товарный капитал, он по отношению к производственному процессу находится в таком состоянии, как будто его вообще не существует. Мы здесь оставляем в стороне все отношения кредита и потому предполагаем, что капиталист ведет дело только на собственный капитал. Но когда капитал, авансированный на первый рабочий период, завершив процесс произ-

водства, в продолжение 3 недель остается в процессе обращения, в это время функционирует добавочно затраченный капитал в 300 £, так что непрерывность производства не будет нарушена.

Здесь необходимо отметить следующее:

Во-первых: рабочий период авансированного в самом начале капитала в 900 £ оканчивается по прошествии 9 недель, но капитал притекает назад не ранее, как через 3 недели, следовательно, лишь в начале 13-й недели. Однако новый рабочий период начинается немедленно с помощью добавочного капитала в 300 £. Именно вследствие этого поддерживается непрерывность производства.

Во-вторых: функции первоначального капитала в 900 £ и капитала в 300 £, который вновь добавлен по окончании первого девятинедельного рабочего периода и открывает второй рабочий период непосредственно по завершении первого, эти функции в период первого оборота точно отграничены одна от другой или, по крайней мере, могут быть отграничены, между тем как в течение периода второго оборота они переплетаются друг с другом.

Представим себе дело нагляднее.

Период первого оборота продолжается 12 недель. Первый рабочий период 9 недель; оборот авансированного на него капитала оканчивается в начале 13-й недели. В продолжение последних 3 недель функционирует добавочный капитал в 300 £, который начинает второй девятинедельный рабочий период.

Период второго оборота. В начале 13-й недели 900 £ притекают обратно и могут начать новый оборот. Но второй рабочий период уже в десятую неделю начался с помощью добавочных 300 £; благодаря этому в начале 13-й недели уже заканчивается треть рабочего периода, 300 £ из производительного капитала превратились в продукт. Так как для окончания второго рабочего периода требуется еще только 6 недель, то в процесс производства второго рабочего периода могут войти лишь две трети притекшего обратно капитала в 900 £, именно только 600 £. Из первоначальных 900 £ высвободилось 300 £, чтобы играть ту самую роль, которую играл в первом рабочем периоде добавочный капитал в 300 £. В конце 6-й недели второго периода оборота оканчивается второй рабочий период. Затраченный на него капитал в 900 £ возвращается через 3 недели, следовательно, в конце 9-й недели второго двенадцатинедельного периода оборота. В течение 3 недель его времени обращения вступает в дело освободившийся капитал в 300 £. Им начинается в 7-ю неделю второго периода оборота, или в 19-ю неделю года, третий рабочий период капитала в 900 £.

Третий период оборота. В конце 9-й недели второго периода оборота вновь притекают обратно 900 £. Но третий рабочий период

начался уже на 7-й неделе предыдущего периода оборота, и 6 недель его уже прошли. Поэтому он продолжится еще только 3 недели. Таким образом из вырученных обратно 900 £ в процесс производства входят только 300 £. Четвертый рабочий период заполняет остальные 9 недель этого периода оборота, и таким образом с 37-й недели года начинается одновременно четвертый период оборота и пятый рабочий период.

Для упрощения расчета предположим рабочий период в 5 недель, время обращения в 5 недель, следовательно, период оборота в 10 недель; год будем считать в 50 недель, еженедельная затрата капитала пусть будет 100 £. Следовательно, рабочий период требует текущего капитала в 500 £, и время обращения требует добавочного капитала — новых 500 £. Рабочие периоды и периоды оборотов представятся тогда в следующем виде:

1-й раб. пер.	1 — 5	недели (500 £ тов.)	возвр. в конце	10-й нед.
2-й " "	6 — 10	" (500 " ")	" " "	15-й "
3-й " "	11 — 15	" (500 " ")	" " "	20-й "
4-й " "	16 — 20	" (500 " ")	" " "	25-й "
5-й " "	21 — 25	" (500 " ")	" " "	30-й "

и т. д.

Если время обращения = 0, следовательно, период оборота равен рабочему периоду, то число оборотов равно числу рабочих периодов в год. Следовательно, при пятинедельном рабочем периоде оно было бы $\frac{50}{5}$ недель = 10, а стоимость обернувшегося капитала была бы = $500 \times 10 = 5.000$. В таблице, где время обращения принято в 5 недель, стоимость ежегодно производимых товаров тоже составит 500 £, но из них $\frac{1}{10} = 50$ £ постоянно находятся в виде товарного капитала и возвращаются только по истечении 5 недель. В этом случае к концу года продукт десятого рабочего периода (46 — 50-й рабочих недель) закончит только половину своего времени оборота, при чем его время обращения придется на первые 5 недель следующего года.

Возьмем еще третий пример: рабочий период 6 недель, время обращения 3 недели, еженедельное авансирование на процесс труда 100 £.

1-й рабочий период: 1 — 6-я недели. В конце 6-й недели имеется товарный капитал в 600 £, возвратится в конце 9-й недели.

2-й рабочий период: 7 — 12-я недели. В продолжение 7 — 9-й недель авансируются 300 £ добавочного капитала. В конце 9-й недели возвращаются 600 £. Из них в продолжение 10 — 12-й недель авансируются 300 £; следовательно, в конце

12-й недели имеется свободных 300 £ и в товарном капитале 600 £, возвращающихся в конце 15-й недели.

3-рабочий период: 13—18-я недели. В продолжение 13—15-й недель авансируются вышеупомянутые 300 £, затем притекают обратно 600 £, из них 300 £ авансируются на 16—18-ю недели. В конце 18-й недели имеется свободных 300 £ в деньгах; 600 £ находятся в товарном капитале, они притекают обратно в конце 21-й недели. (Смотри более подробное изложение этого случая ниже, под II.)

Итак, в продолжение 9 рабочих периодов (=54 неделям) будет произведено товара на $600 \times 9 = 5.400$ £. В конце девятого рабочего периода у капиталиста будет 300 £ деньгами и 600 £ товаром еще не закончившим своего времени обращения.

При сравнении этих трех примеров мы прежде всего находим, что только во втором примере происходит последовательная смена капитала I в 500 £ и добавочного капитала II такой же величины, так что эти две части капитала движутся отдельно одна от другой; причина заключается лишь в том, что здесь предположен совершенно исключительный случай, а именно: рабочий период и время обращения образуют две равные половины периода оборота. Во всех других случаях, каково бы ни было неравенство между двумя периодами всего времени оборота, движения обоих капиталов взаимно переплетаются, уже начиная со второго периода оборота, как в примерах I и III. В таком случае добавочный капитал II вместе с частью капитала I образуют капитал, функционирующий во втором периоде оборота, между тем как остальная часть капитала I освобождается для первоначальной функции капитала II. Капитал, действующий в продолжение времени обращения товарного капитала, не тождествен в этом случае с капиталом II, первоначально авансированным для этой цели, но он равен ему по стоимости и представляет совершенно такую же долю всего авансированного капитала.

Во-вторых: капитал, функционировавший в продолжение рабочего периода, в течение времени обращения лежит праздно. Во втором примере капитал функционирует в продолжение 5 недель рабочего периода и лежит без употребления в продолжение 5 недель времени обращения. Следовательно, общее количество времени в году, в течение которого капитал I лежит праздно, составит в этом случае полгода. На это время вступает тогда добавочный капитал II, который, следовательно, сам в предполагаемом случае также остается без употребления полгода. Но добавочный капитал, требующийся для того, чтобы поддержать непрерывное производство в продолжение времени

обращения, определяется не всей величиной, т.-е. не всей суммой времени обращения в течение года, а только отношением времени обращения к периоду оборота. (Здесь, конечно, предполагается, что все обороты происходят при одинаковых условиях.) Поэтому в примере II добавочного капитала требуется 500 £, а не 2.500 £. Происходит это просто оттого, что добавочный капитал поступает в оборот совершенно так же, как и первоначально авансированный, и, следовательно, совершенно так же, как тот, возмещает свою величину числом своих оборотов.

В-третьих: если время производства продолжительнее рабочего времени, это ничего не изменяет в рассмотренных здесь обстоятельствах. Вследствие этого, конечно, удлинится весь период оборота, но с таким удлинением оборота не потребуются никакого добавочного капитала для процесса труда. Целью добавочного капитала является лишь заполнение пробелов, образующихся в процессе труда вследствие времени обращения; следовательно, он должен только предохранить производство от тех остановок, которые имеют своим источником время обращения; нарушения же, возникающие из собственно условий производства, устраняются другим способом, который мы здесь не станем рассматривать. Напротив, существуют такие предприятия, в которых работа производится только по временам, по заказу, где, следовательно, могут наступать перерывы между рабочими периодами. В таких предприятиях необходимость добавочного капитала *pro tanto* отпадает. С другой стороны, даже в большинстве случаев сезонной работы существуют известные пределы для времени возвращения капитала. Та же самая работа в следующий год не может быть возобновлена тем же самым капиталом, если время обращения этого капитала еще не закончилось. Напротив, время обращения может быть и короче промежутка от одного периода производства до следующего. В этом случае капитал лежит без употребления, если в это промежуточное время ему не дается другого применения.

В-четвертых: капитал, авансированный на один рабочий период, напр., 600 £ в примере III, будет затрачен частью на сырые и вспомогательные материалы, на производительный запас для рабочего периода, на постоянный оборотный капитал, частью на переменный оборотный капитал, т.-е. на оплату самого труда. Часть, затраченная на постоянный оборотный капитал, может существовать в форме производительного запаса не одинаково продолжительное время, напр., сырой материал можно запастись не на весь рабочий период, уголь можно покупать каждые две недели. Так как при этом кредит еще не предполагается, то эта часть капитала, поскольку она имеется в распоряжении не в форме производительного запаса, должна оставаться на-

готовые в форме денег, чтобы по мере потребности превращаться в производительный запас. Это несколько не изменяет величины стоимости постоянного оборотного капитала, авансируемого на 6 недель. В противоположность этому,— оставляя в стороне денежный запас для непредвиденных расходов, собственно резервный фонд для устранения заминок,— заработная плата выдается в более короткие сроки, по большей части еженедельно. Следовательно, если только капиталист не принуждает рабочего авансировать ему свой труд на более продолжительный срок, капитал, необходимый для заработной платы, должен иметься в денежной форме. Следовательно, по возвращении капитала часть его должна удерживаться в денежной форме для оплаты труда, тогда как другая часть может быть превращена в производительный запас.

Добавочный капитал распределяется совершенно так же, как первоначальный. Но что отличает его от капитала I, так это (оставляя в стороне отношения кредита) следующее: для того, чтобы им можно было располагать для его собственного рабочего периода, его приходится авансировать на протяжении всего первого рабочего периода капитала I,— периода, в который он не входит. Возможно, что уже в течение этого времени он, по крайней мере частично, превращается в постоянный оборотный капитал, который авансируется на весь период оборота. В какой мере он принимает эту форму или сколько времени удерживает он форму добавочного денежного капитала, пока не становится необходимым такое превращение, это зависит отчасти от особых производственных условий в данной отрасли предприятий, отчасти от местных обстоятельств, отчасти от колебаний цен сырых материалов и проч. Под углом зрения всего общественного капитала более или менее значительная часть этого добавочного капитала всегда будет находиться в состоянии денежного капитала в течение сравнительно продолжительного времени. Напротив, что касается той части капитала II, которая авансируется на заработную плату, то она всегда будет превращаться в рабочую силу лишь постепенно, по мере того, как истекают и оплачиваются сравнительно краткие рабочие периоды. Значит, эта часть капитала II на протяжении всего рабочего периода будет существовать в форме денежного капитала, пока путем превращения в рабочую силу она не примет участия в функционировании производительного капитала.

Следовательно, это присоединение добавочного капитала, необходимого для превращения времени обращения капитала I в время производства, не только увеличивает размер авансированного капитала и продолжительность времени, на которое необходимым образом авансируется весь капитал, но оно также увеличивает в частности ту часть

авансированного капитала, которая существует в виде денежного запаса, следовательно, находится в состоянии денежного капитала и обладает формой потенциального денежного капитала.

То же самое происходит, — идет ли речь об авансировании в форме производительного запаса или в форме денежного запаса, — если вызываемое временем обращения разделение капитала на две части: на капитал для первого рабочего периода и на капитал, заменяющий его во время обращения, если это разделение осуществляется не посредством увеличения расходуемого капитала, а посредством уменьшения размеров производства. По сравнению с масштабом производства капитал, связываемый в денежной форме, здесь еще более возрастает.

Таким разделением капитала на первоначально производительный и добавочный капитал вообще достигается непрерывная последовательность рабочих периодов, достигается то, что все время одинаково большая часть авансированного капитала функционирует как производительный капитал.

Присмотримся к примеру II. Капитал, постоянно находящийся в процессе производства, составляет 500 £. Так как рабочий период = 5 неделям, то в продолжение 50 недель (принимаемых нами за год) этот капитал будет в работе 10 раз. Поэтому и продукт, если добавочную стоимость оставить в стороне, равняется $500 \times 10 = 5.000$ £. Следовательно, с точки зрения капитала, непосредственно и безостановочно работающего в производственном процессе, — с точки зрения капитальной стоимости в 500 £, — время обращения, повидимому, совершенно погашается. Период оборота совпадает с рабочим периодом; время обращения приравнивается нулю.

Если бы, напротив, производительная деятельность капитала в 500 £ регулярно нарушалась пятинедельным периодом обращения, так что он становился бы вновь способным к производственной деятельности лишь по окончании всего десятинедельного периода оборота то в течение 50 недель года мы имели бы 5 десятинедельных оборотов; в них заключается 5 пятинедельных периодов производства, следовательно, всего 25 недель производства с общим количеством продукта на $500 \times 5 = 2.500$ £; кроме того, 5 пятинедельных периодов обращения, следовательно, всего времени обращения тоже 25 недель. Если мы здесь говорим, что капитал в 500 £ обернулся 5 раз в течение года, то очевидно и ясно, что в продолжение половины каждого периода оборота этот капитал в 500 £ совершенно не функционировал как производительный капитал и что в общем итоге он функционировал только в продолжение полугода, в продолжение же другого полугода совершенно не функционировал.

В нашем примере на все время этих пяти периодов обращения в дело вступает добавочный капитал в 500 £ и вследствие этого оборот повышается с 2.500 до 5.000 £. Но зато и авансированный капитал теперь составляет 1.000 вместо 500 £. 5.000, разделенные на 1.000, равны 5. Следовательно, вместо 10 оборотов их 5. Так в действительности и считается. Между тем, когда говорят, что капитал в 1.000 £ обернулся 5 раз в течение года, в пустой голове капиталиста исчезает воспоминание о времени обращения и появляется спутанное представление, будто бы этот капитал в продолжение 5 последовательных оборотов постоянно функционировал в процессе производства. Но если мы говорим, что капитал в 1.000 £ обернулся 5 раз, то тут заключается и время обращения и время производства. В самом деле, если бы 1.000 £ действительно непрерывно функционировали в процессе производства, то при наших предположениях продукт должен был бы составить 10.000 £ вместо 5.000. Но для того, чтобы постоянно иметь в процессе производства 1.000 £, пришлось бы вообще авансировать 2.000 £. Экономисты, у которых вообще не найдешь ничего ясного о механизме оборота, постоянно упускают из вида именно тот важный момент, что производство будет совершаться без перерыва лишь при том условии, если в процессе производства постоянно будет фактически занята лишь часть промышленного капитала. Пока одна часть находится в периоде производства, другая часть постоянно должна находиться в периоде обращения. Или, другими словами, одна часть может функционировать как производительный капитал лишь при том условии, что другая часть остается отвлеченной от производства в собственном смысле слова, являясь в форме товарного или денежного капитала. Упускать это из виду значит вообще не замечать значения и роли денежного капитала.

Нам предстоит теперь исследовать, какое различие окажется в обороте в зависимости от того, будут ли оба отдела периода оборота — рабочий период и период обращения — равны один другому, или рабочий период будет больше или меньше периода обращения, и затем исследовать, как это влияет на закрепление капитала в форме денежного капитала.

Предположим, что еженедельно авансируемый капитал во всех случаях равен 100 £, а период оборота 9 неделям; следовательно, капитал, авансируемый на каждый период оборота, равняется 900 £.

1. Рабочий период равен периоду обращения.

Хотя этот случай в действительности встречается лишь как редкое исключение, он должен послужить исходным пунктом исследования,

потому что отношения представляются здесь в наиболее простом и ясном виде.

Два капитала (капитал I, который авансируется на первый рабочий период, и добавочный капитал II, функционирующий в продолжение периода обращения капитала I) сменяют друг друга в своих движениях, не переплетаясь между собой. Поэтому, исключая первый период, каждый из обоих капиталов авансируется только на свой собственный период оборота. Период оборота пусть будет, как в следующих примерах, 9 недель; следовательно, рабочий период и период обращения по $4\frac{1}{2}$ недели. Тогда мы имеем следующую схему года:

Т а б л и ц а I

Капитал I.

Периоды оборота.	Рабочие периоды.	Авансировано.	Периоды обращения.
I. 1 — 9 нед.	1 — $4\frac{1}{2}$ нед.	450 £	$4\frac{1}{2}$ — 9 нед.
II. 10 — 18 "	10 — $13\frac{1}{2}$ "	450 "	$13\frac{1}{2}$ — 18 "
III. 19 — 27 "	19 — $22\frac{1}{2}$ "	450 "	$22\frac{1}{2}$ — 27 "
IV. 28 — 36 "	28 — $31\frac{1}{2}$ "	450 "	$31\frac{1}{2}$ — 36 "
V. 37 — 45 "	37 — $40\frac{1}{2}$ "	450 "	$40\frac{1}{2}$ — 45 "
VI. 46 — (54) "	46 — $49\frac{1}{2}$ "	450 "	$49\frac{1}{2}$ — (54) ³¹⁾ "

Капитал II.

Периоды оборота.	Рабочие периоды.	Авансировано.	Периоды обращения.
I. $4\frac{1}{2}$ — $13\frac{1}{2}$ нед.	$4\frac{1}{2}$ — 9 нед.	450 £	10 — $13\frac{1}{2}$ нед.
II. $13\frac{1}{2}$ — $22\frac{1}{2}$ "	$13\frac{1}{2}$ — 18 "	450 "	19 — $22\frac{1}{2}$ "
III. $22\frac{1}{2}$ — $31\frac{1}{2}$ "	$22\frac{1}{2}$ — 27 "	450 "	28 — $31\frac{1}{2}$ "
IV. $31\frac{1}{2}$ — $40\frac{1}{2}$ "	$31\frac{1}{2}$ — 36 "	459 "	37 — $40\frac{1}{2}$ "
V. $40\frac{1}{2}$ — $49\frac{1}{2}$ "	$40\frac{1}{2}$ — 45 "	450 "	46 — $49\frac{1}{2}$ "
VI. $49\frac{1}{2}$ — (58 $\frac{1}{2}$) "	$49\frac{1}{2}$ — (54) "	450 "	(54 — $58\frac{1}{2}$) "

В продолжение 50 недель, которые мы здесь принимаем за год капитал I закончил шесть полных рабочих периодов, следовательно, произвел товаров на $450 \times 6 = 2.700$ £, а капитал II в пять полных рабочих периодов на $450 \times 5 = 2.250$ £. Кроме того, капитал II в последние $1\frac{1}{2}$ недели года (с середины 50-й до конца 51-й недели) произвел еще на 150 £, — всего продукта в 51 неделю произведено

3) Недели, приходящиеся на второй год оборота, поставлены в скобках.

на 5.100 £. Следовательно, что касается непосредственного производства прибавочной стоимости, производимой только в течение рабочего периода, весь капитал в 900 £ обернулся бы $5\frac{2}{3}$ раза ($900 \times 5\frac{2}{3} = 5.100$ £). Но если мы рассмотрим действительный оборот, то увидим, что капитал I обернулся $5\frac{2}{3}$ раза, так как в конце 51 недели ему предстоит еще в продолжение 3 недель заканчивать свой шестой период оборота; $450 \times 5\frac{2}{3} = 2.550$ £; а капитал II обернулся $5\frac{1}{6}$ раза, так как прошло только $1\frac{1}{2}$ недели его шестого периода оборота, следовательно, еще $7\frac{1}{2}$ недель его придется на следующий год; $450 \times 5\frac{1}{6} = 2.325$ £; весь действительный оборот = 4875 £.

Мы рассматриваем капитал I и капитал II как два совершенно независимые друг от друга капитала. В своих движениях они совершенно самостоятельны; эти движения дополняют одно другое только потому, что их рабочие периоды и периоды обращения непосредственно сменяют друг друга. Их можно рассматривать как два совершенно независимых капитала, принадлежащих разным капиталистам.

Капитал I прошел пять полных периодов оборота и две трети шестого. В конце года он находится в форме товарного капитала, которому потребуется еще 3 недели для нормальной реализации. В течение этого времени он не может вступить в процесс производства. Он функционирует как товарный капитал: он обращается. Он совершил только $\frac{2}{3}$ своего последнего периода оборота. Это можно выразить так: он обернулся только $\frac{2}{3}$ раза, только $\frac{2}{3}$ всей его стоимости совершили полный оборот. Мы говорим: 450 £ совершают свой оборот в 9 недель, следовательно, 300 £ — в 6 недель. Такой способ выражения игнорирует органическое отношение между двумя специфически различными составными частями времени оборота. Точный смысл выражения, что авансированный капитал в 450 £ сделал $5\frac{2}{3}$ оборота, только таков, что он совершил 5 полных оборотов и лишь $\frac{2}{3}$ шестого. Напротив, в выражении: обернувшийся капитал равен авансированному капиталу, взятому $5\frac{2}{3}$ раза, следовательно, в вышеприведенном случае = $450 \text{ £} \times 5\frac{2}{3} = 2.550 \text{ £}$, — в этом выражении правильно то, что если бы этот капитал в 450 £ не дополнялся другим капиталом в 450 £, то в действительности одна часть его должна была бы находиться в процессе производства, а другая в процессе обращения. Если время оборота мы хотим выразить посредством массы обернувшегося капитала, то можем выразить его исключительно посредством массы имеющейся в наличности стоимости (в действительности — массы готового продукта). То обстоятельство, что авансированный капитал не находится в таком состоянии, в котором он снова может начать процесс производства, выражается в том, что лишь часть его находится в состоянии, пригодном для производства: в том, что

капитал, если он должен находиться в состоянии непрерывного производства, приходится, сообразно взаимному соотношению периодов производства и обращения, разделить на части, из которых одна постоянно находилась бы в периоде производства, а другая — постоянно в периоде обращения. В этом случае действует тот же самый закон, по которому масса постоянно функционирующего производительного капитала определяется отношением времени обращения ко времени оборота.

В конце 51 недели, которую мы здесь принимаем за конец года, 150 £ из капитала II авансированы на производство недоделанного продукта. Еще некоторая часть находится в форме оборотного постоянного капитала — сырого материала и проч., — т.-е. в такой форме, в которой она может функционировать в процессе производства как производительный капитал. Третья же часть находится в денежной форме; она равна по меньшей мере сумме заработной платы за оставшуюся часть рабочего периода (3 недели), но выдача из нее производится лишь в конце каждой недели. Хотя в начале нового года, следовательно, нового цикла оборотов, эта часть капитала находится не в форме производительного капитала, а в форме денежного капитала, в которой она не может войти в процесс производства, тем не менее, как только начинается новый оборот, оборотный переменный капитал, т.-е. живая рабочая сила, уже действует в процессе производства. Это явление вытекает из того, что, хотя рабочая сила покупается с начала рабочего периода, скажем, понедельно, и с начала же его потребляется, но оплачивается она только в конце недели. Деньги действуют в этом случае как платежное средство. Поэтому, с одной стороны, они как деньги находятся еще в руках капиталиста, между тем как, с другой стороны, товар, в который они превращаются, рабочая сила, уже действует в производственном процессе; таким образом одна и та же капитальная стоимость появляется здесь дважды.

Если мы рассматриваем только рабочие периоды, то:

капитал I произвел	450 × 6	=	2700 £
„ II „	450 × 5 ¹ / ₃	=	2400 „
следовательно, всего . . .		900 × 5 ² / ₃	= 5100 £

Итак, весь авансированный капитал в 900 £ 5²/₃ раза в году функционировал как производительный капитал. Для производства прибавочной стоимости безразлично, действует ли все время 450 £ в процессе производства и все время 450 £ в процессе обращения, сменяя друг друга, или же 900 £ действуют в продолжение 4¹/₂ недель в процессе производства, а в продолжение следующих 4¹/₂ недель в процессе обращения.

Напротив, если мы рассматриваем периоды оборота, то:

$$\begin{array}{rcl} \text{оборот капитала I} & 450 \times 5^{2/3} & = 2550 \text{ £} \\ \text{„ „ II} & 450 \times 5^{1/6} & = 2325 \text{ „} \end{array}$$

следовательно, оборот всего капитала . . $900 \times 5^{5/12} = 4875 \text{ £}$

Ведь, число оборотов всего капитала равно сумме итогов оборотов I и II, разделенной на сумму I и II капитала.

Следует отметить, что капиталы I и II, если бы они были независимы друг от друга, все-таки представляли бы только различные самостоятельные части общественного капитала, авансированного в одной и той же сфере производства. Следовательно, если бы общественный капитал в этой сфере производства состоял только из I и II, то к обороту общественного капитала в этой сфере был бы применен тот же самый расчет, который мы применили здесь для двух составных частей, I и II, одного и того же частного капитала. Идя далее, такой же расчет можно сделать для каждой части всего общественного капитала, вложенной в какую-либо особую сферу производства. В конце же концов число оборотов всего общественного капитала равно сумме капитала, обернувшегося в различных сферах производства, разделенной на сумму капитала, авансированного в этих сферах производства.

Далее, необходимо заметить, что, подобно тому как здесь в одном и том же частном предприятии капиталы I и II, в сущности говоря, не совпадают по годам своего оборота (так как цикл оборотов капитала II начинается $4^{1/2}$ неделями позже, чем капитала I, то год капитала I кончается $4^{1/2}$ неделями раньше, чем капитала II), так и различные индивидуальные капиталы в одной и той же сфере производства начинают свое дело в совершенно различные моменты времени и потому заканчивают свой годовой оборот в различные времена года. Но стоит произвести такое вычисление средней величины, как выше мы применили к капиталам I и II,— и мы сведем годы оборота различных самостоятельных частей общественного капитала к одному общему году оборота.

II. Рабочий период больше периода обращения.

Вместо того, чтобы по очереди сменять друг друга, рабочие периоды и периоды оборота капитала I и II перекрещиваются между собой. В то же время здесь происходит высвобождение капитала, чего не было в ранее рассмотренном случае.

Но от этого несколько не изменяется то, что теперь, как и ранее,

1) число рабочих периодов всего авансированного капитала равно

сумме стоимости ежегодного продукта обеих авансированных частей капитала, разделенной на весь авансированный капитал, и 2) число оборотов всего капитала равно сумме итогов обоих оборотов, разделенной на сумму обоих авансированных капиталов. При этом мы и здесь должны рассматривать обе части капитала таким образом, как будто бы совершаемые ими обороты вполне независимы одни от других.

Итак, мы опять предположим, что на процесс труда еженедельно авансируется 100 £. Рабочий период продолжается 6 недель; следовательно, всякий раз требуется авансирование 600 £ (капитал I). Период обращения 3 недели; следовательно, период оборота, как и раньше, 9 недель. Капитал II в 300 £. вступает в дело в течение трехнедельного периода обращения капитала I. Если рассматривать их оба, как капиталы, независимые один от другого, то схема годового оборота представляется в следующем виде:

Т а б л и ц а II.

Капитал I, 600 £.

Периоды оборота.	Рабочие периоды.	Авансиро- вано.	Периоды обращения.
I. 1 — 9 нед.	1 — 6 нед.	600 £	7 — 9 нед.
II. 10 — 18 "	10 — 15 "	600 "	16 — 18 "
III. 19 — 27 "	19 — 24 "	600 "	25 — 27 "
IV. 28 — 36 "	28 — 33 "	600 "	34 — 36 "
V. 37 — 45 "	37 — 42 "	600 "	43 — 45 "
VI. 46 — (54) "	46 — 51 "	600 "	(52 — 54) "

Добавочный капитал II, 300 £.

Периоды оборота.	Рабочие периоды	Авансиро- вано.	Периоды обращения.
I. 7 — 15 нед.	7 — 9 нед.	300 £	10 — 15 нед.
II. 16 — 24 "	16 — 18 "	300 "	19 — 24 "
III. 25 — 33 "	25 — 27 "	300 "	28 — 33 "
IV. 34 — 42 "	34 — 36 "	300 "	37 — 42 "
V. 43 — 51 "	43 — 45 "	300 "	46 — 51 "

Процесс производства идет круглый год без перерыва в одинаковых размерах. Оба капитала, I и II, остаются совершенно разделенными. Но для того, чтобы представить их разделенными, мы должны были расчленить их действительные скрещивания и сплетения, а вследствие

этого изменить и число оборотов. Именно, согласно вышеприведенной таблице, обрачивается:

$$\begin{array}{l} \text{капитал I } 600 \times 5\frac{2}{3} = 3400 \text{ £, и} \\ \text{„ II } 300 \times 5 = 1500 \text{ „} \end{array}$$

$$\text{следовательно, весь капитал . . . } 900 \times 5\frac{1}{2} = 4900 \text{ £}$$

Но это неверно, потому что, как мы увидим, действительные периоды производства и обращения не абсолютно совпадают с периодами приведенной схемы, где главное состояло в том, чтобы представить оба капитала, I и II, независимыми один от другого.

В действительности же, капитал II не имеет ни особого рабочего периода, ни периода обращения, отдельных от периодов капитала I. Рабочий период продолжается 6 недель, период обращения—3 недели. Так как капитал II равен только 300 £, то он может заполнить только часть рабочего периода. Так оно и есть в действительности. В конце 6-й недели продукт стоимостью в 600 £ поступает в обращение и в конце 9-й недели возвращается в форме денег. Вместе с тем в начале 7-й недели начинает действовать капитал II и покрывает потребность следующего рабочего периода в течение 7—9-й недель. Но по нашему предположению в конце 9-й недели рабочий период заканчивается только на половину. Следовательно, в начале 10-й недели снова вступает в действие только что возвратившийся капитал I 600 £ и своими 300 £ покрывает авансирования, необходимые в 10—12-ю недели. Этим завершается второй рабочий период. В обращении находится продукт стоимостью в 600 £, которые в конце 15-й недели возвратятся обратно; но кроме того имеется высвободившихся 300 £,—величина первоначального капитала II,—которые могут функционировать в первую половину следующего рабочего периода, следовательно, в продолжение 13—15-й недель. По истечении их снова возвращаются 600 £; из них 300 £ будет достаточно до конца этого рабочего периода, а 300 £ остаются свободными для следующего.

Таким образом дело идет в следующем порядке:

I период оборота: 1—9-я недели.

1-й рабочий период: 1—6-я недели. Функционирует капитал I, 600 £.

1-й период обращения: 7—9-я недели. В конце 9-й недели 600 £ притекают обратно.

II период оборота 7—15-я недели.

2-й рабочий период: 7—12-я недели.

Первая половина: 7—9-я недели. Функционирует капитал II, 300 £. В конце 9-й недели £ притекают обратно в денежной форме (капитал I).

Вторая половина: 10—12-я недели. Функционируют 300 £ капитала I. Другие 300 £ капитала I остаются свободными.
2-й период обращения: 13—15-я недели.

В конце 15-й недели 600 £ (образовавшиеся наполовину из капитала I, наполовину из капитала II) притекают обратно в денежной форме.

III период оборота: 13—21-я недели.

3-й рабочий период: 13—18-я недели.

Первая половина: 13—15-я недели. Высвободившиеся 300 £ вступают в дело. В конце 15-й недели 600 £ притекают обратно в денежной форме

Вторая половина: 16—18-я недели. Из возвратившихся 600 £ функционируют 300 £, другие 300 £ снова остаются свободными.

3-й период обращения: 19—21-я недели, в конце которых снова возвращаются в денежной форме 600 £; в этих 600 £ капитал I и капитал II теперь слиты так, что их уже нельзя отличить один от другого.

Таким образом до конца 51-й недели получается 8 полных периодов оборота капитала в 600 £ (I: 1—9-я недели; II: 7—15; III: 13—21; IV: 19—27; V: 25—33; VI: 31—39; VII: 37—45; VIII: 43—51-я недели). Но так как 49—51-я недели приходятся на восьмой период обращения, то в продолжение этого времени должны вступить в дело и поддерживать в ходу производство 300 £ высвободившегося капитала. Вместе с тем в конце года оборот представится в следующем виде: 600 £ восемь раз совершили свой кругооборот, это составляет 4.800 £. К этому надо прибавить продукт последних 3 недель (49—51-ой), но он совершил только треть своего девятидневного кругооборота, следовательно, к сумме оборота следует приписать лишь третью часть его величины, 100 £. Следовательно, если годовой продукт, считая год в 51 неделю, равен 5.100 £, то обернувшийся капитал составит только $4.800 + 100 = 4.900$ £; следовательно, весь авансированный капитал в 900 £ обернулся $5\frac{1}{3}$ раза, таким образом на пустяк больше, чем в случае I.

В приведенном примере предполагался случай, когда рабочее время составляет $\frac{2}{3}$, а время обращения $\frac{1}{3}$ периода оборота, следовательно, рабочее время — простое кратное времени обращения. Спрашивается, произойдет ли констатированное выше освобождение капитала и при других условиях.

Примем рабочий период = 5 неделям, время обращения = 4 неделям, еженедельно авансируемый капитал 100 £.

I период оборота: 1—9-я недели.

1-й рабочий период: 1—5-я недели. Функционирует капитал $I = 500 \text{ £}$.

1-й период обращения: 6—9-я недели. В конце 9-й недели 500 £ притекают обратно в денежной форме.

II период оборота: 6—14-я неделя.

2-й рабочий период: 6—10-я недели.

Первый отдел: 6—9-я недели. Функционирует капитал $II = 400 \text{ £}$. В конце 9-й недели притекает обратно в виде денег капитал $I = 500 \text{ £}$

Второй отдел: 10-я неделя. Из возвратившихся 500 £ функционируют 100 £. Остальные 400 £ остаются свободными для следующего рабочего периода.

2-й период обращения: 11—14-я недели. В конце 14-й недели 500 £ притекают обратно в денежной форме.

До конца 14-й недели (11—14) функционируют ранее высвободившиеся 400 £; из возвратившихся потом 500 £ 100 £ пополняют недостающие для надобностей третьего рабочего периода (11—15-я недели), так что снова высвобождаются 400 £ для четвертого рабочего периода. То же самое явление повторяется в каждом рабочем периоде; при начале его имеется 400 £, которых достаточно на первые 4 недели. В конце 4-й недели притекают обратно в денежной форме 500 £, из которых только 100 £ требуется для последней недели; остальные 400 £ освобождаются для следующего рабочего периода.

Возьмем далее рабочий период в 7 недель с капиталом I в 700 £, время обращения в 2 недели с капиталом II в 200 £.

В таком случае первый период оборота продолжается в течение 1—9-й недель, из них первый рабочий период с 1-й по 7-ю неделю с авансированием в 700 £ и первый период обращения с 8-й и 9-ю неделей. В конце 9-й недели 700 £ притекают обратно в денежной форме.

Второй период оборота с 8-й по 16-ю неделю включает в себе второй рабочий период с 8-й по 14-ю неделю. Из них потребности 8-й и 9-й недель покрываются капиталом II . В конце 9-й недели возвращаются прежние 700 £; из них употребляются в дело до конца рабочего периода (10—14 недели) 500 £. 200 £ остаются свободными для следующего рабочего периода. Второй период обращения продолжается в течение 15-й и 16-й недель; в конце 16-й недели снова возвращаются 700 £. Затем в каждом рабочем периоде повторяется то же самое явление. Потребность в капитале в течение первых двух недель покрывается посредством 200 £, высвободившихся в конце предыдущего рабочего периода; в конце 2-й недели возвращаются 700 £; но рабочего периода прошло только еще 5 недель, так что на него могло быть авансировано только 500 £:

следовательно, 200 £ постоянно остаются свободными для следующего рабочего периода.

Итак, оказывается, что в нашем случае, где мы принимали, что рабочий период больше периода обращения, в конце каждого рабочего периода при всяких обстоятельствах имеется свободный денежный капитал, равновеликий капиталу II, авансированному на период обращения. В наших трех примерах капитал II равнялся: в первом—300 £, во втором—400 £, в третьем—200 £; соответственно этому освобождавшийся в исходе рабочего периода капитал был последовательно 300, 400 и 200 £

III. Рабочий период меньше периода обращения.

Сначала мы снова предположим период оборота в 9 недель; из них 3 недели составляют рабочий период, для которого имеется в распоряжении капитал I=300 £. Период обращения пусть будет 6 недель. Для этих 6 недель требуется добавочный капитал в 600 £, который мы опять можем подразделить на 2 капитала по 300 £, при чем каждый из них заполняет один рабочий период. Мы имеем тогда три капитала по 300 £; из них 300 £ всегда заняты в производстве, а 600 £ находятся в сфере обращения.

Таблица III.

Капитал I.

Периоды оборота.	Рабочие периоды.	Периоды обращения.
I. 1 — 9 недели.	1 — 3 недели	4 — 9 недели.
II. 10 — 18 "	10 — 12 "	13 — 18 "
III. 19 — 27 "	19 — 21 "	22 — 27 "
IV. 28 — 36 "	28 — 30 "	31 — 36 "
V. 37 — 45 "	37 — 39 "	40 — 45 "
VI. 46 — (54) "	46 — 48 "	49 — (54) "

Капитал II.

Периоды оборота.	Рабочие периоды.	Периоды обращения.
I. 4 — 12 недели.	4 — 6 недели.	7 — 12 недели.
II. 13 — 21 "	13 — 15 "	16 — 21 "
III. 22 — 30 "	22 — 24 "	25 — 30 "
IV. 31 — 39 "	31 — 33 "	34 — 39 "
V. 40 — 48 "	40 — 42 "	43 — 48 "
VI. 49 — (57) "	49 — 51 "	(52 — 57) "

Капитал III.

Периоды оборота	Рабочие периоды.	Периоды обращения.
I. 7—15 недели.	7—9 недели.	10—15 недели.
II. 16—24 "	16—18 "	19—24 "
III. 25—33 "	25—27 "	28—33 "
IV. 34—42 "	34—36 "	37—42 "
V. 43—51 "	43—45 "	46—51 "

Мы имеем здесь точное подобие случая I с тем лишь различием, что теперь чередуются три капитала вместо двух. Скрещения или переплетения капиталов не происходит; каждый особый капитал можно проследить в отдельности до конца года. Следовательно, так же, как в случае I, здесь в конце рабочего периода не происходит освобождения капитала. Капитал I целиком затрачивается к концу 3-й недели, возвращается целиком в конце девятой и снова приступает к функционированию в начале 10-й недели. То же самое происходит с капиталами II и III. Правильная и полная смена одного капитала другим исключает всякое высвобождение капиталов.

Весь оборот исчисляется следующим образом:

капитал I.	300 £	$\times 5\frac{2}{3}$	= 1700 £
" II.	300 "	$\times 5\frac{1}{3}$	= 1600 "
" III.	300 "	$\times 5$	= 1500 "
<hr/>			
весь капитал . . .	900 £	$\times 5\frac{1}{3}$	= 4800 £

Возьмем теперь еще один пример, где период обращения не представляет точного кратного по отношению к рабочему периоду; напр., рабочий период 4 недели, период обращения 5 недель; в таком случае соответствующие размеры капитала были бы: капитал I=400 £. капитал II=400 £, капитал III=100 £. Мы даем схему только первых трех оборотов.

Таблица IV.

Капитал I.

Периоды оборота.	Рабочие периоды.	Периоды обращения.
I. 1—9 недели.	1—4 недели.	5—9 недели.
II. 9—17 "	9. 10—12 "	13—17 "
III. 17—25 "	17. 18—20 "	21—25 "

Капитал II.

Периоды оборота.	Рабочие периоды.	Периоды обращения.
I. 5—13 недели.	5—8 недели.	9—13 недели.
II. 13—21 "	13. 14—16 "	17—21 "
III. 21—29 "	21. 22—29 "	25—29 "

Капитал III.

Периоды оборота.	Рабочие периоды	Периоды обращения.
I. 9—17 недели.	9 неделя.	10—17 недели.
II. 17—25 "	17 "	18—25 "
III. 25—33 "	25 "	26—33 "

Сплетение капиталов происходит здесь лишь постольку, поскольку рабочий период капитала III, которого хватает только на одну неделю и который поэтому не имеет самостоятельного рабочего периода, совпадает с первой рабочей неделей капитала I. Но зато в исходе рабочего периода как капитала I, так и капитала II высвобождается равная капиталу III сумма в 100 £. В самом деле, если капитал III заполняет первую неделю второго и всех последующих рабочих периодов капитала I, а в конце этой первой недели притекает обратно весь капитал I, 400 £, то оставшая часть рабочего периода капитала I равна всего 3 неделям, и соответствующая затрата капитала выразится в 300 £. Высвободившихся таким образом 100 £ будет затем достаточно для первой недели непосредственно следующего рабочего периода капитала II; в конце этой недели возвращается весь капитал II в 400 £; но так как уже начавшийся рабочий период может поглотить еще только 300 £, то по окончании его снова остаются свободными 100 £, и так далее. Следовательно, в том случае, когда время обращения не представляет простого кратного по отношению к рабочему периоду, в конце рабочего периода происходит освобождение капитала; и притом этот освобождающийся капитал равен той части капитала, которая заполняет время, представляющее излишек периода обращения по сравнению с рабочим периодом или с кратным рабочему периоду.

Во всех исследованных случаях предполагалось, что и рабочий период и время обращения оставались одинаковыми в продолжение всего года в каждом из рассмотренных здесь предприятий. Это предположение было необходимо, раз мы хотели выяснить влияние времени

ообращения на оборот и на размеры авансируемого капитала. Дело нисколько не изменяется от того, что в действительности такое предположение не всегда осуществляется с такой безусловностью, а часто и совершенно не соответствует действительности

Во всем этом отделе мы рассматривали обороты лишь оборотного капитала, но не рассматривали оборотов основного по той простой причине, что рассматриваемый вопрос не стоит ни в какой связи с основным капиталом. Употребляемые в процессе производства средства труда и пр. представляют основной капитал лишь постольку, поскольку продолжительность времени их употребления больше, чем период оборота текучего капитала, поскольку время, в течение которого эти средства труда продолжают служить в постоянно возобновляемых процессах труда, продолжительнее периода оборота текучего капитала, поскольку, следовательно, оно равно n периодов оборота текучего капитала. Будет ли общее количество времени, составляемое этими n периодов оборота текучего капитала, более продолжительным или более коротким, та часть производительного капитала, которая на это время была авансирована на основной капитал, все равно не будет вновь авансирована в пределах этого времени. Она продолжает функционировать в своей прежней потребительной форме. Различие состоит лишь в следующем: соответственно различной продолжительности отдельного рабочего периода, входящего в состав каждого периода оборота текучего капитала, основной капитал передает большую или меньшую часть своей первоначальной стоимости продукту этого рабочего периода, и, соответственно продолжительности времени обращения, тоже входящего в состав каждого периода оборота, эта перенесенная на продукт часть стоимости основного капитала с большей или меньшей быстротой возвращается обратно в денежной форме. Свойства предмета, который мы обсуждаем в этом отделе—оборот оборотной части производительного капитала,—вытекают из свойств самой этой части капитала. Текучий капитал, примененный в одном рабочем периоде, не может быть употреблен в новом рабочем периоде, пока он не закончит своего оборота, не превратится в товарный капитал, из него—в денежный капитал, а из этого последнего опять в производительный капитал. Поэтому, чтобы за первым рабочим периодом тотчас, без перерыва, последовал второй, приходится снова авансировать капитал и превращать его в текучие элементы производительного капитала, и авансировать притом в количестве, достаточном для того, чтобы заполнить пробелы, образующиеся вследствие периода обращения текучего капитала, авансированного на первый рабочий период. Отсюда и вытекает влияние продолжительности рабочего периода текучего капитала на масштаб процесса труда в данном производстве и на то, каким образом

капитал разделяется на последовательно авансируемые части, т.-е. влияние на размер дополнительно авансируемых новых долей капитала. Но это и есть то самое, что мы должны были исследовать в настоящем отделе.

IV. Результаты.

Из предыдущего исследования вытекает:

А. Различные доли, на которые должен быть разделен капитал так, чтобы одна его часть постоянно могла находиться в рабочем периоде, в то время как другие части находятся в периоде обращения, эти доли сменяют одна другую, как различные самостоятельные индивидуальные капиталы, в двух случаях: 1) Если рабочий период равен периоду обращения, следовательно, если период оборота распадается на два равных отдела. 2) Если период обращения продолжительнее рабочего периода, но вместе с тем представляет простое кратное рабочего периода, так что один период обращения = n рабочих периодов, где n должно быть целое число. В этих случаях ни одна часть последовательно затрачиваемого капитала не высвобождается.

В. Напротив, во всех случаях, когда: 1) период обращения больше рабочего периода и не представляет простого кратного его, и 2) когда рабочий период больше периода обращения, в этих случаях в конце каждого рабочего периода, начиная со второго оборота, постоянно и периодически освобождается некоторая часть всего текущего капитала. И притом, если рабочий период больше периода обращения, этот высвободившийся капитал равен части всего капитала, авансированной на период обращения; а если период обращения больше рабочего периода, то этот капитал равен части капитала, заполняющей избыток периода обращения над рабочим периодом или над кратным рабочих периодов.

С. Из этого следует, что для всего общественного капитала, рассматриваемого под углом зрения его текучей части, освобождение капитала должно представлять общее правило, а простое чередование частей капитала, последовательно функционирующих в производственном процессе, — исключение. Потому что равенство рабочего периода и периода обращения или равенство периода обращения с простым кратным рабочего периода, эта правильная пропорциональность двух составных частей периода оборота не стоит ни в какой связи с сущностью дела и потому в общем и целом может иметь место лишь в виде исключения.

Следовательно, очень значительная часть общественного оборотного капитала, совершающего несколько оборотов на протяжении года.

в течение ежегодного цикла оборотов будет периодически находиться в форме высвободившегося капитала.

Далее ясно, что, предполагая все прочие условия неизменными, величина этого высвобождающегося капитала возрастает вместе с размерами процесса труда, или с масштабом производства, следовательно, вообще с развитием капиталистического производства. В случае, обозначенном В. 2) — потому, что возрастает весь авансированный капитал; в случае В. 1) — потому, что с развитием капиталистического производства возрастает продолжительность периода обращения, а, следовательно, и период оборота в тех случаях, когда нет правильного отношения между периодом обращения и рабочим периодом.

В первом случае мы должны были еженедельно затрачивать, напр., 100 £. Для шестинедельного рабочего периода 600 £. Для трехнедельного периода обращения 300 £, всего 900. Здесь будет постоянно высвобождаться 300 £. Напротив, если еженедельная затрата будет 300 £, то для рабочего периода мы имеем 1.800 £, для периода обращения 900 £, следовательно, периодически будет высвобождаться уже 900 £ вместо 300 £.

Д. Весь капитал, напр., в 900 £ должен быть разделен на две части: как и раньше, 600 £ для рабочего периода и 300 £ для периода обращения. Часть, которая, действительно, затрачивается на процесс труда, уменьшится вследствие этого на одну треть, с 900 до 600 £, и потому размер производства сократится на одну треть. С другой стороны, 300 £ функционируют только для того, чтобы рабочий период не прерывался, чтобы в каждую неделю года на процесс труда можно было затрачивать по 100 £.

Говоря отвлеченно, совершенно безразлично, работают ли 600 £ в продолжение $8 \times 6 = 48$ недель (продукт = 4.800 £), или весь капитал в 900 £ расходуется на процесс труда в продолжение 6 недель, а затем в продолжение 3 недель периода обращения он лежит праздно. В последнем случае в течение 48 недель было бы $6 \times 5\frac{1}{3} = 32$ рабочих недель (продукт = $900 \times 5\frac{1}{3} = 4.800$ £) и 16 нерабочих недель. Но, не говоря уже о более значительной порче основного капитала за время 16-недельного бездействия и большей дороговизне труда, который придется оплатить за весь год, хотя он действует только часть его, такие регулярные перерывы производственного процесса вообще несовместимы с ведением современной крупной промышленности. Сама непрерывность, это — производительная сила труда.

Если мы теперь ближе присмотримся к высвободившемуся капиталу, — в действительности к капиталу, для деятельности которого наступает отсрочка, — то окажется, что значительная часть его посто-

янно должна иметь форму денежного капитала. Остановимся на примере: рабочий период 6 недель, период обращения 3 недели, еженедельная затрата 100 £. В середине второго рабочего периода, в конце 9-ой недели, возвращаются 600 £, из которых в продолжение оставшейся части рабочего периода придется затратить только 300 £. Следовательно, в конце второго рабочего периода из этой суммы высвободятся 300 £. В каком состоянии находятся эти 300 £? Предположим, что $\frac{1}{3}$ должна быть израсходована на заработную плату, $\frac{2}{3}$ на сырые и вспомогательные материалы. Следовательно, из возвратившихся 600 £ 200 £, предназначенные на заработную плату, находятся в денежной форме, а 400 £ — в форме производительного запаса, в форме элементов текучей части постоянного производительного капитала. Но так как для второй половины рабочего периода II требуется только половина этого производительного запаса, то вторая половина его в продолжение 3 недель находится в форме избыточного производительного запаса, т.-е. запаса, превышающего потребности одного рабочего периода. Но капиталист знает, что из этой части (= 400 £) возвратившегося капитала для текущего рабочего периода ему требуется только половина = 200 £. Следовательно, от условий рынка будет зависеть, превратит ли он тотчас же эти 200 £ целиком или только частью в избыточный производительный запас или же, в ожидании более благоприятных рыночных условий, удержит их целиком или частью в виде денежного капитала. С другой стороны, само собой разумеется, что часть, расходуемая на заработную плату, равная 200 £, удерживается в денежной форме. Капиталист, купив рабочую силу, не может складывать ее в амбаре как сырой материал. Он должен ввести ее в процесс производства и оплачивает ее в конце каждой недели. Следовательно, из высвободившегося капитала в 300 £ по крайней мере эти 100 £ будут иметь форму высвободившегося, т.-е. не требующегося для рабочего периода, денежного капитала. Таким образом капитал, высвободившийся в форме денежного капитала, должен равняться по меньшей мере переменной части капитала, израсходованной на заработную плату; максимум этого денежного капитала может достигнуть суммы всего высвободившегося капитала. В действительности величина его постоянно колеблется между этим минимумом и максимумом.

Денежный капитал, высвободившийся таким способом вследствие одного только механизма движения оборотов, играет значительную роль (наряду с денежным капиталом, образующимся от последовательного возвращения основного капитала, и с денежным капиталом, который необходим в каждом процессе труда для переменного капитала) и, когда развивается система кредита, является одной из основ для нее

Предположим, что в нашем примере время обращения сокращается с трех недель до двух. Это, допустим, не нормальное явление, а лишь результат благоприятного момента для предприятия, сокращение сроков платежей и проч. Капитал в 600 £, израсходованный в продолжение рабочего периода, возвращается неделей раньше, чем необходимо, следовательно, он высвобождается на эту неделю. Далее, в середине рабочего периода, как и прежде, высвобождаются 300 £ (часть тех 600 £), но высвобождаются на 4 недели вместо прежних 3. Следовательно, на денежном рынке в течение одной недели находятся 600 £, и 300 £ находятся в течение 4 недель вместо прежних 3. Так как это касается не только одного капиталиста, а многих, и происходит в различные периоды в различных отраслях предприятий, то благодаря этому на рынке оказывается более свободного денежного капитала. Если такое состояние продолжается сравнительно долго, то, где это допускается условиями, производство расширяется. Капиталисты, работающие на занятый капитал, будут предъявлять меньший спрос на денежном рынке, что, наряду с увеличением предложения, поведет к облегчению положения на этом рынке; или, наконец, суммы, ставшие излишними для механизма обращения, будут окончательно выброшены на денежный рынок.

Вследствие сокращения времени обращения с 3 до 2 недель и, следовательно, периода оборота с 9 до 8 недель, $\frac{1}{9}$ всего авансированного капитала делается излишней. Шестинедельный рабочий период может теперь протекать без перерыва при 800 £, как раньше при 900 £. Поэтому часть стоимости товарного капитала, равная 100 £, превратившись в деньги, остается в таком состоянии, в форме денежного капитала, и уже не функционирует как часть капитала, авансированного на производственный процесс. В то время, как производство продолжается в прежних размерах и при прочих равных условиях, как то ценах и т. д., сумма стоимости авансированного капитала уменьшается с 900 до 800 £. Остаток в 100 £ от первоначально авансированной стоимости выделяется в форме денежного капитала. Как таковой он поступает на денежный рынок и образует дополнительную часть функционирующих здесь капиталов.

Из этого видно, как может образоваться избыток денежного капитала, и не только в том смысле, что предложение денежного капитала выше спроса на него; такой избыток всегда лишь относительный избыток, который имеет место, напр., в „меланхолические периоды“, открывающие новый цикл по окончании кризиса. Нет, это — избыток в том смысле, что определенная часть авансированной капитальной стоимости оказывается излишней для продолжения всего общественного процесса воспроизводства (включающего и процесс обращения) и

поэтому выделяется в форме денежного капитала; это—избыток, возникающий при прежнем масштабе производства и прежних ценах исключительно вследствие сокращения периода оборота. Больше или меньше денег находится в обращении,—это не имеет в данном случае никакого влияния.

Предположим, что период обращения, напротив, удлиняется, скажем, с 3 недель до 5. Тогда уже при следующем обороте возвращение авансированного капитала происходит на 2 недели позже. Последняя часть производственного процесса этого рабочего периода не может вестись далее самым механизмом того оборота, который делает авансированный капитал. При некоторой длительности такого состояния может наступить сокращение процесса производства, того размера, в котором оно ведется,—как в предыдущем случае произошло его расширение. Но для того, чтобы продолжить процесс в прежнем масштабе, авансированный капитал необходимо увеличить на $\frac{2}{9}$ его размера, на 200 £, при чем это увеличение распространяется на весь срок удлинения периода обращения. Этот добавочный капитал может быть взят только с денежного рынка. Если удлинение периода обращения происходит в одной или в нескольких крупных отраслях предприятий, то оно может оказать давление на денежный рынок, если только такое влияние не парализуется противоположным влиянием с другой стороны. В этом случае также очевидно до осязаемости, что такое давление, как ранее избыток, ни малейшим образом не связано ни с изменением цен товаров, ни с изменением количества имеющихся в наличности средств обращения

[Подготовка этой главы к печати представила не малые затруднения. Как ни силен был Маркс в алгебраических вычислениях, но арифметические вычисления, особенно торговые, не давались ему, хотя имеется толстая связка тетрадей, в которых он на многих примерах проделывал все приемы, торгового счетоводства. Но знание отдельных приемов счетоводства и упражнение в обыденном практическом счетоводстве купца — отнюдь не одно и то же, и таким образом Маркс запутался в вычислениях оборотов, так что на-ряду с незаконченностью получились кое-какие неправильности и противоречия. В выше напечатанных таблицах я удержал только наиболее простое и арифметически правильное, главным образом по следующим соображениям.

Неверные результаты этих кропотливых вычислений привели к тому, что Маркс придавал незаслуженное значение одному, на мой взгляд, практически маловажному обстоятельству. Я имею в виду то, что он называет „высвобождением“ денежного капитала. Действительная суть дела при выше допущенных предположениях такова:

Каково бы ни было отношение продолжительности рабочего периода и времени обращения, следовательно, отношение капитала I к капиталу II, по завершении первого оборота к капиталисту все равно через правильные промежутки, равные по продолжительности рабочему периоду, возвращается в денежной форме капитал, необходимый для одного рабочего периода, следовательно, все равно возвращается сумма, равная капиталу I

Если рабочий период = 5 неделям, время обращения = 4 неделям, капитал I = 500 £, то каждый раз возвращается денежная сумма в 500 £: в конце 9-ой, 14-ой, 19-ой, 24-ой, 29-ой и т. д. недель.

Если рабочий период = 6 неделям, время обращения = 3 неделям, капитал I = 600 £, то по 600 £ возвращается: в конце 9-ой, 15-ой, 21-ой, 27-ой, 33-ей и т. д. недель.

Наконец, если рабочий период = 4 неделям, время обращения = 5 неделям, капитал I = 400 £, то возвращение каждых 400 £ последует в конце 9-ой, 13-ой, 17-ой, 21-ой, 25-ой и т. д. недель.

Окажется ли часть этих возвратившихся денег излишней для текущего рабочего периода, следовательно, высвободится ли она, и каковы ее размеры, это совершенно безразлично. Предполагается, что производство идет непрерывно в том же масштабе, а для того, чтобы это было возможно, должны быть налицо деньги, следовательно, они должны возвращаться, безразлично, „высвобождаются“ они или нет. Если производство прерывается, то прекращается и высвобождение

Другими словами: высвобождение денег, следовательно, образование скрытого, лишь потенциального капитала в денежной форме, конечно, происходит, но оно происходит при всяких обстоятельствах, а не только при особых условиях, ближе намеченных в тексте; и происходит оно в более крупном масштабе, чем это предполагается в тексте. По отношению к оборотному капиталу I промышленный капиталист в конце каждого оборота находится совершенно в том же положении, как и при начатии дела: он опять разом получил весь оборотный капитал, тогда как вновь превращать его в производительный капитал он может лишь постепенно.

Главное в тексте — указание на то, что, с одной стороны, значительная часть промышленного капитала постоянно должна существовать в денежной форме, с другой стороны, — еще более значительная часть должна время от времени принимать денежную форму. Мои дополнительные замечания служат не более как подкреплением этого указания. — Ф. Э.]

V. Влияние изменения цен.

Мы предполагали выше неизменные цены, неизменный масштаб производства, с одной стороны, сокращение или удлинение времени обращения, — с другой. Предположим теперь, напротив, одинаковую продолжительность периода оборота, одинаковый масштаб производства, но, с другой стороны—изменение цен, т. е. понижение или возрастание цен сырых и вспомогательных материалов и труда или двух первых из этих элементов. Положим, что цена сырых вспомогательных материалов, а также заработная плата упала на половину. Тогда в нашем примере потребовалось бы еженедельно 50 £ вместо 100, а для девятинедельного периода оборота потребовалось бы авансировать капитал 450 £ вместо 900 £. Прежде всего 450 £ авансированной капитальной стоимости выделяется как денежный капитал, но процесс производства будет продолжаться в том же масштабе, с тем же периодом оборота и с прежним делением его на рабочий период и период обращения. Годовое количество продукта тоже останется прежнее, но его стоимость уменьшится на половину. Эта перемена, сопровождаемая одновременным изменением в предложении денежного капитала и в спросе на него, вызвана не ускорением обращения и не изменением количества обращающихся денег. Напротив. Понижение стоимости, а в соответственных случаях цены, элементов производительного капитала на половину имело бы прежде всего то влияние, что на ведение предприятия X в прежних размерах авансировалась бы капитальная стоимость, уменьшенная на половину; а так как предприятие X авансирует эту капитальную стоимость прежде всего в форме денег, т. е. как денежный капитал, то, значит, оно выбрасывало бы на рынок только половину прежнего количества денег. Количество брошенных в обращение денег уменьшилось бы, так как цены на элементы производства упали. Таково было бы первое следствие.

Но, во-вторых, половина первоначально авансированной капитальной стоимости в 900 £, = 450 £, которая а) попеременно принимала форму денежного капитала, производительного капитала и товарного капитала, б) которая во всякое время в различных своих долях находилась частью в форме денежного капитала, частью в форме производительного капитала, частью в форме товарного капитала,—эта половина выделилась бы из кругооборота предприятия X и, поступив поэтому как дополнительный денежный капитал на денежный рынок, оказала бы на него действие как дополнительная составная часть. Эти освободившиеся деньги, 450 £, действуют как денежный капитал не потому, что они суть деньги, оказавшиеся излишними для ведения предприятия X, а потому, что они являются составной частью первоначальной капитальной стоимости

и, следовательно, должны попрежнему действовать как капитал, а не расходоваться как просто средство обращения. Самый первый способ заставить их действовать в качестве капитала — это бросить их на денежный рынок как денежный капитал. С другой стороны, было бы возможно также увеличить размеры производства вдвое (основной капитал мы оставляем в стороне). Авансируя тот же самый капитал в 900 £, можно было бы вести производственный процесс в удвоенном масштабе.

С другой стороны, если бы цены текущих элементов производительного капитала повысились на половину, то еженедельно вместо 100 £ требовалось бы 150 £, следовательно, вместо 900 £ уже 1350 £. Для того, чтобы вести предприятие в том же масштабе, понадобилось бы 450 £ добавочного капитала, и это, смотря по состоянию денежного рынка, производило бы на него *pro tanto* большее или меньшее давление. Если на всякий свободный капитал на рынке уже и без того предъявлялся спрос, то возникла бы усиленная конкуренция из-за свободного капитала. Если некоторая часть его лежала без употребления, то она *pro tanto* была бы призвана к деятельности.

Но возможен и третий случай: при данных размерах производства, при неизменяющейся быстроте оборота и неизменяющихся ценах элементов оборотного производительного капитала цена продуктов предприятия X может понизиться или повыситься. Если цена товаров, производимых предприятием X, понижается, то цена его товарного капитала с 600 £, которые оно постоянно выбрасывало в обращение, падает, напр., до 500 £. Следовательно, шестая часть стоимости авансированного капитала не возвращается из процесса обращения; она пропадает в этом процессе (закрывающаяся в товарном капитале прибавочная стоимость здесь не принимается во внимание). Но так как стоимость, а в соответственных случаях цена элементов производства остается прежняя, то возвратившихся 500 £ достанет лишь на то, чтобы возместить $\frac{5}{6}$ капитала в 600 £, постоянно занятого в производственном процессе. Следовательно, для того, чтобы продолжать производство в прежнем масштабе, пришлось бы затратить 100 £ добавочного денежного капитала.

Наоборот: если цена продуктов предприятия X повысится, то повысится и цена товарного капитала с 600, напр., до 700 £. Седьмая часть его цены = 100 £, приходит не из процесса производства, не была авансирована на него, а приливает из процесса обращения. Однако для возмещения производительных элементов требуется только 600 £; следовательно, 100 £ высвобождаются.

Изучение причин, почему в первом случае период оборота сокращается или удлиняется, почему во втором случае цены сырого мате-

риала и труда, а в третьем случае цены произведенных продуктов повышаются или падают, — изучение этих причин не входит в круг настоящего исследования.

Но в него входит, конечно, следующее:

I случай. Прежний масштаб производства, прежние цены элементов производства и продуктов, изменение в периоде обращения, а следовательно, и в периоде оборота.

По предположению в нашем примере, вследствие сокращения периода обращения потребуется авансировать всего капитала меньше на $\frac{1}{9}$; поэтому капитал сократится с 900 до 800 £, и выделится денежный капитал в 100 £.

Как и прежде, предприятие X доставляет в те же самые шесть недель продукт такой же стоимости в 600 £, а так как работа производится круглый год без перерыва, то оно в 51 неделю доставляет прежнее количество продукта стоимостью в 5.100 £. Следовательно, в количестве и в цене продукта, который выбрасывается в обращение предприятием, нет никакой перемены, не происходит ее и в сроках, в которые предприятие выбрасывает продукт на рынок. Но выделены 100 £, так как вследствие сокращения периода обращения процесс насыщен при авансировании капитала всего в 800 £ вместо прежних 900 £. Эти 100 £ выделившегося капитала существуют в форме денежного капитала. Но они отнюдь не представляют той части авансированного капитала, которая постоянно должна функционировать в форме денежного капитала. Предположим, что из авансированного оборотного капитала I в 600 £ $\frac{4}{5} = 480$ £ постоянно затрачиваются на материалы для производства и $\frac{1}{5} = 120$ £ на заработную плату. Следовательно, еженедельно 80 £ идет на материалы для производства, 20 £ на заработную плату. Таким образом капитал II = 300 £ точно так же долженделиться на $\frac{4}{5} = 240$ £ для производственных материалов и на $\frac{1}{5} = 60$ £ для заработной платы. Капитал, затрачиваемый на заработную плату, должен постоянно авансироваться в денежной форме. Как только товарный продукт стоимостью в общем итоге в 600 £ превратится в денежную форму, как только он будет продан, 480 £ из этой суммы могут быть превращены в материалы для производства (в производительный запас), но 120 £ удерживают свою денежную форму, чтобы послужить для выдачи заработной платы в продолжение 6 недель. Эти 120 £ представляют тот минимум возвращающегося капитала в 600 £, который постоянно возобновляется и возмещается в форме денежного капитала и потому постоянно должен быть налицо как функционирующая в денежной форме часть авансированного капитала.

Если из 300 £, периодически освобождающихся на 3 недели и тоже периодически распадающихся на 240 £ для производительного запаса и на 60 £ для заработной платы, вследствие сокращения времени обращения выделяется 100 £ в форме денежного капитала и будут совершенно выброшены из механизма оборота, то вот вопрос: откуда берутся деньги для этих 100 £ денежного капитала? Лишь на пятую часть они состоят из денежного капитала, периодически высвобождающегося от оборотов. Но $\frac{4}{5} = 80$ £ уже возмещены добавочным производственным запасом той же самой стоимости. Каким образом этот добавочный производственный запас превращается в деньги, и откуда берутся деньги для этого превращения?

Раз произошло сокращение времени обращения, то из вышеуказанных 600 £ в производственный запас вместо 480 превратится всего 400 £. Остальные 80 £ удерживаются в их денежной форме и вместе с вышеуказанными 20 £, предназначенными для заработной платы, составляют этот выделившийся капитал в 100 £. Хотя эти 100 £ приходят из обращения благодаря продаже товарного капитала в 600 £ и теперь отвлекаются от обращения, так как не расходуются снова на заработную плату и элементы производства, однако не следует забывать, что, являясь в форме денег, они лишь снова оказываются в той самой форме, в которой они первоначально были брошены в обращение. Сначала на производственный запас и на заработную плату затрачивалось 900 £ деньгами. Теперь, чтобы вести тот же самый процесс производства, требуется уже только 800 £. Выделившиеся благодаря этому в денежной форме 100 £ образуют теперь новый ищущий помещения денежный капитал, новую составную часть денежного рынка. Хотя они и ранее периодически принимали форму высвободившегося денежного капитала и добавочного производительного капитала, но такое скрытое состояние само было условием ведения производственного процесса, так как оно было условием его непрерывности. Теперь они уже не требуются для этого и потому образуют новый денежный капитал, одну из составных частей денежного рынка, хотя они отнюдь не представляют ни вновь накопленного сокровища, ни добавочного элемента к уже существующему общественному денежному запасу (потому что они существовали при начале предприятия и были брошены им в обращение).

Теперь эти 100 £ по существу отвлекаются от обращения, поскольку они составляют часть авансированного денежного капитала, которая теперь уже не находит применения в том же предприятии. Но такое отвлечение возможно лишь вследствие того, что ускорилось на одну неделю превращение товарного капитала в деньги, а этих денег — в производительный капитал, $T' - D - T$, следовательно, уско-

рилось обращение действующих в этом процессе денег. Они отвлечены от него, потому что они более не требуются для оборота капитала X.

Здесь предполагается, что авансированный капитал принадлежит тому, кто употребляет его в дело. Если бы предприятие велось на занятый капитал, от этого ничего не изменилось бы. При сокращении времени обращения предпринимателю понадобилось бы вместо 900 только 800 £ занятого капитала. 100 £, возвращенные кредитору, образуют, как и ранее, новый денежный капитал в 100 £, с той лишь разницей, что теперь он находится в руках Y вместо X. Далее, если капиталист X получал в кредит производственные материалы стоимостью в 480 £, так что сам он должен был затратить деньгами только 120 £ на заработную плату, то теперь он может брать в кредит производственных материалов на 80 £ менее, и эти 80 £ представляют таким образом избыточный товарный капитал для капиталиста, оказывающего кредит, между тем как для капиталиста X выделилось бы 20 £ деньгами.

Дополнительный производственный запас уменьшился теперь на $\frac{1}{3}$. Составляя $\frac{4}{5}$ от 300 £, он был равен дополнительному капиталу $\Pi = 240$ £; теперь он равен только 160 £, т.-е. представляет дополнительный запас для 2 недель вместо 3. Теперь он будет возобновляться через каждые 2 недели вместо 3, но притом только на 2 недели вместо 3. Закупки, напр., на рынке хлопка повторяются таким образом чаще и меньшими партиями. С рынка берется то же самое количество хлопка, потому что масса продукта остается прежней. Но закупки распределяются иначе во времени и растягиваются на более продолжительное время. Положим, напр., что дело идет о 3 и о 2 месяцах; ежегодное потребление хлопка пусть будет 1.200 кип. В первом случае будет продаваться:

1 января	300	кип,	остается	на	складе	900	кип.
1 апреля	300	"	"	"	"	600	"
1 июля	300	"	"	"	"	300	"
1 октября	300	"	"	"	"	0	"

Напротив, во втором случае:

1 января	продается	200,	на	складе	1000	кип.
1 марта	"	200	"	"	800	"
1 мая	"	200	"	"	600	"
1 июля	"	200	"	"	400	"
1 сентября	"	200	"	"	200	"
1 ноября	"	200	"	"	0	"

Следовательно, затраченные на хлопок деньги вполне возвращаются лишь месяцем позже, в ноябре вместо октября. Итак, если вследствие сокращения времени обращения, а вместе с тем и оборота, выделяется в форме денежного капитала $\frac{1}{9}$ часть авансированного капитала = 100 £, и если эти 100 £ состояются из 20 £ периодически возникающего избытка денежного капитала, предназначенного для еженедельной выдачи заработной платы, и из 80 £, которые периодически появляются как избыток производственного запаса на одну неделю, то этому уменьшению у фабриканта избыточного производственного запаса на 80 £ соответствует увеличение товарного запаса у торговца хлопком. Тот же самый хлопок тем дольше лежит на его складах как товар, чем меньше он лежит на складах у фабриканта как производственный запас.

До сих пор мы предполагали, что сокращение времени обращения в предприятии X вытекает из того, что X быстрее продает свои товары или скорее получает за них деньги, в соответственных случаях из того, что при кредите срок платежа сокращается. Следовательно, это сокращение времени обращения вытекает из более быстрой продажи товара, более быстрого превращения товарного капитала в денежный капитал, из первой фазы процесса обращения, из $T' - D$. Оно может вытекать и из второй фазы, $D - T$, следовательно, из одновременного изменения как рабочего периода, так и времени обращения капиталов Y, Z и т. д., которые доставляют капиталисту X производственные элементы его оборотного капитала.

Если, напр., хлопок, уголь и проч. при старых условиях транспорта находятся 3 недели в пути от места своего производства или от складов до местонахождения производства капиталиста X, то минимума производственного запаса X должно хватить по крайней мере на 3 недели, до прибытия новых запасов. Пока хлопок и уголь находятся в пути, они не могут служить средствами производства. Они скорее представляют в это время предмет труда для перевозочной промышленности и помещенного в ней капитала, они представляют также совершающий свое обращение товарный капитал углепромышленника или торговца хлопком. При более совершенном транспорте время пути сокращается до 2 недель. Таким образом производственный запас может превратиться из трехнедельного в двухнедельный. Вместе с тем высвобождается авансированный на этот предмет дополнительный капитал в 80 £, а также 20 £, предназначавшиеся для заработной платы, так как обернувшийся капитал в 600 £ возвращается неделей раньше.

С другой стороны, если, напр., сокращается рабочий период капитала, доставляющего сырой материал (примеры чего даны в пре-

дыдущих главах), если, следовательно, возрастает возможность возобновлять сырой материал, то производственный запас может уменьшиться, промежуток от одного периода возобновления до другого может сократиться.

Наоборот, если время обращения и вследствие этого период оборота удлиняется, то необходимо авансирование дополнительного капитала,—из кармана самого капиталиста, если у него есть дополнительный капитал. Но в таком случае этот капитал в той или иной форме придется применить, при чем он составит элемент капитала, находящегося на денежном рынке; чтобы получить его в распоряжение, его надо высвободить из старой формы, напр., продать акции, взять вклады, так что и в этом случае будет оказано косвенное влияние на денежный рынок. Или капиталист должен занять дополнительный капитал. Что касается части дополнительного капитала, необходимой для заработной платы, то при нормальных условиях ее постоянно приходится авансировать как денежный капитал, и капиталист X с своей стороны оказывает таким образом известное прямое давление на денежный рынок. Для той части капитала, которая должна быть вложена в производственные материалы, авансирование в виде денежного капитала неизбежно лишь в том случае, если капиталист должен оплачивать их наличными. Если он может получить их в кредит, то это не производит прямого влияния на денежный рынок, потому что дополнительный капитал тогда прямо авансируется как производственный запас, а не как с самого начала денежный капитал. Если кредитор в свою очередь бросает полученный от X вексель непосредственно на денежный рынок, представляет его к учету и проч., это произведет косвенное, осуществляемое при посредстве второго лица воздействие на денежный рынок. Но если он воспользуется этим векселем, чтобы, напр., досрочно уплатить свой долг, то этот дополнительно авансированный капитал не произведет ни прямого, ни косвенного влияния на денежный рынок.

II случай. Изменение цены производственных материалов, все прочие условия прежние.

Выше мы предполагали, что из всего капитала в $900 \text{ £ } \frac{4}{5} = 720 \text{ £}$ затрачивается на производственные материалы и $\frac{1}{5} = 180 \text{ £}$ на заработную плату.

Если производственные материалы падают в цене на половину, то на них для шестинедельного рабочего периода требуется только 240 £ вместо 480 £ и на добавочный капитал № II требуется лишь 120 £ вместо 240 £ . Следовательно, капитал I сокращается с 600 £ до $240 + 120 = 360 \text{ £}$, и капитал II с 300 £ до $120 + 60 = 180 \text{ £}$. Весь капитал с 900 £ уменьшается до $360 + 180 = 540 \text{ £}$. Следовательно, выделяются 360 £ .

Этот выделявшийся и теперь незанятый денежный капитал, ищущий поэтому помещения на денежном рынке, представляет не что иное, как часть капитала в 900 £, первоначально авансированного в виде денежного капитала и сделавшегося излишним вследствие понижения цены тех элементов производства, в которые он периодически превращается,—сделавшегося излишним, раз предприятие не расширяется, а ведется в прежнем масштабе. Если такое падение цен вызвано не случайными обстоятельствами (напр., особенно богатым урожаем, чрезмерным подвозом и проч.), а увеличением производительности в той отрасли, которая доставляет сырой материал, то этот денежный капитал представлял бы абсолютное приращение для денежного рынка и вообще для свободного капитала, который находится в форме денежного капитала: ведь этот капитал уже не составлял бы элемента того капитала, который уже нашел себе применение.

III случай. Изменение рыночной цены самого продукта.

В этом случае с понижением цены часть капитала оказывается потерянной и потому должна быть возмещена новым авансированием денежного капитала. Эта потеря для продавца может быть наверстана покупателем. Прямо, если продукт понизился в своей рыночной цене только вследствие случайных конъюнктур и затем снова поднимается до своей нормальной цены. Косвенно, если изменение цены вызвано изменением стоимости, отражающимся и на старом продукте, и если этот продукт в качестве элемента производства входит в другую отрасль производства и pro tanto освобождает здесь капитал. В обоих случаях капитал, потерянный для X, —а для его возмещения X производит давление на денежный рынок,—может быть доставлен ему его деловыми друзьями как новый дополнительный капитал. В таком случае происходит только перемещение.

Напротив, если цена продукта повышается, то из сферы обращения присваивается часть капитала, которая не была авансирована. Она не представляет органической части капитала, авансированного на процесс производства, и потому, если производство не расширяется, образует выделившийся денежный капитал. Так как по нашему предположению цены элементов продукта были даны раньше, чем он как товарный капитал выступил на рынке, то повышение цен могло бы быть вызвано здесь действительным изменением стоимости в той мере, в какой это изменение имело бы обратное действие, напр., если бы сырые материалы потом повысились в цене. В этом случае капиталист X выиграл бы на своем продукте, обращающемся в виде товарного капитала, и на имеющемся у него производственном запасе. Этот выигрыш доставил бы ему дополнительный капитал, который понадо-

бится теперь для продолжения его предприятия при новых, повышенных ценах элементов производства.

Или же повышение цен будет только временным. Тогда то, что для капиталиста X требуется как дополнительный капитал, оказывается для другой стороны освободившимся капиталом, поскольку его продукт составляет элемент для производства в другой отрасли предприятий. Что потерял один, то выиграл другой.

Глава шестнадцатая.

Оборот переменного капитала.

I. Годовая норма прибавочной стоимости.

Предположим оборотный капитал в 2.500 £, притом такой, что $\frac{4}{5}$ его = 2000 £ составляют постоянный капитал (материалы производства), а $\frac{1}{5}$ = 500 £ переменный, расходуемый на заработную плату.

Период оборота пусть будет равен 5 неделям; рабочий период = 4 неделям, период обращения = 1 неделе. Тогда капитал I = 2.000 £ будет состоять из 1.600 £ постоянного капитала и 400 £ переменного; капитал II = 500 £; из них 400 £ постоянный и 100 £ переменный капитал. В продолжение каждой рабочей недели затрачивается капитал в 500 £. В течение года, состоящего из 50 недель, производится годовой продукт в $500 \times 50 = 25.000$ £. Следовательно, капитал I в 2.000 £, постоянно занятый в рабочем периоде, оборачивается $12\frac{1}{2}$ раз. $2.000 \times 12\frac{1}{2} = 25.000$ £. Из этих 25.000 £ $\frac{4}{5} = 20.000$ £ представляют постоянный капитал, израсходованный на средства производства, и $\frac{1}{5} = 5.000$ £ — переменный капитал, израсходованный на заработную плату. Напротив, весь капитал в 2.500 £ оборачивается $\frac{25000}{2500} = 10$ раз.

Израсходованный во время производства переменный оборотный капитал может снова служить в процессе обращения лишь постольку, поскольку удается продать продукт, в котором воспроизведена его стоимость, поскольку он превращается из товарного капитала в денежный капитал, который снова затрачивается на оплату рабочей силы. Но точно так же обстоит дело и с затраченным на производство постоянным оборотным капиталом (материалами производства), стоимость которого снова проявляется в продукте, как часть стоимости последнего. Общее свойство обеих этих частей — переменной и постоянной части оборотного капитала — и их отличие от основного капитала состоит не в том, что их стоимость, перенесенная на продукт, обращается при

посредстве товарного капитала, т.-е. при посредстве обращения продукта в виде товара. Некоторая часть стоимости продукта, и притом продукта, обращающегося в виде товара, некоторая часть товарного капитала всегда состоит из снашиваемой части основного капитала, т.-е. из части стоимости основного капитала, перенесенной на продукт во время производства. Но различие состоит в следующем: основной капитал продолжает функционировать в процессе производства в своей старой потребительной форме в продолжение более или менее длительного цикла периодов оборота оборотного капитала (= оборотному постоянному + оборотный переменный капитал); напротив, каждый отдельный оборот имеет своим условием возмещение всего оборотного капитала, вступившего—в форме товарного капитала—из сферы производства в сферу обращения. Первая фаза обращения, $T'—D'$, является общей для текучего постоянного и текучего переменного капитала. Во второй фазе они разделяются. Деньги, в которые превратился товар, отчасти превращаются в производственный запас (оборотный постоянный капитал). Соответственно различным срокам покупок составных частей такого запаса одна часть этих денег может превратиться в материалы производства раньше, другая позже, но в конце концов все эти деньги уходят на материалы производства. Другая часть денег, вырученных от продажи товара, остается лежать в виде денежного запаса и мало-по-малу расходуется на оплату рабочей силы, включенной в процесс производства. Она образует оборотный переменный капитал. Тем не менее при обороте капитала, при его превращении в продукт, из продукта в товар, из товара в деньги каждый раз происходит полное возмещение той или другой части. Именно на этом основании мы рассматривали в предыдущей главе оборот оборотного капитала — постоянного и переменного — вместе и порознь, не обращая внимания на основной капитал.

В вопросе, который нам теперь предстоит исследовать, мы должны сделать еще один шаг вперед и рассматривать переменную часть оборотного капитала так, как будто бы только она одна и составляет весь оборотный капитал; т.-е. мы не будем принимать во внимание постоянного оборотного капитала, который совершает обороты вместе с нею.

Авансировано 2.500 £, и стоимость годового продукта = 25.000 £. Но переменная часть оборотного капитала составляет 500 £, поэтому переменный капитал, содержащийся в 25.000 £, равен $\frac{25000}{5} = 5.000$ £.

Если 5.000 £ разделить на 500, то мы получим число оборотов 10, совершенно такое же, как для всего капитала в 2.500 £.

Этот средний расчет, при котором стоимость годового продукта делится на стоимость авансированного капитала, а не на стоимость

части этого капитала, постоянно занятой в одном рабочем периоде (следовательно, в нашем случае не на 400, а на 500, не на капитал I, а на капитал I + капитал II), этот средний расчет абсолютно точен здесь, где дело идет только о производстве прибавочной стоимости. Впоследствии мы увидим, что при иной точке зрения он оказывается не совсем точным, как и вообще не вполне точен этот средний расчет. Т.-е. он достаточен для практических целей капиталиста, но он не выражает точно или соответственным образом всех реальных обстоятельств, сопровождающих оборот.

До сих пор мы совершенно не принимали в соображение одной части стоимости товарного капитала, именно заключающейся в нем прибавочной стоимости, которая произведена и присоединена к продукту во время производственного процесса. На нее-то мы и должны теперь обратить наше внимание.

Если принять, что еженедельно затрачиваемый переменный капитал в 100 £ производит прибавочную стоимость в $100\% = 100$ £, то переменный капитал в 500 £, затрачиваемый в пятинедельный период оборота, произведет прибавочную стоимость в 500 £, т.-е. половина рабочего дня состоит из прибавочного труда.

Если 500 £ переменного капитала производят 500 £ прибавочной стоимости, то 5.000 £ производят ее $500 \times 10 = 5.000$ £. Но авансированный переменный капитал = 500 £. Отношение всей массы прибавочной стоимости, произведенной в течение года, к сумме стоимости авансированного переменного капитала мы называем годовой нормой прибавочной стоимости. Следовательно, в настоящем случае

она составляет $\frac{5000}{500} = 1.000\%$. Если ближе анализировать эту норму,

то окажется, что она равна норме прибавочной стоимости, которую авансированный переменный капитал производит в продолжение одного периода оборота, умноженной на число оборотов переменного капитала (совпадающее с числом оборотов всего оборотного капитала).

Авансированный в продолжение одного периода оборота переменный капитал в данном случае = 500 £; произведенная им прибавочная стоимость тоже = 500 £. Норма прибавочной стоимости в про-

должение одного периода оборота составляет поэтому $\frac{500 \text{ м}}{500 \text{ в}} = 100\%$.

Эти 100% , умноженные на 10, на число оборотов в год, дают $\frac{5000 \text{ м}}{500 \text{ в}} = 1.000\%$.

Это относится к годовой норме прибавочной стоимости. Что же касается массы прибавочной стоимости, получаемой в течение опре-

деленного периода оборота, то эта масса равна стоимости авансированного в продолжение этого периода переменного капитала, здесь = 500 £, умноженной на норму прибавочной стоимости, здесь, следовательно, $500 \times \frac{100}{100} = 500 \times 1 = 500$ £. Если бы авансированный капитал был = 1.500 £, то при одинаковой норме прибавочной стоимости масса прибавочной стоимости была бы = $1.500 \times \frac{100}{100} = 1.500$ £.

Переменный капитал в 500 £, оборачивающийся 10 раз в год и производящий в течение года прибавочную стоимость в 500 £, капитал, для которого, следовательно, годовая норма прибавочной стоимости = 1.000%, мы будем называть капиталом А.

Предположим теперь, что другой переменный капитал В в 5.000 £ авансируется на целый год (т.-е. в данном случае на 50 недель) и потому оборачивается только один раз в год. Предположим далее, что в конце года продукт оплачивается в тот самый день, как он готов, и что, следовательно, денежный капитал, в который он превращается, возвращается в тот же самый день. Следовательно, период обращения здесь = 0, период оборота = рабочему периоду, именно одному году. Как в предыдущем случае, в процессе труда каждую неделю находится переменный капитал в 100 £, а в 50 недель — 5.000 £. Далее, норма прибавочной стоимости пусть будет та же самая = 100%, т.-е. при одинаковой продолжительности рабочего дня половина его состоит из прибавочного труда. Если мы остановимся на 5 неделях, то вложенный переменный капитал будет равен 500 £, норма прибавочной стоимости = 100%, следовательно, масса прибавочной стоимости, произведенная в течение 5 недель, = 500 £. Количество рабочей силы, которая при этом эксплуатируется, и степень ее эксплуатации здесь по предположению точно такие же, как в капитале А.

Примененный переменный капитал в 100 £ еженедельно производит прибавочную стоимость в 100 £, поэтому в продолжение 50 недель примененный капитал в $100 \times 50 = 5.000$ £ произведет прибавочную стоимость в 5.000 £. Масса ежегодно производимой прибавочной стоимости оказывается такою же, как в предыдущем случае, = 5.000 £, но годовая норма прибавочной стоимости совершенно иная. Она равна произведенной в течение года прибавочной стоимости, разделенной на авансированный переменный капитал: $\frac{5000 \text{ m}}{5000 \text{ v}} = 100\%$, тогда как ранее для капитала А она была равна 1.000%.

При капитале А, как и при капитале В, мы еженедельно затрачивали 100 £ переменного капитала; степень возрастания стоимости, или норма прибавочной стоимости совершенно такая же = 100%; вели-

чина переменного капитала также одинакова = 100 £. Эксплуатируется совершенно одинаковое количество рабочей силы, величина и степень эксплуатации в обоих случаях одинаковы, рабочие дни одинаковы и одинаково распадаются на необходимый труд и прибавочный труд. Сумма переменного капитала, затраченного в продолжение года, одинакова по величине = 5.000 £; она приводит в движение ту же самую массу труда и извлекает из рабочей силы, приводимой в движение двумя равными капиталами, одинаковую массу прибавочной стоимости, 5.000 £. И все-таки разница в годовой норме прибавочной стоимости капиталов А и В составляет 900%.

Несомненно, это явление производит такое впечатление, как будто норма прибавочной стоимости зависит не только от массы и степени эксплуатации рабочей силы, приводимой в движение переменным капиталом, но, кроме того, от каких-то необъяснимых влияний, вытекающих из процесса обращения; и, действительно, это явление истолковывалось именно таким образом, и хотя не в этой чистой, но в своей более сложной и скрытой форме (в форме годовой нормы прибыли) оно вызвало с начала 20 годов полный разлад в школе Рикардо.

Чудесное в этом явлении исчезает немедленно, если мы не только повидимому, но действительно поставим капитал А и капитал В в совершенно одинаковые условия. Условия будут одинаковыми только в том случае, если переменный капитал В во всем своем объеме расходуется на оплату рабочей силы в тот же самый промежуток времени, что и капитал А.

5.000 £ капитала В расходуются тогда в продолжение 5 недель, расход по 1.000 £ в неделю составляет в год 50.000 £. Прибавочная стоимость составляет тогда при нашем предположении тоже 50.000 £. Обернувшийся капитал = 50.000 £, разделенный на авансированный капитал = 5.000 £, дает число оборотов = 10. Норма прибавочной стоимости = $\frac{5000 m}{5000 v} = 100\%$, умноженная на число оборотов = 10, дает

годовую норму прибавочной стоимости = $\frac{5000 m}{5000 v} = \frac{10}{1} = 1.000\%$.

Итак, теперь годовые нормы прибавочной стоимости одинаковы для А и для В, именно 1.000%, но массы прибавочной стоимости составляют: для В 50.000 £, для А 5.000 £; массы произведенной прибавочной стоимости относятся теперь как стоимость авансированных капиталов В и А, именно как 50.000 : 5.000 = 10 : 1. Но зато капитал В в одинаково продолжительное время привел в движение в десять раз более рабочей силы, чем капитал А.

Только капитал, действительно употребленный в процессе труда, создает прибавочную стоимость, и только к нему относятся все законы,

касающиеся прибавочной стоимости, следовательно, и тот закон, что количество прибавочной стоимости при данной норме ее определяется относительной величиной переменного капитала.

Самый процесс труда измеряется временем. При данной продолжительности рабочего дня (как здесь, где мы ставим капитал А и капитал В в одинаковые условия, чтобы в ясном свете представить разницу в годовой норме прибавочной стоимости) рабочая неделя состоит из определенного числа рабочих дней. Или мы можем рассматривать какой-нибудь рабочий период, напр., в данном случае пятинедельный, как сплошной рабочий день, состоящий из 300 ч со (предполагая, что рабочий день = 10 часам, а неделя = 6 рабочим дням). Но затем мы должны умножить это число на число рабочих, которые ежедневно одновременно заняты в одном и том же процессе труда. Если это число было бы, напр., 10, то рабочая неделя была бы = $60 \times 10 = 600$ часам, а пятинедельный рабочий период = $600 \times 5 = 3.000$ часам. Следовательно, при одинаковой норме прибавочной стоимости и при одинаковой продолжительности рабочего дня употребляются в дело переменные капиталы одинаковой величины, если в течение того же самого промежутка времени приводятся в движение одинаковые массы рабочей силы (вычисляемые путем умножения одной рабочей силы известной цены на число этих сил).

Возвратимся теперь к нашим первоначальным примерам. В обоих случаях, А и В, в продолжение каждой недели года употребляются переменные капиталы одинаковой величины, по 100 £ в неделю. Употребленные, действительно функционирующие в процессе труда переменные капиталы поэтому равны, но авансированные переменные капиталы вовсе не равны. В примере А на каждые 5 недель авансируется по 500 £, из которых еженедельно употребляется в дело 100 £. В примере В на первый пятинедельный период приходится авансировать 5.000 £, но из них употребляется в дело только по 100 £ в неделю, следовательно, в 5 недель только $500 \text{ £} = \frac{1}{10}$ авансированного капитала. Во второй пятинедельный период приходится авансировать 4.500 £, но употребляется в дело только 500 £ и т. д. Переменный капитал, авансируемый на определенный период времени, превращается в употребляемый, т. е. в действительно функционирующий и действующий переменный капитал, лишь в той мере, поскольку он, действительно, вступает в отделы этого периода времени, заполненные процессом труда, поскольку он, действительно, функционирует в процессе труда. В промежуточное время, когда некоторая часть его авансируется лишь для того, чтобы найти употребление в позднейшее время, эта часть совершенно не существует для процесса труда и потому не имеет никакого влияния на образование как стоимости

так и прибавочной стоимости. Таково, например, положение с капиталом А в 500 £. Он авансирован на 5 недель, но в процесс труда последовательно входят из него каждую неделю только 100 £. В первую неделю употребляется в дело $\frac{1}{5}$ его; $\frac{4}{5}$ авансированы, хотя еще не находят употребления; их необходимо иметь в запасе для процесса труда 4 следующих недель, и потому их приходится авансировать.

Обстоятельства, создающие различие в отношении между авансированным и употребленным в дело переменным капиталом, влияют на производство прибавочной стоимости—при данной норме прибавочной стоимости—лишь постольку и лишь таким способом, что они делают различным то количество переменного капитала, которое действительно может быть употреблено в дело в определенный период времени, напр., в одну неделю, в 5 недель и проч. Авансированный переменный капитал функционирует как переменный капитал лишь постольку и лишь в продолжение того времени, поскольку и когда он действительно употребляется в дело; но не в продолжение того времени, когда он остается авансированным в виде запаса, не находя действительного употребления. Но все условия, изменяющие отношение между авансированным и употребляемым в дело переменным капиталом, сводятся к разнице периодов оборота (определяемой разницей или рабочего периода, или периода обращения, или и того и другого). Закон производства прибавочной стоимости состоит в том, что при одинаковой норме прибавочной стоимости равные массы функционирующего переменного капитала производят равные массы прибавочной стоимости. Следовательно, если капиталами А и В в равные промежутки времени при одинаковой норме прибавочной стоимости употребляются в дело равные массы переменного капитала, они должны произвести в течение одинаковых промежутков времени равные массы прибавочной стоимости, как бы различно ни было отношение этого переменного капитала, употребленного в дело в определенный промежуток времени, к переменному капиталу, авансированному в тот же промежуток времени, и следовательно, как бы различно ни было отношение произведенной массы прибавочной стоимости к вообще авансированному переменному капиталу, а не только к тому, который нашел себе употребление. Различие этого отношения, нисколько не протвореча развитым нами законам производства прибавочной стоимости, напротив, подтверждает их и является их неизбежным следствием.

Рассмотрим первый пятинедельный период производства капитала В. В конце 5 недели вкладываются и потребляются 500 £. Вновь созданная стоимость = 1.000 £, следовательно, $\frac{500m}{500v} = 100\%$. Совершенно, как в капитале А. То обстоятельство, что при капитале А.

прибавочная стоимость реализуется вместе с авансированным капиталом, а при В нет, нас пока не касается, потому что здесь речь идет пока только о производстве прибавочной стоимости и об ее отношении к переменному капиталу, авансированному во время ее производства. Напротив, если мы вычислим отношение прибавочной стоимости в В не к той части авансированного капитала в 5.000 £, которая вложена и потреблена во время производства этой прибавочной стоимости, а ко всему этому авансированному капиталу, то мы получим $\frac{500 m}{500 v} = 1/10 = 10\%$. Итак, для капитала В 10%, а для капитала А 100%, т.е. в 10 раз более. Если бы по этому поводу сказали: такая разница в норме прибавочной стоимости для равновеликих капиталов, приводящих в движение одинаковое количество труда, и притом труда, распределяющегося одинаковыми частями на оплаченный и неоплаченный труд,—такая разница противоречит законам производства прибавочной стоимости,—то ответ был бы прост и получился бы при первом же взгляде на фактические отношения: для А выражается действительная норма прибавочной стоимости, т.е. отношение прибавочной стоимости, произведенной в продолжение 5 недель переменным капиталом в 500 £. к этому переменному капиталу в 500 £. Для В, напротив, вычисление производится таким способом, который не имеет никакого касательства ни к производству прибавочной стоимости, ни к связанному с последним определению нормы прибавочной стоимости. 500 £ прибавочной стоимости, произведенные переменным капиталом в 500 £, исчисляются собственно не в их отношении к 500 £ переменного капитала, авансированного во время производства этой прибавочной стоимости, а в их отношении к капиталу в 5.000 £, $\frac{1}{10}$ которого, 4.500 £, не имеют никакого касательства к производству этой прибавочной стоимости в 500 £ и должны постепенно вступать в действие лишь в течение следующих 45 недель; следовательно, они как бы вовсе не существуют для производства в первые 5 недель, о которых здесь только и идет речь. Итак, в этом случае разница в норме прибавочной стоимости капиталов А и В не представляет никакой проблемы.

Сравним теперь годовые нормы прибавочной стоимости для капиталов В и А. Для капитала В мы имеем $\frac{5000 m}{5000 v} = 100\%$; для капитала А

$\frac{5000 m}{500 v} = 1.000\%$. Но отношение норм прибавочной стоимости

такое же, как и ранее. Тогда мы имеем:

Норма прибавочной стоимости капитала В $= \frac{10\%}{100\%}$, а теперь мы имеем:

Норма прибавочной стоимости капитала А $= \frac{100\%}{100\%}$

Годовая норма прибавочной стоимости капитала В $\frac{100\%}{1000\%}$; но
 Годовая норма прибавочной стоимости капитала А $\frac{100\%}{1000\%}$; но
 $\frac{100\%}{1000\%} = \frac{100\%}{1000\%}$, следовательно, то же самое отношение, что и
 раньше.

Однако теперь проблема перевернулась. Годовая норма капитала В:
 $\frac{5000 \text{ м}}{5000 \text{ в}} = 100\%$, не представляет, конечно, никакого уклонения, ни
 даже видимости уклонения от известных нам законов, касающихся
 производства и соответствующей ему нормы прибавочной стоимости.
 5.000 в, авансированные и производительно потребленные в течение
 года, произвели 5.000 м. Следовательно, норма прибавочной стоимости
 выражается вышеприведенной дробью $\frac{5000 \text{ м}}{5000 \text{ в}} = 100\%$. Годовая норма
 совпадает с действительной нормой прибавочной стоимости. Следо-
 вательно, на этот раз не капитал В, как ранее, а капитал А пред-
 ставляет аномалию, которая требует объяснения.

Мы имеем здесь норму прибавочной стоимости $\frac{5000 \text{ м}}{500 \text{ в}} = 1.000\%$.

Но если в первом случае 500 м, продукт 5 недель, исчислялись в их
 отношении к авансированному капиталу в 5.000 £, $\frac{1}{10}$ которого
 не употреблялись при производстве этой прибавочной стоимости, то
 теперь 5.000 м исчисляются в их отношении к 500 в, т.-е. только
 к $\frac{1}{10}$ переменного капитала, действительно употребленного в дело
 при производстве 5.000 м; потому что 5.000 м представляют продукт
 переменного капитала в 5.000 £, производительно потребленного
 в течение 50 недель, а не продукт капитала в 500 £, потребленного
 в продолжение только одного пятинедельного периода. В первом
 случае прибавочная стоимость, произведенная в 5 недель, исчисляется
 в ее отношении к капиталу, авансированному на 50 недель, следова-
 тельно, на капитал в десять раз больший, чем тот, который потреблен
 в течение 5 недель. Теперь прибавочная стоимость, произведенная
 в 50 недель, исчисляется в ее отношении к капиталу, авансированному
 на 5 недель, следовательно, к капиталу в десять раз меньшему, чем
 тот, который потреблен в продолжение 50 недель.

Капитал А никогда не авансируется более, чем на 5 недель.
 По истечении их он притекает обратно и, совершая в продолжение
 года десять оборотов, может повторить этот процесс десять раз. Из
 этого следует два вывода.

Во-первых: авансированный капитал А только в 5 раз больше
 части капитала, постоянно употребляемой на процесс производства
 в течение недели. Напротив, капитал В который в 50 недель обра-

чивается только один раз и, следовательно, должен быть авансирован на 50 недель, в 50 раз больше той части его, которая постоянно может употребляться в дело в течение недели. Поэтому оборот видоизменяет отношение между капиталом, авансируемым на процесс производства в продолжение года, и капиталом, постоянно употребляемым в дело для определенного периода производства, напр., для одной недели. Здесь мы имеем перед собой первый случай, когда пятинедельная прибавочная стоимость исчисляется не в ее отношении к капиталу, употребленному в продолжение этих 5 недель, а в отношении к капиталу, в десять раз большему, употребленному в течение 50 недель.

Во-вторых: пятинедельный период оборота капитала А, 5 недель, составляет $\frac{1}{10}$ года, поэтому год заключает в себе 10 таких периодов оборота, в которые капитал А в 500 £ постоянно вновь употребляется в дело. Употребленный капитал равен здесь капиталу, авансированному на 5 недель, умноженному на число периодов оборота в году. Капитал, употребленный в дело в течение года, $= 500 \times 10 = 5.000$ £. Капитал, авансированный в течение года, $= \frac{5000}{10} = 500$ £.

Действительно, хотя 500 £ постоянно вновь употребляются в дело, но всегда каждые 5 недель вновь авансируются все те же 500 £. С другой стороны, при капитале В в течение 5 недель употребляются в дело и авансируются на эти 5 недель только 500 £; но так как период оборота здесь $= 50$ неделям, то капитал, употребленный в продолжение года, равен капиталу, авансируемому не на каждые 5 недель, а на все 50 недель. Но ежегодно производимая масса прибавочной стоимости при данной норме последней соразмерна с капиталом, употребленным в продолжение года, а не с капиталом, авансированным в продолжение года. Следовательно, для этого капитала в 5.000 £, оборачивающегося один раз, эта масса не больше, чем для капитала в 500 £, оборачивающегося десять раз, и она только потому так велика, что капитал, оборачивающийся один раз в год, сам в десять раз более капитала, оборачивающегося десять раз.

Примененный капитал, обернувшийся в продолжение года,—следовательно,—часть годового продукта или равная ей часть годовых затрат,—есть переменный капитал, действительно употребленный в дело, производительно потребленный в течение года. Из этого следует, что если переменный капитал А, обернувшийся в течение года, и переменный капитал В, обернувшийся в течение года, равновелики, и если они употребляются в дело при равных условиях возрастания стоимости, если, следовательно, норма прибавочной стоимости одинакова для обоих, то и ежегодно производимая масса прибавочной стоимости также должна быть одинаковой для обоих; следовательно—

при одинаковых массах вложенного в дело капитала, — одинакова и годовая норма прибавочной стоимости, поскольку она выражается формулой:

$$\frac{\text{масса прибавочной стоимости, произведенная в течение года}}{\text{переменный капитал, обернувшийся в течение года}}$$

Или, выражаясь в общей форме: какова бы ни была относительная величина обернувшихся переменных капиталов, норма их прибавочной стоимости, произведенной в течение года, определяется той нормой прибавочной стоимости, которую соответствующие капиталы давали в средние рабочие периоды (напр., в среднем выводе за неделю или за день).

Таково единственное следствие, вытекающее из законов производства прибавочной стоимости и определения ее нормы.

Посмотрим далее, что выражает отношение:

$$\frac{\text{капитал, обернувшийся в течение года}}{\text{авансированный капитал}}$$

(при чем мы, как уже сказано, имеем в виду только переменный капитал). Частное от деления дает число оборотов капитала, авансированного в продолжение года.

Для капитала А мы имеем:

$$\frac{5000 \text{ £ капитала, обернувшегося в течение года}}{500 \text{ £ авансированного капитала}}; \text{ для капитала В: } \frac{5000 \text{ £ капитала, обернувшегося в течение года}}{5000 \text{ £ авансированного капитала.}}$$

В обоих отношениях числитель выражает авансированный капитал умноженный на число оборотов; для А 500×10 , для В 5.000×1 . Или же умноженный на обращенную дробь времени оборота, взятого по отношению к году. Время оборота для А $\frac{1}{10}$ года; обращенная дробь времени оборота $\frac{10}{1}$ года, следовательно, $500 \times \frac{10}{1} = 5.000$; для В $5.000 \times \frac{1}{1} = 5.000$. Знаменатель выражает обернувшийся капитал, умноженный на обращенную дробь числа оборотов; для А $5000 \times \frac{1}{10}$; для В $5.000 \times \frac{1}{1}$.

Соответственные массы труда (сумма оплаченного и неоплаченного труда), приводимые в движение обоими переменными капиталами, обернувшимися в течение года, здесь равны, потому что сами обернувшиеся капиталы равны, и их нормы возрастаний стоимости тоже равны.

Отношение обернувшегося в течение года капитала к авансированному переменному капиталу показывает: 1) Отношение, в котором находится авансируемый капитал к переменному капиталу, употребленному в дело за определенный рабочий период. Если число оборотов = 10, как для капитала А, и год принимается в 50 недель, то время оборота = 5 неделям. Переменный капитал должен быть авансирован

на эти 5 недель, и этот авансированный на 5 недель капитал должен быть в 5 раз больше переменного капитала, употребляемого в дело в продолжение одной недели. Т.-е. в течение одной недели только $\frac{1}{5}$ авансированного капитала (здесь 500 £) может быть употреблена в дело. Напротив, в случае с капиталом В, где число оборотов $= \frac{1}{1}$, время оборота $= 1$ году $= 50$ неделям. Отношение авансированного капитала к еженедельно употребляемому составляет, следовательно, 50 : 1. Если бы для В это отношение было такое же, как для А, то В пришлось бы еженедельно вкладывать в дело 1.000 £ вместо 100.—2) Из этого следует, что В должен приложить вдесятеро больший капитал (5.000 £), чем А, чтобы привести в движение такую же массу переменного капитала, следовательно, при данной норме прибавочной стоимости, такую же массу труда (оплаченного и неоплаченного), и чтобы произвести таким образом в течение года такую же массу прибавочной стоимости, как А. Действительная норма прибавочной стоимости выражает не что иное, как отношение употребленного в определенный промежуток времени переменного капитала к произведенной в тот же промежуток времени прибавочной стоимости; другими словами, она выражает ту массу неоплаченного труда, которая приведена в движение переменным капиталом, нашедшим употребление за этот промежуток времени. Она не имеет никакого касательства к той части переменного капитала, которая, хотя и авансирована, но в данное время еще не нашла себе приложения; ни в какой связи не состоит она и с отношением—видоизменяющимся и различным для различных капиталов, так как на него оказывает влияние продолжительность периодов оборота—между частью капитала, авансированной в определенный промежуток времени, и той частью его, которая употреблена в дело за этот промежуток времени.

Из вышеизложенного скорее следует то, что годовая норма прибавочной стоимости только в одном единственном случае совпадает с действительной нормой прибавочной стоимости, выражающей степень эксплуатации труда: именно, в том случае, когда авансированный капитал оборачивается только один раз в год, поэтому авансированный капитал равен капиталу, обернувшемуся в продолжение года, поэтому отношение прибавочной стоимости, произведенной в продолжение года, к капиталу, употребленному на ее производство в продолжение года, совпадает и тождественно с отношением массы прибавочной стоимости, произведенной в течение года, к капиталу, авансированному в продолжение года.

А) Годовая норма прибавочной стоимости равна:

масса прибавочной стоимости, произведенной в течение года.

авансированный переменный капитал

По масса прибавочной стоимости, произведенной в течение года, равна действительной норме прибавочной стоимости, помноженной на переменный капитал, употребленный для ее производства. Капитал, употребленный на производство годовой массы прибавочной стоимости, равен авансированному капиталу, умноженному на число его оборотов, которое мы будем обозначать через n . Поэтому формула А превращается в следующую:

В) Годовая норма прибавочной стоимости равна:

$$\frac{\text{действ. норма прибав. стоимости} \times \text{авансированн. переменн. капит.} \times n}{\text{авансированный переменный капитал}}$$

Например, для капитала $B = \frac{100 \times 5000 \times 1}{5000}$ или 100% . Только если $n = 1$, т.е. если авансированный переменный капитал оборачивается только один раз в год, следовательно, равен употребленному в течение года или обернувшемуся капиталу, только в этом случае годовая норма прибавочной стоимости равна действительной ее норме.

Если мы обозначим годовую норму прибавочной стоимости через M' , действительную норму прибавочной стоимости — m' , авансированный переменный капитал — v , число оборотов — n , то $M' = \frac{m'vn}{v} = m'n$; следовательно, $M' = m'n$ и $= m'$ только в том случае, если $n = 1$; тогда $M' = m' \times 1 = m'$.

Далее, из предыдущего следует: годовая норма прибавочной стоимости всегда $= m'n$, т.е. равна действительной норме прибавочной стоимости, произведенной в один период оборота переменным капиталом, потребленным за этот период, умноженной на число оборотов этого переменного капитала в продолжение года или умноженной (что то же самое) на обращенную дробь его времени оборота, взятого по отношению к году, как к единице. (Если переменный капитал оборачивается 10 раз в год, то время его оборота $= \frac{1}{10}$ года; следовательно, обращенная дробь времени оборота $= \frac{10}{1} = 10$.)

Далее, из предыдущего следует: $M' = m'$, если $n = 1$. M' больше m' , если n больше 1, т.е. если авансированный капитал оборачивается более одного раза в год, или если обернувшийся капитал более авансированного.

Наконец, M' меньше m' , если n менее 1, т.е. если обернувшийся в продолжение года капитал составляет только часть авансированного капитала, следовательно, если период оборота продолжается более одного года

Остановимся несколько на последнем случае.

Сохраним все предположения нашего прежнего примера, пусть только период оборота удлинится до 55 недель. Процесс труда тре-

бует еженедельно 100 £ переменного капитала, следовательно, 5.500 £ для периода оборота, и производит еженедельно 100 т; следовательно, т, как и ранее, 100%. Число оборотов, n , здесь равно $\frac{50}{55} = \frac{10}{11}$, потому что время оборота (принимая год в 50 недель) $1 + \frac{1}{10}$ года = $\frac{10}{11}$ года.

$M' = \frac{100\% \times 5500 \times \frac{10}{11}}{5500} = 100 \times \frac{10}{11} = \frac{1000}{11} = 90 \frac{10}{11}\%$, следовательно, менее 100%. Действительно, если бы годовая норма прибавочной стоимости была 100%, то 5.500 в в течение года должны были бы произвести 5.500 т, тогда как для этого требуется $\frac{11}{10}$ года. Но эти 5.500 в производят в продолжение года только 5.000 т, следовательно, годовая норма прибавочной стоимости = $\frac{5000 \text{ т}}{5500 \text{ в}} = \frac{10}{11} = 90 \frac{10}{11}\%$.

Поэтому годовая норма прибавочной стоимости, или отношение между прибавочной стоимостью, произведенной в течение года, и вообще авансированным переменным капиталом (в отличие от переменного капитала, обернувшегося в течение года), не есть просто субъективное отношение: само действительное движение капитала вызывает это сопоставление. В конце года к владельцу капитала А возвратился авансированный им переменный капитал, равный 500 £, да сверх того 5.000 £ прибавочной стоимости. Величина авансированного им капитала выражается не той массой капитала, которую он прилагал в течение года, а той, которая периодически к нему возвращается. По отношению к рассматриваемому вопросу не имеет никакого значения, существует ли капитал в конце года частью в виде производственного запаса, частью в виде товарного или денежного капитала, и в какой пропорции распадается он на эти различные доли. К владельцу капитала В возвратились 5.000 £, авансированный им капитал, да еще 5.000 £ прибавочной стоимости. Для владельца капитала С (последнего рассмотренного нами капитала в 5.500 £) произведено в продолжение года 5.000 £ прибавочной стоимости (при затрате 5.000 £ и норме прибавочной стоимости в 100%), но авансированный им капитал, как и произведенная прибавочная стоимость, еще не возвратились к нему.

$M' = m'n$ выражает, что норма прибавочной стоимости, действительная для переменного капитала, употребленного в продолжение одного периода оборота, именно: масса прибавоч. стоимости, произвед. в прод. одного периода оборота, переменный капитал, употребл. в продолж. одного периода оборота что эта норма должна быть помножена на число периодов оборота,

или на число периодов воспроизводства авансированного переменного капитала, — периодов, в которые он возобновляет свой кругооборот.

В книге I, гл. IV („Превращение денег в капитал“), и затем в книге I, гл. XXI („Простое воспроизводство“), мы уже видели, что капитальная стоимость вообще авансируется, а не расходуется, так как эта стоимость, пройдя различные фазы своего кругооборота, опять возвращается к своему исходному пункту, и притом обогащенная прибавочной стоимостью. Это характеризует ее, как авансированную стоимость. Время, которое проходит от исходного пункта ее движения до момента ее возвращения, и есть то время, на которое она авансирована. Весь кругооборот, который совершает капитальная стоимость, измеряемый временем от ее авансирования до ее возвращения, образует ее оборот, а продолжительность этого оборота составляет период оборота. Когда этот период истек и кругооборот закончен, та же самая капитальная стоимость снова может начать тот же кругооборот, следовательно, снова увеличиваться, производить прибавочную стоимость. Если переменный капитал, как в А, оборачивается десять раз в год, то в течение года одним и тем же авансированным капиталом будет десять раз произведено такое количество прибавочной стоимости, которое соответствует одному периоду оборота.

Мы должны выяснить характер авансирования с точки зрения капиталистического общества.

Капитал А, оборачивающийся десять раз в продолжение года, авансируется в продолжение года десять раз. На каждый новый период оборота он авансируется снова. Но, вместе с тем, в продолжение года А никогда не авансирует ничего большего, чем одна и та же капитальная стоимость в 500 £, и по существу располагает для рассматриваемого нами производственного процесса только этими 500 £. Как только эти 500 £ оканчивают один кругооборот, капитал А заставляет их начать снова такой же кругооборот; капитал по своей природе сохраняет характер капитала именно лишь таким способом, что постоянно в повторяющихся процессах производства функционирует как капитал. Он в данном случае никогда не авансируется далее, чем на 5 недель. Если оборот продолжится далее, то капитал окажется недостаточным. Если время оборота сокращается, то часть капитала делается излишней. Здесь авансируется не десять капиталов по 500 £, но один капитал в 500 £ авансируется десять раз в последовательные периоды времени. Годовая норма прибавочной стоимости исчисляется поэтому не на капитал в 500 £, авансируемый десять раз, или на 5.000 £, а на 500 £, авансированные зараз: совершенно так же, как 1 талер, обращающийся десять раз, всегда представляет только один единственный находящийся в обращении

талер, хотя он исполняет функцию 10 талеров. Но в тех руках, в которых он находится при каждой сделке, он попрежнему остается все одной и той же самой стоимостью в 1 талер.

Точно так же и капитал А при каждом своем возвращении и при своем возвращении в конце года показывает, что его владелец всегда оперирует лишь одной и той же капитальной стоимостью в 500 £. Поэтому в его руки каждый раз возвращается только 500 £. Авансированный им капитал поэтому никогда не превышает 500 £. Авансированный капитал в 500 £ образует поэтому знаменателя в той дроби которая выражает годовую норму прибавочной стоимости. Формула для годовой нормы прибавочной стоимости γ нас была такова:

$M' = \frac{m'vn}{v} = m'n$. Так как действительная норма прибавочной стои

мости $m' = \frac{m}{v}$ равна массе прибавочной стоимости, разделенной на производящий ее переменный капитал, то в $m'n$ мы можем подставить значение m' , т.-е. $\frac{m}{v}$ и тогда мы получим другую формулу: $M' = \frac{mn}{v}$.

Но вследствие десятикратного оборота, а потому вследствие десятикратного повторения авансирования, капитал в 500 £ исполняет функцию вдесятеро большего капитала, капитала в 5.000 £: совершенно так же, как 500 монет достоинством в один талер, обращающиеся по десяти раз в год, исполняют функцию 5.000 таких же монет, обращающихся только один раз.

II. Оборот индивидуального переменного капитала.

„Какова бы ни была общественная форма процесса производства, он должен протекать непрерывно, или периодически снова и снова проходить одни и те же стадии... Поэтому, рассматриваемый в своей непрерывной связи и в своем постоянном возобновлении, всякий общественный процесс производства есть вместе с тем процесс воспроизводства... Как периодическое приращение капитальной стоимости, или периодический плод капитала, прибавочная стоимость получает форму дохода, происходящего от капитала“ (книга I, гл. XXI).

Мы имеем 10 пятинедельных периодов оборота капитала А; в первый период оборота авансируется 500 £ переменного капитала, т.-е. каждую неделю обменивается на рабочую силу 100 £, так что в конце первого периода оборота на рабочую силу будет израсходовано 500 £. Эти 500 £, первоначально составлявшие часть всего авансированного капитала, перестали быть капиталом. Они израсходованы на заработную плату. Рабочие с своей стороны уплачивают ими, покупая для

себя средства существования; следовательно, они потребляют средств существования стоимостью на 500 £. Таким образом уничтожается некоторое количество товаров в общей сумме такой же стоимости (то, что рабочий сберегает, напр., в виде денег, тоже не есть капитал). Это количество товаров потребляется непроизводительно для рабочего, поскольку оно не поддерживает в состоянии работоспособности его рабочую силу, необходимое орудие для капиталиста. Но, во-вторых, для капиталиста эти 500 £ обменены на рабочую силу той же самой стоимости (соответственно цены). Рабочая сила производительно потребляется капиталистом в процессе труда. В конце пятой недели имеется вновь произведенная стоимость в 1000 £. Половина ее, 500 £, представляет воспроизведенную стоимость переменного капитала, затраченного на оплату рабочей силы. Другая половина, 500 £, составляет вновь произведенную прибавочную стоимость. Но та пятидневная рабочая сила, в которую посредством обмена превращалась часть капитала, превращаясь тем самым в переменный капитал, точно так же расходовалась, потреблялась, хотя и производительно. Труд, действовавший вчера, не тот труд, который действует сегодня. Его стоимость, плюс созданная им прибавочная стоимость, существует теперь как стоимость продукта, вещи; отличной от самой рабочей силы. Но вследствие того, что продукт превращен в деньги, часть его стоимости, равная стоимости авансированного переменного капитала, снова может быть превращена в рабочую силу, а потому снова может функционировать как переменный капитал. То обстоятельство, что на капитальную стоимость, не только воспроизведенную, но и превращенную уже в денежную форму, будут заняты те же самые рабочие, т.-е. те же самые носители рабочей силы, не имеет никакого значения. Возможно, что во второй период оборота капиталист воспользуется новыми рабочими вместо прежних.

Следовательно, в 10 пятидневных периодов оборота на заработную плату будет последовательно затрачен в действительности капитал в 5.000, а не в 500 £, и эта заработная плата в свою очередь будет израсходована рабочими на средства существования. Авансированный таким образом капитал в 5.000 £ потреблен. Его более не существует. С другой стороны, в процесс производства последовательно включается рабочая сила, стоимостью не в 500, а в 5.000 £; она не только воспроизводит свою собственную стоимость, равную 5.000 £, но и производит избыток, прибавочную стоимость в 5.000 £. Переменный капитал в 500 £, авансируемый на второй период оборота, неотжествен с капиталом в 500 £, который был авансирован в первый период оборота. Последний потреблен, израсходован на заработную плату. Но он возмещен новым переменным капиталом в 500 £

который в первом периоде оборота был произведен в форме товара и опять превращен в денежную форму. Следовательно, этот новый денежный капитал в 500 £ представляет денежную форму той массы товаров, которая была вновь произведена в первый период оборота. То обстоятельство, что в руках капиталиста опять находится точно такая же денежная сумма в 500 £, т.-е., если прибавочную стоимость оставить в стороне, точно такое же количество денежного капитала, какое он первоначально авансировал, затушевывает тот факт, что капиталист оперирует вновь произведенным капиталом (что касается других составных частей стоимости товарного капитала, возмещающих элементы постоянного капитала, то их стоимость не производится вновь; изменяется только форма, в которой существует эта стоимость).—Возьмем третий период оборота. Здесь очевидно, что капитал в 500 £, авансированный в третий раз, не старый, а вновь произведенный капитал, потому что он представляет денежную форму количества товаров, произведенного во второй, а не в первый период оборота, т.-е. денежную форму той части этого количества товаров, стоимость которой равна стоимости авансированного переменного капитала. Масса товаров, произведенная в первый период оборота, продана. Часть ее стоимости, равная переменной части стоимости авансированного капитала, была обменена на новую рабочую силу, прилагавшуюся во втором периоде оборота, и произвела новую массу товаров, которая в свою очередь была продана, и часть ее стоимости образует капитал в 500 £, авансируемый в третий период оборота.

И таким образом дело идет в продолжение десяти периодов оборота. В течение их вновь произведенная масса товаров (стоимость которых, поскольку она возмещает переменный капитал, тоже вновь производится, а не просто опять проявляется, как стоимость постоянной оборотной части капитала) через каждые пять недель выбрасывается на рынок, и благодаря этому в процесс производства постоянно вводится новая рабочая сила.

Следовательно, десятикратным оборотом авансированного переменного капитала в 500 £ достигается не то, что этот капитал в 500 £ может быть производительно потреблен десять раз, и не то, что переменный капитал, достаточный для пяти недель, может употребляться в продолжение 50 недель. Напротив, за 50 недель будет приложено 500×10 £ переменного капитала, и капитала в 500 £ всегда будет доставать только на 5 недель, а по истечении пяти недель его придется возмещать вновь произведенным капиталом в 500 £. Это относится к капиталу А совершенно так же, как к капиталу В. Но отсюда начинается различие.

В конце первого пятинедельного периода времени капиталистом В, как и капиталистом А, авансирован и затрачен переменный капитал в 500 £. Как В, так и А превратили его стоимость в рабочую силу и возместили ее частью стоимости продукта, вновь произведенной этой рабочей силой, частью, которая равна стоимости авансированного переменного капитала в 500 £. Как для В, так и для А рабочая сила не только возмещает стоимость израсходованного переменного капитала в 500 £ новой стоимостью на такую же сумму, но и присоединяет к ней прибавочную стоимость,—по нашему предположению стоимость такой же величины.

Но та вновь созданная стоимость, которая возмещает авансированный переменный капитал и увеличивает его стоимость прибавочной стоимостью, находится у В не в той форме, в какой она снова может функционировать как производительный капитал, для данного случая—как переменный капитал. Напротив, у А она находится именно в такой форме. И до конца года переменный капитал, расходуемый В в первые пять недель и затем последовательно в каждые 5 недель, хотя он и возмещается вновь произведенной стоимостью плюс прибавочная стоимость, находится не в такой форме, в которой он снова может функционировать как производительный капитал, для данного случая—как переменный капитал. Хотя его стоимость возмещена новой стоимостью, следовательно возобновлена, но форма его стоимости (здесь абсолютная форма стоимости, ее денежная форма) не возобновлена.

Итак, для второго пятинедельного периода (и таким же образом последовательно для каждых пяти недель в продолжение года) совершенно так же должны быть в запасе дальнейшие 500 £, как для первого периода. Следовательно, если оставить в стороне кредитные отношения, в начале года должны быть в запасе 5.000 £, как скрытый авансируемый денежный капитал, хотя в действительности они будут расходоваться и превращаться в рабочую силу в течение года лишь мало-по-малу.

Так как у А кругооборот, т.-е. оборот авансированного капитала, напротив, заканчивается уже по истечении 5 недель, то стоимость, служащая возмещением, уже по прошествии первых пяти недель находится в такой форме, в которой она может привести в движение новую рабочую силу на 5 недель: она находится в своей первоначальной, денежной форме.

Во второй пятинедельный период у А, как и у В, потребляется новая рабочая сила, и для оплаты этой рабочей силы расходуется новый капитал в 500 £. Средства существования, купленные рабочими на первые 500 £, потреблены, во всяком случае стоимость их исчезла из рук

капиталиста. На вторые 500 £ покупается новая рабочая сила, новые средства существования извлекаются с рынка. Коротко говоря, расходуется новый капитал в 500 £, а не старый. Но у А этот новый капитал в 500 £ представляет денежную форму вновь произведенной стоимости, возмещающей ранее израсходованные 500 £. У В эта возмещенная стоимость находится в такой форме, в которой она не может функционировать как переменный капитал. Она имеется налицо, но не в форме переменного капитала. Поэтому для продолжения производственного процесса в ближайшие пять недель должен иметься непременно в денежной форме и должен быть авансирован дополнительный капитал в 500 £. Таким образом в продолжение 50 недель как А, так и В расходуют одинаковый переменный капитал, оплачивают и потребляют одинаковое количество рабочей силы. Но В должен оплатить ее, авансировав капитал, равный всей ее стоимости = 5.000 £, тогда как А оплачивает ее последовательно при помощи стоимости, постоянно возобновляемой в денежной форме, производимой в продолжение каждых пяти недель и возмещающей капитал в 500 £, авансируемый на каждые 5 недель. Следовательно, здесь никогда не авансируется денежного капитала более чем на 5 недель, т.-е. никогда не авансируется капитал больший, чем 500 £, авансированные на первые пять недель. Этих 500 £ достаточно на весь год. Поэтому ясно, что при одинаковой степени эксплуатации труда, при одинаковой действительной норме прибавочной стоимости годовые нормы А и В должны находиться в обратном отношении к величинам переменных денежных капиталов, которые приходится авансировать для того, чтобы привести в движение одинаковую массу рабочей силы.

$$A: \frac{5000 m}{500 v} = 1.000\%, \text{ и } B: \frac{5000 m}{500 v} = 100\%. \text{ Но } 500 v : 5.000 m = 1 : 10 = 100\% : 1.000\%.$$

Различие вытекает из разницы периодов оборота, т.-е. тех периодов, по истечении которых стоимость, возмещающая переменный капитал, употребленный в определенный промежуток времени, снова может функционировать как капитал, следовательно, как новый капитал. У В, как и у А, одинаково совершается возмещение стоимости переменного капитала, приложенного за периоды одинаковой продолжительности. При этом происходит кроме того одинаковое возрастание прибавочной стоимости за периоды одинаковой продолжительности. Но хотя у В и происходит каждые 5 недель возмещение стоимости в 500 £, да еще нарастает 500 £ прибавочной стоимости, однако стоимость, которая служит возмещением, еще не образует нового капитала, потому что она находится не в денежной форме. У А не только старая капитальная стоимость возмещается новой, но она восстанавливается

при этом в своей денежной форме, следовательно, она возмещается как новый способный к функционированию капитал.

Более раннее или более позднее превращение возмещенной стоимости в деньги, т.-е. в такую форму, в которой авансируется переменный капитал, это обстоятельство, очевидно, совершенно безразлично для самого производства прибавочной стоимости. Последнее зависит от величины употребленного в дело переменного капитала и от степени эксплуатации труда. Но указанное обстоятельство влияет на величину того денежного капитала, который приходится авансировать, чтобы в течение года привести в движение определенное количество рабочей силы, и, следовательно, определяет годовую норму прибавочной стоимости.

III. Оборот переменного капитала с общественной точки зрения.

Взглянем на минуту на дело с общественной точки зрения. Положим, что один рабочий стоит в неделю 1 £, рабочий день = 10 часам. У А, как и у В, занято в продолжение года 100 рабочих (100 £ в неделю на 100 рабочих составляет в 5 недель 500 £, а в 50 недель — 5.000 £); они работают 6 дней в неделю, по 60 рабочих часов каждый. Следовательно, 100 рабочих проработают в неделю 6.000 рабочих часов, а в 50 недель 300.000 рабочих часов. Как А, так и В захватили эту рабочую силу, и, следовательно, она не может быть израсходована обществом ни на что другое. В этом отношении с общественной точки зрения дело представляется одинаковым как у В, так и у А. Далее, у В, как и у А, каждые 100 рабочих получают в год 5.000 £ заработной платы (следовательно, все 200 рабочих получают вместе 10.000 £) и берут у общества средства существования на эту сумму. И в этом отношении с общественной точки зрения дело опять обстоит одинаково как у А, так и у В. Так как в обоих случаях рабочие получают плату еженедельно, то они еженедельно берут у общества и средства существования, за которые они в обоих случаях еженедельно же бросают в обращение денежный эквивалент. Но отсюда начинается различие.

Во-первых. Деньги, которые бросает в обращение рабочий А, представляют не только денежную форму стоимости его рабочей силы, как для рабочего В (в действительности платежное средство за уже исполненную работу); уже со второго периода оборота, считая с открытия предприятия, они представляют денежную форму вновь созданной им самим стоимости (= цене рабочей силы плюс прибавочная стоимость), произведенной в первый период оборота: этой

стоимостью оплачивается его труд в продолжение второго периода оборота. У В дело обстоит иначе. Хотя по отношению к рабочему деньги и здесь представляют платежное средство за уже произведенную им работу, но этот уже выполненный труд оплачивается не вновь созданной им стоимостью, превратившейся в золото (не денежной формой стоимости, произведенной этим самым трудом). Такой источник оплаты может открыться только со второго года, когда рабочий В оплачивается произведенной за прошлый год стоимостью, превращенною в золото.

Чем короче период оборота капитала,—поэтому чем короче промежутки, через которые в продолжение года происходит его воспроизводство,—тем быстрее переменная часть капитала, первоначально авансированная капиталистом в денежной форме, превращается в денежную форму той вновь произведенной стоимости (она сверх того включает в себе прибавочную стоимость), которая создана рабочим в возмещение этого переменного капитала; следовательно, тем короче время, на которое капиталист должен авансировать деньги из своего собственного фонда, тем меньше сравнительно с данными размерами производства тот капитал, который он вообще авансирует; и тем относительно больше та масса прибавочной стоимости, которую он при данной норме ее получает в течение года. Причина заключается в том, что он тем чаще может снова и снова покупать рабочего на денежную форму стоимости его же собственного продукта, тем чаще может снова и снова приводить в движение его труд.

При данных размерах производства абсолютная величина авансируемого переменного денежного капитала (как и вообще оборотного капитала) уменьшается, а годовая норма прибавочной стоимости возрастает пропорционально сокращению периода оборота. При данной величине авансированного капитала размеры производства, а потому при данной норме прибавочной стоимости ее абсолютная масса, производимая в продолжение одного периода оборота, возрастают одновременно с повышением годовой нормы прибавочной стоимости, вызываемым вследствие сокращения периода воспроизводства. Вообще в результате нашего исследования оказывается, что соответственно различной продолжительности периода оборота приходится авансировать денежный капитал очень различной величины для того, чтобы при одной и той же степени эксплуатации труда приводить в движение одинаковую массу производительного оборотного капитала и одинаковую массу труда.

Во-вторых,—и это связано с первым различием,—рабочий капиталиста В, как и А, платит за покупаемые им средства существования переменным капиталом, который превращается в его руках в

средства обращения. Он не только, напр., берет с рынка пшеницу, но и возмещает ее эквивалентом в деньгах. Но так как деньги, которыми рабочий В оплачивает средства своего существования, получаемые с рынка, не представляют денежной формы вновь созданной стоимости, выбрасываемой им на рынок в течение года, как у рабочего А, то хотя он и доставляет деньги продавцу средств существования, но не доставляет никаких товаров,— ни средств производства, ни средств существования,— которые тот мог бы купить на вырученные деньги, как в случае с рабочим А. Поэтому с рынка будут взяты: рабочая сила, средства существования для этой рабочей силы, основной капитал в форме средств труда, применяемых капиталистом В, производственные материалы, и в возмещение всего этого на рынок будет выброшен эквивалент в виде денег; но в продолжение года на рынок не выбрасывается никакого продукта, который возместил бы взятые с рынка материальные элементы производительного капитала. Если мы представим себе не капиталистическое общество, а коммунистическое, то прежде всего совершенно отпадает денежный капитал, следовательно, отпадают и все переодевания, которые осуществляются в сделках благодаря денежному капиталу. Дело сводится просто к тому, что общество наперед должно рассчитать, сколько труда, средств производства и средств существования оно может без всякого ущерба тратить на такие отрасли производства, которые, как, напр., постройка железных дорог, долгое время, год или более, не доставляют ни средств производства, ни средств существования и вообще не дают какого-либо полезного эффекта, но, конечно, отнимают от всего годового производства и труд, и средства производства, и средства существования. Напротив, в капиталистическом обществе, где общественное понимание всегда заявляет о себе только *post festum*, могут и должны постоянно возникать крупные нарушения. С одной стороны, давление на денежный рынок; напротив, хорошее состояние денежного рынка в свою очередь вызывает множество таких предприятий, следовательно, ведет за собой именно те обстоятельства, которые впоследствии приводят к давлению на денежный рынок. Денежный рынок испытывает давление, потому что при этом постоянно требуется авансирование крупного денежного капитала на продолжительное время. Мы уже совершенно не говорим о том, что промышленники и торговцы бросают на железнодорожные и т. п. спекуляции денежный капитал, необходимый им для ведения собственных предприятий, и возмещают его путем займов на денежном рынке. С другой стороны, испытывает давление производительный капитал, находящийся в распоряжении общества. Так как элементы производительного капитала постоянно извлекаются с рынка, и взамен их на рынок выбрасывается только денежный эквивалент,

то возрастает платежеспособный спрос, который однако не содержит в себе никаких элементов предложения. Отсюда возрастание цен как на средства существования, так и на производственные материалы. Притом в такое время обыкновенно развивается ажиотаж, и происходит значительное перемещение капитала. Шайка спекулянтов, подрядчиков, инженеров, адвокатов и проч. обогащается. Они предъявляют на рынке усиленный спрос на предметы потребления, вместе с тем повышается заработная плата. Что касается спроса на продовольственные средства, то этим, конечно, дается сильный толчок и сельскому хозяйству. Но так как количество продовольственных средств нельзя увеличить вдруг, в продолжение одного года, то возрастает их привоз, как и вообще привоз заграничных продовольственных средств (кофе, сахара, вина и проч.) и предметов роскоши. В результате чрезмерный ввоз и спекуляция в этой отрасли ввозной торговли. С другой стороны, в тех отраслях промышленности, в которых производство можно быстро расширить (собственно мануфактурная промышленность, горное дело и проч.), повышение цен приводит к стремительному расширению, за которым вскоре следует крах. То же самое действие оказывается на рабочий рынок, чтобы привлечь к новым отраслям предприятий широкие массы скрытого относительного перенаселения и даже рабочих, уже имеющих занятия. Вообще такие предприятия в крупном масштабе, как железные дороги, отвлекают от рабочего рынка определенное количество сил, которые могут явиться только из известных отраслей, как, например, сельское хозяйство, где находят себе применение исключительно сильные парни. Это явление наблюдается и после того, как новые предприятия сделались уже постоянною отраслью производства и, следовательно, после того, как уже образовался необходимый для них бродячий рабочий класс. Например, как только железная дорога вдруг начинает работать в более крупном масштабе, чем средний масштаб. Тогда поглощается часть резервной армии рабочих, давление которой понижает заработную плату. В таком случае заработная плата вообще повышается даже в тех частях рабочего рынка, где рабочие и раньше легко находили себе место. Это продолжается до тех пор, пока неизбежный крах снова не освобождает резервную армию рабочих; тогда заработная плата снова понижается до своего минимума и ниже ³²⁾

³²⁾ В рукописи здесь вставлена следующая заметка с тем, чтобы развить ее позже: „Противоречие в капиталистическом способе производства: рабочие, как покупатели товара, важны для рынка. Но капиталистическое общество имеет тенденцию ограничить их минимумом цены, как продавцов товара рабочей силы.— Дальнейшее противоречие: те эпохи, в которые капиталистическое производство напрягает все свои силы, оказываются по общему правилу эпохами перепроизводства, так как произво-

Поскольку большая или меньшая продолжительность периода оборота зависит от рабочего периода в собственном смысле, т.-е. от периода, который требуется, чтобы изготовить продукт для рынка, она основывается на материальных условиях производства, вполне определенных для различных сфер применения капитала. Эти условия в земледелии имеют более характер естественных условий производства, а в мануфактуре и в большей части добывающей промышленности изменяются параллельно с общественным развитием самого производственного процесса.

Поскольку продолжительность рабочего периода определяется величиной поставок (количественным размером, в котором продукт обыкновенно выбрасывается на рынок в виде товара), она имеет условный характер. Но материальным базисом самой этой условности служат размеры производства, а потому она выступает с характером случайности, лишь поскольку мы смотрим на дело с индивидуальной точки зрения.

Наконец, поскольку продолжительность периода оборота зависит от продолжительности периода обращения, она отчасти обуславливается постоянным изменением рыночных конъюнктур, большей или меньшей легкостью продажи и вытекающей из этого необходимостью бросать часть продукта на более близкий или на более отдаленный рынок. Кроме размеров спроса вообще, движение цен играет здесь главную роль: при понижении цен продажа намеренно ограничивается, между тем как производство идет попрежнему; напротив, при повышении цен производство и продажа не отстают друг от друга, или товар может быть продан даже вперед. Однако собственно материальным базисом следует считать действительное расстояние места производства от рынка сбыта.

Напр., английская хлопчатобумажная ткань или пряжа продается в Индию. Положим, что экспортирующий купец платит английскому хлопчатобумажному фабриканту (он охотно делает это только при хорошем состоянии денежного рынка. Но если фабрикант сам пополняет свой денежный капитал при помощи кредитных операций, то дело идет не так гладко). Экспортер продает впоследствии свой бумажный товар на индийском рынке, откуда к нему возвращается аванси-

дательные силы никогда не могут быть употреблены таким образом, чтобы благодаря этому можно было не только произвести, но и реализовать больше стоимости; при продаже товаров, реализация товарного капитала, а следовательно, и прибавочной стоимости ограничена потребительными нуждами не просто общества, а потребительными нуждами такого общества, огромное большинство которого всегда бедно и вынуждено постоянно оставаться бедным. Однако это относится только к следующему отделу“.

рованный им капитал. До момента этого возвращения дело обстоит совершенно так, как в том случае, когда продолжительность рабочего периода делает необходимым авансирование нового денежного капитала, чтобы поддерживать процесс производства в прежнем масштабе. Денежный капитал, которым фабрикант платит своим рабочим, а также возобновляет остальные элементы своего оборотного капитала, не представляет денежной формы произведенной им пряжи. Он будет представлять это лишь в том случае, если стоимость этой пряжи возвратится в Англию в виде денег или продукта. Упомянутый денежный капитал представляет, как и раньше, дополнительный денежный капитал. Различие только в том, что вместо фабриканта его авансирует купец, который, может быть, в свою очередь получил его посредством кредитных операций. Раньше того, как эти деньги выбрасываются на рынок, или одновременно с этим на английский рынок не выбрасывается дополнительного продукта, который может быть куплен на эти деньги и войти в сферу производительного или личного потребления. Если такое положение удерживается на долгое время и в сравнительно крупном масштабе, то оно должно повлечь за собою такие же последствия, как раньше вело за собою удлинение рабочего периода.

Возможно, что в самой Индии пряжа опять-таки продается в кредит. На этот кредит в Индии покупается продукт и в виде уплаты высылается в Англию, или переводится вексель на соответствующую сумму. Если такое состояние затянется, то оно произведет давление на индийский денежный рынок, а это отразится в Англии таким образом, что может вызвать здесь кризис. В свою очередь кризис, даже если он сопровождается вывозом благородных металлов в Индию, вызывает в этой стране новый кризис вследствие банкротства английских торговых домов и их индийских отделений, которые пользовались кредитом в индийских банках. Так возникает одновременный кризис как на том рынке, против которого оказывается торговый баланс, так и на том рынке, в пользу которого он оказывается. Это явление может быть еще более сложным. Например, Англия отправила в Индию серебряные слитки, но английские кредиторы Индии предъявляют там теперь свои требования, и Индия должна будет в скором времени послать свои серебряные слитки обратно в Англию.

Возможно, что вывозная торговля Индии и ее ввозная торговля приблизительно уравниваются, хотя последняя (исключая особенные обстоятельства, как вздорожание хлопка и т. д.) по своим размерам определяется и стимулируется первой. Торговый баланс между Англией и Индией может казаться уравновешенным или представлять лишь незначительные колебания в ту или другую сторону. Но как только в Англии разражается кризис, обнаруживается, что хлопчато-

бумажные товары лежат в индийских складах непроданными (они, следовательно, не превратились из товарного капитала в денежный капитал — перепроизводство с этой стороны), а с другой стороны, оказывается, что в Англии не только лежат непроданными запасы индийских продуктов, но что большая часть проданных и потребленных запасов еще не оплачена. Поэтому то, что является кризисом на денежном рынке, в действительности выражает аномалии в самом процессе производства и воспроизводства.

В-третьих. Что касается самого оборотного капитала (переменного и постоянного), примененного к делу, то продолжительность периода оборота, поскольку она определяется продолжительностью рабочего периода, приводит к следующему различию: при нескольких оборотах в продолжение года часть переменного или постоянного оборотного капитала может быть доставлена продуктом этого самого капитала, как, напр., в углепромышленности, в мастерских готового платья и т. д. В противном случае это невозможно, по крайней мере невозможно в течение года.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Обращение прибавочной стоимости.

Мы видели здесь, что различие в периоде оборота вызывает различие в годовой норме прибавочной стоимости даже при неизменных массах ежегодно производимой прибавочной стоимости.

Но, далее, из этого необходимо вытекает различие в капитализации прибавочной стоимости, в накоплении, а потому, при одинаковой норме прибавочной стоимости, различие в ее массе, производимой в продолжение года.

Отметим прежде всего, что капитал А (в примере предыдущей главы) дает периодический текущий доход, следовательно, за исключением периода оборота в самом начале дела, капиталист покрывает свое собственное потребление в течение года своим производством прибавочной стоимости, ему не приходится делать на этот предмет авансирования из особого фонда. Напротив, последнее имеет место по отношению к капиталу В. Хотя в один и тот же период времени он производит столько же прибавочной стоимости, как и А, но его прибавочная стоимость не реализована, и потому она не может быть потреблена ни лично, ни производительно. Поскольку дело касается личного потребления, прибавочная стоимость просто антиципируется, — индивидуальное потребление предвосхищает ее получение в будущем. Для индивидуального потребления должен быть авансирован особый фонд.

Часть производительного капитала, не поддающаяся точному определению, именно добавочный капитал, необходимый для починки и содержания в исправности основного капитала, тоже выступает теперь в новом свете.

Эта часть капитала А при начале производства не авансируется ни целиком, ни большей своей долей. Капиталисту не надо иметь ее в распоряжении, ее вовсе может не быть у него. Она получается из самого дела путем непосредственного превращения прибавочной стоимости в капитал, т. е. путем прямого употребления ее в качестве капитала. Часть прибавочной стоимости, не только периодически производимой, но и реализуемой в течение года, может покрывать расходы, необходимые для починки и т. д. Таким образом часть капитала, необходимого для ведения дела в его первоначальном масштабе, доставляется, пока предприятие в ходу, им же самим посредством капитализации некоторой части прибавочной стоимости. Для капиталиста В это невозможно. Часть капитала, о которой идет речь, должна составлять у него часть первоначально авансируемого капитала. В обоих случаях эта часть капитала будет фигурировать в книгах капиталиста как авансированный капитал, чем она и является в действительности, так как по нашему предположению она составляет часть производительного капитала, необходимого для ведения дела в данном масштабе. Но огромное различие в том, из какого фонда она авансируется. У В она действительно составляет часть первоначально авансируемого капитала или капитала, который должен иметься в распоряжении. Напротив, у А она составляет часть прибавочной стоимости, употребляемой как капитал. Этот последний случай показывает нам, как не только накопленный капитал, но и часть первоначально авансируемого капитала может быть просто капитализированной прибавочной стоимостью.

С развитием кредита отношение первоначально авансированного капитала и капитализированной прибавочной стоимости становится еще более запутанным. Например, А занимает у банкира С часть производительного капитала, с которым он начинает или продолжает дело в течение года. Вначале у него нет собственного капитала, достаточного для ведения дела. Банкир С ссужает его суммой, которая состоит исключительно из прибавочной стоимости, положенной в банк предпринимателями D, E, F и т. д. С точки зрения А при этом еще и речи нет о накопленном капитале. Но в действительности для D, E, F и т. д. А есть не что иное, как агент, капитализирующий присвоенную ими прибавочную стоимость.

В книге I, гл. XXII, мы видели, что накопление, превращение прибавочной стоимости в капитал по своему реальному содержанию есть

процесс воспроизводства в расширенном масштабе, выражается ли такое расширение экстенсивно, в виде прибавления новых фабрик к старым, или в интенсивном увеличении прежнего масштаба производства.

Расширение размеров производства может совершаться понемногу, поскольку часть прибавочной стоимости употребляется на такие улучшения, которые или только повышают производительную силу применяемого труда или вместе с тем позволяют эксплуатировать его более интенсивно. Или же, — в тех случаях, когда рабочий день не ограничен законом, — для расширения размеров производства достаточно дополнительной затраты оборотного капитала (на материалы производства и на заработную плату) без увеличения основного капитала, ежедневное время употребления которого таким образом только удлиняется, между тем как период его оборота делается соответственно короче. Или, если рыночные конъюнктуры благоприятствуют этому, капитализированная прибавочная стоимость дает возможность спекулировать на сырых материалах, совершать такие операции, для которых первоначально авансированного капитала было бы недостаточно, и т. д.

Между тем ясно, что там, где сравнительно большое число периодов оборота ведет за собою более частую реализацию прибавочной стоимости в продолжение года, должны наступать периоды, когда нельзя будет ни удлинять рабочий день, ни вводить частичные улучшения; с другой стороны, пропорциональное расширение всего предприятия возможно только в известных более или менее тесных пределах, обуславливаемых отчасти общим характером предприятия, напр., зданий, отчасти размерами фонда рабочей силы, как в сельском хозяйстве; притом для этого требуется столь значительный дополнительный капитал, что его может доставить лишь многолетнее накопление прибавочной стоимости.

Итак, на-ряду с действительным накоплением, или превращением прибавочной стоимости в производительный капитал (и соответственным воспроизводством в расширенном масштабе), происходит накопление денег, накопление части прибавочной стоимости в виде скрытого денежного капитала, который только впоследствии, когда он достигнет известной величины, будет функционировать как дополнительный активный капитал.

Так представляется дело с точки зрения отдельного капиталиста. Однако с развитием капиталистического производства развивается система кредита. Денежный капитал, который капиталист еще не может употребить в своем собственном деле, применяется в дело другим, который уплачивает за это проценты. Он функционирует для

своего собственника как денежный капитал в специфическом смысле слова, как особый сорт капитала, отличный от производительного капитала. Но в руках другого он действует как капитал. Ясно, что при более частой реализации прибавочной стоимости и при увеличении масштаба, в котором она производится, возрастает та пропорция, в которой новый денежный капитал, или деньги в виде капитала, выбрасывается на денежный рынок, а отсюда, по крайней мере в своей большей части, поглощается расширением производства.

Простейшая форма, которую может принять этот дополнительный скрытый денежный капитал, есть форма сокровища. Возможно, что это сокровище представляет дополнительное золото или серебро, полученное прямым или косвенным путем при обмене со странами, производящими благородные металлы. И только таким способом в стране абсолютно увеличивается количество денег в виде сокровища. С другой стороны, возможно — и таково большинство случаев, — что такое сокровище представляет не что иное, как деньги, изъятые из обращения внутри страны и принявшие форму сокровища в руках отдельных капиталистов. Возможно далее, что этот скрытый денежный капитал заключается просто в знаках стоимости — кредитные деньги мы все еще оставляем в стороне — или в простых, подтвержденных законными документами притязаниях (юридических титулах) капиталистов к третьим лицам. Во всех этих случаях, какова бы ни была форма существования этого дополнительного денежного капитала, он, поскольку он капитал *in spe*, представляет не что иное, как дополнительное, сохраняемое про запас, притязание капиталиста на будущее дополнительное годовое производство общества.

„Таким образом масса действительно накопленного богатства, рассматриваемая с количественной стороны..., чрезвычайно незначительна по сравнению с производительными силами общества, которому оно принадлежит, на какой бы ступени цивилизации ни стояло общество, или даже по сравнению с действительным потреблением этого самого общества в продолжение только немногих лет; настолько незначительна, что главное внимание законодателей и экономистов должно было бы направляться на производительные силы и на их будущее свободное развитие, а не на одно только накопленное богатство, которое бросается в глаза, как это было до настоящего времени. Несравненно большая часть так называемого накопленного богатства только номинальна и состоит не из действительных предметов, кораблей, домов, хлопчатобумажных товаров, земельных улучшений, а из простых юридических титулов, из притязаний на будущие годовые производительные силы общества, из юридических титулов, появившихся и увековеченных благодаря средствам и учреждениям, свойственным со-

стоянию необеспеченности... Пользование такими предметами (накопленными физическими вещами, или действительным богатством) как простым средством, которое служит владельцам юридических титулов для того, чтобы присвоивать себе богатство, которое еще должно быть создано будущими производительными силами общества, это пользование было бы отнято у них естественными законами распределения постепенно, без применения силы; при поддержке кооперативного труда (co-operative labour) оно было бы отнято у них в течение немногих лет" (William Thompson, *Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth*. London 1850, p. 453.—Первое издание этой книги появилось в 1827 году.)

„Немногие задумываются над тем, а большинство совершенно не подозревает, как ничтожно и по величине и по своему влиянию фактическое накопление общества по сравнению с производительными силами человечества, даже с обычным потреблением одного поколения в продолжение немногих лет. Причина очевидна, но влияние очень пагубно. Богатство, потребляемое ежегодно, исчезает вместе с потреблением, оно находится перед глазами только на одно мгновение и производит впечатление, только пока им наслаждаются или пока его потребляют. Но часть богатства, потребляемая лишь медленно, мебель, машины, здания, стоят перед нашими глазами с нашего детства и до старости прочными памятниками человеческих усилий. Вследствие обладания этой устойчивой, прочной, лишь медленно потребляемой частью общественного богатства — землей и сырыми материалами, к которым прилагается труд, и орудиями, которыми выполняется труд, домами, которые служат кровом во время работы, — вследствие такого обладания собственники этих предметов в своих личных выгодах овладевают годовичными производительными силами всех действительно производительных работников общества, как бы ни были незначительны эти предметы по сравнению с постоянно возобновляемыми продуктами этого труда. Население Британии и Ирландии равно 20 миллионам; среднее потребление каждого человека — мужчины, женщины и ребенка — составляет, вероятно, около 20 £; ежегодно потребляемый продукт труда составляет поэтому богатство приблизительно в 400 миллионов £. Общая сумма накопленного капитала в этих странах не превышает по предположениям 1.200 миллионов, или утроенного годового продукта труда; разделяя поровну, получим 60 £ на человека; здесь для нас важно скорее отношение, чем более или менее точный абсолютный итог этих предположительных сумм. Процентом со всего этого капитала было бы достаточно для того, чтобы содержать все население при его современном уровне жизни около двух месяцев в году, а всего накопленного капитала (если бы нашлись на него поку-

патели) достало бы на содержание этого населения в продолжение всего трех лет без всякого труда! По прошествии этого времени, лишенные жилищ, платья и пищи, люди должны были бы погибнуть с голоду или же сделаться рабами тех, кто содержал их в продолжение трех лет. Как 3 года относятся к продолжительности жизни одного здорового поколения, скажем, к 40 годам, так относится величина и значение действительного богатства, накопленный капитал, даже самой богатой страны к ее производительным силам, к производительным силам одного только поколения людей; не к тому, что они могли бы произвести при разумном порядке, при одинаковой для всех обеспеченности и в особенности при кооперативном труде, а к тому, что они действительно абсолютно производят при несовершенном порядке, при общей необеспеченности, лишаящей бодрости духа!... И для того, чтобы увековечить и сохранить в своем настоящем состоянии вынужденного разделения эту, по видимости, огромную массу существующего капитала или, лучше сказать, чтобы сохранить и увековечить приобретаемые при ее посредстве власть и монопольное владение продуктом годового труда, должен быть увековечен весь чудовищный механизм со своими пороками, преступлениями и страданиями необеспеченности. Ничто не может быть накоплено, пока не будут удовлетворены необходимые потребности, а великий поток человеческих склонностей стремится к удовлетворению; этим объясняется относительная незначительность суммы действительного богатства общества в каждый данный момент. Это — вечный кругооборот производства и потребления. При такой громадной массе годового производства и потребления дело едва ли могло пройти без горсточки действительного накопления; и, однако, главное внимание было устремлено не на массу производительных сил, а на эту горсточку накопления. Но немногие захватили эту горсточку и превратили ее в орудие присвоения продуктов труда, постоянно из года в год возобновляемых подавляющей массой людей. Этим объясняется чрезвычайная важность такого орудия для этих немногих... Около трети национального годового продукта отнимается теперь у производителей под именем общественных налогов и потребляется непроизводительно людьми, которые не дают за это никакого эквивалента, т.-е. такого, который имел бы значение эквивалента для производителей... Толпа изумленно смотрит на накопленные массы, особенно если они сосредоточены в немногих руках нескольких лиц. Но ежегодно производимые массы, как вечные, неисчислимые волны могучего потока, катятся мимо и теряются в бесконечном океане потребления. И, однако, это вечное потребление обуславливает не только все наслаждения, но и существование всего человеческого рода. Количество этого годового продукта и его распределение прежде всего должны сделаться предме-

том исследования. Действительное накопление имеет совершенно второстепенное значение, да и это значение оно получает почти исключительно вследствие своего влияния на распределение годового продукта... Действительное накопление и распределение постоянно рассматриваются здесь (в сочинении Томпсона) по отношению к производительным силам и в зависимости от них. Почти во всех других системах производительные силы рассматривались как вопрос второстепенный по отношению к накоплению и увековечению существующего способа распределения. По сравнению с сохранением этого существующего способа распределения считается незаслуживающею внимания постоянно возобновляющаяся нищета или благосостояние всего человеческого рода. Увековечив результаты насилия, обмана и случайности, назвали это безопасностью; и для сохранения этой измышленной безопасности безжалостно приносятся в жертву все производительные силы человечества" (Ibidem, p. 440 — 443.)

Возможны только два нормальные случая воспроизводства, если оставить в стороне те нарушения, которые затрудняют даже воспроизводство в прежнем масштабе:

Или совершается простое воспроизводство.

Или совершается капитализация прибавочной стоимости, накопление.

I. Простое воспроизводство.

При простом воспроизводстве прибавочная стоимость, производимая и реализуемая ежегодно или — при нескольких оборотах — в течение года периодически, потребляется индивидуально, т.-е. непроизводительно, ее собственниками, капиталистами.

То обстоятельство, что стоимость продукта состоит отчасти из прибавочной стоимости, отчасти из той доли стоимости, которая составляет воспроизведенным в продукте переменным капиталом плюс потребленный на продукт постоянный капитал, — это обстоятельство абсолютно ничего не изменяет ни в количестве, ни в стоимости всего продукта, который постоянно поступает в обращение в виде товарного капитала и точно так же постоянно извлекается из него для производительного или личного потребления, т.-е. для того, чтобы служить средством производства или средством потребления. Если постоянный капитал оставить в стороне, то это обстоятельство оказывает влияние только на распределение годового продукта между рабочими и капиталистами.

Даже при простом воспроизводстве часть прибавочной стоимости должна постоянно находиться в виде денег, а не в виде продукта,

потому что в противном случае ее нельзя превратить из денег в продукт, служащий для потребления. Мы должны исследовать здесь с бóльшей обстоятельностью это превращение прибавочной стоимости из ее первоначальной товарной формы в деньги. Для упрощения дела представим задачу в самой простой форме, именно, предположим обращение исключительно металлических денег, т.-е. денег, представляющих действительный эквивалент

Согласно законам простого товарного обращения, изложенным раньше (книга I, гл. III), масса имеющихся в стране металлических денег должна быть достаточной не только для обращения товаров. Их должно быть достаточно для того, чтобы выровнять колебания денежного обращения, которые вытекают отчасти из непостоянства в быстроте обращения, отчасти из изменения цен товаров, отчасти из различий и перемен в том соотношении, в котором деньги функционируют то как платежное средство, то как средство собственно обращения. Отношение, в котором имеющееся количество денег распадается на сокровище и на обращающиеся деньги, постоянно изменяется, но общая масса денег всегда равна сумме денег, имеющихся и в форме сокровища и в виде обращающихся денег. Эта масса денег (масса благородного металла) представляет постепенно накопленное сокровище общества. Поскольку часть этого сокровища уничтожается вследствие снашивания, она должна ежегодно возмещаться, как и всякий другой продукт. Так и происходит в действительности посредством прямого или косвенного обмена части годового продукта страны на продукт стран, производящих золото и серебро. Однако такой интернациональный характер сделки скрывает ее простоту. Поэтому, чтобы привести проблему к ее простейшему и наиболее ясному выражению, следует предположить, что производство золота и серебра происходит в самой стране и таким образом составляет часть всего общественного производства каждой страны.

Оставляя в стороне золото и серебро, производимые для предметов роскоши; минимум ежегодного производства их должен равняться снашиванию денежного металла, происходящему при ежегодном обращении денег. Далее: если возрастает сумма стоимости ежегодно производимой и обращающейся массы товаров, то должно возрасти и годовое производство золота и серебра, поскольку возросшая сумма стоимости обращающихся товаров и количество денег, необходимое для их обращения (и для образования соответствующего сокровища), не компенсируется бóльшей быстротой обращения денег и более широким функционированием денег как платежного средства, т.-е. более частым взаимным погашением счетов между покупателями и продавцами, при чем не выступают действительные деньги.

Следовательно, часть общественной рабочей силы и часть общественных средств производства должна ежегодно затрачиваться на производство золота и серебра.

Так как мы предполагаем здесь простое воспроизводство, то капиталисты, занимающиеся добыванием золота и серебра, ограничивают свое производство пределами среднего годового снашивания и вытекающего из него среднего годового потребления золота и серебра; свою прибавочную стоимость, которую они, по нашему предположению, потребляют ежегодно, ничего не капитализируя из нее, они бросают в обращение прямо в денежной форме, которая является здесь натуральной, а не превращенной формой продукта, как в других отраслях производства.

Далее, что касается заработной платы — денежной формы, в которой авансируется переменный капитал, — то здесь и она возмещается не посредством продажи продукта, не посредством его превращения в деньги, а самим продуктом, натуральной формой которого с самого начала является денежная форма.

Наконец, то же самое происходит и с той частью продукта — благородного металла, — которая равна стоимости периодически потребляемого постоянного капитала, как постоянного оборотного, так и постоянного основного капитала, потребляемого в продолжение года.

Рассмотрим кругооборот и в соответствии с ним оборот капитала, вложенного в производство благородных металлов, прежде всего под углом зрения формы $D - T \dots P \dots D'$. Поскольку T в $D - T$ состоит не только из рабочей силы и средств производства, а также из основного капитала, при чем в P потребляется лишь некоторая часть его стоимости, ясно, что D' — продукт — есть денежная сумма, равная переменному капиталу, израсходованному на заработную плату, плюс оборотный постоянный капитал, израсходованный на средства производства, плюс часть стоимости, соответствующая снашиванию основного капитала, плюс прибавочная стоимость. Если бы при неизменности общей стоимости золота эта сумма была меньше, то или это означало бы, что постановка данных золотых промыслов непроизводительна, или же — если это явление приобретает всеобщий характер — стоимость золота сравнительно с товарами, стоимость которых не изменяется, в будущем возросла бы, т.-е. цены товаров упали бы; следовательно, в будущем денежная сумма, расходуемая в акте $D - T$, стала бы меньше.

Рассматривая прежде всего только оборотную часть капитала, авансируемого в D , исходном пункте $D - T \dots P \dots D'$, мы видим, что определенная денежная сумма авансируется, бросается в обращение на оплату рабочей силы и на покупку производственных материалов. Но круго-

оборотом этого капитала она не будет извлечена из обращения для того, чтобы снова быть выброшенной в него. Продукт является деньгами уже в своей натуральной форме, следовательно, ему не приходится превращаться в деньги посредством обмена, посредством процесса обращения. Из процесса производства в сферу обращения он вступает не в форме товарного капитала, который должен превратиться в денежный капитал, а как денежный капитал, который должен превратиться обратно в производительный капитал, т.-е. должен снова покупать рабочую силу и материалы производства. Денежная форма оборотного капитала, употребляемого на рабочую силу и на средства производства, возмещается не посредством продажи продукта, а натуральной формой самого продукта; следовательно, средством возмещения служит не извлечение из обращения стоимости продукта в ее денежной форме, а добавочные, вновь произведенные деньги.

Предположим, что этот оборотный капитал = 500 £, период оборота = 5 неделям, рабочий период = 4 неделям, период обращения = только 1 неделе. Деньги с самого начала отчасти должны быть авансированы на 5 недель на производственный запас, отчасти сами должны оставаться в запасе для того, чтобы постепенно выплачивать из них заработную плату. В начале 6-ой недели возвращаются 400 £ и высвобождаются 100 £. Это повторяется постоянно. Здесь, как и раньше, в продолжение некоторого времени оборота 100 £ постоянно будут находиться в форме высвободившихся денег. Но совершенно так же, как 400 £, они состоят из добавочных вновь произведенных денег. Мы имеем в нашем случае 10 оборотов в год и произведенный годовой продукт = 5.000 £ золотом. (Период обращения состоит здесь не из того времени, которого требует превращение товара в деньги, а из того, какое требуется для превращения денег в элементы производства.)

Для всякого другого капитала в 500 £, который оборачивается три таких же условиях, постоянно возобновляемая денежная форма есть превращенная форма произведенного товарного капитала, который через каждые 4 недели выбрасывается в обращение и постоянно благодаря продаже, — следовательно, посредством периодического извлечения такого количества денег, какое первоначально вступило в процесс — снова приобретает форму денег. Напротив, здесь в каждый период оборота из самого процесса производства выбрасывается в обращение новая добавочная сумма денег в 500 £, которая постоянно извлекает вслед затем из обращения материалы производства и рабочую силу. Эти бросаемые в обращение деньги потом уже не извлекаются из него кругооборотом этого же капитала, а напротив, постоянно увеличиваются вновь произведенными массами золота.

Если мы рассмотрим переменную часть этого оборотного капитала и предположим, как и выше, что она равна 100 £, то при обыкновенном товарном производстве этих 100 £ при десяти оборотах в год было бы достаточно для того, чтобы постоянно оплачивать рабочую силу. Здесь, в производстве денег, будет достаточно такой же суммы; но возвращающиеся 100 £, которыми каждые 5 недель оплачивается рабочая сила, представляют не превращенную форму продукта этой рабочей силы, а часть этого самого постоянно возобновляемого продукта. Золотопромышленник платит своим рабочим прямо частью золота, произведенного ими самими. Таким образом 1.000 £, ежегодно расходуемые на рабочую силу и бросаемые в обращение рабочими, не возвращаются посредством обращения к своему исходному пункту.

Далее, что касается основного капитала, то при первом оборудовании предприятия требуется затрата относительно крупного денежного капитала, который таким образом выбрасывается в обращение. Как всякий основной капитал, он возвращается только по частям в продолжение нескольких лет. Но он возвращается как непосредственная доля продукта, золота, не посредством продажи продукта, не посредством превращения его через это в золото. Следовательно, он постепенно приобретает свою денежную форму не посредством извлечения денег из обращения, а посредством накопления соответствующей части продукта. Восстановленный таким образом денежный капитал не есть денежная сумма, постепенно извлекавшаяся из обращения на покрытие той денежной суммы, которая в самом начале была брошена в обращение на приобретение основного капитала. Это—дополнительное количество денег.

Наконец, что касается прибавочной стоимости, то она равна в свою очередь той части нового продукта, золота, которая в каждый новый период оборота выбрасывается в обращение, чтобы, согласно нашему предположению, расходоваться непроизводительно, пойти на оплату средств существования и предметов роскоши.

Но, согласно нашему предположению, все это годовое производство золота, постоянно извлекающее с рынка рабочую силу и материалы для производства, но не извлекающее с него денег, а, напротив, снова и снова снабжающее его дополнительными деньгами, только возмещает деньги, снашиваемые в продолжение года, следовательно, содействует лишь тому, чтобы в обществе не уменьшалось то количество денег, которое постоянно, хотя и в изменчивых пропорциях, существует в двух формах: в форме сокровища и в форме денег, находящихся в обращении.

По закону товарного обращения общая масса денег должна быть равна массе денег, требующихся для обращения, плюс количество

денег, находящихся в форме сокровища; последнее увеличивается или уменьшается в зависимости от сокращения или расширения обращения; оно же служит и для образования необходимого резервного фонда платежных средств. Стоимость товаров непременно должна быть оплачена деньгами, поскольку не происходит взаимного покрытия платежей. Дело нисколько не изменяется от того, что некоторая часть этой стоимости состоит из прибавочной стоимости, т.-е. она ничего не стоила продавцу товаров. Положим, что все производители—самостоятельные собственники средств производства, следовательно, обращение происходит между самими непосредственными производителями. Если оставить в стороне постоянную часть их капитала, то их годовой прибавочный продукт по аналогии с капиталистическим положением можно было бы подразделить на две части: одну—а, которая только возмещает необходимые средства их существования, другую—b, которую они отчасти затрачивают на предметы роскоши, отчасти употребляют на расширение производства; а— в таком случае представляет переменный капитал, b— прибавочную стоимость. Но такое распределение не имело бы никакого влияния на величину той массы денег, которая необходима для обращения всего их продукта. При прочих равных условиях стоимость всей обращающейся массы товаров была бы та же самая, а следовательно, и масса необходимых для этого денег была бы та же самая. Кроме того, при одинаковом разделении периодов оборота производителям пришлось бы иметь такие же денежные запасы, т.-е. пришлось бы постоянно иметь в денежной форме такую же часть своего капитала, так как, согласно нашему предположению, их производство, как и раньше, оставалось бы товарным производством. Следовательно, то обстоятельство, что часть товарной стоимости состоит из прибавочной стоимости, нисколько не изменяет массы денег, необходимых для ведения дела.

Один противник Тука, ухватившийся за формулу $D - T - D'$, спрашивает его, как это капиталисту удастся постоянно извлекать из обращения более денег, чем он выбрасывает в него. Понятно. Здесь дело идет не об образовании прибавочной стоимости. Последняя, представляющая единственную тайну, с капиталистической точки зрения понятна сама собой. Ведь устреленная сумма стоимости не была бы капиталом, если бы она не обогащалась прибавочной стоимостью. Так как согласно предположению она является капиталом то, следовательно, прибавочная стоимость сама собой разумеется.

Вопрос, следовательно, не в том, откуда берется прибавочная стоимость, а в том, откуда берутся деньги, в которые она превращается.

Но для буржуазной экономики существование прибавочной стоимости понятно само по себе. Следовательно, предполагается не только она

сама, но вместе с ней также и то, что часть массы товаров, выброшенных в обращение, состоит из прибавочного продукта, следовательно, представляет такую стоимость, которой капиталист не пускал в обращение, пуская в него свой капитал; что, следовательно, капиталист вместе со своим продуктом выбрасывает в обращение, а затем опять извлекает из обращения некоторый излишек по сравнению со своим капиталом.

Товарный капитал, который капиталист выбрасывает в обращение, имеет большую стоимость (откуда это, не объясняется или остается непонятным, но под углом зрения буржуазной экономики *c'est un fait*), чем производительный капитал, который он извлек из обращения в виде рабочей силы плюс средства производства. При этом предположении ясно, почему не только капиталист А, но и В, С, D и т. д. постоянно могут извлекать из обращения посредством обмена своих товаров большую стоимость, чем стоимость капитала, авансированного первоначально и потом авансируемого снова и снова. А, В, С, D и т. д. постоянно выбрасывают в обращение в форме товарного капитала, — а эта операция так же многосторонняя, как разнообразны самостоятельно функционирующие капиталы, — большую товарную стоимость, чем та, которую они извлекают из обращения в форме производительного капитала. Следовательно, они должны постоянно распределять между собой сумму стоимости, равную сумме стоимости их или — что то же самое — авансированных ими производительных капиталов (т.-е. каждый для себя должен извлекать из обращения производительный капитал); и совершенно так же им постоянно приходится распределять между собою ту сумму стоимости, которую они со всех сторон выбрасывают в обращение в товарной форме, — выбрасывают как соответствующий излишек товарной стоимости над стоимостью соответствующих элементов производства.

Но товарный капитал, прежде чем он превратится обратно в производительный капитал и прежде чем будет израсходована заключающаяся в нем прибавочная стоимость, должен быть превращен в деньги. Откуда берутся деньги для этого? На первый взгляд этот вопрос кажется затруднительным, и ни Тук, ни кто-либо другой до сих пор не давали на него ответа.

Положим, что оборотный капитал в 500 £, авансированный в форме денежного капитала, каков бы ни был период его оборота, представляет весь оборотный капитал общества, т.-е. класса капиталистов. Прибавочная стоимость пусть будет 100 £. Каким же образом весь класс капиталистов может постоянно извлекать из обращения 600 £, если он постоянно бросает в него только 500 £?

После того как денежный капитал в 500 £ превратился в производительный капитал, этот последний в процессе производства превращается в товарную стоимость в 600 £ и таким образом в обращении находится не только товарная стоимость в 500 £, равная первоначально авансированному денежному капиталу, но и вновь произведенная прибавочная стоимость в 100 £.

Эта дополнительная прибавочная стоимость в 100 £ брошена в обращение в товарной форме. В этом нет никакого сомнения: Но посредством такой операции не получается дополнительных денег для обращения этой дополнительной товарной стоимости.

Не следует обходить это затруднение какими бы то ни было благовидными увертками.

Например, в таком роде: что касается постоянного оборотного капитала, то ясно, что не все расходуют его одновременно. В то время, когда капиталист А продает свой товар, следовательно, авансированный им капитал принимает денежную форму, у покупателя В его капитал, находящийся в денежной форме, принимает, напротив, форму средств его производства, как раз тех, которые производит А. Тем же самым актом, посредством которого А снова придает денежную форму произведенному им товарному капиталу, В снова придает производительную форму своему капиталу, превращает его из денежной формы в средства производства и в рабочую силу; одна и та же сумма денег функционирует в двустороннем процессе, как при всякой простой купле Т — Д. С другой стороны, если А снова превращает деньги в средства производства, он покупает последние у С, а последний платит теми же деньгами В и т. д. Дело было бы объяснено таким способом. Но:

Все законы, установленные нами (книга I, гл. III) относительно количества денег, обращающихся при товарном обращении, несколько не изменяются вследствие капиталистического характера процесса производства.

Следовательно, если говорят, что оборотный капитал общества, авансированный в денежной форме, составляет 500 £, то при этом уже принято в расчет, что, с одной стороны, эта сумма была авансирована одновременно, но что, с другой стороны, она приводит в движение более производительного капитала, чем 500 £, потому что она попеременно служит денежным фондом различных производительных капиталов. Следовательно, этот способ объяснения предполагает уже существующими те самые деньги, существование которых он должен объяснить.—

Далее, можно было бы сказать так: капиталист А производит такие предметы, которые капиталист В потребляет индивидуально,

непроизводительно. Следовательно, деньги В превращают в деньги товарный капитал А, и таким образом одна и та же денежная сумма служит для превращения в деньги прибавочной стоимости Δ и оборотного постоянного капитала А. Но здесь еще прямее предполагается решенным тот самый вопрос, на который следует дать ответ. Именно, откуда же В берет эти деньги на покрытие своего дохода? Каким образом он сам превратил в деньги эту часть своего продукта, эту прибавочную стоимость?

Затем можно было бы сказать, что часть оборотного переменного капитала, которую А постоянно авансирует на своих рабочих, постоянно же возвращается к нему из обращения; и только некоторая изменяющаяся доля ее постоянно остается у него самого для выдачи заработной платы. Однако между моментом расходования и моментом возвращения денег, израсходованных на заработную плату, проходит некоторое время, в течение которого эти деньги могут между прочим служить и для превращения в золото прибавочной стоимости. — Но, во-первых, мы знаем, что чем продолжительнее это время, тем более должна быть масса денежного запаса, которую капиталисту А постоянно приходится сохранять *in petto*. Во-вторых, рабочий расходует деньги, покупает на них товары и тем самым *pro tanto* превращает в деньги заключающуюся в этих товарах прибавочную стоимость. Следовательно, те же самые деньги, которые авансируются в форме переменного капитала, *pro tanto* служат также для превращения в деньги прибавочной стоимости. Не углубляясь в этот вопрос еще больше, мы заметим здесь лишь следующее: потребление всего класса капиталистов и зависимых от них непроизводительных лиц идет параллельно и одновременно с потреблением рабочего класса; следовательно, одновременно с тем, как бросают в обращение свои деньги рабочие, должны пускать деньги в обращение и капиталисты, чтобы расходовать свою прибавочную стоимость, как доход; следовательно, деньги для этого должны извлекаться из обращения. Таким образом только что приведенное объяснение лишь уменьшило бы количество необходимых денег, но не устранило бы необходимости в них.

Наконец, можно было бы сказать: однако в обращение всегда вносятся большое количество денег при первом оборудовании основным капиталом, который тем, кто его бросил в обращение, снова извлекается из обращения лишь постепенно, частями, в течение ряда годов. Разве этой суммы недостаточно для того, чтобы превратить в деньги прибавочную стоимость? На это придется ответить, что сумма 500 £ (которая заключает в себе и сокровище для необходимого резервного фонда), быть может, уже предполагает, что она употребляется как основной капитал, если не тем, кто бросил ее в обращение, то кем-либо другим.

Кроме того, уже предполагается, что в сумме, расходуемой на приобретение продуктов, служащих основным капиталом, оплачена и заключающаяся в этих товарах прибавочная стоимость, и вопрос заключается именно в том, откуда берутся эти деньги.—

Общий ответ уже дан: если должна обращаться масса товаров на $1.000 \text{ £} \times x$, то количество денег, необходимых для этого обращения, несколько не изменяется от того, содержится ли в стоимости этой массы товаров прибавочная стоимость или нет, произведена ли эта масса товаров капиталистически или нет. Следовательно, самой проблемы не существует. При прочих данных условиях,—скорости обращения денег и проч.,—для обращения товарной стоимости в $1.000 \text{ £} \times x$ требуется определенная сумма денег, которая совершенно не зависит от того обстоятельства, много или мало этой стоимости достается непосредственным производителям этих товаров. Поскольку здесь и существует проблема, она совпадает с общей проблемой: откуда берется сумма денег, необходимая для обращения товаров в известной стране

Между тем с точки зрения капиталистического производства получается такая видимость, как будто здесь заключается особая проблема. Именно, исходным пунктом, откуда деньги бросаются в обращение, является капиталист. Деньги, которые расходует рабочий в оплату средств своего существования, существуют сначала как денежная форма переменного капитала и поэтому первоначально бросаются в обращение капиталистом как покупательное или платежное средство по отношению к рабочей силе. Кроме того, капиталист бросает в обращение деньги, которые первоначально представляли для него денежную форму его постоянного — основного и текучего — капитала; он расходует их как покупательное или платежное средство на средства труда и на материалы производства. Вне этого капиталист уже не является исходным пунктом обращающейся массы денег. Но существуют вообще только два исходных пункта: капиталист и рабочий. Третьи лица всех разрядов или должны получать деньги от этих двух классов за какие-нибудь услуги, или, поскольку они получают деньги без всяких услуг с своей стороны, они являются совладельцами прибавочной стоимости в форме ренты, процента и т. д. То обстоятельство, что прибавочная стоимость не остается целиком в кармане промышленного капиталиста и что он должен поделиться ею с другими лицами, не имеет никакого отношения к рассматриваемому вопросу. Вопрос заключается в том, каким образом он превращает в деньги свою прибавочную стоимость, а не в том, как распределяются впоследствии вырученные за нее деньги. Следовательно, в нашем случае мы все еще должны видеть в капиталисте единственного владельца

прибавочной стоимости. Что касается рабочего, то уже сказано, что он представляет только вторичный исходный пункт, тогда как капиталист—первичный исходный пункт тех денег, которые бросаются в обращение рабочим. Деньги, сначала авансированные как переменный капитал, совершают уже свое второе обращение, когда рабочий затрачивает их на оплату средств существования.

Итак, класс капиталистов остается единственным исходным пунктом денежного обращения. Если ему требуется для оплаты средств производства 400 £ и для оплаты рабочей силы 100 £, то он бросает в обращение 500 £. Но заключающаяся в продукте прибавочная стоимость при норме прибавочной стоимости в 100% равна стоимости 100 £. Каким же образом класс капиталистов может постоянно извлекать из обращения 600 £, если он постоянно бросает в него только 500 £? Из ничего ничего не будет. Весь класс капиталистов не может извлекать из обращения ничего такого, что не было бы раньше брошено в него.

Здесь мы оставляем в стороне то обстоятельство, что денежной суммы в 400 £ при десятикратном обороте, быть может, достаточно для обращения средств производства стоимостью в 4.000 £ и труда стоимостью в 1.000 £, а остальных 100 £ точно так же достаточно для обращения прибавочной стоимости на 1.000 £. Это отношение денежной суммы к товарной стоимости, обращающейся при ее посредстве, несколько не изменяет дела. Проблема остается та же самая. Если бы одна и та же монета не обращалась несколько раз, то пришлось бы бросить в обращение 5.000 £ в виде капитала, и 1.000 £ были бы необходимы для превращения в деньги прибавочной стоимости. Спрашивается, откуда берутся эти последние деньги, будет ли то 1.000 или 100 £? Во всяком случае они представляют излишек сверх денежного капитала, брошенного в обращение.

Действительно, как бы это ни казалось парадоксальным на первый взгляд, класс капиталистов сам бросает в обращение те деньги, которые служат для реализации заключающейся в товарах прибавочной стоимости. Однако *nota bene*: он бросает их в обращение не как авансированные деньги, следовательно, не как капитал. Он расходует их как покупательное средство для своего личного потребления. Следовательно, эти деньги не авансируются классом капиталистов, хотя он является исходным пунктом их обращения.

Возьмем отдельного капиталиста, начинающего свое предприятие, напр., фермера. В первый год он авансирует денежный капитал, положим, в 5.000 £ на оплату средств производства (4.000 £) и рабочей силы (1.000 £). Норму прибавочной стоимости мы примем в 100%,

присваиваемая им прибавочная стоимость = 1.000 £. Вышеназванные 5.000 £ заключают в себе все деньги, которые он авансрует как денежный капитал. Но человек должен жить, а до конца года он не получит никаких денег. Его потребление составляет 1.000 £. Он должен иметь эти деньги. Хотя он говорит, что должен авансировать эти 1.000 £ в течение первого года, но это авансирование—имеющее здесь только субъективное значение—означает только то, что первый год он должен покрывать свое личное потребление из собственного кармана, а не из дарового производства своих рабочих. Он не авансирует эти деньги как капитал. Он расходует их, платит их как эквивалент за те средства существования, которые он потребляет. Эта стоимость расходуется им в виде денег, выбрасывается в обращение и извлекается из него в виде товарных стоимостей. Эти товарные стоимости он потребил. Значит, прекратилось всякое отношение его к их стоимости. Деньги, которыми он заплатил за нее, существуют теперь как элемент обращающихся денег. Но стоимость этих денег он извлек из обращения в виде продуктов, а вместе с продуктами, которыми он существовал, уничтожена и их стоимость. Она вся вышла. Но вот в конце года он бросает в обращение товарную стоимость в 6.000 £ и продает ее. Вместе с тем к нему возвращается: 1) авансированный им денежный капитал в 5.000 £; 2) превращенная в деньги прибавочная стоимость в 1.000 £. Он авансировал 5.000 £ как капитал, бросил их в обращение, а теперь извлекает из обращения 6.000 £: 5.000 £ взамен капитала и 1.000 £ прибавочной стоимости. Последние 1.000 £ превратились в золото с помощью тех денег, которые он сам бросил в обращение не как капиталист, а как потребитель, которые он не авансировал, а израсходовал. Теперь они возвращаются к нему обратно, как денежная форма произведенной им прибавочной стоимости. И с этого времени такая операция повторяется ежегодно. Но, начиная со второго года, 1.000 £, расходуемые им лично, уже всегда представляют превращенную форму, денежную форму произведенной им прибавочной стоимости. Он расходует их ежегодно, и они ежегодно же возвращаются к нему обратно.

Если бы его капитал совершал большее число оборотов в продолжение года, то дело несколько не изменилось бы, но, конечно, изменилась бы продолжительность времени, а потому и величина той суммы, которую капиталисту сверх авансированного им денежного капитала приходилось бы бросать в обращение на свое личное потребление.

Эти деньги бросаются капиталистом в обращение не в качестве капитала. Но уже таково свойство капиталиста, что до возвращения прибавочной стоимости в виде денег он может существовать на те средства, которые находятся в его обладании.

В этом случае мы предполагали, что денежная сумма, которую капиталист бросает в обращение на покрытие своего личного потребления впредь до первого возвращения своего капитала, как раз равна произведенной им и превращаемой в деньги прибавочной стоимости. Очевидно, что по отношению к отдельному капиталисту такое предположение произвольно. Но оно должно быть правильным для всего класса капиталистов, раз мы предполагаем простое воспроизводство. Оно выражает только то, что уже заключается в этом последнем предположении: именно, что вся прибавочная стоимость потребляется непроизводительно, — но только она одна; следовательно, не потребляется непроизводительно ни малейшей доли первоначального капитала.

По предположению, всего производства благородных металлов (= 500 £) достаточно только для того, чтобы возместить снашивание денег.

Капиталисты, производящие золото, получают весь свой продукт в золоте, как те части его, которые возмещают постоянный и переменный капитал, так и ту часть, которая состоит из прибавочной стоимости. Следовательно, часть общественной прибавочной стоимости заключается в золоте, а не в таком продукте, который превращается в золото только в процессе обращения. Она с самого начала заключается в золоте и бросается в обращение для того, чтобы извлечь из него продукты. То же в одинаковой мере относится для данного случая и к заработной плате, к переменному капиталу, и к возмещению авансированного постоянного капитала. Следовательно, если одна часть класса капиталистов бросает в обращение товарную стоимость, большую (на величину прибавочной стоимости), чем авансированный ими денежный капитал, то другая часть капиталистов бросает в обращение большую денежную стоимость (большую на прибавочную стоимость, чем товарная стоимость, которую они постоянно извлекают из обращения на производство золота. Если часть капиталистов постоянно выкачивает из обращения больше денег, чем она вносит в обращение, то часть капиталистов, — та которая производит золото, — постоянно накачивает в него денег больше, чем извлекает из него в средствах производства.

Хотя часть этого продукта, золота, стоимостью на 500 £, представляет прибавочную стоимость производителей золота, однако вся сумма предназначена только для возмещения денег, необходимых для обращения товаров; при этом безразлично, сколько из этой суммы идет на превращение в золото прибавочной стоимости товаров и сколько на превращение в золото других составных частей стоимости.

Дело несколько не изменяется, если производство золота перенести из данной страны в другие страны. Часть общественной рабочей силы

и общественных средств производства в стране А превращены в продукт, напр., в холст стоимостью в 500 £, который вывозится в страну В, чтобы там купить золото. Производительный капитал, употребленный таким образом в стране А, точно так же не выбрасывает на рынок страны А товаров,— которые мы противопоставляем здесь деньгам,— как если бы он прямо был употреблен на производство золота. Этот продукт А представлен в 500 £ золота и поступает в обращение страны А только как деньги. Часть общественной прибавочной стоимости, содержащейся в этом продукте, существует непосредственно в виде денег и для страны А никогда не существует иначе, как в форме денег. Хотя для капиталистов, производящих золото, только часть продукта представляет прибавочную стоимость, а другая часть возмещает капитал, но вопрос, какое количество этого золота, если оставить в стороне оборотный постоянный капитал, возмещает переменный капитал, и какое количество представляет прибавочную стоимость — этот вопрос решается исключительно тем отношением, в котором заработная плата и прибавочная стоимость находятся к стоимости соответствующих обращающихся товаров. Часть, образующая прибавочную стоимость, распределяется между различными членами класса капиталистов. Хотя она постоянно расходуется ими на личное потребление и снова получается ими от продажи нового продукта,— как раз только эта купля-продажа и вызывает обращение между ними тех денег, которые необходимы для превращения в золото прибавочной стоимости,— но все же некоторая часть общественной прибавочной стоимости, хотя и в изменяющихся количествах, находится в форме денег, оставаясь в течение известного времени в кармане капиталистов: точно так же, как часть заработной платы, по крайней мере в продолжение нескольких дней недели, удерживается в форме денег в карманах рабочих. И эта часть не ограничивается той частью денежного продукта, которая первоначально составляла прибавочную стоимость капиталистов, производящих золото; как сказано, она ограничивается тем отношением, в котором вышеназванный продукт в 500 £ вообще распределяется между капиталистами и рабочими, и в котором запас товаров, предназначенных к обращению, составляется из прибавочной стоимости и из других элементов стоимости.

Между тем часть прибавочной стоимости, заключающаяся не в других товарах, а в деньгах на-ряду с этими другими товарами, лишь в той мере состоит из части ежегодно производимого золота, в какой часть годового производства золота обращается для реализации прибавочной стоимости. Другая часть денег, которая изменяющимися долями постоянно находится в руках класса капиталистов как денежная форма их прибавочной стоимости, не составляет элемента ежегодно

производимого золота, а является частью тех денег, которые были раньше накоплены в стране.

По нашему предположению годового производства золота в 500 £ как раз достаточно только для того, чтобы возмещать ежегодное снашивание денег. Поэтому, если мы будем иметь в виду только эти 500 £ и абстрагируемся от той части ежегодно производимой массы товаров, для обращения которой служат раньше накопленные деньги, то прибавочная стоимость, произведенная в товарной форме, уже потому находит в обращении деньги для своего превращения в золото, что на другой стороне ежегодно производится прибавочная стоимость в форме золота. То же самое относится к другим частям золотого продукта в 500 £, которые возмещают авансированный денежный капитал.

Мы должны сделать теперь два замечания.

Из вышеизложенного следует, во-первых: прибавочная стоимость, расходуемая капиталистами в виде денег, равно как и переменный и прочий производительный капитал, авансируемый ими в виде денег, в действительности есть продукт рабочих, именно рабочих, занятых в золотопромышленности. Они производят вновь как ту часть золотого продукта, которая „авансируется“ им в качестве заработной платы, так и ту часть золотого продукта, которая непосредственно представляет прибавочную стоимость капиталистов, производящих золото. Наконец, что касается той части золотого продукта, которая только возмещает постоянную капитальную стоимость, авансированную на производство золота, то она снова появляется в денежной форме (вообще в продукте) лишь вследствие годового труда рабочих. При самом начале предприятия она была отдана капиталистом в виде денег, не вновь произведенных, но представлявших часть массы денег, обращающихся в обществе. Напротив, поскольку она возмещается новым продуктом, дополнительным золотом, она уже представляет годовой продукт рабочего. То обстоятельство, что авансирование совершается капиталистом, — это и здесь просто форма, вытекающая из того, что рабочий не собственник своих средств производства и не располагает на время производства средствами существования, которые произведены другими рабочими.

Во-вторых: что касается той массы денег, которая существует независимо от этого ежегодного возмещения 500 £ и находится частью в форме сокровища, частью в форме обращающихся денег, то дело с ней должно обстоять — т.-е. первоначально должно было обстоять — совершенно так же, как оно ежегодно обстоит с этими 500 £. К этому пункту мы возвратимся в конце этого подотдела. А теперь еще несколько других замечаний.

При исследовании оборота мы видели, что при прочих равных условиях с изменением величины периодов оборота изменяется и масса денежного капитала, необходимого для того, чтобы вести производство в том же масштабе. Следовательно, эластичность денежного обращения должна быть достаточно велика, чтобы оно могло приспособляться к этому чередованию удлинения и сокращения периодов оборота.

Далее, если мы предположим, что при прочих равных условиях, в том числе при неизменной продолжительности, интенсивности и производительности рабочего дня, изменяется только распределение вновь произведенной стоимости между заработной платой и прибавочной стоимостью, так что или первая повышается, а вторая уменьшается, или наоборот, то это не произведет никакого влияния на массу обращающихся денег. Такая перемена может произойти без всякого увеличения или сокращения массы денег, находящихся в обращении. Рассмотрим в особенности тот случай, когда совершается общее повышение заработной платы и потому — при выше предположенных условиях — норма прибавочной стоимости падает; при этом, также по предположению, не происходит никакой перемены в стоимости обращающейся массы товаров. В этом случае, конечно, возрастает денежный капитал, который приходится авансировать как переменный капитал, следовательно, увеличивается и та масса денег, которая служит для такой функции. Но именно настолько, насколько возрастает масса денег, требующихся для функции переменного капитала, именно настолько уменьшается прибавочная стоимость а следовательно, и масса денег, необходимая для ее реализации. На сумму денег, необходимых для реализации товарной стоимости, это так же не производит никакого влияния, как и на самую эту товарную стоимость. Цена издержек производства товара повышается для отдельного капиталиста, но общественная цена производства товара остается неизменной. Изменяется при этом, если оставить в стороне постоянную часть стоимости, только то отношение, в котором цена производства товаров распределяется на заработную плату и прибыль.

Но, могут сказать нам, большая затрата переменного денежного капитала (стоимость денег, конечно, предполагается неизменной) означает в той же мере большее количество денежных средств в руках рабочих. Результатом этого будет увеличение спроса на товары со стороны рабочих. Дальнейшим результатом будет повышение цены товаров. — Или могут сказать: повышается заработная плата, и капиталисты повышают цены своих товаров. — В обоих случаях общее повышение заработной платы вызывает повышение товарных цен. Поэтому для обращения товаров требуется большая масса денег, чем бы ни объяснялось повышение цен

Ответ на первое соображение: вследствие повышения заработной платы возрастет именно спрос рабочих на необходимые средства существования. В гораздо меньшей степени увеличится их спрос на предметы роскоши или появится спрос на такие предметы, которые раньше не входили в сферу их потребления. Спрос на необходимые средства существования, повысившись внезапно и в более крупном масштабе, безусловно немедленно повысит их цену. Следствием этого будет то, что большая часть общественного капитала будет употребляться на производство необходимых средств существования, а меньшая часть — на производство предметов роскоши, так как последние понизятся в цене вследствие уменьшения прибавочной стоимости, что поведет к уменьшению спроса на них со стороны капиталистов. Напротив, поскольку рабочие сами покупают предметы роскоши, повышение их заработной платы — до известных пределов — не повлияет на повышение цены необходимых средств существования, а только изменит состав покупателей предметов роскоши. Этих предметов идет теперь более, чем раньше, на потребление рабочих и относительно менее на потребление капиталистов. Voilà tout. После некоторых колебаний в обращении оказывается масса товаров такой же стоимости, как и прежде. Что касается кратковременных колебаний, то они будут иметь только тот результат, что незанятый денежный капитал, до тех пор искавший себе помещения в спекулятивных биржевых предприятиях или за границей, теперь поступит в обращение внутри страны.

Ответ на второе соображение: если бы капиталистические производители были в состоянии по произволу повышать цены своих товаров, то они могли бы это делать и делали бы и без повышения заработной платы. Заработная плата никогда не повышалась бы при падении цен товаров. Класс капиталистов никогда не стал бы противиться трэд-юнионам, если бы он постоянно и при всяких условиях мог делать то, что он действительно делает теперь в виде исключения, при определенных, особенных, так сказать, местных условиях: именно, если бы он мог использовать всякое повышение заработной платы для того, чтобы в гораздо большей степени повышать цены товаров, следовательно, чтобы класть в карман большую прибыль.

Утверждение, что капиталисты могут повышать цены предметов роскоши, потому что спрос на них уменьшается (вследствие уменьшения спроса со стороны капиталистов, покупательные средства которых уменьшились), это утверждение было бы совершенно оригинальным применением закона спроса и предложения. Поскольку не происходит простой перемены покупателей, замены капиталистов рабочими, — а поскольку такая замена происходит, спрос со стороны рабочих не вызывает повышения цены необходимых средств существования,

потому что рабочие не могут расходовать не необходимые средства существования той части добавочного заработка, которую они тратят на предметы роскоши,—постольку цены предметов роскоши падают вследствие уменьшения спроса. Вследствие этого капитал извлекается из производства предметов роскоши до тех пор, пока их предложение не сократится до таких размеров, которые соответствуют их изменившейся роли в общественном процессе производства. При таком уменьшении производства цены их, при неизменяющейся стоимости, снова повышаются до своего нормального уровня. Поскольку происходит такое сокращение, или такой процесс уравнивания, при возрастании цен на средства существования производство этих последних будет, пока спрос не насытится, привлекать столько же капиталов, сколько будет извлечено их из другой отрасли производства. Тогда опять наступает равновесие, и конец всего процесса получается тот, что общественный капитал, а потому и денежный капитал, распределяется между производством необходимых средств существования и производством предметов роскоши в измененной пропорции.

Все возражение представляет холостой выстрел капиталистов и преданных им сикофантов-экономистов.

Для такого холостого выстрела дают предлог факты троякого рода.

1) Общий закон денежного обращения таков, что если сумма цен обращающихся товаров повышается,—происходит ли такое увеличение суммы цен для прежней или для возросшей массы товаров,—то при прочих равных условиях возрастает масса обращающихся денег. И вот, следствие смешивается с причиной. Заработная плата возрастает с повышением цен необходимых средств существования (хотя и редко возрастает, а пропорционально повышению цен она возрастает только в исключительных случаях). Ее возрастание есть следствие, а не причина повышения цен товаров

2) При частичном или местном повышении заработной платы—т.-е. при повышении ее только в отдельных отраслях производства—может последовать местное повышение цен на продукты этой отрасли. Но даже это зависит от многих обстоятельств. Напр., от того, что заработная плата в этом случае не была чрезвычайно низкой, и норма прибыли не была поэтому чрезвычайно высокой, так что при повышении цен рынок для этих товаров не сокращается (следовательно, для повышения их цен не требуется предварительного уменьшения их предложения) и т. д.

3) При общем повышении заработной платы цена произведенных товаров повышается в тех отраслях промышленности, где преобладает переменный капитал, и падает в тех, где преобладает постоянный или основной капитал.

При исследовании простого товарного обращения (книга I, гл. III, 2) оказалось, что, хотя в процессе обращения всякого определенного количества товаров денежная форма является лишь мимолетной, однако деньги, побывав при метаморфозе товара короткое время в руках одного лица, необходимо переходят в руки другого лица; следовательно, товары прежде всего не только обмениваются во всех направлениях или замещают друг друга, но это замещение обслуживается и сопровождается кроме того осадком денег во всевозможных направлениях. „Благодаря замещению одного товара другим к рукам третьего лица прилипают деньги. Обращение непрерывно источает из себя денежный пот“ (Книга I, гл. III, 2, а). На основе капиталистического товарного производства совершенно тождественный факт выражается в том, что часть капитала постоянно существует в форме денежного капитала, а часть прибавочной стоимости точно так же постоянно находится в руках ее владельцев в денежной форме.

Оставляя это в стороне, кругооборот денег, т.-е. возвращение денег к своему исходному пункту,—поскольку оно составляет момент в обороте капитала,—представляет явление совершенно особое, даже противоположное обращению денег ³³⁾, так как последнее равносильно постоянному удалению их от исходного пункта посредством целого ряда перемещений (Книга I, гл. III). Однако ускоренный оборот *eo ipso* заключает в себе ускоренное обращение.

Прежде всего, что касается переменного капитала, если, напр., денежный капитал в 500 £ обращается в форме переменного капитала десять раз в год, то ясно, что эта часть обращающегося количества денег приводит в обращение в десять раз большую сумму стоимости = 5.000 £. Она обращается между капиталистом и рабочим десять раз в продолжение года. В продолжение года рабочий десять

³³⁾ Хотя физиократы еще смешивают оба эти явления, однако они первые обратили внимание на возвращение денег к своему исходному пункту, как на форму, характерную для обращения капитала, как на такую форму обращения, которая служит посредствующим звеном для воспроизводства. „Взгляните на Tableau Économique, и вы увидите, что производительный класс дает деньги, на которые другие классы покупают у него продукты, и что они возвращают ему эти деньги, появляясь в следующем году, чтобы сделать у него такие же покупки... Таким образом вы не видите здесь иного круга, кроме того, в котором затрата следует за воспроизводством, а воспроизводство за затратой, круга, совершаемого обращением денег, служащих мерилom затраты и воспроизводства“ (Quesnay *Problèmes économiques*, в *Daire Physicog.*, I, p. 208, 209).—„Это постоянное авансирование и это постоянное возвращение капиталов следует называть обращением денег, тем полезным и плодотворным обращением, которое оживляет все труды общества, поддерживает движение и жизнь в политическом организме и которое с полным основанием можно сравнить с обращением крови в животном организме“ (Turgot, *Réflexions etc. Oeuvres*, éd. Daire, I, p. 45).

раз оплачивается и сам платит одной и той же частью обращающегося количества денег. Если бы при одинаковых размерах производства этот переменный капитал совершил только один оборот в год, то произошло бы только однократное обращение 5.000 £.

Далее, пусть постоянная часть оборотного капитала = 1.000 £. Если капитал оборачивается десять раз, то капиталист продает свой товар, а следовательно, и постоянную оборотную часть его стоимости десять раз в год. Одна и та же часть обращающегося количества денег (=1.000 £) десять раз в год переходит из рук владельцев этой части в руки капиталиста. Десять раз происходит перемещение этих денег из одних рук в другие. Во-вторых, капиталист десять раз в год покупает средства производства; это опять составляет десять актов обращения, десять перемещений денег из одних рук в другие. При помощи денег на сумму в 1.000 £ промышленный капиталист продает товары на 10.000 £ и затем покупает товара на 10.000 £. Посредством двадцатикратного обращения 1.000 £ обращается запас говара в 20.000 £.

Наконец, при ускоренном обороте обращается быстрее и та часть денег, которая служит для реализации прибавочной стоимости.

Но не обратно: более быстрое обращение денег еще не предполагает необходимо более быстрого оборота капитала, а потому не предполагает необходимости и более быстрого оборота денег, т.-е. не предполагает непременно сокращения и более быстрого возобновления процесса воспроизводства.

Более быстрое обращение денег происходит каждый раз, когда при помощи того же самого количества денег совершается большее количество сделок. Это может происходить и при одинаковых перподах воспроизводства капитала вследствие технических приспособлений в денежном обращении. Далее, может увеличиваться число сделок, при которых обращение денег не служит выражением действительного обмена товаров (биржевые сделки на разницу и т. д.). С другой стороны, может и вовсе не требоваться обращения денег. Напр., там, где сельский хозяин сам является землевладельцем, нет места обращению между арендатором и землевладельцем; где промышленный капиталист сам является собственником капитала, там нет места обращению между ним и кредитором.

Что касается первоначального образования денежного сокровища в стране и присвоения его немногими лицами, то здесь нет надобности останавливаться на этом подробнее.

Капиталистический способ производства—базисом которого служит наемный труд, оплата рабочего деньгами и вообще превращение нату-

ральных повинностей в денежные—может развиваться в сравнительно широком масштабе и производить более глубокое влияние только в такой стране, где имеется достаточное количество денег для обращения и для образования сокровищ (резервного фонда и проч.), обусловливаемого обращением. Такова историческая предпосылка, хотя не следует понимать дело таким образом, будто сначала образуется достаточное количество сокровищ, а затем начинается капиталистическое производство. Оно развивается одновременно с развитием условий для него, а одним из таких условий является достаточное предложение благородных металлов. Поэтому усилившийся привоз благородных металлов, начиная с XVI столетия, представляет существенный момент в истории развития капиталистического производства. Но поскольку речь идет о необходимости дальнейшего предложения денежного материала при капиталистическом способе производства, то, с одной стороны, прибавочная стоимость выбрасывается в обращение в виде продукта, без денег, необходимых для его превращения в деньги, а с другой стороны, прибавочная стоимость выбрасывается в обращение в виде золота с самого начала, без предварительного превращения продукта в деньги.

Добавочные товары, которые должны на одной стороне превратиться в деньги, находят для себя необходимые денежные суммы, потому что на другой стороне не посредством обмена, а самим производством выбрасывается в обращение добавочное золото (и серебро), которое должно превратиться в товары.

II. Накопление и расширенное воспроизводство.

Ясно, что, поскольку накопление происходит в форме воспроизводства в расширенном масштабе, оно не представляет по отношению к денежному обращению никакой новой проблемы.

Прежде всего, что касается добавочного денежного капитала, который требуется для функционирования возрастающего производительного капитала, то он доставляется той частью реализованной прибавочной стоимости, которая бросается в обращение капиталистом как денежный капитал, а не как денежная форма дохода. Деньги уже находятся в руках капиталистов. Только их употребление иное.

Но вследствие затраты добавочного производительного капитала бросается в обращение как продукт этого капитала добавочная масса товаров. Вместе с этой добавочной массой товаров выбрасывается в обращение часть добавочных денег, необходимых для ее реализации,—именно, выбрасывается постольку, поскольку стоимость этой массы товаров равна стоимости производительного капитала, потребленного

при ее производстве. Эта добавочная масса денег прямо авансируется как добавочный денежный капитал, и потому она возвращается к капиталисту вследствие оборота его капитала. Здесь перед нами тот же самый вопрос, как и выше. Откуда берутся добавочные деньги для реализации дополнительной прибавочной стоимости, находящейся теперь в товарной форме?

Общий ответ опять тот же самый. Сумма цен обращающейся массы товаров увеличилась не потому, что цена прежней массы товаров повысилась, а потому, что масса обращающихся теперь товаров больше, чем масса товаров, обращавшихся ранее, при чем эта разница не уравновешивается понижением цен. Добавочные деньги, необходимые для обращения этого большего количества товаров большей стоимости, должны быть добыты или усиленной экономией на обращающемся количестве денег,—достигается ли она посредством взаимного погашения платежей и т. д., или при помощи средств, ускоряющих обращение одного и того же денежного знака,—или же они должны быть получены путем превращения денег из формы сокровища в форму обращающихся денег. Последнее предполагает не только то, что денежный капитал, лежавший без употребления, начинает функционировать как покупательное или платежное средство; не только то, что денежный капитал, уже функционирующий в качестве резервного фонда, исполняя такую функцию для своего владельца, активно обращается для общества (напр., при вкладах в банки, из которых он постоянно выдается в ссуду), следовательно, исполняет двойную функцию: превращение из формы сокровища в форму денег предполагает и то, что экономизируются и резервные фонды, застаивающиеся в виде монет.

„Для того, чтобы деньги постоянно обращались в виде монет, монеты должны постоянно оседать как деньги. Постоянное обращение монет обуславливается постоянным задерживанием их большими или меньшими долями в виде резервного фонда, повсюду образующегося в процессе обращения и обуславливающего его; образование, распределение, распадение и повторное образование этого фонда постоянно сменяют одно другое; бытие этого фонда постоянно исчезает, а процесс его исчезновения никогда не прекращается. Это непрерывное превращение монет в деньги и денег в монеты А. Смит выразил таким образом, что каждый товаровладелец наряду с тем особым товаром, который он продает, постоянно должен иметь в запасе некоторое количество всеобщего товара, на который он покупает. Мы видели, что в обращении $T - D - T$ второй член $D - T$ постоянно расщепляется на ряд актов купли, которые совершаются не сразу, но последовательно во времени, так что одна часть D обращается как монета, тогда как другая находится в покое как деньги. Деньги здесь представляют а

действительности монеты, функционирование которых отсрочено, и отдельные составные части обращающегося количества монет постоянно являются попеременно то в одной, то в другой форме. Это первое превращение средств обращения в деньги представляет поэтому только технический момент самого денежного обращения“ (Карл Маркс, *Zur Kritik der Politischen Oekonomie*. 1859. Стр. 105, 106. — Выражение „монета“ в противоположность деньгам употребляется здесь для обозначения денег, функционирующих в качестве простого средства обращения, в противоположность их другим функциям).

Если всех этих средств оказывается недостаточно, то должно быть произведено добавочное золото, или — что сводится к тому же самому — часть дополнительного продукта прямо или косвенно обменивается на золото, на продукт стран, производящих благородные металлы.

Вся сумма рабочей силы и общественных средств производства, расходуемых на ежегодное производство золота и серебра как орудий обращения, составляет крупную долю непроизводительных расходов (*faux frais*) капиталистического способа производства и вообще всякого способа производства, в основе которого лежит товарное производство. Это производство отвлекает от использования обществом соответствующую сумму возможных дополнительных средств производства и потребления, т.-е. действительного богатства. Насколько при неизменяющемся данном масштабе производства и при данной степени его расширения уменьшаются издержки на этот дорогой механизм обращения, настолько же повышается вследствие этого производительная сила общественного труда. Следовательно, поскольку производят такое влияние вспомогательные средства, развивающиеся вместе с системой кредита, они непосредственно увеличивают капиталистическое богатство или тем, что большая часть процесса общественного производства и процесса общественного труда совершается без всякого посредничества действительных денег, или тем, что деньги, действительно находящиеся в обращении, функционируют с большей интенсивностью.

Этим разрешается и вздорный вопрос о том, было ли бы возможно капиталистическое производство в своих теперешних размерах без системы кредита (если даже рассматривать ее только с этой точки зрения), т.-е. при одном металлическом обращении. Очевидно, нет. Напротив, оно было бы ограничено размерами производства благородных металлов. С другой стороны, не следует создавать каких бы то ни было мифических представлений о производительной силе кредита, поскольку он предоставляет в распоряжение денежный капитал или приводит его в движение. Однако дальнейшее развитие этой мысли сюда не относится.

Теперь мы должны рассмотреть тот случай, когда не происходит действительного накопления, т.-е. непосредственного расширения размеров производства, но когда часть реализованной прибавочной стоимости более или менее продолжительное время накапливается в виде денежного резервного фонда и лишь впоследствии превращается в производительный капитал.

Поскольку накапливаемые таким образом деньги являются дополнительными деньгами, дело понятно само собою. Они могут представлять только часть избыточного золота, привезенного из стран, производящих золото. Следует отметить при этом, что в стране уже нет того национального продукта, за который ввезено это золото. Он вывезен за границу в обмен на золото.

Напротив, если предположить, что в стране остается прежнее количество денег, то накопленные и накапливающиеся деньги приливают из обращения; изменяется только их функция. Из обращающихся денег они превращаются в скрытый денежный капитал, находящийся в процессе постепенного образования.

Деньги, которые при этом накапливаются, есть денежная форма проданных товаров, при том форма той части их стоимости, которая представляет для их владельцев прибавочную стоимость (здесь предполагается, что системы кредита не существует). Капиталист, накапливающий эти деньги, *pro tanto* продает, не покупая.

Если представить себе это обстоятельство в виде частного случая, то оно не требует никаких объяснений. Часть капиталистов удерживает часть денег, вырученных от продажи своего продукта, не покупая на них продукта на рынке. Напротив, другая часть капиталистов превращает в продукт все свои деньги за исключением постоянно возвращающегося денежного капитала, необходимого для ведения производства. Часть продукта, выбрасываемая на рынок и являющаяся носителем прибавочной стоимости, состоит из средств производства или из реальных элементов переменного капитала, из необходимых средств существования. Следовательно, она может тотчас же служить для расширения производства. Ведь мы вовсе не предполагаем, что, в то время как одни капиталисты накапливают денежный капитал, другие потребляют целиком всю свою прибавочную стоимость; мы только предполагаем, что одни накапливают в денежной форме, образуют скрытый денежный капитал, а другие действительно накапливают, т.-е. расширяют размеры производства, действительно увеличивают свой производительный капитал. Массы имеющихся денег всегда достаточно для потребностей обращения, если даже попеременно одна часть капиталистов накапливает деньги, в то время как другая расширяет масштаб производства, и наоборот. К тому же накопление денег на одной

стороне может совершаться без наличных денег, путем одного только накопления долговых требований.

Затруднение возникает тогда, когда мы предполагаем накопление денежного капитала не как частный случай, а как общее явление для класса капиталистов. По нашему предположению, — при всеобщем и исключительном господстве капиталистического производства, — кроме этого класса вообще не существует никаких других классов, кроме класса рабочих. Все, что покупает рабочий класс, равно сумме его заработной платы, равно сумме переменного капитала, авансированного всем классом капиталистов. К последним эти деньги возвращаются посредством продажи их продукта рабочему классу. Вследствие этого их переменный капитал снова приобретает денежную форму. Положим, что сумма переменного капитала т.-е. переменного капитала, не просто авансированного, а действительно употребленного в продолжение года, равна $100 \text{ £} \times x$; для рассматриваемого здесь вопроса не имеет никакого значения, много или мало, в зависимости от быстроты оборота, требуется денег для того, чтобы авансировать в продолжение года переменный капитал такой стоимости. С помощью этих $100 \text{ £} \times x$ капитала класс капиталистов покупает известное количество рабочей силы, или выдает заработную плату известному числу рабочих — первая сделка. Рабочие на такую же сумму покупают у капиталистов некоторое количество товаров, и сумма в $100 \text{ £} \times x$ возвращается в руки капиталистов — вторая сделка. И это повторяется постоянно. Следовательно, сумма в $100 \text{ £} \times x$ никогда не дает возможности рабочему классу купить часть продукта, представляющую постоянный капитал, не говоря уже о той части, которая представляет прибавочную стоимость класса капиталистов. Рабочие на $100 \text{ £} \times x$ всегда могут купить только ту часть стоимости общественного продукта, которая равна части стоимости, представляющей стоимость авансированного переменного капитала.

Оставим в стороне тот случай, когда это повсеместное накопление денег не выражает ничего иного, кроме распределения в какой бы то ни было пропорции дополнительно ввезенного благородного металла между различными отдельными капиталистами. Итак, оставляя в стороне этот случай, каким же образом может накапливать деньги весь класс капиталистов?

Все они должны продавать часть своего продукта, ничего не покупая взамен. Конечно, нет ничего таинственного в том, что все они обладают определенным денежным фондом, который они бросают в обращение, затрачивая его как средство обращения на свое потребление и что затем каждый из них снова получает обратно из обращения известную часть этого фонда. Но в таком случае этот денежный

фонд существует именно как фонд обращения, представляет превращенную в деньги прибавочную стоимость, но отнюдь еще не скрытый денежный капитал.

Если рассматривать дело так, как оно происходит в действительности, то скрытый денежный капитал, накапливаемый для позднейшего употребления, состоит:

1) Из вкладов в банки; они составляют относительно ничтожную сумму тех денег, которыми располагают банки на практике. Денежный капитал накапливается при этом лишь номинально. Что при этом действительно накапливается, так это денежные притязания, которые превращаются в деньги (если только они превращаются в деньги) только потому, что устанавливается равновесие между вкладами в банк и обратными требованиями денег. Денег же в банке во всякий данный момент оказывается лишь относительно небольшая сумма.

2) Из государственных бумаг. Последние вообще представляют не капитал, а только долговые притязания на часть годового продукта нации.

3) Из акций. Поскольку дело не исключительно спекулятивное, они представляют титул владения на принадлежащий компании действительный капитал и свидетельство на получение прибавочной стоимости, ежегодно приносимой этим капиталом.

Во всех этих случаях не происходит никакого накопления денег: то, что на одной стороне является накоплением денежного капитала, на другой стороне оказывается постоянным действительным расходованием денег. Расходятся ли деньги тем лицом, которому они принадлежат, или другим, его должником, это несколько не изменяет дела.

На основе капиталистического производства образование сокровища никогда не является целью само по себе, оно является результатом или задержки в обращении,—при чем большее, чем обыкновенно, количество денег принимает форму сокровища,—или оно является результатом скоплений, обусловленных оборотом, или, наконец, форма сокровища выражает лишь образование денежного капитала,—пока что в скрытой форме,—предназначенного функционировать в качестве производительного капитала.

Поэтому, если, с одной стороны, часть реализованной в деньгах прибавочной стоимости извлекается из обращения и накапливается в виде сокровища, то одновременно другая часть прибавочной стоимости постоянно превращается в производительный капитал. Исключая тот случай, когда между классом капиталистов распределяется дополнительный благородный металл, накопление в денежной форме никогда не происходит одновременно во всех пунктах.

Все то, что касается части годового продукта, представляющей прибавочную стоимость в товарной форме, все это относится и к другой части годового продукта. Для ее обращения требуется известная сумма денег. Эта сумма денег точно так же принадлежит классу капиталистов, как и ежегодно производимая масса товаров, представляющая прибавочную стоимость. Она первоначально выбрасывается в обращение самим классом капиталистов. Она постоянно снова, распределяется между ними самим процессом обращения. Как и вообще при обращении монет, одна часть этой суммы постоянно задерживается то в том, то в другом пункте, тогда как другая часть непрерывно обращается. Дело нисколько не изменяется, если такое задерживание совершается отчасти умышленно, с той целью, чтобы образовать денежный капитал.

Здесь мы оставляем в стороне те случаи приключений в области обращения, когда один капиталист захватывает долю прибавочной стоимости и даже капитала другого капиталиста, когда происходит таким образом одностороннее накопление и централизация как денежного, так и производительного капитала. Так, например, часть добытой прибавочной стоимости, накапливаемая как денежный капитал капиталистом А, может представлять долю прибавочной стоимости капиталиста В, не возвратившуюся к нему.

Отдел третий.

Воспроизводство и обращение всего общественного капитала.

Глава восемнадцатая ²⁴⁾.

Введение.

I. Предмет исследования.

Непосредственный процесс производства капитала представляет процесс труда и процесс увеличения стоимости, т.-е. процесс, результатом которого является товарный продукт, а определяющим мотивом— производство прибавочной стоимости.

Процесс воспроизводства капитала охватывает как этот непосредственный процесс производства, так и две фазы процесса обращения в тесном смысле слова, т.-е. процесс воспроизводства капитала охватывает весь кругооборот, который, представляя процесс периодический— процесс, снова и снова повторяющийся через определенные периоды времени,—образует оборот капитала.

Будем ли мы рассматривать кругооборот с точки зрения формы Д... Д' или формы П... П, непосредственный процесс производства П всегда представляет лишь одно звено этого кругооборота. В одной форме он является посредствующим звеном для процесса обращения, в другой форме процесс обращения играет для него роль связующего звена. Постоянное возобновление этого процесса, постоянно повторяющееся появление капитала в форме производительного капитала в обоих случаях обуславливается его превращениями в процессе обращения. С другой стороны, постоянно возобновляющийся процесс

²⁴⁾ Из рукописи II.

производства является условием превращений, которые постоянно снова и снова прodelываются капиталом в сфере обращения,—условием его попеременного появления то в форме денежного капитала, то в форме товарного капитала.

Однако каждый индивидуальный капитал представляет лишь обособившуюся, одаренную, так сказать, индивидуальным существованием часть всего общественного капитала, подобно тому как каждый отдельный капиталист представляет лишь индивидуальный элемент класса капиталистов. Движение общественного капитала состоит из совокупности движений его обособившихся частей, из совокупности оборотов индивидуальных капиталов. Как метаморфоз отдельного товара является звеном в цепи метаморфоз товарного мира — товарного обращения,—точно так же метаморфоз индивидуального капитала, его оборот, является звеном в кругообороте общественного капитала.

Весь этот процесс охватывает как производительное потребление (непосредственный процесс производства) вместе с превращениями формы (обменами, если рассматривать дело с материальной стороны), которые обслуживают его, так и индивидуальное потребление с превращениями формы, или обменами, которые служат посредствующим звеном для этого потребления. Он охватывает, с одной стороны, превращение переменного капитала в рабочую силу, а следовательно, и введение рабочей силы в капиталистический процесс производства. Здесь рабочий выступает в качестве продавца своего товара — рабочей силы, а капиталист — в качестве ее покупателя. Но, с другой стороны, продажа товаров предполагает и куплю последних рабочим классом, следовательно, их индивидуальное потребление. Здесь рабочий класс выступает в качестве покупателя, а капиталисты — в качестве продавцов товаров рабочим

Обращение товарного капитала включает обращение и прибавочной стоимости, а следовательно, и те акты купли и продажи, при посредстве которых обслуживается индивидуальное потребление капиталистов, потребление прибавочной стоимости.

Кругооборот всех индивидуальных капиталов, рассматриваемых в их связи с общественным капиталом, т.-е. кругооборот, рассматриваемый в его совокупности, охватывает не только обращение капитала, но и общее товарное обращение. Последнее может первоначально состоять только из двух составных частей: 1) кругооборота капитала в собственном смысле слова и 2) кругооборота товаров, входящих в индивидуальное потребление, т.-е. товаров, на которые рабочий расходует свою заработную плату, а капиталист свою прибавочную стоимость (или часть своей прибавочной стоимости). Во всяком случае кругооборот капитала охватывает и обращение прибавочной стоимости.

поскольку она составляет часть товарного капитала, а также и превращение переменного капитала в рабочую силу, выдачу заработной платы. Но расходование этой прибавочной стоимости и заработной платы на товары не входит звеном в обращение капитала, несмотря на то, что расходование хотя бы заработной платы обуславливает это обращение.

В I книге был подвергнут анализу капиталистический процесс производства и как единичный процесс, независимо от его повторения, и как процесс воспроизводства: производство прибавочной стоимости и производство самого капитала. Изменения формы и вещества, которые капитал продельывает в сфере обращения, были взяты нами в виде предпосылки, на которой мы не останавливались далее. Таким образом мы предполагали, что, с одной стороны, капиталист продает продукт по его стоимости, и что, с другой стороны, он находит в сфере обращения материальные средства производства, необходимые для того, чтобы возобновить процесс или чтобы непрерывно продолжать его. Единственным актом в сфере обращения, на котором нам пришлось остановиться, был акт купли и продажи рабочей силы, представляющий основное условие капиталистического производства.

В первом отделе этой II книги мы рассмотрели различные формы, которые капитал принимает в своем кругообороте, и различные формы самого этого кругооборота. К рабочему времени, рассмотренному в I книге, теперь присоединяется время обращения.

Во втором отделе мы рассматривали кругооборот капитала как периодическое движение, т.-е. как оборот капитала. Мы показали, с одной стороны, как различные составные части капитала (основной и оборотный) проходят кругооборот форм в различные периоды времени и различным способом; с другой стороны, мы исследовали обстоятельства, которыми обуславливается различная продолжительность рабочего периода и периода обращения. Мы показали, какое влияние период кругооборота и различное соотношение его составных частей оказывают как на размер самого производственного процесса, так и на годовую норму прибавочной стоимости. Действительно, если в первом отделе рассматривались главным образом последовательные формы, которые в своем кругообороте постоянно принимает и сбрасывает капитал, то во втором отделе мы рассмотрели, каким образом в этом движении и последовательной смене форм капитал данной величины одновременно, хотя и в изменяющемся отношении, распадается на различные формы: на производительный капитал, денежный капитал и товарный капитал, при чем эти формы не только чередуются друг с другом, но различные части всей капитальной стоимости постоянно одна возле другой пребывают и функционируют в этих различных

состояниях. Денежный капитал при этом проявил особенность, которая не обнаруживалась в I книге. Мы нашли те определенные законы, по которым для того, чтобы производительный капитал данного размера мог непрерывно функционировать, различные по величине составные части данного капитала постоянно должны авансироваться и возобновляться в форме денежного капитала.

Но как в первом, так и во втором отделе дело шло постоянно лишь об индивидуальном капитале, о движении обособленной части общественного капитала.

Но кругообороты индивидуальных капиталов переплетаются друг с другом, предполагают и обуславливают друг друга и как раз благодаря этому - то сплетению и образуют движение всего общественного капитала. Как при простом товарном обращении весь метаморфоз товара представлялся звеном в цепи метаморфоз товарного мира, так теперь метаморфоз индивидуального капитала является членом ряда метаморфоз общественного капитала. Но если простое обращение товаров не предполагает необходимо обращения капитала, так как товарное обращение может совершаться и на основе некапиталистического производства, то кругооборот всего общественного капитала, как уже замечено, включает в себе и товарное обращение, лежащее вне сферы кругооборота индивидуального капитала, т.-е. включает и обращение товаров, которые не являются капиталом.

Мы должны теперь перейти к рассмотрению процесса обращения (который в своей совокупности есть форма процесса воспроизводства) индивидуальных капиталов как составных частей всего общественного капитала, т.-е. к рассмотрению процесса обращения всего этого общественного капитала.

II. Роль денежного капитала.

[Хотя последующее относится лишь к позднейшей части этого отдела, все же мы непосредственно приступим к исследованию денежного капитала, как составной части всего общественного капитала.]

При рассмотрении оборота индивидуального капитала мы видели, что денежный капитал обнаруживается с двух сторон.

Во - первых, он представляет ту форму, в которой каждый индивидуальный капитал выступает на сцену, начинает процесс как капитал. Он представляется поэтому как *primus motor*, дающий толчок всему процессу.

Во - вторых, в зависимости от различной продолжительности периода оборота и различного отношения между обеими составными частями последнего — рабочим периодом и периодом обращения — изме-

няется и относительная величина той составной части авансированной капитальной стоимости которая должна постоянно авансироваться и возобновляться в денежной форме: изменяется ее величина по отношению к производительному капиталу, приводимому ею в движение, т.-е. по отношению к постоянному размеру производства. Но каково бы ни было это отношение, во всяком случае та часть находящейся в движении капитальной стоимости, которая может постоянно функционировать как производительный капитал, ограничена той частью авансированной капитальной стоимости, которая должна постоянно существовать в денежной форме рядом с производительным капиталом. Дело идет здесь лишь о нормальном обороте, об абстрактной средней величине. При этом мы оставляем в стороне добавочный денежный капитал, необходимый для того, чтобы уравнивать нарушения обращения.

К первому пункту. Товарное производство предполагает товарное обращение, а товарное обращение предполагает, что товар находит себе выражение в деньгах, предполагает денежное обращение; удвоенное существование товара в виде товара и денег есть закон выражения продукта, являющегося товаром. Точно так же капиталистическое товарное производство, как бы его ни рассматривать—с общественной или с индивидуальной точки зрения,—предполагает существование капитала в денежной форме, или существование денежного капитала и в качестве *primus motor* для каждого вновь возникающего предприятия и в качестве постоянного двигателя. Оборотный капитал в частности предполагает, что через короткие промежутки времени постоянно вновь появляется денежный капитал в качестве двигателя. Всю авансированную капитальную стоимость, т.-е. все составные части капитала, состоящие из товаров: рабочую силу, средства труда и материалы производства, постоянно приходится снова и снова покупать на деньги. То, что говорится здесь об индивидуальном капитале, относится и к общественному капиталу, который функционирует лишь в виде многих индивидуальных капиталов. Но, как уже показано в I книге, из этого отнюдь не следует, чтобы поле функционирования капитала, масштаб производства, даже на капиталистическом базисе, в своих абсолютных размерах зависели от размера функционирующего денежного капитала.

В капитал входят элементы производства, эластичность которых, в известных границах, не зависит от величины авансированного денежного капитала. При одинаковой оплате рабочей силы ее можно подвергать экстенсивно или интенсивно более сильной эксплуатации. Если при такой более сильной эксплуатации придется увеличить и денежный капитал, (т.-е. повысить заработную плату), то не пропорционально усилению эксплуатации, следовательно, *pro tanto* он не увеличится.

Производительно эксплуатируемый материал природы,— не составляющий элемента стоимости капитала,— земля, море, руды, леса и т. д. при бóльшем напряжении одного и того же количества рабочих сил может интенсивно или экстенсивно сильнее эксплуатироваться, без увеличения авансируемого денежного капитала. Таким образом реальные элементы производительного капитала увеличиваются, не требуя дополнительного денежного капитала. Если же последний потребуется на дополнительные вспомогательные материалы, то денежный капитал, в котором авансируется капитальная стоимость, не увеличивается пропорционально расширению деятельности производительного капитала, следовательно, *pro tanto* вовсе не увеличивается.

Одни и те же средства труда, т.-е. один и тот же основной капитал, можно использовать более энергично как посредством удлинения времени его ежедневного употребления, так и посредством увеличения интенсивности его применения, при чем не потребуется дополнительной денежной затраты на основной капитал. В таком случае происходит лишь более быстрый оборот основного капитала, но зато и элементы его воспроизводства будут доставляться быстрее.

Оставляя в стороне материалы природы, в процесс производства могут быть включены в качестве более или менее успешно действующих агентов силы природы, которые ничего не стоят. Успешность их действия зависит от методов их применения и прогресса науки, что опять-таки ничего не стоит капиталисту.

То же самое относится к общественному сочетанию рабочей силы в производственном процессе и к искусству, накопленному отдельными рабочими. Кэри на основании этого исчисляет, что землевладелец никогда не получает достаточно, так как оплачивается не весь тот капитал, в соответственных случаях не весь тот труд, который с незапамятных времен вкладывался в почву, чтобы придать ей теперешнее плодородие. (Конечно, о том плодородии, которое у нее отнимается, нет упоминания.) Таким образом каждый отдельный рабочий должен был бы оплачиваться сообразно с тем трудом, который потрачен всем человеческим родом, чтобы превратить дикаря в современного механика. Следовало бы рассуждать как раз наоборот: если принять в расчет весь вложенный в землю неоплаченный труд, превращаемый в деньги землевладельцем и капиталистом, то весь вложенный в землю капитал возвращен много-много раз, да еще с ростовщическими процентами; таким образом земельная собственность давным-давно уже много раз выкуплена обществом.

Повышение производительных сил труда, поскольку оно не предполагает дополнительной затраты капитальных стоимостей, повышает, правда, прежде всего лишь массу продукта, а не его стоимость; ис-

ключение представляет тот случай, когда оно позволяет посредством того же количества труда воспроизводить больше постоянного капитала, а, следовательно, и сохранять стоимость бóльшего количества этого капитала. Но в то же время повышение производительности труда создает новый материал для капитала, следовательно, базис для усиленного накопления капитала.

Поскольку самая организация общественного труда, а потому и повышение производительной силы общественного труда требует, чтобы производство велось в крупном масштабе, и чтобы отдельные капиталисты авансировали крупные массы денежного капитала, постольку сюда относятся указания, сделанные уже в I книге: это отчасти достигается я посредством централизации капиталов в немногих руках, при чем нет никакой необходимости в том, чтобы при этом происходило абсолютное увеличение размера функционирующих капитальных стоимостей, а следовательно, и размера того денежного капитала, в виде которого они авансируются. Величина отдельных капиталов может возрастать вследствие централизации их в немногих руках без возрастания общественной суммы этих капиталов. Перед нами лишь изменение распределения отдельных капиталов.

Наконец, в предыдущем отделе было показано, что сокращение периода оборота позволяет приводить в движение с меньшим денежным капиталом тот же самый производительный капитал или с тем же денежным капиталом больший производительный капитал.

Но все это, очевидно, не имеет никакого отношения собственно к вопросу о денежном капитале. Это показывает только, что авансированный капитал — данная сумма стоимости, которая в своей свободной форме, в форме стоимости, состоит из определенной суммы денег, — по своем превращении в производительный капитал содержит в себе производительные силы, пределы которых не определяются величиной стоимости и которые в известных границах могут действовать, напротив, с различной степенью экстенсивности или интенсивности. Если цены элементов производства — средств производства и рабочей силы — даны, то этим определена величина того денежного капитала, который необходим для купли определенного количества этих элементов производства, существующих в виде товаров. Другими словами, определена величина стоимости того капитала, который приходится авансировать. Но размеры, в которых этот капитал действует, как образователь стоимости и продукта, эластичны и изменчивы.

Ко второму пункту. Само собою понятно, что та часть общественного труда и средств производства, которая ежегодно расходуется на производство или покупку денег, на возмещение износившейся монеты, является *pro tanto* вычетом из общественного произ-

водства. Но что касается денежной стоимости, функционирующей частью в виде средства обращения, частью в виде сокровища, то, раз она уже имеется, добыта, она занимает место рядом с рабочей силой, произведенными средствами производства и естественными источниками богатства. Ее нельзя рассматривать как нечто, ограничивающее эти последние. Посредством превращения ее в элементы производства, посредством обмена с другими народами могли бы быть расширены размеры производства. Но для этого необходимо, чтобы деньги в этом случае, как и раньше, играли роль мировых денег.

В зависимости от продолжительности периода оборота требуется большая или меньшая масса денежного капитала для того, чтобы привести в движение производительный капитал. Точно так же мы видели, что деление периода оборота на рабочее время и время обращения обуславливает увеличение находящегося в денежной форме скрытого капитала, или капитала, применение которого отсрочено.

Поскольку период оборота определяется продолжительностью рабочего периода, постольку он, при прочих равных условиях, определяется материальной природой процесса производства, следовательно, не специфически общественным характером этого производственного процесса. Однако сравнительно широкие операции более длительного характера, выполняемые на основе капиталистического производства, обуславливают авансирование более крупного денежного капитала на более продолжительное время. Следовательно, производство в таких областях находится в зависимости от того, в каких пределах отдельный капиталист располагает денежным капиталом. В этой границе прокладывается брешь системой кредита и связанным с нею ассоциированием, напр., акционерными обществами. Поэтому нарушения, происходящие на денежном рынке, приостанавливают деятельность таких предприятий, и наоборот: эти последние в свою очередь вызывают нарушения на денежном рынке.

На основе общественного производства приходится определять масштаб, в котором могут производиться такие операции, которые на долгое время отвлекают рабочую силу и средства производства, не доставляя за все это время никакого продукта в виде полезного эффекта; приходится определять, в каком масштабе могут производиться эти операции, не причиняя вреда таким отраслям производства, которые постоянно или несколько раз в году не только отвлекают рабочую силу и средства производства, но и доставляют средства существования и средства производства. При общественном производстве, так же как и при капиталистическом производстве, рабочие, занятые в отраслях предприятий с относительно короткими рабочими периодами, будут лишь на короткое время отвлекать продукты, не давая взамен нового

продукта; что касается отраслей труда с длинными рабочими периодами, то они более долгое время непрерывно отвлекают продукты, прежде чем сами начнут давать продукты. Следовательно, это обстоятельство вытекает из материальных условий соответствующего процесса труда, а не из его общественной формы. При общественном производстве денежный капитал отпадает. Общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями труда. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных потребительных запасов то количество продуктов, которое соответствует их рабочему времени. Эти удостоверения отнюдь не деньги. Они не совершают обращения.

Итак, поскольку потребность в денежном капитале вытекает из продолжительности рабочего периода, она обуславливается двумя обстоятельствами: во-первых, деньги вообще являются той формой, в которой должен выступить каждый индивидуальный капитал (кредит мы оставляем в стороне) для того, чтобы превратиться в производительный капитал. Это вытекает из существа капиталистического производства, вообще товарного производства.— Во-вторых, величина необходимо авансируемой денежной суммы обуславливается тем обстоятельством, что в течение более или менее продолжительного времени у общества постоянно отнимаются рабочая сила и средства производства, при чем ему в это время не возвращается никакого продукта, который можно было бы превратить в деньги. Первое обстоятельство, именно, что авансируемый капитал приходится авансировать в денежной форме, не устраняется формой этих денег, т. е. будет ли то звонкая монета, кредитные деньги, знаки стоимости и т. д. На второе обстоятельство никакого влияния не оказывает, при помощи каких денежных средств или при помощи какой формы производства отвлекаются труд, средства существования и средства производства, при чем в обращение не выбрасывается какого-либо эквивалента.

Глава девятнадцатая ³⁵⁾.

Прежние представления о предмете

І. Физиократы.

Кенэ в *Tableau économique* немногими крупными штрихами показывает, как годовой продукт национального производства определенной стоимости распределяется посредством обращения так, чтобы,

³⁵⁾ Здесь начинается рукопись VIII.

три прочих равных условиях, могло совершаться простое воспроизводство этого продукта, т.-е. воспроизводство в прежнем масштабе. Исходным пунктом периода производства по существу дела является урожай последнего года. Бесчисленные индивидуальные акты обращения с самого начала объединяются в характерно-общественное массовое движение,—в обращение между крупными функционально-определенными экономическими классами общества. Интересующая нас здесь часть всего продукта,—подобно всякой другой его части, она как предмет потребления представляет новый результат труда истекшего года,—эта часть является в то же время лишь носительницей старой капитальной стоимости, вновь появившейся в прежней натуральной форме. Она не обращается, но остается в руках ее производителей, класса фермеров, и снова начинает нести для них свою службу как капитал. В эту часть годового продукта, представляющую постоянный капитал, Кенэ включает неотносящиеся сюда элементы, но он попадает в суть дела благодаря ограниченности своего кругозора, для которого земледелие является единственной сферой приложения человеческого труда, производящей прибавочную стоимость, т.-е. с капиталистической точки зрения единственной действительно производительной сферой труда. Экономический процесс воспроизводства, каков бы ни был его специфически общественный характер, всегда переплетается в этой области (в земледелии) с естественным процессом воспроизводства. До очевидности ясные условия этого последнего бросают свет и на условия первого и не допускают заблуждений, вызываемых миражами обращения.

Этикетка системы отличается от этикетки других товаров между прочим тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца. Сам Кенэ и его ближайшие ученики верили в свою феодальную вывеску, подобно тому как наши школьные ученые верят в нее до сих пор. В действительности же система физиократов является первой систематической концепцией капиталистического производства. Представитель промышленного капитала — класс фермеров — является руководителем всего экономического движения. Земледелие ведется капиталистически, т.-е. как крупное предприятие капиталистического фермера; непосредственный возделыватель земли — наемный рабочий. Производство создает не только предметы потребления, но и их стоимость; побудительным же мотивом производства служит получение прибавочной стоимости, местом рождения которой является сфера производства, а не сфера обращения. Из тех трех классов, которые фигурируют в качестве носителей общественного процесса воспроизводства, обслуживаемого обращением, непосредственный эксплуататор „производительного“

труда, производитель прибавочной стоимости, капиталистический фермер, обособляется от того, кто просто ее присваивает.

Капиталистический характер физиократической системы еще во время ее расцвета вызвал оппозицию с одной стороны Ленгэ и Мабли, а с другой стороны защитников мелкого свободного землевладения.

А. Смит в своем анализе процесса воспроизводства пошел назад ³⁶⁾, и это тем более бросается в глаза, что он вообще не только дает дальнейшую разработку правильного анализа Кенэ, как напр., обобщает его „*avances primitives*“ и „*avances annuelles*“ в „основной“ и „оборотной“ капитал ³⁷⁾, но местами совершенно впадает в физиократические заблуждения. Чтобы доказать, напр., что арендатор производит большую стоимость, чем какой-либо другой вид капиталистов, он говорит: „никакой другой капитал, одинаковый по величине, не приводит в движение большего количества производительного труда, чем капитал фермера. Не только его рабочая прислуга, но и его рабочий скот состоит из производительных работников“. [Приятный комплимент для рабочей прислуги!]. „В земледелии рядом с людьми работает также и природа; и хотя ее работа не вызывает расходов, ее продукт все же имеет свою стоимость совершенно так же, как продукт труда самых дорогих рабочих. Важнейшие земледельческие операции, повидимому, имеют свою целью не столько увеличить плодородие почвы — хотя они достигают и этого, — сколько обратить ее на производство полезных для человека растений. На поле, заросшем терниями и сорными травами, нередко произрастает такое же количество растительности, как на превосходно обработанном винограднике или зерновом поле. Насажение растений и возделывание часто имеют больше влияния на регулирование, чем на увеличение существующего плодородия природы. После того как весь труд возделывания закончен, на долю природы все еще остается большая доля работы. Итак, занятые в земледелии рабочие и рабочий скот (!) не только, подобно мануфактурным рабочим, воспроизводят стоимость, равную их собственному потреблению и применяющему их капиталу, вместе с прибылью для капиталиста: они воспроизводят много большую стоимость. Сверх капитала

³⁶⁾ „Капитал“, т. I, гл. XXII. 2, прим. 32.

³⁷⁾ И здесь ему расчистили дорогу некоторые физиократы, прежде всего Тюрго. Этот последний уже чаще, чем Кенэ и другие физиократы, употребляет слово „капитал“ вместо „*avances*“ и еще более отождествляет „*avances*“ или „*capitaux*“ мануфактуристов и фермеров. Например: „Подобно этим последним (предпринимателям-мануфактуристам), они (фермеры, т.-е. капиталистически арендаторы) должны получать кроме возвращающихся обратно капиталов“ и т. д. (Turgot, *Oeuvres*, éd. Daire, Paris 1844. Т. I, стр. 40).

арендатора и всей его прибыли они регулярно воспроизводят еще и ренту землевладельца. Ренту можно рассматривать как продукт сил природы, пользование которыми землевладелец уступает арендатору. Она достигает большей или меньшей величины, смотря по предполагаемому уровню этих сил, иными словами, смотря по предполагаемому естественному или достигнутому искусственным способом плодородию почвы. Она — продукт природы, остающийся по вычете и возмещении всего того, что можно рассматривать как дело рук человека. Она редко бывает меньше четверти и часто больше трети всего продукта. То же количество производительного труда, примененного к мануфактуре, никогда не может привести к столь крупному воспроизводству. В мануфактуре природа не делает ничего, человек — все, а воспроизводство всегда будет пропорционально силе совершающих его агентов. Поэтому капитал, вложенный в земледелие, не только приводит в движение большее количество производительного труда, чем какой-либо другой одинаковый по величине капитал, употребляемый в мануфактуре: по сравнению с количеством применяемого им производительного труда он и присоединяет много большую стоимость к годовому продукту почвы и труда страны, — истинному богатству и доходу ее обитателей“ (Книга II, гл. 5, стр. 242).

А. Смит говорит во II книге, глава I: „Вся стоимость семян также, собственно говоря, представляет основной капитал“. Следовательно, здесь капитал = капитальной стоимости; она существует в „основной“ форме. „Хотя семена постоянно меняют место, переходя с поля в амбар и обратно, все же они никогда не меняют своего собственника, и по тому их обращение не есть действительное обращение. Арендатор извлекает свою прибыль не посредством их продажи, а посредством их приращения“ (стр. 186). Ограниченность проявляется здесь в том, что Смит не видит, как это видел уже Кенэ, повторного появления стоимости постоянного капитала в обновленной форме, следовательно, не видит важного момента процесса воспроизводства, а видит только лишнюю иллюстрацию — к тому же она и неправильна — своего различия между оборотным и основным капиталом. — Переводя „*avances primitives*“ и „*avances annuelles*“ выражениями „*fixed capital*“ и „*circulating capital*“, Смит делает шаг вперед в употреблении слова „капитал“; понятие это обобщается, становится независимым от особенного применения его физиократами к „земледельческой“ сфере. Шагом назад является то обстоятельство, что различия между „основным“ и „оборотным“ капиталом принимаются и удерживаются как решающие различия.

И. А д а м С м и т.

1) Общие положения Смита.

А. Смит говорит в книге, гл. 6, стр. 42: „Во всяком обществе цена каждого товара в конечном счете разлагается или на ту, или на другую из этих трех частей или на все три части (заработная плата, прибыль, земельная рента), и во всяком развитом обществе они все три более или менее входят составными долями в цену подавляющей части товаров“³⁸⁾; или, как сказано ниже (стр. 63): „Заработная плата“, прибыль и земельная рента суть три первоисточника всякого дохода, равно как и всякой меновой стоимости“. Ниже мы рассмотрим более подробно это учение А. Смита относительно „составных частей цены товаров, или, соответственно, всякой „меновой стоимости“.—Далее говорится: „Так как это справедливо по отношению ко всякому отдельно взятому товару, то это должно быть справедливо для всех товаров в их совокупности, составляющих весь годовой продукт земли и труда каждой страны. Вся цена или меновая стоимость этого годового продукта должна распадаться на эти же самые три части и распределяться между различными обитателями страны или как плата за их труд, или как прибыль на их капитал, или как рента с их землевладения“ (книга II, гл. 2, стр. 190).

После того как А. Смит и цену всех товаров, взятых в отдельности, и „всю цену или меновую стоимость... годового продукта земли и труда каждой страны“ разложил таким образом на три источника доходов: доходов наемного рабочего, капиталиста и земельного собственника, на заработную плату, прибыль и земельную ренту, ему все-таки пришлось ввести окольным, контрабандным путем четвертый элемент, именно элемент капитала. Это достигается посредством различения между валовым и чистым доходом. „Валовой доход всех обитателей большой страны включает в себе весь годовой продукт их земли и их труда; чистый доход—часть, остающуюся в их

³⁸⁾ Чтобы не ввести читателя в заблуждение относительно смысла фразы „цена подавляющей части товаров“, приведем следующую выдержку, свидетельствующую о том, как сам А. Смит объясняет это выражение: например, в цену морской рыбы рента не входит, а входит только заработная плата и прибыль; в цену Scotch pebbles входит лишь заработная плата „в некоторых частях Шотландии бедняки создают себе промысел из собирания на морском берегу пестрых камешков, известных под названием шотландских голышей. Цена, которую платят им за эти камешки резчики по камню, состоит только из заработной платы, так как ни земельная рента ни прибыль не составляют ни малейшей доли ее“

распоряжении за вычетом расходов по поддержанию, во-первых, их основного и, во-вторых, их оборотного капитала; или ту часть, которую они, не затрагивая своего капитала, могут отнести к своему потребительному запасу или израсходовать на свое содержание, комфорт и удовольствия. Действительное их богатство тоже пропорционально не валовому, а чистому их доходу“ (ib., стр. 190).

На это мы заметим:

1) А. Смит трактует здесь исключительно простое воспроизводство, а не воспроизводство в расширенном масштабе, или накопление. Он говорит только о расходах по содержанию („maintaining“) функционирующего капитала. „Чистый“ доход равняется той части годового продукта — общества ли, индивидуального ли капиталиста, — которая может войти в „фонд потребления“, но размеры этого фонда не должны затрагивать функционирующий капитал (sacrifice upon capital). Следовательно, часть стоимости как индивидуального, так и общественного продукта не сводится ни к заработной плате ни к прибыли или земельной ренте, но сводится к капиталу.

2) А. Смит укрывается от своей собственной теории посредством игры слов, посредством различения валового и чистого дохода, gross и net revenue. Отдельный капиталист, как и весь класс капиталистов, или так называемая нация, вместо потребленного в производстве капитала получает товарный продукт. Стоимость этого последнего — ее можно было бы представить в пропорциональных частях самого продукта, — с одной стороны, возмещает затраченную капитальную стоимость, следовательно, образует доход или, буквально, revenue (revenue — причастие от revenue, возвращаться), однако, *net revenue*, образует *capital-revenue* или доход на капитал. С другой стороны, перед нами составные части стоимости этого товарного продукта, которые „распределяются между различными обитателями страны или как плата за их труд, или как прибыль на их капитал, или как рента с их земельной собственности“, что в обыденной жизни и называется доходом. Стоимость всего продукта, для индивидуального ли капиталиста или для всей страны, представляет поэтому чей-нибудь доход; но, с одной стороны, доход на капитал, а с другой стороны — отличную от него форму „revenue“. Таким образом то, что было устранено при разложении стоимости товара на ее составные части, снова вводится с заднего крыльца, посредством двусмысленного слова „revenue“. Но „получить доход“ можно лишь от таких составных частей стоимости продукта, [которые уже существуют в нем. Чтобы капитал составил доход как „revenue“, он должен быть предварительно израсходован.

А. Смит говорит дальше: „Самая низкая обычная норма прибыли всегда должна несколько превышать то, что достаточно для вознаграждения случайных потерь, с которыми сопряжено всякое применение капитала. Только этот излишек и представляет чистую прибыль“.

[Бывают ли такие капиталисты, которые под прибылью понимали бы необходимые затраты капитала?] „В то, что называется валовой прибылью, часто входит не только этот излишек, но и часть, удерживаемая на такие чрезвычайные потери“ (кн. I, гл. 9, стр. 72). Но это значит только то, что часть прибавочной стоимости, рассматриваемая как часть валовой прибыли, должна образовать страховой фонд производства. Этот страховой фонд создается частью добавочного труда, который в этом смысле непосредственно производит капитал, т.-е. фонд, предназначенный для воспроизводства. Что касается расхода на „содержание“ основного капитала и т. д. (см. выше цитированные места), то возмещение потребленного основного капитала новым не составляет новой затраты капитала, а представляет только возобновление старой капитальной стоимости в новой форме. Что касается издержек на ремонт основного капитала, которые А. Смит тоже относит к издержкам по содержанию, то они входят в цену авансированного капитала. Если капиталисту не приходится разом вкладывать эту часть капитала, если он вкладывает ее во время функционирования капитала лишь постепенно, по мере потребности, пользуясь для этой цели уже полученной прибылью, то это обстоятельство несколько не изменяет источника этой прибыли. Та составная часть стоимости, которая является источником этой прибыли, показывает только, что рабочий доставляет добавочный труд и для страхового фонда и для фонда, предназначенного на ремонт.

А. Смит рассказывает нам далее, что из чистого дохода, т.-е. из дохода в специфическом смысле этого слова, следует исключить весь основной капитал, а также всю ту часть оборотного капитала, которая требуется для содержания и ремонта основного капитала, равно как и для его возобновления,—т.-е. в сущности следует исключить весь капитал, находящийся не в такой натуральной форме, которой он предназначается для потребительного фонда.

„Все затраты на поддержание основного капитала, очевидно, подлежат исключению из чистого дохода общества. В этот доход не могут входить составными частями ни сырые материалы, необходимые для содержания в надлежащем виде полезных машин и промышленных орудий, ни продукт труда, который требуется для превращения этих сырых материалов в надлежащую форму. Цена этого труда, конечно, может составлять часть этого дохода, так как рабочие, занятые в этой области, могут всю стоимость своей заработной платы вложить в

запас, предназначенный для их непосредственного потребления. Но в других областях труда в этот фонд потребления входит как цена“ [т.-е. плата, выдаваемая за этот труд], „так и продукт“ [в котором этот труд воплощен]. „Цена входит в потребительный фонд рабочих, продукт—в потребительный фонд других людей, существование, комфорт и удовольствие которых повышаются благодаря труду этих рабочих“ (кн. II, гл. 2, стр. 190, 191).

А. Смит наталкивается здесь на очень важное различие между рабочими, занятыми в производстве средств производства, и такими, которые заняты непосредственным производством средств потребления. Стоимость товарного продукта первой категории рабочих содержит в себе составную часть, равную сумме заработных плат, т.-е. стоимости той части капитала, которая затрачена на куплю рабочей силы. Эта часть стоимости существует материально как известная часть средств производства, произведенных этими рабочими. Деньги, полученные ими как заработная плата, для них образуют доход, но их труд не произвел, ни для них самих ни для других, продуктов, пригодных для потребления. Следовательно, их продукты не образуют элемента той части годового продукта, которая предназначена доставить общественный потребительный фонд, тот фонд, в котором только и реализуется чистый доход. А. Смит забывает добавить, что сказанное здесь о заработной плате одинаково относится и к той составной части стоимости средств производства, которая как прибавочная стоимость образует в виде категорий прибыли и ренты доход (в первую очередь) промышленных капиталистов. Эти составные части стоимости тоже существуют в форме средств производства, не пригодных для потребления. Только после своего превращения в деньги они могут поднять сообразное своей цене количество средств потребления, произведенных второй категорией рабочих, и перенести ее в фонд индивидуального потребления владельцев этих средств производства. А. Смит тем более следовало бы уяснить себе, что часть стоимости ежегодно производимых средств производства, которая равна стоимости средств производства, функционирующих в этой сфере производства,—т.-е. стоимости средств производства, которыми делаются средства производства,—следовательно, часть стоимости, равная стоимости употребленного на это постоянного капитала, абсолютно не может служить составной частью дохода,—не может не только вследствие той натуральной формы, в которой эта часть существует, но и вследствие функционирования ее в качестве капитала.

По отношению ко второй категории рабочих, т.-е. тех, которые непосредственно производят средства потребления, определения А. Смита не совсем точны. Именно, он говорит, что в таких видах труда в фонд

непосредственного потребления входят (go to) и цена труда и продукт—„цена (т.-е. деньги, полученные как заработная плата)—в потребительный фонд рабочих, а продукт—в потребительный фонд других людей (that of other people), существование которых, комфорт и удовольствия повышаются вследствие работы этих рабочих“. Но рабочий не может жить „ценою“ своего труда, деньгами, которыми выдается ему заработная плата, он реализует эти деньги, покупая на них средства потребления; эти последние могут частью состоять из тех сортов товаров, которые произведены им самим. С другой стороны, его собственный продукт может быть таков, что он входит только в потребление эксплуататоров труда.

Совершенно исключив таким образом основной капитал из „netto-revenue“, чистого дохода страны, А. Смит продолжает:

„Хотя таким образом все расходы по содержанию основного капитала по необходимости исключаются из чистого дохода общества, но нельзя сказать того же об издержках по содержанию оборотного капитала. Из четырех частей, составляющих этот последний капитал: деньги, средства существования, сырые материалы и готовые продукты, три последние части, как уже сказано, регулярно извлекаются из него и перемещаются или в основной капитал общества или в запас, предназначенный для непосредственного потребления. Та часть годных к употреблению предметов, которая не обращается на поддержание первого“ [основного капитала], „целиком идет в последний“ [в запас, предназначенный для непосредственного потребления] „и образует часть чистого дохода общества. Следовательно, содержание этих трех частей оборотного капитала уменьшает чистый доход общества исключительно на ту часть годового продукта, которая требуется на содержание основного капитала“ (кн. II, гл. 2, стр. 192).

Сказать, что часть оборотного капитала, которая не служит для производства средств производства, входит в производство средств потребления, т.-е. в часть годового продукта, предназначенную для образования потребительного фонда общества,—это будет простой тавтологией. Но важно то, что идет непосредственно вслед за этим:

„Оборотный капитал общества в этом отношении отличается от оборотного капитала отдельного лица. Оборотный капитал отдельного лица целиком исключен из его чистого дохода и никогда не может образовать части последнего; чистый доход отдельного лица может состоять исключительно из его прибыли. Но хотя оборотный капитал каждого отдельного лица составляет часть оборотного капитала общества, к которому это лицо принадлежит, однако он отнюдь не безусловно исключается из чистого дохода общества и может составить часть этого дохода. Хотя все товары в лавке мелкого торговца отнюдь

не могут быть отнесены к запасу, предназначенному для его собственного, непосредственного потребления, тем не менее они могут входить в потребительный фонд других людей, которые доходами, полученными из иного источника, регулярно возмещают торговцу стоимость его товаров вместе с его прибылью, так что это не влечет за собою уменьшения ни его, ни их капитала“ (ibidem).

Итак, мы узнаем:

1) Как основной капитал и необходимый для его воспроизводства (функционирование он забывает) и поддержания оборотный капитал, так и оборотный капитал каждого индивидуального капиталиста, функционирующий в производстве средств потребления, решительно исключаются из его чистого дохода, который может состоять лишь из его прибылей. Следовательно, часть его товарного продукта, возмещающая его капитал, неразложима на составные части стоимости, образующие доход для него.

2) Оборотный капитал каждого индивидуального капиталиста образует часть оборотного капитала общества совершенно так же, как и каждый индивидуальный основной капитал.

3) Оборотный капитал общества, хотя он является лишь суммой индивидуальных оборотных капиталов, обладает характерной особенностью, отличающей его от оборотного капитала каждого индивидуального капиталиста. Последний никогда не может образовать части дохода индивидуального капиталиста; часть первого (а именно, состоящая из средств потребления), напротив, может образовать в то же время и часть дохода общества, или, как А. Смит говорил раньше, эта часть капитала не должна непременно уменьшать чистый доход общества на часть годового продукта. В действительности то, что А. Смит называет здесь оборотным капиталом, состоит из товарного капитала, который ежегодно производится и выбрасывается в обращение капиталистами, производящими средства потребления. Весь этот их годовой товарный продукт состоит из предметов потребления и образует поэтому фонд, в котором реализуются или на который расходуются чистые доходы общества (включая и заработную плату). Вместо того, чтобы останавливаться для примера на товарах, находящихся в лавке мелкого торговца, А. Смигу следовало бы взять массы продуктов, лежащие на складах промышленных капиталистов.

Если бы А. Смит резюмировал все отрывки мыслей, которые навязывались ему раньше при рассмотрении воспроизводства того капитала, который он называет основным, а теперь при рассмотрении воспроизводства того капитала, который он называет оборотным, то он пришел бы к следующему результату:

I. Общественный годовой продукт состоит из двух отделов: первый охватывает средства производства, второй — средства потребления. Каждое из этих подразделений необходимо рассматривать отдельно.

II. Общая стоимость той части годового продукта, которая состоит из средств производства, распределяется следующим образом: часть стоимости представляет лишь стоимость средств производства, которые были потреблены на изготовление средств производства; следовательно, это — капитальная стоимость, лишь повторно появившаяся в возобновленной форме. Другая часть равняется стоимости капитала, затраченного на рабочую силу, или равна сумме заработных плат, выданных капиталистами этой сферы производства. Наконец, третья часть стоимости образует источник прибылей — включая земельную ренту — промышленных капиталистов этой категории.

Первая составная часть, по А. Смиуту воспроизведенная часть основного капитала всех занятых в этом первом подразделении индивидуальных капиталов, „очевидно, исключается и никогда не может составить часть чистого дохода“ индивидуальных ли капиталистов, общества ли. Она постоянно функционирует как капитал и никогда не функционирует как доход. В этом отношении „основной капитал“ каждого отдельного капиталиста ничем не отличается от основного капитала общества. Но другие части стоимости годового продукта общества, состоящего из средств производства — части стоимости, которые, следовательно, существуют в виде соответственных долей всей этой массы средств производства, — правда, образуют в то же время доходы всех агентов, участвующих в этом производстве: заработную плату рабочих, прибыль и ренту капиталистов. Но для общества они образуют не доход, а капитал, хотя годовой продукт общества представляет просто сумму продуктов индивидуальных капиталистов, принадлежащих к этому обществу. Большая их часть уже по самой своей природе может функционировать лишь в качестве средств производства, и даже те из них, которые в случае нужды могли бы функционировать как средства потребления, предназначены служить сырым или вспомогательным материалом для нового производства. Они функционируют как таковой — следовательно, как капитал, — но не в руках своих производителей, а в руках тех, кто употребляет их, а именно:

III. Капиталистов второго подразделения, непосредственных производителей предметов потребления. Они возмещают капитал, потребленный на производство средств потребления (поскольку этот капитал не превращается в рабочую силу, т.-е. поскольку он не представляет суммы заработных плат рабочих этого второго подразделения). Этот потребленный капитал, который в форме средств потребления

находится теперь в руках капиталистов, производящих средства потребления, в свою очередь с общественной точки зрения образует потребительный фонд, в котором капиталисты и рабочие первого подразделения реализуют свои доходы.

Если бы А. Смит продолжил свой анализ до этих пределов, то он подошел бы почти вплотную к решению всей проблемы. Он был уже совсем близок к пониманию вопроса, так как он уже заметил, что определенные части стоимости одного вида (средства производства) товарного капитала, из которых состоит весь годовой продукт общества, образуют, правда, доход индивидуальных рабочих и капиталистов, занятых их производством, но не образуют составной части дохода общества; напротив, часть стоимости другого вида (предметов потребления), хотя и образует капитальную стоимость для индивидуальных собственников этой части, — для капиталистов, занятых в этой сфере приложения капитала, — но все же образует некоторую часть общественного дохода.

Но из всего сказанного выше следует:

Во-первых. Общественный капитал равняется лишь сумме индивидуальных капиталов, а потому и годовой товарный продукт (или товарный капитал) общества равняется сумме товарных продуктов этих индивидуальных капиталов. Хотя отсюда следует, что разложение товарной стоимости на ее составные части, правильное для всякого индивидуального товарного капитала, должно оказаться правильным и для капитала всего общества, и хотя в конечном счете оно действительно оказывается правильным, тем не менее та форма проявления, в которой это разложение товарной стоимости находит себе выражение в общественном процессе воспроизводства, взятом как целое, оказывается иною.

Во-вторых. Даже на базисе простого воспроизводства находит себе место не только производство заработной платы (переменного капитала) и прибавочной стоимости, но и прямое производство новой постоянной капитальной стоимости, хотя рабочий день состоит только из двух частей: из одной части, в течение которой рабочий возмещает переменный капитал, в действительности производит эквивалент, необходимый для покупки его рабочей силы, и из второй части, в течение которой он производит прибавочную стоимость (прибыль, ренту и т. д.). Именно тот ежедневный труд, который затрачивается на воспроизводство средств производства — и стоимость которого распадается на заработную плату и прибавочную стоимость, — именно этот труд реализуется в новых средствах производства, возмещающих постоянную часть капитала, израсходованную на производство средств потребления. X

Главные затруднения, большая часть которых уже разрешена в предыдущем, представляются при исследовании не накопления, а простого воспроизводства. Вот почему, когда дело касается движения годового продукта общества и его воспроизводства, обслуживаемого обращением, А. Смит и — раньше — Кенэ (*Tableau économique*) исходили из простого воспроизводства.

2) Разложение меновой стоимости у Смита на $v + m$

Согласно догме А. Смита, цена или меновая стоимость (*exchangeable value*) каждого отдельного товара, а следовательно, и всех товаров совокупность которых составляет годовой продукт общества (он правильно повсюду предполагает капиталистическое производство), складывается из трех составных частей (*component parts*), или разлагается на (*resolves itself into*) заработную плату, прибыль и ренту. Догму эту можно свести к тому, что товарная стоимость $= v + m$, т.-е. равняется стоимости авансированного переменного капитала $+ прибавочная стоимость$. Такое сведение прибыли и ренты к тому общему и единому, что мы называем m , мы можем произвести с прямого согласия А. Смита, как это видно из последующих цитат, в которых мы сначала опускаем все побочные пункты, т.-е. все кажущиеся или действительные отклонения от догмы, согласно которой товарная стоимость состоит исключительно из элементов, которые мы обозначаем как $v + m$.

В мануфактуре „стоимость, которую рабочие присоединяют к материалам, разлагается на... две части, из которых одна покрывает их заработную плату, а другая прибыль тому, кто дает им работу, на весь капитал, авансированный им на материал и на заработную плату“ (кн. I, гл. 6, стр. 41). — „Хотя мануфактуристу“ [мануфактурному рабочему] „его заработная плата и авансируется хозяином, но в действительности она ничего не стоит этому последнему, так как стоимость этой заработной платы, вместе с прибылью, обыкновенно удерживается (*reserved*) в увеличившейся стоимости предмета, на который был употреблен труд рабочего“ (кн. II, гл. 3, стр. 221). Часть капитала (*stock*), затраченная на „содержание производительного труда... после того как она послужила ему [предпринимателю], функционируя как капитал... образует их [рабочих] доход“ (кн. II, гл. 3, стр. 223).

А. Смит в только что цитированной главе прямо говорит: „Весь годового продукт земли и труда каждой страны... сам по себе (*naturally*) распадается на две части. Одна из этих частей, и часто наибольшая, прежде всего предназначена возместить капитал и возобновить средства существования, сырые материалы и готовые продукты, взятые из капитала. Другая часть предназначена образовать доход или для

собственника этого капитала — тогда она является прибылью на его капитал, — или доход для кого-либо другого — тогда она представляет ренту с его землевладения“ (стр. 222). Только одна часть капитала, как мы раньше слышали от А. Смита, образует в то же время доход для кого-либо, а именно та часть, которая затрачена на покупку производительного труда. Эта часть — переменный капитал — сперва „функционирует как капитал“ в руках владельца и в его пользу, а затем „образует доход“ самих производительных рабочих. Капиталист превращает часть своей капитальной стоимости в рабочую силу и тем самым превращает ее в переменный капитал; лишь благодаря такому превращению не только эта часть капитала, но и весь его капитал функционирует как промышленный капитал. Рабочий — продавец рабочей силы — получает ее стоимость в форме заработной платы. В его руках рабочая сила представляет лишь годный к продаже товар, — товар, продажей которого он живет и который поэтому является единственным источником его дохода. В качестве переменного капитала рабочая сила функционирует лишь в руках ее покупателя капиталиста, и самую покупную цену ее капиталист авансирует лишь по видимости, так как ее стоимость уже раньше доставлена ему рабочими.

После того как А. Смит показал нам таким образом, что стоимость мануфактурного продукта $= v + m$ (где m = прибыли капиталиста), он говорит нам, что в земледелии рабочие, кроме „воспроизводства стоимости, равной их собственному потреблению и капиталу, дающему им работу“ [переменному капиталу], „вместе с прибылью капиталиста“, кроме „капитала арендатора и всей его прибыли, регулярно воспроизводят также еще и ренту землевладельца“ (кн. II, гл. 5, стр. 243). То обстоятельство, что рента идет в руки землевладельца, совершенно безразлично по отношению к вопросу, который мы рассматриваем. Прежде чем попасть в его руки, она должна существовать в руках арендатора, т. е. в руках промышленного капиталиста. Прежде чем сделаться чьим-либо доходом, она должна послужить составной частью стоимости продукта. Следовательно, и рента и прибыль у самого А. Смита суть лишь составные части прибавочной стоимости, которые постоянно воспроизводятся производительным рабочим одновременно с его собственной заработной платой, т. е. вместе с стоимостью переменного капитала. Следовательно, рента и прибыль суть части прибавочной стоимости m , а потому у А. Смита цена всех товаров разлагается на $v + m$.

Догма, согласно которой цена всех товаров (следовательно, и цена годового товарного продукта) разлагается на заработную плату плюс прибыль, плюс земельная рента, в проскальзывающей повсюду эзотерической

части работы Смита уже принимает и такую форму, что стоимость всякого товара, а следовательно, и стоимость годового товарного продукта общества $= v + m =$ капитальной стоимости, затраченной на рабочую силу и постоянно воспроизводимой рабочим, плюс прибавочная стоимость, присоединенная рабочими посредством их труда.

Этот конечный итог А. Смита в то же время открывает нам — см. ниже — источник его одностороннего анализа составных частей на которые может быть разложена товарная стоимость. Что эти составные части образуют одновременно различные источники дохода для различных классов, функционирующих в производстве, — это обстоятельство не имеет никакого отношения ни к определению величины каждой отдельной из этих составных частей, ни к величине суммы их стоимостей.

В словах А. Смита: „заработная плата, прибыль и земельная рента суть три первоисточника как всякого дохода, так и всякой меновой стоимости; всякий же другой доход в последнем счете проистекает от одного из них“ (кн. I, гл. 6, стр. 48), — в этих словах собраны в одну кучу всевозможные *quid pro quo*.

1) Все члены общества, не принимающие прямого участия в воспроизводстве, будет ли то участие трудом или участие без труда, могут получить свою долю годового товарного продукта — т.-е. средства своего потребления — в первую очередь лишь из рук тех классов, которым в первую очередь достается продукт: из рук производительных рабочих, промышленных капиталистов и землевладельцев. В этом смысле их доходы материально происходят от заработной платы (производительных рабочих), прибыли и земельной ренты и потому являются доходами производными по отношению к этим первичным доходам. С другой стороны, эти производные в таком смысле доходы приобретаются их получателями посредством их общественной функция как королей, попов, профессоров, проституток, солдат и т. д.; это дает им возможность видеть в своих функциях первичные источники их доходов.

2) Здесь-то забавная ошибка А. Смита и достигает своего кульминационного пункта: начав с правильного определения составных частей стоимости товара и с правильного определения суммы тех вновь произведенных стоимостей, которые воплощены в этих частях; указав затем, как эти составные части образуют такое же количество различных источников дохода ³⁹⁾, выведи таким образом доходы из стоимости, он действует потом в обратном порядке — и это остается у

³⁹⁾ Я воспроизвожу эту фразу дословно, как она находится в рукописи, хотя в данной связи она как будто противоречит как предыдущему, так и непосредственно следующему. Это кажущееся противоречие разрешается ниже, под цифрой 4: „Капитал и доход у А. Смита“. — Ф. Э.

него господствующим представлением — и превращает доходы из „составных частей“ (component parts) в „первоисточники всякой меновой стоимости“, чем широко открывает двери вульгарной экономии. (См. нашего Рошера).

3) Постоянная часть капитала.

Посмотрим теперь, путем какого колдовства пытается А. Смит изгнать из товарной стоимости постоянную часть капитальной стоимости.

„Часть цены зерна, например, оплачивает ренту землевладельца“. Происхождение этой составной части стоимости не имеет никакого отношения к тому обстоятельству, что она уплачивается землевладельцу и в форме ренты образует его доход; точно так же происхождение других составных частей стоимости не имеет никакого отношения к тому, что они, подобно прибыли и заработной плате, тоже образуют источники дохода.

„Другая часть окупает заработную плату и содержание рабочих“ [и рабочего скота, — добавляет он], „которые были заняты производством зерна, а третья часть оплачивает прибыль фермера. Эти три части, как кажется“ [seem, — действительно, так кажется], „или непосредственно или в конечном счете составляет всю цену зерна“⁴⁰⁾. Вся эта цена, т.-е. ее величина, совершенно не зависит от ее распределения между тремя видами лиц. „Необходима, повидимому, четвертая часть, чтобы возместить капитал арендатора или чтобы возместить снашивание его рабочего скота и других сельскохозяйственных принадлежностей. Но следует принять во внимание, что цена какой бы то ни было принадлежности земледелия, напр., цена рабочей лошади, в свою очередь составляется из вышеупомянутых трех частей: ренты на землю, на которой она выращена, труда по уходу за лошадью и прибыли фермера, который авансирует и ренту с этой земли и плату за этот труд. Поэтому, хотя цена зерна и может возместить как цену, так и издержки по содержанию лошади, все же цена непосредственно или в конечном счете целиком разлагается на те же три части: „земельную ренту, труд“ [он подразумевает заработную плату] „и прибыль“ (кн. I, гл. 6, стр. 42).

⁴⁰⁾ Мы уже совершенно не говорим о том, что Адаму особенно не повезло с его примером. Стоимость зерна только потому и разлагается на заработную плату, прибыль и ренту, что корм, съеденный рабочим скотом, представлен как заработная плата рабочего скота, а сам рабочий скот — как наемные рабочие, а следовательно и вахный рабочий — как рабочий скот. (Добавление из II рукописи).

Вот буквально все, что делает А. Смит для обоснования своей удивительной доктрины. Его доказательство сводится просто к повторению одного и того же утверждения. Напр., он допускает, что цена хлеба состоит не только из $v + m$, но, кроме того, и из цены средств производства, употребленных на производство зерна, следовательно, из капитальной стоимости, которую арендатор затратил не на рабочую силу. Однако, — говорит он, — цены всех этих средств производства в свою очередь, распадаются, как и цена зерна, на $v + m$. А. Смит забывает только прибавить: кроме того, на цену средств производства, потребленных на их собственное производство. От одной отрасли производства он отсылает к другой, а от другой снова отсылает к третьей. Утверждение, что вся цена товаров „непосредственно“ или „в конечном счете“ (ultimately) разлагается на $v + m$, лишь в том случае не было бы пустой уверткой, если бы было показано, что товарные продукты, цена которых непосредственно разлагается на c (цена потребленных средств производства) $+ v + m$, в конце концов компенсируются товарными продуктами, возмещающими эти „потребленные средства производства“ во всем их объеме и произведенными, в противоположность первым товарным продуктам, при посредстве затраты только переменного капитала, т.-е. капитала, расходуемого исключительно на рабочую силу. В таком случае цена последних товарных продуктов непосредственно была бы $= v + m$. Поэтому и цена первых товарных продуктов $c + v + m$, где c фигурирует, как постоянная часть капитала, в конце концов могла бы быть разложена на $v + m$. А. Смит сам не думал, что он дает такого рода доказательство, приводя пример с собирателями scotch pebbles, которые, впрочем, согласно его утверждению: 1) не доставляют никакой прибавочной стоимости, а производят лишь собственную заработную плату; 2) не употребляют никаких средств производства (однако же и они употребляют средства производства в виде корзин, мешков и других приспособлений для того, чтобы уносить камешки).

Мы уже раньше видели, что А. Смит позже сам опровергает свою собственную теорию, не сознавая однако своих противоречий. Но источника их следует искать как раз в его научных исходных пунктах. Капитал, обращенный в труд, производит большую стоимость, чем его собственная стоимость. Каким образом? Вследствие того, говорит А. Смит, что рабочие во время производственного процесса предметам, подвергающимся обработке, придают такую стоимость, которая кроме эквивалента их собственной покупной цены образует прибавочную стоимость (прибыль и ренту), достаемую не им, а тем, кто применяет их труд. Но это и все, что они доставляют и могут доставить. То, что правильно относительно однодневного промышленного

труда, правильно и по отношению к тому труду, который весь класс капиталистов приводит в движение в течение года. Поэтому общая масса вновь произведенной обществом годовой стоимости может быть разложена лишь на $v + m$, на эквивалент, которым рабочие возмещают капитальную стоимость, затраченную в виде их собственной покупной цены, и на дополнительную стоимость, которую они сверх того должны доставить нанимателю. Но оба эти элемента стоимости товаров в то же время образуют источники дохода различных классов, принимающих участие в воспроизводстве: первый — заработную плату, доход рабочих; второй — прибавочную стоимость, из которой промышленный капиталист удерживает себе одну часть в форме прибыли, а другую уступает как ренту, как доход землевладельца. Итак, откуда же могла бы явиться еще одна составная часть стоимости, когда вновь произведенная годичная стоимость не содержит никаких иных элементов, кроме $v + m$? Мы стоим здесь на почве простого воспроизводства. Если вся годовая сумма труда разлагается на труд, необходимый для воспроизводства капитальной стоимости, затраченной на рабочую силу, и на труд, необходимый для создания прибавочной стоимости, то откуда еще мог бы вообще взяться труд для производства капитальной стоимости, затраченной не на рабочую силу?

Дело обстоит следующим образом:

1) А. Смит определяет стоимость товара тем количеством труда которое наемный рабочий присоединяет (adds) к предмету труда. Он говорит буквально: „к материалам“, потому что у него речь идет о мануфактуре, которая сама уже перерабатывает продукты труда; но это несколько не изменяет дела. Стоимость, которую рабочий присоединяет (и это „adds“ есть выражение Адама) к предмету, совершенно не зависит от того обстоятельства, обладал ли до этого момента стоимостью сам предмет, к которому присоединяется стоимость, или нет. Таким образом рабочий создает новую стоимость в товарной форме. По А. Смиту часть этой стоимости является эквивалентом заработной платы рабочего; следовательно, эта часть определяется размером стоимости его заработной платы. Чтобы произвести или воспроизвести стоимость, равную его заработной плате, ему придется присоединить большее или меньшее количество труда, в зависимости от того, насколько велика его заработная плата. Но, с другой стороны, рабочий сверх определяемой таким образом границы присоединяет дальнейший труд, который образует прибавочную стоимость для капиталиста, дающего ему работу. Остается ли эта прибавочная стоимость целиком в руках капиталиста, или часть ее приходится уступить третьим лицам, это абсолютно ничего не изменяет ни в качественном (стоимость эта все-таки остается прибавочной), ни в количественном (в смысле вели-

чины) характере прибавочной стоимости, присоединенной наемным рабочим. Это — стоимость, как и всякая другая часть стоимости продукта, но она отличается тем, что рабочий не получил за нее никакого эквивалента и впоследствии не получит его: капиталист, напротив, присваивает ее без эквивалента. Общая стоимость товара определяется количеством труда, потраченного рабочим на его производство. Часть этой общей стоимости определяется тем, что она равна стоимости заработной платы, т.-е. является ее эквивалентом. Поэтому другая часть, прибавочная стоимость по необходимости определяется точно так же она равна общей стоимости продукта минус часть стоимости этого последнего, представляющая эквивалент заработной платы; следовательно, она равна излишку новой стоимости, созданной при производстве товара, по сравнению с той частью заключающейся в продукте стоимости, которая равна эквиваленту заработной платы.

2) То, что правильно по отношению к товару, произведенному в отдельном промышленном предприятии каждым отдельным рабочим, правильно и по отношению к годовому продукту всех отраслей предприятий в целом. То, что относится к дневному труду индивидуального производительного рабочего, правильно и по отношению ко всему годовому труду, приведенному в движение всем производительным рабочим классом. Он „фиксирует“ (выражение Смита) в годовом продукте общую стоимость, определяемую количеством труда, затраченного в продолжение года, и эта общая стоимость распадается на две части: одна часть определяется тем количеством годового труда, посредством которого рабочий класс создает эквивалент своей годичной заработной платы, в действительности самое эту заработную плату; другая часть определяется дополнительным годовым трудом, посредством которого рабочий создает прибавочную стоимость для класса капиталистов. Следовательно, заключающаяся в годовом продукте новая годовая стоимость состоит лишь из двух элементов: из эквивалента годичной заработной платы, полученной рабочим классом, и годовой прибавочной стоимости, доставленной классу капиталистов. Но годовая заработная плата составляет доход рабочего класса, годовая сумма прибавочной стоимости — доход класса капиталистов. Таким образом обе части стоимости представляют (и эта точка зрения правильна, когда речь идет о простом воспроизводстве) относительные доли в годовом фонде потребления и в нем находят себе реализацию. Следовательно, нигде не остается места для постоянной капитальной стоимости, для воспроизводства капитала, функционирующего в форме средств производства. Но во введении к своей работе А. Смит прямо говорит, что все части товарной стоимости, функционирующие как доход, совпадают с годовым продуктом труда, предназначенным образовать общественный

потребительный фонд: „Разъяснить, из чего вообще состоял доход народа, или какова природа фонда, который... доставлял (supplied) ему потребление в течение года,— вот цель этих первых четырех книг“ (стр. 12). И в первой же фразе введения говорится: „Годовой труд каждой нации является тем фондом, который в конечном счете снабжает ее всеми средствами существования, которые она потребляет в течение года и которые всегда состоят или из непосредственного продукта этого труда, или из предметов, покупаемых на этот продукт у других наций“ (стр. 11).

Первая¹ ошибка А. Смита заключается в том, что он не делает различия между стоимостью годового продукта и вновь созданной годовой стоимостью. Последняя является продуктом только труда истекшего года; первая включает в себе кроме того все те элементы стоимости, которые были потреблены на производство годового продукта, но произведены в предшествовавший год, а частью и в ранее истекшие годы: средства производства, стоимость которых лишь появляется вновь, и которые, что касается их стоимости, не были ни произведены, ни воспроизведены трудом, израсходованным в течение последнего года. Посредством такого смешения двух различных вещей А. Смит отбрасывает постоянную часть стоимости годового продукта. Само это смешение является следствием другой ошибки его основной точки зрения: он не различает двойственного характера самого труда,— труда, поскольку он, представляя расходование рабочей силы, создает стоимость, и поскольку он в качестве конкретного полезного труда создает предметы потребления (потребительную стоимость). Общая сумма произведенных за год товаров, т. е. весь годовой продукт, есть продукт полезного труда, действовавшего за последний год; все эти товары существуют лишь вследствие того, что общественно примененный труд был израсходован в многообразно разветвленной системе различных видов полезного труда. Только поэтому в их общей стоимости стоимость средств производства, потребленных на их производство, сохранилась, опять появившись в новой натуральной форме. Следовательно, общий годовой продукт есть результат полезного труда, затраченного в течение года. Но в течение года создается вновь лишь известная часть стоимости годового продукта; эта часть есть вновь созданная годовая стоимость, в которой воплощена сумма труда, приведенного в движение в течение данного года.

Следовательно, когда А. Смит в только что цитированном месте говорит: „Годовой труд каждой нации является тем фондом, который в конечном счете снабжает ее всеми средствами существования, потребляемыми в течение года“, и т. д., то он односторонне становится

на точку зрения исключительно того полезного труда, который только и придал всем этим средствам существования форму, пригодную для потребления. Но он забывает, что это было бы невозможно без содействия средств труда и предметов труда, перешедших от прежних лет, и что поэтому „годовой труд“, поскольку он создал стоимость, ни в каком случае не создал всей стоимости изготовленного им продукта; он забывает, что вновь созданная стоимость меньше, чем стоимость продукта.

Если А. Смит и нельзя поставить в упрек, что он в этом анализе шел лишь до тех пределов, как все его последователи (хотя попытка к правильному решению вопроса имеется уже у физиократов), однако нельзя не сказать, что в дальнейшем он теряется в хаосе, главным образом потому, что его „эзотерическое“ понимание товарной стоимости постоянно перекрещивается с экзотерическим, которое в большинстве случаев берет перевес, хотя научный инстинкт время-от-времени снова и снова заставляет выдвинуть эзотерическую точку зрения.

4) Капитал и доход у А. Смита.

Часть стоимости каждого товара (а потому и годового продукта), образующая только эквивалент заработной платы, равняется капиталу, авансированному капиталистом на заработную плату, т.-е. равняется переменной составной части всего авансированного им капитала. Эту составную часть авансированной капитальной стоимости капиталист получает обратно при посредстве вновь произведенной составной части стоимости товара, доставленного наемными рабочими. Авансирует ли капиталист переменный капитал в том смысле, что он выплачивает деньгами приходящуюся на долю рабочего часть еще неготового к продаже продукта, или же хотя и готового, но еще не проданного капиталистом, платит ли он рабочему деньгами, уже полученными от продажи произведенного рабочим товара, или при помощи кредита антиципирует получение этих денег за произведенные товары,— во всех этих случаях капиталист расходует переменный капитал, который притеняет к рабочим в виде денег, но, с другой стороны, во всех этих случаях он владеет эквивалентом этой капитальной стоимости в виде той части стоимости товаров, в которой рабочий вновь произвел приходящуюся на его долю часть общей стоимости, другими словами, в которой он произвел стоимость своей собственной заработной платы. Вместо того чтобы дать рабочему эту часть стоимости в натуральной форме произведенного им же самим продукта, капиталист выплачивает ему эту часть стоимости деньгами. Таким образом для капиталиста переменная составная часть авансированной им капитальной стоимости

существует в товарной форме, тогда как рабочий получил эквивалент за проданную им рабочую силу в денежной форме

Следовательно, в то время как часть авансированного капиталистом капитала, превращенная покупкой рабочей силы в переменный капитал, функционирует в самом производственном процессе как рабочая сила, проявляющаяся в действии, в то время как посредством расходования этой силы переменная часть авансированного капитала вновь производится в товарной форме как новая стоимость, другими словами, в то время, как она воспроизводится, — итак, перед нами воспроизводство, т.-е. новое производство авансированной капитальной стоимости! — рабочий расходует стоимость, соответственно — цену, проданной им рабочей силы на средства существования, на средства воспроизводства своей рабочей силы. Сумма денег, равная переменному капиталу, составляет его доход, такой приход, который сохраняется лишь до тех пор, пока он в состоянии продавать свою рабочую силу капиталистам.

Товар наемного рабочего — его рабочая сила — функционирует в качестве товара лишь постольку, поскольку она присоединяется к капиталу капиталиста; с другой стороны, капитал капиталиста, израсходованный в виде денежного капитала на покупку рабочей силы, функционирует как доход для продавца рабочей силы, для наемного рабочего.

Здесь переплетаются различные процессы обращения и производства, которых А. Смит не разграничивает

Во-первых. Акты, относящиеся к процессу обращения: рабочий продает свой товар — рабочую силу — капиталисту; деньги, на которые капиталист покупает ее, являются деньгами, применяемыми с целью увеличения их стоимости, т.-е. денежным капиталом; капитал этот не израсходован, а лишь авансирован. (В этом заключается истинный смысл „авансирования“ — *avance* физиократов, — совершенно независимо от того, откуда сам капиталист берет деньги. Для капиталиста авансированной является всякая стоимость, которую он выдает для производственного процесса, независимо от того, происходит ли это до или *post festum*. Она авансируется самому процессу производства.) Здесь происходит лишь то же, что при всякой продаже товаров: продавец отдает потребительную стоимость (в данном случае рабочую силу) и получает ее стоимость (реализует ее цену) в деньгах; покупатель отдает свои деньги и получает взамен товары — в данном случае рабочую силу.

Во-вторых. В процессе производства кушленная рабочая сила образует теперь часть функционирующего капитала, а сам рабочий функционирует здесь лишь как особая натуральная форма этого капи-

тала, отличная от тех его элементов, которые существуют в натуральной форме средств производства. В продолжение процесса рабочий к средствам производства, которые он превращает в продукт, посредством затраты своей рабочей силы присоединяет стоимость, равную стоимости его рабочей силы (оставляя в стороне прибавочную стоимость); следовательно, он воспроизводит для капиталиста в товарной форме ту часть капитала, которая авансирована или будет авансирована ему капиталистом в виде заработной платы; рабочий производит для капиталиста эквивалент этой платы. Следовательно, он производит для капиталиста капитал, который капиталист может снова „авансировать“ на закупку рабочей силы.

В-третьих. Следовательно, при продаже товара часть продажной цены возмещает капиталисту авансированный им переменный капитал и этим дает ему возможность снова покупать рабочую силу, а рабочему снова ее продавать

При всех актах купли-продажи товаров — поскольку речь идет, только о самих этих сделках — совершенно безразлично, что сделает продавец с вырученными за свой товар деньгами и что сделает покупатель с купленными им предметами потребления. Следовательно, поскольку дело идет только о процессе обращения, совершенно безразлично то обстоятельство, что купленная капиталистом рабочая сила воспроизводит для него капитальную стоимость, и что, с другой стороны, деньги, вырученные от продажи рабочей силы, составляют доход для рабочего. Величина стоимости предмета торговли рабочего, его рабочей силы, несколько не зависит от того, что она образует его „доход“, равно как и от того, что употребление, которое покупатель дает торговой статье рабочего, воспроизводит для покупателя капитальную стоимость.

Доходом, которым должен существовать рабочий, заработная плата становится потому, что стоимость рабочей силы, т.-е. адекватная покупная цена этого товара — определяется количеством труда, необходимым для ее воспроизводства, а самое это количество труда определяется здесь тем количеством труда, которое требуется для производства необходимых средств существования рабочего, т.-е. количеством труда, необходимым для поддержания его жизни.

Совершенно неправильным является утверждение А. Смита (стр. 223): „Часть капитала, затраченная на содержание производительного труда... послужив ему“ [капиталисту] „в функции капитала... образует доход для них“ [рабочих]. Деньги, которыми капиталист оплачивает купленную им рабочую силу, „служат ему, функционируя как капитал“, поскольку он посредством их присоединяет рабочую силу к материальным составным частям своего капитала, и только это и

делает вообще возможным функционирование его капитала в качестве производительного капитала. Мы должны проводить следующее различие: рабочая сила для рабочего является товаром, а не капиталом; ею обусловливается доход для него лишь постольку, поскольку он может постоянно повторять ее продажу; как капитал она функционирует после продажи, в руках капиталиста, во время самого процесса производства. При этом рабочая сила несет двойную службу: для рабочего она служит товаром, который продается по его стоимости; для капиталиста, который купил ее, она служит силой, производящей стоимость и потребительную стоимость. Но деньги, получаемые рабочим от капиталиста, он получает лишь после того, как капиталист уже использовал его рабочую силу, после того, как она уже реализована в стоимости продукта труда. Капиталист владеет этой стоимостью, прежде чем оплатить ее. Следовательно, дважды функционируют не деньги: сначала как денежная форма переменного капитала, а потом как заработная плата. Дважды функционирует рабочая сила: во-первых, в качестве товара при продаже рабочей силы (при определении размера заработной платы, которая должна быть выдана, деньги играют роль просто идеальной меры стоимости, при чем их еще может и не быть в руках капиталиста); во-вторых, в процессе производства, где рабочая сила функционирует в распоряжении капиталиста как капитал, т.-е. как элемент, создающий потребительную стоимость и стоимость. Она уже доставила в товарной форме тот эквивалент, который придется выплатить рабочему, — доставила этот эквивалент раньше, чем капиталист выплатит его в денежной форме рабочему. Таким образом рабочий сам создает платежный фонд, из которого капиталист оплачивает его. Но это еще не все.

Деньги, получаемые рабочим, расходуются им на содержание своей рабочей силы, следовательно, — если рассматривать класс капиталистов и класс рабочих в их совокупности, — деньги эти расходуются рабочим, чтобы сохранить для капиталиста орудие, при посредстве которого он только и может оставаться капиталистом.

Таким образом постоянная купля и продажа рабочей силы увековечивает, с одной стороны, рабочую силу как элемент капитала; вследствие этого последний представляется создателем товаров, предметов потребления, обладающих стоимостью; по той же причине часть капитала, покупающая рабочую силу, постоянно восстанавливается произведенным ею самою продуктом, и, следовательно, сам рабочий постоянно создает тот фонд капитала, из которого ему платят. С другой стороны, постоянная продажа рабочей силы становится постоянно возобновляющимся источником средств существования рабочего, и таким образом его рабочая сила представляется способностью, посредством которой

он получает доход, которою он живет. Доход в этом случае означает не что иное, как присвоение стоимостей посредством постоянно повторяющейся продажи товара (рабочей силы), при чем сами эти стоимости служат лишь для постоянного воспроизводства продаваемого товара. И постольку А. Смит прав, говоря, что источником дохода для рабочего становится та часть стоимости созданного самим рабочим продукта, за которую капиталист выдает ему эквивалент в форме заработной платы. Но это ничего не изменяет ни в природе, ни в величине этой части стоимости товара: точно так же, как ничего не изменяется в стоимости средств производства от того обстоятельства, что они функционируют в качестве капитальных стоимостей, так не изменяются свойства и величина прямой линии от того, функционирует ли она в качестве основания треугольника или в качестве диаметра эллипсиса. Стоимость рабочей силы попрежнему определяется так же независимо от этого обстоятельства, как и стоимость средств производства. Эта часть стоимости товара ни состоит из дохода, как одного из образующих ее самостоятельных факторов, ни разлагается на доход. Хотя эта новая стоимость, постоянно воспроизводимая рабочим, и образует для него источник дохода, но, обратно, его доход не образует составной части производимой им новой стоимости. Величина уплачиваемой ему доли созданной им новой стоимости определяет размер стоимости его дохода, а не наоборот. То обстоятельство, что эта часть вновь созданной стоимости образует для него доход, указывает лишь на то, что с нею делается, на способ ее употребления, но точно так же не имеет никакого касательства к ее происхождению, как к происхождению всякой другой стоимости. Если я еженедельно получаю десять талеров, то факт получения мною этого еженедельного дохода ничего не изменяет ни в природе стоимости десяти талеров, ни в величине их стоимости. Как стоимость всякого другого товара, стоимость рабочей силы определяется количеством труда, необходимого для ее воспроизводства; характерным для этого товара (рабочей силы) является то обстоятельство, что это количество труда определяется стоимостью необходимых средств существования рабочего, т.-е. равняется труду, необходимому для воспроизводства средств его собственного существования. Но это обстоятельство ничуть не более характерно для стоимости рабочей силы, чем для стоимости вьючного скота то обстоятельство, что она определяется стоимостью средств существования, необходимых для его содержания, т.-е. массой человеческого труда, необходимой для того чтобы произвести эти средства существования.

Все несчастье А. Смита заключается в его категории „дохода“. Различные виды доходов образуют для него „component parts“, со-

ставные части ежегодно производимой, вновь создаваемой товарной стоимости, тогда как те две части, на которые распадается эта товарная стоимость для капиталиста — эквивалент его переменного капитала, авансированного в денежной форме при покупке труда, и другая часть стоимости, которая также принадлежит ему, хотя ничего ему не стоила, прибавочная стоимость, — в действительности эти две части товарной стоимости образуют источники доходов. Эквивалент переменного капитала снова авансируется на рабочую силу и постольку образует доход для рабочего в форме его заработной платы. Другая часть — прибавочная стоимость — не служит для возмещения капиталисту какой бы то ни было части авансированного капитала, и потому он может израсходовать ее на средства потребления (необходимые, а также предметы роскоши), может потребить ее как доход, не превращая ее в капитальную стоимость того или иного рода. Сама товарная стоимость является предпосылкой этого дохода, и ее составные части лишь постольку различаются в глазах капиталиста, поскольку они образуют или эквивалент за авансированную переменную капитальную стоимость, или излишек над авансированной переменной капитальной стоимостью. Обе части состоят не из чего иного, как из рабочей силы, израсходованной во время производства товара, приведенной в движение в процессе труда. Они представляют расходование, не доход или *revenue*; представляют расходование труда.

После этого *qui pro quo*, которое превращает доход в источник товарной стоимости, вместо того чтобы товарную стоимость сделать источником дохода, товарная стоимость оказывается „составленной“ из различного рода доходов. Они определяются независимо один от другого, и общая стоимость товара определяется суммой величин стоимости этих доходов. Но, спрашивается, каким образом определяется стоимость каждого из этих доходов, из которых должна возникнуть товарная стоимость? Пока дело идет о заработной плате, ясно, что она является стоимостью соответствующего товара, рабочей силы, а последняя определяется (подобно стоимости всякого другого товара) трудом, необходимым для воспроизводства этого товара. Но как определяется прибавочная стоимость или, согласно А. Смиту, две ее формы: прибыль и земельная рента? Здесь приходится отделаться простой болтовней. А. Смит то представляет заработную плату и прибавочную стоимость (в соответственных случаях заработную плату и прибыль) как составные части, из которых составляется товарная стоимость, а в соответственных случаях цена, то — и часто почти без всякой передышки — представляет их как части, на которые „разлагается“ (*resolves itself*) товарная цена; а это означает, наоборот, что

товарная стоимость есть наперед данное и что различные части этой уже данной стоимости в форме различных доходов достаются различным лицам, принимающим участие в производственном процессе. Но это ни в каком случае неравнозначнее с составлением стоимости из этих трех „составных частей“. Я могу самостоятельно определить величину трех различных прямых линий, а затем, взяв эти три линии в качестве „составных частей“, образовать четвертую прямую линию, равную по величине сумме трех линий. Это отнюдь не та же самая процедура, как если бы я, имея перед собою данную прямую линию, с той или иной целью стал бы делить, некоторым образом „разлагать“ ее на три различные части. В первом случае величина линии неизбежно изменяется с изменением величины трех линий, сумму которых она образует; в последнем случае величина трех частей линии заранее ограничена тем, что они составляют части линии данной величины.

Но будем держаться того, что есть правильного в изображении А. Смита: вновь созданная годовичным трудом стоимость, заключающаяся в годовом товарном продукте общества (как во всяком отдельном товаре или в дневном, недельном и т. п. продукте), равна стоимости авансированного переменного капитала (т.-е. части стоимости, вновь предназначенной на покупку рабочей силы) плюс прибавочная стоимость, которую капиталист может реализовать — при простом воспроизводстве и прочих равных условиях — в средствах своего индивидуального потребления; припомним, далее, что А. Смит сваливает в одну кучу труд, поскольку он создает стоимость, является затратой рабочей силы, и труд, поскольку он создает потребительную стоимость, т.-е. расходуется в полезной, целесообразной форме. В таком случае все представление А. Смита сводится к следующему: стоимость всякого товара есть продукт труда, а следовательно, и стоимость продукта годового труда есть стоимость годового общественного товарного продукта. Но всякий труд разлагается на 1) необходимое рабочее время, в течение которого рабочий только воспроизводит эквивалент капитала, авансированного на покупку его рабочей силы, и 2) прибавочный труд, посредством которого он доставляет капиталисту стоимость, за которую последний не уплачивает никакого эквивалента, т.-е. доставляет капиталисту прибавочную стоимость; таким образом всякая товарная стоимость может быть разложена лишь на эти две различные составные части и в конечном счете образует в качестве заработной платы доход рабочего класса, а в качестве прибавочной стоимости — доход класса капиталистов. Что касается постоянной капитальной стоимости, т.-е. стоимости средств производства, потребленных в производстве годового продукта, то хотя и нельзя сказать

если не обращать внимания на фразу, что капиталист присчитывает ее покупателю при продаже своего товара), каким образом эта стоимость входит в стоимость нового продукта, но так как сами средства производства представляют продукт труда, то в конечном счете — ultimately — эта часть стоимости опять — таки может состоять лишь из эквивалента переменного капитала и из прибавочной стоимости: из продукта необходимого труда и прибавочного труда. Если стоимости этих средств производства в руках тех, кто применяет их, функционируют как капитальные стоимости, однако это не мешает тому, что, раз мы доберемся до корня, то окажется, что „первоначально“, в других руках — хотя бы и раньше — их можно было бы разложить на те же самые двойного рода стоимости, т.-е. на два различных источника дохода.

Правильно во всем этом то, что в движении общественного капитала — т.-е. совокупности индивидуальных капиталов — дело представляется иначе, чем для каждого индивидуального капитала, взятого в отдельности, т.-е. чем оно представляется с точки зрения каждого отдельного капиталиста. Для последнего товарная стоимость разлагается на 1) постоянный элемент (четвертый, как говорит Смит) и 2) на сумму заработной платы и прибавочной стоимости, или, соответственно, заработной платы, прибыли и земельной ренты. С общественной точки зрения, наоборот, четвертый элемент Смита, постоянная капитальная стоимость, пропадает.

5) Резюме.

Бестолковая формула, согласно которой три вида дохода: заработная плата, прибыль, рента, образуют три „составных части“ товарной стоимости, вытекает у А. Смита из более правдоподобной формулы, по которой товарная стоимость *resolves itself*, разлагается на эти три составные части. Однако и это неправильно, даже если предположить, что товарная стоимость может быть разделена на эквивалент потребленной рабочей силы и на созданную последней прибавочную стоимость. Но и эта ошибка, в свою очередь, явилась результатом более глубокой, правильной основы. ✕ Капиталистическое производство основано на том, что производительный рабочий продает капиталисту свою собственную рабочую силу, как свой товар, и что в руках капиталиста она функционирует потом просто как элемент его производительного капитала. Эта сделка — продажа и купля рабочей силы — не только служит введением к производственному процессу, но и определяет *implicite* его специфический характер. ✕ Производство потребительной стоимости и даже производство товара (так как оно может совершаться

независимыми производительными рабочими) здесь является лишь средством для производства абсолютной и относительной прибавочной стоимости для капиталиста. Поэтому при анализе процесса производства мы видели, как производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости определяет 1) продолжительность ежедневного процесса труда, 2) весь общественный и технический строй капиталистического процесса производства. В нем самом осуществляется различие между простым сохранением стоимости (постоянной капитальной стоимости), действительным воспроизводством авансированной стоимости (эквивалента рабочей силы) и производством прибавочной стоимости, т.-е. стоимости, за которую капиталист ни раньше не авансировал ни *post festum* не авансирует никакого эквивалента.

Хотя присвоение прибавочной стоимости — стоимости, представляющей излишек над эквивалентом авансированной капиталистом стоимости — готовится куплей и продажей рабочей силы, однако оно представляет акт, который совершается в самом процессе производства и образует существенный момент последнего.

Предварительный акт, представляющий акт обращения: купля и продажа рабочей силы, в свою очередь, основывается на распределении элементов производства, предшествующем распределению общественных продуктов и являющемся предпосылкой последнего, именно, на отделении рабочей силы, как товара рабочего, от средств производства, как собственности не-рабочих.

Но вместе с тем это присвоение прибавочной стоимости или это разделение производства стоимости на воспроизводство авансированной стоимости и производство новой (прибавочной) стоимости, не возмещаемой никаким эквивалентом, ничего не изменяет ни в существе самой стоимости, ни в природе ее производства. Существо стоимости составляла и составляет израсходованная рабочая сила, — труд, независимо от особенного полезного характера этого труда, — а производство стоимости есть не что иное, как процесс этого расходования рабочей силы. Так, крепостной расходует в продолжение шести дней свою рабочую силу, работает в продолжение шести дней, и по отношению к самому факту этого расходования рабочей силы совершенно безразлично, если из этих рабочих дней крепостной работает, напр., три дня на себя на своем собственном поле, а три других дня на своего помещика на его поле. Как добровольный труд на себя, так и принудительный труд на господина представляют одинаково труд. Будем ли мы рассматривать шестидневный труд крепостного по отношению к созданным им стоимостям или по отношению к созданным им полезным продуктам, мы не найдем никаких различий в этом труде. Различие касается лишь тех различных отношений, которыми вызывается

расходование его рабочей силы в продолжение двух половин шестидневного рабочего времени. Совершенно так же обстоит дело с необходимым трудом и прибавочным трудом наемного рабочего.

Следы производственного процесса изглаживаются в товаре. Тот факт, что на его производство израсходована рабочая сила, представляется теперь как вещественное свойство товара,—как свойство товара обладать стоимостью; величина этой стоимости измеряется величиною израсходованного труда; ни на что другое товарная стоимость не разлагается и не состоит ни из чего другого. Если я провел прямую линию определенной величины, то я прежде всего „произвел“ прямую линию (правда, лишь символически, что я заранее знаю) при помощи чертежа, выполнение которого совершается согласно известным независимым от меня правилам (законам). Если я эту линию разделю на три отрезка (которые опять-таки могут соответствовать условию определенно поставленной задачи), то каждый из этих трех отрезков остается, как и был, прямой линией, а вся линия, части которой они представляют, вследствие такого деления не превратится во что-либо отличное от прямой линии, напр., в какую-нибудь кривую. Так же точно я не мог бы разделить линию данной длины таким образом, чтобы сумма этих частей была больше самой неразделенной линии; следовательно, величина неразделенной линии не может быть определена произвольно определенными протяжениями отдельных частей линии. Наоборот, относительные величины этих последних с самого начала ограничены пределами линии, частями которой они являются.

В этом отношении товар, произведенный капиталистом, ничем не отличается от товаров, произведенных самостоятельным рабочим, кооперацией рабочих или рабами. Однако в рассматриваемом нами случае весь продукт труда, как и вся его стоимость, принадлежит капиталисту. Как и всякий другой производитель, он должен сначала посредством продажи превратить товар в деньги, и только после того получит возможность дальнейших манипуляций: он должен превратить товар в форму всеобщего эквивалента.—

Рассмотрим товарный продукт до его превращения в деньги. Он целиком принадлежит капиталисту. С другой стороны, как полезный продукт труда, как потребительная стоимость, он целиком является продуктом прошлого процесса труда; не так с его стоимостью. Часть этой стоимости есть лишь появившаяся опять в новой форме стоимость средств производства, израсходованных в производстве товара; стоимость эта не была произведена во время процесса производства данного товара: этой стоимостью средства производства обладали еще до процесса производства, независимо от него; они вошли в этот процесс

как носители этой стоимости; обновилась и изменилась лишь форма ее проявления. Эта часть товарной стоимости образует для капиталиста эквивалент той части авансированной им постоянной капитальной стоимости, которая была потреблена во время производства товара. Раньше она существовала в форме средств производства; теперь она существует как составная часть стоимости вновь произведенного товара. Как только последний превращен в деньги, эта стоимость, существующая теперь в виде денег, должна быть снова превращена в средства производства, в свою первоначальную форму, определяемую процессом производства и функционированием ее в этом последнем. В характере стоимости товара ничто не изменяется вследствие функционирования этой стоимости в качестве капитала. —

Вторая часть стоимости товара есть стоимость рабочей силы, которую наемный рабочий продает капиталисту. Она определяется, как и стоимость средств производства, независимо от того процесса производства, в который должна войти рабочая сила, и, раньше чем войти в него, эта стоимость фиксируется в акте обращения купли и продажи рабочей силы. Своим функционированием, расходом своей рабочей силы, наемный рабочий производит товарную стоимость, равную стоимости, которую капиталист должен уплатить ему за пользование его рабочей силой. Он дает капиталисту эту стоимость в товаре, тот выплачивает ее рабочему в деньгах. Что эта часть товарной стоимости является для капиталиста лишь эквивалентом авансированного им на заработную плату переменного капитала, это обстоятельство ровно ничего не изменяет в том факте, что данная стоимость есть товарная стоимость, вновь созданная во время процесса производства, состоящая не из чего другого, как из того же, из чего состоит и прибавочная стоимость, именно из совершившегося расходования рабочей силы. На этот факт не оказывает никакого влияния и то обстоятельство, что стоимость рабочей силы, уплачиваемая капиталистом рабочему в форме заработной платы, принимает для рабочего форму дохода и что благодаря этому постоянно воспроизводится не только рабочая сила, но и класс наемных рабочих как таковой, а вместе с тем воспроизводится и основа всего капиталистического производства. <

Но сумма этих двух частей стоимости еще не составляет всей товарной стоимости. Остается излишек сравнительно с ними обеими: прибавочная стоимость. Эта последняя, как и часть стоимости, возмещающая авансированный на заработную плату переменный капитал, представляет стоимость, вновь созданную рабочим во время процесса производства, — представляет застывший труд. Дело только в том, что собственнику всего продукта, капиталисту, она ничего не стоит. Последнее обстоятельство позволяет капиталисту потратить ее целиком

как доход, если ему не приходится уделять часть ее другим издольщикам,—как, напр., земельную ренту землевладельцам, при чем соответствующие части образуют доход таких третьих лиц. Это же самое обстоятельство было тем побудительным мотивом, который вообще заставляет нашего капиталиста заняться производством товаров. Но ни первоначально руководившее им благое намерение получить прибавочную стоимость, ни последующее расходование как дохода этой прибавочной стоимости им и другими не оказывает никакого влияния на прибавочную стоимость как таковую. Все это ничего не изменяет в том, что она есть застывший неоплаченный труд, несколько не изменяет и ее величины, которая определяется совершенно другими условиями.

Но если А. Смит стремился одновременно с изучением товарной стоимости изучить — как он и делает — роль ее различных частей в процессе воспроизводства, взятом как целое, то было ясно, что раз определенные ее части функционируют как доход, то другие с таким же постоянством функционируют как капитал, а потому, согласно его логике, должны быть признаны составными частями товарной стоимости, или частями, на которые она разлагается.

А. Смит отождествляет товарное производство вообще с капиталистическим товарным производством; средства производства с самого начала являются „капиталом“, труд — с самого начала наемным трудом, и потому „число полезных и производительных рабочих всюду... пропорционально величине капитала, который употребляется на то, чтобы дать им работу“ (to the quantity of capital stock which is employed in setting them to work“. Introduction, p. 12). Одним словом, различные факторы процесса труда как вещественные, так и личные, с самого начала облекаются в характерные маски капиталистического периода производства. Поэтому анализ товарной стоимости непосредственно совпадает с выделением того, насколько эта стоимость составляет, с одной стороны, простой эквивалент затраченного капитала и насколько, с другой стороны, образует „свободную“ стоимость, не возмещающую какой-либо авансированной капитальной стоимости, т.-е. образует прибавочную стоимость. Таким образом части товарной стоимости, сопоставляемые одна с другою с этой точки зрения, незаметно превращаются в ее самостоятельные „составные части“ и наконец, в „источники всякой стоимости“. Дальнейшим выводом является то, что товарная стоимость составляется из различного рода доходов, а это чередуется с „разложением“ ее на доходы различного рода; таким образом не доходы составляются из товарной стоимости, а товарная стоимость из „доходов“. Но то обстоятельство, что товарная стоимость позднее функционирует в качестве чьего-нибудь дохода, так же не изменяет природы этой стоимости, как природа товарной стои-

ности как таковой или денег как таковых нисколько не изменяется, если они функционируют как капитальная стоимость. Товар, с которым А. Смит приходится иметь дело, с самого начала является товарным капиталом (который заключает в себе, кроме потребленной в производстве товара капитальной стоимости, еще и прибавочную стоимость), следовательно, капиталистически произведенным товаром, результатом капиталистического процесса производства. Поэтому следовало бы предварительно подвергнуть анализу этот последний, а вместе с тем и входящий в него процесс увеличения и образования стоимости. Но так как предпосылкой капиталистического процесса производства, в свою очередь, является товарное обращение, то его изображение требует, чтобы предварительно и независимо от него был произведен анализ товара. Даже когда А. Смит „эзотерически“ попадает по временам на правильный путь, производства стоимости он касается постоянно лишь при анализе товара, т.-е. при анализе товарного капитала.

III. Позднейшие экономисты ⁴¹⁾.

Рикардо почти дословно воспроизводит теорию А. Смита. „Не может быть двух мнений на тот счет, что все продукты страны потребляются, но составляет бесконечно большую разницу, потребляются ли они теми, кто воспроизводит другую стоимость, или теми, кто этого не делает. Когда мы говорим, что доход сберегается и присоединяется к капиталу, то мы хотим этим сказать, что часть дохода, присоединенная к капиталу, потребляется производительными рабочими вместо непроизводительных“ (Principes, стр. 163).

Действительно, Рикардо вполне принял теорию А. Смита относительно разложения товарной цены на заработную плату и прибавочную стоимость (или переменный капитал и прибавочную стоимость). Он оспаривает его 1) относительно составных частей прибавочной стоимости: из необходимых элементов ее он исключает земельную ренту; 2) Рикардо разлагает цену товара на эти составные части. Следовательно, величина стоимости для него *plus*. Рикардо предполагает, что сумма составных частей есть величина данная, он исходит из нее в противоположность А. Смиту, который часто, вразрез со своим собственным более глубоким взглядом, выводит величину стоимости товара *post festum* посредством сложения составных частей.

Рамсей возражает Рикардо: „Рикардо забывает, что весь продукт распределяется не только на заработную плату и прибыль, но что

⁴¹⁾ Отсюда и до конца главы приложение из рукописи II

часть его необходима для возмещения основного капитала“ (*An Essay on the Distribution of Wealth*. Edinburgh 1836, p. 174). Рамсей разумеет под основным капиталом то же самое, что я разумею под постоянным: „основной капитал существует в такой форме, в которой он хотя и способствует производству товара, находящегося в работе, но не содействует содержанию рабочих“ (стр. 53).

А. Смит восставал против необходимого вывода из его разложения товарной стоимости, а следовательно, и стоимости общественного годового продукта на заработную плату и прибавочную стоимость, следовательно, на простые доходы: против вывода, согласно которому мог бы быть потреблен весь годовой продукт, Оригинальные мыслители никогда не делают абсурдных выводов. Они предоставляют это Сэям и Мак-Куллохам

Действительно, Сэй легко расправляется с этим делом. То, что для одного является авансированным капиталом, для другого является доходом, чистым продуктом, или было им. Различие между валовым и чистым продуктом — чисто субъективное, и „таким образом общая стоимость всех продуктов распределилась в обществе как доход“ (*Say, Traité d'Econ. Pol.* 1817, II, стр. 69). „Общая стоимость всякого продукта слагается из прибылей землевладельцев, капиталистов и занимающихся промышленным трудом“ [заработная плата фигурирует здесь как *profits des industriels!*], „которые содействовали его производству. Благодаря этому доход общества равняется произведенной валовой стоимости, а не только чистому продукту земли, как полагала секта экономистов“ [физиократы] (стр. 63).

Это открытие Сэя присвоил себе, между прочим, и Прудон.

Шторх, который тоже в принципе принимает доктрину А. Смита, находит однако, что применение этого учения, сделанное Сэем, не выдерживает критики. „Если принять, что доход нации равняется ее валовому продукту, без какого бы то ни было вычета капитала“ [следовало сказать: постоянного капитала], „то следовало бы также признать, что эта нация может непроизводительно потребить всю стоимость годового продукта, не причинив ни малейшего ущерба своему будущему доходу... Продукты, которые составляют“ [постоянный] „капитал нации, не мугут быть потребляемы“ (*Storch, Considérations sur la nature du revenu national*. Paris 1824, стр. 150).

Но Шторх забыл сказать, как совместить существование этой постоянной части капитала с анализом цены, который он взял у Смита и согласно которому товарная стоимость содержит в себе только заработную плату и прибавочную стоимость, но не содержит ни части постоянного капитала. Только благодаря Сэю для него становится явным, что этот анализ цены приводит к абсурдным результатам, и его

заключительное слово по этому вопросу гласит: „невозможно разложить необходимую цену на ее простейшие элементы“ (Cours d'Écon. Pol. Pétersbourg 1815, II, p. 140).

Сямонди, которого в особенности занимало отношение капитала и дохода и который свое особое понимание этого отношения в сущности превратил в *differentia specifica* своих *Nouveaux Principes*, не сказал ни одного научного слова, не внес ни одного атома в выяснение проблемы.

Бартон, Рамсей и Шербюлье делают попытки возвыситься над пониманием Смита. Но они терпят неудачу, так как с самого начала они дают одностороннюю постановку проблемы, не проводя ясной границы между различием постоянного и переменного капитала и различием основного и оборотного капитала.

И Джон Стюарт Милль с обычной важностью воспроизводит доктрину, перешедшую по наследству от А. Смита к его последователям.

Результат: Смитовское смешение понятий продолжает существовать до настоящего времени, и догма Смита является ортодоксальным верованием политической экономии.

Глава двадцатая.

Простое воспроизводство.

И. Постановка вопроса

Если мы рассмотрим ⁴²⁾ годовое функционирование общественного капитала со стороны его результата, следовательно, функционирование всего капитала, по отношению к которому индивидуальные капиталы являются лишь его долями, при чем движение каждой из них, будучи ее индивидуальным движением, в то же время представляет слагающее звено в движении всего капитала,—т.-е. если мы рассмотрим товарный продукт, доставляемый обществом в течение года, то мы уясним, как совершается процесс воспроизводства общественного капитала, какие черты отличают этот процесс воспроизводства от процесса воспроизводства индивидуального капитала, и какие черты общи им обоим. Годовой продукт включает в себе как те части общественного продукта, которые возмещают капитал,—общественное воспроизводство,—так и те части, которые входят в фонд потребления, потребляются рабочими и капиталистами,—следовательно охватывает как производительное, так и индивидуальное потребление. Воспроизводство охватывает и воспроизводство (т.-е. сохранение) класса капиталистов и

⁴²⁾ Из рукописи II.

рабочего класса, а потому и воспроизводство капиталистического характера всего процесса производства.

Ясно, что нам следует анализировать фигуру обращения

$$T'' - \begin{cases} D - T \dots P \dots T' \\ d - t \end{cases}$$

; и притом потребление необходимо играет здесь известную роль: исходный пункт $T' = T + t$, товарный капитал, содержит как постоянную и переменную стоимость, так и прибавочную стоимость. Поэтому его движение охватывает как индивидуальное, так и производительное потребление. В кругооборотах $D - T \dots P \dots T' - D'$ и $P \dots T' - D' - T \dots P$ исходным и конечным пунктами является движение капитала. Конечно, тем самым сюда включается и потребление, так как товар, продукт, должен быть продан. Но раз предполагается, что это достигнуто, то для движения индивидуального капитала будет безразлично, что дальше сделается с этим товаром. Напротив, в движении $T' \dots T'$ заявляют о себе условия общественного воспроизводства, так как здесь приходится показать, что сделается с каждой частью стоимости всего этого продукта T' . Здесь процесс воспроизводства, как целое, в такой же мере заключает в себе процесс потребления, обслуживаемый обращением, как и собственно процесс воспроизводства капитала.

В виду стоящей перед нами цели мы должны рассмотреть процесс воспроизводства с точки зрения возмещения как стоимостей, так и вещества отдельных составных частей T' . Теперь мы уже не можем довольствоваться, как было при анализе стоимости продукта отдельного капитала, предположением, что отдельный капиталист, продавая свой товарный продукт, может превратить составные части своего капитала сначала в деньги, а потом, вновь закупая на товарном рынке элементы производства, превратить их снова в производительный капитал. Поскольку эти элементы производства имеют характер вещественных элементов, они точно так же образуют составную часть общественного капитала, как тот индивидуальный готовый продукт, который обменивается на них и возмещается ими. С другой стороны, движение той части общественного товарного продукта, которая потребляется рабочим при расходовании заработной платы и капиталистом при расходовании прибавочной стоимости, не только является составным звеном в движении всего продукта, но и переплетается с движением индивидуальных капиталов, и этого процесса нельзя поэтому объяснить таким образом, что мы просто предполагаем его.

Вопрос, который непосредственно встает перед нами, заключается в следующем: каким образом капитал, потребленный в производстве, возмещается по своей стоимости из годового продукта и каким образом процесс этого возмещения переплетается с потреблением прибавочной стоимости капиталистами и заработной платы рабочими? Сле-

довательно, в первую очередь вопрос касается воспроизводства в прежнем масштабе. Далее не только предполагается, что продукты обмениваются по своей стоимости, но что не происходит никаких переворотов в стоимости составных частей производительного капитала. Впрочем, что касается отклонения цен от стоимостей, это обстоятельство не может оказать какого-либо влияния на движение общественного капитала. При этом обменивались бы в общем итоге прежние количества продуктов, хотя отдельным капиталистам при этом достались бы доли стоимости, уже не пропорциональные их соответственным авансированиям и тем массам прибавочной стоимости, которые произведены каждым из них в отдельности. Что касается переворотов в стоимости, то, если они имеют всеобщий характер и распределяются равномерно, они не вызывают никаких перемен в отношениях между составными частями стоимости всего годового продукта. Напротив, если они имеют частичный характер и распределяются неравномерно, то они представляют нарушения, которые, во-первых, могут быть поняты как таковые лишь при том условии, если мы станем рассматривать их как отклонения от неизменяющихся отношений стоимости; но, во-вторых, раз показан закон, согласно которому одна часть годового продукта возмещает постоянный, другая—переменный капитал, то в этом законе ничего не изменила бы революция в стоимости постоянного ли, переменного ли капитала. Она изменила бы только относительную величину тех частей стоимости, которые функционируют в той или иной **муде**, так как на место первоначальных стоимостей выступили бы стоимости иной величины

Пока мы рассматривали производство стоимости и стоимость продукта капитала, как индивидуального капитала, для нашего анализа натуральная форма товарного продукта была совершенно безразлична,— безразлично, напр., состоит ли он из машин, или из хлеба, или из зеркал. Все эти натуральные формы были просто примером для нас, и всякая отрасль производства, какую бы мы ни взяли, одинаково могла служить для иллюстрации. Нам приходилось иметь дело непосредственно с самым процессом производства, который всегда представляется процессом индивидуального капитала. Если мы рассматривали воспроизводство капитала, нам достаточно было одного предположения: что часть товарного продукта, представляющая капитальную стоимость, находит в сфере обращения возможность совершить обратное превращение в элементы ее производства и, следовательно, в форму производительного капитала; совершенно так же нам достаточно было того предположения, что рабочий и капиталист находят на рынке товары, на которые они затрачивают заработную плату и прибавочную стоимость. Но этот чисто формальный прием изложения уже недо-

статочен, когда мы рассматриваем весь общественный капитал и стоимость его продукта. Обратное превращение одной части стоимости продукта в капитал, вступление другой части в сферу индивидуального потребления класса капиталистов и класса рабочих, представляет внутреннее движение в той самой стоимости продукта, которая является результатом всего капитала; и это движение есть возмещение не только стоимости, но и вещества, а потому оно в одинаковой мере обуславливается как соотношением составных частей стоимости общественного продукта, так и их потребительной стоимостью, их материальной формой.

Простое воспроизводство ⁴³⁾, воспроизводство в неизменяющемся масштабе, представляет абстракцию в том смысле, что, с одной стороны, отсутствие всякого накопления, или воспроизводства в расширенных размерах, является неправоподобным предположением при наличии капиталистического базиса, а, с другой стороны, отношения, в которых совершается производство, в различные годы не остаются абсолютно неизменными (что само собой разумеется). Наше предположение таково, что общественный капитал данной стоимости как в прошлом году, так и в текущем снова и снова доставляет прежнюю массу товарных стоимостей и удовлетворяет прежнее количество потребностей, хотя бы формы товаров и изменились в процессе воспроизводства. Впрочем, даже если совершается накопление, простое воспроизводство всегда представляет часть последнего, следовательно, его можно рассматривать обособленно, оно—реальный фактор накопления. Стоимость годового продукта может уменьшиться, хотя масса потребительных стоимостей остается прежняя; стоимость может остаться прежняя, хотя масса потребительных стоимостей уменьшается; масса стоимости и масса воспроизведенных потребительных стоимостей могут одновременно уменьшаться. И все это вытекало бы из того, что воспроизводство совершается или при более благоприятных условиях, чем были раньше, или при ухудшившихся условиях, при чем результатом последних может явиться несовершенное — недостаточное — воспроизводство. Однако все это имеет отношение лишь к количественной стороне различных элементов воспроизводства, а не к той роли, которую они играют в общем процессе как воспроизводящийся капитал или как воспроизведенный доход.

II. Два подразделения общественного производства ⁴⁴⁾.

Весь продукт, а следовательно, и все производство общества распадается на два больших подразделения:

⁴³⁾ Из рукописи VIII.

⁴⁴⁾ В существенном из рукописи II. Схема из рукописи VIII.

I. Средства производства, товары, имеющие форму, в которой они должны войти или по меньшей мере могут войти в сферу производительного потребления.

II. Средства потребления, товары, имеющие форму, в которой они входят в сферу индивидуального потребления класса капиталистов и рабочего класса.

В каждом из этих подразделений совокупность различных, относящихся к тому или иному из них, отраслей производства составляет одну единственную большую отрасль производства: в одном случае отрасль производства средств производства, в другом — средств потребления. Весь капитал, применяемый в каждой из этих двух отраслей производства, образует особое крупное подразделение общественного капитала.

Капитал в каждом подразделении распадается на две составных части:

1) Переменный капитал. Рассматриваемый с точки зрения стоимости, он равен стоимости общественной рабочей силы, применяемой в этой отрасли производства, следовательно, равен сумме заработной платы, израсходованной на эту рабочую силу. Рассматриваемый с материальной стороны, он состоит из самой рабочей силы, проявляющейся в деятельности, т.-е. из живого труда, приводимого в движение этой капитальной стоимостью.

2) Постоянный капитал, т.-е. стоимость всех средств производства, применяемых для производства в этой отрасли. В свою очередь они распадаются на основной капитал: машины, орудия труда, постройки, рабочий скот и т. д.; и оборотный постоянный капитал: материалы производства, как сырые и вспомогательные материалы, полуфабрикаты и т. д.

Стоимость всего годового продукта, произведенного в каждом из двух подразделений с помощью этого капитала, распадается на часть стоимости, представляющую постоянный капитал, потребленный в производстве и по своей стоимости лишь перенесенный на продукт, и часть стоимости, присоединенную всем трудом в течение года. Последняя опять-таки распадается на возмещение авансированного переменного капитала v и на излишек над ним, образующий прибавочную стоимость m . Следовательно, подобно стоимости всякого отдельного товара, и стоимость всего годового продукта в каждом подразделении распадается на $c + v + m$.

Часть стоимости c , представляющая постоянный капитал, потребленный в производстве, не совпадает с стоимостью постоянного капитала, приложенного к производству. Правда, производственные материалы потребляются целиком, и потому их стоимость целиком переносится на продукт. Но зато лишь некоторая часть применен-

ного основного капитала потребляется целиком, и, следовательно, лишь стоимость этой части переходит на продукт. Другая часть основного капитала, машины, здания и т. д., существует и продолжает функционировать попрежнему, хотя стоимость ее и уменьшилась вследствие годового снашивания. Если мы станем рассматривать стоимость продукта, этой продолжающей функционировать части основного капитала не существует для нас. Она составляет часть капитальной стоимости, независимую от этой вновь произведенной товарной стоимости, существующую на-ряду с нею. Это обнаружилось уже при рассмотрении стоимости продукта индивидуального капитала (книга I, глава VI). Но здесь мы должны пока что абстрагироваться от принятого там способа рассмотрения. Рассматривая стоимость продукта отдельного капитала, мы видели, что стоимость, утрачиваемая основным капиталом вследствие снашивания, переносится на товарный продукт, произведенный во время снашивания, — безразлично, возмещается ли за это время часть основного капитала *in natura* из этой переносимой стоимости или же нет. Напротив, здесь, рассматривая весь общественный продукт и его стоимость, мы вынуждены, по крайней мере на время, оставить в стороне часть стоимости, переносимую в течение года вследствие снашивания основного капитала на годовой продукт, абстрагироваться от нее, если только этот основной капитал не возмещается в течение года *in natura*. В позднейшем отделе главы мы особенно остановимся на этом пункте.

В основу нашего исследования простого воспроизводства мы положим следующую схему, в которой c = постоянному капиталу, v = переменному капиталу, m = прибавочной стоимости, и отношение воз-

растания стоимости $\frac{m}{v}$ принято в 100%. Числа могут означать миллионы марок, франков или фунтов стерлингов.

I. Производство средств производства:

$$\text{капитал} \dots\dots\dots 4.000 c + 1.000 v = 5.000,$$

$$\text{товарный продукт} \dots 4.000 c + 1.000 v + 1.000 m = 6.000,$$

существующий в виде средств производства.

II. Производство средств потребления:

$$\text{капитал} \dots\dots\dots 2.000 c + 500 v = 2.500,$$

$$\text{товарный продукт} \dots 2.000 c + 500 v + 500 m = 3.000,$$

существующий в виде средств потребления.

В общем итоге весь годовой товарный продукт:

$$\text{I. } 4.000 c + 1.000 v + 1.000 m = 6.000 \text{ средств производства,}$$

$$\text{II. } 2.000 c + 500 v + 500 m = 3.000 \text{ средств потребления.}$$

Вся стоимость = 9.000, при чем, согласно условию, отсюда исключен основной капитал, продолжающий функционировать в своей натуральной форме.

Если мы исследуем теперь превращения, необходимые на основе простого воспроизводства, при котором вся прибавочная стоимость потребляется непроизводительно, и при этом сначала оставим в стороне денежное обращение, которое служит посредствующим звеном, то у нас получатся прежде всего три существенных точки опоры.

1) 500 v, заработная плата рабочих, и 500 m, прибавочная стоимость капиталистов подразделения II, должны быть израсходованы на средства потребления. Но их стоимость существует в средствах потребления стоимостью на 1.000, которые для капиталистов подразделения II возмещают авансированные 500 v и представляют 500 m. Следовательно, заработная плата и прибавочная стоимость подразделения II обмениваются в пределах подразделения II на продукт II. Вместе с тем из всего продукта II исчезают (500 v + 500 m) II = 1.000 в виде средств потребления.

2) 1.000 v + 1.000 m подразделения I тоже должны быть израсходованы на средства потребления, следовательно, на продукт подразделения II. Следовательно, они должны быть обменены на остальную часть этого продукта, по размерам равную постоянной части капитала 2.000 c. Зато подразделение II получает равную сумму средств производства, продукт подразделения I, воплощающий стоимость 1.000 v + 1.000 m этого подразделения. Вместе с тем из счета исчезают 2.000 II c и (1.000 v + 1.000 m) I.

3) Остаются еще 4.000 I c. Они заключаются в средствах производства, которые могут быть использованы лишь в подразделении I и служат для возмещения потребленного в нем постоянного капитала; поэтому дело с ними заканчивается посредством обмена между отдельными капиталистами I точно так же, как с (500 v + 500 m) II оно закончилось посредством обмена между рабочими и капиталистами или между отдельными капиталистами II.

Этого мы коснулись пока лишь для лучшего уразумения последующего.

III. Обмен между двумя подразделениями: I (v + m) на II c ⁴⁵⁾.

Мы начинаем с крупного обмена между двумя классами (1.000 v + 1.000 m) I — эти стоимости, которые в руках производителей их существуют в натуральной форме средств производства, обмениваются

⁴⁵⁾ Отсюда опять рукопись VIII.

на 2.000 П с, на стоимости, существующие в натуральной форме средств потребления. Благодаря этому класс капиталистов II превратил свой постоянный капитал = 2.000 из формы средств потребления в форму средств производства средств потребления, в форму, в которой он снова может функционировать как фактор процесса труда, а по отношению к возрастанию стоимости — как постоянная капитальная стоимость. С другой стороны, благодаря этому эквивалент рабочей силы в I (1.000 I v) и прибавочная стоимость капиталистов I (1.000 I m) реализовались в средствах потребления; и то и другое из своей натуральной формы средств производства превратились в такую натуральную форму, в которой они могут быть потреблены как доход.

Но такое взаимное превращение осуществляется посредством обращения денег, которое обслуживает его в такой же мере, как затрудняет его понимание, но которое играет решающе важную роль, потому что переменная часть капитала снова и снова должна выступать в денежной форме, как денежный капитал, который из денежной формы превращается в рабочую силу. Во всех отраслях предприятий, одновременно действующих одно подле другого на всей периферии общества, безразлично, относятся ли они к категории I или II, переменный капитал должен авансироваться в денежной форме. Капиталист, прежде чем рабочая сила вступит в процесс производства, покупает ее, но оплачивает лишь в сроки по соглашению, после того как она уже была затрачена на производство потребительной стоимости. Подобно остальной части стоимости продукта, ему принадлежит и та часть, которая является лишь эквивалентом денег, израсходованных на оплату рабочей силы: та часть стоимости продукта, которая представляет переменную капитальную стоимость. Этой частью стоимости продукта рабочий уже доставил капиталисту эквивалент своей заработной платы. Продажа товара, обратное превращение его в деньги, восстанавливает для капиталиста его переменный капитал в форме денежного капитала, который он снова может авансировать на закупку рабочей силы.

Итак, в подразделении I капиталист, рассматриваемый как собирательный капиталист, уплатил рабочим 1.000 £ (я говорю £ просто для того, чтобы напомнить, что это — стоимость в денежной форме) = 1.000 v за ту стоимость, которая уже существует как часть v стоимости продукта I, т. е. произведенных рабочими средства производства. На эти 1.000 £ рабочие покупают у капиталистов II средств потребления такой же стоимости и таким образом превращают половину постоянного капитала II в деньги; капиталисты II в свою очередь покупают на эти 1.000 £ средств производства стоимостью на 1.000 у капиталистов I; вместе с тем переменная капитальная стоимость последних = 1.000 v,

существующая как часть их продукта в натуральной форме средств производства, опять превращена в деньги и теперь в руках капиталистов I снова может функционировать как денежный капитал, который превращается в рабочую силу, следовательно, в существеннейший элемент производительного капитала. Таким способом, вследствие реализации части их товарного капитала, к ним приливает обратно переменный капитал в денежной форме.

Что касается денег, необходимых для обмена части m товарного капитала I на вторую половину постоянной части капитала II, то они могут быть авансированы различными способами. Это обращение охватывает на практике бесчисленное количество отдельных актов купли и продажи, совершаемых индивидуальными капиталистами обеих категорий, при чем деньги во всяком случае должны исходить от этих капиталистов, так как с тем количеством денег, которое брошено в обращение рабочими, счет уже закончен. Здесь возможны различные способы: либо капиталист категории II часть своего денежного капитала, существующего на-ряду с производительным капиталом, употребляет на то, чтобы купить средства производства у капиталистов категории I; либо, напротив, капиталист категории I часть своего денежного фонда, предназначенного на личные расходы, не на расходование в качестве капитала, употребляет на то, чтобы купить средства потребления у капиталистов категории II. Как показано уже в отделе I и II, нам во всяком случае приходится предполагать, что в руках капиталистов на-ряду с производительным капиталом имеются известные денежные запасы, — на авансирование ли капитала, на расходование ли дохода. Представим себе — в виду наших целей пропорция здесь совершенно безразлична, — что половина денег авансируется капиталистами II на закупку средств производства для возмещения постоянного капитала, а другая половина затрачивается капиталистами I на потребление. Дело происходит таким образом: подразделение II авансирует 500 £ и покупает на них у I средства производства, благодаря чему возмещается *in natura* (со включением упомянутых выше, идущих от рабочих, 1.000 £) $\frac{3}{4}$ постоянного капитала II; подразделение I на полученные таким образом 500 £ покупает у II средства потребления, и половина той части товарного капитала I, которая состоит из m , вместе с тем закончила обращение $t-d-t$, эта часть продукта реализована в фонде потребления. Вследствие этого второго процесса 500 £ возвращаются в руки II как денежный капитал, которым капиталисты II обладают на-ряду с своим производительным капиталом. С другой стороны, I за счет половины той части m своего товарного капитала, которая все еще лежит у него в виде продукта, антиципирует, раньше чем эта часть продана, расхо-

дование денег в количестве 500 £ на закупку средств потребления у II. На эти самые 500 £ II покупает средства производства у I, и таким образом возмещается *in natura* весь его постоянный капитал ($1.000 + 500 + 500 = 2.000$), между тем как I реализовал в средствах потребления всю свою прибавочную стоимость. В общем итоге обмен товаров суммою на 4.000 £ совершился бы при помощи обращения 2.000 £ денег, при чем величина последней суммы обуславливается лишь тем, что, как представлено у нас, весь годовой продукт обменивается разом, в немногих крупных массах. Важно при этом лишь то обстоятельство, что II не только снова превратил в форму средств производства свой постоянный капитал, воспроизведенный в форме средств потребления, но что к нему кроме того возвратились эти 500 £, авансированные им для обращения на закупку средств производства, и что I точно так же не только вновь получил в денежной форме, в виде денежного капитала, непосредственно превратимого в рабочую силу, свой переменный капитал, воспроизведенный им в форме средств производства, но что к нему кроме того возвратились назад те 500 £, которые он, антиципируя продажу части прибавочной стоимости от своего капитала, израсходовал на покупку средств потребления. Но они возвратились к нему назад не вследствие совершившегося израсходования, а вследствие последующей продажи части его товарного продукта, несущей в себе половину его прибавочной стоимости.

В обоих случаях не только постоянный капитал II из формы продукта снова превращается в натуральную форму средств производства, единственно в которой он может функционировать как капитал; и точно так же не только переменная часть капитала I превращается в денежную форму, а та часть вновь произведенных средств производства, которая несет прибавочную стоимость I, превращается в такую форму, в которой она может быть потреблена как доход. Кроме того, к II возвращаются назад 500 £ денежного капитала, которые он авансировал на покупку средств производства, прежде чем продать соответствующую компенсирующую эти 500 £ часть стоимости постоянного капитала, находящуюся в форме средств потребления; и, далее, к I возвращаются 500 £, которые он, антиципируя будущую продажу, израсходовал на покупку средств потребления. Если к II возвращаются назад деньги, авансированные им за счет постоянной части его товарного продукта, а к I — деньги, авансированные за счет той части его товарного продукта, которая содержит прибавочную стоимость, то лишь потому, что и одна и другая категория капиталистов бросили в обращение еще по 500 £ денег: одна — кроме существующего в товарной форме II постоянного капитала, другая — кроме существующей в товарной форме I прибавочной стоимости. В конечном счете они вза-

имно вполне расплатились друг с другом при посредстве обмена соответствующих товарных эквивалентов. Те деньги, которые как средства этого обмена товаров брошены ими в обращение помимо количеств стоимости, внесенных в него в виде товаров, к каждому из них возвращаются из обращения долями, пропорциональными тому, что каждым из них брошено в обращение. Оттого они не стали ни на копейку богаче. У II был постоянный капитал = 2.000 в форме средств потребления + 500 в деньгах; теперь у него, как и раньше, 2.000 в средствах производства и 500 в деньгах; точно так же I, как и раньше, обладает прибавочной стоимостью в 1.000 (из товаров, средств производства, превращенных теперь в потребительный фонд) + 500 в деньгах.—Общий вывод таков: из денег, которые промышленные капиталисты бросают в обращение для обслуживания обращения своих собственных товаров, — вносятся ли они за счет постоянной части стоимости товара или за счет прибавочной стоимости, существующей в товарах, если она расходуется как доход, — из этих денег в руки соответствующих капиталистов возвращается столько, сколько они авансировали на денежное обращение.

Что касается обратного превращения в денежную форму переменного капитала категории I, то он для капиталистов I, затративших его на заработную плату, сначала существует в той товарной форме, в которой рабочие дали его капиталистам. Капиталисты выдали его рабочим в денежной форме, как цену рабочей силы последних. В этом смысле они оплатили ту составную часть стоимости товарного продукта, которая равняется этому переменному капиталу, израсходованному деньгами. Поэтому они — собственники и этой части товарного продукта. Но применяемая ими часть рабочего класса отнюдь не является покупателем производимых этими рабочими средств производства. Эта часть рабочих — покупатель средств потребления, производимых в II. Следовательно, переменный капитал, авансированный на оплату рабочей силы деньгами, не непосредственно возвращается к капиталистам I. Вследствие актов купли, совершаемых рабочими, он переходит в руки капиталистических производителей товаров, необходимых и вообще доступных для рабочего круга, следовательно, в руки капиталистов II, и лишь вследствие того, что последние употребляют эти деньги на покупку средств производства, лишь таким окольным путем они возвращаются назад в руки капиталистов I.

Оказывается, что при простом воспроизводстве сумма стоимостей $v + m$ товарного капитала I (а следовательно, соответствующая пропорциональная часть всего товарного продукта I) должна равняться постоянному капиталу II c , выделенному как пропорциональная часть всего товарного продукта класса II; или $I (v + m) = II c$.

IV. Обмен в пределах подразделения II. Необходимые средства существования и средства роскоши.

Из стоимости товарного продукта подразделения II нам остается еще исследовать составные части $v + m$. Рассмотрение их не имеет никакого отношения к важнейшему вопросу, который занимает нас в настоящее время: именно, до какой степени распадение стоимости всякого отдельного капиталистически произведенного товарного продукта на $c + v + m$ сохраняет свою силу и по отношению к стоимости всего годового продукта, хотя бы такое распадение и выражалось в иных формах проявления. Разрешения этого вопроса следует искать, с одной стороны, в обмене I ($v + m$) на II c , а с другой стороны — в отложенном на позднейшее время исследовании того, как I c воспроизводится в годовом товарном продукте I. Так как II ($v + m$) существует в натуральной форме предметов потребления; так как переменный капитал, авансированный рабочим на оплату рабочей силы, в общем и целом расходуется ими на средства потребления, и так как часть товара, представляющая m , раз мы предполагаем простое воспроизводство, фактически расходуется как доход на средства потребления, то *prima facie* ясно, что на заработную плату, полученную от капиталистов II, рабочие II выкупают часть своего собственного продукта, соответствующую размерам денежной стоимости, полученной ими в качестве заработной платы. Таким образом класс капиталистов II превращает обратно в денежную форму свой денежный капитал, авансированный на оплату рабочей силы; положение совершенно такое, как если бы эти капиталисты оплатили рабочих талонами. Когда рабочие реализуют эти знаки стоимости, покупая часть произведенного ими и принадлежащего капиталистам товарного продукта, талоны возвратятся к капиталистам назад; разница лишь в том, что в действительности талоны не только представляют стоимость, но и обладают ею в золотом или серебряном воплощении. Впоследствии мы ближе исследуем этот способ возвращения переменного капитала, авансированного в денежной форме, осуществляемый при посредстве процесса, в котором рабочий класс является покупателем, а класс капиталистов — продавцом. Здесь же дело идет о другом вопросе, который необходимо рассмотреть в связи с возвращением переменного капитала к его исходному пункту.

Категория II годового производства товаров состоит из многосложнейших отраслей промышленности, которые — по отношению к продукту — можно разложить на два большие подотдела:

а) Средства потребления, которые входят в потребление рабочего класса и, поскольку это — необходимые средства существования, составляют часть потребления класса капиталистов, хотя в этом случае

они часто отличны по качеству и стоимости от средств потребления рабочих. В виду наших целей мы можем охватить весь этот подотдел под одной рубрикой: необходимые средства потребления, при чем совершенно безразлично, является ли соответствующий продукт, напр., табак, необходимым с физиологической точки зрения средством потребления или нет; достаточно, что он — привычно необходимое средство потребления.

б) Средства потребления — роскоши, которые входят лишь в потребление класса капиталистов, следовательно, могут быть обменены лишь на расходуемую прибавочную стоимость, которая никогда не достается рабочему. Относительно первой рубрики ясно, что переменный капитал, авансированный в денежной форме на производство относящихся к этой рубрике сортов товара, должен прямо возвратиться к той части класса капиталистов II (следовательно, к капиталистам II а), которая производит эти необходимые средства существования. Капиталисты продают их своим собственным рабочим на сумму переменного капитала, выданного им в качестве заработной платы. По отношению ко всему этому подотделу а класса капиталистов II такое возвращение — прямое, непосредственное возвращение, как бы многочисленны ни были те сделки между капиталистами различных относящихся сюда отраслей промышленности, посредством которых распределяется pro rata этот возвращающийся переменный капитал. Перед нами процессы обращения, для которых средства обращения непосредственно доставляют рабочие, расходуя полученные ими деньги. Иначе обстоит дело с подотделом II б. Вся та часть вновь созданной стоимости, с которой нам приходится здесь иметь дело, II б ($v + m$), существует в натуральной форме предметов роскоши, т.-е. предметов, которых рабочий класс так же не может купить, как товарной стоимости I в, существующей в форме средств производства, хотя и эти средства роскоши и те средства производства представляют продукты этих рабочих. Следовательно, тот обратный приток, посредством которого переменный капитал, авансированный в этом подотделе, возвращается к капиталистическому производителю в своей денежной форме, не может быть прямым, но лишь посредственным, как в случае с I в.

Предположим, напр., как и раньше, для всей категории II, $v = 500$, $m = 500$; но переменный капитал и соответствующая ему прибавочная стоимость пусть распределяются следующим образом:

подотдел а, необходимые средства существования: $v = 400$,
 $m = 400$; следовательно, масса товаров в виде необходимых
 средств потребления стоимостью на $400 v + 400 m = 800$, или

II а ($400 v + 400 m$).

подотдел *b*: средства роскоши стоимостью на $100 v + 100 m = 200$, или

II *b* ($100 v + 100 m$).

Рабочие рубрики II *b* в оплату за свою рабочую силу получили 100 деньгами, скажем — 100 £; на них рабочие покупают у капиталистов II *a* средства потребления в сумме на 100. Эта категория капиталистов покупает тогда на 100 товара II *b*, благодаря чему к капиталистам II *b* приливает обратно в денежной форме их переменный капитал.

В руках капиталистов II *a* вследствие обмена с их собственными рабочими уже опять имеются 400 *v* в денежной форме; кроме того, четвертая доля той части их продукта, которая представляет прибавочную стоимость, отошла к рабочим II *b*, и за нее получено в товарах роскоши II *b* ($100 v$).

Если у капиталистов II *a* и II *b* мы предположим однообразное деление расходования дохода на необходимые средства существования и средства роскоши: примем, что те и другие расходуют по $\frac{3}{5}$ на необходимые средства существования, по $\frac{2}{5}$ на средства роскоши, — то капиталисты подкласса II *a* $\frac{3}{5}$ своей прибавочной стоимости, своего дохода в 400 *m*., следовательно, 240 затрачивают на свои собственные продукты, на необходимые средства существования, и $\frac{2}{5} = 160$ на средства роскоши. Капиталисты подкласса II *b* станут распределять свою прибавочную стоимость = 100 *m* таким же способом: $\frac{3}{5} = 60$ на необходимые средства и $\frac{2}{5} = 40$ на средства роскоши; последние производятся и сбываются в пределах своего собственного подкласса.

Те 160 средствами роскоши, которые получает (II *a*) *m*, притекают к капиталистам II *a* следующим образом: из (II *a*) 400 *m*, как мы видели, 100, находящиеся в форме необходимых средств существования, обмениваются на равную сумму (II *b*) *v*, существующую в средствах роскоши, а дальнейшие 60 в необходимых средствах существования обмениваются на (II *b*) 60 *m* в средствах роскоши. Значит, общий итог представляется в таком виде:

II *a*: $400 v + 400 m$; II *b*: $100 v + 100 m$.

1) 400 *v* (*a*) потребляются рабочими II *a*, частью продукта (необходимые средства существования) которых являются эти 400 *v* (*a*); рабочие покупают их у капиталистических производителей своего собственного подразделения. Таким образом к этим производителям возвращаются 400 £ деньгами, возвращается их переменная капитальная стоимость, выданная в качестве заработной платы этим самым рабочим; на эту стоимость капиталисты могут вновь купить рабочую силу.

2) Часть 400 *m* (*a*), равная 100 *v* (*b*), являясь четвертью прибавочной стоимости (*a*), реализуется в предметах роскоши следующим

образом: рабочие (b) получают от капиталистов своего подразделения (b) 100 £ в виде заработной платы; на эту сумму они покупают $\frac{1}{4} m$ (a), т.-е. товаров, состоящих из необходимых средств существования; капиталисты а покупают на эти деньги предметов роскоши на такую же сумму стоимости = 100 v (b), т.-е. половину всех произведенных предметов роскоши. Таким образом к капиталистам b возвращается в денежной форме их переменный капитал и они, возобновив покупку рабочей силы, могут снова начать свое воспроизводство, так как весь постоянный капитал всей категории II уже возмещен благодаря обмену I (v + m) на II с. Следовательно, рабочая сила рабочих, занятых в подотделе роскоши, только потому может быть продана вновь, что часть их собственного продукта, созданная как эквивалент их собственной заработной платы, взята капиталистами II а в их потребительный фонд, превращена в деньги. (То же относится и к продаже рабочей силы под I: то II с, на которое обменивается I (v + m), составляется как из средств роскоши, так и из необходимых средств существования, а то, что возобновляется посредством I (v + m), составляют средства производства и средств роскоши и необходимых средств существования.)

3) Переходим к обмену между а и b, поскольку он является обменом лишь между капиталистами обоих подотделов. В предыдущем покончено дело с переменным капиталом (400 v) и частью прибавочной стоимости (100 m) в подотделе а и с переменным капиталом (100 v) в подотделе b. Для дальнейшего мы предположим, что среднее отношение расходования капиталистами дохода в обеих категориях выражается $\frac{2}{5}$ на предметы роскоши и $\frac{3}{5}$ на необходимые средства существования. Поэтому кроме 100, уже израсходованных на роскошь, остается еще на роскошь 60 у всего подкласса а и при той же самой пропорции 40 у подкласса b.

Итак, (II а) m распределяется следующим образом: 240 на средства существования и 160 на средства роскоши = $240 + 160 = 400 m$ (II а).

(II б) m распределяется в отношении 60 на средства существования и 40 на роскошь: $60 + 40 = 100 m$ (II б). Последние 40 этот класс берет для потребления из своего собственного продукта ($\frac{2}{5}$ своей прибавочной стоимости); 60 в средствах существования он получает таким способом, что обменивает 60 из своего прибавочного продукта на 60 m (а).

Итак, для всего класса капиталистов II мы имеем (при чем v + m в подотделе а заключаются в необходимых средствах существования, в подотделе b — в средствах роскоши):

II а ($400 v + 400 m$) + II б ($100 v + 100 m$) = 1.000; благодаря обращению реализация совершается так: $500 v$ (а + б) [реализуются

в $400 v (a)$ и $100 m (a)$] + $500 m (a + b)$ [реализуются в $300 m (a) + 100 v (b) + 100 m (b)$] = 1.000.

Для a и b , рассматриваемых каждое само по себе, реализация приобретает у нас такой вид:

$$a) \frac{v}{400 v (a)} + \frac{m}{240 m (a) + 100 v (b) + 60 m (b)} = 800.$$

$$b) \frac{v}{100 m (a)} + \frac{m}{60 m (a) + 40 m (b)} = \frac{200}{1.000}$$

Если мы в интересах простоты предположим для обоих подразделов одинаковое отношение между переменным и постоянным капиталом (что, кстати сказать, вовсе не представляет необходимости), то на $400 v (a)$ приходится постоянный капитал = 1.600, а на $100 v (b)$ постоянный капитал = 400, и для Π у нас получатся следующие два подразделения a и b :

$$\Pi a) 1.600 c + 400 v + 400 m = 2.400.$$

$$\Pi b) 400 c + 100 v + 100 m = 600.$$

В итоге:

$$2.000 c + 500 v + 500 m = 3.000.$$

В соответствии с этим из 2.000 Πc , находящихся в средствах потребления и обмениваемых на 2.000 $I (v + m)$, 1.600 обмениваются на средства производства необходимых средств существования и 400 — на средства производства средств роскоши.

Таким образом эти 2.000 $I (v + m)$ в свою очередь распались бы на $(800 v + 800 m) I$, предназначенных для a , = 1.600 средств производства необходимых средств существования, и на $(200 v + 200 m) I$, предназначенных для b , = 400 средств производства средств роскоши.

Значительная часть не только собственно средств труда, но и сырых и вспомогательных материалов и т. д. однородна для обоих подразделений. Но что касается обмена различных частей стоимости всего продукта $I (v + m)$, то наличность этих подразделений не имеет никакого значения. Как упомянутые выше 800 $I v$, так и 200 $I v$ реализуются благодаря тому, что заработная плата расходуется на средства потребления 1.000 Πc , следовательно, денежный капитал, авансированный на нее, при возвращении распределяется соответствующим образом между капиталистическими производителями I , при чем $pro rata$ возмещается в деньгах авансированный ими переменный капитал. С другой стороны, что касается реализации 1.000 $I m$, то и в этом случае капиталисты равномерно (пропорционально величине их m) извлекают свои доли из всей второй половины Πc = 1.000, находящейся в средствах потребления: 600 Πa и 400 Πb ; следовательно, те, которые возмещают постоянный капитал Πa :

480 ($\frac{3}{4}$) из 600 с (II а) и 320 ($\frac{2}{5}$) из 400 с (II б) = 800; те, которые возмещают постоянный капитал II б:

120 ($\frac{3}{5}$) из 600 с (II а) и 80 ($\frac{2}{5}$) из 400 с (II б) = 200.

Сумма = 1.000.

Что здесь произвольно взято и для I и для II, так это — отношение переменного капитала к постоянному, а также предположение, что это отношение тождественно и в I, и во II, и в их подотделах. Что касается этой тождественности, то она принята лишь для упрощения, и, если бы мы предположили, напротив, различные пропорции, это абсолютно ничего не изменило бы в условиях проблемы и ее решения. Как бы то ни было, предполагая простое воспроизводство, мы необходимо приходим к такому результату:

1) Новая стоимость, созданная годовым трудом в натуральной форме средств производства (и разлагаемая на $v + m$), равняется воспроизведенной в форме средств потребления постоянной капитальной стоимости с продукта, созданного другой частью годового труда. Если бы эта новая стоимость была меньше II с, то II не мог бы полностью возместить свой постоянный капитал; если бы она была больше, то излишек остался бы неиспользованным. В обоих случаях было бы нарушено предположение простого воспроизводства.

2) Что касается годового продукта, воспроизведенного в форме средств потребления, то переменный капитал v , авансированный в денежной форме, может быть реализован его получателями — поскольку ими являются рабочие, производящие средства роскоши, — лишь в той части необходимых средств существования, в которой *prima facie* воплощена прибавочная стоимость капиталистических производителей последних. Следовательно, v , затраченное на производство предметов роскоши, по размерам своей стоимости равняется соответствующей части m , произведенной в форме необходимых средств существования, а потому должно быть меньше всего этого m — т. е. меньше (II а) m , — и только посредством реализации означенного v в этой части m к капиталистическим производителям предметов роскоши возвращается в денежной форме авансированный ими переменный капитал. Это явление совершенно аналогично реализации I ($v + m$) в II с; разница лишь в том, что во втором случае (II б) v реализуется в части (II а) m , по величине стоимости равной (II б) v . Эти отношения остаются качественно решающими при всяком распределении всего годового продукта, поскольку он действительно входит в процесс годового воспроизводства, обслуживаемого обращением. I ($v + m$) может быть реализовано только в II с, а II с, функционирующее как составная часть производительного капитала, в свою очередь может быть возобновлено лишь при помощи этой реализации; точно так же (II б) v

может реализоваться лишь в части (II a) m , и лишь таким способом (II b) v может опять превратиться обратно в свою форму денежного капитала. Само собой разумеется, сказанное сохраняет свою силу лишь при том условии, если все это — действительно результат самого процесса воспроизводства, следовательно, если, напр., капиталисты II b не получают денежного капитала для v при посредстве кредита из каких-либо иных источников. Напротив, что касается количественной стороны, то обмены различных частей годового продукта могут совершаться с такой пропорциональностью, как представлено выше, лишь постольку, поскольку масштаб производства и отношения по стоимости остаются неизменными и поскольку эти прочно сложившиеся отношения не претерпевают воздействий внешней торговли.

Если по образцу А. Смита говорили, что I ($v + m$) разлагается на II c, а II c разлагается на I ($v + m$), или, как он часто выражается с еще большей безтолковостью, I ($v + m$) образуют составные части цены (или стоимости, он говорит value in exchange) II c, а II c образует всю составную часть стоимости I ($v + m$), то можно и должно было бы сказать в свою очередь, что (II b) v разлагается на (II a) m , или (II a) m на (II b) v , или (II b) v образует составную часть прибавочной стоимости II a, и vice versa: прибавочная стоимость разлагалась бы таким образом на заработную плату, соответственно на переменный капитал, а переменный капитал образовал бы „составную часть“ прибавочной стоимости. И, действительно, эта безтолочь до таких размеров встречается у А. Смита, при этом заработная плата определяется для него стоимостью необходимых средств существования, а последние товарные стоимости опять-таки определяются стоимостью заключающихся в них заработной платы (переменного капитала) и прибавочной стоимости. Он до такой степени находится под впечатлением тех долей, на которые при капиталистическом базисе производства может быть разложена новая стоимость, произведенная в один рабочий день — именно на $v + m$, — что он совершенно забывает, до какой степени безразлично при простом товарном обмене, состоят ли эквиваленты, существующие в различных натуральных формах, из оплаченного или неоплаченного труда: ведь в обоих случаях они стоят одинакового количества труда, затраченного на их производство; и точно так же он забывает, что до такой же степени безразлично, является ли товар какого-нибудь А средствами производства, а товар какого-нибудь В — средствами потребления, будет ли один товар функционировать после продажи как составная часть капитала, а другой, напротив, войдет в фонд потребления и будет потреблен Адамом как доход. Употребление, которое дает своему товару индивидуальный покупатель, не имеет никакого отношения к обмену товаров, к сфере

обращения, и не касается стоимости товара. Это несколько не изменяется от того, что при анализе обращения всего годового продукта общества необходимо приять во внимание определенный характер применения, момент потребления различных составных частей этого продукта.

При рассмотренном выше обмене (II б) v на имеющую равную стоимость часть (II а) m и при дальнейших обменах между (II а) m и (II б) m отнюдь не предполагается, что капиталисты — будут ли то отдельные капиталисты II а и II б или соответствующие категории капиталистов — в одинаковой пропорции делят свою прибавочную стоимость между необходимыми предметами потребления и средствами роскоши. Один может больше расходовать на один отдел потребления, другой — на другой. Оставаясь на почве простого воспроизводства, мы предполагаем только, что сумма стоимости, равная всей прибавочной стоимости, реализуется в фонде потребления. Границы таким образом даны. В пределах каждого подразделения один может более затрачивать на а, другой — на б; но здесь возможна компенсация, так что категории капиталистов а и б, взятые каждая как целое, будут в одинаковой пропорции принимать участие в а и б. Но отношения стоимостей — пропорциональная доля в общей стоимости продукта II, приходящаяся на каждую из категорий производителей а и б, — а следовательно, и определенное количественное отношение между отраслями производства, доставляющими продукты II а и II б, — эти отношения необходимо представляют для каждого конкретного случая величину данную; гипотетическим является лишь отношение, которое фигурирует для примера; если предположить иное отношение, от этого ничего не изменится в качественных моментах; изменятся только количественные определения. Но если бы вследствие тех или иных обстоятельств совершилось действительное изменение в относительной величине а и б, то соответствующим образом изменились бы и условия простого воспроизводства.

Из того обстоятельства, что (II б) v реализуется в эквивалентной части (II а) m , получается такой вывод: в той мере, как возрастает доля годового продукта, выпадающая на роскошь, следовательно, в той мере, как увеличивается количество рабочей силы, поглощаемое производством средств роскоши, в той же самой мере обратное превращение авансированного на (II б) v переменного капитала в денежный капитал, который снова будет функционировать как денежная форма переменного капитала, а в связи с этим превращением существование и воспроизводство части рабочего класса, занятой в II б, — возможность для этой части рабочих получить необходимые средства потребления, — обуславливается расточительностью класса капиталистов,

превращением значительной части их прибавочной стоимости в предметы роскоши.

Каждый кризис быстро уменьшает потребление предметов роскоши; он замедляет, задерживает обратное превращение (II b) v в денежный капитал, делает возможным лишь частичное превращение и тем самым выбрасывает часть рабочих, производящих предметы роскоши, на мостовую, а с другой стороны, как раз поэтому тормозит и сокращает продажу необходимых средств потребления. Мы уже не говорим об одновременном увольнении непроизводительных рабочих, которые за свои службы получают от капиталистов часть затрат последних на роскошь (сами эти рабочие являются pro tanto предметом роскоши) и которые принимают очень большое участие между прочим и в потреблении необходимых средств существования. Противоположное явление имеет место в периоды оживления и особенно во времена спекулятивного процветания, когда относительная, выраженная в товарах стоимость денег падает уже по другим причинам (при чем вообще нет действительного переворота в стоимости), а потому цена товаров, независимо от их собственной стоимости, повышается. При этом повышается не только потребление необходимых средств существования; рабочий класс (в который теперь вступает, как его активная часть, вся резервная армия) на время принимает участие и в потреблении, вообще говоря, недоступных для него предметов роскоши, а также той категории необходимых средств потребления, которая вообще составляет „необходимые“ средства потребления лишь для класса капиталистов; это в свою очередь вызывает повышение цен.

Было бы простой тавтологией сказать, что кризисы вытекают из недостатка платежеспособного потребления или платежеспособных потребителей. Капиталистическая система не знает иных видов потребления, кроме оплачивающего, за исключением видов *sub forma pauperis* или „мошенники“. Если товары остаются нераспроданными, это не означает ничего иного, как то что на них не находится платежеспособных покупателей, т. е. потребителей (раз товары покупаются в последнем счете для производительного или индивидуального потребления). Когда же этой тавтологии пытаются придать вид более глубокого обоснования, утверждая, что рабочий класс получает слишком малую часть своего собственного продукта и что, следовательно, горю можно помочь, если он будет получать более крупную долю продукта, т. е. если его заработная плата возрастет, то в ответ достаточно только заметить, что каждый кризис подготавливается как раз периодом когда совершается общее повышение заработной платы и рабочий класс в действительности получает более крупную долю той части годового продукта, которая предназначена для потребления. Такой

период — с точки зрения этих рыцарей здравого и „простого“ (!) смысла — должен бы, напротив, отдалить кризис. Игак, видно, что капиталистическое производство заключает в себе условия, которые не зависят от доброй или злой воли и которые допускают относительное благополучие рабочего класса только на время, да и то лишь в качестве буревестника по отношению к кризису ⁴⁷⁾

Раньше мы видели, как пропорциональное распределение между производством необходимых средств потребления и производством средств роскоши обуславливает разделение II ($v+m$) между II а и II б, — а следовательно, и разделение II с между (II а) с и (II б) с. Таким образом это разделение имеет коренное значение для характера и количественных отношений производства и является моментом, в существенных чертах определяющим весь его строй.

Простое воспроизводство по существу имеет своей целью потребление, хотя получение прибавочной стоимости и здесь является побудительным мотивом индивидуальных капиталистов; но прибавочная стоимость — какова бы ни была ее относительная величина, — в конце концов должна служить здесь только для индивидуального потребления капиталиста.

Поскольку простое воспроизводство составляет часть, притом самую значительную часть, и всякого готового воспроизводства в расширенном масштабе, этот мотив — личное потребление — остается, выступая в сопровождении мотива и в противоположность мотиву обогащения как такового. В действительности дело представляется запутаннее, потому что дольщики (partners) в добыче — в прибавочной стоимости капиталиста — выступают как независимые от последнего потребители.

V. Денежное обращение как посредствующее звено обменов.

Насколько мы до сих пор познакомились с делом, обращение между различными категориям производителей протекало по следующей схеме:

1) Между классом I и классом II:

$$\begin{array}{l} \text{I. } 4.000 \text{ c} + 1.000 \text{ v} + 1.000 \text{ m} \\ \text{II. } \dots\dots\dots 2.000 \text{ c} \dots\dots\dots + 500 \text{ v} + 500 \text{ m} \end{array}$$

Итак, закончено обращение II с = 2.000, которое обменено на I (1.000 v + 1.000 m).

⁴⁷⁾ Ad notam возможным приверженцам теории кризисов Родбертуса. Ф. Э.

Так как 4.000 I с мы оставляем пока в стороне, то остается еще обращение $v + m$ в пределах класса II. Эти II ($v + m$) распределяются между подклассами II а и II б следующим образом:

2) II. $500 v + 500 m = a (400 v + 400 m) + b (100 v + 100 m)$.

400 v (а) совершают обращение в пределах своего собственного подкласса; рабочие, оплаченные этими 400 v (а), покупают на них произведенные ими самими необходимые средства существования у своих нанимателей, у капиталистов II а.

Так как капиталисты обоих подклассов расходуют свою прибавочную стоимость в размере $\frac{3}{5}$ на продукты II а (необходимые средства существования) и $\frac{2}{5}$ на продукты II б (средства роскоши), то $\frac{3}{5}$ прибавочной стоимости а, т. е. 240, потребляются в пределах самого подкласса II а; точно так же $\frac{2}{5}$ прибавочной стоимости б (которая произведена и существует в виде средств роскоши) — в пределах подкласса II б.

Следовательно, остается еще место такому обмену между II а и II б: на стороне II а: 160 m,

на стороне II б: 60 v + 60 m. Эти продукты взаимно покрываются.

Рабочие II б на свои 100, полученные в денежной форме, покупают у II а необходимые средства существования в сумме на 100. Капиталисты II б на сумму в $\frac{3}{5}$ своей прибавочной стоимости = 60, в свою очередь, покупают необходимые средства существования у II а. Благодаря этому капиталисты II а получают деньги, необходимые для того, чтобы, как предположено выше, $\frac{2}{5}$ своей прибавочной стоимости = 160 m затратить на товары роскоши, произведенные в II б (100 v, которые имеются у капиталистов в II б как продукт, возмещающий выданную заработную плату, и 60 m). Итак, получается следующая схема:

$$\begin{array}{l} 3) \text{ II а. } [400 v] + [240 m] + \underline{160 m} \\ \quad \text{б. } \dots\dots\dots 100 v + 60 m + [40 m], \end{array}$$

при чем в скобки заключены те величины, которые совершают обращение и потребляются лишь в пределах своего собственного подкласса.

Тот факт, что денежный капитал, авансированный в качестве переменного капитала, непосредственно возвращается только к подразделению капиталистов II а, производящему необходимые средства существования, — этот факт представляет лишь модифицированное особыми условиями проявление того общего закона, упомянутого выше, что к товаропроизводителям, авансирующим деньги на обращение, эти деньги при нормальном ходе товарного обращения возвращаются назад. Из этого, кстати сказать, следует, что, если за товаропроизводителем вообще стоит денежный капиталист, который авансирует промышлен-

ному капиталисту денежный капитал (в самом строгом значении этого слова, следовательно, капитальную стоимость в денежной форме), то действительным пунктом возврата этих денег является карман денежного капиталиста. Таким - то образом, хотя деньги в своем обращении проходят в большей или меньшей мере через всякие руки, масса обращающихся денег принадлежит подразделению денежного капитала, организованному и достигшему концентрации в форме банков и т. д.; способ, каким это подразделение авансирует свой капитал, обуславливает постоянное заключительное возвращение к нему этого капитала в денежной форме, хотя посредствующим звеном при этом является опять - таки обратное превращение промышленного капитала в денежный капитал.

Для товарного обращения всегда необходимы вещи двойного рода: товары, которые выбрасываются в обращение, и деньги, которые выбрасываются в обращение. „Процесс обращения... в отличие от непосредственного обмена продуктов, не исчерпывается тем, что потребительные стоимости переходят с места на место или из рук в руки. Деньги не исчезают от того, что они в конце концов выпадают из ряда метаморфоз какого - либо товара. Они всегда осаждаются на месте обращения, оставленном товарами“, и т. д. (Книга I, глава III, 2, а.)

Напр., разбирая обращение между II с и I ($v + m$), мы предположили, что II подразделение авансировало для этого обращения 500 £ деньгами. При бесконечном количестве тех процессов обращения, к которым сводится обращение между крупными общественными группами производителей, представитель то одной, то другой группы первый выступает в роли покупателя, — следовательно, бросает деньги в обращение. Совершенно оставляя в стороне индивидуальные обстоятельства, это обуславливается уже различием периодов производства и, следовательно, оборотов различных товарных капиталов. Итак, II на 500 £ покупает у I средств производства на такую же сумму стоимости, а I покупает у II средств потребления на 500 £: следовательно, деньги притекают обратно к II; последнее несколько не обогащается таким обратным приливом. Сначала оно бросило в обращение 500 £ деньгами и извлекло из него товаров на ту же сумму стоимости, потом оно продало товаров на 500 £ и извлекает из обращения такую же сумму стоимости в деньгах; таким образом 500 £ притекают обратно. Следовательно, в действительности II подразделение бросило в обращение на 500 £ денег и на 500 £ товаров = 1.000 £; оно извлекает из обращения на 500 £ товаров и на 500 £ денег. Для обмена 500 £ товарами (I) и 500 £ товарами (II) обращение требует лишь 500 £ деньгами; следовательно, кто при покупке чужого товара авансировал деньги, тот получает их обратно при продаже собственного товара.

Поэтому, если бы сначала I купило у II товара на 500 £, а потом продало бы подразделению II товара на 500 £, то 500 £ возвратились бы к I, а не к II.

Деньги, затраченные на заработную плату, т.-е. переменный капитал, авансированный в денежной форме, в классе I возвращаются в этой форме не прямо, а косвенно, окольным путем. Напротив, в классе II 500 £ заработной платы возвращаются непосредственно от рабочих к капиталистам, как и вообще это возвращение является прямым во всех случаях, когда купля и продажа между одними и теми же лицами постоянно повторяется таким образом, что они попеременно противостоят друг другу то как покупатели, то как продавцы товаров. Капиталист II оплачивает рабочую силу деньгами; таким образом он включает рабочую силу в свой капитал и только вследствие этого акта обращения, который представляет для него лишь превращение денежного капитала в производительный капитал, он противостоит как промышленный капиталист рабочему, как своему наемному рабочему. Но рабочий, который на первой стадии представлял продавца, торговца собственной рабочей силой, на второй стадии как покупатель, как владелец денег, противостоит капиталисту как продавцу товара; таким образом к капиталисту возвращаются деньги, затраченные на заработную плату. Поскольку продажа этих товаров не связана с надувательством и т. д., следовательно, поскольку в товарах и деньгах здесь обмениваются эквиваленты, она не представляет процесса, посредством которого обогащается капиталист. Он не оплачивает рабочего дважды: сначала деньгами, а потом товарами; его деньги возвращаются к нему, когда рабочий обменивает деньги на его товар.

Денежный капитал, превращенный в переменный капитал, т.-е. деньги, авансированные на заработную плату, играет главную роль в самом денежном обращении: так как рабочему классу приходится перебиваться изо дня в день, а потому он не может кредитовать промышленных капиталистов на сколько-нибудь продолжительный срок, то, как бы различны ни были периоды оборота капиталов в различных отраслях промышленности, — в бесчисленных, территориально различных пунктах общества переменный капитал необходимо авансируется в деньгах через известные короткие сроки, напр., еженедельно и т. д., через сравнительно быстро повторяющиеся промежутки времени (чем короче эти промежутки, тем относительно меньше может быть вся сумма денег, каждый раз выбрасываемая в обращение через этот канал). Авансируемый таким образом денежный капитал во всех странах капиталистического производства составляет относительно важнейшую долю всего обращения, тем более, что эти же самые деньги, раньше

чем возвратиться к исходному пункту, проникают в многообразнейшие каналы и функционируют как средство обращения в бесконечном множестве других операций.

Рассмотрим теперь обращение между I ($v + m$) и II с иной точки зрения

Капиталисты I авансируют на выдачу заработной платы 1.000 £, на которые рабочие покупают за 1.000 £ средства существования у капиталистов II, а те в свою очередь покупают на те же самые деньги средства производства у капиталистов I. Теперь к последним возвратился в денежной форме их переменный капитал, между тем как капиталисты II превратили половину своего постоянного капитала из формы товарного капитала обратно в производительный капитал. Капиталисты II авансируют дальнейшие 500 £ деньгами, чтобы достать средств производства у I; капиталисты I расходуют деньги на средства потребления II; таким образом эти 500 £ притекают назад к капиталистам II; они снова авансируют эти деньги, чтобы превратить опять в производительную натуральную форму последнюю четверть своего постоянного капитала, превращенного в товар. Эти деньги возвращаются к I и снова берут у I средств потребления на равную сумму; таким образом 500 £ притекают назад к II; капиталисты этого класса теперь, как и раньше, владеют 500 £ в деньгах и 2.000 £ в постоянном капитале с той разницей, что последний снова превращен из формы товарного капитала в производительный капитал. Обращение количества товаров на 5.000 £ совершилось при помощи 1.500 £ денег; именно: 1) I уплачивает рабочим 1.000 £ за рабочую силу равной величины по стоимости; 2) рабочие на эти 1.000 £ покупают у II средства существования; 3) II на те же самые деньги покупает средства производства у I, у которого таким образом снова восстанавливается в денежной форме переменный капитал в 1.000 £; 4) II покупает на 500 £ средства производства у I; 5) I покупает на эти же 500 £ средства потребления у II; 6) II покупает на те же 500 £ средства производства у I; 7) I покупает на те же самые 500 £ средства существования у II. Ко II возвратились назад 500 £, которые он бросил в обращение сверх 2.000 £ в своем товаре и за которые он не извлек из обращения никакого эквивалента в виде товара ⁴⁸⁾.

⁴⁸⁾ Здесь изложение несколько уклоняется от того, которое дано ниже (стр. 394). Там I бросает в обращение дополнительную сумму в 500. Здесь только II дает добавочный денежный материал для обращения. Однако это ничего не изменяет в конечном результате. Ф. Э.

Итак, обмен совершается следующим образом:

1) I платит 1.000 £ деньгами за рабочую силу, следовательно, за товар = 1.000 £.

2) Рабочие на свою заработную плату суммою в 1.000 £ деньгами покупают средства потребления у II; следовательно, товар = 1.000 £.

3) II на полученные от рабочих 1.000 £ покупает у I средства производства такой же стоимости; следовательно, товар = 1.000 £.

Вместе с тем к I возвратились 1.000 £ в деньгах как денежная форма переменного капитала.

4) II покупает у I на 500 £ средств производства; следовательно, товар = 500 £.

5) I покупает на эти самые 500 £ средств потребления у II; следовательно, товар = 500 £.

6) II покупает на эти самые 500 £ средств производства у I; следовательно, товар = 500 £.

7) I покупает на те же 500 £ средств потребления у II; следовательно, товар = 500 £.

Сумма обменных товарных стоимостей = 5.000 £.

500 £, которые II подразделение авансировало на куплю, возвратились к нему назад.

Результат таков:

1) I имеет переменный капитал в денежной форме величиной в 1.000 £, первоначально авансированных этим подразделением для обращения; кроме того, оно израсходовало на свое индивидуальное потребление 1.000 £ — в виде своего собственного товарного продукта; т.-е. оно израсходовало деньги, которые получило от продажи средств производства стоимостью в 1.000 £.

С другой стороны, та натуральная форма, в которую должен превратиться переменный капитал, существующий в денежной форме, т.-е. рабочая сила, посредством потребления сохранилась, воспроизведена, и опять имеется в наличности, как единственная торговая статья ее обладателей, которую они, чтобы поддержать существование, должны продавать. Таким образом воспроизведены и отношения между наемными рабочими и капиталистами.

2) Постоянный капитал II возмещен *in natura*, и 500 £, авансированные подразделением II для обращения, возвратились к нему назад.

Для рабочих I обращение представляется простым обращением

T — Д — Т: $\overset{1}{T}$ (рабочая сила, — $\overset{2}{D}$ (1.000 £, денежная форма переменного капитала) — $\overset{3}{T}$ (необходимые средства существования в сумме

на 1.000 £); эти 1.000 £ на такую же величину стоимости превращают в деньги постоянный капитал II, существующий в форме товара — средств существования.

Для капиталистов II этот процесс представляет T—D, превращение части их товарного продукта в денежную форму, из которой он превращается обратно в элементы производительного капитала, — именно в часть необходимых для этих капиталистов средств производства.

Авансируя D (500 £) на покупку остальной части средств производства, капиталисты II антиципируют денежную форму той части II c, которая существует еще в товарной форме (в форме средств потребления); в акте D—T, в котором II покупает на деньги, а I продает T, деньги (II) превращаются в часть производительного капитала, между тем как T (I) продельвает акт T—D, превращается в деньги; но эти деньги представляют для I не составную часть капитальной стоимости, а превращенную в деньги прибавочную стоимость, которая расходуется исключительно на средства потребления.

В обращении D—T...II...T'—D' первый акт, D—T, представляет акт одного капиталиста, последний, T'—D', акт (или часть акта) другого. Является ли то T, посредством которого D превращается в производительный капитал, для продавца T (который превращает таким образом это T в деньги) составной частью постоянного капитала, составной частью переменного капитала или прибавочной стоимостью, — это не имеет никакого значения для самого товарного обращения.

Что касается класса I, по отношению к составной части $v + m$ его товарного продукта, то класс этот извлек из обращения больше денег, чем бросил в него. Во-первых, к нему возвращаются 1.000 £ его переменного капитала; во-вторых, он продает (см. выше, обмен под № 4) средств производства на 500 £: таким образом превращается в деньги половина его прибавочной стоимости; потом (обмен под № 6) он опять продает средств производства на 500 £, вторую половину своей прибавочной стоимости, и, следовательно, вся прибавочная стоимость оказывается извлеченной из обращения в денежной форме. Итак, в последовательном порядке: 1) переменный капитал превращается обратно в деньги = 1.000 £; 2) половина прибавочной стоимости превращается в деньги = 500 £; 3) остальная половина прибавочной стоимости = 500 £; таким образом превращена в деньги сумма $1.000 v + 1.000 m = 2.000 £$. Хотя I (оставляя в стороне обмены, которые будут рассмотрены впоследствии и которыми обслуживается воспроизводство I c) бросил в обращение только 1.000 £, он извлек из обращения вдвое больше. Конечно, это m , превратившееся в D, в деньги, тотчас же исчезает в других руках (II) благодаря тому, что эти деньги расходуются на средства потребления. Ка-

питалисты I извлекли в деньгах лишь столько, сколько по стоимости они бросили в обращение в форме товара; а тот факт, что эта стоимость есть прибавочная стоимость, значит, ничего не стоит капиталистам, абсолютно ничего не изменяет в самой стоимости этого товара, следовательно, совершенно безразличен, поскольку дело идет о превращении стоимости в товарном обращении. Преполование товарной стоимости в денежной форме, разумеется, мимолетно, как мимолетны все другие формы, которые проходит в своих превращениях авансированный капитал. Оно длится как раз в течение того промежутка времени, который проходит от превращения товара I в деньги до следующего за ним превращения денег I в товар II.

Если бы мы предположили более короткие обороты — или, рассматривая вопрос с точки зрения простого товарного обращения, более быстрое обращение денег, — то еще меньшего количества денег было бы достаточно для того, чтобы содействовать обращению обмениваемых товарных стоимостей; сумма денег — при данном количестве последовательных обменов — постоянно определяется суммой цен — соответственно суммой стоимостей обращающихся товаров. При этом совершенно безразлично, в каком отношении эта сумма стоимостей составляется из прибавочной стоимости, с одной стороны, и капитальной стоимости — с другой.

Если бы в нашем примере заработная плата у I выдавалась четыре раза в год, то $250 \times 4 = 1.000$. Следовательно, 250 £ деньгами было бы достаточно для обращения I в $\frac{1}{2}$ II с и для обращения между переменным капиталом I в и рабочей силой I. Точно так же, если бы обращение между I m и II с совершалось в четыре оборота, для этого было бы необходимо всего 250 £, — значит, в общей сложности была бы необходима денежная сумма или денежный капитал в 500 £ для обращения товаров в сумме на 5.000 £. Тогда прибавочная стоимость превращалась бы в деньги не за два раза последовательными половинами, а за четыре раза последовательными четвертями.

Если в обмене под № 4 покупателем выступает не II, а I и, следовательно, затрачивает 500 £ деньгами на средства потребления такой же величины по стоимости, то II в обмене под № 5 покупает на те же самые 500 £ средств производства; 6) I на те же 500 £ покупает средств потребления; 7) II на эти же 500 £ покупает средства производства; следовательно, 500 £ в конце концов возвращаются к I, как раньше возвращались к II. Прибавочная стоимость превращается здесь в деньги при помощи денег, которые сам капиталистический производитель этой прибавочной стоимости расходует на свое личное потребление и которые представляют антиципированный доход, антиципированную выручку из прибавочной стоимости, заклю-

чающейся пока в имеющем быть проданным товаре. Превращение, прибавочной стоимости в деньги совершается не посредством обратного притока 500 £: ведь I, кроме 1.000 £ в виде товара I v, в конце обмена под № 4 бросил в обращение 500 £ деньгами, и эти деньги — добавочные деньги, как нам известно, а не выручка от проданного товара. Когда деньги притекают назад к I, то в них последний лишь возвращает себе свои добавочные деньги, а не превращает в деньги свою прибавочную стоимость. Превращение в деньги прибавочной стоимости I совершается лишь посредством продажи товаров I m, в которых заключается эта прибавочная стоимость, и ее пребывание в виде денег продолжается каждый раз лишь до тех пор, пока деньги, вырученные от продажи товара, не будут снова израсходованы на средства потребления.

I на дополнительные деньги (500 £) покупает у II средств потребления; эти деньги I израсходовал и получил за них эквивалент в товаре II; в первый раз деньги притекают назад благодаря тому, что II покупает у I товара на 500 £; следовательно, они возвращаются как эквивалент товара, который продал этот I, но товар этот ничего не стоит для I, т.-е. составляет прибавочную стоимость для I, и таким образом деньги, брошенные им самим в обращение превращают в деньги его собственную прибавочную стоимость; точно так же при своей второй купле (№ 6) I получает эквивалент ее в товаре II. Если предположить, что II не покупает у I средств производства (№ 7), то I действительно заплатил бы за 1.000 £ средств потребления — потребил бы всю прибавочную стоимость как доход — именно 500 своими товарами I (средствами производства) и 500 деньгами; в то же время у него осталось бы еще на складах на 500 £ в товарах I (в средствах производства) и было бы затрачено 500 £ деньгами.

Напротив, II превратил бы лишь три четверти своего постоянного капитала из формы товарного капитала в производительный капитал; остальную четверть — в форму денежного капитала (500 £), по существу в празднично лежащие деньги, или в деньги, прервавшие свое функционирование и находящиеся в выжидательном положении. Если бы такое положение затянулось, то II был бы вынужден сократить на одну четверть масштаб воспроизводства. — Что касается тех 500 в виде средств производства, которые остались на шее у I, то они представляют не прибавочную стоимость, пребывающую в товарной форме; они явились на место авансированных 500 £ деньгами, которые были у I наряду с его 1.000 £ прибавочной стоимости в товарной форме. Находясь в форме денег, они могли бы быть реализованы во всякое время; как товар они не могут быть проданы в данный момент. Отсюда ясно, что

простое воспроизводство, — при котором должен быть возмещен всякий элемент производительного капитала как в II, так и в I, — остается возможным здесь лишь при том условии, если 500 золотых птиц возвратятся к тому I, который вначале выпустил их.

Когда капиталист (здесь мы все еще имеем перед собою промышленного капиталиста, являющегося в то же время представителем всех других) израсходует деньги на средства потребления, то это значит, что с этими деньгами все кончено для него, что они пошли стезею всего земного. Если они возвратятся к нему обратно, то это может произойти лишь в том случае, если он из обращения поймает их на товары, т.-е. посредством своего товарного капитала. Подобно стоимости всего годового товарного продукта (который для него = товарному капиталу), стоимость каждого элемента последнего, т.-е. стоимость всякого отдельного товара, может быть разложена для него на постоянную капитальную стоимость, переменную капитальную стоимость и прибавочную стоимость. Следовательно, превращение в деньги каждой единицы товара (они как элементы составляют товарный продукт) является в то же время превращением в деньги известной доли прибавочной стоимости, заключающейся во всем товарном продукте. Таким образом для данного случая в буквальном смысле справедливо, что капиталист сам бросил в обращение те деньги — именно, при расходовании их на средства потребления, — при посредстве которых превращается в деньги, или реализуется его прибавочная стоимость. Разумеется, дело здесь не в тех же самых монетах, а в сумме звонкой монеты, равной той сумме (или равной части той суммы), которую он бросил в обращение на покрытие личных потребностей.

На практике это совершается двояким способом: если предприятие открыто лишь в текущем году, то пройдет порядочный срок, в лучшем случае несколько месяцев, прежде чем у капиталиста явится возможность затрачивать на свое личное потребление деньги из доходов самого предприятия. Но из-за этого он ни на минуту не отерочивает своего потребления. Он сам (при чем совершенно безразличным обстоятельством является, из своего ли собственного кармана или из чужого, в кредит) авансирует деньги под имеющуюся в виду прибавочную стоимость, а в этих деньгах авансирует и средства на реализацию прибавочной стоимости, которая должна быть реализована в последнее время. Напротив, если предприятие в регулярном ходу уже сравнительно долгое время, то платежи и поступления распределяются на различные сроки в течение года. Но что идет непрерывно, так это потребление капиталиста, которое антиципирует и по своим размерам учитывает в известных пропорциях обычные или предположительные доходы. При продаже каждой партии товара реализуется

и часть прибавочной стоимости, которая должна быть добыта в течение года. Но если бы за целый год было продано лишь столько произведенного товара, сколько необходимо для возмещения содержащихся в нем постоянной и переменной капитальных стоимостей; или если бы цены упали до такой степени, что при продаже всего годового товарного продукта удалось бы реализовать лишь заключающуюся в нем авансированную капитальную стоимость, то в расходовании денег ясно выступил бы характер антиципации, расчета на будущую прибавочную стоимость. Если наш капиталист обанкротится, то его кредиторы и суд станут расследовать, находились ли его антиципированные личные расходы в подобающем отношении к размерам его предприятия и к доходу (прибавочной стоимости), обычно или нормально соответствующему этим размерам.

Если мы возьмем весь класс капиталистов, то положение, что он сам должен бросить в обращение деньги на реализацию своей прибавочной стоимости (или для обращения своего капитала, постоянного и переменного), не только не представляется парадоксальным, но является необходимым условием всего механизма; ведь здесь имеются только два класса: рабочий класс, у которого только и есть, что его рабочая сила, и класс капиталистов, в монопольном владении которого находятся средства общественного производства, как и деньги. Парадокс заключался бы в том, если бы рабочий класс из собственных средств авансировал в первую очередь деньги, необходимые для реализации прибавочной стоимости, заключающейся в товарах. Индивидуальный же капиталист всегда совершает это авансирование лишь в такой форме, что он действует как покупатель, расходует деньги на покупку средств потребления или авансирует деньги на покупку элементов своего производительного капитала, — рабочей ли силы, средств ли производства. Он всегда отдает деньги только за эквивалент. Деньги он авансирует обращению лишь таким же способом, как авансирует ему свой товар. И в том и в другом случае он действует как исходный пункт обращения товара и денег.

Действительный ход дела затемняется обстоятельствами двоякого рода:

1) В процессе обращения промышленного капитала появляются торговый капитал (первой формой которого всегда являются деньги, потому что торговец как таковой не создает никакого „продукта“ или „товара“) и денежный капитал, как объект операций особого сорта капиталистов.

2) Распадение прибавочной стоимости, — которая в первую очередь всегда должна попадать в руки промышленного капиталиста, — на различные категории, представителями которых наряду с промышлен-

ным капиталистом являются землевладелец (для земельной ренты), ростовщик (для процента) и т. д., затем правительство со своими чиновниками, рентьеры и т. д. Эти молодцы являются по отношению к промышленному капиталисту покупателями, и постольку они превращают его товары в деньги; и они pro parte бросают „деньги“ в обращение, а капиталист получает эти деньги от них. При чем постоянно забывается, из какого источника они первоначально получили и снова и снова получают деньги.

VI. Постоянный капитал подразделения I ⁴⁸⁾.

Нам остается еще исследовать постоянный капитал подразделения I = 4.000 I с. Эта стоимость равна вновь появляющейся в товарном продукте I стоимости средств производства, потребленных на производство этой товарной массы. Эта вновь появляющаяся стоимость, произведенная не в производственном процессе I, а годом раньше, и вступившая в него как постоянная стоимость, как определенная по величине стоимость средств производства, существует теперь в виде всей той части товарной массы I, которая не поглощена категорией II; и стоимость этой товарной массы, оставшейся таким образом в руках капиталистов I = $\frac{2}{3}$ стоимости всего их годового товарного продукта. Об отдельном капиталисте, который производит какой-либо особый вид средств производства, мы могли бы сказать: он продает свой товарный продукт, превращает его в деньги. Превращая его в деньги, он превращает обратно в деньги и постоянную часть стоимости своего продукта. На эту часть стоимости, превращенную в деньги, он потом покупает себе у других продавцов товаров средства производства, или пр вращает постоянную часть стоимости своего продукта в ту натуральную форму, в которой она может снова функционировать как производительный постоянный капитал. Напротив, в нашем случае такое предположение невозможно. Класс капиталистов I охватывает всю совокупность капиталистов, производящих средства производства. Кроме того, товарный продукт в 4.000, оставшийся у них на руках, представляет ту часть общественного продукта, которую нельзя обменять ни на какую другую, потому что уже не остается никакой такой другой части годового продукта. За исключением этих 4.000 весь остаток уже нашел себе место; часть поглощена общественным потребительным фондом, а другая часть должна возместить постоянный капитал подразделения II, которое уже обменяло все, чем могло оно располагать в обмене с подразделением I

⁴⁸⁾ Отсюда из рукояси II

Затруднение разрешается очень просто, если мы примем в соображение, что весь товарный продукт I по своей натуральной форме состоит из средств производства, т.-е. из вещественных элементов самого постоянного капитала. Здесь открывается то же явление, как под II, только в ином виде. В II весь товарный продукт состоял из средств потребления; поэтому часть его, измеряемая заключающейся в этом товарном продукте заработной платой плюс прибавочная стоимость, могла быть потреблена самими производителями этой части. Здесь, в I, весь товарный продукт состоит из средств производства, построек, машин, вместилниц, сырых и вспомогательных материалов и т. д. Поэтому часть их, возмещающая применяемый в данной сфере постоянный капитал, может в своей натуральной форме немедленно начать функционирование в качестве составной части постоянного капитала. Поскольку она вступает в обращение, она обращается в пределах класса I. В II части товарного продукта *in natura* потребляется его собственными производителями индивидуально, напротив, в I часть продукта капиталистическими производителями последнего потребляется *in natura* производителем X

В части товарного продукта $I=4.000$ с постоянная капитальная стоимость, потребленная в этом подразделении, появляется вновь и притом в такой натуральной форме, в которой она немедленно может начать функционирование в качестве производительного постоянного капитала. В II часть товарного продукта в 2.000, стоимость которой равна стоимости заработной платы плюс прибавочная стоимость ($=1.000$), непосредственно входит в сферу индивидуального потребления капиталистов и рабочих II; напротив, постоянная капитальная стоимость этого товарного продукта ($=2.000$) не может вновь войти в производительное потребление капиталистов II, она должна быть возмещена посредством обмена с

В противоположность этому в I часть товарного продукта в 6.000, стоимость которой равна заработной плате плюс прибавочная стоимость ($=2.000$), не входит да и не может по своей натуральной форме войти в индивидуальное потребление производителей этого продукта. Сначала должен совершиться обмен этой части с II. Напротив, постоянная часть стоимости этого продукта $=4.000$ находится в такой натуральной форме, в которой она — если рассматривать класс капиталистов I как целое — непосредственно может вновь функционировать как постоянный капитал I. Другими словами: весь продукт подразделения I состоит из потребительных стоимостей, которые по своей натуральной форме могут служить только как элементы — при капиталистическом способе производства — производительного капитала. Следовательно, из этого продукта общей стоимостью в 6.000 одна треть

(2.000) возмещает постоянный капитал подразделения II и остальные $\frac{2}{3}$ — постоянный капитал подразделения I.

Постоянный капитал I состоит из ряда различных групп капитала, вложенных в различные отрасли производства средств производства: столько-то в доменные печи, столько-то в каменноугольные шахты и т. д. Каждая из этих групп капитала, или каждый из этих общественных групповых капиталов в свою очередь слагается из большего или меньшего количества самостоятельно функционирующих отдельных капиталов. Во-первых, капитал общества, напр., 7.500 (что может означать миллионы и т. д.) распадается на различные группы капитала; общественный капитал в 7.500 распался на особые части, из которых каждая вложена в особую отрасль производства; вложенная в каждую особую отрасль производства часть общественной капитальной стоимости по своей натуральной форме состоит отчасти из средств производства каждой особой производственной сферы, отчасти из рабочей силы, необходимой для ведения дела в этой сфере и соответствующим образом квалифицированной, модифицирующейся вследствие разделения труда, в зависимости от специфического характера работы, которую она должна выполнять в каждой отдельной сфере производства. Часть общественного капитала, вложенная в каждую особую отрасль производства, в свою очередь состоит из суммы вложенных в нее самостоятельно функционирующих отдельных капиталов. Само собою разумеется, это одинаково относится к обоим подразделениям, к I, как и к II.

Что касается постоянной капитальной стоимости, вновь появляющейся в I в форме товарного продукта, то она отчасти вновь входит в качестве средств производства в ту особую сферу производства (или даже в то индивидуальное предприятие), из которой вышла как продукт; напр., зерно в производство зерна, уголь в производство угля, железо в форме машин в производство железа.

Поскольку же отдельные продукты, из которых состоит постоянная капитальная стоимость I, непосредственно не входят снова в свою особую или индивидуальную сферу производства, они просто переменяют место. Они входят в натуральной форме в другую сферу производства подразделения I, между тем как продукт третьих производственных сфер подразделения I возмещает их *in natura*. Это — простое перемещение данных продуктов. Вместо одной группы они входят в другую группу подразделения I как факторы, возмещающие постоянный капитал в I. Поскольку здесь находит себе место обмен между отдельными капиталистами I, он представляет обмен одной натуральной формы постоянного капитала на другую натуральную форму постоянного капитала, одного сорта средств производства на другой

сорт средств производства. Это — взаимный обмен различных индивидуальных частей постоянного капитала I. Продукты, поскольку они не служат непосредственно как средства производства в своей собственной отрасли производства, переходят из места своего производства в другое и таким образом возмещают друг друга. Другими словами (подобно тому как в II происходит с прибавочной стоимостью): каждый капиталист I пропорционально тому, насколько он является совладельцем этого постоянного капитала в 4.000, извлекает из этой товарной массы необходимые ему соответствующие средства производства. Если бы производство было общественным, а не капиталистическим, то ясно, что продукты подразделения I в целях воспроизводства не с меньшим постоянством распределялись бы как средства производства между отраслями производства этого подразделения: одна часть непосредственно оставалась бы в той сфере производства, из которой она вышла как продукт, напротив, другая переходила бы в другие места производства, и таким образом между различными местами производства этого подразделения установилось бы постоянное движение в противоположных направлениях.

VII. Переменный капитал и прибавочная стоимость в обоих подразделениях.

Итак, вся стоимость произведенных за год средств потребления равна воспроизведенной в течение года переменной капитальной стоимости II плюс вновь произведенная прибавочная стоимость II (т.е. равна стоимости, произведенной в течение года в подразделении II) плюс переменная капитальная стоимость I, воспроизведенная в течение года, и вновь произведенная прибавочная стоимость I (следовательно, плюс стоимость, произведенная в течение года в подразделении I).

Итак, предполагая простое воспроизводство, вся стоимость произведенных за год средств потребления равна вновь произведенной годовой стоимости, т.е. равна — и должна быть равна, так как при простом воспроизводстве потребляется вся эта стоимость, — всей стоимости, произведенной общественным трудом в течение года.

Весь общественный рабочий день распадается на две части: 1) необходимый труд; в течение года он создает стоимость в 1.500 v; 2) прибавочный труд; он создает дополнительную стоимость, или прибавочную стоимость в 1.500 m. Сумма этих стоимостей = 3.000, равна стоимости произведенных за год средств потребления на 3.000. Итак, вся стоимость произведенных за год средств потребления равна всей стоимости, которую произвел весь общественный рабочий день в течение

ние года, равна стоимости общественного переменного капитала плюс общественная прибавочная стоимость, равна всему годовому новому продукту.

Но мы знаем, что, хотя эти две величины стоимости совпадают, тем не менее отнюдь не вся стоимость товаров II, средств потребления, произведена в этом подразделении общественного производства. Они взаимно покрываются, потому что снова появляющаяся в II постоянная капитальная стоимость равна стоимости (переменной капитальной стоимости плюс прибавочная стоимость), вновь произведенной в I; поэтому I подразделение может купить на $v + m$ ту часть продукта II, которая для производителей последнего (в подразделении II) представляет постоянную капитальную стоимость. Отсюда видно, почему, хотя с точки зрения капиталистов II стоимость их продукта разлагается на $c + v + m$, с точки зрения общества стоимость этого продукта может быть разложена на $v + m$. Но дело обстоит так лишь потому, что здесь II с равно I ($v + m$), и что эти две составные части общественного продукта посредством обмена взаимно обмениваются своими натуральными формами, так что после такого акта II с опять существует в виде средств производства, а I ($v + m$) в виде средств потребления.

Вот это обстоятельство и дало А. Смиту повод утверждать, что стоимость годового продукта разлагается на $v + m$. Это справедливо 1) лишь для той части годового продукта, которая состоит из средств потребления; 2) справедливо не в том смысле, что эта стоимость целиком произведена в II и что, следовательно, стоимость продукта II равна стоимости переменного капитала, авансированного в II, плюс прибавочная стоимость, произведенная в II. Но лишь в том смысле, что $II (c + v + m) = II (v + m) + I (v + m)$, или потому только, что $II c = I (v + m)$.

Из этого следует далее:

Общественный рабочий день (т.-е. труд, израсходованный всем рабочим классом в течение года), подобно всякому индивидуальному рабочему дню, распадается только на две части, именно на необходимый труд плюс прибавочный труд; поэтому и стоимость, произведенная этим рабочим днем, тоже распадается только на две части, именно на переменную капитальную стоимость, т.-е. ту часть стоимости, на которую рабочий покупает средства воспроизводства самого себя, и прибавочную стоимость, которую капиталист может израсходовать на свое собственное индивидуальное потребление. Тем не менее с точки зрения общества часть общественного рабочего дня затрачивается исключительно на производство свежего постоянного капитала, т.-е. продуктов, которые предназначены исключительно для

того, чтобы функционировать в процессе труда в качестве средств производства, а следовательно, в сопровождающем его процессе увеличения стоимости—в качестве постоянного капитала. Согласно нашему предположению, весь общественный рабочий день представлен денежной стоимостью в 3.000, из которых только $\frac{1}{3} = 1.000$ произведена в подразделении II, производящем средства потребления, т.-е. товары, в которых в конечном счете реализуется вся переменная капитальная стоимость и вся прибавочная стоимость общества. Итак, согласно этому предположению, $\frac{2}{3}$ общественного рабочего дня употребляются на производство нового постоянного капитала. Хотя с точки зрения индивидуальных капиталистов и рабочих подразделения I эти $\frac{2}{3}$ общественного рабочего дня совершенно в такой же мере служат производству лишь переменной капитальной стоимости плюс прибавочная стоимость, как остальная треть общественного рабочего дня в подразделении I, однако с точки зрения общества—а также если обратить внимание на потребительную стоимость продукта—эти $\frac{2}{3}$ общественного рабочего дня производят лишь возмещение постоянного капитала, находящегося или уже окончательно использованного в процессе производительного потребления. Да и с индивидуальной точки зрения, хотя вся стоимость, произведенная в эти $\frac{2}{3}$ рабочего дня, равняется только переменной капитальной стоимости плюс прибавочная стоимость для производителей, однако в эти $\frac{2}{3}$ рабочего дня вовсе не производится потребительных стоимостей такого рода, чтобы на них можно было расходовать заработную плату или прибавочную стоимость; продукт этих $\frac{2}{3}$ рабочего дня—средства производства.

Прежде всего необходимо отметить, что никакая часть общественного рабочего дня, ни в I ни в II, не служит производству стоимости того постоянного капитала, который применяется в этих двух крупных сферах производства и функционирует в них. Этот рабочий день производит только дополнительную стоимость, $2.000 I (v + m) + 1.000 II (v + m)$,—дополнительную к постоянной капитальной стоимости = $4.000 I c + 2.000 II c$. Новая стоимость, которая производится в форме средств производства, еще не есть постоянный капитал. Она лишь предназначена к тому, чтобы в качестве такового функционировать в будущем. *

Весь продукт II—средства потребления,—рассматриваемый со стороны его потребительной стоимости, в его конкретной натуральной форме, есть продукт затраченной в подразделении II одной трети общественного рабочего дня; это—продукт труда в таких его конкретных формах, как труд ткача, труд пекаря и т. д., которые применяются в этом подразделении, продукт этого труда, поскольку последний функционирует как субъективный элемент процесса труда. Напро-

тив, что касается постоянной части стоимости этого продукта II, то она только вновь проявляется в новой потребительной стоимости, в новой натуральной форме, в форме средств потребления, между тем как раньше существовала в форме средств производства. Благодаря процессу труда стоимость этой части перенесена с прежней натуральной формы на новую натуральную форму. Но стоимость этих $\frac{2}{3}$ стоимости годового продукта $= 2.000$ произведена не в процессе увеличения стоимости II, относящемся к текущему году.

Подобно тому как, рассматриваемый с точки зрения процесса труда, продукт II представляет результат вновь функционирующего живого труда и данных, предполагаемых последним средств производства, в которых как в своих материальных условиях этот труд получает осуществление, — совершенно так же с точки зрения процесса возрастания стоимости стоимость продукта II $= 3.000$ составлена из новой стоимости, которая произведена вновь присоединенной $\frac{1}{3}$ общественного рабочего дня ($500 v + 500 m = 1.000$), и из постоянной стоимости, в которой овеществлены $\frac{2}{3}$ прошлого общественного рабочего дня, протекшего до начала рассматриваемого здесь производственного процесса II. Эта часть стоимости продукта II представляется как часть самого продукта. Она существует в известном количестве средств потребления стоимостью в $2.000 = \frac{2}{3}$ общественного рабочего дня. Это — та новая потребительная форма, в которой вновь появляется упомянутая часть стоимости. Таким образом обмен части средств потребления $= 2.000$ II с на средства производства I $= I$ ($1.000 v + 1.000 m$) является по существу обменом $\frac{2}{3}$ всего рабочего дня, не содержащих ни малейшей части труда текущего года и истекших до начала этого года, на $\frac{2}{3}$ рабочего дня, присоединенного вновь, в текущем году. $\frac{2}{3}$ общественного рабочего дня текущего года не могли бы быть употреблены на производство постоянного капитала и в то же время составить переменную капитальную стоимость плюс прибавочная стоимость для производителей этого капитала, если бы они не вступали в обмен с той частью стоимости ежегодно потребляемых средств потребления, в которых заключаются $\frac{2}{3}$ рабочего дня, затраченного и реализованного до текущего года, не на протяжении этого года. Это — обмен $\frac{2}{3}$ рабочего дня текущего года на $\frac{2}{3}$ рабочего дня, затраченного до этого года, обмен между рабочим временем текущего года и прошлогодним рабочим временем. Следовательно, это объясняет нам загадку, каким образом новая стоимость, созданная в целый общественный рабочий день, может разложиться на переменную капитальную стоимость плюс прибавочная стоимость, хотя $\frac{2}{3}$ этого рабочего дня затрачиваются на производство не предметов, в которых мог бы реализоваться переменный капитал или прибавочная

стоимость, а на производство средств производства, служащих для возмещения капитала, потребленного в течение года. Это объясняется просто тем, что те $\frac{2}{3}$ стоимости продукта II, в которых капиталисты и рабочие I реализуют произведенную ими переменную капитальную стоимость плюс прибавочная стоимость (составляющие в сумме $\frac{2}{9}$ всей стоимости годового продукта), представляют по своей стоимости продукт $\frac{2}{3}$ общественного рабочего дня, истекшего до настоящего года.

Хотя сумма общественного продукта I и II, средств производства и средств потребления, рассматриваемая конкретно, с точки зрения потребительной стоимости, в ее натуральной форме, является продуктом труда текущего года, однако таковым она является лишь при том условии, если этот труд рассматривать как полезный конкретный труд, а не как просто затрату рабочей силы, не как труд, созидающий стоимость. Впрочем, рассматриваемая даже с точки зрения потребительной стоимости, эта сумма является продуктом труда текущего года исключительно в том смысле, что средства производства лишь посредством присоединенного к ним, оперировавшего с ними живого труда превратились в новый продукт, в продукт текущего года. Наоборот, без средств производства, существующих независимо от текущего труда, без средств труда и материалов производства труд текущего года не мог бы превратиться в продукт.

VIII. Постоянный капитал в обоих подразделениях.

Что касается всей стоимости продукта в 9.000 и тех категорий, а которые она распадается, то здесь анализ не представляет особых затруднений по сравнению с анализом стоимости продукта отдельного капитала и, напротив, тождествен с последним.

Во всем годовом продукте общества содержится в нашем примере три общественных рабочих дня по одному году. Выражение стоимости каждого из этих рабочих дней = 3.000; поэтому выражение стоимости всего продукта = $3.000 \times 3 = 9.000$.

Далее, до начала того однолетнего производственного процесса, продукт которого мы анализируем, из всего этого рабочего времени из трех однолетних общественных рабочих дней, истекло: в подразделении I $\frac{4}{3}$ рабочих дня (вновь созданная стоимость в 4.000) и в подразделении II $\frac{2}{3}$ рабочего дня (вновь созданная стоимость в 2.000). Итого 2 общественных рабочих дня, которые дали новую стоимость = 6.000. Поэтому $4.000 \text{ I с} + 2.000 \text{ II с} = 6.000 \text{ с}$ фигурируют как стоимость средств производства, или стоимость постоянного капитала, вновь появляющаяся во всей стоимости общественного продукта.

Далее, в подразделении $I \frac{1}{3}$ общественного рабочего дня, вновь присоединенного в течение года, представляет необходимый труд, или труд, возмещающий стоимость переменного капитала $1.000 I v$ и оплачивающий цену труда, нашедшего приложение в I . Точно так же в $II \frac{1}{6}$ общественного рабочего дня представляет необходимый труд, дающий в сумме стоимость в 500. Итак, $1.000 I v + 500 II v = 1.500 v$, выражение стоимости половины общественного рабочего дня, является выражением стоимости той первой половины всего присоединенного в текущем году рабочего дня, которая состоит из необходимого труда.

Наконец, в $I \frac{1}{3}$ всего рабочего дня, вновь созданная стоимость $= 1.000$, представляет прибавочный труд; в $II \frac{1}{6}$ рабочего дня, вновь произведенная стоимость $= 500$, представляет прибавочный труд; в сумме они дают вторую половину всего вновь присоединенного рабочего дня. Поэтому вся произведенная прибавочная стоимость $= 1.000 I m + 500 II m = 1.500 m$.

Итак:

Постоянная капитальная часть стоимости общественного продукта (c):
2 рабочих дня, затраченных до рассматриваемого производственного процесса; выражение стоимости $= 6.000$.

Необходимый труд (v), затраченный в течение года:
половина рабочего дня, затраченного на годовое производство; выражение стоимости $= 1.500$

Затраченный в течение года прибавочный труд (m):
половина рабочего дня, затраченного на годовое производство; выражение стоимости $= 1.500$.

Вновь созданная годовым трудом стоимость ($v + m$) $= 3.000$.

Вся стоимость продукта ($c + v + m$) $= 9.000$.

Итак, затруднение заключается не в анализе стоимости самого общественного продукта. Оно возникает при сопоставлении составных частей стоимости общественного продукта с его вещественными и составными частями.

Постоянная, лишь снова проявляющаяся часть стоимости равна стоимости той части этого продукта, которая состоит из средств производства; она воплощается в этой части общественного продукта.

Вновь произведенная в течение года стоимость $v + m$ равняется стоимости той части общественного продукта, которая состоит из средств потребления; она воплощается в этой части общественного продукта.

Но, оставляя в стороне безразличные для данного случая исключения, средства производства и средства потребления суть совершенно различные сорта товаров, продукты совершенно различной натуральной или потребительной формы, следовательно, продукты совершенно различных

конкретных видов труда. Труд, применяющий машины для производства средств существования, совершенно отличен от труда, делающего машины. Кажется так, как будто весь рабочий день, выражение стоимости которого $= 3.000$, затрачен на производство средств потребления $= 3.000$, в которых не проявляется вновь ни малейшая часть постоянной стоимости: эти $3.000 = 1.500 v + 1.500 m$ разлагаются лишь на переменную капитальную стоимость $+ прибавочная стоимость$. С другой стороны, стоимость постоянного капитала $= 6.000$ вновь появляется в таком виде продуктов, который совершенно отличен от средств потребления, в средствах производства, и представляется, как будто на производство этих новых продуктов не затрачено ни малейшей доли общественного рабочего дня; напротив, представляется, как будто весь рабочий день состоит лишь из таких родов труда, результатом которых являются не средства производства, а исключительно средства потребления. Тайна уже нашла разрешение. Вновь произведенная годовым трудом стоимость равна стоимости продукта подразделения II, всей стоимости вновь произведенных средств потребления. Но стоимость этого продукта на $\frac{2}{3}$ больше, чем та часть годового труда, которая затрачена в производстве средств потребления (подразделении II). На их производство затрачена лишь $\frac{1}{3}$ годового труда. $\frac{2}{3}$ этого годового труда затрачены на производство средств производства, следовательно, в подразделении I. Произведенная за это время в I новая стоимость, равная произведенным в I переменной капитальной стоимости плюс прибавочная стоимость, равна постоянной капитальной стоимости II, вновь появляющейся в подразделении II в виде средств потребления. Следовательно, эти величины могут быть обменены одна на другую, могут *in natura* возместить одна другую. Поэтому вся стоимость средств потребления II равна сумме вновь произведенной стоимости I + II, или II $(c + v + m) = I (v + m) + II (v + m)$, следовательно, равна сумме новой стоимости, произведенной годовым трудом в форме $v + m$.

С другой стороны, вся стоимость средств производства (I) равна сумме постоянной капитальной стоимости, вновь появляющейся в форме средств производства (I) и в форме средств потребления (II), следовательно, равна сумме постоянной капитальной стоимости, вновь появляющейся во всем продукте общества. Вся эта стоимость равна выражению стоимости $\frac{4}{3}$ прошлого рабочего дня, затраченных в I подразделении до начала производственного процесса, и $\frac{2}{3}$ прошлого рабочего дня, затраченных в XII до начала произведенного процесса, следовательно, в общей сложности выражению стоимости двух целых рабочих дней.

Итак, при анализе общественного годового продукта затруднение вытекает из того, что постоянная часть стоимости представляется в

продуктах совершенно иного рода—в средствах производства,—чем новая стоимость $v + m$, присоединенная к этой постоянной части стоимости и являющаяся в форме средств потребления. Получается такой вид, как будто $\frac{2}{3}$ потребленной массы продуктов,—если посмотреть на их стоимость,—снова имеются в новой форме, появляются как новый продукт, хотя общество не затратило никакого труда на его производство. По отношению к единичному капиталу такого явления не наблюдается. Каждый индивидуальный капиталист применяет определенный конкретный вид труда, который превращает в продукт соответствующие ему средства производства. Пусть, напр., капиталист будет машиностроителем, затраченный в течение года постоянный капитал = 6.000 с, переменный = 1.500 v, прибавочная стоимость = 1.500 m; продукт = 9.000; скажем, что этот продукт — 18 машин, из которых каждая = 500. Весь продукт существует здесь в одной и той же форме, в форме машин. (Если машиностроитель производит несколько сортов, то для каждого счет ведется самостоятельно.) Весь товарный продукт представляет продукт труда, затраченного в течение года в машиностроении, представляет сочетание одного и того же конкретного вида труда с одними и теми же средствами производства. Поэтому различные части стоимости продукта могут быть представлены в одной и той же натуральной форме: в 12 машинах заключаются 6.000 с, в 3 машинах 1.500 v, в 3 машинах 1.500 m. Здесь ясно, что стоимость 12 машин равняется 6.000 с не потому, что в этих 12 машинах воплощен только труд, истекший до машиностроения и затраченный не на машиностроение. Стоимость средств производства, необходимых на 18 машин, сама по себе не превратилась в 12 машин, но стоимость этих 12 машин (состоящая, в свою очередь, из 4.000 с + 1.000 v + 1.000 m) просто равняется всей постоянной капитальной стоимости, заключающейся в 18 машинах. Поэтому машиностроитель должен продать 12 из 18 машин, чтобы возместить затраченный им постоянный капитал, необходимый ему для воспроизводства 18 новых машин. Напротив, дело было бы необъяснимо, если бы, хотя применяемый труд заключается единственно в машиностроении, результатом его оказались бы: с одной стороны, 6 машин = 1.500 v + 1.500 m, с другой стороны—железо, медь, винты, ремни и т. д. общей стоимостью в 6.000 с, т. е. средства производства машин, обретающиеся в своей натуральной форме, средства производства, которых, как известно, машиностроитель-капиталист сам не производит, но которые он должен возмещать при посредстве процесса обращения. И однако на первый взгляд представляется, как будто воспроизводство общественного годового продукта совершается подобным абсурдным способом.

Продукт индивидуального капитала, т. е. всякой доли общественного капитала, самостоятельно функционирующей, наделенной собственной жизнью, может иметь какую-угодно натуральную форму. Единственное условие заключается в том, чтобы он действительно имел потребительную форму, потребительную стоимость, которая накладывает на него отпечаток как на члена, способного к обращению в мире товаров. При этом совершенно безразличным и случайным является то обстоятельство, может ли он как средство производства снова войти в тот самый производственный процесс, из которого вышел как продукт, следовательно, обладает ли та часть стоимости этого продукта, в которой представлена постоянная часть капитала, такой натуральной формой, которая позволяет ей фактически снова функционировать в качестве постоянного капитала. Если этого нет, то указанная часть стоимости продукта посредством продажи и купли вновь превращается в форму вещественных элементов, необходимых для производства этого продукта, и постоянный капитал воспроизводится таким образом в той натуральной форме, в которой он может функционировать как таковой.

Иначе обстоит дело с продуктом всего общественного капитала. Все вещественные элементы воспроизводства в своей натуральной форме должны послужить частями этого самого продукта. Потребленная постоянная часть капитала может быть возмещена при посредстве всего производства лишь при том условии, если вся вновь появляющаяся в продукте постоянная часть капитала появляется в натуральной форме новых средств производства, которые действительно могут функционировать как постоянный капитал. Поэтому—раз мы предполагаем простое воспроизводство—стоимость той части продукта, которая состоит из средств производства, должна быть равна постоянной части стоимости общественного капитала.

Далее, если рассматривать дело с индивидуальной точки зрения, то посредством вновь присоединяемого труда капиталист производит лишь свой переменный капитал плюс прибавочная стоимость, входящие в стоимость его продукта, между тем как постоянная часть стоимости переносится на продукт благодаря конкретному характеру вновь присоединяемого труда.

С общественной точки зрения, та часть общественного рабочего дня, которая производит средства производства, следовательно, присоединяет к ним новую стоимость и переносит на них стоимость средств производства, потребленных на их производство,—эта часть не производит ничего иного, кроме нового постоянного капитала, предназначенного возместить как в I, так и в II постоянный капитал, потребленный в форме старых средств производства. Эта часть производит только продукт, предназначенный войти в произ-

водительное потребление. Следовательно, вся стоимость этого продукта представляет стоимость, которая может вновь функционировать только как постоянный капитал, которая в ее натуральной форме может быть куплена только на постоянный капитал и которая, следовательно, если рассматривать дело с точки зрения общества, не разлагается ни на переменный капитал, ни на прибавочную стоимость.—С другой стороны, та часть общественного рабочего дня, которая производит средства потребления, не производит ни малейшей доли в возмещение общественного капитала. Она производит лишь продукты, которые в своей натуральной форме предназначены на то, чтобы реализовать стоимость переменного капитала и прибавочную стоимость в I и II.

Говоря об общественной точке зрения, следовательно, рассматривая весь общественный продукт, который предполагает и воспроизводство общественного капитала и индивидуальное потребление, не следует впадать в манеру, заимствованную Прудоном у буржуазной экономии, и смотреть на дело таким образом, как будто общество капиталистического способа производства, взятое en bloc, как целое, утрачивает этот свой специфический историко-экономический характер. Напротив. В таком случае приходится иметь дело с коллективным, собирательным капиталистом. Весь капитал представляется как бы акционерным капиталом всей совокупности отдельных капиталистов. И такое акционерное общество имеет то общее со многими другими акционерными обществами, что всякий знает, что он вложил, но не знает, что он получит обратно.

IX. Ретроспективный взгляд на А. Смита, Шторха и Рамсея.

Вся стоимость общественного продукта составляет $9.000 = 6.000 c + 1.500 v + 1.500 m$, другими словами: 6.000 воспроизводят стоимость средств производства, а 3.000—стоимость средств потребления. Следовательно, стоимость общественного дохода ($v + m$) составляет только $\frac{1}{3}$ стоимости всего продукта, и совокупность потребителей—рабочие и капиталисты—лишь на сумму стоимости этой трети могут брать из всего общественного продукта товары, продукты, и включать их в фонд своего потребления. Напротив, $6.000 = \frac{2}{3}$ стоимости продукта представляют стоимость постоянного капитала, который должен быть возмещен *in natura*. Следовательно, средства производства на такую сумму должны быть снова включены в производственный фонд. Необходимость этого видел уже Шторх, хотя он не мог представить доказательств: „Ясно, что стоимость годового продукта состоит отчасти из капитала, отчасти из доходов, и что каждая из этих частей стоимости годового продукта

регулярно покупает продукты, которые необходимы нации как для восстановления своего капитала, так и для возмещения своего потребительного фонда... Продукты, составляющие капитал нации, не подлежат потреблению" (Storch, *Considérations sur la nature du revenu national*. Париж 1824, стр. 150).

Однако А. Смит выставил эту сказочную догму,—которая до сих пор принимается на веру,—не только в уже упомянутой форме, будто бы вся стоимость общественного продукта разлагается на доход—на заработную плату плюс прибавочная стоимость,—или, как он выражает это, на заработную плату плюс прибыль (процент) плюс земельная рента. Он выставил ее и в еще более популярной форме, будто в последнем счете (*ultimately*) потребители должны оплатить производителям всю стоимость продукта. Это до сих пор остается одним из достовернейших общих мест или даже вечных истин для так называемой науки политической экономии. Такое представление стараются сделать наглядным при помощи следующего приема, имеющего видимость правдоподобия. Возьмем какой-нибудь предмет, напр., полотняные рубашки. Прядильщик льняной пряжи должен прежде всего оплатить возделывателю льна всю стоимость льна, т.-е. семена, удобрения, средства, корм для рабочего скота и т. д., а также ту часть стоимости, которую основной капитал возделывателя, как-то: постройки, сельско-хозяйственный инвентарь и т. д., передает продукту; возместить заработную плату, выданную при производстве льна; прибавочную стоимость (прибыль, земельную ренту), заключающуюся в льне; наконец, издержки по перевозке льна от места его производства к прядильне. Потом ткач должен возратить льнопрядильщику не только эту цену льна, но и ту часть стоимости машин, построек и т. д., короче, основного капитала, которая перенесена на лен; далее, все потребленные в процессе прядения вспомогательные материалы, заработную плату прядильщиков, прибавочную стоимость и т. д.,—и таким же образом дело идет дальше с белильщиком, с издержками по транспорту готового полотна, наконец, с фабрикантом рубашек, который оплачивает всю цену всех предыдущих производителей, доставивших ему лишь то, что является для него сырым материалом. На фабрике у него совершается дальнейшее присоединение стоимости: стоимости постоянного капитала, потребленного в форме средств труда, вспомогательных материалов и т. д. при фабрикации рубашек, и присоединение стоимости посредством затраченного на эту фабрикацию труда, который присоединяет стоимость заработной платы рабочих, делающих рубашки, плюс прибавочная стоимость фабриканта рубашек. Пусть весь этот продукт-рубашки в конце концов стоит 100 £, и в такой цифре пусть выражается та доля всей стоимости годового продукта, которую общество

затрачивает на рубашки. Потребители рубашек оплачивают 100 £, следовательно, стоимость всех средств производства, заключающихся в рубашках, а также заработную плату плюс прибавочная стоимость возделывателя льна, прядильщика, ткача, белильщика, фабриканта рубашек, равно как и всех транспортеров. Это совершенно справедливо. Это — такая вещь, которая, действительно, понятна всякому ребенку. Но потом говорят: так обстоит дело и с стоимостью всех других товаров. Следовало бы сказать: так обстоит дело с стоимостью всех средств потребления, с стоимостью той части общественного продукта, которая входит в фонд потребления, следовательно, с той частью стоимости общественного продукта, которая может быть израсходована как доход. Сумма стоимости всех этих товаров, конечно, равняется стоимости всех потребленных на них средств производства (постоянных частей капитала) плюс стоимость, созданная трудом, присоединенным в последний раз (заработная плата плюс прибавочная стоимость). Следовательно, совокупность потребителей может оплатить всю эту сумму стоимости, так как хотя стоимость каждого отдельного товара составляется из $c + v + m$, но сумма стоимости всех товаров, входящих в фонд потребления, взятая в своей совокупности, в максимальной величине, может равняться лишь той части стоимости общественного продукта, которая разлагается на $v + m$, т.-е. может равняться лишь той стоимости, которую труд, затраченный в течение года, присоединил к уже имевшимся в наличности средствам производства, к стоимости постоянного капитала. Но что касается последней, постоянной капитальной стоимости, то, как мы видели, она возмещается из массы общественного продукта двояким образом. Во-первых, посредством обмена капиталистов II, производящих средства потребления, с капиталистами I, производящими зато средства производства. Здесь и лежит источник фразы, будто то, что для одних является капиталом, для других представляет доход. Действительное положение дела не таково. Те 2.000 II с, которые существуют в виде средств потребления стоимостью в 2.000, составляют для класса капиталистов II постоянную капитальную стоимость. Следовательно, сами капиталисты II не могут потребить эту стоимость, хотя продукт по своей натуральной форме предназначен для потребления. С другой стороны, 2.000 I ($v + m$) представляют заработную плату + прибавочная стоимость, произведенные категорией капиталистов и рабочих I. Они существуют в натуральной форме средств производства, вещей, в которых их собственная стоимость не может быть потреблена. Следовательно, мы имеем здесь сумму стоимости в 4.000, из которых половина — как обмена, так и после обмена — служит лишь для возмещения постоянного капитала, и только другая половина составляет доход. — Но, во-

вторых, постоянный капитал подразделения I возмещается *in natura* отчасти посредством обмена между капиталистами I, отчасти при посредстве возмещения *in natura* в каждом отдельном предприятии.

Фраза, будто вся стоимость годового продукта в последнем счете оплачивается потребителями, была бы справедлива лишь при том условии, если бы под потребителями разумели два совершенно различных сорта: индивидуальные потребителей и производительных потребителей. Но если часть продукта должна быть потреблена производительно, то это означает лишь одно: она должна функционировать как капитал и не может быть потреблена как доход.

Наоборот, если стоимость всего продукта = 9.000 мы подразделим на 6.000 $c + 1.500 v + 1.500 m$ и станем рассматривать 3.000 ($v + m$) лишь с той точки зрения, что это — доход, то получается такое впечатление, как будто переменный капитал исчез, и весь общественный капитал состоит исключительно из постоянного капитала. Ведь то, что первоначально являлось как 1.500 v , разложилось на элемент общественного дохода — на заработную плату, доход рабочего класса, — и вместе с тем исчез характер этой части как капитала. Рамсей и на самом деле извлек соответствующий вывод. Согласно ему, капитал, рассматриваемый с общественной точки зрения, состоит только из основного капитала, но под основным капиталом он понимает постоянный капитал, массу стоимостей, заключающуюся в средствах производства, будут ли эти средства производства средствами труда или материалом труда, как сырой материал, полуфабрикат, вспомогательный материал и т. д. Переменный капитал он называет оборотным: „Оборотный капитал состоит исключительно из средств существования и других необходимых предметов, авансируемых для рабочих, пока не будет закончен продукт их труда... Только основной капитал, не оборотный, является, строго говоря, источником национального богатства... Оборотный капитал не является непосредственным деятелем в производстве и вообще не имеет для него существенного значения: это — лишь условие, сделавшееся необходимым вследствие плачевной бедности массы народа... С национальной точки зрения лишь основной капитал составляет элемент издержек производства“ (Ramsay, I. с., стр. 23 — 26 *passim*). Ближайшим образом Рамсей так поясняет основной капитал, под которым он понимает постоянный: „Продолжительность времени, в течение которого часть продукта этого труда (т.-е. труда, направленного на производство какого-либо товара) существовала в виде основного капитала, т.-е. в такой форме, в которой она хотя и содействует производству будущего товара, но не служит содержанию рабочих“... (стр. 59).

Здесь мы снова встречаемся с той бедой, которую причинил А. Смит, потопив различие постоянного и переменного капитала в различии основного и оборотного капитала. Постоянный капитал Рамсея состоит из средств труда, его оборотный капитал — из средств существования; и те другие суть товары данной стоимости; и те и другие одинаково не могут произвести прибавочную стоимость.

Х. Капитал и доход: переменный капитал и заработная плата ⁴⁹⁾.

Все годовое воспроизводство, весь продукт этого года представляет продукт полезного труда за этот год. Но стоимость всего этого продукта больше, чем та часть его стоимости, в которой воплощается годовой труд, — р бочая сила, затраченная в текущем году. Новая годовая стоимость, стоимость, вновь созданная в течение этого года в товарной форме, меньше, чем стоимость продукта, вся стоимость массы товаров, произведенных за целый год. Разность, которая получится, если из всей стоимости годового продукта вычесть стоимость, присоединенную к нему трудом текущего года, представляет не действительно воспроизведенную стоимость, а стоимость, лишь вновь появившуюся в новой форме существования; стоимость, перенесенную на годовой продукт стоимостью, которая существовала раньше этого продукта, которая — в зависимости от долговечности составных частей постоянного капитала, принимавших участие в процессе общественного труда текущего года, — может быть более или менее отдаленного происхождения во времени, которая, быть может, происходит от стоимости средств производства, появившихся на свет в прошлом году или в течение ряда предыдущих годов. Во всяком случае это — стоимость, перенесенная с прошлогодних средств производства на продукт текущего года.

Если мы обратимся к нашей схеме, то после обмена рассмотренных до сих пор элементов между I и II и в пределах II мы получаем:

I) $4.000c + 1.000v + 1.000m$ (последние 2.000 реализуются в средствах потребления II c) = 6.000.

II) $2.000c$ [воспроизводятся посредством обмена с I ($v + m$)] + $500v + 500m = 3.000$.

Сумма стоимости = 9.000.

Стоимость, вновь произведенная в течение года, заключается только в v и m . Следовательно, сумма вновь произведенной годовой стоимости равна сумме $v + m$, = 2.000 I ($v + m$) + 1.000 II ($v + m$) =

⁴⁹⁾ Отсюда по рукописи VIII.

3.000. Все остальные части стоимости продукта этого года представляют лишь стоимость, перенесенную с стоимости прежних средств производства, потребленных на годичное производство. Кроме стоимости в 3.000, труд текущего года не произвел никакой иной стоимости; это — вся новая стоимость, произведенная им за текущий год.

Но 2.000 I ($v + m$), как мы видели, возмещают для II подразделения 2.000 II в натуральной форме средств производства. Следовательно, две трети годового труда, затраченные в категории I, вновь произвели постоянный капитал II, — как всю его стоимость, так и его натуральную форму. Таким образом, с общественной точки зрения, две трети труда, затраченного в течение года, произвели новую постоянную капитальную стоимость, реализованную в натуральной форме, соответствующей подразделению II. Следовательно, наибольшая часть годового общественного труда затрачена на производство нового постоянного капитала (капитальной стоимости, существующей в форме средств производства), который служит для возмещения постоянной капитальной стоимости, израсходованной на производство средств потребления. Капиталистическое общество отличается здесь от дикаря не тем, что, как полагает Сениор⁵⁰⁾, дикарю принадлежит привилегия и особенность затрачивать свой труд в течение известного времени таким образом, что у него не получается результатов, которые могли бы быть разложены (обменены) на доход, т.-е. на средства потребления. Действительное различие заключается в следующем:

а) Капиталистическое общество относительно большее количество имеющегося в его распоряжении труда употребляет на производство средств производства (*ergo* постоянного капитала), которые не разложимы на доход, имеет ли он форму заработной платы или форму прибавочной стоимости, и могут функционировать только как капитал.

б) Делая лук, стрелы, каменный молот, топор, корзину и т. д. дикарь превосходно знает, что употребляемое таким образом время он употребляет не на изготовление средств потребления, что он, покрывает так свою потребность в средствах производства и ничего больше. Кроме того, дикарь впадает в тяжкое экономическое прегрешение вследствие полного равнодушия к тому, сколько времени он затрачивает; напр., как рассказывает Тэйлор⁵¹⁾, зачастую целый месяц уходит на изготовление одной стрелы.

⁵⁰⁾ „Производя лук, дикарь занимается промышленностью, но при этом он не практикует воздержания“ (Senior, *Principes fondamentaux de l'Econ. Pol.* trad. Arrivabene. Париж 1836, стр. 308). „Чем более прогрессирует общество, тем большего воздержания требует оно“ (*ibid.*, стр. 342). „Капитал“, книга I глава XXII, 3.

⁵¹⁾ E. B. Tylor, *Forschungen über die Urgeschichte der Menschheit*, übersetzt von H. Müller. Leipzig, стр. 240.

Ходячее представление, посредством которого часть экономистов старается обойти теоретическое затруднение, т.-е. понимание действительной связи, то ходячее представление, будто то, что является для одного капиталом, для другого представляет доход, и обратно, — это представление отчасти правильно, но становится совершенно ложным (следовательно, связано с полным непониманием всего процесса превращений, совершающегося при годовом воспроизводстве, т.-е. с непониманием фактической основы того, что есть частично верного в указанном представлении), как только ему придают характер всеобщности.

Теперь мы дадим сводку фактических отношений, на которых основывается частичная правильность этого представления, и мы тотчас же обнаружим ошибочность в понимании этих отношений.

1) Переменный капитал функционирует как капитал в руках капиталиста и функционирует как доход в руках наемного рабочего.

Переменный капитал существует сначала в руках капиталиста как денежный капитал; он функционирует как денежный капитал, когда капиталист покупает на него рабочую силу. Пока он остается в его руках в денежной форме, он представляет не что иное, как данную стоимость, существующую в денежной форме, следовательно, представляет постоянную, но отнюдь не переменную величину. Это — лишь потенциально переменный капитал, именно вследствие того, что он может быть превращен в рабочую силу. Действительным переменным капиталом он становится лишь по совлечению своей денежной формы, после того как он превращен в рабочую силу, а последняя начинает функционировать в капиталистическом процессе как составная часть производительного капитала.

Деньги, которые сначала функционировали для капиталиста как денежная форма переменного капитала, теперь функционируют в руках рабочего как денежная форма его заработной платы, которую он превращает в средства существования; следовательно, как денежная форма дохода, который он получает от постоянно повторяющейся продажи своей рабочей силы.

Здесь перед нами лишь тот простой факт, что деньги покупателя, в данном случае капиталиста, из его рук переходят в руки продавца, в данном случае продавца рабочей силы, рабочего. Здесь дважды функционирует — как капитал для капиталиста, как доход для рабочего — не переменный капитал, но одни и те же деньги, которые сначала существовали в руках капиталиста как денежная форма его переменного капитала, следовательно, как потенциальный переменный капитал, и которые, когда капиталист превратит их в рабочую силу, служат в руках рабочего эквивалентом проданной рабочей

силы. Но если одни и те же деньги в руках продавца получают иное использование, чем в руках покупателя, то это явление свойственно всякой купле и продаже товаров.

Апологеты-экономисты представляют дело ложно, что будет видно лучше всего, если мы обратим исключительное внимание, не забывая пока-что о последующем, только на акт обращения $D - P (= D - T)$: превращение денег в рабочую силу с точки зрения капиталистического покупателя, $P - D (= T - D)$, превращение товара рабочей силы в деньги с точки зрения продавца, рабочего. Они говорят: одни и те же деньги реализуют здесь два капитала; покупатель — капиталист — превращает свой денежный капитал в живую рабочую силу, которую он присоединяет к своему производительному капиталу; с другой стороны, продавец — рабочий — превращает свой товар — рабочую силу — в деньги, которые он расходует как доход, благодаря чему он как раз и оказывается в состоянии снова и снова продавать и таким образом сохранять свою рабочую силу; следовательно, сама его рабочая сила есть его капитал в товарной форме, являющийся постоянным источником его дохода. В действительности же рабочая сила есть его способность (постоянно возобновляющаяся, воспроизводящаяся), а не капитал. Она — единственный товар, который он постоянно может и должен продавать для того, чтобы жить, и который действует как капитал (переменный) лишь в руках покупателя, капиталиста. Если какой-либо человек постоянно вынуждается снова и снова продавать третьему лицу свою рабочую силу, т.-е. самого себя, это, согласно упомянутым экономистам, доказывает, что он — капиталист, потому что ему постоянно приходится продавать „товар“ (себя самого). В этом смысле и раб, хотя он раз навсегда продается третьим лицом как товар, становится капиталистом, так как природа этого товара — рабочего раба — такова, что покупатель не только заставляет его каждый день снова работать, но и дает ему те средства существования, вследствие которых он снова и снова может работать. — (Сравн. об этом Сисмонди и Сэй в письмах к Мальтусу.)

2) Итак, то, что в обмене $1.000 I v + 1.000 I m$ на $2.000 II c$ является постоянным капиталом для одних ($2.000 II c$), становится переменным капиталом и прибавочной стоимостью, следовательно, вообще доходом для других; а что является переменным капиталом и прибавочной стоимостью [$2.000 I (v + m)$], следовательно, вообще доходом для одних, становится постоянным капиталом для других.

Рассмотрим сначала обмен $I v$ на $II c$, прежде всего с точки зрения рабочего.

Собирательный рабочий I продал свою рабочую силу собирательному капиталисту I за 1.000; эта стоимость уплачена ему деньгами в

форме заработной платы. На эти деньги он покупает у II средств потребления на ту же сумму стоимости. Капиталист противостоит ему только как продавец товаров и ничего больше, хотя бы рабочий покупал у своего собственного капиталиста, как, напр., выше (стр. 400), в обмене 500 II v. Форма обращения, которую совершает его товар, рабочая сила, это — форма простого обращения товаров, направленного исключительно на удовлетворение потребностей, на потребление: T (рабочая сила) — Д — T (средства потребления, товар II). Результат этого акта обращения таков: чтобы сохранить в качестве рабочей силы для капиталиста I и чтобы сохранять себя впредь в качестве таковой, рабочий постоянно снова и снова должен повторять процесс P (T) — Д — T. Его заработная плата реализуется в средствах потребления, она расходуется как доход и, если взять рабочий класс в целом, постоянно снова и снова расходуется как доход.

Рассмотрим теперь тот же самый обмен I v на II с с точки зрения капиталиста. Весь товарный продукт II состоит из средств потребления; следовательно, из вещей, предназначенных к тому, чтобы войти в годовичное потребление, т.-е. послужить кому-либо — в рассматриваемом здесь случае собирательному рабочему I — для реализации дохода. Но для собирательного капиталиста II часть его товарного продукта, = 2.000, представляет теперь превратившуюся в товар форму постоянной капитальной стоимости его производительного капитала, который из этой товарной формы необходимо снова превратить обратно в ту натуральную форму, в которой он опять может функционировать, как постоянная часть производительного капитала. До сих пор капиталист II достиг того, что половину (= 1.000) своей постоянной капитальной стоимости, воспроизведенной в товарной форме (средствах потребления), он опять превратил в денежную форму посредством продажи рабочему I. Таким образом в эту первую половину постоянной капитальной стоимости II с превратился не переменный капитал I v, а деньги, которые в обмене на рабочую силу функционировали для I как денежный капитал и попали таким способом во владение продавца рабочей силы, при чем они представляют для последнего отнюдь не капитал, а доход в денежной форме, т.-е. расходуются как покупательное средство по отношению к средствам потребления. С другой стороны, деньги = 1.000, которые притекли от рабочих I к капиталистам II, не могут функционировать как постоянный элемент производительного капитала II. Это — пока лишь денежная форма его товарного капитала, которой еще предстоит превращение в основные или оборотные составные части постоянного капитала. Итак, II на деньги, вырученные от рабочих I, покупателей его товара, покупает у I средств производства на 1.000. Таким способом постоянная капитальная стоимость II на поло-

вину всей своей величины возобновляется в той натуральной форме, в которой она снова может функционировать как элемент производительного капитала II. Формою обращения было при этом T—D—T: средства потребления стоимостью в 1.000 — деньги = 1.000 — средства производства стоимостью в 1.000.

Но T—D—T в данном случае представляет движение капитала. Г, проданное рабочему, превращается в Д, а это Д превращается в средства производства; это — обратное превращение из товара в материальные элементы образования этого товара: С другой стороны, подобно тому как капиталист II по отношению к I является лишь покупателем товара, так капиталист I по отношению к II функционирует здесь лишь как продавец товара. I на 1.000 денег, предназначенную функционировать в качестве переменного капитала, первоначально купил рабочую силу стоимостью в 1.000; следовательно, он получил эквивалент за свои 1.000 v , отданные в денежной форме; теперь деньги принадлежат рабочему, который расходует их на акты купли у II; эти деньги, попавшие так в кассу II, I может получить обратно лишь таким способом, что он вылавливает их обратно посредством продажи товаров на ту же сумму стоимости.

Сначала у I была определенная денежная сумма = 1.000, предназначенная функционировать как переменная часть капитала; она функционирует как таковая при посредстве превращения ее в рабочую силу такого же размера по стоимости. Рабочий же доставил ему в качестве результата производственного процесса известное количество товаров (средств производства) стоимостью в 6.000, из которых $\frac{1}{6}$, или 1.000, по своей стоимости представляет эквивалент авансированной в деньгах переменной части капитала. Как раньше, в своей денежной форме, так и теперь, в своей товарной форме, переменная капитальная стоимость не функционирует как переменный капитал; она может функционировать так лишь после того, как совершится ее превращение в живую рабочую силу, и лишь в течение того времени, пока последняя функционирует в производственном процессе. Оставаясь в виде денег, переменная капитальная стоимость была лишь потенциальным переменным капиталом. Но эта стоимость существовала в такой форме, в которой она могла быть непосредственно превращена в рабочую силу. Оставаясь в форме товара, та же самая переменная капитальная стоимость является пока только потенциальной денежной стоимостью; она может быть снова восстановлена в первоначальной денежной форме лишь посредством продажи товара, т.-е. для данного случая таким способом, что II покупает на 1.000 товара у I. Движение обращения здесь таково: 1.000 v (деньги) — рабочая сила стоимостью в 1.000 — 1.000 в товаре (эквивалент переменного

капитала) — 1.000 v (деньги); следовательно, $D — T \dots T — D$ ($\equiv D — P \dots T — D$). Самый процесс производства, лежащий между $T \dots T$, не относится к сфере обращения; он не проявляется в обмене различных элементов годового воспроизводства о, н их на другие, хотя этот обмен предполагает воспроизводство всех элементов производительного капитала: как постоянного элемента, так и переменного — рабочей силы. Все агенты этого обмена являются только покупателями и продавцами — или и тем и другим; рабочие являются в нем лишь покупателями и продавцами; а в определенных границах — лишь односторонне покупателями товара или односторонне продавцами товара.

Результат таков: I владеет переменной частью стоимости своего капитала снова в денежной форме, из которой эта часть только и может быть непосредственно превращена в рабочую силу, т. е. опять владеет ею в той единственной форме, в которой она действительно может быть авансирована как переменный элемент его производительного капитала. С другой стороны, чтобы получить возможность вновь выступить в качестве покупателя товара, рабочий теперь опять должен выступить сначала как продавец товара, как продавец своей рабочей силы.

По отношению к переменному капиталу категории II ($500 II v$) процесс обращения между капиталистами и рабочими одного и того же класса производства, — поскольку мы рассматриваем этот процесс таким образом, как будто он происходит между собирательным капиталистом II и собирательным рабочим II , — выступает в прямой форме, без всяких посредствующих звеньев.

Собирательный капиталист II авансирует $500 v$ на покупку рабочей силы на ту же сумму стоимости; в этом случае собирательный капиталист — покупатель, собирательный рабочий — продавец. Потом с деньгами, вырученными им за рабочую силу, выступает рабочий как покупатель части товаров, произведенных им же самим. Следовательно, капиталист здесь — продавец. Рабочий частью произведенного товарного капитала II , именно $500 v$ в товаре, возместил капиталисту деньги, уплаченные при покупке рабочей силы; теперь капиталист владеет в товарной форме тем же v , каким он владел в денежной форме раньше, перед превращением в рабочую силу; с другой стороны, рабочий стоимость своей рабочей силы реализовал в деньгах, а теперь в свою очередь реализует эти деньги, расходуя их как доход на предметы потребления, на покупку части произведенных им самим средств потребления. Это — обмен денежного дохода рабочего на воспроизведенную им самим в товарной форме составную часть товара, на $500 v$ капиталиста. Таким образом эти деньги возвращаются к

капиталисту II как денежная форма его переменного капитала. Эквивалентная стоимость дохода в денежной форме возмещает здесь переменную капитальную стоимость в товарной форме.

Капиталист не обогащается от того, что деньги, уплаченные им рабочему при покупке рабочей силы, он опять отвлекает от рабочего посредством продажи ему эквивалентного количества товара. Но существу он оплатил бы рабочего дважды, если бы он сначала заплатил ему 500 при покупке его рабочей силы и потом, кроме того, дал бы ему даром то количество товаров стоимостью в 500, которое он заставил рабочего произвести. Напротив, если бы рабочий не произвел для капиталиста ничего больше, кроме 500 в товаре;— эквивалентная цена своей рабочей силы в 500,— то после этой операции капиталист остался бы при том же, при чем был и раньше. Но рабочий воспроизвел продукт в 3.000; он сохранил постоянную часть стоимости продукта, т.-е. стоимость потребленных на него средств производства = 2.000, превратив их в новый продукт; кроме того, к этой данной стоимости он присоединил стоимость в 1.000 ($v + m$). (Представление, будто капиталист обогащается в том смысле, что он посредством возвращения 500 в деньгах приобретает прибавочную стоимость, развивает Детью де-Траси, о чем подробнее в отделе XIII этой главы.)

Благодаря покупке рабочим II средств потребления стоимостью в 500, к капиталисту II стоимость 500 II v , которая имела у него пока что в товаре, опять возвращается в деньгах, в той форме, в которой он ее первоначально авансировал. Непосредственным результатом сделки, как при всякой другой продаже товаров, является превращение данной стоимости из товарной формы в денежную форму. Совершившееся при посредстве этой сделки возвращение денег к своему исходному пункту тоже не представляет ничего особенного. Если бы капиталист II на 500 деньгами купил у капиталиста I товара и потом в свою очередь продал капиталисту I товара в сумме на 500, то к нему также возвратились бы 500 деньгами. Эти 500 деньгами получили бы лишь для обмена массы товаров в 1.000 и, согласно ранее указанному общему закону, возвратились бы к тому, кто бросил деньги в обращение для обмена этого количества товаров.

Но те 500 в деньгах, которые возвратились к капиталисту II, суть в то же время возобновленный потенциальный переменный капитал в денежной форме. Почему так? Деньги, а следовательно, и денежный капитал, суть потенциальный переменный капитал лишь потому и постольку, что и постольку они могут быть превращены в рабочую силу. Возвращение этих 500 £ деньгами к капиталисту II сопровождается возвращением рабочей силы II на рынок. Возвращение денег

и рабочей силы на противоположные полюсы — следовательно, и появление вновь этих 500 деньгами не только как денег, но и как переменного капитала в денежной форме — обусловлено одной и той же процедурой. Деньги = 500 возвращаются к капиталисту, потому что он продал рабочему II средств потребления в сумме на 500, следовательно, потому что рабочий израсходовал свою заработную плату и таким образом получил возможность содержать себя и семью, а вместе с тем и свою рабочую силу. Чтобы для него было возможно существовать дальше и впредь выступать в качестве покупателя товаров, он должен снова продать свою рабочую силу. Таким образом возвращение к капиталисту II этих 500 деньгами является в то же время возвращением — или сохранением — рабочей силы как товара, который можно купить на эти 500 деньгами, а потому является возвращением этих 500 деньгами как потенциального переменного капитала.

Что касается категории II б, производящей средства роскоши, то с ее v — (II б) v дело обстоит так же, как с I v. Деньги, которые возобновляют для капиталистов II б их переменный капитал в денежной форме, притекают к ним окольным путем, через руки капиталистов II а. Но тем не менее имеется различие в том, покупают ли рабочие средства своего существования непосредственно у тех капиталистических производителей, которым они продают свою рабочую силу, или же покупают их у другой категории капиталистов, при посредстве которых деньги возвращаются к первым лишь окольным путем. Так как рабочий класс перебивается изо дня в день, то он покупает, пока может покупать. Иначе обстоит дело с капиталистом, напр., при обмене 1.000 II с на 1.000 I v. Капиталист живет не изо дня в день. Побудительный мотив для него — возможное увеличение стоимости его капитала. Поэтому, если наступают какого-либо рода обстоятельства, благодаря которым капиталисту II кажется выгоднее не возобновлять немедленно свой постоянный капитал, а хотя бы отчасти удержать его в денежной форме на более или менее продолжительное время, то возвращение этих 1.000 II с (в деньгах) к I замедляется; замедляется, следовательно, и восстановление 1.000 v в денежной форме, и капиталист I может продолжать работу в прежнем масштабе лишь при том условии, если в распоряжении у него имеются запасные деньги, — как и вообще требуется запасной капитал в деньгах для того, чтобы можно было непрерывно продолжать работу, независимо от ускоренного или замедленного возврата переменной капитальной стоимости в деньгах.

Изучая обмен различных элементов текущего годового воспроизводства, необходимо исследовать и результат истекшего годового

труда, труда уже закончившегося года. Производственный процесс, результатом которого является этот годовой продукт, лежит позади нас, прошел, слился с продуктом этого процесса; следовательно, тем более относится это к процессу обращения, который предшествует процессу производства или идет параллельно с ним, к превращению потенциального в действительный переменный капитал, т.-е. к купле и продаже рабочей силы. Рабочий рынок уже не составляет части того товарного рынка, который имеется здесь перед нами. Здесь рабочий не только уже продал свою рабочую силу, но и доставил в товаре, кроме прибавочной стоимости, эквивалент цены своей рабочей силы; с другой стороны, заработная плата уже в кармане у него, и при обмене он фигурирует лишь как покупатель товара (средств потребления). Но, далее, годовой продукт должен содержать в себе все элементы воспроизводства, должен восстановить все элементы производительного капитала,— следовательно, прежде всего важнейший элемент, переменный капитал. И мы действительно видели, что по отношению к переменному капиталу результат обмена таков: рабочий, как покупатель товара, расходуя свою заработную плату и потребляя купленный товар, тем самым сохраняет и воспроизводит свою рабочую силу как единственный товар, который он может продавать; как деньги, авансированные капиталистом на покупку этой рабочей силы, возвращаются к капиталисту, так и рабочая сила в качестве товара, обмениваемого на эти деньги, возвращается на рабочий рынок; в результате— здесь специально для случая с 1.000 $I v$ — мы получаем: на стороне капиталистов I —1.000 v деньгами; на противоположной стороне, на стороне рабочих I ,—рабочая сила стоимостью в 1.000, так что весь процесс воспроизводства I может начаться снова. Это— один результат процесса обмена.

С другой стороны, расходование заработной платы рабочих I взяло у II средств потребления на сумму 1.000 с и таким образом превратило их из товарной формы в денежную форму; II из этой денежной формы превратил их обратно в натуральную форму своего постоянного капитала, средством для чего послужила покупка товаров = 1.000 v у I , который таким способом возвратил свою переменную капитальную стоимость опять в денежной форме.

Переменный капитал I совершает три превращения, которые совсем не проявляются при обмене годового продукта или проявляются лишь как намерения.

1) Первая форма, 1.000 $I v$ в деньгах, которые превращаются в рабочую силу того же размера по стоимости. Самое это превращение не проявляется в товарном обмене между I и II , но его результат проявляется в том, что класс рабочих I с 1.000 в деньгах противо-

стоит продавцу товаров II, — совершенно так же, как класс рабочих II с, получив 500 в деньгах противостоит продавцу товаров—500 II в, находящихся в товарной форме.

2) Вторая форма, — единственная, в которой переменный капитал действительно изменяется, функционирует как переменный, в которой тила, созидаящая стоимость, выступает на место обмененной на нее, данной по величине стоимости, — эта форма относится исключительно к производственному процессу, который лежит позади нас.

3) Третья форма, в которой переменный капитал о себе как таковом засвидетельствовал в результате производственного процесса, есть стоимость, вновь созданная в течение года, следовательно, для $= 1.000 v + 1.000 m = 2.000 I (v + m)$. На место его первоначальной стоимости $= 1.000$ деньгами выступила вдвое большая стоимость $= 2.000$ в товаре. А потому переменная капитальная стоимость $= 1.000$ товаром образует лишь половину той новой стоимости, которая создана переменным капиталом как элементом производительного капитала. Эти $1.000 I v$ товаром представляюг точный эквивалент той переменной по своему назначению части всего капитала, которую первоначально авансировал I в $1.000 v$ деньгами; но, существуя в товарной форме, они — деньги лишь потенциально (станут действительно таковыми лишь посредством продажи) и, следовательно, в еще меньшей мере представляют непосредственно переменный денежный капитал. В конце концов они становятся таковым лишь посредством продажи товара $1.000 I v$; при чем покупателем является II с, и посредством немедленного возвращения рабочей силы как продающегося товара, как материала, в который могут превратиться $1.000 v$ деньгами

Во время всех этих превращений переменный капитал постоянно остается в руках капиталиста I: 1) сначала как денежный капитал; 2) потом как элемент его производительного капитала; 3) еще позже как часть стоимости его товарного капитала, следовательно, в товарной стоимости; 4) наконец, опять в деньгах, которым опять противостоит рабочая сила, в которую они могут быть превращены. В течение процесса труда переменный капитал находится в руках капиталиста, как проявляющаяся в работе созидаящая стоимость рабочая сила, а не как стоимость данной величины; но так как капиталист всегда оплачивает рабочего лишь после того, как сила последнего уже действовала определенное более или менее продолжительное время, то, прежде чем оплатить ее, он уже получает в свои руки созданную ею стоимость в возмещение за нее самое плюс прибавочная стоимость.

Так как переменный капитал в той или иной форме постоянно остается в руках капиталиста, то отнюдь нельзя утверждать, что он превращается для кого-

либо в доход. Напротив, $1.000 I v$ в товаре превращается в деньги посредством продажи II -му, для которого таким образом возмещается *in natura* половина его постоянного капитала.

Не переменный капитал $I, 1.000 v$ в деньгах, разлагается на доход. Эти деньги, как только они превращены в рабочую силу, перестают функционировать как денежная форма переменного капитала I , — как и деньги всякого другого продавца товаров перестают представлять что-либо принадлежащее ему, как только они будут превращены в товар какого-либо продавца. Превращения, которые совершают в руках рабочего класса деньги, полученные как заработная плата, суть превращения не переменного капитала, а превратившейся в деньги стоимости рабочей силы рабочего класса: совершенно так же, как превращение вновь созданной рабочим стоимости [$2.000 I (v + m)$] есть лишь превращение принадлежащего капиталисту товара, нисколько не касающееся рабочего. Но капиталист—и в еще большей мере его теоретический истолкователь, экономист,—лишь с трудом может отделаться от фантазии, что деньги, выплаченные рабочему,—все еще его, капиталиста, деньги. Если капиталист—производитель золота, то переменная часть стоимости, т. е. тот эквивалент в товаре, который возмещает ему покупную цену труда, сама непосредственно появляется в денежной форме, а потому снова, без окольного пути возвращения, может функционировать как переменный денежный капитал. Но что касается рабочего в II , — оставляя в стороне рабочих, производящих средства роскоши, — то само $500 v$ существует в товарах, которые предназначены для потребления рабочего, которые он, рассматриваемый как собирательный рабочий, непосредственно опять покупает у того самого собирательного капиталиста, которому он продал свою рабочую силу. Переменная часть стоимости капитала II по своей натуральной форме состоит из средств потребления, предназначенных в большей части для потребления рабочего класса. Но то, что рабочий расходует в такой форме, представляет не переменный капитал, а заработную плату, деньги рабочего, которые как раз посредством своей реализации в этих средствах потребления восстанавливают для капиталиста переменный капитал $500 II v$ в денежной форме. Переменный капитал $II v$ воспроизведен в средствах потребления, как и постоянный капитал $2.000 II c$; как один, так и другой одинаково не разлагаются на доход. Что сводится в обоих случаях к доходу, так это заработная плата.

Но то обстоятельство, что посредством расходования заработной платы как дохода восстанавливается в форме денежного капитала $1.000 II c$ —и таким же окольным путем $1.000 I v$,—а также $500 II v$, следовательно, восстанавливается постоянный капитал и переменный ка-

питал (последний отчасти путем непрямого возвращения),—это обстоятельство представляет важный факт в обмене годового продукта.

XI. Возмещение основного капитала.

Крупное затруднение при изложении обменов годового воспроизводства заключается в следующем. Если мы возьмем самую простую форму для того, чтобы представить дело, то мы получим:

$$(I). 4.000 c + 1.000 v + 1.000 m +$$

$$(II). 2.000 c + 500 v + 500 m = 9.000$$

что в конце концов разлагается на:

$$4.000 I c + 2.000 II c + 1.000 I v + 500 II v + 1.000 I m + 500$$

$$II m = 6.000 c + 1.500 v + 1.500 m = 9.000.$$

Часть стоимости постоянного капитала, именно поскольку он состоит из собственно средств труда (как особого подразделения средств производства), перенесена с средств труда на продукт труда (товар); эти средства труда продолжают функционировать как элементы производительного капитала, при чем они сохраняют свою старую натуральную форму; их снашивание, та потеря стоимости, которую они мало-по-малу претерпевают при своем функционировании в течение определенного периода времени,—вот что вновь появляется как элемент стоимости товаров, произведенных при помощи этих средств труда, переносится с орудия труда на продукт труда. Следовательно, поскольку дело идет о годовом воспроизводстве, то здесь приходится принять во внимание прежде всего лишь такие составные части основного капитала, существование которых продолжается более года. Если они в пределах года отжидают свой век, то их необходимо целиком возместить и возобновить посредством годового воспроизводства, и потому поставленный вопрос не имеет до них никакого касательства. Может случиться — и часто случается так, — что известные отдельные органы машин и других сравнительно долговечных форм основного капитала, несмотря на долговечность организма здания или машины как целого, требуют полного возмещения на протяжении года. Эти отдельные органы относятся все к той же категории элементов основного капитала, подлежащих возмещению в течение года.

Этот элемент стоимости товаров отнюдь не следует смешивать с издержками на ремонт. Когда товар будет продан, этот элемент стоимости, как и другие, превратится в деньги; но после его превращения в деньги обнаруживается отличие от других элементов стоимости. Для этого, чтобы вновь началось воспроизводство товаров (вообще, чтобы процесс производства товаров был непрерывный), сырые материалы и вспомогательные вещества, потребленные на производство

товара, должны быть возмещены *in natura*; израсходованная на него рабочая сила точно также должна быть возмещена свежей рабочей силой. Следовательно, вырученные за товар деньги постоянно приходится снова и снова превращать в эти элементы производительного капитала, из денежной формы в товарную форму. Дело несколько не изменяется, если, напр., сырые материалы и вспомогательные вещества через известные сроки закупаются сравнительно крупными массами, так что они образуют производственные запасы, следовательно, если в течение известного времени не приходится покупать вновь этих средств производства, и благодаря этому, пока они остаются, получаемые от продажи товаров деньги, поскольку они должны послужить этой цели, можно накапливать, так что эта часть постоянного капитала временно является денежным капиталом, активное функционирование которого отсрочено. Это — не капитал, составившийся из дохода; это — производительный капитал, задерживаемый в денежной форме. Возобновление средств производства должно совершаться постоянно, хотя форма этого возобновления — по отношению к обращению, — может быть различной. Новая закупка, операция обращения, посредством которой они возобновляются, возмещаются, может совершаться через продолжительные сроки: в таком случае крупные денежные затраты разом, компенсируемые соответственным производственным запасом; или же через быстро следующие один за другим сроки: в таком случае быстро следующие одна за другой относительно мелкие дозы денежных затрат, незначительные производственные запасы. Самого дела это несколько не изменяет. То же и с рабочей силой. Если производство непрерывно ведется на протяжении года все в одном и том же масштабе, — постоянное возмещение потребленной рабочей силы новой; если работа имеет сезонный характер или в различные периоды прилагаются различные количества труда, как в земледелии, — в соответствии с этим купля то меньшего, то большего количества рабочей силы. Напротив, поскольку деньги, вырученные от продажи товара, являются той превращенною в деньги частью стоимости товара, которая равна снашиванию основного капитала, они не превращаются опять в составную часть того производительного капитала, утрату стоимости которого они возмещают. Они осаждаются и сохраняются в своей денежной форме наряду с производительным капиталом. Такое осажение денег повторяется, пока не истечет состоящая из большего или меньшего количества лет эпоха воспроизводства, на протяжении которой основной элемент постоянного капитала в своей старой натуральной форме продолжает функционировать в процессе производства. К тому времени, когда основной элемент — постройки, машины и т. д. — отживет свой век, утратит способность

функционировать в процессе производства, к этому времени его стоимость уже существует около него, вполне возмещенная деньгами: суммой денежных осадков, стоимостей, постепенно перенесенных с основного капитала на товары, в производстве которых он принимал участие, и перешедших в денежную форму посредством продажи товаров. Эти деньги служат потом для того, чтобы возместить *in natura* основной капитал (или элементы последнего, так как различные элементы его имеют различную продолжительность жизни) и таким образом действительно возобновить эту составную часть производительного капитала. Следовательно, эти деньги представляют денежную форму части постоянной капитальной стоимости, ее основной части: Таким образом это образование сокровища само является элементом капиталистического процесса воспроизводства, воспроизводством и сосредоточением — в денежной форме — стоимости основного капитала или его отдельных элементов до тех пор, пока основной капитал не отживет свой век и, следовательно, не передаст всей своей стоимости произведенным товарам, так что его необходимо будет возобновить *in natura*. Но когда эти деньги превращаются обратно в новые элементы основного капитала, чтобы возместить капитал, отживший свой век, они только утрачивают свою форму сокровища и лишь вновь активно вступают в процесс воспроизводства капитала, обслуживаемый обращением.

Как простое товарное обращение не тождественно просто с обменом продуктов, так и превращение годового товарного продукта нельзя свести к простому непосредственному взаимному обмену его различных составных частей. Деньги играют в нем специфическую роль, которая находит себе выражение и в способе воспроизводства основной капитальной стоимости. (Потом надо будет исследовать, каким образом это представлялось бы в ином виде, если бы предположить, что производство коллективное и не имеет формы товарного производства.)

Теперь, возвращаясь к основной схеме, мы имеем для класса II $2.000\ c + 500\ v + 500\ m$. Все средства потребления, произведенные в течение года, равны здесь стоимости в 3.000; и каждый из различных элементов товара, из которых слагается эта сумма товара, распадается по своей стоимости на $\frac{2}{3}\ c + \frac{1}{6}\ v + \frac{1}{6}\ m$, или, в процентах, на $66\frac{2}{3}\ c + 16\frac{2}{3}\ v + 16\frac{2}{3}\ m$. Различные сорта товаров класса II могут содержать постоянный капитал в различных пропорциях; основная часть постоянного капитала в них может быть точно также различна; точно также и продолжительность жизни основных частей капитала, а следовательно, и годовое снашивание или та часть стоимости, которую они *pro rata* переносят на товары, производимые при их участии. Все это здесь безразлично. По отношению к общественному процессу воспроизводства дело заключается лишь в обмене между

классами II и I. Но II и I противостоят здесь друг другу лишь в их общественных, массовых отношениях; поэтому пропорциональная величина части с стоимости товарного продукта II (только и имеющая решающее значение для того вопроса, который трактуется теперь) представляет то среднее отношение, которое получится, если подвести общий итог всем отраслям производства, входящим в II

Таким образом каждый из товарных сортов (а это по большей части — одни и те же сорта товара), общая стоимость которых подведена под $2.000\ c + 500\ v + 500\ m$, одинаково равен по своей стоимости $66\frac{2}{3}\% c + 16\frac{2}{3}\% v + 16\frac{2}{3}\% m$. Это относится ко всяким 100 единицам товаров, фигурируют ли они под с, или под v или же под m.

Товары, в которых воплощены 2.000 с, в свою очередь можно разложить по стоимости на:

$$1) 1333\frac{1}{3}\ c + 333\frac{1}{3}\ v + 333\frac{1}{3}\ m = 2.000\ c;$$

точно так же 500 v на:

$$2) 333\frac{1}{3}\ c + 83\frac{1}{3}\ m + 83\frac{1}{3}\ m = 500\ v;$$

наконец, 500 m на:

$$3) 333\frac{1}{3}\ c + 83\frac{1}{3}\ m + 83\frac{1}{3}\ m = 500\ m.$$

Теперь, если мы сложим с, находящийся в 1, 2 и 3, то получим $1333\frac{1}{3}\ c + 333\frac{1}{3}\ c + 333\frac{1}{3}\ c = 2000$. Точно так же $333\frac{1}{3}\ v + 83\frac{1}{3}\ v + 83\frac{1}{3}\ v = 500$, и то же самое под m; сложение всех этих величин попрежнему даст общую стоимость в 3.000.

Итак, вся постоянная капитальная стоимость, заключающаяся в массе товаров II стоимостью в 3.000, содержится в 2.000 с, и ни 500 v, ни 500 m не содержат ни одного атома этой стоимости. Это же относится в свою очередь и к v и к m

Другими словами: вся та доля товарной массы II, которая представляет стоимость постоянного капитала и потому опять подлежит превращению — в натуральную ли, в денежную ли форму его — существует в 2.000 с. Таким образом все, имеющее отношение к обмену постоянной стоимости товаров II, ограничивается движением 2.000 II с; и этот обмен возможен лишь на I ($1000\ v + 1000\ m$).

Точно так же для класса I все относящееся к обмену входящей в него постоянной капитальной стоимости следует ограничить рассмотрением 4.000 I с

- 1) Возмещение в денежной форме убыли стоимости от снашивания.

Теперь, если мы возьмем прежде всего:

$$I. 4.000\ c + 1.000\ v + 1.000\ m$$

$$II. \dots\dots\dots 2.000\ c + 500\ v + 500\ m,$$

то обмен товаров 2.000 II с на товары той же стоимости $I (1.000 v + 1.000 m)$ предполагал бы, что 2.000 II с *in natura* целиком снова превращаются в произведенные классом I натуральные составные части постоянного капитала II ; но товарная стоимость в 2.000 , в виде которой существует последний, содержит в себе элемент, который покрывает убыль стоимости основного капитала, но который не приходится немедленно возмещать *in natura*, который превращается в деньги, постепенно накапливаемые в общую сумму до тех пор, пока не наступит срок возобновления основного капитала в его натуральной форме. Каждый год представляет год смерти для основного капитала, который приходится возмещать то в одном, то в другом отдельном предприятии или даже то в одной, то в другой отрасли промышленности; в одном и том же индивидуальном капитале приходится возмещать то одну, то другую часть основного капитала (так как части его имеют различную продолжительность жизни). Рассматривая годовое воспроизводство — хотя бы и в неизменном масштабе, т.-е. абстрагируясь от всякого накопления, — мы начнем не *ab ovo*; мы возьмем один год из ряда многих, не первый год по рождении капиталистического производства. Итак, различные капиталы, вложенные в разнообразные отрасли производства класса II , имеют различный возраст, и, подобно тому как ежегодно умирают лица, функционирующие в этих отраслях производства, точно так же массы основных капиталов ежегодно достигают конца своей жизни и должны возобновляться *in natura* из накопленного денежного фонда. В этом смысле обмен 2.000 II с на 2.000 I ($v + m$) предполагает превращение 2.000 II с из его товарной формы (средств потребления) в натуральные элементы, которые состоят не только из сырых и вспомогательных элементов, но также из натуральных элементов основного капитала, — машин, орудий, построек и т. д. Поэтому снашивание, которое из стоимости 2.000 II с подлежит возмещению деньгами, отнюдь не соответствует размеру функционирующего основного капитала, так как часть последнего ежегодно приходится возмещать *in natura*; но предполагается, что в предыдущие годы в руках капиталистов класса II накопились деньги, необходимые для этого возмещения. Но это предположение в такой же мере относится к текущему году, как оно принимается для прошлых лет.

В обмене между $I (1.000 v + 1.000 m)$ и 2.000 II с следует прежде всего отметить, что в сумме стоимости $I (v + m)$ не содержится элементов постоянной стоимости, а следовательно, не содержится элементов стоимости в возмещение снашивания, т.-е. стоимости, перенесенной с основной составной части постоянного капитала на те товары, в натуральной форме которых существует $v + m$. Напротив, в II с этот элемент существует, и это есть как раз та часть элемента

стоимости, обязанного своим существованием основному капиталу, которую не приходится непосредственно превращать из денежной формы в натуральную форму и которая должна сначала оставаться в денежной форме. Рассматривая обмен I ($1.000 v + 1.000 m$) на 2.000 II с, мы тотчас наталкиваемся на то затруднение, что средства производства I, в натуральной форме которых существуют 2.000 ($v + m$), на всю сумму своей стоимости в 2.000 должны быть обменены на эквивалент, существующий в виде средств потребления II; но, с другой стороны, средства потребления 2000 II с не могут быть обменены на средства производства I ($1.000 v + 1.000 m$) на всю сумму своей стоимости, так как некоторая часть их стоимости,— равная снашиванию, которое подлежит возмещению, или равная убыли стоимости основного капитала,— сначала должна осесть в виде денег, которые уже не будут функционировать снова как средства обращения на протяжении того текущего годового периода воспроизводства, который только и рассматривается здесь. Но деньги, посредством которых превращается в деньги элемент снашивания, заключающийся в товарной стоимости 2.000 II с,— эти деньги могут явиться только от I, так как II не может оплатить само себя, но оплачивается именно лишь посредством продажи своего товара, и так как, согласно предположению, I ($v + m$) покупает всю сумму товаров 2.000 II с; следовательно, посредством этой купли класс I должен превратить в деньги для класса II упомянутое снашивание. Но, согласно ранее изложенному закону, деньги, авансированные для обращения, возвращаются к капиталистическому производителю, который позже бросает в обращение равное количество в виде товара. Ясно, что I, покупая II с, не может давать классу II каждый раз на 2.000 товарами и кроме того еще дополнительную денежную сумму (давать так, чтобы она не возвращалась к нему посредством операции обмена). Это вообще означало бы, что товарная масса II с продается выше ее стоимости. Если II в обмен на свои 2.000 с действительно выменивает I ($1.000 v + 1.000 m$), то ему не остается требовать от I ничего больше, и деньги, обращавшиеся при этом обмене, возвращаются к I или II в зависимости от того, кто из них бросил деньги в обращение, т.-е. кто из них раньше выступил как покупатель. При этом класс II в таком случае превратил бы свой товарный капитал на всю сумму его стоимости обратно в натуральную форму средств производства, между тем как у нас предположено, что некоторая часть его, будучи продана, не превращается в текущем годовом периоде воспроизводства из денег в натуральную форму основных элементов соответственного постоянного капитала. Следовательно, к II разница золотом могла бы притти лишь при том условии, если бы II продал I-му на 2.000, а купил бы у I менее чем на 2.000,

напр., только на 1.800; тогда I был бы должен покрыть разницу посредством 200 в деньгах, которые не возвратились бы к нему, потому что эти деньги, авансированные для обращения, не были бы вновь извлечены из него таким способом, как внесение в обращение товаров = 200. В таком случае для II у нас оказался бы денежный фонд по счету снашивания его основного капитала; но на другой стороне, на стороне I, у нас оказалось бы перепроизводство средств производства, выражающееся суммой в 200, и таким образом был бы разрушен зесь базис схемы, именно воспроизводство в прежних размерах, при котором предполагается полная пропорциональность между различными системами производства. Одно затруднение было бы устранено лишь другим, много более неприятным.

Так как эта проблема представляет особые затруднения и до сих пор вообще не трактовалась экономистами, то мы последовательно рассмотрим все возможные (по крайней мере, возможные по видимости) решения или, точнее, постановки самой проблемы.

Прежде всего, мы только что предположили, что II продает I-му 2.000, а покупает товаров у I лишь на 1.500. В товарной стоимости 2.000 II с заключалось 200 на возмещение снашивания, которые подлежат сохранению в деньгах как в сокровище; таким образом стоимость 2.000 II с распадается на 1.800, которые должны быть обменены на средства производства I, и на 200 в возмещение снашивания, которые (по продаже 2.000 I-му) должны быть удержаны в деньгах. Или по отношению к своей стоимости 2.000 II с были бы = 1800 с + 200 e (d), где d = déchet [снашивание].

В таком случае мы должны бы исследовать

обмен I. $1000 v + 1000 m$

II. $1800 c + 200 e (d)$.

На 1000 £, которые в виде заработной платы попали рабочим в уплату за их рабочую силу, I покупает средств потребления 1.000 II с; II на эти же самые 1.000 £ покупает средств производства 1.000 I v. Таким образом к капиталистам I притекает обратно их переменный капитал в денежной форме, и в ближайший год они могут купить на него рабочую силу той же величины по стоимости, т.-е. могут возместить *in natura* переменную часть своего производительного капитала. — Далее, II на авансированные 400 £ покупает средства производства I m, а I m на те же самые 400 £ покупает средства потребления II с. Те 400 £, которые II авансировал для обращения, возвратились таким образом к капиталистам II, но возвратились только как эквивалент за проданный товар. I на авансированные 400 £ покупает средства потребления; II покупает у I средств производства

на 400 £, благодаря чему эти 400 £ возвращаются к I. Значит, счет до сих пор таков:

I бросает в обращение 1.000 v + 800 m товаром; далее, бросает в обращение деньгами: 1.000 £ на заработную плату и 400 £ для обмена с II. По окончании обмена I имеет: 1.000 v деньгами, 800 m, превращенные в 800 II с (средства потребления), и 400 £ деньгами.

II бросает в обращение 1.800 с в товаре (средствах потребления) и 400 £ в деньгах; по окончании обмена он имеет: 1.800 в товаре I (средствах производства) и 400 £ в деньгах.

Теперь у нас остается еще на стороне I 200 m (в средствах производства), на стороне II—200 с (d) (в средствах потребления).

Согласно предположению, I на 200 £ покупает средства потребления с (d) общей стоимости в 200; но II удерживает эти 200 £, как как они представляют 200 с (d) снашивания, следовательно, не подлежат непосредственному превращению в средства производства. Итак, 200 I m остаются непроданными; $\frac{1}{10}$ прибавочной стоимости, подлежащей возмещению, не находит реализации, не может превратиться из своей натуральной формы средств производства в натуральную форму средств потребления.

Это не только противоречит предположению воспроизводства в прежнем масштабе: и сама по себе такая гипотеза несколько не объясняет того, как 200 с (d) превращаются в деньги; принятие ее означало бы скорее, что это превращение необъяснимо. Так как не удается показать, каким образом 200 с (d) могут превратиться в деньги, то предполагается, что I из любезности превращает их в деньги, — предполагается именно потому, что он не в состоянии превратить в деньги свой собственный остаток в 200 m. Видеть в этом нормальную операцию обмена—это все равно, как если бы мы предположили, что 200 £ ежегодно падают с неба и что именно они регулярно и превращают 200 с (d) в деньги.

Но нелепость подобной гипотезы не бросается так прямо в глаза, если I m, не выступая в такой примитивной форме бытия, как здесь,—не выступая составной частью стоимости средств производства, следовательно, составной частью стоимости товаров, которые их капиталистические производители должны посредством продажи реализовать в деньгах,—если I m оказывается вместо того в руках издольщиков по отношению к капиталистам, напр., как земельная рента оказывается в руках землевладельцев или как процент—в руках кредиторов, ссудивших деньги. Но если та часть прибавочной стоимости товаров, которую промышленный капиталист должен отдать как земельную ренту или как процент другим совладельцам прибавочной стоимости, в течение долгого времени не может быть реализована посредством продажи

самых товаров, то это означает конец и для уплаты ренты или процента, и потому ни землевладельцы, ни получатели процента не могут посредством расходования ренты и процента послужить как *dei ex machina* для того, чтобы по усмотрению превращать в деньги определенные части годовичного воспроизводства. Так же обстоит дело с расходованием всех так называемых непроизводительных рабочих, — государственных чиновников, врачей, адвокатов и т. д. и вообще всех, кто в форме „большой публики“ оказывает экономистам ту „услугу“, что объясняет необъясненное ими.

Так же мало помогает делу, когда, оставляя прямой обмен между I и II — между двумя крупными подразделениями самих капиталистических производителей, — привлекают торговца в качестве посредника и при помощи его „денег“ обходят все затруднения. Напр., в данном случае 200 I m в заключение должны быть окончательно сбыты промышленным капиталистам II. Пусть они пройдут через руки ряда торговцев; — и все же последний из них окажется, согласно гипотезе, в таком же положении по отношению к II, в каком сначала находились капиталистические производители I, т. е. они не могут продать II-му 200 I m, и несчастная покупная сумма не может возобновить тот же самый процесс для I.

Из этого видно, до какой степени необходимо, если даже оставить в стороне нашу главную задачу, исследование процесса воспроизводства в его основной форме, в которой устранены все затемняющие дело побочные обстоятельства, как необходимо это для того, чтобы разделаться с фальшивыми увертками, которые, с самого начала делая предметом анализа общественный процесс воспроизводства в его запутанной конкретной форме, приобретают видимость „научного“ объяснения.

Итак, закон, согласно которому деньги, авансированные капиталистическим производителем для обращения, при нормальном ходе воспроизводства (в прежнем ли, в расширяющемся ли масштабе) должны возвращаться к своему исходному пункту (при чем безразлично, принадлежат ли деньги капиталистическим производителям или заняты ими), — этот закон раз навсегда исключает ту гипотезу, что 200 II с (d) превращаются в деньги посредством тех денег, которые авансировал I.

2) Возмещение основного капитала *in natura*.

По устранении только-что рассмотренной гипотезы остается еще лишь такие возможности, которые стоят в связи не только с возмещением сносенной части деньгами, но и с действительным возмещением всего отжившего свой век основного капитала *in natura*.

До сих пор мы предполагали:

а) Что 1.000 £, которые I выдал на заработную плату, расходуются рабочими на II с той же стоимости, т.-е. что они покупают на эти 1.000 £ средства потребления.

Что I авансирует эти 1.000 £ в деньгах, это является простым констатированием факта. Соответственные капиталистические производители должны выдать заработную плату деньгами; потом эти деньги расходуются рабочими на средства существования и в свою очередь для продавцов средств существования служат средствами обращения при превращении их постоянного капитала из товарного капитала в производительный капитал. Они проходят при этом через многие каналы (мелочные торговцы, домовладельцы, сборщики податей, непроизводительные рабочие, как врачи и т. д., в которых нуждается сам рабочий), и потому лишь часть их непосредственно из рук рабочих I притекает в руки класса капиталистов II. Течение может более или менее застояться, поэтому могут оказаться необходимыми новые денежные резервы на стороне капиталистов. Все это при рассмотрении основной формы оставляется в стороне.

б) Мы предполагали, что один раз I авансирует на покупку у II дальнейшие 400 £ деньгами, которые притекают к нему обратно, а другой раз II на покупку у I авансирует 400 £, которые возвращаются к нему. Это предположение необходимо, так как было бы произвольным обратное предположение, что либо класс капиталистов I, либо класс капиталистов II односторонне авансирует на обращение деньги, необходимые для обмена товаров. Так как в предыдущем параграфе 1) было показано, что приходится отвергнуть как нелепую ту гипотезу, согласно которой дополнительные деньги, необходимые для превращения 2.000 II с (d) в деньги, бросает в обращение I, то, очевидно, остается лишь еще более нелепая, повидимому, гипотеза: II сам бросает в обращение деньги, при посредстве которых превращается в деньги составная часть стоимости товара, представляющая возмещение снашивания основного капитала. Напр., часть стоимости, утраченная в производстве прядильной машины господина X, вновь появляется как часть стоимости швейных ниток; то, что на одной стороне утрачено прядильной машиной в стоимости, ее снашивание, должно сосредоточиваться у него на другой стороне в виде денег. Пусть X покупает, наприм., на 200 £ хлопка у Y и таким образом авансирует для обращения 200 £ деньгами; Y покупает у него пряжи на эти самые 200 £, и эти 200 £ служат теперь для X как фонд в возмещение снашивания прядильной машины. Это сводилось бы просто к тому, как если бы X, независимо от своего производства, его продукта и продажи последнего, имел *in petto* 200 £ для того, чтобы

уплатить самому себе за уменьшение стоимости прядильной машины, г.-е. как если бы он, кроме уменьшения стоимости своей прядильной машины, выражающегося в 200 £, должен был ежегодно добавлять из своего кармана еще по 200 £ деньгами для того, чтобы получить в конце концов возможность купить новую прядильную машину.

Но нелепость только кажущаяся. Класс II состоит из капиталистов, основной капитал которых находится на совершенно различных ступенях своего воспроизводства. Для одних уже наступил срок, когда он целиком должен быть возмещен *in natura*. У других основной капитал более или менее далек от этой стадии; для всех членов последнего подразделения обще то обстоятельство, что их основной капитал пока не воспроизводится реально, т.-е. не возобновляется *in natura*, не возмещается новым экземпляром того же вида, но что его стоимость последовательно собирается в деньгах. Первое же подразделение находится совершенно (или отчасти, что здесь не имеет значения) в таком же положении, как при открытии своего предприятия, когда капиталисты с денежным капиталом выступили на рынок, чтобы превратить его, с одной стороны, в (основной и оборотный) постоянный капитал, а с другой стороны—в рабочую силу, в переменный капитал. Теперь им снова приходится авансировать, как тогда, этот денежный капитал для обращения,— следовательно, приходится авансировать стоимость постоянного основного капитала совершенно так же, как стоимость оборотного и переменного капитала

Итак, предполагается, что из 400 £, вносимых в обращение классом капиталистов II для обмена с I, одна половина идет от таких капиталистов в II, которые должны не только возместить при посредстве своих товаров свои средства производства, относящиеся к оборотному капиталу, но и возобновить посредством своих денег свой основной капитал *in natura*, между тем как другая половина капиталистов II своими деньгами возмещает *in natura* только оборотную часть своего постоянного капитала, но не свой основной капитал *in natura*. При таком предположении нет решительно ничего противоречивого в том, что возвращающиеся назад 400 £ (возвращающиеся, когда I покупает на них средства потребления) различно распределяются между этими двумя подразделениями капиталистов II. Они притекают обратно к классу II, но они возвращаются не в прежние руки, а различно распределяются внутри этого класса, переходят от одной его части к другой.

Одна часть капиталистов II, кроме части средств производства, покрываемой в конце концов ее товарами, превратила 200 £ деньгами в новые элементы основного капитала *in natura*. Их деньги, израсходованные таким образом, — как при начале предприятия, — лишь в ряде лет постепенно возвращаются к ним из обращения, как соответству-

ющая снашиванию составная часть стоимости товаров, произведенных при помощи этого основного капитала.

Напрогив, другая часть капиталистов II на 200 £ не получила никаких товаров от I, но I платит за товары деньгами, на которые первая часть капиталистов II купила элементы основного капитала. Одна часть капиталистов II опять располагает своей основной капитальной стоимостью в возобновленной натуральной форме, другая—все еще занята тем, чтобы сосредоточить эту стоимость в денежной форме для позднейшего возмещения своего основного капитала *in natura*.

Положение, из которого нам следует исходить, таково: после прежних обменов остаток подлежащих обмену товаров на обеих сторонах выражается в 400 т для I, в 400 с для II ⁵²⁾. Мы предполагаем, что II авансирует 400 деньгами для обмена этих товаров в сумме на 800. Половина этих 400 (=200) во всяком случае должна быть выложена той частью II с, которая накопила 200 в деньгах как стоимость снашивания и которая теперь должна снова превратить их обратно в натуральную форму своего основного капитала.

Совершенно так же, как постоянная капитальная стоимость, переменная капитальная стоимость и прибавочная стоимость,—на которые может быть разложена стоимость товарных капиталов II и I, — могут быть представлены в особых пропорциональных долях самих товаров II или, соответственно, I, — совершенно так же может быть представлена и та часть самой постоянной капитальной стоимости, которую еще не приходится превращать в натуральную форму основного капитала, но необходимо пока постепенно накапливать в денежной форме как сокровище. Известное количество товаров II (следовательно, в нашем примере — половина остатка = 200) является здесь лишь носителем этой стоимости снашивания, которой предстоит посредством обмена осадиться в виде денег. (Таким образом первая часть капиталистов II, возобновляющая основной капитал *in natura*, при посредстве соответствующей снашиванию части той товарной массы, от которой здесь фигурирует лишь остаток, быть может, уже реализовала для себя часть стоимости, соответствующей снашиванию; но им остается еще реализовать 200 в деньгах).

Далее, что касается второй половины (=200) тех 400 £, которые II бросил в обращение при этой заключительной операции, то на нее покупаются у I оборотные составные части постоянного капитала. Часть этих 200 £ бросили в обращение, быть может, обе части капи-

⁵²⁾ Цифры опять не согласуются с взятыми ранее. Однако это безразлично, так как дело касается здесь только отношений. Ф. Э.

талистов II или же только та часть, которая не возобновляет *in natura* основную составную часть стоимости.

Итак, посредством 400 £ от I извлечено: 1) на сумму в 200 £ таких товаров, которые состоят лишь из элементов основного капитала, 2) на сумму в 200 £ таких товаров, которые возмещают *in natura* лишь элементы оборотной части постоянного капитала II. I продает теперь весь свой годовой товарный продукт, поскольку его приходится продавать II; но стоимость одной пятой этого продукта, 400 £, теперь существует в его руках в денежной форме. Однако эти деньги представляют превращенную в деньги прибавочную стоимость, которая как доход должна быть израсходована на средства потребления. Итак, I на эти 400 £ покупает у II всю товарную стоимость = 400. Таким образом, приведя в движение товар II, деньги притекают обратно к II.

Возьмем теперь три случая. При этом ту часть капиталистов, которая возмещает основной капитал *in natura*, мы назовем „часть 1“, а ту, которая накапливает в денежной форме стоимость снашивания основного капитала, назовем „часть 2“. Три случая таковы: а) некоторая доля тех 400, которые как остаток еще существуют в виде товаров у II, должна возместить известную долю оборотных частей постоянного капитала для части 1 и части 2 (скажем, по $\frac{1}{2}$); б) часть 1 уже продала весь свой товар, следовательно, часть 2 еще должна продать 400; в) часть 2 продала все кроме тех 200, в которых заключается стоимость снашивания.

Тогда мы получаем следующие распределения:

а) Из товарной стоимости = 400 с, которая еще остается в руках II, часть 1 принадлежит 100 и части 2—300; 200 из этих 300 представляют снашивание. В этом случае из тех 400 £ деньгами, которые I теперь направляет обратно, чтобы получить товары II, частью 1 первоначально было затрачено 300,—именно, деньгами 200, на которые она извлекла из I элементы основного капитала *in natura*, и деньгами же 100 для обслуживания ее обмена товарами с I; напротив, часть 2 из этих 400 авансировала только $\frac{1}{4}$, т. е. 100—тоже для обслуживания своего товарного обмена с I.

Итак, из этих 400 деньгами часть 1 авансировала 300 и часть 2—100.

Но из этих 400 возвращаются:

К части 1: 100, следовательно, только $\frac{1}{3}$ авансированных ею денег. Но взамен остальных $\frac{2}{3}$ она обладает возобновленным основным капиталом стоимостью в 200. За этот основной элемент капитала стоимостью в 200 она дала I деньги, но не давала впоследствии никакого товара. По отношению к $\frac{2}{3}$ авансированных ею денег, по отношению к I, часть 1 выступает лишь как покупатель и потом не выступает еще

как продавец. Следовательно, эти деньги не могут возвратиться к части 1; иначе вышло бы, что она получила элементы основного капитала в подарок от I.—По отношению к остальной трети денег, авансированных частью 1, последняя выступает сначала как покупатель оборотных составных частей своего постоянного капитала. На эти же самые деньги I покупает у части 1 остаток ее товара стоимостью в 100. Следовательно, деньги возвращаются к ней (к части 1 от II), потому что она выступает в качестве продавца товара тотчас же после того, как выступала покупателем. Если бы они не возвратились, то вышло бы, что II (часть 1) за товары в сумме на 100 сначала дал I 100 деньгами и потом еще сверх того 100 товаром,—следовательно, подарил ему свой товар.

Напротив, к части 2, затратившей 100 деньгами, возвращается 300 деньгами: 100—потому что она сначала как покупатель бросила в обращение 100 деньгами и потом вернула их обратно как продавец; 200—потому что она функционирует только как продавец товаров на сумму стоимости в 200, но не как покупатель. Значит, деньги не могут возвратиться к I. Следовательно, снашивание основного капитала возмещается деньгами, которые II (часть 1) бросил в обращение на покупку элементов основного капитала; но они попадают в руки части 2 не как деньги части 1, а как деньги, принадлежащие классу I.

б) При этом предположении остаток II с распределяется таким образом, что части 1 принадлежит 200 деньгами, а части 2—400 в товарах.

Часть 1 продала все свои товары, но 200 в деньгах представляют превращенную форму основной составной части ее постоянного капитала, подлежащей возобновлению *in natura*. Следовательно, часть 1 в последнем случае выступает только как покупатель и вместо своих денег получает на ту же сумму стоимости товар I в виде элементов основного капитала *in natura*. Части 2 приходится внести в обращение (если I не авансировал денег для обмена товаров между I и II) *strictim* лишь 200 £, так как в размере половины своей товарной стоимости она является лишь продавцом I, не покупая у I.

Из обращения возвращаются к части 2 400 £: 200—потому что она их авансировала как покупатель и получает их обратно как продавец товаров на 200; 200—потому что она продает I товаров стоимостью в 200, не получая за это товарного эквивалента от I

с) Часть 1 владеет 200 в деньгах и 200 с в товаре; часть 2—200 с (d) в товарах

Части 2 при этом предположении ничего не приходится авансировать деньгами, потому что они по отношению к I вообще уже функционируют не как покупатель, а только как продавец, следовательно ей приходится ждать, пока v нее купят.

Часть 1 авансирует 400 £ деньгами: 200—для взаимного обмена товарами с I, 200—как односторонний покупатель у I. Посредством этих последних 200 £ деньгами она покупает элементы основного капитала.

I посредством 200 £ деньгами покупает у части 1 товара на 200, благодаря чему к ней возвращаются ее 200 £ деньгами, авансированные на этот товарный обмен; при посредстве других 200 £,—которые тоже получены от части 1—I покупает товаров на 200 у части 2, благодаря чему у последней снашивание ее основного капитала осаждается в виде денег.

Дело несколько не изменилось бы от того, если бы мы предположили, что в случае с) не класс II (часть 1), а класс I авансирует деньгами 200 на обмен имеющихся в наличности товаров. Потом, когда I купит сначала у II, части 2, товаров на 200,—предполагается, что части 2 остается продать лишь этот остаток товара,—то эти 200 £ не возвращаются к I, потому что II, часть 2, не выступает опять как покупатель; но II, части 1, приходится потом покупать на 200 £ деньгами, а также пускать в обмен товаров на 200,—следовательно, предстоит выменять у I в общей сложности на 400. Тогда 200 £ деньгами от II, части 1, возвращаются к I. Если I снова затрачивает их, чтобы купить товара на 200 у II, части 1, то они возвратятся к нему, когда II, часть 1, возьмет у I вторую половину 400 в товарах. Часть I (II) затратила 200 £ деньгами как простой покупатель элементов основного капитала; поэтому они не возвращаются к ней, а служат для того, чтобы превратить в деньги 200 с, остаточные товары II, части 2, между тем как к I деньги, затраченные им на товарный обмен, 200 £, возвращаются,—не от II, части 2, а от II, части 1. За его товары на 400 к нему возвратился товарный эквивалент размером в 400; 200 £ деньгами, авансированные им для обмена товаров на 800, также возвратились к нему,—и таким образом все в порядке.

Затруднение, которое открылось при обмене:

I. $1.000 \text{ v} + 1.000 \text{ m}$

II. $\underbrace{\hspace{10em}}_{2.000 \text{ с}}$, свелось к затруднению при

обмене остатков:

I. 400 m.

II. (1) 200 деньгами + 200 с товарами + (2) 200 с товарами, или, чтобы представить дело еще яснее:

I. 200 m + 200 m.

II. (1) 200 деньгами + 200 с товарами + (2) 200 с товарами.

Так как для II, части 1, 200 с товарами обмениваются на 200 I m (товарами) и так как все деньги, обращающиеся между I и II при

этом обмене товаров на 400, возвращаются к тому, кто их авансировал,—к I или II,—то эти деньги, как элемент обмена между I и II, по существу не являются элементом той проблемы, которая занимает нас в настоящее время. Или, в ином способе представления: если мы предположим, что в обмене между 200 I т (товарами) и 200 II с (товарами II, части 1) деньги функционируют как средства платежа, а не как покупательное средство, и потому не как „средство обращения“ в тесном смысле, то будет ясно—так как товары 200 I т и 200 II с (части 1) равны по величине стоимости,—что средства производства стоимостью в 200 обмениваются на средства потребления стоимостью в 200, что деньги функционируют здесь лишь идеально, и что в действительности совсем не приходится бросать денег в обращение для уплаты разницы на той или другой стороне. Следовательно, проблема выступает в своем чистом виде лишь тогда, когда мы вычеркнем на обеих сторонах, I и II, товар 200 I т и его эквивалент—товар 200 II с (части 1).

Итак, по устранении этих двух взаимно покрывающихся товарных величин равной стоимости (I и II) получается для обмена такой остаток, в котором проблема выступает в чистом виде:

I. 200 т товаром.

II. (1) 200 с деньгами + (2) 200 с товаром.

Ясно: II, часть 1, на 200 деньгами покупает 200 I т—составные части своего основного капитала; благодаря этому основной капитал II, части 1, возобновлен *in natura*, а прибавочная стоимость I, величиной в 200, из товарной формы (средства производства,—именно, элементы основного капитала) превращена в денежную форму. На эти деньги I покупает средства потребления у II, части 2; и результат для II таков, что для части 1 возобновлена *in natura* основная составная часть ее постоянного капитала; и что для части 2 другая составная часть (возмещающая изнашивание основного капитала) приобрела форму денежного осадка; и это ежегодно повторяется до тех пор пока и эту составную часть не придется возобновлять *in natura*.

При этом необходимое условие, очевидно, заключается в том, чтобы эта основная составная часть постоянного капитала II, которая в размере всей своей стоимости превращается в деньги и потому каждый год подлежит возобновлению *in natura* (часть 1);—чтобы она была равна годовичному изнашиванию другой основной составной части постоянного капитала II, которая все еще продолжает функционировать в своей старой натуральной форме и изнашивание которой,—убыль стоимости,—переносимая на товары, в производстве которых функционирует эта часть,—сначала подлежит возмещению деньгами. Поэтому такое равновесие является законом воспроизводства в неизменном мас-

штабе; это значит, другими словами, что пропорциональное распределение труда в классе I, производящем средства производства, должно оставаться неизменным, поскольку он доставляет, с одной стороны, оборотные, а с другой—основные составные части постоянного капитала для подразделения II.

Прежде чем ближе исследовать это, мы должны посмотреть, какой вид примет дело, если остаточная величина II с (1) не равна остатку II с (2); она может быть больше или меньше этого остатка. Возьмем один за другим оба эти случая.

Первый случай.

I. 200 т.

II. (1) 220 с (деньгами) + (2) 200 с (товаром).

Здесь II с (1) на 200 £ деньгами покупает товары 200 I т, а I на те же самые деньги покупает товары 200 II с (2), следовательно, ту составную часть основного капитала, которая должна осадиться в форме денег; она превращена таким образом в деньги. Но 20 II с (1) деньгами не имеют возможности превратиться в основной капитал *in natura*.

Этой беде, повидимому, можно помочь, раз мы предположим, что остаток I т равен не 200, а 220, и что, следовательно, прежним обменом закончено дело не с 1.800, а лишь с 1.780 из 2.000 I. В таком случае получится:

I. 220 т.

II. (1) 220 с (деньгами) + (2) 200 с (товаром).

II с, часть 1, на 220 £ деньгами покупает 220 I т, а I на 200 £ покупает потом 200 II с (2) товаром. Но тогда на стороне I остается 20 £ деньгами—такая часть прибавочной стоимости, которую I может удержать лишь в деньгах, но не израсходовать на средства потребления. Таким образом затруднение лишь передвинуто от II с (части 1) к I т.

Предположим теперь, что II с, часть 1, напротив, меньше, чем II с (часть 2), следовательно:

Второй случай.

I. 200 т (товаром).

II. (1) 180 с (деньгами) + (2) 200 с (товаром).

II (часть 1) на 180 £ деньгами покупает товары 180 I т; на эти деньги I покупает у II (части 2) товары такой же стоимости, следовательно, 180 с (2); на одной стороне остается 20 I т, которые не могут быть проданы, и точно так же—20 II с (2) на другой стороне; товары стоимостью в 40 не могут быть превращены в деньги.

Если бы мы предположили, что остаток $I = 180$, это нам несколько не помогло бы; правда, тогда в I не получилось бы никакого избытка, но в II с (части 2) попрежнему оставался бы избыток в 20, который не может быть продан, превращен в деньги.

В первом случае, где II (1) больше, чем II (2), на стороне II с (1) остается избыток в деньгах, не превратимый в основной капитал, или, если мы предположим, что остаток $I m = II$ с (1), на стороне $I m$ оказывается такой же избыток в деньгах, не превратимый в средства потребления.

Во втором случае, где II с (1) меньше, чем II с (2), оказывается денежный дефицит на стороне $200 I m$ и II с (2) и на обеих сторонах товарный избыток такой же величины, или, если предположить, что остаток $I m = II$ с (2), дефицит в деньгах и избыток в товаре на стороне II с (2).

Если бы мы—так как производство определяется заказами и воспроизводство несколько не изменится от того, если в текущем году больше произведено основных составных частей капитала, а в следующем году больше оборотных составных частей постоянного капитала II и I ,—если бы мы предположили, что остатки $I m$ постоянно равны II с (1), то в первом случае $I m$ могло бы быть превращено в средства потребления лишь при том условии, если бы I купил на $I m$ часть прибавочной стоимости у II , следовательно, если бы она не была потреблена, а была бы накоплена I как деньги; во втором случае беде можно было бы помочь лишь при том условии, если бы I сам израсходовал деньги,—гипотеза, нами отвергнутая.

Если II с (1) больше, чем II с (2), то для реализации денежного избытка в $I m$ необходим ввоз заграничных товаров. Если II с (1) меньше, чем II с (2), то для того, чтобы реализовать сношенную часть II с в средствах производства, необходимо, напротив, вывоз товара II (средств потребления). Следовательно, в обоих случаях необходима внешняя торговля.

Допуская даже, что при изучении воспроизводства в неизменном масштабе необходимо предположить, что производительность всех отраслей производства, а следовательно, и отношения стоимостей товарных продуктов этих отраслей остаются неизменными,—оба последних случая, где II с (1) больше или меньше, чем II с (2), все же представляли бы интерес при изучении производства в расширяющемся масштабе, где, несомненно, могут встретиться эти случаи.

3) Результаты.

Что касается возмещения основного капитала, то вообще необходимо отметить следующее:

Если—предполагая равенство всех прочих условий, следовательно, не только масштаба производства, но в частности и производительности труда,—в текущем году отмирает бóльшая доля основного элемента Π с чем в предыдущем, а потому бóльшая доля подлежит возобновлению *in natura*, то и та часть основного капитала, которая находится лишь на пути к своей смерти и до момента смерти подлежит возмещению пока что в деньгах, тоже должна сократиться в соответственной пропорции, так как, согласно предположению, сумма (сумма и стоимости) основной части капитала, функционирующей в Π , остается та же самая. Но это влечет за собою следующие обстоятельства. Во-первых: если бóльшая часть товарного капитала I состоит из элементов основного капитала Π с, то соответственно меньшая часть—из оборотных составных частей Π с, так как все производство I для Π с остается неизменным. Если одна часть возрастает, то другая сокращается, и обратно. Но, с другой стороны, все производство класса Π также сохраняет прежний масштаб. Как же возможно это при уменьшении сырых материалов, полуфабрикатов, вспомогательных веществ (т.-е. оборотных элементов постоянного капитала Π)? Во-вторых, бóльшая часть основного капитала Π с, вновь восстановленного в денежной форме, устремляется к I , чтобы совершить обратное превращение из денежной формы в натуральную форму. Следовательно, к I кроме денег, обращающихся между I и Π для простого товарного обмена, устремляется более денег; более таких денег, которые служат не посредником во взаимном товарном обмене, но односторонне выступают лишь в функции покупательного средства. В то же время соответственно уменьшилась бы товарная масса Π с, несущая стоимость в возмещение снашивания, следовательно, та товарная масса Π , которая должна быть превращена не в товары I , а лишь в деньги I . От Π к I притекло бы более денег как просто покупательных средств и оказалось бы менее товаров у Π , по отношению к которым I функционировал бы в качестве простого покупателя. Бóльшая часть I m —так как I v уже превращено в товары Π —не могла бы быть превращена в товары Π , ее пришлось бы удержать в денежной форме.

Обратный случай,—когда для известного года воспроизводство отмершего основного капитала Π оказывается меньше и, напротив, часть в возмещение снашивания больше,—после предыдущего не требует дальнейшего рассмотрения

И таким образом, несмотря на воспроизводство в неизменном масштабе, наступил бы кризис — кризис воспроизводства

Словом: если бы при простом воспроизводстве и прочих равных условиях, — следовательно, в частности при прежних производительной силе, общем количестве и интенсивности труда, — мы предположили

непостоянное отношение между отмершим (требующим возобновления) и продолжающим действовать в старой натуральной форме (просто присоединяющим стоимость к продуктам в возмещение своего снабжения) основным капиталом, то в одном случае масса подлежащих воспроизводству оборотных составных частей осталась бы та же самая, но возросла бы масса подлежащих воспроизводству основных составных частей; следовательно, все производство I должно было бы увеличиться или же, даже оставляя в стороне денежные отношения, оказался бы дефицит в воспроизводстве.

В другом случае: если бы относительная величина основного капитала II, подлежащего воспроизводству *in natura*, уменьшилась, а потому увеличилась бы в том же отношении та составная часть основного капитала II, которая пока подлежит возмещению лишь в деньгах, то масса оборотных составных частей постоянного капитала II, воспроизведенных I-м, осталась бы прежней; а масса подлежащих воспроизводству основных частей, напротив, уменьшилась бы. Итак, или уменьшение всего производства I, или избыток (как ранее был дефицит) и, при том, избыток, который не может быть превращен в деньги.

Правда, в первом случае тот же самый труд при увеличении производительности, продолжительности или интенсивности мог бы доставить больший продукт и таким образом было бы возможно покрыть дефицит в первом случае; но такая перемена не могла бы произойти без перемещения труда и капитала из одной отрасли производства I в другую, а всякое такое перемещение вызвало бы временные нарушения. А во-вторых, I-му пришлось бы (поскольку возросли продолжительность и интенсификация труда) обменять свою большую стоимость на меньшую стоимость II, следовательно, произошло бы обесценение продукта I.

Противоположное, во втором случае, где I вынужден сокращать свое производство, что знаменует кризис для занятых в нем рабочих и капиталистов, или он доставляет излишек, что опять таки — кризис. Сами по себе такие избытки представляют отнюдь не беду, а выгоду, но при капиталистическом производстве они являются бедой.

Помощь в обоих случаях могла бы внешняя торговля; в первом случае, — чтобы товар II, удерживаемый в денежной форме, превратить в средства потребления; во втором случае, — чтобы сбыть товарный излишек. Но внешняя торговля, поскольку она не просто возмещает элементы (между прочим, и по стоимости), лишь отодвигает противоречия в более широкую сферу, открывает им больший простор.

Если устранить капиталистическую форму воспроизводства, то дело сведется к тому, что размеры отмирающей и потому подлежащей возмещению *in natura* части основного капитала (здесь капитала, функ-

пионирующего в производстве средств потребления, в различные последовательные годы изменяются. Если в одном году эта часть очень велика (превышает среднюю смертность, подобно тому как это бывает с смертностью людей), тем меньше будет она в следующем году. Напротив — предполагая, что прочие условия не изменились, — количество сырых материалов, полуфабрикатов и вспомогательных материалов, необходимое для годовичного производства средств потребления, не изменяется от этого; следовательно, все производство средств производства должно бы в одном случае расширяться, в другом — сократиться. Этому можно было бы помочь лишь постоянным относительным перепроизводством: с одной стороны, производится основного капитала на известное количество больше, чем непосредственно необходимо; с другой стороны и в особенности — запас сырого материала и т. д. превосходит непосредственные годовичные потребности (это в особенности относится к средствам существования). Такой вид перепроизводства равнозначит контролю общества над вещественными средствами его воспроизводства. Но в капиталистическом обществе перепроизводство представляет элемент анархии.

Этот пример с основным капиталом — при неизменяющихся размерах воспроизводства — поразителен. Непропорциональность в производстве основного и оборотного капитала, это — одна из излюбленных экономистами причин, которые служат для объяснения кризисов. Что такая непропорциональность может и должна возникнуть при простом поддержании основного капитала; что она может и должна возникнуть при предположении идеального нормального производства, при простом воспроизводстве уже функционирующего общественного капитала, это для них — нечто новое.

III. Воспроизводство денежного материала

До сих пор мы совершенно не обращали внимания на один момент, именно на годовичное воспроизводство золота и серебра. Как простой материал для предметов роскоши, позолоты и т. д., они, подобно всяким другим продуктам, не заслуживали бы здесь особого упоминания. Напротив, как денежный материал и, следовательно, как потенциальные деньги, они играют важную роль. Для упрощения мы будем здесь считать денежным материалом только золото.

По сравнительно старым данным все годовичное производство золота составляло 800 — 900.000 \mathcal{L} = круглым счетом 1.100 или 1.250 миллионов марок. Напротив, по Зетберу⁵³⁾ в среднем выводе за годы

⁵³⁾ Ad. Soetbeer, Edelmetall-Production. Gotha, 1879.

1871—75 всего 170.675 килограммов стоимостью круглым счетом в 476 марок. Из этого числа доставляли: Австралия в круглых цифрах 167, Соединенные Штаты 166, Россия 93 миллиона марок. Остаток распределяется между различными странами в суммах менее 10 миллионов марок на каждую. Годичное производство серебра за тот же период составляло несколько менее 2 миллионов килограммов стоимостью $354\frac{1}{2}$ миллиона марок; из этого числа Мексика доставляла круглым числом 108, Соединенные Штаты 102, Южная Америка 67, Германия 26 миллионов и т. д.

Из стран с господствующим капиталистическим производством только Соединенные Штаты являются производителям изолота и серебра; европейские капиталистические страны почти все свое золото и огромнейшую часть своего серебра получают из Австралии, Соединенных Штатов, Мексики, Южной Америки и России.

Но мы перенесем золотые прииски в ту страну капиталистического производства, годичное воспроизводство которой мы анализируем здесь, и сделаем так по следующим соображениям.

Капиталистическое производство вообще не существует без внешней торговли. Но если мы предполагаем нормальное годичное воспроизводство в раз данном масштабе, мы тем самым представляем дело так, что внешняя торговля лишь возмещает туземные предметы предметами иной потребительной или натуральной формы, при чем она не оказывает влияния на отношения стоимости, а следовательно, и на те отношения стоимости, в которых обмениваются друг на друга две категории: средства производства и средства потребления, равно как на отношения постоянного капитала, переменного капитала и прибавочной стоимости, на которые может быть разложена стоимость продукта каждой из этих двух категорий. Поэтому привлечение внешней торговли к анализу ежегодно воспроизводимой стоимости продукта, не давая ничего нового ни для проблемы, ни для ее разрешения, может лишь внести путаницу. Следовательно, необходимо совершенно абстрагироваться от нее; поэтому золото следует трактовать здесь как непосредственный элемент годичного воспроизводства, а не как ввозимый извне посредством обмена товарный элемент.

Производство золота, как и вообще производство металлов, относится к классу I, к категории, которая охватывает производство средств производства. Предположим, что годичное производство золота = 30 (для удобства; фактически же эта цифра слишком высока по сравнению с числами нашей схемы); пусть эта стоимость разлагается на $20\ c + 5\ v + 5\ m$; $20\ c$ подлежит обмену на другие элементы I с, и это мы рассмотрим впоследствии; а $5\ v + 5\ m$ (II) должны быть обменены на элементы II с, т. е. на средства потребления.

Что касается $5 v$, то всякое предприятие, производящее золото, начинает покупкой рабочей силы; не на золото, произведенное в самом этом предприятии, а на известную долю денег, уже имеющихся в стране. На эти $5 v$ рабочие приобретают средства потребления у Π , а последний на эти деньги покупает средства производства у I . Если Π покупает на 2 у I золото как денежный материал и т. под. (составную часть своего постоянного капитала), то к производителю золота I возвращаются $2 v$ в деньгах, которые уже раньше принадлежали обращению. Если Π не покупает у I дальнейшего материала, то I покупает у Π ,—так как на золото можно купить всякий товар,—бросая свое золото как деньги в обращение. Различие заключается только в том, что I выступает здесь не как продавец, а лишь как покупатель. Золотоискатели I могут во всякое время сбыть свой товар; он всегда находится в такой форме, в которой может быть непосредственно обменен.

Предположим, что прядильщик уплатил своим рабочим $5 v$, за что они доставили ему—оставляя в стороне прибавочную стоимость—пряжу в продукте $= 5$; рабочие на 5 покупают у Π с, последний покупает на 5 деньгами пряжу у I , и таким образом $5 v$ деньгами возвращается к прядильщику. Напротив, в только что взятом случае I з (так мы будем обозначать производителя золота) авансирует своим рабочим $5 v$ деньгами, которые уже раньше принадлежали обращению; рабочие затрачивают деньги на средства существования; но из 5 только 2 возвращаются от Π к I з. Однако I з точно так же, как прядильщик, может снова начать процесс воспроизводства: его рабочие доставили ему золотом 5 , из которых он продал 2 , остальными 3 владеет в виде золота,—следовательно, ему приходится только отчеканить из них монету ⁵⁴⁾ или превратить их в банковые билеты,—и весь его переменный капитал прямо, без дальнейшего посредства Π , опять оказывается в его руках в денежной форме.

Но уже при этом первом процессе годового воспроизводства произошло изменение в количестве денег, действительно или потенциально принадлежащих обращению. Мы предположили, что Π с купил $2 v$ (I з) как материал, а 3 как денежная форма переменного капитала I з, в свою очередь расходуется в пределах Π . Следовательно, из того количества денег, которое доставлено посредством нового производства денег, 3 остались в пределах Π и не возвратились к I . Согласно нашему предположению, Π удовлетворил свою потребность в денежном материале. 3 остаются в его руках как золотое сокровище

⁵⁴⁾ „Значительное количество золотых слитков (gold bullion)... доставляется золотоискателями прямо на монетный двор в Сан-Франциско“. Reports of H. M. Secretaries of Embassy and Legation. 1879. Part III, p. 337. ¹

Так как они не могут образовать какого бы то ни было элемента его постоянного капитала и так как, далее, II уже раньше имел достаточный денежный капитал на покупку рабочей силы; так как, далее, этим дополнительным Z з, за исключением элемента снашивания, не приходится выполнять никакой функции в пределах II с, на часть которого они обменены (они могли бы служить тому, чтобы pro tanto покрывать элемент снашивания, лишь при том условии, если II с (1) меньше, чем II с (2), что имеет характер случайности); так как, с другой стороны, именно за исключением элемента снашивания, весь товарный продукт II с должен быть обменен на средства производства I ($v + m$), то эти деньги целиком подлежат перенесению из II с в II m, заключается ли последнее в необходимых средствах существования или в средствах роскоши, и, напротив, соответственная товарная стоимость подлежит перенесению из II m в II с. Результат: часть прибавочной стоимости накапливается как денежное сокровище.

Во второй год воспроизводства, если точно такая же доля произведенного за год золота попрежнему утилизируется как материал, Z опять возвратится к I з, а Z будут возмещены in natura, т. е. опять высвободятся в II как сокровище, и т. д.

Вообще, что касается переменного капитала: капиталисту I з, как и всякому другому, постоянно приходится авансировать этот капитал в деньгах на покупку труда. На это v не ему, а его рабочим приходится покупать у II; следовательно, никогда не может наступить такого случая, чтобы он выступил как покупатель, т. е. внес деньги в II без инициативы последнего. Но поскольку II покупает у него материал, поскольку он должен превращать свой постоянный капитал II с в золотой материал, часть (I з) v возвращается от II к I з точно так же, как к другим капиталистам I; поскольку же этого не совершается, он возмещает свое v золотом непосредственно из своего продукта. Но в той мере, как v , авансированное в денежной форме, не возвращается к нему от II, часть уже имеющихся в наличности средств обращения (деньги, притекшие от I к II и не возвратившиеся к I) превращается в II в сокровище, и потому часть прибавочной стоимости в II не расходуется на средства потребления. Так как постоянно открываются новые золотые прииски или возобновляются работы на старых, то известная доля денег, которые I з должен расходовать на v , всегда составляет некоторую часть того количества денег, которое имелось до нового производства золота; от I з его рабочими она вносится в II и, поскольку не возвращается из II к I з, образует там элемент для образования сокровища.

Что же касается (I з) m , то I з всегда может выступать здесь как покупатель; он вносит в обращение свое m как деньги и извлекает

за то средства потребления II с; в II золото отчасти утилизируется как материал, поэтому функционирует как действительный элемент постоянной составной части с производительного капитала; поскольку же этого нет, оно опять-таки становится элементом для образования сокровища, как части II m, задерживаемой в денежной форме. Отсюда видно,—даже оставляя I с, подлежащее рассмотрению позже ⁵⁵⁾,—как даже простое воспроизводство, хотя здесь исключается накопление в собственном смысле слова, т.-е. воспроизводство в расширенном масштабе, все же необходимо предполагает накапливание денег, или образование сокровища. И так как это повторяется ежегодно, то этим объясняется предположение, из которого мы исходили, изучая капиталистическое производство: предположение, что при начале воспроизводства в руках классов капиталистов I и II находится соответственное товарному обмену количество денежных средств. Такое накапливание находит себе место даже по вычете золота, утрачиваемого вследствие снашивания обращающихся денег

Само собою понятно, что, чем выше возраст капиталистического производства, тем больше накапливаемая повсюду масса денег и, следовательно, тем относительно меньше та доля, которую новое годовичное производство золота присоединяет к этой массе, хотя этот прибавок может быть значительным по своей абсолютной величине. Возвратимся лишь еще раз к возражению, которое было сделано Туку: каким образом возможно, чтобы каждый капиталист извлекал из годового продукта прибавочную стоимость деньгами, т.-е. извлекал из обращения больше денег, чем бросил в него,—как возможно это, раз самый класс капиталистов является в последнем счете тем источником, из которого деньги вообще бросаются в обращение?

Резюмируя раньше (глава XVII) сказанное, мы заметим в ответ на это:

1) Единственное необходимое здесь предположение: что вообще имеется достаточно денег для того, чтобы совершился обмен элементов массы годовичного воспроизводства,—нисколько не колеблется тем обстоятельством, что часть товарной стоимости составляет из прибавочной стоимости. Если бы предположить, что все производство принадлежит самим рабочим и прибавочный труд является прибавочным трудом только для них самих, а не для капиталистов, то масса обращающейся товарной стоимости осталась бы та же самая и при равенстве прочих условий потребовала бы прежнего количества денег для своего обращения. Итак, в обоих случаях вопрос заключается лишь в следую-

⁵⁵⁾ В рукописи нет исследования об обмене вновь произведенного золота, совпадающего в пределах постоянного капитала подразделения I. Ф. Э.

цем: откуда берутся деньги для обмена всей этой товарной стоимости?— но отнюдь не в том: откуда берутся деньги для превращения в деньги прибавочной стоимости?

Конечно, всякий отдельный товар—возвращаемся еще раз к этому— состоит из $c + v + m$, и следовательно, для обращения всей товарной массы необходима, с одной стороны, определенная денежная сумма для обращения капитала $c + v$, а с другой стороны—другая денежная сумма для обращения дохода капиталистов, прибавочной стоимости m . Как для отдельных капиталистов, так и для всего класса деньги, в которых авансируется капитал, отличны от денег, в которых расходуется доход. Откуда берутся эти последние деньги? Просто-напросто из тех денег, которые находятся в руках класса капиталистов; следовательно, в общем и целом из всех денег, которые имеются в обществе, некоторая часть служит для обращения дохода капиталистов. Мы уже видели, как всякий капиталист, устраивающий новое предприятие, расходуя деньги на средства потребления для своего содержания, потом, когда предприятие будет в ходу, снова вылавливает их как деньги, служащие для превращения в деньги его прибавочной стоимости. Но, вообще говоря, вся трудность вытекает из двух источников.

Во-первых, если мы будем рассматривать только обращение и оборот капитала, следовательно, и капиталиста будем рассматривать лишь как персонификацию капитала, а не как капиталистического потребителя и жуира, то, хотя мы увидим, как он постоянно бросает в обращение прибавочную стоимость в качестве составной части своего товарного капитала, но мы никогда не увидим в его руках денег как формы дохода; мы никогда не увидим, чтобы он бросал в обращение деньги с целью потребления прибавочной стоимости.

Во-вторых, если класс капиталистов бросает в обращение известную денежную сумму в форме дохода, то представляется, как будто он уплачивает эквивалент за соответствующую часть всего годового продукта, и, следовательно, последняя перестает представлять прибавочную стоимость. Но прибавочный продукт, в котором представлена прибавочная стоимость, ничего не стоит классу капиталистов. Как класс, он владеет и пользуется ею даром, и денежное обращение ничего не может изменить в этом. Изменение, вызываемое обращением, заключается единственно в том, что каждый капиталист вместо того, чтобы потреблять свой прибавочный продукт *in natura*, что в большинстве случаев невозможно, из всей массы годового общественного прибавочного продукта извлекает и присваивает всякого рода товары на сумму присвоенной им прибавочной стоимости. Но механизм обращения показал, что если класс капиталистов бросает в обращение деньги на расходование дохода, он опять и извлекает из обращения

эти деньги, а потому постоянно может снова начинать тот же самый процесс; что, следовательно, рассматриваемый как класс капиталистов, он попрежнему владеет этой денежной суммой, необходимой для превращения прибавочной стоимости в деньги. Итак, если капиталист не только извлекает с товарного рынка для своего потребительного фонда прибавочную стоимость в форме товаров, но в то же время получает обратно и деньги, на которые он купил эти товары, то ясно, что он извлек из обращения товары без эквивалента с своей стороны. Они ничего не стоят для него, хотя он уплатил за них деньгами. Если я покупаю товаров на фунт стерлингов, а продавец товара возвращает мне фунт за прибавочный продукт, который ничего не стоил для меня, то я, очевидно, даром получил товары. Постоянное повторение этой операции ничего не изменяет в том, что я постоянно извлекаю товары и постоянно владею фунтом стерлингов, хотя для получения товаров я на время расстаюсь с последним. Капиталист постоянно получает эти деньги обратно как превращенную в деньги прибавочную стоимость, которая ничего не стоила для него.

Мы видели, что у А. Смита вся стоимость общественного продукта разлагается на доход, на $v + m$, следовательно, постоянная капитальная стоимость предполагается равной нулю. Из этого необходимо следует, что денег, требующихся для обращения годового дохода, достаточно и для обращения всего годового продукта; что, следовательно, в нашем случае, денег, необходимых для обращения средств потребления стоимостью в 3.000, достаточно и для обращения всего годового продукта стоимостью в 9.000. Воззрение А. Смита действительно таково, и Т. Тук повторяет его. Такое ложное представление об отношении количества денег, необходимого для превращения дохода в деньги, к тому количеству денег, которое необходимо для обращения всего общественного продукта, является естественным результатом непонятого, непродуманного представления о способе, каким воспроизводятся и ежегодно возмещаются различные материальные элементы и элементы стоимости всего годового продукта. Поэтому оно уже опровергнуто.

Послушаем самого Смита и Тука.

Смит — Книга II, гл. 2 — говорят: „Обращение каждой страны можно разделить на две части: обращение между торговцами и обращение между торговцами и потребителями. Хотя одни и те же денежные знаки, — бумажные или металлические — могут находить себе употребления то в одном, то в другом обращении, однако то и другое всегда совершается одновременно одно подле другого, и потому каждое из них, чтобы оставаться в ходу, требует определенного количества денег того или иного рода. Стоимость товаров, обращающихся между различными торговцами, никогда не может превысить стоимость

товаров, обращающихся между торговцами и потребителями: что бы ни покупали торговцы, все это должно быть продано в конце концов потребителям. Так как обращение между торговцами совершается *en gros*, то оно требует в общем довольно крупных сумм для каждого отдельного обмена. Напротив, обращение между торговцами и потребителями совершается *en détail* и часто требует лишь очень мелких денежных сумм; нередко достаточно одного шиллинга или даже половины пенни. Но мелкие суммы обращаются много быстрее, чем крупные... Поэтому, хотя годовые покупки всех потребителей по меньшей мере (хорошо это „по меньшей мере“) „равны по стоимости покупкам всех торговцев, однако они могут выполняться вообще посредством несравненно меньшего количества денег“ и т. д.

К этому месту Адама Т. Тук замечает (*An inquiry into the Currency Principle*. London 1844, p. 34—36 *passim*): „Не подлежит никакому сомнению, что это проведенное здесь различие по существу правильно... Обмен между торговцами и потребителями охватывает также и выдачу заработной платы, которая составляет главный доход (*the principal means*) потребителей... Все обмены между торговцами, т.-е. все продажи, начиная от производителей или импортеров, переходя все градации посреднических процессов мануфактуры и т. д. и кончая розничным торговцем или купцом - экспортером, могут быть сведены к перемещениям капитала. Но перенесения капитала не предполагают необходимо и на практике действительно не приводят к тому, чтобы при большом количестве обменов совершалась во время перемещения действительная передача банковских билетов или монет, — я имею в виду материальную, а не фиктивную передачу... Общий итог взаимных обменов между торговцами должен в последнем счете определяться и ограничиваться суммой обменов между торговцами и потребителями“

Если бы взять последнее положение обособленно, то можно было бы думать, что Тук просто констатирует, что существует соответствие взаимных обменов между торговцами и обменов между торговцем и потребителем, — другими словами, соответствие между стоимостью всего годового дохода и стоимостью капитала, посредством которого производится доход. Однако это не так. Он прямо присоединяется к пониманию А. Смита. Поэтому была бы излишня особая критика его теории обращения.

2) Всякий промышленный капитал в начале разом выбрасывает в обращение деньги на всю свою основную составную часть, которую он извлекает потом лишь постепенно, в ряде годов, посредством продажи своего годового продукта. Следовательно, сначала он бросает в обращение более денег, чем извлекает из него. Это повторяется каждый раз при возобновлении всего капитала *in natura*; это повторяется каждый год

для определенного количества предприятий, основные капиталы которых приходится возобновлять *in natura*; частично это повторяется при каждой починке, при каждом всего лишь частичном возобновлении основного капитала. Следовательно, если одна сторона извлекает из обращения более денег, чем выбрасывает в него, то другая сторона — наоборот ✕

Во всех отраслях промышленности, в которых период производства (как величина, отличная от рабочего периода) охватывает сравнительно долгое время, капиталистические производители в продолжение этого периода все время бросают деньги в обращение, — отчасти на оплату применяемой рабочей силы, отчасти на закупку подлежащих потреблению средств производства; таким образом средства производства прямо извлекаются с рынка, средства потребления — отчасти косвенно, рабочими, расходуящими свою заработную плату, отчасти прямо, самими капиталистами, которые отнюдь не отсрочивают своего потребления, при чем эти капиталисты первоначально не выбрасывают на рынок никакого эквивалента товарами. Деньги, выбрасываемые ими в обращение, в течение этого периода служат для превращения в деньги товарной стоимости, между прочим и заключающейся в ней прибавочной стоимости. Особенно важным становится этот момент при развитии капиталистическом производстве, в долговечных предприятиях, устраиваемых акционерными обществами и т. д., как постройка железных дорог, каналов, доков, крупных городских сооружений, железных судов, дренаж почвы в крупных размерах и т. д.

3) В то время как, — оставляя в стороне случаи затрат на основной капитал, — другие капиталисты извлекают из обращения денег больше, чем бросили в него при покупке рабочей силы и оборотных элементов, капиталисты, производящие золото и серебро, — если оставить в стороне благородный металл, который служит сырым материалом, — бросают в обращение только деньги, а извлекают из него только товары. Постоянный капитал за исключением сношенной части, большая часть переменного капитала и вся прибавочная стоимость за исключением сокровища, которое, быть может, накапливается в их собственных руках, — все это как деньги выбрасывается в обращение.

4) С одной стороны, обращаются как товары всевозможные вещи, которые произведены не в данном году: участки земли, дома и проч.; далее, продукты, период производства которых охватывает более года: скот, лес, вино и т. д. По отношению к этим и другим явлениям важно установить, что кроме денежной суммы, необходимой для непосредственного обращения, постоянно известное количество находится в скрытом состоянии, не функционирует, но, получив толчок, может начать функционирование. Притом стоимость таких продуктов нередко

поступает в обращение частями и постепенно, напр., стоимость домов в наемной плате в течение ряда годов.

С другой стороны, не все движения процесса воспроизводства обслуживаются денежным обращением. Весь процесс производства, как только приобретены его элементы, исключается из обращения. Исключается, далее, весь продукт, непосредственно потребляемый самим производителем, — лично ли, производительно ли, при чем сюда относятся и продовольствие сельских рабочих натурой.

Итак, та масса денег, посредством которой обращается годовой продукт, уже имеется в обществе, постепенно накоплена. Она, за исключением золота, возмещающего, напр., сношенные монеты, не составляет части той новой стоимости, которая произведена в текущем году.

Хотя на основе простого металлического обращения деньги могут функционировать между прочим и как платежное средство и исторически действительно функционировали так; хотя на этой основе развились кредитная система и определенные стороны ее механизма, тем не менее в нашем изложении предполагается обращение исключительно металлических денег, притом опять-таки его простейшая форма — покупок и продаж за наличные.

Это предположение делается не только по методологическим соображениям, важность которых сказывается уже в том, что как Тук и его школа, так и их противники в своих контроверзах при исследовании обращения банковых билетов постоянно вынуждались возвращаться к гипотезе чисто металлического обращения. Они вынуждались делать это *post festum*, но при таких обстоятельствах делали это очень поверхностно, что было неизбежно, так как исходный пункт играл при этом лишь роль отступления в анализе.

Но простой взгляд на представленное в его первоначальной форме денежное обращение, — а оно является здесь имманентным моментом годового процесса воспроизводства, — показывает:

а) Если мы предположим развитое капиталистическое производство, следовательно, господство системы наемного труда, то денежный капитал, очевидно, играет главную роль, поскольку он является формой, в которой авансируется переменный капитал. В той мере, как развивается система наемного труда, всякий продукт превращается в товар, а потому — за некоторыми важными исключениями — должен целиком пройти превращение в деньги как фазу своего движения. Количество обращающихся денег должно быть достаточно для этого превращения товаров в деньги, и большая часть этого количества доставляется в форме заработной платы, денег, которые как денежная форма переменного капитала авансированы промышленным капиталистом на оплату рабочей силы и функционируют в руках рабочих — в большей своей части

лишь как средство обращения (покупательные средства). Это — полная противоположность натуральному хозяйству, которое является преобладающим на основе всяких систем зависимости (в том числе и крепостной) и в еще большей мере на основе более или менее примитивных общин, безразлично, связаны ли последние с отношениями зависимости и рабства или нет.

При системе рабства денежный капитал, затрачиваемый на покупку рабочей силы, играет роль денежной формы основного капитала, который возмещается лишь постепенно, по истечении периода активности в жизни раба. Поэтому у афинян прибыль, которую рабовладелец получает непосредственно, при помощи промышленного использования своего раба, или косвенно, при помощи отдачи его в наем другим промышленникам (напр., на работы в рудниках), рассматривалась просто как процент (вместе с амортизацией) на авансированный денежный капитал, — совершенно так же, как при капиталистическом производстве часть прибавочной стоимости плюс снашивание основного капитала относятся промышленным капиталистом в счет процента и возмещения его основного капитала; совершенно так же, как это является общим правилом у капиталистов, отдающих в наймы основной капитал (дома, машины и т. д.). Простые домашние рабы, служат ли они для выполнения необходимых служб или только для парадирования роскоши, не принимаются во внимание, они соответствуют нашему классу прислуги. Но и система рабства — насколько она представляет господствующую форму производительного труда в земледелии, мануфактуре, судоходстве и т. д., как было в развитых государствах Греции и в Риме — сохраняет элемент натурального хозяйства. Самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара — рабочей силы — посредством войны, морского разбоя и т. д., и этот разбой в свою очередь обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения. Даже в Соединенных Штатах, после того как промежуточная территория между северными штатами наемного труда и южными штатами рабства превратилась в область рабоводства для Юга, и рабы, выбрасываемые на рынок невольников, таким образом сами сделались элементом годового воспроизводства, этого с течением времени оказалось недостаточно, и потому долго, насколько было возможно, для пополнения рынка продолжалась африканская работорговля.

б) Стихийно совершающиеся на основе капиталистического производства отливы и приливы денег при превращении годового продукта; одновременные авансирования основных капиталов на всю величину их стоимости — и постепенное, охватывающее многолетние периоды извлечение их стоимости из обращения, следовательно, постепенное

восстановление их в денежной форме посредством ежегодного образования сокровища,—образования, по своему существу совершенно отличного от того образования сокровища, которое идет параллельно с ним и основывается на ежегодном производстве новых денег; различная продолжительность времени, на которое в зависимости от длины периодов производства товаров авансируются деньги и, следовательно, необходимость уже предварительно иметь их в форме сокровища, между тем как только впоследствии можно будет обратно извлекать их из обращения посредством продажи товара; различная продолжительность времени, на которое авансируются деньги, вытекающая хотя бы уже из различной отдаленности места производства от рынка сбыта; точно так же различие в величине и сроке возврата денежных сумм, в зависимости от состояния или относительной величины производственных запасов в различных предприятиях и у различных индивидуальных капиталистов одной и той же отрасли предприятий, следовательно, различия в сроках закупок элементов постоянного капитала—и все это на протяжении года воспроизводства: стоит только опыту заметить все эти разнообразные моменты стихийного движения и обратиться на них внимание,—и они будут планомерно использованы как для механических вспомогательных средств системы кредита, так и для активной ловли наличных капиталов, которые могут быть отданы в ссуду.

К этому присоединяется еще различие между такими предприятиями, производство которых при нормальных в общем условиях непрерывно совершается в одних и тех же размерах, и такими, которые в различные периоды года прилагают рабочую силу в различном размере, как сельское хозяйство.

ХIII. Теория воспроизводства Детю де-Траси ⁵⁶⁾.

Примером спутанной и в то же время претенциозной непродуманности экономистов, проявившейся при рассмотрении общественного воспроизводства, послужит нам великий логик Детю де-Траси (сравни книгу I, гл. IV, 2, прим. 30), к которому даже Рикардо относился серьезно, называя его *a very distinguished writer* (*Principles*, p. 333)

Этот „замечательный писатель“ дает следующие указания относительно всего общественного процесса воспроизводства и обращения:

„Меня спросят, как получают эти промышленные предприниматели такие крупные прибыли и от кого извлекают их. Я отвечаю, что они достигают этого, продавая все производимое ими дороже, чем стоит им производство; достигают этого, продавая:

⁵⁶⁾ Из рукописи II.

1) друг другу в полном размере их потребления, предназначенного к удовлетворению их потребностей и оплачиваемого частью их прибылей;

2) наемным рабочим, нанимаемым как ими самими, так и праздными капиталистами; таким образом они получают обратно от этих рабочих всю заработную плату последних, за исключением разве небольших сбережений;

3) праздным капиталистам, которые уплачивают им частью своей прибыли, еще неизрасходованной на наем рабочих, непосредственно нанимаемых ими; так что вся рента, ежегодно уплачиваемая предпринимателями праздным капиталистам, тем или иным из этих способов притекает обратно к первым“ (Destutt de Tracy, *Traité de la volonté et de ses effets*. Paris 1821, p. 239)

Итак, капиталисты обогащаются, во-первых, взаимно нагревая друг друга при обмене той части прибавочной стоимости, которая предназначается ими для личного потребления или потребляется как доход. Т.е., если эта часть их прибавочной стоимости, а в соответственных случаях прибылей, = 400 £, то эти 400 £ превращаются, напр., в 500 £ таким способом, что каждый совладелец этих 400 £ продает свою часть другому дороже на 25%. Так как это делают все, то результат получается такой же, как если бы они взаимно продавали друг другу по действительной стоимости. Только для обращения товарной стоимости в 400 £ им потребуется масса денег в 500 £, а это представляется методом скорее обеднения, чем обогащения, так как им приходится крупную долю всего своего состояния непроизводительно сохранять в бесполезной форме средств обращения. Все сводится к тому, что класс капиталистов, несмотря на общее номинальное повышение цены их товаров, может распределить между собою для своего личного потребления лишь количество товаров стоимостью в 400 £, но что они доставляют друг другу обоюдное удовольствие, приводя в обращение 400 £ товарной стоимости посредством такого количества денег, которое требуется для 500 £ товарной стоимости.

Мы уже совершенно оставляем в стороне, что здесь предположена „часть их прибылей“ и, следовательно, вообще запас товаров, в котором существует прибыль. Между тем Дегю намеревался как раз объяснить, откуда берется эта прибыль. Количество денег, необходимое для ее обращения, это—вопрос совершенно второстепенный. То количество товаров, в котором представлена прибыль, повидимому, ведет свое происхождение от того, что капиталисты не только продают указанное количество товаров друг другу, хотя уже и это очень хорошо и глубоко, но что все они продают друг другу дороже. Итак, мы знаем теперь один источник обогащения капиталистов. Он сводится к тайне

„инспектора Брэзига“, что большая бедность вытекает из большой *paupvreté*.

2) Далее, те же капиталисты продают „наемным рабочим, как тем, которых нанимают они сами, так и тем, которых нанимают праздные капиталисты; таким образом они получают обратно от этих наемных рабочих всю заработную плату последних, за исключением их небольших сбережений“.

Возвращение к капиталистам того денежного капитала, в форме которого они авансировали заработную плату рабочему, является, согласно господину Детю, вторым источником обогащения таковых капиталистов.

Итак, если класс капиталистов выдал рабочим в виде заработной платы, напр., 100 £, а затем те же рабочие покупают товаров такой же стоимости в 100 £ у того же класса капиталистов, и потому сумма в 100 £, авансированная капиталистами как покупателями рабочей силы, притекает к ним обратно вследствие продажи рабочим товаров на 100 £, то капиталисты благодаря этому обогащаются. С точки зрения здравого смысла представляется, что капиталисты при посредстве этой процедуры снова владеют 100 £, которые были у них до процедуры. В начале процедуры у них было 100 £ деньгами, на эти 100 £ они купили рабочую силу. За эти 100 £ деньгами купленный труд производит товары стоимостью, насколько мы знаем до сих пор, в 100 £. Посредством продажи рабочим этих 100 £ в товарах капиталисты получают обратно 100 £ деньгами. Следовательно, у капиталистов опять 100 £ деньгами, у рабочих же — на 100 £ товара, который произведен ими самими. Трудно понять, как могли бы капиталисты обогатиться на этом. Если бы 100 £ деньгами не притекли к ним обратно, то им пришлось бы, во-первых, уплатить рабочим за их труд 100 £ деньгами и, во-вторых, даром отдать им продукт этого труда, средства потребления на 100 £. Таким образом возвращение денег могло бы служить, самое большее, для объяснения, почему капиталисты не беднеют вследствие этой операции, но отнюдь не для объяснения, почему они ею обогащаются.

Конечно, другой вопрос, как у капиталистов оказываются эти 100 £ деньгами, и почему рабочие вынуждены обменивать свою рабочую силу на эти 100 £ вместо того, чтобы самим производить товары за собственный счет. Но это нечто такое, что само собою понятно для мыслителей калибра Детю.

Сам Детю не вполне удовлетворен этим решением. Он ведь не сказал нам, что обогащение происходит вследствие того, что расходуется денежная сумма в 100 £ и потом опять приходит денежная сумма в 100 £, т.-е. происходит вследствие обратного притока 100 £

деньгами, который свидетельствует лишь о том, что 100 £ деньгами не утрачиваются. Он сказал нам, что капиталисты обогащаются, „продавая все производимое ими дороже, чем стоило им производство“.

Итак, выходит, что капиталисты при своей сделке с рабочими обогащаются благодаря тому, что они продают рабочим слишком дорого. Превосходно! „Они уплачивают заработную плату... и все это притекает к ним обратно вследствие расходов всех этих людей, которые платят за них“ [продукты] „дороже, чем они обошлись им“ [капиталистам] „при посредстве этой заработной платы“ (р. 240). Итак, капиталисты уплачивают рабочим 100 £ заработной платы, а потом продают рабочим собственный продукт последних за 120 £, так что к капиталистам не только притекают обратно эти 100 £, но еще выигрывается 20 £? Это невозможно. Рабочие могут уплатить лишь теми деньгами, которые они получили в форме заработной платы. Если они получили от капиталистов 100 £ заработной платы, то они могут купить лишь на 100 £, а не на 120 £. Значит, так дело не выходит. Но существует еще один способ. Рабочие покупают у капиталистов товара на 100 £, но в действительности получают товара стоимостью лишь на 80 £. Поэтому они безусловно обмануты на 20 £. А капиталист безусловно обогатился на 20 £, потому что он фактически оплатил рабочую силу ниже ее стоимости, или окольным путем сделал из номинальной заработной платы вычет размером в 20%.

Класс капиталистов достиг бы той же цели, если бы он с самого начала выдал рабочим заработную плату лишь в 80 £, а потом доставил бы им за эти 80 £ деньгами товарную стоимость действительно в 80 £. Таков—если взять класс капиталистов как целое,—повидимому нормальный способ, потому что, согласно самому господину Детью, рабочий класс должен получать „достаточную заработную плату“ (р. 219), так как этой заработной платы должно хватить по меньшей мере на то, чтобы поддержать его существование и работоспособность, „приобрести необходимейшие средства существования“ (р. 180). Если рабочие не получают такой достаточной платы, то, согласно тому же Детью, это—„смерть для промышленности“ (р. 208), следовательно, повидимому, отнюдь не средство обогащения для капиталистов. Но какова бы ни была высота заработной платы, уплачиваемой классом капиталистов рабочему классу, она имеет определенную стоимость, напр., 80 £. Следовательно, если класс капиталистов уплачивает рабочим 80 £, то он должен доставить им за эти 80 £ товарную стоимость в 80 £, и потому возвращение этих 80 £ не обогащает его. Если же он уплачивает им деньгами 100 £ и продает за 100 £ товарную стоимость в 80 £, то он уплачивает им в деньгах на 25% больше.

чем их нормальная заработная плата, и за то доставляет им в товарах на 25⁰/₁₀₀ меньше.

Другими словами: вышло бы так, что фонд, из которого класс капиталистов вообще извлекает свою прибыль, составляется посредством вычета из нормальной заработной платы, посредством оплаты рабочей силы ниже ее стоимости, т.-е. ниже стоимости средств существования, необходимых для нормального воспроизводства рабочей силы в виде наемных рабочих. Следовательно, если бы уплачивалась нормальная заработная плата, что, согласно Детью, и совершается, то не существовало бы никакого фонда прибыли ни для промышленников, ни для праздных капиталистов.

Итак, всю тайну, каким образом обогащается класс капиталистов, господину Детью пришлось бы свести к следующему: посредством вычета из заработной платы. В таком случае не существует других источников прибавочной стоимости, о которых он говорит под 1 и 3.

Итак, во всех странах, где денежная заработная плата рабочих сведена к стоимости средств потребления, необходимых для их существования как класса, не оказалось бы места ни фонду потребления, ни фонду накопления для капиталистов, а следовательно, и фонду существования класса капиталистов, а потому и классу капиталистов. И при том, согласно Детью, так оно и было бы во всех богатых, развитых странах старой цивилизации, потому что здесь, „в наших пустивших старые корни обществах, фонд, из которого покрывается заработная плата, представляет почти постоянную величину“ (р. 202).

И при урезывании заработной платы обогащение капиталистов вытекает не из того, что они сначала уплачивают рабочему 100 £ деньгами, а потом доставляют ему за эти 100 £ деньгами 80 £ товарами,—следовательно, 80 £ товара в сущности приводят в обращение посредством денежной суммы в 100 £, на 25⁰/₁₀₀ большей,—но из того, что капиталист присваивает себе из продукта рабочего не только прибавочную стоимость—ту часть продукта, в которой представляется прибавочная стоимость,—но кроме того еще 25⁰/₁₀₀ той части продукта, которая в форме заработной платы должна была бы достаться рабочему. Таким нелепым способом, как представляется это Детью, класс капиталистов абсолютно ничего не выиграл бы. Он выдает рабочим 100 £ в качестве заработной платы и за эти 100 £ возвращает рабочему из собственного продукта последнего 80 £ товарной стоимости. Но при следующей операции он опять должен авансировать на ту же самую процедуру 100 £. Следовательно, он лишь отдается бесполезной забаве, авансируя 100 £ деньгами и доставляя за них 80 £ товаром. Т.-е. он без всякой пользы постоянно авансирует для обра-

щения своего переменного капитала на $25\frac{1}{2}\%$ больший денежный капитал, что представляет совершенно оригинальный метод обогащения.

3) Наконец, класс капиталистов продает „праздным капиталистам, которые уплачивают ему частью своего дохода, еще не израсходованной на наем рабочих, непосредственно напимаемых ими; так что вся рента, которую он ежегодно уплачивает им (праздным), тем или иным способом притекает обратно к нему“.

Раньше мы видели, что промышленные капиталисты „частью своих прибылей оплачивают всю ту часть их потребления, которая служит удовлетворению их потребностей“. Итак, предположим, что их прибыль = 200 £. Пусть 100 £ уходит на их индивидуальное потребление. Но остальная половина = 100 £ принадлежит не им, а праздным капиталистам, т. е. получателям земельной ренты и капиталистам, ссужающим за проценты. Итак, промышленные капиталисты должны уплачивать этой компании 100 £ деньгами. Из этих денег праздным капиталистам требуется, скажем, 80 £ на их собственное потребление и 20 £ на наем прислуги и проч. Итак, на эти 80 £ они покупают средства потребления у промышленных капиталистов. От последних удаляется продукт в 80 £, но в то же время к ним притекает обратно 80 £ деньгами, ими $\frac{4}{5}$ тех 100 £, которые они уплатили праздным капиталистам под названием ренты, процента и т. д. Далее, класс прислуги, непосредственные наемные рабочие праздных капиталистов, получили от своих господ 20 £. Они покупают на них—тоже у промышленных капиталистов—средств потребления на 20 £. Таким образом, в то время как от этих капиталистов удаляется продукт на 20 £, к ним притекает обратно 20 £ деньгами, или последняя пятая доля тех 100 £ деньгами, которые они уплатили праздным капиталистам как ренту, процент и проч.

По окончании сделки оказывается, что 100 £ деньгами, которые промышленные капиталисты выдали на уплату ренты, процента и т. д. праздным капиталистам, возвратились к ним, между тем как половина их прибавочного продукта = 100 £ из их рук перешла в фонд потребления праздных капиталистов

Итак, для вопроса, о котором идет речь, очевидно, было бы совершенно излишне в том или ином виде вводить распределение этих 100 £ между праздными капиталистами и их непосредственными наемными рабочими. Дело просто: их ренты, проценты, короче, та доля, которая достается им из прибавочной стоимости = 200 £, уплачивается им промышленными капиталистами в деньгах, в 100 £. На эти 100 £ они прямо или косвенно покупают средства потребления у промышленных капиталистов. Следовательно, они уплачивают им обратно 100 £ деньгами и берут у них на 100 £ средства потребления.

Таким образом, совершилось возвращение 100 £ деньгами, уплаченных промышленными капиталистами праздным капиталистам. Является ли это возвращение денег, как фантазирует Дею, средством обогащения промышленных капиталистов? До сделки у них была сумма стоимости в 200 £: 100 £ в деньгах и 100 £ в средствах потребления. После сделки у них имеется лишь половина первоначальной суммы стоимости. У них опять имеются эти 100 £ деньгами, но они потеряли эти 100 £ в средствах потребления, которые перешли в руки праздных капиталистов. Следовательно, они сделались не богаче на 100 £, а беднее на 100 £. Если бы они вместо такого окольного пути,—сначала уплатить 100 £ деньгами, а потом получить эти 100 £ деньгами обратно в оплату 100 £ средств потребления,—если бы они непосредственно уплатили ренту, процент и т. д. в натуральной форме своего продукта, то к ним не возвратилось бы из обращения никаких 100 £ деньгами, потому что они не бросили в обращение никаких 100 £ деньгами. При способе уплаты натурою дело представлялось бы просто так, что они из прибавочного продукта стоимостью в 200 £ одну половину удержали бы у себя, а другую половину отдали бы без эквивалента праздным капиталистам. Даже Дею не почувствовал бы искушения объявить это средством обогащения.

Конечно, земля и капитал, которые промышленные капиталисты заняли у праздных капиталистов и за которые они должны уплатить последним часть прибавочной стоимости в форме земельной ренты, процента и т. д., были прибыльны для них, потому что это — одно из условий производства как продукта вообще, так и той части продукта, которая составляет прибавочный продукт или в которой представляется прибавочная стоимость. Эта прибыль вытекает из использования арендованной земли и капитала, а не из цены, которая уплачивается за него. Напротив, эта цена составляет вычет из прибыли. Иначе пришлось бы утверждать, что промышленные капиталисты стали бы не богаче, а беднее, если бы они могли удержать для самих себя и вторую половину прибавочной стоимости вместо того, чтобы отдавать ее. Но такая нелепость получилась бы, если бы явления обращения, подобные возвращению денег, мы свалили в одну кучу с распределением продукта, по отношению к чему такие явления обращения служат лишь посредствующим звеном.

И, однако, тот же Дею столь хитроумен, что замечает: „Откуда получаются доходы этих праздных людей? Не получают ли они из ренты, которую из своей прибыли уплачивают им люди, пускающие в дело капиталы первых, т.-е. люди, оплачивающие из фонда первых труд, производящий более, чем он стоит, — словом, промышленники? Поэтому, чтобы открыть источник всякого богатства, всегда приходит-

ся возвращается к ним. Они — вот кто в действительности питает рабочих, нанимаемых первыми“ (р. 246).

Итак, уплата ренты и т. д. теперь представляет вычет из прибыли промышленников. Раньше она представлялась средством для их обогащения.

Но для нашего Детью все же осталось еще одно утешение. Эти бравые промышленники обходятся с праздными капиталистами так же, как друг с другом и с рабочими. Они продают им все товары дороже, напр., на 20%. Здесь возможны два случая. Кроме тех 100 £, которые ежегодно получают от промышленников, праздные либо имеют иного рода денежные средства, либо не имеют таковых. В первом случае промышленники продают свои товары стоимостью в 100 £, скажем, по цене в 120 £. Следовательно, при продаже товаров к ним возвращаются не только те 100 £, которые уплачены ими праздным, но кроме того приходят еще 20 £, представляющие для них действительно новую стоимость. Какой же вид принимает теперь счет? Они даром отдали товаров на 100 £, так как те 100 £ деньгами, которыми они отчасти оплачиваются, были их собственные деньги. Итак, их собственный товар для них оплачен их собственными деньгами. Значит, 100 £ убытка. Но они получили кроме того 20 £ как излишек цены над стоимостью. Значит, 20 £ барыша; при 100 £ убытка получится 80 £ убытка, — все же остается минус, никогда не получится плюса. Надувательство, учиненное с праздными, уменьшило убыток промышленников, но от этого убыль богатства не превратилась для них в средство обогащения. Но такой метод не может применяться в течение долгого времени, так как праздные не могут из году в год платить 120 £ деньгами, между тем как получают они из году в год всего 100 £ деньгами.

Итак, другой способ: промышленники продают товары стоимостью в 80 £ за те 100 £ деньгами, которые они уплатили праздным. В этом случае, как и раньше, они даром отдают 80 £ в форме ренты, процента и т. д. Таким надувательством они уменьшили дань праздным, но она существует попрежнему, и, согласно той же теории, по которой цены зависят от доброй воли продавцов, праздные вместо прежних 100 £ могут впредь требовать 120 £ ренты, процентов и т. д. за свою землю и капитал.

Это блестящее исследование вполне достойно глубокого мыслителя, который на одной странице списывает у А. Смита, что „труд есть источник всякого богатства“ (р. 242), что промышленные капиталисты „употребляют свой капитал, чтобы оплачивать труд, воспроизводящий его вместе с прибылью“ (р. 246), а на следующей странице делает вывод, что эти промышленные капиталисты „прокармливают

всех остальных людей, что только они умножают общественное достояние и создают все наши средства наслаждений“ (242), что не рабочие кормят капиталистов, а капиталисты рабочих, и это — по тому великолепному соображению, что деньги, которыми оплачиваются рабочие, не остаются в их руках, а постоянно возвращаются к капиталистам в уплату за произведенные рабочими товары. „Они получают лишь одной рукой, а другой отдают обратно. Следовательно, их потребление следует рассматривать как порожденное теми, кто нанимает их“ (р. 235)

После такого исчерпывающего описания общественного воспроизводства и потребления, совершающихся при посредстве денежного обращения, Дегю продолжает: „Вот чем завершается это *perpetuum mobile* богатства,— движение, которое, хотя оно и плохо понято [mal connu — верно!], по справедливости называется обращением; потому что оно действительно представляет кругооборот и постоянно возвращается к своему исходному пункту. Этот пункт — тот, где совершается производство“ (р. 139, 140).

Дегю, этот *very distinguished writer*, *membre de l'Institut de France et de la Société Philosophique de Philadelphie*, и действительно в некотором роде светило среди вульгарных экономистов, в заключение просит читателей подивиться той поразительной ясности, с которой он изобразил ход общественного процесса, тому потоку света, который он пролил на предмет, и обнаруживает даже такую снисходительность, что сообщает читателю, откуда исходит весь этот свет. Это следует воспроизвести в подлиннике:

„On remarquera, j'espère, combien cette manière de considérer la consommation de nos richesses est concordante avec tout ce que nous avons dit à propos de leur production et de leur distribution, et en même temps quelle clarté elle répand sur toute la marche de la société. D'où viennent cet accord et cette lucidité? De ce que nous avons rencontré la vérité. Cela rappelle l'effet de ces miroirs où les objets se peignent nettement et dans leurs justes proportions, quand on est placé dans leur vrai point-de-vue, et où tout paraît confus et désuni, quand on en est trop près ou trop loin“ (р. 242, 243)*).

Voilà le crétinisme bourgeois dans toute sa béatitude!

*) „Надеюсь, что обратят внимание на то, насколько такой взгляд на потребление наших богатств согласуется со всем сказанным об их производстве и их распределении и какую ясность вносит он в рассмотрение всей общественной жизни. Откуда берется эта гармония и этот свет? Они берутся из открытой нами истины. Это напоминает нам те зеркала, которые точно и с сохранением пропорций между частями изображают все, что ставится пред ними в надлежащем месте, а все, что находится ближе или дальше места сплывают и представляются расплывшимся“

Глава двадцать первая ⁵⁷⁾.

Накопление и расширенное воспроизводство.

В книге I было показано, как происходит накопление у отдельного капиталиста. Вследствие превращения в деньги товарного капитала превращается в деньги и прибавочный продукт, представляющий прибавочную стоимость. Эту прибавочную стоимость, превратившуюся таким образом в деньги, капиталист снова превращает в дополнительные натуральные элементы своего производительного капитала. При следующем кругообороте производства увеличенный капитал доставляет большее количество продукта. Но то, что происходит с индивидуальным капиталом, должно проявляться и во всем годовом воспроизводстве совершенно подобно тому, что мы видели при рассмотрении простого воспроизводства, где — при индивидуальном капитале — последовательное осажение потребленной основной составной части в виде денег, накапливаемых как сокровище, находит себе выражение и в годовом общественном воспроизводстве.

Если индивидуальный капитал = $400\ c + 100\ v$, а годовая прибавочная стоимость = 100 , то товарный продукт = $400\ c + 100\ v + 100\ m$. Эти 600 превращаются в деньги. Из этих денег $400\ c$ снова превращаются в натуральную форму постоянного капитала, $100\ v$ — в рабочую силу и, если вся прибавочная стоимость накапливается, $100\ m$ превращаются в добавочный постоянный капитал, обмениваясь на натуральные элементы производительного капитала. При этом предполагается: 1) что при данных технических условиях этой суммы достаточно как для увеличения функционирующего постоянного капитала, так и для открытия нового промышленного предприятия. Но бывает и так, что необходимо в течение несравненно более продолжительного времени превращать прибавочную стоимость в деньги и сосредоточивать эти деньги в виде сокровища, прежде чем откроется возможность для этого процесса, следовательно, для действительного накопления, для расширения производства. 2) Предполагается, что по существу уже ранее совершилось расширение производства: для того, чтобы деньги (накопленную в виде денег прибавочную стоимость) можно было превратить в элементы производительного капитала, эти элементы должны уже продаваться на рынке как товары; при этом совершенно безразлично, если они не покупаются в виде готовых товаров, а изготавливаются на заказ. Они оплачиваются лишь после того, как будут получены, и во всяком случае после того, как по отношению к ним уже произошло действительное воспроизводство в

⁵⁷⁾ Отсюда до конца рукопись VIII.

расширенных размерах, произошло расширение нормального до того времени производства. Они должны были существовать потенциально, т.-е. в своих элементах, так как для того, чтобы они действительно были произведены, требовался только толчок заказа, т.-е. предшествующая бытию товара купля его и продажа, имеющая характер предвосхищения. Деньги на одной стороне вызывают при этом расширенное воспроизводство на другой стороне потому, что возможность его имеется уже без денег, которые сами по себе не составляют элемента действительного воспроизводства.

Если, напр., капиталист А в продолжение одного года или нескольких лет продает последовательно производимые им количества товарного продукта, то вместе с тем он последовательно превращает в деньги и ту часть товарного продукта, в которой заключается прибавочная стоимость, — прибавочный продукт, — следовательно, самую прибавочную стоимость, произведенную им в товарной форме, превращает в деньги, мало-по-малу накапливает деньги и таким образом составляет новый потенциальный денежный капитал; это — потенциальный капитал вследствие способности и предназначения этих денег: претерпеть превращение в элементы производительного капитала. Фактически же капиталист накапливает лишь простое сокровище, которое не представляет элемента действительного воспроизводства. При этом его деятельность состоит прежде всего только в последовательном извлечении из обращения обращающихся денег, при чем, конечно, возможно, что обращающиеся деньги, которые он таким образом держит под замком, перед тем как попасть в обращение, сами были частью другого сокровища. Это сокровище капиталиста А, потенциально являющееся новым денежным капиталом, в такой же мере не представляет дополнительного общественного богатства, как если бы эти деньги были израсходованы на средства потребления. Но деньги извлеченные из обращения, следовательно, перед тем находившиеся в обращении, могли уже ранее лежать в виде сокровища, как составная его часть, или быть денежной формой заработной платы, служить для превращения в деньги средств производства или других товаров, для обращения постоянной части капитала или дохода капиталиста. Они так же не представляют нового богатства, как деньги, рассматриваемые с точки зрения простого товарного обращения, являясь носителем только своей действительной стоимости, не представляют десятикратной стоимости в виду того, что они обернулись 10 раз в день, реализовали десять различных товарных стоимостей. Товары существуют без них, и они сами остаются (или вследствие снашивания уменьшаются) тем, что они представляют, одинаково и при одном обороте и при десяти. Только в золотопромышленности создано новое

богатство (потенциальные деньги), поскольку золотой продукт содержит в себе прибавочный продукт, являющийся носителем прибавочной стоимости, и лишь поскольку весь новый денежный продукт вступает в обращение, он увеличивает денежный материал новых потенциальных денежных капиталов.

Не являясь новым, дополнительным общественным богатством, эта накопленная в форме денег прибавочная стоимость представляет однако новый потенциальный денежный капитал вследствие той функции, для которой она накапливается. (Впоследствии мы увидим, что новый денежный капитал может возникнуть и другим способом, кроме постепенного превращения прибавочной стоимости в золото.)

Деньги извлекаются из обращения и накапливаются в виде сокровища посредством продажи товара, за которой не следует купля. Если представить себе, что эта операция имеет характер всеобщности то, повидимому, нельзя понять, откуда возьмутся покупатели, так как в этом процессе,—а его следует представлять себе всеобщим, потому что каждый индивидуальный капитал может находиться в стадии накопления,—все желают продавать для накопления сокровища, никто не хочет покупать.

Если представить себе, что процесс обращения между различными частями годового воспроизводства протекает как бы по прямой линии,— что неверно, так как за немногими исключениями он всегда составляется из взаимно противоположных движений,— то придется начать с производителя золота (или серебра), который покупает, не продавая, и предположить, что все другие продают ему. В таком случае весь годовой общественный прибавочный продукт (представляющий всю прибавочную стоимость) перешел бы к нему, а все другие капиталисты *pro rata* распределили бы между собой его прибавочный продукт, от природы существующий в виде денег, представляющий естественное воплощение в золоте его прибавочной стоимости; потому что часть продукта золотопромышленника, которая должна возместить его функционирующий капитал, уже связана и использована соответствующим образом. Произведенная в виде золота прибавочная стоимость золотопромышленника была бы в таком случае единственным фондом, из которого все остальные капиталисты получали бы материал для превращения в золото своего годового прибавочного продукта. Следовательно, по величине стоимости она должна была бы равняться всей общественной годовой прибавочной стоимости, которой предстоит временно законоироваться в форму сокровища. При всей своей нелепости такие предположения и ничего не дали бы нам, кроме того, что объяснили бы возможность всеобщего одновременного образования

сокровищ, при чем самое воспроизводство, за исключением воспроизводства у золотопромышленников, не подвинулось бы ни на шаг далее.

Прежде чем разрешить это кажущееся затруднение, мы должны разграничить накопление в подразделении I (производство средств производства) и в подразделении II (производство средств потребления). Мы начнем с подразделения I.

I. Накопление в подразделении I.

1) Образование сокровища.

Ясно, что как капиталы, вложенные в многочисленных отраслях промышленности, составляющих I класс, так и различные индивидуальные капиталы в каждой из этих отраслей промышленности, в зависимости от их возраста, т.-е. от продолжительности их уже истекшего функционирования, — мы совершенно оставляем в стороне их величину, технические условия, рыночные отношения и т. д., — что эти капиталы находятся на различных ступенях процесса последовательного превращения прибавочной стоимости в потенциальный денежный капитал, для какой бы из двух форм расширения производства ни послужил впоследствии этот денежный капитал: для увеличения ли функционирующего капитала или для основания новых промышленных предприятий. Поэтому одна часть капиталистов постоянно превращает свой потенциальный денежный капитал, возросший до соответствующей величины, в производительный капитал, т.-е. на деньги, накопленные путем превращения в золото прибавочной стоимости, покупает средства производства, добавочные элементы постоянного капитала; в то же время другая часть капиталистов еще занята накоплением своего потенциального денежного капитала. Следовательно, капиталисты этих двух категорий противостоят друг другу: одни как покупатели, другие как продавцы, и притом каждый, принадлежащий к одной из двух категорий, выступает исключительно в одной из этих двух ролей.

Например, А продает В (который может представлять и нескольких покупателей) 600 ($= 400 c + 100 v + 100 m$). Он продал товаров на 600, за 600 деньгами, из которых 100 представляют прибавочную стоимость; эти 100 он извлекает из обращения, копит их как деньги; но эти 100 деньгами представляют лишь денежную форму прибавочного продукта, который был носителем стоимости величиной в 100. Вообще образование сокровища — вовсе не производство, а следовательно, прежде всего и не приращение производства. Деятельность капиталиста при этом состоит исключительно в том, что он извлекает

из обращения, удерживает у себя и сохраняет неприкосновенными деньги, вырученные от продажи прибавочного продукта в 100. Эта операция происходит не только у А, она совершается во множестве пунктов на периферии обращения и у других капиталистов: А', А'', А'''; все они с таким же усердием работают над такого рода образованием сокровища. Эти многочисленные пункты, в которых деньги изъеются из обращения и накаплиются в виде многочисленных индивидуальных сокровищ, или потенциальных денежных капиталов, являются столь же многочисленными помехами для обращения, потому что они иммобилизуют деньги и на более или менее продолжительное время лишают их способности обращаться. Но следует принять во внимание, что образование сокровищ совершается уже при простом товарном обращении, задолго до того, как это обращение станет на базис капиталистического товарного производства; и количество денег, имеющееся в обществе, всегда больше той части их, которая находится в активном обращении, хотя эта последняя в зависимости от обстоятельств то увеличивается, то уменьшается. Здесь мы опять встречаем такие же сокровища и такое же образование сокровищ, но на этот раз уже как момент, присущий капиталистическому процессу производства.

Можно понять удовольствие, когда при системе кредита все эти потенциальные капиталы, концентрируясь в банках и т. д., становятся капиталом, которым можно располагать, „loanable capital“, денежным капиталом, при том уже не пассивным, не музыкой будущего, а активным, ростовщическим капиталом (здесь „ростовщический“ в смысле именно возрастания).

Но А производит такое сосредоточение сокровищ лишь постольку, поскольку он — по отношению к своему прибавочному продукту — выступает только как продавец, не выступая затем в качестве покупателя. Таким образом последовательное производство прибавочного продукта, — представляющего его прибавочную стоимость, которая должна быть превращена в золото, — является для него предпосылкой образования сокровища. В данном случае, где мы рассматриваем обращение только в пределах категории I, натуральная форма прибавочного продукта, как и всего продукта, часть которого составляет прибавочный продукт, является натуральной формой одного из элементов постоянного капитала I, т.-е. принадлежит к такой категории, как средства производства средств производства. Что из этого получается, т.-е. для какой функции они служат в руках покупателей В, В', В'' и т. д., это мы сейчас увидим

Но прежде всего мы должны запомнить следующее: хотя А на свою прибавочную стоимость извлекает деньги из обращения и копит

их как сокровище, он, с другой стороны, бросает в обращение товар, не извлекая за них других товаров, вследствие чего B, B', B'' и т. д. в свою очередь могут вносить в обращение деньги и взамен их извлекать из него только товар. В данном случае этот товар и по своей натуральной форме и по своему назначению входит как основной или оборотный элемент в постоянный капитал B, B' и т. д. О последнем мы будем говорить подробнее, когда будем иметь дело с покупателями прибавочного продукта, B, B' и т. д.

Между прочим, отметим здесь следующее. Как и раньше, при исследовании простого воспроизводства, мы здесь снова находим, что превращение различных составных частей годового продукта, т. е. их обращение (которое должно охватывать и воспроизводство капитала и его восстановление в различных его формах: постоянного, переменного, основного, оборотного, денежного капитала и товарного капитала) отнюдь не предполагает простой купли товара, дополняемой последующей продажей, или продажи, дополняемой последующей куплей, при чем фактически происходил бы только обмен одного товара на другой, как это принимает политическая экономия, именно фритрэдерская школа со времен физиократов и Адама Смита. Мы знаем, что основной капитал, раз затрата на него сделана, после того не возобновляется в продолжение всего времени своего функционирования, а продолжает действовать в старой форме, между тем как его стоимость постепенно осаждается в виде денег. Мы видели, что периодическое возобновление основного капитала IIc [а вся капитальная стоимость IIc обменивается на элементы стоимостью в $I(v+m)$] предполагает, с одной стороны, простую куплю основной части IIc , которая превращается из денежной формы в натуральную форму, при чем этой купле соответствует простая продажа $I m$; с другой стороны, оно предполагает простую продажу со стороны IIc , продажу той основной (сношенной) части его стоимости, которая осаждается в виде денег, при чем этой продаже соответствует простая купля $I m$. Для того, чтобы обмен совершался в этом случае нормально, необходимо предположить, что простая купля со стороны IIc по величине стоимости равна простой продаже со стороны IIc , равно как простая продажа $I m$ IIc -му, части 1, равна простой купле IIc , части 2 (стр. 440). Иначе простое воспроизводство будет нарушено; простая купля на одной стороне должна покрываться простой продажей на другой. Точно так же здесь необходимо предположить, что простая продажа части $I m$, образующей сокровище для A, A', A'' уравнивается простой куплей части $I m$ со стороны B, B', B''

которые превращают свое сокровище в элементы дополнительного производительного капитала.

Поскольку равновесие восстанавливается благодаря тому, что покупатель выступает впоследствии как продавец на такую же сумму стоимости и обратно, постольку происходит возвращение денег к той стороне, которая авансировала их при купле и продала раньше, чем купить. Действительное же равновесие самого товарного обмена, обмена различных частей годового продукта, обуславливается равенством величины стоимости взаимно обмениваемых товаров.

Но поскольку происходят просто односторонние превращения, простые купли, с одной стороны, простые продажи, с другой, — а мы видели, что нормальные превращения годового продукта на капиталистической основе обуславливают такие односторонние метаморфозы, — постольку равновесие осуществляется лишь при том предположении, что сумма стоимости односторонних покупок и сумма стоимости односторонних продаж покрывают друг друга. Тот факт, что товарное производство является общей формой капиталистического производства, уже сам по себе указывает на ту роль, которую играют в нем деньги не только как средство обращения, но и как денежный капитал, и создает известные, свойственные этому способу производства условия нормального обмена, следовательно, нормального хода воспроизводства как простого, так и в расширенном масштабе, условия, которые превращаются в столь же многочисленные условия ненормального хода воспроизводства, в столь же многочисленные возможности кризисов, так как равновесие при стихийно-складывающемся строе этого производства само является случайностью.

Точно так же мы видели, что при обмене Iv на соответствующую сумму стоимости IIc для IIc в конце концов совершается возмещение товара II равной суммой стоимости товара I , и, следовательно, собирательный капиталист II продажу собственного товара впоследствии дополняет покупкой товара I на такую же сумму стоимости; но хотя такое возмещение находит себе место, однако между самими капиталистами I и II при этом превращении их товаров не происходит обмена. IIc продает свои товары рабочему классу I ; последний противостоит ему односторонне как покупатель товаров, а IIc противостоит рабочему классу односторонне как продавец товаров; с деньгами, вырученными таким образом, IIc противостоит собирательному капиталисту I односторонне как покупатель товаров, а I односторонне противостоит ему как продавец товаров на сумму Iv . Только посредством этой продажи товаров I в конце концов воспроизводит свой переменный капитал снова в форме денежного капитала. Если капитал I противостоит капиталу II односторонне как продавец товара на

сумму $I v$, то рабочему классу I он противостоит как покупатель товаров, покупающий его рабочую силу; и если рабочий класс I противостоит капиталисту II односторонне как покупатель товара (именно, как покупатель средств существования), то капиталисту I он противостоит односторонне как продавец товара, именно, как продавец своей рабочей силы.

Постоянное предложение рабочей силы со стороны рабочего класса в I , обратное превращение части товарного капитала I в денежную форму переменного капитала, возмещение части товарного капитала II натуральными элементами постоянного капитала $II c$, — все эти необходимые предпосылки взаимно обуславливают друг друга, но обслуживаются очень сложным процессом, который заключает в себе три процесса обращения, совершающихся независимо один от другого, но переплетающихся между собою. Самая многосложность процесса дает не менее многочисленные основания к нарушению его нормального хода.

2) Дополнительный постоянный капитал.

Прибавочный продукт, носитель прибавочной стоимости, ничего не стоит капиталистам I , его присвоителям. Им ни в какой форме не приходится авансировать ни денег, ни товаров, чтобы получить его. Авансирование (*avance*) уже у физиократов является всеобщей формой стоимости, олицетвленной в элементах производительного капитала. Они, следовательно, ничего не авансируют, кроме своего постоянного и переменного капитала. Своим трудом рабочий не только сохраняет им постоянный капитал; он не только возмещает им переменную капитальную стоимость, вновь создавая соответственную часть стоимости в форме товара: своим прибавочным трудом он, кроме того, доставляет им прибавочную стоимость, существующую в форме прибавочного продукта. Последовательно продавая этот прибавочный продукт, они образуют сокровище, дополнительный потенциальный денежный капитал. В рассматриваемом здесь случае этот прибавочный продукт с самого начала составляет средства производства средств производства. Только в руках B, B', B'' и т. д. (I) этот прибавочный продукт функционирует как дополнительный постоянный капитал; но потенциально он является таковым раньше, чем будет продан, уже в руках A, A', A'' (I), которые накапливают сокровище. Пока мы рассматриваем только размер стоимости воспроизводства на стороне I , мы находимся еще в пределах простого воспроизводства, потому что никакой дополнительный капитал не приведен в движение для того, чтобы создать этот потенциальный дополнительный постоянный капитал (прибавочный продукт), не приведено

в движение и большего количества прибавочного труда, чем то, которое затрачивалось на основе простого воспроизводства. Различие пока заключается только в форме применяемого прибавочного труда, в конкретной природе его особенного полезного характера. Он был израсходован на средства производства для I с вместо II с, на средства производства средств производства, а не на средства производства средств потребления. При простом воспроизводстве предполагалось, что вся прибавочная стоимость I расходуется как доход, следовательно, на товары II; следовательно, она состояла лишь из таких средств производства, которые должны были возместить постоянный капитал II в его натуральной форме. Таким образом для того, чтобы произошел переход от простого к расширенному воспроизводству, производство подразделения I должно получить возможность создавать менее элементов постоянного капитала для II, но в той же мере более для I. Этот переход, не всегда совершающийся без затруднений, облегчается тем обстоятельством, что некоторые продукты I могут служить средствами производства в обоих подразделениях.

Из этого следует, — если смотреть на дело только с точки зрения величины стоимости, — что при простом воспроизводстве создается материальный субстрат расширенного воспроизводства. Таковым является просто прибавочный труд класса рабочих I, израсходованный непосредственно на производство средств производства, на создание потенциального дополнительного капитала I. Следовательно, образование потенциального дополнительного денежного капитала со стороны A, A', A" (I) — средством для чего служит последовательная продажа их прибавочного продукта, который образуется без всякой капиталистической затраты денег, — дает здесь просто денежную форму потенциально произведенных средств производства I.

Итак, производство потенциального дополнительного капитала в нашем случае (потому что, как мы увидим, он может образоваться и совершенно иначе) представляет не что иное, как явление самого процесса производства: это — производство элементов производительного капитала в определенной форме.

Следовательно, производство дополнительного потенциального денежного капитала в крупном масштабе — во множестве пунктов на периферии обращения — есть не что иное, как результат и выражение многостороннего производства потенциально дополнительного производительного капитала, самое возникновение которого не предполагает никакого дополнительного денежного расхода со стороны промышленных капиталистов.

Последовательное превращение со стороны A, A', A" и т. д. (I) этого потенциально дополнительного производительного капитала

в потенциальный денежный капитал (в сокровище), превращение, обусловливаемое последовательной продажей прибавочного продукта, A, A', A'' ,—следовательно, повторной односторонней продажей товара без дополняющей ее купли,—совершается посредством повторного извлечения из обращения денег и соответственного образования сокровища. Такое образование сокровища,—исключая тот случай, когда покупателем является золотопромышленник,—отнюдь не предполагает дополнительного богатства в виде благородных металлов, а только изменение функции обращавшихся до того времени денег. До этого они функционировали как средства обращения, теперь они функционируют как сокровище, как образующийся, потенциально новый денежный капитал. Следовательно, образование дополнительного денежного капитала и количество имеющегося в стране благородного металла не стоят ни в какой причинной связи между собой.

Из этого следует далее: чем больше производительный капитал, уже функционирующий в данной стране (считая и присоединяемую к нему рабочую силу, производительницу прибавочного продукта), чем более развита производительная сила труда, а вместе с тем и технические средства для быстрого расширения производства средств производства, и, следовательно, чем больше масса прибавочного продукта как по своей стоимости, так и по количеству потребительных стоимостей, в которых заключается прибавочная стоимость,—тем больше:

1) потенциально дополнительный производительный капитал в форме прибавочного продукта в руках A, A', A'' и т. д., и

2) тем больше масса этого прибавочного продукта, превращенного в деньги, т. е. потенциально дополнительного денежного капитала в руках A, A', A'' . Следовательно, если, напр., Фуллартон не хочет и слышать о перепроизводстве в обычном смысле слова, но признает перепроизводство капитала, именно денежного капитала, то это еще раз доказывает, что даже лучшие буржуазные экономисты абсолютно ничего не понимают в механизме своей системы.

Если прибавочный продукт, непосредственно производимый и присваиваемый капиталистами A, A', A'' (I), является реальным базисом накопления капитала, т. е. расширенного воспроизводства, хотя он в такой роли будет активно функционировать лишь в руках B, B', B'' и т. д. (II),—то, напротив, в своем денежном коконе,—как сокровище, как постепенно еще только складывающийся потенциальный денежный капитал,—он абсолютно непродуцирующ и, хотя движется в этой форме параллельно процессу производства, но лежит вне его. Он является мертвым грузом (dead weight) капиталистического производства, Жажда использовать в целях получения прибыли и дохода эту прибавочную стоимость, накапливаемую в форме сокровища, потенциального

денежного капитала, находит себе удовлетворение в кредитной системе и в „бумажках“. Благодаря этому денежный капитал в иной форме приобретает огромное влияние на ход и мощное развитие капиталистической системы производства.

Количество прибавочного продукта, превращенного в потенциальный денежный капитал, будет тем больше, чем больше была общая сумма уже функционирующего капитала, от функционирования которого образовался этот продукт. Но при абсолютном увеличении размеров ежегодно воспроизводимого потенциального денежного капитала становится более легкой его сегментация, так что он скорее может быть вложен в особое предприятие, находящееся в руках того ли самого капиталиста или другого (напр., членов его семьи, при разделе наследства и т. д.). Сегментация денежного капитала здесь понимается в том смысле, что он совершенно отделяется от первоначального капитала для того, чтобы в качестве нового денежного капитала найти помещение в новом самостоятельном предприятии.

Если продавцы прибавочного продукта A, A', A'' и т. д. (I) получили это как такой непосредственный результат процесса производства, который помимо авансирования на постоянный и переменный капитал, требующегося и при простом воспроизводстве, не требует дальнейших актов обращения; если они, далее, создают таким образом реальный базис для воспроизводства в расширенном масштабе и действительно воспроизводят потенциально дополнительный капитал, то положение B, B', B'' и т. д. (I) иное. 1) Только в их руках прибавочный продукт A, A', A'' и т. д. будет функционировать активно как дополнительный постоянный капитал (другие элементы производительного капитала, дополнительную рабочую силу, следовательно, дополнительный переменный капитал мы пока оставляем в стороне); 2) для того, чтобы прибавочный продукт попал в их руки, требуется акт обращения: они должны купить этот прибавочный продукт.

К пункту 1) здесь следует заметить, что большая часть прибавочного продукта (потенциально дополнительного постоянного капитала), произведенного A, A', A'' (I), хотя она произведена в текущем году, но может активно функционировать как промышленный капитал в руках B, B', B'' (I) только в следующем году или даже позднее; к пункту 2) является вопрос, откуда берутся деньги, необходимые для процесса обращения.

Поскольку продукты, производимые B, B', B'' и т. д. (I), сами снова входят *in natura* в тот же самый процесс, само собой понятно, что *pro tanto* часть их собственного прибавочного продукта прямо (без посредства обращения) переносится в их производительный капитал и входит в него как дополнительный элемент постоянного капитала. Но

pro tanto они не содействуют и превращению в золото прибавочного продукта А, А' и т. д. (I). Оставляя это в стороне, откуда же берутся деньги? Мы знаем, что В, В', В" и т. д. (I) образовали свое сокровище как А, А' и т. д. путем продажи соответственных прибавочных продуктов и теперь достигли момента, когда их лишь потенциальный денежный капитал, накопленный как сокровище, должен действительно функционировать как дополнительный денежный капитал. Но так мы ходим лишь вокруг да около. Попрежнему остается вопросом, откуда берутся деньги, которые ранее извлечены из обращения и накоплены капиталистами В (I).

Однако уже из исследования простого воспроизводства мы знаем, что в руках капиталистов I и II должно находиться известное количество денег для того, чтобы совершилось превращение их прибавочного продукта. Деньги, служившие только как доход для расходования на средства потребления, возвращались там обратно к капиталистам в той мере, как они авансировали их для обмена своих соответственных товаров; здесь опять появляются те же самые деньги, но их функция изменилась. Капиталисты А и В (I) попеременно доставляют деньги для превращения прибавочного продукта в дополнительный потенциальный денежный капитал и попеременно снова пускают в обращение вновь образованный денежный капитал как покупательное средство.

Единственное предположение при этом заключается в том, что количество имеющихся в стране денег (быстрота обращения и проч. предполагается неизменной) достаточно как для активного обращения, так и для образования запасного сокровища; следовательно, то же самое предположение, которое, как мы видели, должно найти осуществление и при простом товарном обращении. Только функция сокровища здесь иная. Кроме того, количество наличных денег должно быть больше: 1) потому что при капиталистическом производстве всякий продукт производится как товар, следовательно, должен пройти через денежную форму (исключения составляют вновь производимые благородные металлы и немногие продукты, потребляемые самим производителем); 2) потому что на капиталистической основе масса товарного капитала и величина его стоимости не только абсолютно больше, но и возрастает с несравненно большей быстротой; 3) все увеличивающийся переменный капитал постоянно должен превращаться в денежный капитал; 4) потому что образование новых денежных капиталов идет в ногу с расширением производства, следовательно, должен быть налицо и материал для их накопления в форме сокровища.—Если это во всяком случае имеет значение для первой фазы капиталистического производства, когда даже система кредита сопровождается преимущественно металлическим обращением, то и для наи-

более развитой фазы кредитной системы это сохраняет значение, поскольку ее базисом остается металлическое обращение. С одной стороны, дополнительное производство благородных металлов, если оно попеременно оказывается то богаче, то скуднее, может производить нарушения в товарных ценах не только на сравнительно продолжительные, но и на очень короткие периоды времени; с другой стороны, весь механизм кредита постоянно стремится к тому, чтобы при помощи всевозможных операций, приемов, технических приспособлений свести действительное металлическое обращение к относительно все уменьшающемуся минимуму, благодаря чему соответственно возрастает искусственность всего механизма и увеличиваются шансы нарушений его нормального хода.

Различные B , B' , B'' и т. д. (I), у которых потенциальный новый денежный капитал начинает активные операции, могут покупать друг у друга и продавать друг другу свои продукты (части своего прибавочного продукта). При нормальном ходе дела деньги, авансированные на обращение прибавочного продукта, *pro tanto* возвращаются к различным B в такой же пропорции, в какой каждый из них авансировал эти деньги на обращение своих соответствующих товаров. Если деньги обращаются как платежное средство, то, поскольку взаимные покупки и продажи не покрывают друг друга, приходится уплачивать только разницу. Но важно всюду, как это мы делаем здесь, предположить сначала металлическое обращение в его простейшей, самой первоначальной форме, потому что благодаря этому прилив и отлив денег, покрытие разницы, короче, все моменты, которые при кредитной системе представляются сознательно урегулированными процессами, здесь выступают как существующие независимо от кредитной системы, и все дело является в своем непосредственном виде, а не в позднейшем, отраженном.

3) Дополнительный переменный капитал.

Так как до сих пор у нас шла речь только о дополнительном постоянном капитале, то теперь мы обратимся к рассмотрению дополнительного переменного капитала.

В книге I было подробно изложено, каким образом на основе капиталистического производства рабочая сила всегда имеется в запасе и каким образом в случае необходимости можно привести в движение больше труда без увеличения числа занятых рабочих или количества рабочей силы. Поэтому теперь нет необходимости более останавливаться на этом; мы должны, напротив, предположить, что часть вновь образовавшегося денежного капитала, превращаемая в переменный

капитал, всегда находит рабочую силу, в которую она должна превратиться. Точно также в книге I было изложено, как данный капитал может без накопления расширять в известных границах размеры своего производства. Но здесь идет речь о накоплении капитала в специфическом смысле слова, так что расширение производства обусловлено превращением прибавочной стоимости в дополнительный капитал, следовательно, обусловлено увеличением капитала, положенного в основу производства.

Золотопромышленник может накапливать некоторую часть своей золотой прибавочной стоимости как потенциальный денежный капитал; как только эта часть достигнет необходимой величины, он может непосредственно превратить ее в новый переменный капитал, для этого ему не приходится предварительно продавать свой прибавочный продукт; точно также он может превратить эту часть в элементы постоянного капитала. Однако в последнем случае он должен найти эти вещественные элементы своего постоянного капитала, при чем безразлично, работает ли каждый производитель, как мы предполагали в предыдущем изложении, про запас, а затем выносит свои готовые товары на рынок, или же он работает на заказ. В обоих случаях предполагается реальное расширение производства, т.-е. предполагается прибавочный продукт, который в первом случае действительно имеется налицо, а во втором случае существует потенциально, может быть доставлен.

II. Накопление в подразделении II.

До сих пор мы предполагали, что A, A', A" (I) продают свои прибавочный продукт B, B', B" и т. д., принадлежащим к тому же подразделению I. Но положим, что A₁ (I) превращает в золото свой прибавочный продукт, продавая его B из подразделения II. Это может произойти лишь вследствие того, что A (I), продав B (II) средства производства, не покупает затем средств потребления, следовательно, лишь вследствие односторонней продажи с его стороны. Если II с из формы товарного капитала лишь таким способом превращается в натуральную форму производительного постоянного капитала, что не только v, но по крайней мере и некоторая часть I m обменивается на некоторую часть II c, существующего в форме средств потребления; но если A превращает в золото свое I m только благодаря тому, что такого превращения не происходит, а напротив, наш A извлекает из обращения деньги, вырученные от II посредством продажи своего I m, и не употребляет их на покупку средств потребления II c, — то хотя на стороне A (I) происходит образование дополнительного потенциального денежного капитала но на другой стороне оказывается

закрепленной в форме товарного капитала равная по величине стоимости часть постоянного капитала В (II), которая не может превратиться в натуральную форму производительного постоянного капитала. Другими словами: часть товаров В (II) и при том *prima facie* та часть, без продажи которой В (II) не может превратить весь свой постоянный капитал снова в производительную форму, не находит себе сбыта; поэтому по отношению к ней происходит перепроизводство, которое по отношению опять-таки к ней затрудняет воспроизводство — даже в прежнем масштабе.

Итак, хотя в этом случае дополнительный потенциальный денежный капитал на стороне А (I) и представляет прибавочный продукт (прибавочную стоимость), принявший форму золота, но прибавочный продукт (прибавочная стоимость), рассматриваемый как таковой, представляет в данном случае явление простого воспроизводства, но еще не явление воспроизводства в расширенном масштабе. $I (v + m)$, — для которого сказанное во всяком случае относится к некоторой части m , — в конце концов должно быть обменено на II с, чтобы воспроизводство II с могло совершаться в прежних размерах. А (I), продав В (II) свой прибавочный продукт, доставил для В (II) соответствующую часть стоимости постоянного капитала в натуральной форме, но вместе с тем, извлекая деньги из обращения и не дополняя своей продажи последующей куплей, он сделал невозможной продажу части товаров В (II) равной стоимости. Следовательно, если мы имеем в виду все общественное воспроизводство, в равной мере охватывающее капиталистов I и II, то превращение прибавочного продукта А (I) в потенциальный денежный капитал выражает невозможность обратного превращения в производительный (постоянный) капитал для товарного капитала В С (II), равного по величине стоимости; следовательно, выражает потенциально не производство в расширенном масштабе, а нарушение простого воспроизводства, значит, дефицит в простом воспроизводстве. Так как образование прибавочного продукта А (I) и его продажа сами по себе представляют нормальные явления простого воспроизводства, то мы имеем здесь уже на основе простого воспроизводства следующие взаимно обуславливаемые явления: образование потенциально дополнительного денежного капитала у класса I (поэтому недостаточное потребление с точки зрения II); задержка у класса II товарных запасов, которые не могут быть обратно превращены в производительный капитал (следовательно, относительное перепроизводство у II); избыток денежного капитала у I и дефицит в воспроизводстве у II.

Не останавливаясь на этом пункте далее, мы заметим лишь следующее: при изображении простого производства предполагалось, что все

прибавочная стоимость I и II расходуется как доход. Но в действительности одна часть прибавочной стоимости расходуется как доход, а другая часть превращается в капитал. Только при таком предположении происходит действительное накопление. Предположение, будто накопление совершается за счет потребления, — понимаемое в такой общей форме, — само по себе представляет иллюзию, противоречащую сущности капиталистического производства, так как при этом подразумевается, что целью и побудительным мотивом последнего служит потребление, а не получение прибавочной стоимости и ее капитализация, т.-е. накопление.

Рассмотрим теперь несколько ближе накопление в подразделении II.

Первое затруднение относительно II с, т.-е. его превращения из составной части товарного капитала II в натуральную форму постоянного капитала II, касается простого воспроизводства. Возьмем прежнюю схему:

(1.000 v + 1.000 m) I обмениваются на
2.000 II с.

Если напр., половина прибавочного продукта $\frac{1}{2}$, следовательно,

$\frac{1.000}{2}$ — m или 500 m снова включается как постоянный капитал в подразделение I, то эта часть прибавочного продукта, удержанная в I, не может возместить ни одной части II с. Вместо того, чтобы превратиться в средства потребления (а здесь в этом подразделении обращения, — в отличие от возмещения 1.000 II с посредством 1.000 I v, совершаемого при участии рабочих, — между I и II происходит действительный взаимный обмен, следовательно, двустороннее перемещение товаров), эта часть должна послужить в роли добавочных средств производства в самом I. Она не может выполнять такую функцию одновременно в I и II. Капиталист не может расходовать стоимость своего прибавочного продукта на средства потребления и в то же время производительно потреблять самый прибавочный продукт, т.-е. присоединять его к своему производительному капиталу. Итак, вместо 2.000 I (v + m) в обмен на 2.000 II с поступают только 1.500, именно (1.000 v + 500 m) I; следовательно, 500 II с не могут превратиться из своей товарной формы в производительный (постоянный) капитал II. Таким образом во II произошло бы перепроизводство, по своему размеру точно соответствующее размерам расширения производства, совершившегося в I. Возможно, что перепроизводство во II настолько сильно отразится на I, что даже 1.000, израсходованные рабочими I

на средства потребления II, возвратятся обратно только отчасти, следовательно, эти 1.000 не возвратятся в форме переменного денежного капитала в руки капиталистов I. Для этих последних даже воспроизводство в прежнем масштабе оказалось бы затрудненным, и при том вследствие только одной попытки его расширения. При этом следует принять во внимание, что фактически в I произошло лишь простое воспроизводство и что элементы его, как они представлены в нашей схеме, только сгруппированы иначе в виду его будущего расширения, напр., в следующем году.

Можно было бы попытаться обойти это затруднение таким образом: 500 II с, которые лежат на складе у капиталистов и которые не могут быть непосредственно превращены в производительный капитал, совсем не знаменуют перепроизводства, а, напротив, представляют необходимый элемент воспроизводства, который мы до сих пор не принимали в соображение. Мы видели, что денежный запас должен накапливаться во многих пунктах, следовательно, деньги должны извлекаться из обращения отчасти для того, чтобы стало возможным образование нового денежного капитала в самом I, отчасти для того, чтобы стоимость постепенно потребляющегося основного капитала некоторое время удерживалась в денежной форме. Но так как по нашей схеме с самого начала предполагается, что все деньги и все товары находятся исключительно в руках капиталистов I и II, и так как при этом не существует ни купцов, ни торговцев деньгами, ни банкиров, ни таких классов, которые только потребляют и не принимают непосредственного участия в производстве товаров, то для того, чтобы механизм воспроизводства всегда был в ходу, здесь необходимо постоянное образование товарных запасов у самих соответственных производителей. Следовательно, 500 II с, лежащие на складах капиталистов II, представляют товарный запас средств потребления, который обеспечивает непрерывность процесса потребления, предполагаемого воспроизводством, следовательно, в данном случае обеспечивает переход от одного года к другому. Фонд потребления, который при этом находится еще в руках его продавцов и вместе с тем производителей, не может в данном году сократиться до 0, так что следующий год начнется нулем,—совершенно так же, как это невозможно при переходе от нынешнего дня к завтрашнему. Так как такие товарные запасы должны постоянно образовываться вновь, хотя размеры их изменяются, то наши капиталистические производители II должны располагать запасным денежным капиталом, который давал бы им возможность непрерывно продолжать процесс производства, хотя бы часть их производительного капитала временно задерживалась в товарной форме. Ведь по предположению они соединяют в своих руках

все дело торговли с делом производства; следовательно, они должны располагать и таким дополнительным денежным капиталом, который после того, как отдельные функции процесса воспроизводства обособятся в качестве функций различных категорий капиталистов, будет находиться в руках торговцев

На это можно возразить следующее: 1) Такое образование запасов и необходимость его имеет значение для всех капиталистов как I, так и II. Рассматриваемые как простые продавцы товаров, они отличаются друг от друга только тем, что продают товары различного рода. Запас товаров во II предполагает предварительный запас товаров в I. Не принимая в соображение этого запаса на одной стороне, мы должны поступить так же и с другой. Если же мы принимаем их во внимание на обеих сторонах, то проблема нисколько не изменяется.—2) Если на стороне II текущий год заканчивается с товарным запасом для следующего года, то начался он с товарным запасом, доставшимся для той же стороны от предыдущего года. Следовательно, при анализе годового воспроизводства, сведенного к его абстрактному выражению, мы в обоих случаях должны вычеркнуть товарный запас. Если мы отнесем все производство к текущему году, следовательно, и ту часть, которую он передает следующему году как товарный запас, но, с другой стороны, вычтем из него товарный запас, полученный им от предыдущего года, то мы действительно получим в качестве предмета нашего анализа весь средний годовой продукт.—3) То простое обстоятельство, что при исследовании простого воспроизводства мы не наталкивались на затруднение, которое теперь приходится преодолевать, доказывает, что здесь мы имеем дело с совершенно особенным явлением, которое вызывается только иной группировкой (по отношению к воспроизводству) элементов I: измененной группировкой, без которой вообще невозможно никакое воспроизводство в расширенном масштабе.

III. Схематическое изображение накопления.

Теперь мы рассмотрим воспроизводство по следующей схеме:

$$\begin{array}{l} \text{Схема а) } \quad \text{I. } 4.000 \text{ с} + 1.000 \text{ v} + 1.000 \text{ m} = 6.000 \\ \quad \quad \quad \text{II. } 1.500 \text{ с} + 376 \text{ v} + 376 \text{ m} = 2.252 \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{I. } 4.000 \text{ с} + 1.000 \text{ v} + 1.000 \text{ m} = 6.000 \\ \text{II. } 1.500 \text{ с} + 376 \text{ v} + 376 \text{ m} = 2.252 \end{array}} \right\} \text{Сумма} = 8.252.$$

Прежде всего мы замечаем, что общая сумма годового общественного продукта = 8.252: меньше, чем в I схеме, где она была = 9.000. Мы совершенно так же могли бы взять гораздо большую сумму, напр., могли бы удесятерить ее. Мы взяли сумму меньшую, чем в схеме I, именно для того, чтобы с очевидностью показать, что воспроизводство в расширенных размерах (которое мы понимаем в данном случае только как производство, ведущееся с большим капиталом) не

стоит ни в какой связи с абсолютной величиною продукта, что для данной массы товаров оно предполагает только иное размещение или иное функциональное значение различных элементов данного продукта, следовательно, рассматриваемое с точки зрения величины стоимости, является сначала только простым воспроизводством. Изменяется не количество, а качественное назначение данных элементов простого воспроизводства, и такое изменение является материальной предпосылкой следующего затем воспроизводства в расширенном масштабе⁵⁸).

Мы могли бы представить эту схему иначе при ином отношении между переменным и постоянным капиталом; напр., в таком виде:

$$\left. \begin{array}{l} \text{Схема в) I. } 4.000 \text{ с} + 875 \text{ v} + 875 \text{ m} = 5.750 \\ \text{II. } 1.750 \text{ с} + 376 \text{ v} + 376 \text{ m} = 2.502 \end{array} \right\} \text{Сумма} = 8.252.$$

В таком виде схема кажется построенной для простого воспроизводства, так что вся прибавочная стоимость расходуется как доход, а не накапливается. В обоих случаях, как при а), так и при б), мы имеем годовой продукт одинаковой величины стоимости, только в случае б) его элементы группируются по своим функциям таким образом, что снова начинается воспроизводство в прежних размерах, тогда как в случае а) создается материальная основа для воспроизводства в расширенном масштабе. Именно, в схеме б) $(875 \text{ v} + 875 \text{ m}) \text{ I} = 1.750 \text{ I} (\text{v} + \text{m})$ обмениваются без остатка на 1.750 II с , тогда как в схеме а) $(1.000 \text{ v} + 1.000 \text{ m}) \text{ I} = 2.000 \text{ I} (\text{v} + \text{m})$ при обмене на 1.500 II с дают остаток в 500 I m для накопления в классе I.

Теперь к ближайшему анализу схемы а). Предположим, что как в I, так и во II половина прибавочной стоимости не расходуется как доход, а накапливается, т.-е. превращается в элемент дополнительного капитала. Так как половина $1.000 \text{ I m} = 500$ должна быть в той или иной форме накоплена, применена как дополнительный денежный капитал, т.-е. должна превратиться в дополнительный производительный капитал, то как доход будет израсходовано только $(1000 \text{ v} + 500 \text{ m}) \text{ I}$. Поэтому как нормальной величина II с здесь в свою очередь фигурирует всего 1.500. Обмен между $1.500 \text{ I} (\text{v} + \text{m})$ и 1.500 II с нечего исследовать далее, потому что мы уже описали его как процесс простого воспроизводства; точно так же нечего рассматривать 4.000 I с , потому что новое размещение его для вновь начинающегося воспроизводства (которое совершается на этот раз в расширенном масштабе) мы тоже обсуждали как процесс простого воспроизводства.

⁵⁸) Это раз навсегда кладет конец спору о накоплении капитала между Джемсом Миллем и S. Bailey, рассмотренному в книге I (глава XXII, 5, примечание 65) с иной точки зрения; именно, спору о растяжимости действия промышленного капитала при не изменяющейся величине его. Позже следует вернуться к этому.

Итак, нам остается исследовать здесь только одно, именно, 500 I m и (376 v + 376 m) II, поскольку к делу относятся, с одной стороны, внутренние отношения в I и во II, а с другой стороны—движение между ними обоими. Так как предполагается, что во II тоже должна накопляться половина прибавочной стоимости, то в капитал должны превратиться здесь 188, из них в переменный капитал $\frac{1}{4} = 47$, для круглого счета, скажем, 48. остальные 140 должны превратиться в постоянный капитал.

Здесь мы наталкиваемся на новую проблему, самое существование которой должно показаться странным для ходячего взгляда, согласно которому товары одного рода обыкновенно обмениваются на товары другого рода, а также товары обмениваются на деньги, а эти деньги снова обмениваются на товары другого рода. Эти 140 II m только потому могут превратиться в производительный капитал, что они возмещаются частью товаров I m на ту же сумму стоимости. Само собою понятно, что часть I m, обмениваемая на II m, должна состоять из средств производства, которые могут войти как в производство I, так и в производство II или же исключительно в производство II. Такое возмещение может совершиться лишь посредством односторонней купли со стороны II, так как весь прибавочный продукт 500 I m, который нам еще остается исследовать, должен служить для накопления в пределах I, следовательно, не может быть обменян на товары II; другими словами, I не может одновременно и накапливать его и съедать. Следовательно, II должен купить 140 I m на наличные деньги, при чем эти деньги не возвратятся к нему посредством последующей продажи его товара I-му. И этот процесс повторяется постоянно при каждом новом повторении годового производства, поскольку оно является воспроизводством в расширенном масштабе. Где же во II находится источник денег для этого?

II, напротив, представляет, повидимому, в высшей степени неблагодарную почву для образования нового денежного капитала, сопровождающего действительное накопление и обуславливающего его при капиталистическом производстве, при чем это образование нового денежного капитала выступает сначала как простое образование сокровища.

Сначала перед нами 376 II v; денежный капитал в 376, авансированный на рабочую силу, при посредстве закупки товаров II постоянно возвращается к капиталисту II как переменный капитал в денежной форме. Такое постоянно повторяющееся удаление от исходного пункта—из кармана капиталиста—и возвращение к нему несколько не увеличивает количества денег, совершающих этот кругооборот. Следовательно, оно не является источником накопления денег; эти деньги не могут быть также извлечены из обращения для того, чтобы образовать накапливаемый как сокровище потенциально новый денежный капитал.

Но постойте! Нельзя ли зашибить на этом какой-нибудь барышик?

Мы не должны забывать, что класс II имеет то преимущество перед классом I, что занятые у него рабочие должны снова покупать у него товары, произведенные ими самими. Класс II оказывается покупателем рабочей силы и вместе с тем продавцом товаров обладателям употребляемой им рабочей силы. Следовательно, класс II может:

1) и это у него общее с капиталистами класса I,— просто понижать заработную плату ниже ее нормального среднего уровня. Вследствие этого освобождается часть денег, функционировавших как денежная форма переменного капитала, и при постоянном повторении такого процесса это могло бы послужить нормальным источником образования сокровищ, а следовательно, и источником для образования потенциально дополнительного денежного капитала в классе II. Конечно, здесь, где идет речь о нормальном образовании капитала, нам нет дела до случайной прибыли от надувательства. Но не следует забывать, что действительно уплачиваемая нормальная заработная плата (которая *ceteris paribus* определяет величину переменного капитала) уплачивается вовсе не по доброте капиталистов, а потому, что при данных отношениях она должна быть уплачена. Таким образом этот способ объяснения устраняется. Если мы предполагаем, что переменный капитал, который должен быть израсходован классом II, составляет 376 v, то для того, чтобы объяснить вновь выступившую проблему, мы не можем вдруг выдвинуть гипотезу, что класс II авансирует, напр., только 350 v, а не 376 v.

2) Но, с другой стороны, как мы уже сказали, класс II, рассматриваемый как целое, имеет то преимущество перед классом I, что, будучи покупателем рабочей силы, он вместе с тем является продавцом своих товаров своим собственным рабочим. Каким образом это может эксплуатироваться,— как может достигаться, чтобы нормальная заработная плата уплачивалась только номинально, а в действительности часть ее отбиралась назад без соответственного товарного эквивалента, иначе говоря, рабочие обкрадывались бы, как это можно проделывать отчасти при помощи *truck-system*, отчасти посредством подделки средств обращения (хотя она и не всегда может быть установлена юридически),— на этот счет имеются самые бесспорные данные в каждой промышленной стране, напр., в Англии и в Соединенных Штатах. (По этому случаю следует разделить это на хороших примерах.) Это— та же самая операция, как в случае 1), только замаскированная и осуществляемая обходным путем, следовательно, она должна быть так же отвергнута, как и та. Здесь дело идет не о номинальной, а о действительно уплачиваемой заработной плате.

Мы видим, что при объективном анализе капиталистического механизма нельзя воспользоваться известными позорными пятнами, еще эстраординарно налипающими на него, как средством устранить георетические затруднения. Но большинство моих буржуазных критиков странным образом кричит о том, будто я, напр., в книге I „Капитала“ своим утверждением, что капиталист уплачивает действительную стоимость рабочей силы, — чего он большею частью не делает, — будто я учинил таким образом несправедливость по отношению к этим самым капиталистам! (Здесь можно с тем великодушием, какое приписывается мне, цитировать Шеффле.)

Итак, с 376 II v для упомянутой цели ничего нельзя сделать.

Но для 376 II m возникает, повидимому, еще более затруднений. Здесь имеют дело друг с другом только капиталисты одного и того же класса, которые продают друг другу и покупают одни у других производимые ими средства потребления. Деньги, необходимые для такого обмена, функционируют при этом только как средства обращения, и при нормальном ходе вещей должны возвращаться к участникам соответственно авансам последних на обращение и затем постоянно снова и снова проделывать один и тот же путь.

Извлекать эти деньги из обращения для образования потенциально дополнительного денежного капитала возможно, повидимому, только двумя способами. Или одна часть капиталистов II обманывает другую и совершает таким образом грабеж денег. Как мы знаем, для образования нового денежного капитала не требуется никакого предварительного увеличения средств обращения; для этого не требуется ничего иного, как чтобы деньги с известных сторон извлекались из обращения и накапливались в виде сокровища. То обстоятельство, что деньги могут быть украдены и потому образование дополнительного денежного капитала у одной части капиталистов II может соединяться с положительной потерей денег у другой части, — это несколько не относится к делу. Обманутой части капиталистов II пришлось бы вести несколько менее разгульную жизнь, только и всего.

Или же часть II m, заключающаяся в необходимых средствах существования, прямо превращается в новый переменный капитал в пределах подразделения II. Как это происходит, это мы исследуем в конце настоящей главы (под № IV).

1) Первый пример.

A) Схема простого воспроизводства.

$$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 4.000 c + 1.000 v + 1.000 m = 6.000 \\ \text{II. } 2.000 c + 500 v + 500 m = 3.000 \end{array} \right\} \text{Сумма} = 9.000.$$

В) Исходная схема накопления в расширенном масштабе.

$$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 4.000 \text{ с} + 1.000 \text{ v} + 1.000 \text{ m} = 6.000 \\ \text{II. } 1.500 \text{ с} + 750 \text{ v} + 750 \text{ m} = 3.000 \end{array} \right\} \text{Сумма} = 9.000$$

Предположив, что в схеме В накапливается половина прибавочной стоимости I, т.-е. 500, мы прежде всего получим, что $(1.000 \text{ v} + 500 \text{ m})$ I, или $1.500 \text{ I} (\text{v} + \text{m})$, должны быть возмещены посредством 1.500 II с; в I остается затем $4.000 \text{ с} + 500 \text{ m}$, из которых последние подлежат накоплению. Возмещение $(1.000 \text{ v} + 500 \text{ m})$ I посредством 1.500 II с представляет процесс простого воспроизводства и уже было объяснено при исследовании последнего.

Положим, что 400 из 500 I m должны превратиться в постоянный капитал, 100 — в переменный. Перемещение в пределах I подразделения этих 400 m, которые таким образом подлежат капитализации, уже рассматривалось нами; следовательно, эти 400 m без дальнейших рассуждений могут быть присоединены к I с, и тогда мы получим для I:

$$4.400 \text{ с} + 1.000 \text{ v} + 100 \text{ m} \text{ (которые должны быть обменены на } 100 \text{ v)}.$$

II в свою очередь покупает у I с целью накопления эти 100 I m (существующие в виде средств производства), которые образуют теперь дополнительный постоянный капитал II, между тем как 100 деньгами, уплаченные им за эти средства производства, превращаются в денежную форму дополнительного переменного капитала I. Тогда для I у нас имеется капитал в $4.400 \text{ с} + 1.100 \text{ v}$ (последние в виде денег) = 5.500.

II имеет теперь для постоянного капитала 1.600 с; для его обработки он должен прибавить еще 50 v деньгами на покупку новой рабочей силы, так что его переменный капитал возрастет с 750 до 800. Это расширение постоянного, как и переменного капитала II в общей сложности на 150 покрывается из его прибавочной стоимости; следовательно, из 750 II m только 600 m остаются в качестве потребительного фонда капиталистов II, годовой продукт которых распределяется теперь следующим образом:

$$\text{II. } 1.600 \text{ с} + 800 \text{ v} + 600 \text{ m} \text{ (потребительный фонд)} = 3.000.$$

150 m, произведенные в виде средств потребления и обмененные здесь на $(100 \text{ с} + 50 \text{ v})$ II, в своей натуральной форме целиком идут на потребление рабочих: 100 потребляются рабочими I (100 I v), а 50 — рабочими II (50 II v), как это показано выше. Во II, весь продукт которого изготавливается в необходимой для накопления форме, часть прибавочной стоимости, увеличенная на 100, должна быть вос-

произведена в виде необходимых средств потребления. Если действительно начинается воспроизводство в расширенных размерах, то эти 100 переменного денежного капитала I, пройдя через руки его рабочих, возвращаются ко II; напротив, II передает 100 m в виде товарного запаса I и в то же время передает 50 в виде товарного запаса своим собственным рабочим.

Размещение, измененное с целью накопления, представляется теперь в следующем виде:

$$\begin{array}{l} \text{I. } 4.400 \text{ с} + 1.100 \text{ v} + 500 \text{ фонд потребления} = 6.000. \\ \text{II. } 1.600 \text{ с} + 800 \text{ v} + 600 \text{ фонд потребления} = 3.000. \end{array}$$

$$\text{Сумма . . . } 9.000,$$

как и прежде.

При этом капитал составляют:

$$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 4.400 \text{ с} + 1.100 \text{ v (деньгами)} = 5.500 \\ \text{II. } 1.600 \text{ с} + 800 \text{ v (деньгами)} = 2.400 \end{array} \right\} = 7.900,$$

между тем как при начале производства было:

$$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 4.000 \text{ с} + 1.000 \text{ v} = 5.000 \\ \text{II. } 1.500 \text{ с} + 750 \text{ v} = 2.250 \end{array} \right\} 7.250.$$

Если действительное накопление происходит теперь на этой основе т.-е. если производство действительно ведется с таким увеличенным капиталом, то в конце следующего года мы получим:

$$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 4.400 \text{ с} + 1.100 \text{ v} + 1.100 \text{ m} = 6.600 \\ \text{II. } 1.600 \text{ с} + 800 \text{ v} + 800 \text{ m} = 3.200 \end{array} \right\} = 9.800.$$

Накопление в I будет теперь продолжаться в такой же пропорции; следовательно, 550 m будут израсходованы как доход, а 550 m будут накоплены. В таком случае прежде всего 1.100 I v будут возмещены посредством 1.100 II с; далее, еще должны быть реализованы 550 I m в товарах II равной стоимости, т.-е. в общем итоге 1.650 I (v + m). Но подлежащий возмещению постоянный капитал II составляет только 1.600, следовательно, остальные 50 должны быть пополнены из 800 II m. Если на время оставить в стороне деньги, то в результате такой сделки получится следующее:

I. 4.400 с + 550 m (которые подлежат капитализации); кроме того в потребительном фонде капиталистов и рабочих 1.650 (v + m), реализованные в товарах II с.

II. 1.650 с (в том числе 50, как сказано выше, добавлены из II m) + 800 v + 750 m (потребительный фонд капиталистов).

Но если в II между v и с сохраняется прежняя пропорция, то на 50 с придется затратить еще 25 v; их можно взять из 750 m; таким образом мы получим:

$$\text{II. } 1.650 \text{ с} + 825 \text{ v} + 725 \text{ m}.$$

В I капитализации подлежат 550 m; если сохраняется прежняя пропорция, то 440 из них составляют постоянный капитал и 110 переменный капитал. Эти 110 могут быть заимствованы из 725 m, т.е. средства потребления стоимостью в 110 будут потреблены рабочими I вместо капиталистов II; следовательно, последние будут вынуждены превратить в капитал эти 110 m, которых они не могут потребить. Таким образом из 725 II m остается 615 II m. Но если II таким образом превращает эти 110 в дополнительный постоянный капитал, то ему понадобится еще 55 дополнительного переменного капитала; их он должен будет взять опять таки из своей прибавочной стоимости если вычесть их из 615 II m, то для потребления капиталистов II останется 560; совершив все эти действительные и потенциальные перемещения, мы получим такую капитальную стоимость:

$$\begin{aligned} \text{I. } & (4.400 \text{ c} + 440 \text{ c}) + (1.100 \text{ v} + 110 \text{ v}) = 4.840 \text{ c} + 1.210 \text{ v} = 6.050 \\ \text{II. } & (1.600 \text{ c} + 50 \text{ c} + 110 \text{ c}) + (800 \text{ v} + 25 \text{ v} + 55 \text{ v}) = 1.760 \text{ c} + 880 \text{ v} = \underline{2.640} \\ & = 8.690. \end{aligned}$$

Для того, чтобы дело шло нормально, накопление во II должно совершаться быстрее, чем в I, так как часть I (v + m), которая должна быть обменена на товары II c, иначе возрастала бы быстрее, чем II c, на которую она только и может быть обменена.

Если воспроизводство на такой основе и при прочих равных условиях продолжается, то в конце следующего года мы получаем:

$$\left. \begin{aligned} \text{I. } & 4.840 \text{ c} + 1.210 \text{ v} + 1.210 \text{ m} = 7.260 \\ \text{II. } & 1.760 \text{ c} + 880 \text{ v} + 880 \text{ m} = 3.520 \end{aligned} \right\} = 10.880.$$

Прежде всего, при неизменяющейся норме распределения прибавочной стоимости в I предстоит израсходовать как доход 1.210 v и половину m = 605, итого 1.815. Этот фонд потребления опять на 55 больше, чем II c. Если эти 55 вычесть из 880 m, останется 825. Раз 55 II m превращаются в II c, это предполагает дальнейший вычет из II m для соответствующего переменного капитала = 27¹/₂; остается для потребления 797¹/₂ II m

Теперь предстоит в I капитализировать 605 m; из них 484 постоянного капитала и 121 переменного; последние должны быть вычтены из II m, который теперь = 797¹/₂; остается 676¹/₂ II m. Следовательно, II превращает в постоянный капитал еще 121 и нуждается для этого в новом переменном капитале = 60¹/₂; последний точно так же берется из 676¹/₂; остается для потребления 616

Тогда у нас будет капитала:

$$\begin{aligned} \text{I. } & \text{Постоянного } 4.840 + 484 = 5.324 \\ & \text{Переменного } 1.210 + 121 = 1.331. \end{aligned}$$

II. Постоянного $1.760 + 55 + 121 = 1.936$.

Переменного $880 + 37\frac{1}{2} + 60\frac{1}{2} = 968$.

Итого: $\left. \begin{array}{l} \text{I. } 5.324 \text{ с} + 1.331 \text{ в} = 6.655 \\ \text{II. } 1.936 \text{ с} + 968 \text{ в} = 2.904 \end{array} \right\} = 9.559,$

а в конце года мы будем иметь продукта:

$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 5.324 \text{ с} + 1.331 \text{ в} + 1.331 \text{ м} = 7.986 \\ \text{II. } 1.936 \text{ с} + 968 \text{ в} + 968 \text{ м} = 3.872 \end{array} \right\} = 11.858.$

Повторяя это вычисление и округляя дроби, мы в конце следующего года получим продукта:

$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 5.856 \text{ с} + 1.464 \text{ в} + 1.464 \text{ м} = 8.784 \\ \text{II. } 2.129 \text{ с} + 1.065 \text{ в} + 1.065 \text{ м} = 4.249 \end{array} \right\} = 13.033.$

А в конце следующего затем года:

$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 6.442 \text{ с} + 1.610 \text{ в} + 1.610 \text{ м} = 9.662 \\ \text{II. } 2.342 \text{ с} + 1.172 \text{ в} + 1.172 \text{ м} = 4.686 \end{array} \right\} = 14.348.$

В течение четырех лет воспроизводства в расширенных размерах: весь капитал I и II возрос с $5.400 \text{ с} + 1.750 \text{ в} = 7.150$ до $8.784 \text{ с} + 2.782 \text{ в} = 11.566$, следовательно, в отношении 100 : 160. Вся прибавочная стоимость первоначально была 1.750, теперь она составляет 2.782. Потребляемая прибавочная стоимость вначале была 500 для I и 535 для II, итого 1.035; в последний год она была 732 для I и 958 для II, итого 1.690. Она, следовательно, возросла в отношении 100 : 163.

2) Второй пример.

Возьмем теперь годовой продукт в 9.000, который целиком находится в руках класса промышленных капиталистов в виде товарного капитала, в форме, при которой общее среднее отношение переменного и постоянного капитала составляет 1 : 5. Это предполагает уже значительное развитие капиталистического производства и соответственное развитие производительной силы общественного труда; далее, это предполагает значительное, уже ранее совершившееся расширение масштаба производства; наконец, развитие всех условий, создающих относительное перенаселение в рабочем классе. Годовой продукт будет распределяться тогда, если округлить дроби, следующим образом:

$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 5.000 \text{ с} + 1.000 \text{ в} + 1.000 \text{ м} = 7.000 \\ \text{II. } 1.430 \text{ с} + 285 \text{ в} + 285 \text{ м} = 2.000 \end{array} \right\} = 9.000.$

Предположим теперь, что класс капиталистов I половину прибавочной стоимости = 500 потребляет, а другую половину накапливает. Тогда $(1.000 \text{ в} + 500 \text{ м}) \text{ I} = 1.500$ подлежали бы замещению посредством 1.500 II с. Но так как II с составляет в этом случае только 1.430,

то 70 должны быть добавлены из прибавочной стоимости; вычитая их из 285 II m, получаем в остатке 215 II m. Следовательно, мы имеем:

I. $5.000 c + 500 m$ (подлежащих капитализации) $+ 1.500 (v + m)$ в потребительном фонде капиталистов и рабочих.

II. $1.430 c + 70 m$ (подлежащих капитализации) $+ 285 v + 215 m$.

Так как при этом 70 II m прямо присоединяются к II c, то для того, чтобы привести в движение этот дополнительный постоянный капитал, требуется переменный капитал в $70/5 = 14$. эти 14 опять берутся из 215 II m; остается 201 II m, и мы имеем:

II. $(1.430 c + 70 c) + (285 v + 14 v) + 201 m$.

Обмен $1.500 I (v + 1/2 m)$ на $1.500 II c$ есть процесс простого воспроизводства, и о нем уже все сказано. Однако мы должны здесь отметить еще некоторые особенности, вытекающие из того, что при воспроизводстве, соединенном с накоплением, I $(v + 1/2 m)$ возмещается не одним II c, но II c плюс часть II m.

Само собой разумеется, что, раз предположено накопление, I $(v + m)$ больше II c, а не равно II c, как при простом воспроизводстве, потому что: 1) I включает часть своего прибавочного продукта в своей собственной производительный капитал и превращает $5/6$ этой части в постоянный капитал, следовательно, он не может в то же время возместить эти $5/6$ средствами потребления II; 2) I из своего прибавочного продукта должен доставить материал для постоянного капитала, необходимого в виду накопления в пределах II, — совершенно так же, как II должен доставить материал для переменного капитала, который должен привести в движение ту часть прибавочного продукта I, которую сам I применяет как прибавочный постоянный капитал. Мы знаем, что действительный переменный капитал, следовательно и добавочный, состоит из рабочей силы. С II имеют дело сами рабочие, а не капиталист I, которому пришлось бы в таком случае, как приходилось рабочему-владельцу, покупать у II необходимые средства существования про запас и беречь их для добавочной рабочей силы, которую предстоит применять в будущем. Но это не препятствует тому, что с точки зрения капиталиста средства потребления дополнительной рабочей силы представляют лишь средства производства и сохранения дополнительно нанимаемой рабочей силы, следовательно, натуральную форму его переменного капитала. Его собственная главная операция, в данном случае выполняемая I, состоит только в том, что он копит новый денежный капитал, необходимый для покупки дополнительной рабочей силы. Как только он присоединяет ее к своему капиталу, деньги становятся для этой рабочей силы средством покупки товаров II; следовательно, они должны найти соответствующие средства потребления.

Между прочим. Господин капиталист и его пресса часто бывают недовольны тем способом, как рабочая сила расходует свои деньги, и теми товарами II, в которых они реализуют эти деньги. Он философствует по этому поводу, болтает о культуре, разыгрывает филантропа, как это делает, напр., г. Друммонд, секретарь английского посольства в Вашингтоне. „The Nation“ (газета) в конце октября 1879 г. поместила интересную статью, в которой между прочим говорится: „В культурности рабочие отстали от прогресса изобретений; для них стало доступным множество предметов, употребление которых им неизвестно и для которых они, следовательно, не создают рынка“. [Каждый капиталист, конечно, желает, чтобы рабочий покупал его товар.] „Нет никакого основания для того, чтобы рабочий не желал жить с таким же комфортом, как священник, адвокат или врач, получающий столько же, сколько и он“. [Много же комфорта могут при желании позволить себе такого рода адвокаты, священники и врачи!] „Но он этого не делает. Вопрос все еще в том, каким образом рациональными и здоровыми мерами повысить его уровень как потребителя; это вопрос не легкий, потому что все его честолюбие не идет дальше сокращения рабочих часов, и демагоги скорее подстрекают его именно к этому, чем к улучшению его положения посредством совершенствования его умственных и моральных способностей“ (Reports of H. M-s Secretaries of Embassy and Legation on the Manufactures, Commerce etc. of the Countries in which they reside. London 1879, p. 404).

Длинный рабочий день, повидимому, составляет тайну рациональных и здоровых мер, которые должны поднять положение рабочего, совершенствуя его умственные и нравственные способности, и сделать его рациональным потребителем. Чтобы сделаться рациональным потребителем товаров капиталиста, рабочий должен начать—но этому мешает демагог!—с того, чтобы позволить своему собственному капиталисту потреблять его рабочую силу нерациональным и вредным для здоровья образом. Как понимает капиталист рациональное потребление, это обнаруживает truck-system, при которой снисходительность капиталиста доходит до того, что он прямо вмешивается в потребление своих рабочих, при чем одну из многочисленных разновидностей такой торговли составляет и отвод квартир для рабочих, так что капиталист является вместе с тем квартирохозяином своих рабочих.

Тот же самый прехраснодушный Друммонд, мечтающий о капиталистических попытках повышения уровня рабочего класса, в том же отчете рассказывает между прочим об образцовых бумагопрядильных фабриках Lowell and Lawrence Mills. Столовые и жилые помещения для фабричных девушек принадлежат акционерному обществу, которому принадлежат и самые фабрики; заведующие этими домами состоят

на службе того же общества, которое составляет для них инструкции; ни одна девушка не смеет возвращаться домой позже 10 часов вечера. Но вот перл: патрули специальной полиции общества в прилегающей местности наблюдают за тем, чтобы не нарушался этот домовый устав. После 10 часов вечера ни одна девушка не выпускается из дома и не впускается туда. Всякая девушка непременно должна жить на территории, принадлежащей обществу, которому каждый дом на этой территории приносит еженедельно около 10 долларов квартирной платы, и тут мы видим рациональных потребителей во всем блеске. „Так как во многих лучших домах для работниц имеется вездесущее пианино, то музыка, пение и танцы играют существенную роль по крайней мере для тех из них, которые после монотонной непрерывной десятичасовой работы за ткацким станком более нуждаются в перемене, чем в действительном отдыхе“ (р. 412). Но главный секрет того, как из рабочего сделать рационального потребителя, еще впереди. Господин Друммонд посетил ножевую фабрику Turners Falls (Connecticut River), при чем господин Окмэн, казначей акционерного общества, рассказав ему, что американские столовые ножи превосходят по качеству английские, продолжает: „Мы побьем Англию и ценами; мы уже теперь превосходим ее по качеству, это признано; но мы должны продавать по более низким ценам, и мы достигаем этого, поскольку получаем дешевле нашу сталь и понижаем плату за наш труд!“ (р. 427). Поличение заработной платы и длинный рабочий день—в этом вся суть рациональных и здоровых мер, которые должны возвести рабочего в ранг рационального потребителя, чтобы он создал рынок для массы предметов, которые сделала доступными для него культура и прогресс изобретений.

Следовательно, как I должен доставить из своего прибавочного продукта дополнительный постоянный капитал II, так II доставляет в этом смысле дополнительный переменный капитал для I. Поскольку дело идет о переменном капитале, II накапливает для I и для себя самого, воспроизводя большую часть всего своего продукта, следовательно, и своего прибавочного продукта в форме необходимых средств потребления.

При производстве на основе возрастающего капитала I ($v + m$) должно равняться II с плюс та часть прибавочного продукта, которая присоединяется к капиталу, плюс дополнительная часть постоянного капитала, необходимая для расширения производства во II; а минимум этого расширения должен быть такой, без которого неосуществимо действительное накопление, т.-е. действительное расширение производства в самом I.

Возвращаясь к последнему рассмотренному нами случаю, мы открываем в нем ту особенность, что II с меньше, чем I ($v + \frac{1}{2} m$), чем часть продукта I, расходуемая как доход на средства потребления, так что при обмене 1.500 I ($v + m$) реализуется и часть прибавочного продукта $II = 70$. Что касается $II c = 1.430$, то оно, чтобы могло совершиться простое воспроизводство в II, при прочих равных условиях на такую же стоимость должно быть возмещено из I ($v + m$), и постольку его нечего здесь рассматривать. Иначе обстоит дело с дополнительными 70 II m. То, что для I является простым возмещением дохода средствами потребления, простым товарным обменом в целях потребления, это для II является здесь не просто обратным превращением его постоянного капитала из формы товарного капитала в натуральную форму, как при простом воспроизводстве, а прямым процессом накопления, превращением части его прибавочного продукта из формы средств потребления в форму постоянного капитала. Если I на 70 £ деньгами (денежный резерв для превращения прибавочной стоимости) покупает эти 70 II m, а второй не покупает потом 70 I m, но накапливает эти 70 £ как денежный капитал, то в последнем, конечно, во всяком случае находит себе выражение дополнительный продукт (именно прибавочный продукт II, частью которого он является), однако не такой, который снова входит в производство; но в таком случае это накопление денег на стороне II в то же время выражало бы, что 70 I m в виде средств производства не могут быть проданы. Следовательно, в I произошло бы относительное перепроизводство, соответствующее одновременной невозможности расширения воспроизводства на стороне II.

Но независимо от этого, в продолжение того времени, пока эти 70 деньгами, вышедшие из рук I, еще не возвратились к нему или возвратились лишь частично посредством акта купли 70 I m со стороны II, 70 деньгами все целиком или частью фигурируют в руках II, как дополнительный потенциальный денежный капитал. Это относится ко всем обменам между I и II, пока взаимное возмещение товаров с обеих сторон не приведет к возвращению денег к их исходному пункту. Но при нормальном ходе дела деньги фигурируют здесь в этой роли лишь временно. При системе кредита, когда все деньги, дополнительно освободившиеся хотя на короткое время, тотчас должны функционировать активно, как дополнительный денежный капитал, такой лишь временно свободный денежный капитал может быть закреплен в деле, напр., может послужить для новых предприятий в I, тогда как он должен был бы реализовать залежавшийся добавочный продукт в других предприятиях. Далее, следует заметить, что присоединение 70 I m к постоянному капиталу II требует вместе с тем увели-

чения переменного капитала II на 14. Это предполагает, — подобно тому как в I при непосредственном присоединении прибавочного продукта I m к капиталу I с, — что воспроизводство во II уже совершается с тенденцией к дальнейшей капитализации, следовательно, что оно заключает в себе увеличение той части прибавочного продукта, которая состоит из необходимых средств существования.

Как мы видели, во втором примере продукт в 9.000 для того, чтобы 500 I m могли быть капитализированы, должен распределяться для целей воспроизводства следующим образом. При этом мы принимаем во внимание только товары и оставляем в стороне денежное обращение.

I. $5.000\ c + 500\ m$ (подлежащие капитализации) $+ 1.500\ (v + m)$ потребительного фонда = 7.000 в товарах.

II. $1.500\ c + 299\ v + 201\ m = 2.000$ в товарах. Общая сумма 9.000 в товарном продукте.

Капитализация совершается теперь следующим образом:

В I капитализирующееся 500 m распадается на $\frac{5}{6} = 417\ c + \frac{1}{6} = 83\ v$. Эти 83 v извлекают такую же сумму из II m, на которую покупаются элементы постоянного капитала и которая таким образом присоединяется к II с. Увеличение II с на 83 обуславливает увеличение II v на $\frac{1}{5}$ от 83 = 17. Итак, после обмена мы имеем:

I. $(5.000\ c + 417\ m)\ c + (1.000\ v + 83\ m)\ v = 5.417\ c + 1.083\ v = 6.500$

II. $(1.500\ c + 83\ m)\ c + (299\ v + 17\ m)\ v = 1.583\ c + 316\ v = 1.899$

Итого: 8.399

Капитал в I возрос с 6.000 до 6.500, следовательно, на $\frac{1}{12}$. Во II с 1.715 до 1.899, следовательно, почти на $\frac{1}{9}$.

На второй год воспроизводство на такой основе дает в конце года капитал:

I. $(5.417\ c + 452\ m)\ c + (1.083\ v + 90\ m)\ v = 5.869\ c + 1.173\ v = 7.042$

II. $(1.583\ c + 42\ m + 90\ m)\ c + (316\ v + 8\ m + 18\ m)\ v = 1.715\ c + 342\ v = 2.057$

а в конце третьего года получится продукта:

I. $5.869\ c + 1.173\ v + 1.173\ m$.

II. $1.715\ c + 342\ v + 342\ m$.

Если I накапливает при этом, как и ранее, половину прибавочной стоимости, то I $(v + \frac{1}{2} m)$ дает $1.173\ v + 587\ (\frac{1}{2} m) = 1.760$, следовательно, больше, чем все 1.715 II с, именно, больше на 45. Таким образом эту разницу опять приходится покрыть перенесением в II с средств производства на равную сумму. Итак, II с увеличивается на 45, что обуславливает прирост в II v на $\frac{1}{5} = 9$. Затем капитализирован-

ные 587 I m распределяются долями $\frac{5}{6}$ и $\frac{1}{6}$ на 489 с и 98 v; эти 98 обуславливают во II новое добавление 98 к постоянному капиталу, а это, в свою очередь, вызывает увеличение переменного капитала II на $\frac{1}{3} = 20$. Мы имеем тогда:

$$I. (5.869 \text{ с} + 489 \text{ m}) \text{ с} + (1.173 \text{ v} + 98 \text{ m}) \text{ v} = 6.358 \text{ с} + 1.271 \text{ v} = 7.629$$

$$II. (1.715 + 45 \text{ m} + 98 \text{ m}) \text{ с} + (342 \text{ v} + 9 \text{ m} + 20 \text{ m}) \text{ v} = 1.858 \text{ с} + 371 \text{ v} = 2.229$$

$$\text{Весь капитал} = 9.858$$

Следовательно, при растущем воспроизводстве весь капитал I в три года возрос с 6.000 до 7.629, капитал II с 1.715 до 2.229, весь общественный капитал с 7.715 до 9.858.

3) Возмещение II с при накоплении.

Итак, при обмене I (v + m) на II с возможны различные случаи.

При простом воспроизводстве обе эти величины должны быть равны и должны возмещать одна другую, так как в противном случае, как мы видели выше, простое воспроизводство не может совершаться беспрепятственно.

При накоплении необходимо обратить внимание прежде всего на норму накопления. До сих пор мы во всех случаях предполагали, что норма накопления в $I = \frac{1}{2} m$ I и что она в различные годы оставалась постоянной. Мы допускали только изменение пропорции, в которой этот накопленный капитал распадается на постоянный и переменный. При этом получилось три случая:

1) $I (v + \frac{1}{2} m) = II \text{ с}$, которое, следовательно, меньше, чем $I (v + m)$. Это всегда должно быть так, иначе I не накапливал бы.

2) $I (v + \frac{1}{2} m)$ больше II с. В этом случае возмещение достигается благодаря тому, что ко II с присоединяется соответствующая часть II m, так что сумма $= I (v + \frac{1}{2} m)$. Здесь возмещение для II — не простое воспроизводство его постоянного капитала, а уже накопление, увеличение его на часть прибавочного продукта, которую он обменивает на средства производства I; подобное увеличение в то же время предполагает, что II сверх того соответственно увеличивает свой переменный капитал, источником для чего ему служит его собственный прибавочный продукт.

3) $I (v + \frac{1}{2} m)$ меньше II с. В этом случае II не вполне воспроизводит свой постоянный капитал при помощи перемещения и потому должен возместить недочет посредством купли у I. Но это не вызывает дальнейшего накопления переменного капитала II, так как посредством такой операции целиком воспроизводится по величине стоимости только его постоянный капитал. С другой стороны, та часть

капиталистов I, которая накапливает лишь дополнительный денежный капитал, благодаря такому перемещению отчасти уже совершила накопление этого рода.

Предположение, допускаемое при простом воспроизводстве, именно, что $I (v + m) = II c$, не только несовместимо с капиталистическим производством,—это, впрочем, не исключает того, что в промышленном цикле в 10—11 лет все производство одного какого-нибудь года часто бывает меньше, чем в предыдущем году, так что по сравнению с предыдущим годом не происходит даже простого воспроизводства,—но, кроме того, при естественном годовом приросте населения простое воспроизводство могло бы происходить лишь постольку, поскольку соответственно большее количество непроизводительной прислуги принимало бы участие в потреблении тех 1.500, которые представляют всю прибавочную стоимость. Напротив, накопление капитала, т.-е. действительное капиталистическое производство, при этом было бы невозможно. Поэтому тот факт, что капиталистическое накопление совершается, исключает равенство $II c$ с $I (v + m)$. Однако даже при капиталистическом накоплении может случиться, что вследствие хода процесса накопления, совершившегося на протяжении целого ряда прежних периодов производства, $II c$ окажется не только равно, но и больше $I (v + m)$. Это было бы перепроизводство во II, которое может быть усранено только крупным крахом, вследствие чего капитал из II переместился бы в I.—Отношение $I (v + m)$ ко $II c$ несколько не изменяется, если часть постоянного капитала II воспроизводит сама себя, примером чему может служить употребление в земледелии семян собственного производства. При перемещении между I и II эту часть $II c$ также не приходится принимать в расчет, как и I c. Дело несколько не изменяется и в том случае, если часть продуктов II в свою очередь способна войти в I в качестве средств производства. Они покрываются частью средств производства, доставленных I-м, и эту часть надо заранее исключить на обеих сторонах, если мы хотим исследовать в чистом, незатемненном виде обмен между двумя крупными классами общественного производства, между производителями средств производства и производителями средств потребления.

Таким образом при капиталистическом производстве $I (v + m)$ не может быть равно $II c$, и оба они при обмене не могут покрывать одно другое. Напротив, если $I \frac{m}{x}$ является той частью I m, которая как доход расходуется капиталистами I то $I (v + \frac{m}{x})$ может быть

равно, больше или меньше Π с; но $I (v + \frac{m}{x})$ всегда должно быть меньше $\Pi (c + m)$, и при том меньше на часть Πm , которую класс капиталистов Π должен потреблять сам при всяких условиях.

Следует заметить, что при этом изображении накопления не точно изображена стоимость постоянного капитала, поскольку он составляет часть стоимости товарного капитала, в производстве которого этот постоянный капитал принимает участие. Основная часть вновь накопленного постоянного капитала входит в товарный капитал лишь постепенно и периодически, соответственно различной природе этих основных элементов; поэтому в тех случаях, когда сырой материал, полуфабрикат и т. д. массами входят в товарное производство, наибольшая часть этого товарного капитала составляется из возмещения оборотной постоянной составной части и переменного капитала. (Однако так можно было поступать в виду оборота оборотных составных частей; таким образом предполагается, что оборотная часть вместе с перешедшей на нее частью стоимости основного капитала обращается в течение года так часто, что вся сумма стоимости изготовленных товаров равна стоимости всего капитала, входящего в годовое производство). Но там, где для машинного производства входит не сырой материал, а только вспомогательные материалы, элемент труда, равный v , должен снова проявиться в товарном капитале, как его наибольшая составная часть. Тогда как при норме прибыли прибавочная стоимость исчисляется на весь капитал, независимо от того, много или мало стоимости периодически передают продукту основные составные части,—к стоимости каждого периодически производимого товарного капитала основную часть постоянного капитала необходимо причислять лишь настолько, насколько она вследствие среднего снашивания передает стоимость самому продукту.

IV. Дополнительные замечания.

Первоначальным источником денег для Π служат $v + m$ золотопромышленников I , обмениваемые на часть Π с; лишь поскольку золотопромышленник накапливает прибавочную стоимость или превращает ее в средства производства I , следовательно, расширяет свое производство, его $v + m$ не входит во Π ; с другой стороны, поскольку накопление денег самим золотопромышленником в конце концов ведет к расширенному воспроизводству, часть прибавочной стоимости золотопромышленника, расходуемая им не как доход, а на его дополнительный переменный капитал, входит в Π , способствует здесь новому образованию сокровищ или дает новое средство покупать у I без

повторной непосредственной продажи ему. Из денег, происходящих от этого I ($v + m$) золотопромышленности, часть уходит в известные отрасли производства II, которые нуждаются в нем как в сыром материале и т. п., короче, как в элементе, возмещающем постоянный капитал II. Элемент для предварительного образования сокровищ—в целях будущего расширения воспроизводства—оказывается при обмене между I и II в следующих случаях: для I только в том случае, если часть I m продается II-му односторонне, без последующей купли, и служит здесь для дополнительного постоянного капитала II; для II в том случае, если то же самое делает I для дополнительного переменного капитала; далее, в том случае, если часть прибавочной стоимости, израсходованной I-м в виде дохода, не покрывается посредством II c , так что на нее будет куплена и превращена таким образом в деньги часть II m . Если I ($v + \frac{m}{x}$) больше II c , то для простого воспроизводства II c не приходится возмещать товарами из I то, что I взял для потребления из II m . Спрашивается, в какой мере может происходить образование сокровищ в пределах обмена капиталистов II между собой, при чем этот обмен может быть только взаимным обменом II m . Мы знаем, что в пределах II непосредственное накопление происходит таким способом, что часть II m прямо превращается в переменный капитал (совершенно так же, как в I часть I m прямо превращается в постоянный капитал). При различной давности накопления в различных отраслях предприятий подразделения II и в предприятиях каждой отдельной отрасли по отношению к отдельным капиталистам дело объясняется, *mutatis mutandis*, совершенно так же, как в подразделении I. Одни находятся еще на стадии образования сокровищ, продают, не покупая; другие уже достигли пункта действительного расширения воспроизводства, покупают, не продавая. Конечно, сначала расходуется дополнительный переменный денежный капитал на дополнительную рабочую силу; но рабочие покупают средства существования у тех владельцев дополнительных средств существования, входящих в потребление рабочих, которые еще образуют сокровища. От этих владельцев деньги, соответственно образованию сокровища у каждого из них, не возвращаются к своему исходному пункту: они накапливаются ими.